

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА

В. В. ИВАНОВ

III

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ГРАММАТИКА
РУССКОГО
ЯЗЫКА

В.В.Мванов

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА

*Допущено
Министерством высшего и среднего специального
образования СССР в качестве учебника для студентов
филологических специальностей университетов
и педагогических институтов*

*Издание второе,
исправленное и дополненное*

МОСКВА
«ПРОСВЕЩЕНИЕ»
1983

ББК 81.2Р
И20

Рецензент
доктор филологических наук проф.
заведующий кафедрой русского языка
МГУ им. М. В. Ломоносова Горшкова К. В.

Иванов В. В.

И20 Историческая грамматика русского языка: Учеб. для студентов филол. спец. фак. ун-тов и пед. ин-тов. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Просвещение, 1983. — 399 с., ил.

В учебнике, являющемся основным пособием по исторической грамматике русского языка, излагаются сведения по всем темам программы.

Во втором издании автор пересмотрел освещение вопросов исторической фонологии, углубил изложение этих проблем, дополнил материалы по исторической морфологии и историческому синтаксису, расширил обзор истории изучения исторической грамматики русского языка. Кроме того, автор несколько перестроил композицию учебника.

4309020100 — 608

И — БЗ-15-59-83
103(03) — 83

ББК 81.2Р
4Р

© Издательство «Просвещение», 1983 г.,
2-е изд., перераб. и доп.

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Настоящая книга является учебником по курсу исторической грамматики русского языка для студентов филологических факультетов педагогических институтов и государственных университетов. В ней излагаются основные вопросы исторической фонетики, исторической морфологии и отчасти исторического синтаксиса русского языка¹. Учебник построен в соответствии с действующей в вузах программой курса исторической грамматики, и потому в нем нашли отражение все те вопросы, которые ставятся в этой программе в качестве обязательных при изучении данного курса.

Основное внимание в книге уделяется фактам, связанным с развитием русского (великорусского) языка, однако они могут быть поняты лишь в том случае, если ясны пути развития древнерусского (т. е. общевосточнославянского) языка. Именно поэтому в учебнике подробно освещаются и древнерусские языковые явления, а вместе с тем по мере необходимости и процессы общеславянского характера, важные для понимания исторических путей развития русского языка.

Кроме того, специальное внимание уделяется историческому комментированию явлений современной русской языковой системы (прежде всего — системы русского литературного языка, а также отчасти и местных диалектов), что необходимо для каждого учителя русского языка в средней школе.

Вместе с тем данный учебник имеет и ряд специфических особенностей, которые надо иметь в виду при ознакомлении с ним.

Во-первых, в связи с тем, что курс исторической грамматики изучается студентами после курсов введения в языкознание, старославянского языка и русской диалектологии, а также отчасти и после курса современного русского языка (во всяком случае — после изучения фонетики этого языка), — в связи

¹ Вопросы исторического синтаксиса излагаются менее полно, чем вопросы исторической фонетики и морфологии потому, что в настоящее время эта область исторической грамматики еще недостаточно разработана. Недостаточность ее разработки выражается прежде всего в том, что здесь пока остаются неясными основные процессы развития языковой системы.

с этим в настоящей книге не затрагиваются совсем или затрагиваются лишь в самой необходимой степени вопросы, которые являются предметом специального изучения в указанных курсах.

При этом особо надо сказать о следующем. При рассмотрении проблем исторической фонетики и исторической морфологии нельзя не обращаться к вопросам истории старославянского и, далее, праславянского языка. Однако излагать вопросы истории этих языков подробно в данной книге нет возможности не только потому, что это заняло бы слишком много места, но и потому, что это привело бы к повторению курса старославянского языка. Исходя из этого, автор настоящей книги счел возможным ограничиться лишь самыми необходимыми сведениями по истории фонетической и морфологической системы праславянского и старославянского языков, теми сведениями, которые позволяют не только понять, как сложились характерные особенности древнерусского языка, но и увидеть черты отличия этого языка от старославянского.

Есть и еще одна особенность этой книги. Несмотря на то что она, как учебник, предназначенный для студентов филологических факультетов пединститутов и университетов, написана в соответствии с программой курса исторической грамматики, изучаемого в вузах, — несмотря на это, в ней не могли не сказаться научные интересы автора. Внимательный читатель легко может убедиться в том, что есть разница в освещении в данной книге проблем исторической фонетики, с одной стороны, и проблем исторической морфологии и особенно исторического синтаксиса — с другой. Разница эта заключается в том, что рассмотрение последних проблем не выходит за рамки требований программы, тогда как проблемы исторической фонетики освещаются в книге несколько в ином плане, чем они поставлены в этой программе. Конечно, в этом различии играют роль научные интересы автора, сосредоточенные прежде всего в области изучения истории фонетической системы русского языка; однако здесь играет роль и само состояние науки об истории русского фонетического, морфологического и синтаксического строя. Об этом состоянии науки и в связи с этим о возможностях построения истории системы различных сторон русского языка подробно говорится в соответствующих разделах книги, однако можно коротко суммировать все это в одном основном положении. В настоящее время историческая фонетика русского языка уже достигла того уровня развития, когда возможно рассмотрение истории не только тех или иных явлений, но и истории целостной системы языка на разных периодах ее развития; вместе с тем в исторической морфологии и особенно в историческом синтаксисе проблемы истории системы пока что остаются невыясненными. Поэтому историческая грамматика русского языка в этих своих областях в настоящее время все еще ограничивается рассмотрением истории отдельных явлений, отдельных грамматических категорий на всех доступных для изучения этапах их исторического развития.

Все эти обстоятельства и определяют специфику построения настоящей книги. Если проблемы исторической морфологии и исторического синтаксиса в ней рассматриваются в общем в традиционном плане, т. е. как проблемы истории отдельных явлений или отдельных категорий, то в отношении исторической фонетики дело обстоит по-иному. В книге сделана попытка показать не только развитие отдельных явлений, но и раскрыть системные отношения в фонетическом строе древнерусского языка, установить основные этапы развития его фонетиче-

ской с и с т е м ы. Это обстоятельство привело к тому, что изложение проблем исторической фонетики в определенном отношении усложнилось.

В основу книги положены лекции по исторической грамматике русского языка, читанные автором в течение ряда лет на филологическом факультете Московского университета.

1964 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Первое издание этой книги, вышедшее в 1964 г., получило в целом положительные отзывы. Одновременно в рецензиях¹ в большей или меньшей степени были высказаны критические замечания и пожелания, которые должны были помочь автору улучшить учебник.

Готовя второе издание книги, автор учел многие из высказанных замечаний и подверг некоторые разделы учебника коренной переработке. Особенно значительно переделан раздел исторической фонетики, где не только учтены замечания рецензентов, но и введены новые материалы по диахронической фонологии русского языка.

За время, прошедшее после выхода в свет первого издания учебника, автор пересмотрел ряд основных положений истории фонологической системы русского языка и обобщил результаты своих наблюдений и выводов в специальной книге «Историческая фонология русского языка» (М., 1968), посвященной проблемам русской диахронической фонологии X—XII вв. и отчасти более позднего времени в истории русского языка. Концепция истории развития русской фонологической системы, изложенная в указанной книге, не является общепринятой, но имеет право на существование, как и любая другая концепция, не противоречиво представляющая историю фонологических отношений на разных этапах развития русского языка. Именно поэтому автор не только пересмотрел и уточнил освещение вопросов русской исторической фонологии в учебнике для вузов «Историческая грамматика русского языка», но и счел возможным расширить и углубить изложение этих проблем, чтобы в доступном для студентов виде представить развитие русской фонологической системы во всех основных, определяющих ее звеньях. Конечно, такое расширение и углубление изложения достаточно сложных проблем диахронической фонологии в определенной степени затрудняет чтение учебника и понимание процессов исторического развития фонологической системы, однако без этого не в о з м о ж н о достичь нужных результатов в изучении всей истории других сторон русской языковой структуры. Поэтому неизмеримо возрастает роль преподавателя, который должен помочь студентам овладеть необходимым материалом, изложенным в учебнике.

Остальные разделы книги также подверглись переработке при подготовке учебника к переизданию, однако эта переработка носит несколько иной характер: в связи с тем что за прошедшие годы вышел в свет целый ряд исследований

¹ См. рецензии Г. А. Хабургаева («Русский язык в школе», 1965, № 2), А. Иорданского («Филологические науки», 1965, № 3), В. Блажека («Češkoslovenska rusistika», Praha, 1966, roč. II).

в области исторической морфологии и исторического синтаксиса русского языка, автор счел необходимым уточнить некоторые положения, недостаточно или неполно развитые в первом издании, и расширить круг вопросов, рассматриваемых в учебнике. Специальной оговорки заслуживает то обстоятельство, что в 1982 г. Институт русского языка АН СССР выпустил (под ред. Р. И. Аванесова и В. В. Иванова) книгу «Историческая грамматика русского языка. Историческая морфология. Глагол», в которой автору настоящего учебника принадлежит раздел «История временных форм глагола». В этой книге несколько иначе по сравнению с традицией представлена классификация глаголов древнерусского языка, история категории глагольного вида, история причастия и некоторые другие явления. К сожалению, когда академическая «Историческая морфология» вышла в свет, данный учебник уже находился в производстве, и поэтому внести какие-либо коррективы в его текст не представлялось возможности. Однако в то же время следует сказать, что, если бы такая возможность и была, внесение изменений в текст учебника в соответствии с идеями, выдвинутыми в новой книге, в настоящее время едва ли может быть признано целесообразным: новые положения науки должны прежде укрепиться и только позже быть представлены как положения, подлежащие изучению в вузовском курсе истории русского языка. Именно поэтому в разделе данного учебника, посвященном истории глагола, новые идеи, выдвинутые в академической «Исторической морфологии», не нашли в целом своего отражения. В новом издании настоящего учебника расширен обзор истории изучения исторической грамматики русского языка, но вместе с тем определенные разделы книги подверглись и сокращению (особенно в главе «Исторический синтаксис»).

Книга существенно перестроена и композиционно, что улучшило, как представляется, ее общую структуру. Читатель сразу заметит это, если сравнит первое издание со вторым.

Наконец, автор отказался от вынесения библиографии в конец учебника и распределил необходимую и дополнительную литературу по главам и разделам книги. Это позволит читателю, заинтересовавшемуся тем или иным вопросом, быстрее сориентироваться и найти необходимые, более подробные сведения в указанной при каждой главе или разделе научной литературе.

Автор пользуется случаем выразить свою признательность рецензентам первого издания «Исторической грамматики русского языка» и надеется, что он правильно понял и учел основные их пожелания.

В то же время автор сознает, что и во втором издании книги можно обнаружить недостатки и недоработки, и заранее выражает благодарность всем, кто укажет на них.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ В НАЗВАНИЯХ ЯЗЫКОВ

белорусск. — белорусский

болг. — болгарский

герм. — германский

греч. — греческий

готск. — готский

др.-иранск. — древнеиранский

др.-польск. — древнепольский

др.-русс. — древнерусский

др.-сербск. — древнесербский

др.-сканд. — древнескандинавский

и.-е. — индоевропейский

лат. — латинский

лит. — литовский

нем. — немецкий

о.-и.-е. — общиндоевропейский

о.-слав. — общеславянский

польск. — польский

русс. — русский

санскр. — санскрит

с.-в.-р. — северновеликорусский

сербск. — сербский

сербско-хорв. — сербскохорватский

ср.-в.-лат. — средневерхнелатинский

ср.-в.-р. — средневеликорусский

ст.-слав. — старославянский

укр. — украинский

финск. — финский

чешск. — чешский

эст. — эстонский

ю.-в.-р. — южновеликорусский

УСЛОВНЫЕ ЗНАЧКИ

˘ [ǫ, ǫ̃] — краткость звука

— [ū, ā] — долгота звука

˘ [u, i] — неслоговой звук

◌ [r, l] — слоговой звук

[ǣ] — гласный переднего образования

* — обозначение формы или слова, условно восстанавливаемых для дописьменной эпохи

В учебнике принята следующая транскрипция примеров: общиндоевропейские и праславянские гипотетически восстанавливаемые формы, а также дописменные древнерусские даются в написании латиницей. Точно так же передаются примеры из санскрита и частично греческого языка. Старославянские примеры приводятся в написании кириллицей; древнерусские даются русским шрифтом с добавлением при необходимости тех кириллических букв, которых нет теперь в русском алфавите.

*Миниатюра из Остромирова евангелия
1056 — 1057 гг.*

Введение

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА КАК РАЗДЕЛ НАУКИ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА, ЕЕ ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ

§ 1. Историческая грамматика русского языка — это наука о развитии данного языка, о развитии его фонетической, морфологической и синтаксической систем по их внутренним законам; это наука, которая объясняет, как на протяжении длительного периода изменялись звуки и формы русского языка, его синтаксические конструкции, как вместе с тем изменялся и его лексический состав. Все эти процессы привели в конце концов к изменению системы русского языка, вследствие которого она качественно отличается к настоящему времени от той системы, какую мы застаем зафиксированной в самых ранних памятниках русской письменности и какую, тем более, можем предположить для еще более раннего периода — для дописьменной эпохи.

Определение исторической грамматики русского языка как науки о развитии его фонетической, морфологической и синтаксической сторон показывает, что название «историческая грамматика» не вполне соответствует содержанию, вкладываемому в него, ибо по существу речь идет об истории русского языка на протяжении длительных эпох его развития, причем об истории ж и в о г о языка во всем многообразии его диалектов.

§ 2. Как известно, языки все время изменяются и развиваются. Несмотря на то что изменения языка не всегда видимы «невооруженным глазом», все же можно довольно легко установить (достаточно только научно подойти к языку), что на протяжении эпох язык, в частности русский, движется по пути постоянных изменений в его фонетической, морфологической, синтаксической и лексической системах. В связи с этим возможно изучение путей развития языка, закономерностей этого развития, законов внутреннего раз-

вития языка. Все это необходимо прежде всего потому, что без этих знаний невозможно понять особенности современного русского языка как в литературной, так и в диалектных его формах. Преподаватель русского языка в школе часто сталкивается при рассмотрении фактов современного языка с явлениями, объяснение которых не может быть дано на основе сегодняшнего состояния языка, а лежит в истории, в прошлых эпохах развития этого языка. Таких фактов, когда современные явления могут быть объяснены только с точки зрения истории языка, можно привести очень много. Например, рассматривая явления современной русской языковой системы, можно столкнуться с такими вопросами:

Почему при одинаковом написании буквы *е* и одинаковом произношении звука [e] в словах *несу* и в *лесу* в положении под ударением в первом случае произносится [’o] — [н’ос], а во втором [e] сохраняется — [л’ес]?

Почему некоторые слова, внешне одинаковые и исторически восходящие к словам с одним типом сочетаний, теперь произносятся по-разному: с одной стороны, [п’ёрвый], [в’ерх], [з’ёркало], а с другой — [тв’ёрдый], [ч’ёрный], [м’ёртвый]?

Почему слова *калач* или *расти*, явно связанные с *коло*, *колесо* и *рост*, пишутся с *а*, а не с *о*?

Почему в корнях слов *земля* и *земной*, *куплю* и *купить* наблюдается чередование [мл’], [пл’] с [м], [п], а в корнях слов *мять* — *мну* — *разминать*, *жать* — *жму* — *пожимать* — чередование [а] с [н], [м] или [ин], [им]?

Почему в слове *свисток* — *свистка* есть чередование [o] с „нулем“ звука, а в *восток* — *востока* этого чередования нет?

Чем объяснить наличие в современном языке форм *воочию*, явно связанной с *око* — *очи*, *поделом*, связанной с *дело*, и как они возникли? Что такое *двою* или *трою* в *двояродный*, *троюродный*?

Чем объяснить, что в современном русском языке глаголы в настоящем времени спрягаются по лицам, но не изменяются по родам, а в прошедшем изменяются по родам, но не спрягаются по лицам?

Почему качественные прилагательные имеют степени сравнения и краткие формы, а относительные не имеют ни того, ни другого?

Какие связи существовали исторически между такими словами, как *кудесник* и *чудеса*, *подошва* и *почва*, где они теперь еще ощущаются, хотя и очень слабо? Как исторически связаны между собой, например, слова *время* и *веретено*, *племя* и *плод*, *говор* и *жук*, *цена* и *каяться*, где никаких связей теперь уже совсем нет?

На все эти вопросы можно получить ответ только в истории русского языка. Зная исторические процессы развития русской фонетической и морфологической систем, можно установить, какие причины способствовали возникновению или сохранению тех или иных фактов в современном русском языке.

Вместе с тем известно, что отдельные стороны языка развиваются неравномерно. Неравномерность развития фонетической си-

стемы, грамматического строя и словарного состава языка определяется тем, что внутренние законы развития языка по-разному проявляются в отдельных его частях. Исходя из анализа „материи языка“, изучая ее развитие, надо стремиться познать и раскрыть внутренние законы развития русского языка.

СВЯЗЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА С ДРУГИМИ НАУКАМИ

§ 3. Историческая грамматика русского языка тесно связана с наукой о старославянском языке и с русской диалектологией, а потому явления в истории русского языка могут быть осмыслены лишь при условии учета фактов, которые известны в старославянском языке и в русских диалектах.

Изучение старославянского языка как языка, в котором впервые письменно была закреплена славянская речь и который поэтому отражает славянские звуки и формы в их древнейшем состоянии, поможет понять факты истории русского языка при их сравнении с фактами старославянского языка, ибо древнерусский и старославянский языки были близки по фонетической структуре, морфологическому строю и лексическому составу; оба эти языка, как и другие славянские языки, восходят к одному праславянскому языку.

Русская диалектология может помочь при изучении исторической грамматики потому, что диалекты русского языка зачастую сохраняют в своей структуре те слова и формы, которые уже утрачены литературным языком, а, кроме того, ряд процессов в говорах получает такое закономерное развитие, которое отсутствует в литературном языке, где изменение отдельных явлений зачастую задерживается или идет иными путями, чем в диалектах (см., например, ниже явление изменения [e] в [’o]). Поэтому изучение современных диалектов в ряде случаев дает возможность понять исторические пути развития русского языка.

Вместе с тем известно, что история языка может быть понята лишь тогда, когда она изучается в связи с историей народа — творца и носителя данного языка. Это значит, что при изучении исторической грамматики русского языка необходимо хорошо представлять себе историю русского народа и, шире, историю восточнославянских (русского, украинского и белорусского) народов; необходимо знать основные процессы складывания трех восточнославянских народов и их языков и исторические события, связанные с этими процессами.

Кроме того, известно, что связь истории языка с историей народа наиболее непосредственно проявляется в лингвогеографическом плане, т. е. тогда, когда речь идет о распространении определенного языкового явления с территории его возникновения на иные территории, занимаемые данным языком (см., например, ниже историю развития аканья в русском языке). Во всем этом можно

видеть связь исторической грамматики русского языка с наукой об истории русского народа.

§ 4. В связи с тем что история развития русского языка рассматривается на протяжении многих эпох, для понимания ее необходимо привлечение данных истории других, в первую очередь родственных, языков. Говоря иными словами, историческое развитие структуры русского языка может быть вскрыто лишь при помощи сравнительно-исторического метода изучения языков. Сравнительно-исторический метод, изучая явления в родственных языках, т. е. в языках, обнаруживающих близкое материальное родство (общность корней, аффиксов и т. д.), приходит к определенным выводам о развитии тех или иных элементов структуры языка. Таким образом, историческая грамматика русского языка тесно связана со сравнительно-исторической грамматикой прежде всего славянских и, шире, индоевропейских языков, а также со сравнительно-исторической грамматикой иных, не индоевропейских языков.

Сравнивая факты памятников и диалектов русского языка с фактами истории других славянских языков, можно достаточно достоверно решать вопросы истории русского языка. Так, например, сравнение памятников русского языка с памятниками старославянского глаголического и кириллического письма, а также с памятниками и современным польским языком дало возможность установить звуковое значение букв ж и ѡ в старославянских и русских памятниках, а сравнение с языками других систем (например, с финскими) дало возможность установить реальность наличия в определенные эпохи носовых гласных в русском языке. (Ср. ст.-слав. *кѡдѣль*, русск. *кудель* и финское заимствование из древнерусского *kuontalo* — „пенька“, где сочетание [on] соответствует ст.-слав. и др.-русск. [q] и соврем. русск. [y]¹.) Таким образом, сравнение фактов родственных языков, а также языков других систем, развивавшихся в соседстве с русским, дает возможность восстановить и объяснить те моменты, те явления в истории русского языка, которые трудно восстановить и объяснить, если обращаться лишь к фактам, имеющимся в древнерусских памятниках и в современных русских говорах.

§ 5. Вместе с тем надо провести грань между исторической грамматикой и историей русского литературного языка. Историческая грамматика — это наука о развитии фонетической системы и грамматической структуры данного языка в его диалектах за все доступное для изучения время. Важно то, что историческая грамматика изучает общенародный язык вне связи с определенной стилистической организацией речи, в его обычном, иначе говоря, устном оформлении. С этой точки зрения вопросы о литературном языке в разные периоды его истории, о его отношении к общена-

¹ См. подробнее ниже, § 79

родному языку, об использовании языка в разных стилях речи, главным образом в письменном ее оформлении, отходят к истории русского литературного языка.

О ПОНЯТИИ „РУССКИЙ ЯЗЫК“

§ 6. Следует сделать еще одно замечание о понятии „русский язык“ в его историческом развитии.

Возникновению русского языка в современном его понимании предшествовал многовековой период не только истории общевосточнославянского, или древнерусского, языка — языка, общего для предков современных русских, украинцев и белорусов, но и истории праславянского языка — языка, общего для предков всех славян¹. В системе современного русского языка есть такие явления, которые характерны ныне для всех славянских языков и которые в своем возникновении относятся к эпохе существования праславянского языка или, по крайней мере, к периоду самого начала его распада.

После того как праславянский язык распался на три славянские языковые группы — восточную, южную и западную, начался период существования древнерусского языка, который оставил в наследство русскому языку целый ряд явлений, общих ныне для русских, украинцев и белорусов.

Наконец, распад общевосточнославянского языка на три самостоятельных положил начало существованию русского языка в современном его понимании, т. е. как языка, отличающегося от украинского и белорусского. Это произошло в XIV в., когда в Ростово-Суздальской Руси сложилась великорусская народность, а на юго-западе и западе несколько позже — украинская и белорусская народности.

Если подойти к этому вопросу с другой стороны, то можно сказать, что, рассматривая историю русского языка, в ней можно выделить две основные эпохи: эпоху дописьменную и эпоху историческую. Дописьменная эпоха — это тот многовековой период истории русского языка, который восстанавливается на основе сравнительно-исторического изучения славянских и индоевропейских языков, а не на основе данных памятников письменности, которых от той эпохи не сохранилось. Наоборот, историческая эпоха — это тот период истории русского языка, который может быть прослежен по памятникам, т. е. это тот период, когда языковые явления получили отражение в памятниках письменности и являются зафиксированными в них фактами.

Впрочем, следует иметь в виду, что разграничение этих двух

¹ В дальнейшем изложении термины „древнерусский язык“, „общевосточнославянский язык“ и „восточнославянский язык-основа“ употребляются как равнозначные. Точно так же равнозначны между собой в употреблении термины „праславянский язык“ и „общеславянский язык-основа“.

эпох в истории русского языка не связано с тем, что на их рубеже в системе этого языка произошли какие-либо коренные изменения: такие изменения скорее можно обнаружить внутри каждой из намеченных эпох. Разграничение же их объясняется тем, что с появлением памятников письменности в руках исследователей оказывается новый источник сведений по истории русского языка, причем такой, который дает возможность устанавливать не только относительную, но в ряде случаев и абсолютную хронологию явлений¹.

Конечно, развитие языка и в исторический период не может быть понято без привлечения сравнительно-исторического материала, однако к таким данным здесь прибавляются и те факты, которые могут быть извлечены из памятников.

Историческая эпоха для русского языка начинается с X—XI вв., со времени появления первых письменных памятников восточных славян. Дописьменный же период охватывает в общем время с момента выделения славян из общиндоевропейского единства. Таким образом, мы вновь подходим к тому, что история русского языка, по сути дела, начинается с эпохи праславянского языка, выделившегося из общиндоевропейского языка-основы.

Хронологически выделение славян из общиндоевропейского единства не может быть определено точно, но, возможно, оно относится приблизительно к началу III тысячелетия до н. э.; распад праславянского языка — к V—VI вв. н. э.; начальный же период образования современных отдельных восточнославянских языков, как уже говорилось, — лишь к XIV—XV вв.

Отсюда вновь становится ясным, что, по существу, история русского (т. е. великорусского) языка начинается если не с XIV, то по крайней мере с XII—XIII вв., когда в древнерусском языке наметились явления, отличающие диалекты предков великорусов, украинцев и белорусов друг от друга. Более же ранние периоды относятся к истории общевосточнославянского и праславянского языков. Однако в силу того, что многие явления современного русского языка нельзя понять, не учитывая явлений, возникших в праславянском и древнерусском языках, историю русского языка начинают рассматривать с периода начала существования общевосточнославянского языка, учитывая при этом, что ряд явлений был унаследован этим языком из праславянского. Иначе говоря, за «точку отсчета», за исходную систему в истории русского языка принимается система древнерусского (общевосточнославянского) языка конца X — начала XI в.

¹ Относительная хронология позволяет установить, какое явление в языке развилось раньше, какое — позже по отношению к иным явлениям, но не позволяет установить более или менее точную дату появления или исчезновения данного явления, что возможно сделать лишь при определении абсолютной хронологии. Последняя же может быть установлена, как правило, при условии зафиксированности какого-либо факта в письменности, хотя, конечно, при этом должна учитываться и сила влияния традиции в письменности.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Основными источниками при изучении истории русского языка являются его древние письменные памятники, современные диалекты и литературный язык, а также данные топонимики, различные факты заимствований в русский язык из других родственных и неродственных языков и заимствований из русского языка в иные языки. Целый ряд важных сведений по истории русского языка дает сравнительно-историческое изучение современных славянских и, шире, индоевропейских языков. Все эти источники имеют важное значение при изучении истории тех или иных явлений русского языка, хотя значение этих источников, конечно, не может оцениваться равнозначно при решении разных вопросов истории языкового развития.

§ 7. Наиболее значительный материал для изучения истории развития русского языка содержат письменные памятники и современные русские диалекты. Русские ученые по-разному определяли ценность этих двух источников: если А. И. Соболевский считал более важным изучение письменных памятников, то А. А. Шахматов, наоборот, писал, что только живые народные говоры дают основной материал для изучения истории русского языка. Как видно, истина заключается в соединении обоих источников, ибо только сравнительное изучение данных памятников письменности и данных народных говоров (при привлечении, конечно, и фактов родственных языков) дает возможность более или менее точно вскрыть историю развития структуры русского языка. Именно такое сравнительное изучение памятников и диалектов позволило науке об истории русского языка реконструировать основные пути развития его фонетики и морфологии.

П р и м е ч а н и е.

Русский язык прошел длительный, многовековой путь развития. История русского языка — это история развития его местных диалектов и литературно обработанной формы. Нетрудно понять, что все местные диалекты проходят принципиально один и тот же путь развития; однако спецификой этого процесса является то, что отдельные диалекты проходят этот путь неравномерно. Поэтому в силу исторических условий, способствовавших в определенный период времени обособлению диалектов, различные местные разновидности языка могут сохранять на более долгий период некоторые явления, ранее уже утраченные иными диалектами. Изучение структуры современных русских говоров и позволяет зачастую вскрыть в ней исторические явления прошлых эпох.

Однако данные современных местных диалектов как источника при изучении истории русского языка обязательно должны быть дополнены данными, извлеченными из второго источника — письменных памятников прошлого. Соединение изучения современных диалектов с изучением соответствующих

письменных памятников позволяет сделать целый ряд заключений о развитии тех или иных явлений в истории русского языка.

Так, например, в ряде русских говоров в положении под ударением произносится особый звук [ě] или дифтонг [иѐ], на месте которого в литературном русском языке звучит [е], не изменяющееся в [’о] (ср. диалектное [л’ѐс] — [л’иѐс], литературное [л’ес] при, например, [н’есу] — [н’ос]). При сравнении этих явлений с тем, что в памятниках письменности на месте такого [ě] пишется буква ѣ, мы получаем возможность, во-первых, установить приблизительный характер звучания древнерусского [ě] (ѣ) — как [ě] или [иѐ]; во-вторых, утверждать, что те говоры, в которых сохраняется особый звук [ě], отражают более древнюю ступень в развитии этого звука, чем литературный русский язык; в-третьих, установить, что в литературном русском языке звук [е], который вообще может восходить по происхождению к исконному [е] (например, [н’есу́], [женá]), к редуцированному [ь] (например, [д’ен’] из [дънь]) или, наконец, к [ě] ([л’ес] из [л’ѣс]), в зависимости от происхождения имеет различную судьбу в положении под ударением перед твердым согласным: [е] из [е] и [ь] в этом положении изменяется в [’о]: [н’ос], [жон], [п’ос] (из [псь]), [л’он] (из [лънь]), а [е] из [ě] остается без такого изменения: [л’ес], [б’ѣлый], [д’ѣло], [с’ѣно], [с’н’ѣк].

Или, например, факт сохранения в говорах формы им. пад. ед. ч. *свекры* (в литературном *свекровь*) при сравнении его с тем, что и в памятниках древнерусской письменности широко известна эта форма, дает возможность утверждать, что в далеком прошлом она была живой в русском языке и что те говоры, которые ее сохранили, отражают более древнюю ступень в развитии этого явления, чем литературный язык, в котором вместо древнерусской формы им. пад. употребляется теперь исконная форма вин. пад. ед. ч.

Таких фактов можно привести очень много. И все они вполне подтверждают ту общепринятую точку зрения на значение изучения местных диалектов, о которой говорилось выше.

§ 8. Историческая грамматика привлекает памятники письменности с целью извлечения из них данных об истории живого русского языка прошлых эпох, т. е. прежде всего данных об истории звуков и форм этого языка, о том, как они произносились или употреблялись в тот или иной период. При этом исследователь имеет здесь дело не с живым говором, который можно услышать, а с графикой и орфографией памятника письменности, всегда в большей или меньшей мере искусственной, т. е. не отражающей прямо и непосредственно живое произношение. Если в своем возникновении письменность имела целью зафиксировать живое произношение носителей языка и поэтому была достаточно близка к непосредственной записи живой речи, то по мере развития языка, по мере его изменения письменность отставала от этого развития, будучи консервативной в изменении своих норм. Именно поэтому древнерусская письменность уже самых ранних памятников достаточно далеко отставала от живого произношения, причем в дальнейшей истории языка этот разрыв не сокращался, а, наоборот, увеличивался

(ср., например, современное акающее произношение литературного языка и отсутствие его отражения в орфографии). Все эти обстоятельства приводят к определенным трудностям при изучении истории живого языка по данным памятников письменности. Так, например, при сохранении буквы в письменности может уже отсутствовать соответствующий звук в произношении (ср. ниже историю носовых гласных в русском языке и судьбу ж и ѡ) или, наоборот, новое фонетическое явление может появиться в языке, но в письменности еще долго не получает отражения (ср. ниже историю аканья в русском языке). Может наблюдаться и такой факт, когда для обозначения одного и того же звука может употребляться несколько букв (ср., например, варианты ѡ и о для обозначения звука [o] или варианты оу и ѹ для обозначения звука [y]). Все это характеризует специфику изучения языка по данным памятников письменности и определяет сложность такого изучения, связанную с интерпретацией графических и орфографических явлений в фонетическом плане.

Кроме того, письменные памятники древнерусского языка имеют различный характер, который не всегда позволяет использовать их в достаточной степени для изучения истории живого русского языка. Так, памятники церковного, богослужебного характера, которым свойствен книжный церковнославянский язык, могут быть использованы для изучения истории живого русского языка, однако сильные традиции церковной письменности мешали проникновению в эти памятники живых русских особенностей, и поэтому использование таких памятников для восстановления истории русского языка в его диалектах затруднено.

Такие памятники, как летописи, с этой точки зрения, дают больше материала (достаточно назвать Новгородскую летопись с ее ярко выраженными диалектными особенностями). Однако все же и язык летописей в значительной мере книжен и традиционен, и в нем еще сильна церковнославянская стихия.

В наибольшей степени живые особенности языка получают отражение в деловой письменности, т. е. в различного рода грамотах (купчих, жалованных, данных и т. п.), в посланиях, письмах, доношениях и т. д. Правда, и при обращении к деловой письменности следует иметь в виду, что она не свободна от традиционных трафаретов, застывших формул и оборотов (ср., например, сохранение почти до конца XVIII в. традиционного зачина различных грамот *се азъ*). И все-таки именно в деловой письменности можно найти наибольшее число фактов, позволяющих восстановить явления в истории русского языка во всем многообразии его говоров.

§ 9. Наконец, при изучении языка письменного памятника надо иметь в виду, с оригиналом или с копией документа встречается исследователь, ибо в копии, переписанной подчас спустя долгое время после создания оригинала, могут получить отражение языковые особенности периода снятия копии, а не периода

создания самого памятника¹. Поэтому важно определить время создания того или иного памятника, что не всегда возможно сделать на основе прямого указания, но что делается на основе определенных косвенных указаний. Точно так же обстоит дело и с установлением места написания памятника. Такими косвенными указаниями могут служить имена князей, время княжения которых известно, палеографические данные (характер бумаги и водяных знаков, почерк писца и т. д.), а также языковые, вернее — диалектные, черты, получившие свое отражение в данном памятнике.

§ 10. Письменными памятниками, которые могут быть использованы в качестве источника при изучении истории русского языка, являются также и разного рода н а д п и с и (г р а ф ф и т и), типа Гнездовской и на Тмутараканском камне (см. о них ниже). Такие надписи сохранились на колоколах, на печатях, на украшениях, на монетах (например, на стенах Софийских соборов в Киеве и Новгороде, на монетах эпохи великого князя Владимира Святославовича, 978—1015 гг.). Точно так же представляют интерес для историка языка и некоторые подписи, например подпись Анны, дочери Ярослава Мудрого, французской королевы, вдовы Генриха I. Эта подпись, сделанная на одной латинской грамоте 1063 г., дает некоторые сведения о произношении звуков в древнерусском языке XI в.²

§ 11. Источником для изучения истории русского языка могут служить также данные т о п о н и м и к и, т. е. названия местностей, городов, сел, деревень, рек и т. д., которые часто восходят к словам, ранее известным в языке, но впоследствии утраченным. Таковы, например, названия типа *Мытищи* (от древнерусского *мытъ* — „пошлина“), *Ратаево* (от *ратай* — „пахарь“), *Десна* („правая“, ср. *десница* — „правая рука“), *Валуйки* (от *валуй* — „вялый, неповоротливый“), *Раменское* (от *рамень* — „лес, граничащий с полем“), *Бутырки* („дома на отшибе, стоящие особняком“) и т. д. В топонимических названиях могут сохраняться и старые грамматические образования, утраченные русским языком. Например, названия городов *Ярославль*, *Перемышль*, *Путивль*, *Радогощь*, *Переяславль* и др. являются формами древнерусских притяжательных прилагательных, неизвестных ныне русскому языку.

§ 12. Источниками, помогающими решать некоторые вопросы истории русского языка, могут служить, далее, заимствования в русский язык из других языков, а также заимствования из русского в другие, неродственные языки. В первом случае заимствования

¹ Вместе с тем, конечно, надо учитывать и то, что копия сохраняет и основные особенности оригинала, с которого она была снята: это связано с устойчивостью традиций письма, в силу чего при всех возможных отклонениях от оригинала писец все же передавал большую часть тех его черт, которые ему были свойственны.

² См. об этом ниже, § 72.

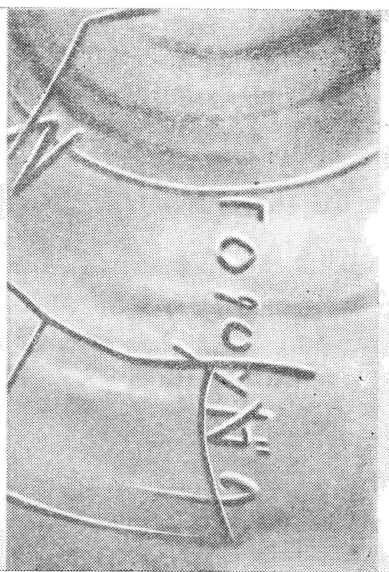
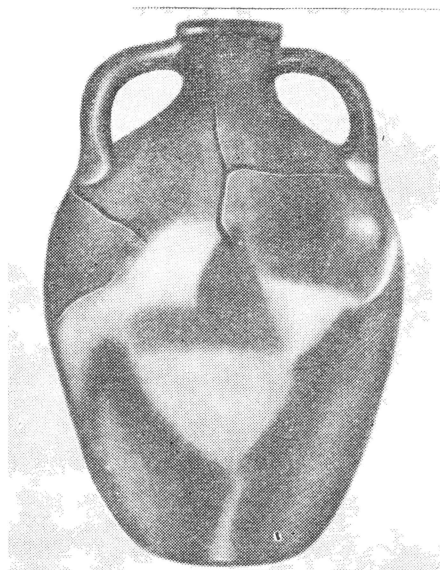
иноязычных слов в древнейшую эпоху помогают восстанавливать историю целого ряда явлений в русском языке. Так, заимствованное собственное имя одного из франкских королей — *Karl*, имеющее сочетание [ar] между согласными, изменилось у восточных славян в *король*, греч. *καρλαρος* — в др.-русск. *мороморѣ*, лат. *carra* — в др.-русск. *коронѣ* (совр. *карн*); все это дает возможность предполагать, что и другие слова с сочетанием [oro] в корне между согласными могут восходить к словам с сочетанием типа [or], [ar] в этом положении.

С другой стороны, заимствования из русского в другие языки могли идти в те эпохи, когда в русском языке еще существовали такие явления, которые позже были утрачены. Изучение подобных заимствований дает иногда возможность установить наличие тех или иных явлений в истории русского языка, что не всегда удастся сделать, опираясь на факты только самого этого языка. Так, например, наличие в эстонском языке слов с сочетанием „гласный + носовой согласный“, заимствованных из древнерусского языка, позволяет утверждать, что в таких русских словах, как *удочка* (ср. эст. *und*), *судья* (ср. эст. *sundima* — „принуждать“) и т. п., звук [y] восходит к носовому [o] ([ɔ]). Заимствование этих слов из русского было осуществлено в ту эпоху, когда носовые гласные в русском языке еще были.

Сюда же примыкают и те факты, которые можно извлечь из записей иностранцами русских слов так, как они их слышали. В ряде случаев эти записи отражают то произношение русских слов, которое записывающий слышал из уст древнерусских людей, и это обстоятельство помогает установить некоторые факты в истории русского языка. Так, например, известно, что запись византийским императором Константином Багрянородным названий некоторых днепровских порогов дает возможность утверждать, что в древнерусском языке X в. носовые гласные уже были утрачены.

§ 13. Наконец, сведения об истории русского языка, особенно в древнейшие периоды его развития, дает также изучение в сравнительно-историческом плане родственных славянских языков. В связи с тем что русский язык, как и иные славянские языки, развился из одного общего для них всех источника — из праславянского языка, все славянские языки характеризуются большой близостью своей структуры. Вместе с тем, развиваясь из одного общего источника, славянские языки шли в своей истории несколько разными путями, сохраняя в своей структуре зачастую не одни и те же явления или развивая заложенные в них тенденции в разных направлениях. Сравнивая современные славянские языки, историк языка может установить те особенности, которые были свойственны изучаемому языку в прошлые эпохи его развития.

§ 14. Характеристика древнерусских памятников. Письменные памятники древнерусского языка,

Гнездовская надпись.

Новгородская грамота № 9 на бересте — письмо „От Гостяты к Василию“

начиная с эпохи Киевского государства, дошли до нас в относительно большом количестве. Среди них можно обнаружить памятники различного характера, созданные в разные периоды истории и в разных местностях древней Руси.

Наиболее ранние памятники относятся к XI в. Правда, в 1949 г. при раскопке одного из Гнездовских курганов близ Смоленска был обнаружен сосуд с надписью, относящейся к первой четверти X в. Эту надпись, состоящую из одного слова, читают по-разному: одни — „горуща“ (= горчица), другие — „горушна“ (= горчичные), третьи — „горух пса“ (= писал Горух). Но как бы ее ни читать, все же, конечно, эта надпись, свидетельствуя о наличии на Руси письменности в ту эпоху, мало что может дать для истории самого языка.

К середине XI в. (1052, 1054) относятся граффити в Софийском соборе в Киеве, открытые С. А. Высоцким; однако и они дают мало материала для суждения о древнерусском языке того времени.

От XI в. до нас не дошло ни одной грамоты, если не считать предположения историков о принадлежности к этому времени одной из новгородских берестяных грамот, найденных в 1951 г.¹ Надо, впрочем, сказать, что вопрос о датировке этих грамот пока что окончательно не решен. Вместе с тем новгородские берестяные грамоты, обнаруженные впервые в начале 50-х годов нашего века в Новгороде, занимают особое место среди памятников русской письменности. Это определяется прежде всего тем, что авторы их — „простые люди“, мужчины, женщины и дети, не профессионалы, пишущие немного и нечасто. В связи с этим берестяные грамоты широко отражают живой разговорный язык народа, отражают его в гораздо большей степени, чем какая-либо иная письменность.

Памятники XI в. представляют собой в большей своей части церковные произведения, переписанные со старославянского оригинала. К ним относятся:

Остромирово евангелие 1056—1057 гг. По своему характеру это книга евангельских чтений, расположенных в том порядке, в каком они читались в церкви в течение года. Это евангелие было переписано со старославянского оригинала дьяконом Григорием, по происхождению, предполагают, киевлянином, для новгородского посадника Остромира (отсюда и название евангелия). Григорий был, вероятно, вызван в Новгород, где со своими помощниками и переписал евангелие. Так как этот памятник был создан на Руси, язык его содержит ряд древнерусских особенностей (наиболее характерно в этом отношении Послесловие к евангелию). Остромирово евангелие издавалось три раза: в 1843 г. А. Х. Востоковым, а в 1883 и в 1889 гг. фотолитографированным способом на средства купца Савинкова. Памятник хранится в Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Архангельское евангелие 1092 г. написано, вероятно, где-то на юге, но каким-то образом попало впоследствии

¹ Речь идет о грамоте № 9 (см. снимок на с. 20).

Лист из Изборника Святослава 1073 г.

расположенных по дням и месяцам (минья — греч. „месячный“). Изданы они в 1881 г. И. В. Ягичем. В настоящее время хранятся в Государственном Историческом музее в Москве.

Святославовы изборники 1073 и 1076 гг. созданы в Киеве для князя Святослава дьяконом Иоанном. Изборник 1073 г.

ПАКЪІМЖЕВЪЗГРАДНША.
 ДАКОЖЕБОПОСРЕДЬОУГАН
 НОГНЬНЫХЪХОДАШТА
 АГО.КАДНОГОБАКСТЬ:Ж
 ЖЕСЪХРАННТНКОБЕЗВЕ
 РЕДА.

НСКВОЗЪТЪРННЕНВЛЪУ
 ЦЪПРОХОДАШТААГОСЪБ
 ЛЮСТИНЕМЪВНА.НПРН
 БЛНЖАМШТААГОСАВН
 НЫХЪКАЛЬНАХЪСПСТН
 БЕСКВЪРННА.ТАКОЖЕК
 ДННОМДЕСНЦАКСТЬ.К

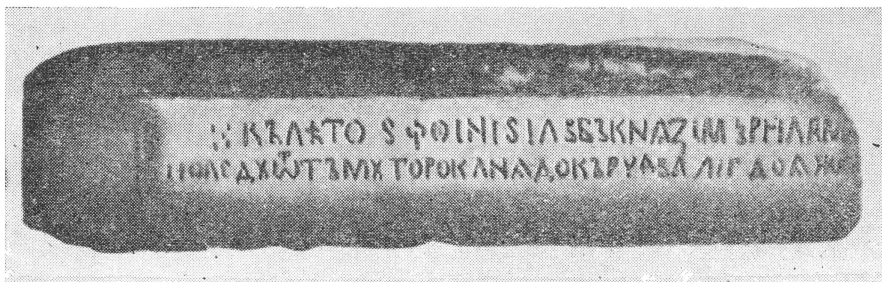
Лист из Изборника Святослава 1076 г.

пись в настоящее время хранится в Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

От XI в. сохранилось предположительно еще несколько книг (например, Чудовская толковая псалтырь, Евгеньевская псалтырь и некоторые другие), однако, как видно, еще больше рукописей не сохранилось. Так, „Книга пророков“ новгородского попа Упыря Лихого (1047 г.) дошла до нас только в списке XVI в., оригинал же XI в. не сохранился.

К XI в. относится и оригинальная надпись на Тьмутараканском камне (1068 г.), где говорится об измерении князем Глебом ширины Керченского пролива. Интерес этой надписи для историка языка в том, что в ней отражается ряд черт, свойствен-

является своеобразной энциклопедией тогдашних знаний в разных областях жизни: в нем собраны сведения по астрономии, о тропиках и фигурах художественной речи, указано, какую пищу следует употреблять в разное время, даются сведения о количестве и мере и т. п. Изборник 1076 г.—это сборник статей религиозно-нравоучительного характера. Он написан на основе „княжьих книг“, т. е. книг, хранившихся в библиотеке Святослава. Первый Изборник был издан в 1880 г., находится в Москве, в Государственном Историческом музее; второй был издан в 1876 г., но издание это было малоудовлетворительно; в 1965 г. он был вновь издан Академией наук СССР с комментариями и указателями; руко-

Надпись на Тьмутараканском камне 1068 г.

была дана, вероятно, в Киеве около 1130 г., когда там встретились оба князя. Во всяком случае, она не могла быть написана после 1132 г., так как в этот год Мстислав умер.

Грамота Варлаама Хутынского написана предположительно после 1192 г. в Новгороде и является духовным завещанием. Предположительно к этому времени относятся и некоторые новгородские берестяные грамоты.

Из сохранившихся памятников XII в. следует назвать также церковные книги.

Мстиславово евангелие 1117 г. написано для новгородского, а позже киевского князя Мстислава. Хранится в Историческом музее в Москве.

Юрьевское евангелие создано, вероятно, в Киеве в 1120 г. для одного из новгородских монастырей, хранится также в Историческом музее.

Добрилово евангелие 1164 г., южное по происхождению и интересное тем, что в его орфографии отражается процесс падения редуцированных. Хранится оно в библиотеке имени В. И. Ленина.

Наконец, из недатированных памятников XII в. можно назвать еще Успенский сборник (назван так потому, что был найден в Успенском соборе в Москве), в состав которого вошли Житие князей Бориса и Глеба и Житие Феодосия Печерского — оригинальные русские произведения, не списанные со старославянских оригиналов, хотя по языку следующие за старославянским. Хранится в Историческом музее в Москве. Успенский сборник издан Академией наук СССР в 1971 г.

К XIII в. относится большое число памятников. Среди них отметим Житие Нифонта 1219 г. и Апостол 1220 г., написанные в Ростове (Ростово-Суздальское княжество). К этому же времени относится и Рязанская кормчая 1234 г. — церковно-правовой и юридический памятник. Наиболее важным памятником этой эпохи является Новгородская кормчая 1282 г., в составе которой была найдена Русская Правда. Это оригинальный русский памятник старшей поры. Он является древнейшим сводом русских законов. По преданию, „Русскую Правду“ составил Ярослав Мудрый, но на самом деле она составлялась долгое время: некоторые из вошедших в нее законов древнее эпохи Ярослава, а некоторые внесены в нее позже. Окончательная редакция „Русской Правды“ относится ко времени после смерти Ярослава, т. е. после 1054 г. Дошла до нас „Русская Правда“ в нескольких списках, из которых самым древним является список так называемой пространной редакции, найденный, как уже говорилось, в составе Новгородской кормчей (подлинник „Русской Правды“ относится, вероятно, к XI в.). Кормчая — это сборник, свод постановлений церковных и светских властей, касающихся церкви, и потому „Русская Правда“, имеющая иной характер, попала в состав Кормчей, как видно, случайно.

СЛОВО

ПѢСНЬ

О ПЛѢКУ ИГОРЕВѢ, (а) О ПОХОДѢ ИГОРЯ,
ИГОРЯ СЫНА СЫНА СЯТОСЛАВОВА,
СЯТЪСЛАВЛЯ, ВНУКА ОЛЬГОВА.
ВНУКА ОЛЬГОВА.

Не лѣлоли ны башетѣ, бра-
тѣ, натиати старыми сло-
весы трудныхъ повѣстей о
плѣку Игоревѣ, Игоря
Святъславляга! нати-
ти же ся твоѣ лѣсни по

Пріятно намѣ, братцы, на-
чать древнимѣ слогомѣ при-
скорбную повѣсть о походѣ
Игоря, сына Святославова!
начать же сѣю пѣснь по бы-
тіямъ того времени, а не по

(а) Игорь Святославичъ родился 15 Апрѣля 1151 года; во Святомѣ
Крещеніи нареченъ Георгіемъ; женился въ 1184 году на Княжнѣ Евф-
росиніи, дочери Князя Ярослава Володимировича Галицкаго
Въ 1185 году имѣлъ онъ сраженіе съ Половцами, а въ 1201 году
скончался, оставивъ послѣ себя пять сыновей.

Страница первопечатного текста „Слова о полку Игореве“.

От XIII в. сохранилось много грамот, из которых прежде всего следует отметить Договорную грамоту Смоленска с Ригю и Готским берегом (1229 г.), в которой ярко отразился процесс падения редуцированных, а также ряд диалектных особенностей, свойственных древнему смоленскому говору¹. Этому же времени принадлежат и некоторые новгородские грамоты.

¹ Грамота 1229 г., как и другие смоленские грамоты, издана в 1963 г. (см.: Смоленские грамоты XIII—XIV вв. М., 1963).

К рубежу XIII — XIV вв. относится недатированный памятник — Новгородская летопись (по Синодальному списку).

XIV веком датируется один из важнейших русских памятников — Лаврентьевская летопись (названа по имени писца) 1377 г., созданная в Суздале. В ней заключен древнейший летописный свод — „Повесть временных лет“. Хранится летопись в Ленинграде, в Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина.

От XIV в. до нас дошли первые московские памятники: Духовная грамота Ивана Калиты 1327—1328 гг.; Сийское евангелие 1340 г., найденное в Сийском Антониевом монастыре (в этом памятнике впервые отражается акакое произношение); Московское евангелие 1393 г., характеризующееся ярким отражением аканья.

К этому же времени относится и ряд рязанских, новгородских, тверских, ярославских, двинских и полоцких грамот.

Наконец, следует указать еще на Хронику Георгия Амартола — памятник XI в., дошедший в списке XIV в. Хроника переведена с греческого, язык ее близок к старославянскому, но перевод, возможно, был осуществлен на Руси.

К памятникам XV в. относится Ипатьевская летопись (около 1425 г.), составленная, возможно, в Пскове, а также ранний список Заондичины (1470 г.).

От XV в. сохранились двинские грамоты, описанные А. А. Шахматовым в работе „Исследование о двинских грамотах XV в.“ (Спб., 1903), а также московские, ярославские и рязанские.

нїе прїемшѣ , нїсвѣше дѣръ хѣдѣцѣ : н
тѣко повелѣнїемъ бл҃гочестнѣаго цр҃а нвѣлн
каго кнѣа нвѣла вѣнѣвнѣа вѣсѣрѣнн , н
бл҃гословѣнїемъ пресѣннѣаго макаріѣмнтро
полнѣа начѣша нзыскнѣати мастертѣвѣ
печѣтнѣи кннѣгѣ , вѣлѣтѣ , хѣа , ѡсмыѣ тѣ
ѣлѣнн , вѣлѣ , лѣтѣ гдѣрѣтѣвѣаго . бл҃гочѣ
рннѣаже цр҃ь повелѣтѣ ѡстрѣнѣтн дѣмѣтѣ вѣвѣл
цр҃кѣіаказнѣи , ндѣтѣже печѣтнѣмѣдѣлѣтѣ
нѣтнѣа ннѣцѣаднѣо дѣлѣше вѣвѣнѣхѣ цр҃кѣн
окрѣвнѣцѣ дѣлѣтѣлѣ , ннѣсолѣтнѣдѣтѣвѣрѣа

Фрагмент страницы Апостола 1564 г.

ОУКАЗЪ ГЛАВАМЪ КНИГИ СЛ.

ГЛАВА, А Ж, ШЕГОУДАНИКАХЪ, И Ш ЦРКО
ВНЫХЪ МАТЕЖНИКАХЪ. А ВНИИ, А СТАТИИ.

КТО ВОЗЛИЖИТЬ ХУЛОУ, НАХУТА, И НАПРИЧЕТЬЮ А
ЕЦЪ, И НАИХЪ ОУГОДНИКОВЪ.

КТО ПРИШЕДЪ ВЪ ЦРКОВЬ БЖІЮ, И БЖІВНЫМЪ АН Б
ТЪРГИИ СОВЕРШИТИ НЕ ДАЕТЪ.

КТО ВЪ ЦРКВИ ВО ВРЕМЯ ЦРКОВНАГО ПЧЕНІА ОУЧИ Г
НИТЬ МАТЕЖЪ, ПРИПАТІАРХЪ, И ПРИИНЫХЪ
ВЛАСТЕХЪ.

КТО ПРИШЕ ВЪ ЦРКВЬ БЖІЮ КОГО ОУБІЕ ДО СМЕРТИ. А
КТО ПРИШЕДЪ ВЪ ЦРКОВЬ БЖІЮ КОГО БИВЪ РА

НИТЬ, А НЕ ДО СМЕРТИ ОУБІЕТЪ. Е

КТО ВЪ ЦРКВИ ЖЕ БЖІИ КОГО ОУДАРИ А НЕ РАНИТЪ. Б

КТО ВЪ ЦРКВИ ЖЕ БЖІИ КОГО ШЕБЕЧЕТИТЬ СЛЪ З
ВОМЪ, А НЕ ОУДАРИТЬ.

ВЪ ЦРКВИ БЖІИ ВО ВРЕМЯ ЦРКОВНАГО ПЧЕНІА, И
ГАДЮ, И ПАТІАРХЪ, И ИНЫМЪ ВЛАСТЕМЪ, НИ
КОМУ, НИ ШКАКОМУ ДБЛЪ, НЕБИТИ ЧЕЛОМЪ.

КТО ВЪ ЦРКВИ БЖІИ, ЧРЕЗЪ ЗАПОВБДЪ ОУЧЕТЪ. И
ГАДЮ, И ПАТІАРХЪ, И ИНЫМЪ ВЛАСТЕМЪ, ШКА
КОМУ ДБЛЪ, БИТИ ЧЕЛОМЪ.

А

Лист из Соборного Уложения 1649 г.

В XV в. было создано и Хождение за три моря тверского купца Афанасия Никитина (дошло оно до нас в списках XVI—XVII вв.) — рассказ о его путешествии в Индию.

К XVI в. относится список Слова о полку Игореве. Однако он, как и подлинник XII в., до нас не дошел: он погиб

фии выходит первая русская датированная печатная книга — „Апостол“¹.

Вслед за этой книгой, уже в XVII в., выходят и другие печатные книги. В их числе следует назвать С о б о р н о е У л о ж е н и е 1649 г. — свод законов Московского государства, исследованное П. Я. Черных в книге „Язык „Уложения 1649 г.“ (М., 1953).

Однако и в XVI и в XVII вв. создаются по-прежнему и рукописные книги, например: С у д е б н и к ц а р я И в а н а Г р о з н о г о 1550 г., дошедший в списках XVII в., Д о м о с т р о й, К н и г а Б о л ь ш о м у Ч е р т е ж у 1627 г., Ж и т и е п р о т о п о п а А в в а к у м а (между 1667 и 1682 гг.) и др.

В числе рукописных материалов, относящихся к XVII — XVIII вв., особый интерес представляют о т к а з н ы е к н и г и и в е с т и к у р а н т ы. Отказные книги — это записи об отводах земель военнотружильным людям, которые писали местные писцы, вследствие чего в их языке ярко отразились диалектные особенности (в 1977 г. Академия наук СССР издала „Памятники южно-великорусского наречия. Отказные книги“). Вести-куранты, которые составлялись для царского двора, — это различные известия из-за границы (см.: Вести-куранты. 1600—1639. М., „Наука“, 1972; Вести-куранты. 1642—1644. М., „Наука“, 1976; Вести-куранты. 1645—1646, 1648. М., „Наука“, 1980); такие рукописные известия являются предпосылкой зарождения русской периодической печати.

§ 15. Все русские памятники написаны кириллической азбукой, однако это не значит, что на Руси не было глаголицы. Наоборот, существуют данные о том, что глаголический алфавит был известен древнерусам. Например, в „Книге пророков“ Упыря Лихого, переписанной, вероятно, с глаголицы, среди текста, написанного кириллицей, встречаются отдельные буквы и даже целые слова в глаголическом написании. Сохранились глаголические надписи в Новгородском Софийском соборе, есть также отдельные следы глаголических букв в новгородских берестяных грамотах.

¹ Впрочем, предполагается, что до „Апостола“ в России уже были печатные издания.

А а	† †
Б б	Ѡ ѡ
В в	Ѳ ѳ
Г г	Ѵ ѵ
Д д	Ѷ ѷ
Є є € € І ю ѯ	Ѹ ѹ
Ж ж	Ѻ ѻ
Ѕ ѕ ѕ ѕ ѕ ѕ	Ѽ ѽ
З з з	Ѿ ѿ
Н н н	Ѡ ѡ

Алфавит глаголицы и кириллицы.

§ 16. В русских рукописных актах и книгах наблюдаются три последовательно сменяющихся типа письма: у с т а в, п о л у у с т а в и с к о р о п и с ь. Древнейшим, характерным для XI — XIII вв. типом письма является у с т а в. Он использовался прежде всего в церковной письменности, т. е. при создании книг, имеющих ритуальное значение. Это обстоятельство обуславливало каллиграфический характер письма, придающий особенный внешний облик таким книгам. В целом устав XI — начала XII в. характеризуется тем, что буквенные начертания даются в границах двух параллельных линеек; в уставе буквы писались прямо, перпендикулярно к строке, с правильными линиями и округлениями, ровным нажимом, отдельно друг от друга; слова на письме не отделялись друг от друга. Сокращений в уставе было мало; выносные буквы писались под титлом; при этом чаще всего сокращались так называемые „священные слова“, т. е. лексика богослужебного обихода (например, *бог, ангел, душа* и т. п.). В уставе ограничено количество надстрочных знаков — ударений и придыханий.

Развитие письменности в связи с развитием феодальных отношений влекло за собой изменения в области графики, переход к п о л у у с т а в у, а затем к скорописи.

Особенности полуустава по сравнению с уставом выражаются в ряде признаков: полуустав мельче устава, основные линии в строении букв менее правильны; геометрический принцип в этом строении нарушается; буквы отстоят друг от друга на разном расстоянии, так как писцы писали быстро и размашисто. Здесь больше сокращений, выносных букв и надстрочных знаков.

Полуустав, в котором сказывается ускорение письма (сильный наклон, слитность в начертании букв), называется б е г л ы м п о л у у с т а в о м. Кроме того, есть еще полуустав, п е р е х о д я щ и й в с к о р о п и с ь, когда писец применяет приемы, характерные для скорописного письма. В полууставе, таким образом, зарождаются тенденции, свойственные с к о р о п и с и — третьему типу русского письма.

Элементы этого письма встречаются с XI в., особенно часто со второй половины XIV в., а в XV в. скоропись постепенно распространяется, вытесняя полуустав. В скорописи важно было добиться быстрых темпов письма. Это достигалось увеличением сокращений, распространением выносных букв, расширением многообразия в их начертании и т. п. В XV в. скоропись постепенно укрепляется в качестве делового письма, а в XVI — XVII вв. господствует в этой роли. Сама она переживает эволюцию, приобретая наибольшую сложность во второй половине XVII в. Для этого периода характерно наличие многих вариантов одной буквы, искажение внешнего вида букв и увеличение сокращаемых слов.

В первых русских печатных книгах как церковного, так и светского содержания употреблялось полууставное письмо. Оно сохранилось до 1708 г., когда Петр I ввел новый, так называемый г р а ж д а н с к и й ш р и ф т для светских книг.

XI в	XII в	XIII в
А А А А а а	а А а а а а а	а А а а а а а
Б Б Б Б б	Б Б Б Б б	Б Б Б Б Б Б Б
В В В В в	В В В В в	В В В В В В В
Г Г Г	Г Г Г Г	Г Г Г Г Г Г
Д Д Д Д д	Д Д Д Д д	д Д Д Д Д Д
Е Е Е Е е	Е Е Е Е Е	Е Е Е Е Е Е Е
Ж Ж Ж Ж ж	Ж Ж Ж Ж ж	Ж Ж Ж Ж Ж Ж
З З З З з	З З З З з	З З З З З З
И И И И и	И И И	И И И И И И

Устав.

XIV в	XV в
а а а а а а а	а а а а а а а
б б б б б	б б б б б
в в в в в в в	в в в в в в в
г г г г г	г г г г г г
д д д д д д д	д д д д д д
е е е е е е е	е е е е е е
ж ж ж ж ж ж ж	ж ж ж ж ж ж ж
з з з з з з з	з з з з з з з
и и и и и и и	и и
і і і і	і і

Полустав.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

А в а н е с о в Р. И. Проблемы образования языка русской (великорусской) народности. «Вопросы языкознания», 1955, № 5.

А р ц и х о в с к и й А. В., Т и х о м и р о в М. Н. Новгородские грамоты на бересте. М., 1953.

А р ц и х о в с к и й А. В., Я н и н В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962—1976 годов). М., 1978.

Б у с л а е в Ф. И. Историческая грамматика русского языка (1863), изд. 6. М., 1958, с. 21—37; Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861.

В и н о к у р Г. О. О задачах истории языка. В кн.: В и н о к у р Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.

Д у р н о в о Н. Н. Введение в историю русского языка. М., 1969, с. 25—123.

К о т к о в С. И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 1980.

О б н о р с к и й С. П., Б а р х у д а р о в С. Г. Хрестоматия по истории русского языка, ч. I. М., 1952.

«Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот». М., 1955, с. 3—13.

С е л и щ е в А. М. Из старой и новой топонимии. В кн.: С е л и щ е в А. М. Избранные труды. М., 1968.

С о б о л е в с к и й А. И. Лекции по истории русского языка. М., 1907, с. 5—18.

Ч е р е п н и н Л. В. Русская палеография. М., 1956.

Щ е п к и н В. Н. Русская палеография. М., 1967.

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В РУССКОМ И ЗАРУБЕЖ- НОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

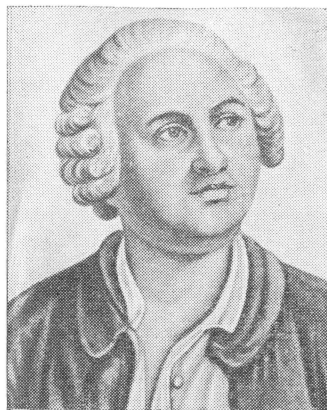
§ 17. Начало изучения истории русского языка было положено М. В. Ломоносовым (1711—1765), хотя он и не оставил специальной работы в области исторической грамматики. Правда, в своем труде „Российская грамматика“ (1755), посвященном современному языку, он отметил некоторые моменты в историческом развитии русского языка, однако в целом здесь рассматривались не эти вопросы. В области истории языка Ломоносов больше задумал, чем осуществил, но, насколько можно судить по его планам и наброскам, он понимал и видел многое из того, что другие в то время не видели.

Ломоносов четко отграничил русский язык от старославянского, что многими тогда не делалось. Показав их отличия, Ломоносов отметил, что они могут быть обнаружены в памятниках юридического характера, в деловых документах, где живая речь отражается больше всего.

Он сумел определить группу родственных славянских языков, отметив, что от славянского произошли российский, польский, болгарский, сербский, чешский, словацкий, вендский языки. Вместе с тем Ломоносов писал, что русский язык ближе к южнославянским, чем к западнославянским языкам, и в определенной степени здесь он был прав.

Выходя за рамки славянских языков, Ломоносов определял родственные и неродственные языки. В „Российской грамматике“ при анализе числительных он указывал, что „сродственными“ языками являются российский, греческий, латинский, немецкий, а „несродственными“ — финский, мексиканский, готтентотский и китайский. Ломоносов установил родственные связи славянских и балтийских языков и указал их общее происхождение (он основывался при этом на лексических и грамматических явлениях). Этим самым Ломоносов заложил основы генеалогической классификации языков, что было большим достижением для его времени. Для дальнейшего изучения истории русского языка в трудах Ломоносова ценны наметки последовательности в расхождении разных языков (он, в частности, писал, что наиболее древним является отделение латинского, греческого, германского и славянского языков, позднее — славянского и балтийского, еще позднее — русского и польского), указания, из каких языков пришли в русский те или иные слова.

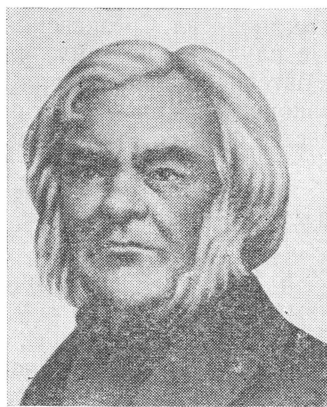
Сохранились черновые наброски Ломоносова, в которых можно обнаружить ряд интересных мыслей по диалектологии русского языка. Ломоносов впервые наметил диалектное членение русского языка. Так, он выделял в „российском языке“ три диалекта: московский, поморский и малороссийский. Московское наречие он считал главным, так как оно употребительно при дворе, среди дворянства и в городах, близлежащих к Москве; поморское — это все северновеликорусское наречие, т. е. окающие говоры; по мнению Ломоносова, это наречие ближе к „славенскому“ старому языку. Третье, малороссийское, было названо им так потому, что украинский язык как литературный тогда еще не оформился. Ломоносов писал, что это наречие ближе к польскому языку и отлично от остальных двух наречий. Таким образом, Ломоносов, хотя и не выделил белорусского языка и не разделил южно- и средневеликорусские говоры, все же наметил основные наречия русского языка и указал их границы.

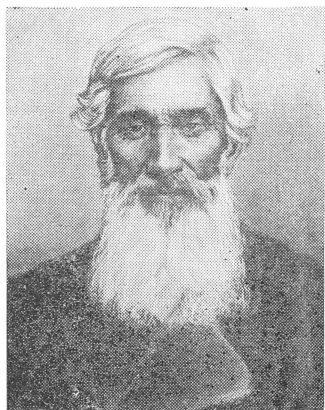
*Михаил Васильевич
Ломоносов*

§ 18. Наиболее интенсивно разработка истории русского языка начинается в XIX в., когда языкознание становится и у нас и на Западе особой отраслью науки. Именно в это время начинается собирание и изучение древних рукописных памятников.

Из ученых-лингвистов этого времени прежде всего надо назвать А. Х. Востокова (1781—1864), впервые применившего сравнительно-исторический метод в изучении языка. В „Рассуждении о славянском языке, служащем введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим онаго памятникам“ (1820), принесшем Востокову европейскую известность, он показал отношение русского языка к другим славянским языкам, опираясь на судьбу сочетаний [tj], [dj] в этих языках. Здесь же Востоков наметил периодизацию в истории русского языка, выделив в этой истории три периода: древний (IX—XV вв.), средний (XV—XVI вв.) и новый. Таким образом, Востоков сделал шаг впе-

*Александр Христофорович
Востоков*

*Измаил Иванович
Срезневский*

ред в изучении истории русского языка. Ему принадлежит заслуга установления звукового значения букв *ѣ* и *ѥ*, а также *ж* и *л*. Кроме указанного выше „Рассуждения“, Востокову принадлежат еще две грамматики русского языка (сокращенная и полнее изложенная, 1831 г.), „Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума“ (1842), первое издание Остромирова евангелия и „Словарь церковнославянского языка“ (1858—1861).

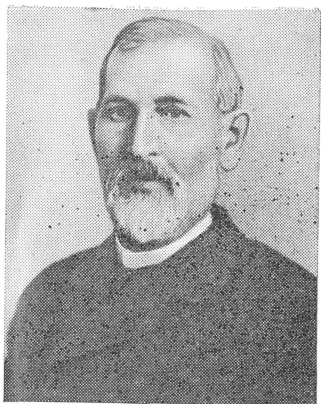
В ряду ученых — историков языка видное место занимает И. И. Срезневский (1812—1880), который с 1846 г. работал в Петербурге и под влиянием Востокова занимался историей русского языка. В 1849 г. он написал сочинение „Мысли об истории русского языка“, где была намечена программа исторического изучения языка. Срезневский подчеркнул здесь, какое большое значение имеет история языка, нераздельная с историей народа; он указал, что история русского языка — это продолжение истории языка славянского племени, а последняя — продолжение истории всей индоевропейской отрасли. Срезневский ставил задачу восстановить, путем сравнения родственных языков и наречий, состояние древнейшего первобытного русского языка со всеми его формами и словами. Для выполнения такой задачи, по мнению Срезневского, необходимо накопить материал о лексическом составе и грамматических особенностях древних памятников русского языка, составить словари этих памятников, изучить лексику и грамматику говоров, исследовать строй литературного языка. Все это, полагал Срезневский, даст истории языка прочную основу. Не случайно поэтому, что наиболее ценным его трудом явились „Материалы для словаря древнерусского языка“ (труд этот не был закончен)¹. Три тома этих „Материалов“ содержат огромное количество фактов, выбранных из многочисленных памятников древнерусской письменности.

Однако все эти ученые, при всем их значении, не создали все же систематической истории русского языка.

§ 19. Основоположником исторической грамматики русского языка явился Ф. И. Буслаев (1818—1897), который работал и в области литературы, и в области языкознания. В 1844 г. появился его труд „О преподавании отечественного языка“, где были поставлены проблемы сравнительно-исторического изучения язы-

¹ „Материалы...“ И. И. Срезневского переизданы в 1958 г.

ков в связи с историей русского языка. Здесь Буслаев дал большой материал по истории русского литературного языка, обзор языковых явлений русского языка в сравнении с другими славянскими языками. Здесь же была отчетливо высказана мысль о связи истории языка с историей народа. В 1847 г. Буслаев написал сочинение „О влиянии христианства на славянский язык“, где дал языковой анализ Остромирова евангелия. В 1858 г. был написан „Опыт исторической грамматики русского языка“, а в 1861 г. вышла „Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков“ — первые учебные пособия по истории русского языка. „Опыт“ Буслаева состоял из двух частей („Этимология“ и „Синтаксис“), где систематически излагались вопросы исторической фонетики, морфологии и синтаксиса (конечно, на том уровне знаний, который был тогда достигнут). В „Хрестоматии“ же были подобраны тексты из старославянских и древнерусских памятников, которые могли служить образцами древнерусского и старославянского языков; здесь же давались и комментарии к текстам. Надо сказать, что концепция Буслаева, изложенная в „Опыте исторической грамматики русского языка“ (в последующих изданиях — „Историческая грамматика русского языка“)¹, долгое время сохранялась в преподавании истории русского языка.

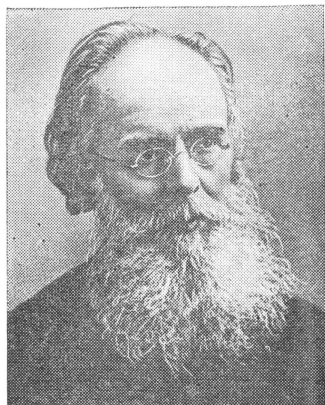
*Федор Иванович
Б у с л а е в*

Большую роль в развитии изучения истории русского языка сыграл выдающийся ученый, работавший в Харькове, — А. А. Потебня (1835—1891). Это был разносторонний исследователь — и лингвист, и теоретик литературы.

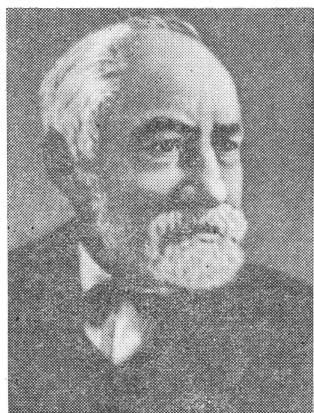
А. А. Потебня являлся представителем психологического направления в языкознании, и интересы его лежали в области изучения языка главным образом в семасиологическом плане. Вместе с тем А. А. Потебня сделал много и для разработки проблем исторической грамматики русского языка. Основным его трудом является капитальная работа „Из записок по русской грамматике“ (I—II тт. — 1888 г., III т. — 1899 г., IV т. — 1941 г.)². Второй — четвертый тома посвящены вопросам исторической грамматики русского языка, главным образом вопросам синтаксиса восточнославянских языков.

¹ „Историческая грамматика“ Буслаева переиздавалась несколько раз; последнее переиздание было осуществлено в 1959 г.

² Труд Потебни „Из записок по русской грамматике“ переиздается в настоящее время (I—II тт. переизданы в 1958 г., III т. — в 1968 г., IV т., вып. II — в 1977 г.).

*Александр Афанасьевич
Потебня*

*Алексей Иванович
Соболевский*

А. А. Потебня является автором крупного труда „Мысль и язык“ (1-е изд. — 1862 г. последнее — 1926 г.), а также ряда работ по исторической фонетике и морфологии, например „Два исследования о звуках русского языка“ (1864—1865), „К истории звуков русского языка“ (четыре части, 1873—1883) и др. Потебня положил начало и историческому изучению словарного состава русского языка.

§ 20. Развитие изучения истории русского языка в последней четверти XIX в. и в начале XX в. связано с именами двух крупнейших русских ученых — акад. А. И. Соболевского (1856 — 1929) и акад. А. А. Шахматова (1864—1920).

А. И. Соболевский вышел из школы Буслаева и был крупным оригинальным ученым; работал он в Петербурге и Москве. В области истории русского языка эпоху составила его диссертация „Очерки из истории русского языка“, где в историческом плане рассматривались древние галицко-волынский и псковский говоры и где исследование строилось на основе изучения письменных памятников. Соболевскому принадлежат „Лекции по истории русского языка“¹ — учебное пособие, насыщенное огромным материалом, извлеченным из памятников и народных говоров, с объяснением этих фактов (хотя во многом и устаревшим ныне). С этой точки зрения „Лекции“ Соболевского

и сейчас — ценный источник по истории русского языка.

А. И. Соболевский создал также „Очерк русской диалектологии“ (1892), насыщенный обильным материалом и охватывающий не только русский, но и украинский и белорусский языки. Он занимался и вопросами истории письменности, издал серьезный труд „Славяно-русская палеография“ (1908), в определенной степени сохраняющий свое научное значение до настоящего времени.

Определенным недостатком трудов Соболевского явилось то,

¹ Первое издание — 1888 г., последнее — 1907 г.

что, собирая много нередко противоречивых фактов и констатируя их, он оставлял эти факты без достаточных обобщений и объяснений. Кроме того, стремление отождествить графические факты памятников, шедшие вразрез с традиционными написаниями, и фонетические процессы живого языка не давало возможности Соболевскому устанавливать звуковую систему изучаемых диалектов в их истории.

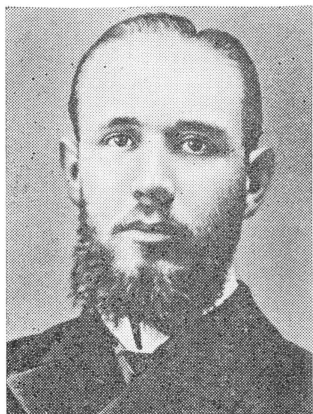

*Алексей Александрович
Шахматов*

§ 21. А. А. Шахматов был ученым иного типа, и не случайно он выступал часто именно в полемике с Соболевским. Известно, что в 18 лет Шахматов выступил в качестве неофициального оппонента на защите диссертации Соболевским. Однако уже до этого статьи Шахматова печатались в „Архиве славянской филологии“ В 1883 г. Шахматов стал студентом Московского университета, а в 1884 г. опубликовал „Исследование о языке новгородских грамот“, которое и до сих пор не утратило своего научного значения. Шахматов — это представитель школы Ф. Ф. Фортунатова в русском языкознании, школы строгой научной точности, точных методов лингвистического анализа¹.

Основные интересы Шахматова были сосредоточены в области исторической фонетики русского языка, но он был чрезвычайно разносторонним ученым: его интересовали и историческая морфология, и современная грамматика, и диалектология, и славянское языкознание. Он был и историком: ему принадлежит исследование летописей как исторических памятников. Но о чем бы ни шла речь, перед Шахматовым стояла одна центральная проблема — история языка в связи с историей народа. Для него было характерно стремление связать кропотливое и точное изучение письменных памятников с данными живого языка, прежде всего говоров, диалектов. В отличие от Соболевского Шахматов стремился оживить мертвые буквы путем сопоставления орфографии со звуковыми явлениями соответствующих народных говоров и воспроизвести в подробностях фонетический строй говора писца. Правда, вначале

¹ Выдающийся русский языковед, профессор Московского университета акад. Ф. Ф. Фортунатов (1848—1914) работал в области общего и сравнительно-исторического языкознания. Он создал целый ряд ценных работ по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков, в которых впервые разрешил многие важнейшие проблемы индоевропейского языкознания. Эти проблемы нашли свое отражение в курсах лекций Ф. Ф. Фортунатова „Сравнительное языковедение“, „Сравнительная морфология индоевропейских языков“, „Краткий очерк сравнительной фонетики индоевропейских языков“ и др. (см: Ф. Ф. Фортунатов. Избранные труды, тт. I—II. М., 1956—1957).

*Николай Николаевич
Дурново*

Шахматов слишком непосредственно связывал факты письменности с живым языком, но впоследствии он относился к этому осторожнее и вдумчивее.

Работы Шахматова „Курс истории русского языка“, чч. I—III (1910—1912), „Очерк древнейшего периода истории русского языка“ (1915), „Исследование о двинских грамотах XV в.“, „К истории звуков русского языка“ и многие другие до сих пор поражают богатством материала, блестящим лингвистическим анализом, талантливостью и яркостью исследовательского ума автора. Правда, многое устарело и не удовлетворяет нас теперь и в конкретном анализе фактов, и особенно в общетеоретических, историче-

ских и методологических положениях и рассуждениях Шахматова. Но, видя его недостатки и ошибки, подходя ко многим вопросам по-иному, мы не можем не отдать должное этому замечательному русскому ученому, лингвисту с мировым именем.

§ 22. Большинство лингвистов следующего поколения связано в своих взглядах с влиянием работ Соболевского или Шахматова.

Из последователей Соболевского можно назвать проф. Н. М. Каринского (1873—1935), занимавшегося историей русского языка и русской диалектологией. Его основной труд — „Язык Пскова и его области в XV в.“ (1909) — опирается в методах исследования на диссертацию Соболевского. К продолжателям традиций этой школы относился и проф. П. Я. Черных (1895—1970), много сделавший в изучении истории русского языка (см. его книги „Историческая грамматика русского языка“ (1-е изд. — 1951 г., 2-е изд. — 1954 г., 3-е изд. — 1962 г.), „Язык „Уложения 1649 года“ (1953), „Очерк русской исторической лексикологии“ (1956) и многочисленные статьи по истории русского языка).

В числе последователей Шахматова выделялся Н. Н. Дурново. В 1924 г. вышла его книга „Очерк истории русского языка“. В ней популяризировались идеи Шахматова, но она имела и имеет и большое самостоятельное значение, представляя систематическое изложение истории и диалектологии восточнославянских языков. Н. Н. Дурново принадлежит также „Введение в историю русского языка“ (Брно, 1927, издано в Москве в 1969 г.) и ряд интересных работ по исторической фонетике и диалектологии русского языка.

Заслуживает упоминания и рано умерший талантливый лингвист Л. Л. Васильев, создавший ряд исследований языка по данным письменных памятников, в частности, работы по ис-

тории *ѣ* в московском говоре, о значении коморы в древнерусских памятниках, о сочетании *кл, гл* в памятниках письменности и др.

Учеником Шахматова являлся и С. П. Обнорский (1888 — 1962), занимавшийся вопросами исторической морфологии (в этой области он создал два больших труда: „Именное склонение в современном русском языке“, т. I, 1927; т. II, 1931 и „Очерки по морфологии русского глагола“, 1953) и историей русского литературного языка (см. „Очерки по истории русского литературного языка старшего периода“, 1946).

Вопросам исторической фонетики в свое время уделял внимание и другой ученик Шахматова — В. В. Виноградов (1895 — 1969) (см. его „Очерки по истории звука *ѣ* в севернорусском наречии“, 1919 г.), впоследствии занимавшийся вопросами изучения русского литературного языка, стилистики и языка писателя. В. В. Виноградов является создателем науки об истории русского литературного языка (см. его книгу „Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.“ (изд. 1 — 1934 г., изд. 3 — 1983 г., и работу „Основные этапы истории русского языка“ в журнале „Русский язык в школе“, 1940, № 3—5, а также монографии и многочисленные статьи о языке крупнейших русских писателей — Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого и др.). Большое значение для истории русского языка имеют работы В. В. Виноградова по лексике — по истории различных русских слов.

Интересным лингвистом был Л. П. Якубинский (1892 — 1945), книга которого „История древнерусского языка“ впервые была издана в 1953 г. В этом труде основное место занимают проблемы истории литературного языка, а также исторической морфологии и исторического синтаксиса.

В области изучения исторического синтаксиса значительный интерес представляет работа Е. С. Истриной (1883—1957) „Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи“ (1923), являющаяся важным источником для изучения проблем истории развития синтаксической системы русского языка.

Для дальнейшего изучения истории русского языка много сделали славяноведы: Б. М. Ляпунов (1862—1943), написавший „Исследование о языке Синодального списка I Новгородской летописи“ (1889); А. М. Селищев (1886—1942), создавший не только книгу „Западнославянские языки“ (т. I „Славянского языкознания“, 1941) и пособие „Старославянский язык“ (1951—1952), но и „Диалектологический очерк Сибири“ (1921) — книгу, содержание

*Сергей Петрович
Обнорский*

*Леонид Арсеньевич
Булаховский*

которой шире ее названия (в ней рассматриваются звуковые явления, которые связывают говоры Сибири с северно-великорусскими диалектами европейской части нашей страны¹); Л. А. Булаховский (1888 — 1962), автор „Исторического комментария к русскому литературному языку“ (эта книга переиздана в 1953 г. как т. II „Курса русского литературного языка“) и ряда работ по истории акцентологических отношений в русском и иных славянских языках.

§ 23. В послевоенные годы и особенно с конца 50-х — начала 60-х годов нашего века развернулась широкая деятельность советских ученых, занимающихся проблемами истории русского языка и диалектологии. За это время появилось много работ в области исторической фонетики и фонологии, исторической морфологии и исторического синтаксиса; разрабатывались и общие вопросы истории складывания и развития русского языка в его диалектном многообразии. Эти последние вопросы были поставлены прежде всего в работах Р. И. Аванесова (1902 — 1982). В статьях „К истории средневеликорусских говоров“ (1946), „Вопросы образования русского языка в его говорах“ (1947), „К вопросам образования русского национального языка“ (1953), „Проблемы образования языка русской (великорусской) народности“ (1956) Р. И. Аванесов, опираясь на новые диалектные данные, собранные для составления Диалектологического атласа русского языка, выдвинул новую, по сравнению с предшествующей, теорию образования средневеликорусских говоров, а также наметил общее диалектное членение русского языка на разных этапах его истории. Эти работы стали основополагающими для последующего изучения истории различных русских диалектов. Р. И. Аванесов занимался также и проблемами исторической фонетики и фонологии. В этом плане особое значение имеет его статья „Из истории русского вокализма. Звуки *i* и *y*“ (1947), в которой с последовательно фонологической точки зрения была рассмотрена история звуков [и] и [ы] и на этой основе были поставлены важные проблемы истории развития русской фонетической системы. Вопросы исторической фонетики получили освещение и в таких работах, как „Вопросы лингвистической географии русских говоров центральных областей“ (1952) и „Лингвистическая география и история русского языка“ (1952).

¹ Эта работа переиздана, см.: А. М. Селищев. Избранные труды. М. «Просвещение», 1968.

Одним из крупнейших историков русского языка был П. С. Кузнецов (1899—1968). Он является создателем систематического курса исторической морфологии русского языка (см.: П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Историческая морфология. 1953). Много внимания он уделял также изучению исторической фонетики и фонологии, русской диалектологии и вообще широкому кругу проблем сравнительно-исторического славянского языкознания. Такие работы ученого, как „Вопросы сравнительно-исторического изучения славянских языков“ (1952), „Очерки по морфологии праславянского языка“ (1961), „К вопросу о генезисе видо-временных отношений в древнерусском языке“ (1953), „К исторической фонетике росто-во-суздальских говоров“ (1948), „О возникновении и развитии звуковых чередований в русском языке“ (1952), „Чередования в общеславянском языке-основе“ (1954) и многие другие, точно так же как и учебные пособия „Русская диалектология“ (последнее издание — 1960 г.) и „Историческая грамматика русского языка“ (совместно с В. И. Борковским; 2 изд. — 1965 г.), содержат огромное количество фактов, извлеченных из памятников и диалектов, множество тонких и интересных наблюдений, остроумных гипотез, важных для науки выводов.

Проблемы исторического синтаксиса наиболее полно и глубоко разрабатывались в трудах В. И. Борковского (1900—1982) и Т. П. Ломтева (1906—1972). В двух книгах— „Синтаксис древнерусских грамот (простое предложение)“ (1949) и „Синтаксис древнерусских грамот (сложное предложение)“ (1958), а также в многочисленных статьях по вопросам истории синтаксических явлений русского языка В. И. Борковский на основе богатейшего фактического материала, извлеченного из памятников письменности, рассмотрел все основные явления в синтаксической системе древнерусского языка. Вопросам истории развития русского синтаксиса отведено большое место в книге В. И. Борковского и П. С. Кузнецова „Историческая грамматика русского языка“ (раздел синтаксиса написан В. И. Борковским). Под руководством В. И. Борковского в конце 70-х годов было создано двухтомное академическое исследование по историческому синтаксису русского языка (см.: „Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение“ М., „Наука“, 1978; „Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение“ М., „Наука“, 1979).

Т. П. Ломтеву принадлежит обширное исследование „Очерки по историческому синтаксису русского языка“ (1956), в котором не только подробно и с привлечением многих ранее неизвестных фактов памятников письменности рассмотрены процессы исторического развития синтаксической системы, но и выдвинуты новые гипотезы относительно складывания и развития основных категорий русского синтаксиса. Т. П. Ломтев известен также и своей „Сравнительно-исторической грамматикой восточнославянских языков“ (1961), являющейся оригинальным трудом по методу исследования фактов.

Большое значение как в исследовании общих проблем истории

*Ватрослав
(Игнатиј Викентьевич)
Ягич*

русского языка, так и в обобщении результатов предшествующих этапов развития науки имеет книга Ф. П. Филина (1908—1982) „Образование языка восточных славян“ (1962). В ней, опираясь на новейшие данные, автор поставил вопросы о происхождении славян и их прародине, рассмотрев при этом различные теории и гипотезы, связанные с решением данных вопросов: о балто-славянской языковой общности и о связях славян с финно-уграми, с германцами и иранцами; о процессах, связанных с распадом праславянского языка и образованием языка восточных славян. Все эти проблемы рассмотрены с привлечением многих фактов исторической фонетики русского языка, причем в ряде случаев Ф. П. Филин

выдвигает новые положения, переоценивая прежнюю интерпретацию фактов, новые гипотезы и теории. В 1972 г. вышла еще одна книга Ф. П. Филина — „Происхождение русского, украинского и белорусского языков“, обширное исследование, в котором были поставлены и во многом по-новому решены важные проблемы истории восточных славян и их языков, а также рассмотрены спорные вопросы развития структуры этих языков. В последние годы жизни Ф. П. Филин много внимания уделял вопросам истории русского литературного языка (см. его книгу „Истоки и судьбы русского литературного языка“ М., 1981).

Вопросам исторической грамматики русского языка в связи с проблемами лингвистического источниковедения посвящены две книги С. И. Коткова — „Московская речь в начальный период становления русского национального языка“ (М., „Наука“, 1974) и „Лингвистическое источниковедение и история русского языка“ (М., Наука, 1980). Организатор широкой работы в нашей стране по лингвистическому изданию памятников русской письменности (прежде всего — московской и южновеликорусской), С. И. Котков на основе анализа языковых явлений, отраженных в этих памятниках, ставит и рассматривает целый ряд важных вопросов исторической фонетики и морфологии русского языка.

Разработка проблем исторической грамматики успешно осуществляется и другими лингвистами, работающими в Москве, Ленинграде и других городах нашей страны.

§ 24. Проблемы исторической грамматики русского языка привлекали и привлекают внимание многих зарубежных лингвистов. Среди них прежде всего должен быть упомянут профессор Венского университета И. В. Ягич (1838—1923), который долгое время

работал в России. Его „Критические заметки по истории русского языка“ (1889) были посвящены разбору „Лекций“ А. И. Соболевского и содержали вместе с тем ряд самостоятельных интересных соображений по вопросам исторической грамматики. Большое значение имеет и другой труд И. В. Ягича—„Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке“ (1885—1895), в котором были исследованы некоторые старинные рукописные памятники по вопросам языка.

Н. С. Т р у б е ц к о й, глава Пражского лингвистического кружка, образовавшегося после первой мировой войны, выдвинул оригинальную теорию образования русского языка, оказавшуюся, правда, недостаточно обоснованной¹, а также создал ряд работ в области исторической фонетики и морфологии русского и других славянских языков.

Член этого кружка Р. О. Я к о б с о н в 1929 г. издал в Праге работу „Remarques sur l'évolution phonologie du russe comparée à celle des autres langues slaves“, в которой была сделана первая попытка изложить историю звуковой системы русского языка в фонологическом плане. В 1931 г. Р. О. Якобсон написал статью „Prinzipien der historischen Phonologie“, сформулировав в ней основные требования и задачи исторической фонологии применительно прежде всего к славянским языкам.

Б. О. У н б е г а у н (1898—1973), работавший до середины 60-х годов нашего века в Оксфордском университете в Англии, в 1935 г. опубликовал обширную монографию, посвященную русскому языку XVI в.,— „La langue russe au XVIe siècle“, в которой была рассмотрена система русского именного склонения изучаемого периода времени.

В 1960 г. в Лондоне вышла книга В. К. М е т ь ю с а „Историческая грамматика русского языка“ („Russian historical grammar“), не только содержащая основные вопросы истории развития грамматической системы русского языка, но и рассматривающая проблемы истории русского литературного языка.

Наконец, можно назвать вышедшую в Гейдельберге книгу К и п а р с к о г о „Русская историческая грамматика“ („Russische historische Grammatik“), представляющую собой изложение общего курса исторической грамматики русского языка.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

В и н о г р а д о в В. В. Русская наука о русском литературном языке. — „Ученые записки МГУ“, т. 3, кн. 1, вып. 106. 1946.

Ч е м о д а н о в Н. С. Сравнительное языкознание в России. М., 1956.

¹ Критику этой работы дал А. М. Селищев (см.: С е л и щ е в А. М. Избранные труды. М., „Просвещение“, 1968, с. 31—40).

ОБРАЗОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

ВЫДЕЛЕНИЕ СЛАВЯН ИЗ ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКОГО ЕДИНСТВА

§ 25. Все современные славянские языки делятся на три группы: ю ж н о с л а в я н с к у ю (болгарский, сербско-хорватский, македонский и словенский языки), з а п а д н о с л а в я н с к у ю (польский, чешский, словацкий, кашубский, верхне- и нижнелужицкий языки) и в о с т о ч н о с л а в я н с к у ю (в которую входят русский, украинский и белорусский языки). Все эти три группы славянских языков составляют одну из ветвей индоевропейской семьи языков.

§ 26. Современное состояние, современная структура славянских языков обнаруживают поразительную их близость: факт общности славянских языков в фонетике, морфологии и в словаре очевиден. Вслушиваясь в речь не только украинцев и белорусов, но и поляков, чехов, сербов, болгар, человек, говорящий по-русски, всегда поймет многие слова, а иногда и целые фразы. Подобная общность дает возможность предполагать, что в далеком прошлом близость славянских языков была выражена еще отчетливее и что эта близость объясняется происхождением всех славянских языков из о д н о г о праславянского языка, который являлся языком индоевропейской системы.

В свою очередь изучение индоевропейских языков показывает, что в их структуре также можно найти ряд общих явлений, позволяющих говорить о них как о родственных языках и, следовательно, предполагать существование в еще более отдаленном прошлом о б щ е и н д о е в р о п е й с к о г о я з ы к а - о с н о в ы. Правда, такое предположение не говорит еще о том, что праиндоевропейский язык может быть восстановлен путем сравнения структур современных индоевропейских языков (хотя такие попытки и были): у исследователей слишком мало фактов, которые могли бы помочь в разрешении этого вопроса. Но само существование такого общиндоевропейского языка-основы можно все же предполагать.

Распад общиндоевропейского языка-основы привел к образованию ряда родственных языков, из которых впоследствии развились современные индоевропейские языки, в том числе и славянские.

Выделение славян из общиндоевропейского единства произошло в глубочайшей древности, приблизительно к началу III ты-

сячелетия до н. э. После этого выделения все славяне долгое время, вероятно, продолжали жить совместно. Это вполне определенно доказывается общностью их древних языковых переживаний, общими изменениями языковой структуры, захватившими все славянские языки (ср., например, переход к структуре открытых слогов и связанные с этим процессы). Весь этот длительный период является эпохой существования праславянского языка, или общеславянского языка - основы.

§ 27. Можно думать (хотя это и трудно доказать точно), что в середине I тысячелетия н. э. общеславянская эпоха закончилась: именно в это время языки отдельных славянских групп развивают те особенности, которые противопоставляют их друг другу. Процесс образования трех славянских языковых групп был сложен, и в разные периоды дописьменной эпохи эти группы были в разных отношениях друг к другу. По древнейшим чертам (например, по судьбе сочетаний [*tl], [*dl]; [*kveǔ], [*gveǔ] и др.; см. подробнее ниже) сближаются восточные и южные славяне в отличие от западных; по некоторым же иным чертам восточные славяне объединяются с западными (например, по начальным этапам истории сочетаний типа [*tort], по наличию флексий ǣ и ѡмь в определенных падежных окончаниях и др.; см. подробнее ниже). Можно обнаружить и такие явления, по которым восточные славяне сближаются лишь с частью западных, тогда как другая часть последних ближе к южной группе.

При этом, в отличие от групп южных и западных славян, в которых не было полного единства, восточнославянская языковая группа являлась наиболее цельной: языковые новообразования здесь охватывали в равной степени всех восточных славян, и в древнейших фонетических процессах у них, как видно, не обнаруживается никаких различий.

§ 28. Первые упоминания о славянах относятся к начальным векам нашей эры и принадлежат римским историкам (Плинию, Тациту, Птолемию), которые упоминают славянское племя венеды, живших, по их указанию, в районе Прибалтики.

По поводу слова *венеды* можно думать, что оно не славянское: до сих пор немцы называют лужичан *die Wenden* (ср. финск. *venäjä*, *venät*), эст. *vene* — „русский“); вместе с тем предполагают, что, возможно, это слово связано с одним из племенных названий восточных славян — *вятичи*, др.-русск. *вѣтичи* (где древний корень — **vent-*), и носит исконно славянский характер (корень **vent-* сохраняется в ст.-слав. *вѣщии*, др.-русск. *вѣщій* — „большой, высший“).

В более поздних источниках, относящихся к VI в. н. э. (у византийского историка Прокопия Кесарийского или у готского Иордана), упоминаются два славянских племени — словене и анты. Кесарийский писал о движении к югу, на Балканский полу-

остров, нового народа. Западная часть этого народа называется Σκλαβηνοι (склавены), а восточная — Ανταί или Αντεσ (анты). В прошлом, отмечал Прокопий, эти племена имели одно имя — споры.

Нетрудно видеть во всех этих данных указание на широту расселения славянских племен, на то, что в V—VI вв. они занимали обширную территорию.

Сопоставляя различные сведения о славянах, предполагают, что венеды — это западные славяне; склавены, или словене, — южные, а анты — восточные.

Каким же образом возникли эти три славянские языковые группы и каков путь их дальнейшего развития?

В IV—III вв. до н. э. праславянский язык занимал территорию, границы которой географически определяются следующим образом: западная — среднее течение р. Вислы (до устья Западного Буга), восточная — среднее течение Днепра (от устья Припяти до Сулы), северная граница определяется течением Припяти, а южная — верхним течением Южного Буга и Днестра¹.

На рубеже нашей эры славяне занимали уже более обширную территорию: они продвинулись к западу от верхнего и среднего течения Одры, вышли на северо-западе к побережью Балтийского моря; в движении на восток и северо-восток славяне перешли Днепр и двинулись по бассейнам Сожа и Десны. Таким образом, к I—II вв. н. э. праславянский язык занимал территорию от левого побережья Одры до среднего течения Десны и от Балтийского моря до предгорий Карпат. В результате всех этих передвижений единая этническая группа славян распалась на две — на западную и восточную. Западный диалект праславянского языка лег в основу западославянских языков, а восточный — в основу южно- и восточнославянских языков.

Во II—III вв. н. э. начинается движение славян к югу. Один путь шел в районы Восточных Карпат и далее — на территорию Большой Среднедунайской низменности, а другой — на так называемую Молдавскую возвышенность (между Восточными Карпатами и Прутом). В V в. эта часть славян продвинулась еще дальше на юг — к Южным Карпатам, в Нижнедунайскую низменность. На всех этих территориях начинают формироваться южнославянские языки. Вместе с тем во II—III вв. славяне продвигаются и на северо-восток, по Десне, Сожу и Днепру, а начиная с III—IV вв. — и на юго-восток, по Днестру, Южному Бугу и Днепру к Черному морю.

¹ Вопрос о славянской прародине и древнейших судьбах славянства до сих пор окончательно не решен. О теориях по этому вопросу см. в книге: С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, с. 52—66, а также: Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян. М., 1962, с. 20—49, 147—151. Мы излагаем здесь ту точку зрения, которая высказана С. Б. Бернштейном.

После II в. предки восточных славян продвигаются на запад — до Западного Буга.

Западные славяне, с одной стороны, достигают левого берега Эльбы и расселяются в Южной Прибалтике, которую раньше заселяли готы, ушедшие оттуда на юго-восток. С другой стороны, часть западных славян двинулась на юг, в районы современной Чехословакии.

В VI в., как уже говорилось, южные славяне заселяют Балканский полуостров, колонизация которого ими закончилась в VII в., а также области Восточных Альп. В свою очередь, восточные славяне, заселяя весь бассейн Днепра и его левых притоков, продвигаются к северу (в районы Ловати и Волхова), на восток (в бассейн Оки и верховья Волги) и на юг — в Северное Причерноморье. Правда, в VIII—IX вв. кочевники оттеснили восточных славян вновь к северу. Все эти процессы способствовали отделению восточных славян от южных.

Итак, расселение славян на обширной территории и ослабление связей между отдельными группами постепенно стали приводить к распаду славянской языковой общности. Это обусловило усиление местных особенностей в праславянских диалектах, которые начали превращаться в самостоятельные языки.

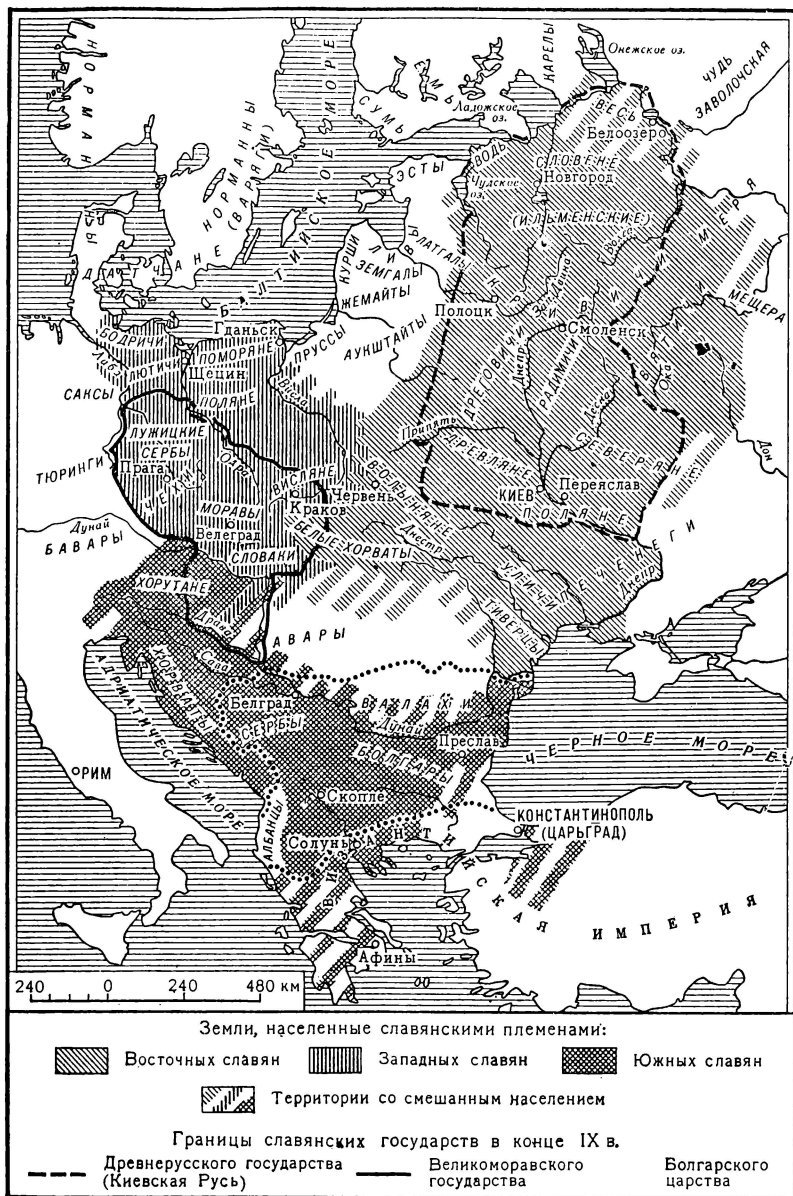
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ПЛЕМЕНА И ИХ ГРУППИРОВКА

§ 29. Начиная с конца общеславянской эпохи, т. е. не позднее VI в. н. э., и кончая приблизительно IX в., на всей территории Великого водного пути „из Варяг в Греки“, т. е. на территории от озера Ильмень и бассейна Западной Двины до Днепра, а также к востоку — в районах верхнего течения Оки и Волги, на Дону и Сев. Кавказе — и к западу — на землях Волини, Подолии и Галиции, расселялись многочисленные восточнославянские племена, говорившие на близкородственных диалектах.

§ 30. Названия этих родственных восточнославянских племен и места их расселения к IX в. можно установить по данным „Повести временных лет“

На севере, в районе озера Ильмень, жили с л о в е н е; южнее и западнее их, в бассейнах Зап. Двины, верхнего течения Днепра и Волги, располагалось обширное племя к р и в и ч е й (границы кривичской территории проходили близко от Москвы — в районах Можайска, Клина, Дмитрова). Кривичи, как видно, рано, в результате расселения, распались на две ветви: на западную — в верхнем течении Двины, на р. Великой и в районе Чудского озера, и восточную — в верхнем течении Волги.

Земли по верхнему и среднему течению Оки до Москвы-реки, а также в верховьях и дальше по течению Дона занимали пле-

Расселение славянских племен в IX в.

мена в я т и ч е й, на территории которых впоследствии возникла Москва. Западнее вятичей, в бассейне Сожа, между Днпром и Десной, жили р а д и м и ч и. Еще западнее, на севере от р. Припяти, в Белоруссии, были д р е г о в и ч и (название, вероятно, связано с диалектным смоленским словом *дрегва* — „болото“). В районе Киева, на правом берегу Днепра, располагалось племя п о л я н; севернее Киева, по реке Припяти до Днепра, жили д р е в л я н е, городом которых был Искоростень. По рекам Десне, Сейму, Суле и на юго-восток до Кавказа занимали земли с е в е р я н е (судя по названию, это племя северного происхождения, но Шахматов думал, что если это было и так, то приход северян на эту территорию относится к очень давнему времени). К югу и юго-западу от полян, по Днестру, жили племена у л и ч е й и т и в е р ц е в. К западу от древлян и полян, в верховьях Буга, жили д у л е б ы. Наконец, к западу от дулебов, в пределах Галиции, располагались х о р в а т ы.

§ 31. Все эти племена были в различной близости друг к другу и на различных ступенях экономического и культурного развития. Вполне вероятно поэтому, что существовали определенные г р у п п ы восточнославянских племен.

По поводу их древнейшей группировки существуют различные гипотезы русских лингвистов, среди которых наиболее разработанной представляется теория А. А. Шахматова, изложенная им во „Введении в курс истории русского языка“.

А. А. Шахматов делил все восточнославянские племена на три группы и считал, что каждая из них характеризовалась своими языковыми особенностями. Эти группы он называл северной, южной и восточной, а представителей этих групп соответственно — севернорусами, южнорусами и восточнорусами.

Шахматов, предполагая исходной точкой расселения восточных славян Волынь, считал, что их соседями на западе были поляки, а на востоке — финны. Восточные славяне, заняв правый берег Днепра, скоро перешли и на левый. Из этой левобережной части выделилась восточнорусская ветвь, которая перешла из Днепровского бассейна в Донецкий, осаживаясь по Сев. Донцу и Осколу. Кроме того, часть левобережной ветви пошла к северу — в Северное Поднепровье, к истокам Зап. Двины, Ловати и Волги. Так выделилась севернорусская ветвь. На старых местах — в районе средней части Днепровского бассейна и Днестра — остались южнорусы.

К VII—VIII вв. восточнорусы продвинулись к югу — в Нижнее Подонье до Азовского моря. Именно там, по Шахматову, было первоначальное средоточие вятичей, которые и составляли восточнорусскую ветвь, откуда они шли и к югу, и к северу — в Приокские земли. В экономическом отношении восточнорусы-вятичи были связаны с хозарами. Язык вятичей, по мнению Шахматова, характеризовался наличием аканья.

В северную группу входили, по Шахматову, словене и кривичи. Эта группа располагалась на севере Великого водного пути, тяготела к Балтийскому морю и была связана со Скандинавией. В языковом отношении севернорусы отличались наличием цоканья.

В южную группу входили поляне, древляне, северяне, уличи и тиверцы, дулебы и хорваты. Эта группа занимала южную часть Великого водного пути „из Варяг в Греки“ с центром в Киеве. Экономически она была связана с Византией и Балканским полуостровом. Языковой чертой, присущей этой группе, был [ɣ] — звук [r] фрикативного образования.

При всей стройности и законченности теории Шахматова страдает серьезными недостатками. Прежде всего она не подтверждается достаточно данными археологии. Если в археологическом отношении действительно обнаруживается связь словен и кривичей, то южнорусская группа не выделяется целиком: здесь сближается лишь ее юго-западная часть — поляне, древляне и дулебы.

Еще менее теория Шахматова подтверждается лингвистически, ибо встает вопрос о действительной древности и о степени распространенности тех фонетических черт, которые Шахматов считал характерными для отдельных групп восточных славян.

Ведь для того чтобы признать, что та или иная фонетическая особенность действительно характеризовала определенную группу древних восточнославянских племен, необходимо, чтобы данная языковая черта, во-первых, действительно была древней, а во-вторых, чтобы она была действительно распространена лишь на территории определенной группы, причем на всей этой территории, и не должна быть известна на какой-либо иной территории, занимаемой другими группами.

Если с этой точки зрения рассмотреть теорию А. А. Шахматова, то можно установить следующее.

Как показывают памятники, цоканье является действительно древней чертой (оно отражается уже в новгородских памятниках XI в.). Но цоканье не было чертой, свойственной всем севернорусским племенам: по крайней мере в памятниках Ростово-Суздальской земли, заселенной потомками восточных кривичей, оно не получило отражения. С другой стороны, цоканье известно ныне и на юге (например, в говорах Рязанской мещеры), где оно появилось не в результате распространения с севера, а в результате развития на местной почве¹. Поэтому едва ли возможно считать, что цоканье могло быть действительно определяющей чертой для древнейшего периода истории русского языка в том плане, что оно характеризовало одну целую группу восточнославянских племен.

В отношении фрикативного образования [r] следует отметить, что древность этого явления по памятникам установить трудно, так как в них есть только одна буква г, которая могла обозначать как взрывной, так и фрикативный звук. Поэтому при определении

¹ См. подробнее ниже, § 71.

характера образования звука [r] для древних периодов пользуются только косвенными данными¹. Таким косвенным доказательством наличия в древности [ɣ] для Шахматова был факт написания *ch* вместо *g* в сочинении византийского императора Константина Багрянородного „О народах“ (949). При передаче названий днепровских порогов Константин употреблял в составе этих названий элемент *prach* (например, *Vulni-prach*, *Ostrovuni-prach* и т. п.). Шахматов полагал, что *prach* — это передача старославянского прагх², соответствующего русскому *порог*, где на месте [r] в положении конца слова как будто бы появляется *х*. (Известно, что в русских диалектах [r] оглушается в [k], а [ɣ] — в [x].) Но возможно и иное толкование этимологии этого слова (предложенное А. М. Селищевым): *prach* восходит к более древнему **porcha* (как известно, ст.-слав. сочетание *pa* в соответствии с русским *opo* между согласными развилось из праславянского **or* в том же положении), где [ch] после [r] в праславянском из и.-е. [s], т. е. **porch* < **pors*. Это слово сближается с германским (скандинавским) *fors* — „водопад“. Таким образом, основание, на которое опирался Шахматов, не очень убедительно, чтобы утверждать наличие [ɣ] в древний период истории русского языка. Точно так же не убедительны и иные факты, на которых строил свои рассуждения, решая рассматриваемый вопрос, А. А. Шахматов.

Что же касается аканья, то вопрос о его возникновении едва ли может быть решен так, как решал его Шахматов. Дело заключается в том, что аканье в своем возникновении, без сомнения, было связано с редукцией безударных гласных, и потому оно не могло возникнуть раньше, чем прошел процесс падения редуцированных. Логически вероятнее предположить, что редукции сначала должны были подвергнуться самые краткие звуки — [ъ] и [ь] и только потом уже — гласные полного образования. Есть и ряд других доказательств относительно позднего происхождения аканья в русском языке³.

Таким образом, как видно, нет оснований принимать теорию Шахматова по поводу древнейшей группировки восточнославянских племен. Да и вообще говоря, окончательно решить этот вопрос пока что нельзя. Можно лишь делать некоторые предположения о связях и степени близости отдельных племенных образований восточных славян.

¹ См. подробнее ниже, § 72.

² Что касается отсутствия в слове *prach* конечного гласного, соответствующего славянскому ъ, то, возможно, это объясняется не ранним диалектным исчезновением слабого редуцированного (см.: П. Я. Черных. Историческая грамматика русского языка. М., 1962, с. 51), а тем, что данное слово входило „в большую группу бытовавших в греческом языке несклоняемых слов иноязычного происхождения с конечным согласным“ (А. И. Толкачев. О названии днепровских порогов в сочинении Константина Багрянородного „De administrando imperio“. В кн.: Историческая грамматика и лексикология русского языка. М., 1962, с. 48).

³ См. подробнее ниже, § 132.

ОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ НАРОДНОСТИ И ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

§ 32. В IX—X вв. у восточных славян возникли города-центры — Киев и Новгород. Борьба между этими крупнейшими в политическом, экономическом и культурном отношениях центрами привела в конце концов к образованию единого Древнерусского государства во главе с Киевом и к возникновению древнерусской народности. Языковая общность этой народности была унаследована от языковой общности восточнославянских племен (или племенных союзов). Наличие такой языковой общности в прошлые эпохи было одним из факторов, содействовавших объединению бывших племен восточных славян в единую древнерусскую народность.

Образование древнерусской народности выразилось, между прочим, в том, что возросла устойчивость языковой единицы — диалекта определенной территории. В эпоху племенных образований такой устойчивости языковой единицы быть не могло, ибо племена постоянно передвигались, занимая обширные территории.

Закрепление отдельных групп населения на тех или иных территориях отразилось в постепенном отмирании старых племенных названий и в появлении названий жителей определенных областей. Так, словене стали называться новгородцами, поляне — киянами (от Киева), вятичи — рязанцами и т. д.

Такое закрепление населения на определенной территории привело к образованию новых территориальных единиц — земель и княжеств, — объединенных под властью Киева. При этом границы новых образований не всегда совпадали со старыми племенными границами. Так, с одной стороны, если территория Новгородской земли в общем совпадала с прежней территорией словен, то с другой — на бывшей территории одного племени кривичей формируются Смоленское и Полоцкое княжества с близкими диалектами и Псковское — с отличным от них. На территории же одного Ростово-Суздальского княжества оказались потомки словен, кривичей и отчасти вятичей.

Все это не могло не вести к перераспределению диалектных особенностей, к образованию новых диалектных групп, а следовательно, к утрате прежнего диалектного членения языка и к созданию нового такого членения. Однако объединение всех княжеств под властью Киева, создание Киевского государства привело к тому, что нарушившаяся несколько в период существования отдельных племенных групп общность языковых переживаний восточных славян стала вновь возможной после IX в. (это, например, отразилось в одинаковой судьбе редуцированных в XII в. во всех восточнославянских диалектах), хотя, конечно, диалектные различия могли не только сохраняться, но и развиваться дальше.

В X—XI вв. в языке древнерусской народности постепенно накапливались диалектные различия. На восточнославянском юге развилось изменение [г] в [γ], в отличие от севера, северо-запада и северо-востока. На восточнославянском севере и северо-западе появилось цоканье, как видно, в результате влияния со стороны финских языков. На узкой западной территории, возможно, сохранялись древние сочетания [*tl], [*dl]. Все эти особенности затраги-

вали отдельные элементы фонетической системы диалектов, но глаго́ло не касались грамматического строя, в результате чего единство общенародного языка сохранялось¹.

§ 33. В укреплении единства древнерусского языка сыграла роль выработка так называемого к и е в с к о г о к о й н е.

Как известно, Киев возник на земле полян, и население его изначально было полянским. О племенном диалекте полян, которые занимали в IX—X вв. очень небольшую территорию, а к XI в., вероятно, исчезли совсем, сведений не имеется. Однако сама история Киевской земли, как об этом свидетельствует археология, характеризовалась тем, что на эту территорию, еще до образования Киевского государства, шло население с севера. По летописным преданиям, Киевское государство и началось с захвата Киева северными князьями. Поэтому, как видно, население Киева с давних времен было этнически смешанным: в его составе были представители как северных, так и южных племен. Это смешение усиливалось и увеличивалось за счет пополнения населения Киева пришельцами из разных древнерусских областей. Можно думать поэтому, что разговорный язык Киева первоначально отличался большой пестротой. Однако постепенно возникает своеобразный сплав диалектных черт — койне, в котором одни черты были по происхождению южными, а другие — северными. Например, в этом койне были такие типично южнорусские слова, как *вольъ*, *брехати*, *лѣпный* („красивый“), и такие севернорусские, как *лошадь*, *вѣкиа*, *истѣба* (> *изба*). В древнекиевском койне происходила нивелировка особенно резких диалектных черт, в результате чего оно смогло стать языком, удовлетворяющим потребности Киева в его связях со всей Русью, что, без сомнения, укрепляло единство русского народа.

Конечно, местные диалекты не могли в этот период подвергнуться нивелировке, ибо тогда не было еще тех исторических условий, которые возникают в эпоху образования национального языка и которые приводят к растворению диалектов в едином национальном языке. Именно поэтому диалектные особенности продолжали развиваться, и это наиболее ярко обнаруживалось на территориях, значительно отдаленных от Киева. Однако, несмотря на это, киевское койне сыграло определенную роль в укреплении языкового единства древнерусской народности.

§ 34. Вопрос о развитии древнерусского языка в Киевскую эпоху связан, кроме того, с вопросом о происхождении письменности и о начале развития русского литературного языка.

¹ Здесь и далее при характеристике диалектного членения русского языка в разные эпохи его развития, а также при описании различных особенностей древних диалектов использованы положения работы Р. И. Аванесова „Проблемы образования языка русской (великорусской) народности“ (Вопросы языкознания, 1955, № 5).

Вопрос о возникновении письменности на Руси в настоящее время до конца не решен.

Ранее предполагалось, что письменность на Руси возникла вместе с принятием христианства, т. е. в конце 988 г. До этого времени восточные славяне якобы не знали письма, не умели писать. После крещения на Руси появились рукописные книги, сначала на старославянском языке, писанные той азбукой, которую придумал Константин (Кирилл) Философ, и занесенные сюда из Византии и Болгарии. Затем стали создаваться и свои — древнерусские — книги, написанные по старославянским образцам, а позже русские люди начали пользоваться перенятой у южных славян азбукой и в деловой переписке.

Однако такая точка зрения противоречит многим научным и историческим фактам, которые были известны и раньше, но, по существу, не принимались во внимание.

Есть основания полагать, что восточные славяне и до крещения Руси знали письмо. Известно, что в „Житии Константина Философа“ имеется указание на то, что Константин (Кирилл), попав в 860 г. в Корсунь (Херсонес), „обрел евангелие, писанное русскими буквами“. По поводу того, что это были за письмена, мнения ученых расходятся, и вопрос окончательно не решен. Однако это обстоятельство не отрицает существования письменности на Руси уже в IX в. О том же говорят и указания летописи о договорах русских с греками, относящихся к началу X в. (907 г.). Без всякого сомнения, эти договоры должны были быть как-то написаны, т. е. на Руси в то время должна была уже быть письменность. Наконец, такие факты, как Гнездовская надпись X в., берестяные новгородские грамоты XI — XII вв., различные надписи XI в., представляют древнерусское бытовое письмо, появление которого не может быть поставлено в связь со старославянским языком.

Таким образом, все эти факты могут свидетельствовать о том, что письменность у восточных славян зародилась задолго до крещения Руси и древнерусское письмо было буквенным.

С возникновением, развитием и укреплением Киевского государства развивается и совершенствуется письменность, нужная для государственной переписки, для развивающейся торговли и культуры.

В этот период развивается и древнерусский литературный язык, проблемы истории которого составляют предмет особого изучения.

РАСПАД ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЯЗЫКА ВЕЛИКОРУССКОЙ НАРОДНОСТИ

§ 35. Огромная территория Киевского государства с разнообразным по экономическим, этническим и культурным признакам населением, объединенная под властью Киева, рано начала обнаруживать тенденции к распаду.

К середине XI в., а особенно в XII в., процесс ослабления Киева, с одной стороны, и процесс укрепления и обособления новых политических центров — с другой, привел к тому, что Киев потерял свое ведущее значение. Историческая жизнь древней Руси, не удержавшись на первоначальной территории, сдвинулась к северу, северо-востоку, северо-западу и западу и стала концентрироваться вокруг нескольких новых центров, имевших уже не общерусское, а местное значение. Этим самым усиливалась феодальная раздробленность древней Руси, что приводило и к определенным изменениям в языке древнерусской народности: усиление феодальной раздробленности означало прежде всего углубление диалектных различий в древнерусском языке.

В письменных памятниках XII — начала XIII в. получает отражение ряд диалектов древнерусского языка. Это был период, когда проходил процесс падения редуцированных, общий для всех восточных славян, но имевший различные последствия, с одной стороны, на юге, а с другой — на остальной территории (речь идет о судьбе исконных [o] и [e] перед слогом с утратившимися [ъ], [ь] и о судьбе сочетаний типа [*tъrt] с редуцированным в слабом положении; см. об этом ниже).

Таким образом, уже тогда юг и юго-запад древнерусской территории (Киев, Галицко-Волынская и Турово-Пинская земли) были противопоставлены северу и северо-востоку. Но и на севере и северо-востоке было не все одинаково в диалектном отношении. На этой территории везде, кроме Смоленской и Полоцкой земель, развилось [ô]; наоборот, в Смоленске и Полоцке [o] под восходящей интонацией рано совпало с [o] под нисходящей интонацией и [o] из [ъ]; здесь же рано [ě] изменился в [e].

К этой же эпохе, как видно, относится появление аканья в русском языке. Это все свидетельствует об углублении диалектных различий, охватывающих то широкие, то узкие территории, в зависимости от экономических, политических и культурных объединений.

В эту эпоху выделялись следующие диалекты: н о в г о р о д с к и й — с [r] взрывного образования, губно-зубным [v], цоканьем, [ê] на месте [ě], оканьем, с [ô]; п с к о в с к и й — также с [r] взрывным, губно-зубным [v], цоканьем, оканьем, но с [e] на месте [ě]; здесь сохранялись сочетания [*tl], [*dl] в виде [кл], [гл], на месте [c], [з] и [ш], [ж] произносились шепелявые согласные; с м о л е н с к и й — с [r] взрывным, губно-губным [v], цоканьем, оканьем, с [e] на месте [ě], но без [ô]; р о с т о в о - с у з д а л ь с к и й — с [r] взрывным, губно-зубным [v], с [ê] на месте [ě], с [ô], оканьем, но при отсутствии цоканья; а к а ю щ и й д и а л е к т в е р х н е й и с р е д н е й О к и и м е ж д у р е ч ь я О к и и С е й м а, характеризующийся аканьем, фрикативным образованием [r],

губно-губным [в], не имеющий цоканья, с [ê] и [ô] на значительной территории.

Однако близость русских диалектов в предшествующую эпоху не привела в новый период их истории к большому их расхождению, к полному нарушению их единства. Языковая общность древнерусской народности сохранилась, ибо развитие диалектных различий не затронуло глубоко структуры русского языка. Памятники письменности рассматриваемого периода, ярко отражающие диалектные особенности, написаны на одном и том же древнерусском языке.

Вместе с тем в это время в языке развились уже некоторые явления, впоследствии ставшие характерными чертами отдельных восточнославянских языков. Однако в данный период нельзя еще говорить об образовании этих языков, так как не сложились еще соответствующие социально-экономические общности.

§ 36. К XIV в. усилилась феодальная раздробленность древней Руси, которая привела к дальнейшему обособлению русских диалектов северо-восточной Руси и Руси юго-западной и западной. Однако в это время шел и иной процесс — процесс создания Русского государства на северо-востоке, в Ростово-Суздальской Руси.

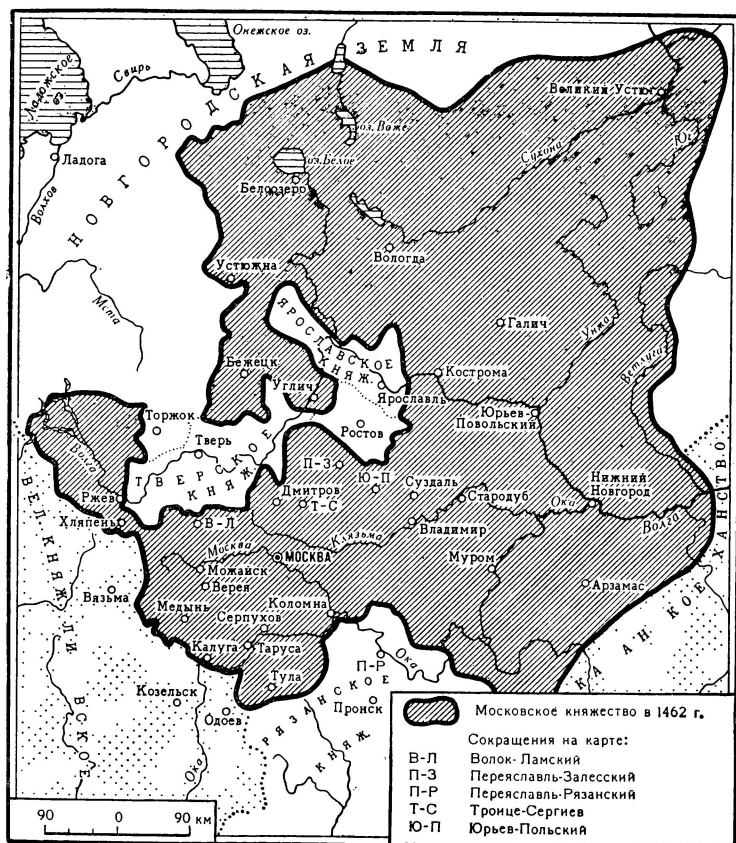
В период XIV—XV вв. складываются три отдельные восточнославянские народности — великорусская, украинская и белорусская. В резком отделении диалектов юго-запада и запада сыграло роль то, что эти территории Руси оказались в составе Великого княжества Литовского.

Итак, хотя тенденция к обособлению древнерусских диалектов наметилась еще в XII в., все же только в эпоху XIV—XV вв. происходит оформление трех восточнославянских народностей с их особыми языками.

§ 37. Говоря об образовании трех восточнославянских языков, А. А. Шахматов выдвинул в свое время гипотезу по поводу протекания этого процесса. Как уже говорилось, он делил все восточнославянские племена на три группы: северную, южную и восточную. Образование трех отдельных языков Шахматов связывал с судьбой этих трех групп. По его мнению, большая часть южнорусов образовала украинскую народность и украинский язык; белорусский язык образовался частично южнорусами, частично — восточнорусами, а также потомками дреговичей и радимичей; великорусский же язык образовался из наречий севернорусов и большей части восточнорусов. То, что в образовании великорусского языка сыграли роль две отличные друг от друга группы племенных диалектов, отразилось, по мнению Шахматова, в наличии двух наречий великорусского языка — северного и южного (переходные же средневеликорусские говоры свидетельствуют о сближении этих двух наречий).

Изложенная теория Шахматова страдает определенным анти-историзмом. Это прежде всего выражается в том, что Шахматов упускает из виду перегруппировку племенных диалектов, наступившую в эпоху феодальных образований на Руси. Нельзя думать, как это представлялось Шахматову, что языки восточнославянских народностей возникли непосредственно в результате развития племенных диалектов. Не племенные, а территориальные диалекты эпохи феодальной раздробленности, объединившись и развившись в новых исторических условиях, образовали три отдельных восточнославянских языка. Так, в состав великорусского языка вошли диалекты Ростово-Суздальской земли, Новгородской, Псковской, Рязанской земель, так называемых Верховских княжеств; в состав белорусского языка — диалекты Смоленской и части Галицкой земель и т. д.

§ 38. Процессы, связанные с образованием великорусской народности и ее языка, представляются в следующем виде.

Передвижение исторической жизни с юга на северо-восток, сосредоточение населения на новой территории привели к созданию в Ростово-Суздальской Руси крупного государства. Очень скоро во главе Ростово-Суздальской Руси встает Московское княжество, с центром в Москве, явившееся той базой, вокруг которой формируется великорусская народность.

Свидетельством формирования в е л и к о р у с с к о й н а р о д н о с т и и ее языка на почве объединения разных диалектов является возникновение на всей территории этой народности, не выходя за ее пределы, языковых новообразований, несвойственных языкам украинской и белорусской народностей.

В области фонетики такими новообразованиями являются изменение слабых [ъ] и [ь] в сочетании с предшествующим плавным (типа [trɛtʲ]) в [o] и [e] и развитие [ы̣], [и̣] в [ọ], [ẹ]; в области морфологии — утрата звательной формы, замена свистящих заднеязычными в формах склонения (*ногѣ вместо ногѣ), развитие форм имен. пад. мн. ч. на -а (типа берега), образование форм повелительного наклонения на -ите вместо -кте (типа несите вместо неск-те), появление форм повелительного наклонения с [к], [г] у глаголов на заднеязычные (помоги вместо помози). Все эти факты отличают великорусский язык и свидетельствуют о единстве вновь складывающейся народности на северо-востоке Руси.

§ 39. Язык великорусской народности в структурном отношении был близок к современному русскому языку: к этому времени уже произошло изменение [e] в [ʼo] и функциональное объединение [и] и [ы], установилась система твердых-мягких и глухих-звонких согласных, утратилась старая система прошедших времен, объединились некоторые старые типы склонений, унифицировались твердые и мягкие варианты склонений.

Ядро территории великорусской народности было едино в диалектном отношении, но постепенное расширение ее увеличивало диалектное многообразие как за счет северновеликорусских, так и за счет южновеликорусских говоров. Те и другие постепенно начинают становиться диалектами великорусского языка. Таким образом, общенародный русский язык выступает и теперь в своих местных разновидностях. В деловой письменности получает особенное отражение ростово-суздальский диалект, в состав которого входил и московский говор; вокруг этого диалекта начинают концентрироваться другие говоры. Но и местные диалекты продолжают развиваться в связи с неизжитыми еще феодальными областническими тенденциями. Так, на юг от Москвы из акающей территории выделяется Тульский край, диалекты которого развиваются под воздействием Москвы¹, в то время как Рязанский край

¹ В частности, влиянием Москвы, как видно, объясняется появление в тульских говорах умеренного яканья, вытеснившего диссимилативное. См.: Р. И. А в а н е с о в. Цит. раб., с. 33.

менее подвержен такому влиянию. Однако рязанские диалекты тоже были неоднородны: говоры юга больше сохраняют ю.-в.-р. черты, чем говоры севера; происходит взаимодействие с финно-угорскими диалектами, носители которых живут на рязанской территории. На западе Курско-Орловская земля, находясь между Русью и Литвой, испытывала влияние последней, а когда эта территория попала в XIV в. в состав Литвы, на ней вообще не развились языковые новообразования юга.

В XIV—XV вв. выделяется смоленский диалект, ю.-в.-р. по характеру, с белорусскими чертами.

В Москве и к северу от нее были окающие диалекты. Таковыми были псковский говор, лишь позднее ставший средневеликорусским; обширный новгородский диалект, который развивался на своей территории неодинаково: здесь стали различаться вологодско-вятские, архангельские, поморские, олонечные говоры, развивающие те черты, какие свойственны им теперь, а также и собственно новгородские, которые попали под воздействие Москвы в связи с обновлением населения из центра.

Выделяется и ростово-суздальский диалект, в говорах которого в эту эпоху начинают развиваться новообразования, сближающие их с ю.-в.-р. говорами; их потомками являются владимиرو-поволжские говоры. Наконец, в XIV—XVI вв. на стыке с.-в.-р. и ю.-в.-р. говоров образуются переходные средневеликорусские говоры. Таким образом, при сохранении единства русского языка в его структуре продолжали развиваться диалектные особенности.

ОБРАЗОВАНИЕ РУССКОЙ НАЦИИ И РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

§ 40. В XVII в. складывается русская нация. Это было связано с экономической и политической концентрацией территорий, со слиянием феодальных земель и княжеств, с образованием общего всероссийского рынка.

„Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе“¹.

В эту эпоху начинает складываться и русский национальный язык, который является не новым языком по отношению к языку великорусской народности, а дальнейшим его развитием, обусловленным развитием самой народности в нацию.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 258.

§ 41. Образование национального языка, связанное с концентрацией территорий, постепенно приводит к прекращению развития новых диалектных особенностей, хотя существующие диалекты сохраняются долго, устойчиво удерживая свои местные особенности. Вообще, как известно, нивелировка диалектов, утрата ими своих специфических черт является длительным и медленно протекающим процессом, который даже в наши дни идет не очень быстрыми темпами.

Процесс формирования русского национального языка в связи с историей диалектов обусловлен еще одним явлением.

Как уже говорилось, Ростово-Суздальская земля с ее неоднородностью первоначальной славянской колонизации (в ней участвовали восточные кривичи, словене, вятичи) отличалась и диалектным многообразием. Однако в ней количественно преобладали и социально-экономически и культурно господствовали потомки северновеликорусов — восточных кривичей, которые составляли ядро населения Ростово-Суздальской земли. Это обусловило складывание ростово-суздальского диалекта первоначально как северновеликорусского. Точно так же северновеликорусским по характеру первоначально был и московский говор, входивший в ростово-суздальский диалект.

В течение XIV, да и XV в. Московское княжество сохраняло северновеликорусский характер своего говора, как и другие диалекты Ростово-Суздальской земли. Правда, в самой Москве, расположенной на территории вятичей, было сосредоточено этнически разнородное население — как потомки северных (кривичи), так и потомки южных племен (вятичи), но выработка единого диалекта Москвы шла, как видно, сначала под ведущим воздействием севера. Во всяком случае, в XV—XVI вв. язык Москвы имел еще ярко выраженный северновеликорусский характер.

Вместе с тем уже с XIV в. в Московском княжестве медленно, но неуклонно усиливаются позиции южновеликорусских говоров, что связано с постепенным расширением территории государства на юг (в 1304 г. к Москве присоединяется Можайск, потом — Коломна, Лопасня, Верея и т. д.) и с освоением южновеликорусских областей.

Проникновение в Москву южновеликорусского населения вело к увеличению в ней разнодиалектности; как писал Шахматов, в Москве одни акали, другие окали. И лишь постепенно, к XVII в. вырабатывается единое московское просторечие, средневеликорусское по своему характеру, т. е. с аканьем, [r] взрывным, [t] в 3-м лице глаголов, с формой *у меня* и т. д.

Выработка единого московского говора, московского просторечия сыграла большую роль в начале развития русского национального языка.

В эпоху образования этого языка, к середине XVIII в., развивается единая устно-разговорная разновидность литературного языка, которая распространяется по всей стране, все шире про-

никая в письменность. Источниками этого типа языка являются московское просторечие и деловой письменный язык, оба с северной основой. Но московское просторечие в своем развитии все больше и больше проникалось южными элементами; обогащалось оно и за счет элементов церковнокнижного языка, приобретших общенародный характер (таких, например, как слова с неполногласными сочетаниями, с [жд], [ш'], с [el], не изменившимся в [ʼo], и т. д.).

Эта устно-разговорная норма литературного языка все шире распространяется и вытесняет диалекты, которые становятся низшей формой языка, утрачивающейся под влиянием устной литературной речи. Подвергаясь обработке и нормированию, устная литературная речь постепенно становится высшей формой национального языка, которая потенциально готова стать единственным средством общения.

В первой трети XIX в. русский литературный язык уже выступает как нормализованная литературно обработанная форма национального языка. С этого времени литературный русский язык развивает свою сложившуюся структуру, обогащая свой словарный состав и улучшая грамматический строй, постепенно становясь единственным средством общения русских людей.

§ 42. Октябрьская революция пробудила к жизни национальные меньшинства нашей страны. Советская власть и построение социализма в СССР дали возможность развиваться национальным культурам и национальным языкам всех народов нашей страны.

После Октябрьской революции быстрый подъем культуры привел к активизации процесса перемалывания, нивелировки диалектов. С другой стороны, литературный язык обогащается за счет местных диалектов, усваивая из них то, что ведет к развитию его языковой структуры.

В наши дни русский национальный язык — это язык не только русского народа. Это язык, служащий средством общения между всеми народами нашей страны, это и средство международного общения людей.

Пройдя долгий и сложный путь развития, русский язык достиг высокой степени совершенства и вошел в ряд языков, имеющих мировое значение.

РУССКИЙ ЯЗЫК В КРУГУ РОДСТВЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

§ 43. Современный русский язык не только в его литературной форме, но и во всем многообразии диалектов находится в определенных отношениях ко всем другим славянским языкам. В его языковой структуре обнаруживаются, с одной стороны, элементы, являющиеся общими для всех славян, а с другой — элементы, сближающие его только с другими восточнославянскими языками.

Кроме того, в его языковой структуре есть черты, отличающие русский язык от всех остальных славянских языков, в том числе и от украинского и белорусского. Все это объясняется историческими путями образования и развития русского языка. Нетрудно понять, что общие языковые элементы во всех славянских языках возникли в период общеславянского единства, в период существования праславянского языка, и являются наследием этого единства. Вместе с тем такие общие черты могли возникнуть и после распада общеславянского единства, в результате параллельного развития явлений в диалектах-предках разных славянских языков.

Отсюда становится ясным и то, что черты, общие только для восточных славян и отличающие последних от западных и южных славян, возникли в период существования единого восточнославянского языка-основы, в период древнерусского языка, т. е. тогда, когда уже не существовало общеславянского единства и три славянские языковые группы развивали явления в свойственном для каждой из них направлении. Правда, иногда черты, отличающие восточных, южных и западных славян друг от друга, могли воз-

Лист из Остромирова евангелия
1056 — 1057 гг.

никать, как видно, и в праславянский период, что было связано с диалектным членением самого праславянского языка.

Наконец, черты, свойственные только русскому языку и несвойственные не только, скажем, польскому, чешскому, болгарскому и т. д., но и ближайше родственным украинскому и белорусскому языкам, возникли в период после распада восточнославянского единства, в период распада древнерусского языка. Как показывает историческое изучение восточнославянских языков, начало развития явлений, свойственных одному лишь русскому языку, относится к периоду, когда древнерусское единство еще сохранялось, однако окончательное их оформление произошло лишь в эпоху существования отдельной великорусской народности и ее языка.

Таким образом, при рассмотрении вопроса о месте русского языка в кругу иных славянских языков встает необходимость выяснения тех языковых особенностей, которые, во-первых, сближают все славянские языки, во-вторых, отличают восточных славян от южных и западных и, наконец, в-третьих, характеризуют лишь русский язык в отличие от украинского и белорусского.

Первый круг особенностей касается, как уже говорилось, общеславянского наследия в языковой структуре всех славянских языков и затрагивает все без исключения стороны этой структуры. Поэтому не только нет возможности перечислить эти особенности, но и нет необходимости в таком перечислении. О главных из этих особенностей в области фонетики и морфологии еще будет идти речь в соответствующих разделах исторической грамматики, о лексической общности славянских языков отчасти будет также сказано в дальнейшем.

Поэтому более важным представляется выяснение черт, общих для всех восточных славян в отличие от южных и западных, а также черт, отличающих русский язык от украинского и белорусского.

§ 44. Отличия восточнославянских языков от южно- и западнославянских.

В области фонетики три восточнославянских языка имеют ряд общих черт, отличающих их от южно- и западнославянских языков. К ним относятся:

1) Наличие так называемого *полногласия* (см. § 88), т. е. наличие сочетаний [орол], [оло], [лел] в корнях слов между согласными, при сочетаниях [ра], [ла], [рѣ], [лѣ] у южных славян (а также у чехов и словаков) и [ро], [ло], [ре], [ле] — у западных. Ср.: русск. *ворона, долото, молоко, берег*, укр. *ворона, долото, молоко, берег*, белорусск. *варона, долата, малако, бераг*¹; болг. *вра-на, длато, мялко, бряг*; польск. *broda, dłuto, mleko, brzeg* и т. п.

¹ Как известно, белорусская орфография основывается на фонетическом принципе правописания, поэтому написание приведенных слов с а отражает актуальное произношение, свойственное белорусскому языку.

2) Наличие начального [o] в ряде слов, имеющих в других славянских языках сочетание [je] в начале слова. Ср.: русск. *осень, один, озеро, олень*, укр. *оси́нь, один, озеро, о́лень*, белорусск. *восе́нь, адзін, возе́ра, алені́*; болг. *есен, един, езеро, елен*; чешск. *ješeň, jeden, jezero, jelen* и т. п. (см. § 91).

3) Произношение [ч] и [ж] на месте общеславянских сочетаний [*tj], [*kt], [*gt] и [*dj] при [št], [žd] в болгарском, [h], [ʰ] — в сербском и [c], [dz] — в западнославянских языках. Ср.: русск. *свеча, ворочать, ночь, печь, сажать*, (диал.) *нужа* (из [*světja], [*vortjati], [*noktʲ], [*pektʲ], [*sadjati], [*nondja]), укр. *сві́чка, ніч, сижу*, белорусск. *свечка, ноч, сяджу*; болг. *свеи́ц* (< *свеи́шт*), *нужда, саждам*, сербск. *све́ћа, ноћ, пећи, сађа*; польск. *wracać, świeca, noc, sadzać, nudza*, чешск. *svíce, vracetí, noc, péci, nouze, sadzat'* и т. п. (см. § 83).

4) Наличие гласных [o] и [e] на месте древнерусских редуцированных [ѣ] и [ь] в сильном положении при произношении иных гласных в южно- и западнославянских языках. Ср.: русск. *сон, мох, день, жнец* (из *сѣнѣ, мѣхѣ, днь, жьньць*), укр. *сон, мох, день, жнець*, белорусск. *сон, мох, дзень, жнец*; сербск. *сан, мах* („плесень“), *дан*; польск. *sen, mech, dzień, żeniec*, чешск. *sen, mech, den* и т. п. (см. § 108).

В области м о р ф о л о г и и чертами, характерными специально для восточнославянских языков, можно считать следующие:

1) Употребление общей формы для муж., жен. и ср. р. в имен. вин. пад. мн. ч. у прилагательных и местоимений при полном или частичном сохранении родовых различий в других славянских языках. Ср.: русск. муж., жен. и ср. р. *новые, зимние, эти, твои, мои, они*, укр. муж., жен. и ср. р. *нові, зимні, ці, твої, мої, вони*, белорусск. муж., жен. и ср. р. *новы, зімні, гэтыя, твае, мае, яны*; чешск. муж. р. *mladí, lelní, ti, ti, mí, oni*, жен. р. *mladé, letní, ty, té, mé, ony*, ср. р. *mladá, letní, ta, tá, má, ona* и т. п. (см. § 211).

2) Употребление форм на *-ам, -ами, -ах* в дат., твор. и местн. пад. мн. ч. всех типов склонения существительных при сохранении (полном или частичном) старых различий этих форм в разных типах склонения в иных славянских языках. Ср.: русск. *столам, домам, костям, стенам* (из *столомѣ, домѣмѣ, костѣмѣ, стѣнамѣ*), *столами, домами, костями, стѣнами* (из *сто́лы, домѣ́ми, костѣ́ми, стѣ́нами*), *столах, домах, костях, стенах* (из *сто́лъхѣ, домѣ́хѣ, костѣ́хѣ, стѣ́нахѣ*), укр. *столам, домам, костям, сті́нам, столами, домами, костями, сті́нами, столах, домах, костях, сті́нах*, белорусск. *сталам, дамам, касцям, сцѣнам, сталамі, дамамі, касцямі, сцянямі, сталах, дамах, касцях, сцѣнах* и т. п.; чешск. *stolům, domům, kostem, sestram, stoly, domy, kostmi, sestrami, stolech, domech, kostech, sestrach* и т. д. (см. § 180).

3) Отсутствие кратких (или энклитических) форм личных и

возвратного местоимений, известных в некоторых падежах в иных славянских языках. В русском, украинском и белорусском языках нет форм *мѣ, тѣ, сѣ* (вин. пад.), *ми, ти, си* (дат. пад.), но ср. чешск. *me, te, se* (вин. пад.), *mi, ti, si* (дат. пад.) (см. § 195).

4) Наличие окончания [т] или [т'] в 3-м лице глаголов настоящего времени при отсутствии его в других славянских языках. Ср.: русск. *тѹчит, носит, поит*, укр. *точить, носит, поїть*, белорусск. *точыць, носіць, поіць*; чешск. *prosi, trpi, boli*; сербск. *носи, трѣсе, чїта* и т. п.

5) Употребление древнего причастия на -л без вспомогательного глагола-связки в качестве формы прошедшего времени при сохранении старой формы перфекта (иногда в несколько измененном виде) в иных славянских языках. Ср.: русск. *плел, клал, хлопнул*, укр. *плів, клав, хлопнув*, белорусск. *плёў, клаў, хлопнуў*; чешск. *pletl jsem, nesl jsi, psali jsme*, польск. *wiódłem* (из *vedił jesmь*), *plotłem* (из *pletlъ jesmь*) и т. п.

§ 45. Отличия русского языка от украинского и белорусского. В области фонетики русский язык отличается от других восточнославянских языков следующими чертами:

1) Наличие в русском языке сочетаний [po], [lo] и [pe], [le] в корнях слов между согласными (на месте древних сочетаний [*trъtъ], [*tъtъ] и [*trъtъ], [*tъtъ]) при произношении в украинском и белорусском на их месте [ры], [лы] и [ри], [ли]. Ср.: русск. *крошить, глотать, тревога, слеза* (из *крѣшити, глѣтати, трѣвога, слѣза*), укр. *кришити, глитати, тривога*, белорусск. *крышыць, глытаць* и т. п. (см. § 110).

2) Произношение в русском языке звуков [o] и [e] в положении перед [ѣ] или [ј] при [ы] и [и] в украинском и белорусском. Ср.: русск. *злой, молодой, мою, бей, шея* (из древних *зѣлыи, молодѣи, мыю, биѣи, шѣя*; см. § 111), укр. *злий, молодой, мию, бий, шѣя*, белорусск. *злы, малады, мыю, бі, шѣя* и т. п.

3) Наличие в русском языке сочетаний мягких зубных и шипящих с [ј] в соответствии с произношением долгих мягких согласных в украинском и белорусском языках. Ср.: русск. *платье, коренья, судья, ключья*, укр. *плаття, коріння, суддя*, белорусск. *плацце, корэньне, суддзя* и т. п. (см. § 117).

4) Наличие взрывного или фрикативного образования [ɣ] в русском языке при фарингальном [h] в украинском и белорусском. Ср.: русск. [город — ɣород], [гусь — ɣусь], укр. [horod], [husь], белорусск. [horad], [husь] (см. § 72).

В области морфологии и такими чертами отличия являются:

1) Отсутствие особой звательной формы в русском языке при сохранении ее в украинском и белорусском. Ср.: русск. *брат!, сын!, сестра!, муж!, Иван!*, укр. *друже!, брате!, діду!, сынку!, сестро!, мамо!*, белорусск. *мужу!, коню!, брате!* и т. п. (см. § 186).

2) Отсутствие в русском языке чередования заднеязычных [к],

[r], [x] со свистящими [ц], [з], [с] в падежных формах имен существительных и наличие этого чередования в украинском и белорусском языках. Ср.: русск. *рука — руке, на руке, нога — ноге, на ноге, соха — сохе, о сохе*, укр. *рука — руці, на руці, нога — нозі, на нозі, соха — сосі, на сосі*, белорусск. *рука — руцэ, на руцэ, нага — назе, на назе, саха — сасе, на сасе* и т. п. (см. § 190).

3) Широкое распространение в русском языке формы имен. пад. мн. ч. с окончанием -а(-я) под ударением у существительных не среднего рода при наличии окончания -ы, -и в украинском и белорусском языках (см. § 181). Ср.: русск. *дома, города, острова, учителя, берега, края*, укр. *доми, острови, учителі, береги, краї*, белорусск. *дамы, гарады, астравы, učitelі, берагі* и т. п.

§ 46. Однако при рассмотрении места, занимаемого русским языком в кругу иных славянских языков, недостаточно ограничиться установлением общих восточнославянских особенностей, не находящих себе места в языках западных и южных славян, и тех особенностей, которые отделяют русский язык от украинского и белорусского. Эта недостаточность объясняется тем, что восточнославянские языки вообще, и русский язык в частности, находятся в более сложных отношениях с иными славянскими языками. По ряду фонетических и морфологических явлений восточнославянские языки сближаются с южнославянскими и вместе с ними отличаются от западнославянских языков; по ряду же иных явлений, наоборот, они сближаются с западнославянскими языками, отличаясь от южнославянских. Русский язык по некоторым своим особенностям сближается с украинским языком, отличаясь вместе с ним от белорусского, и наоборот, по другим своим чертам он сближается с белорусским, отличаясь от украинского.

Все эти факты находят себе объяснение в истории восточных славян и, конкретнее, в истории русского народа, вступавшего в различные связи с разными славянскими народами на протяжении своего развития.

§ 47. Особенности, сближающие восточнославянские языки с южнославянскими в отличие от западнославянских языков. В числе этих особенностей следует назвать такие, как:

1) Произношение сочетаний [цв] и [зв] в начале слов *цвет* и *звезда* у восточных и южных славян при сохранении более древних сочетаний [кв] и [гв] — у западных. Ср.: русск. *цвет, звезда*, укр. *цвіт, зізда*, сербск. *цвет, звезда*, болг. *цвете, звезда*, чешск. *květ, hvězda*, польск. *kwiat, gwiazda* (см. § 82).

2) Утрата [t] и [d] в древних сочетаниях [*tl], [*dl] у восточных и южных славян при их сохранении у западных. Ср.: русск. *мыло, сало, шило, вел, плел*, укр. *мило, сало, вів, плів*, белорусск. *мыла, сала, вёў, плёў*, чешск. *mýdlo, sádlo, šídlo, vedl, pletl*, польск. *mydło, sadło, szydło, wiódł, plotł* и т. п.

3) Последовательное употребление [l — epentheticum] в сочетании с губными в корнях слов у восточных и южных славян (кроме болгар) при отсутствии этого явления не в начале слова — у западных. Ср.: русск. *земля, капля, купля*, укр. *земля, капля, купля*, белорусск. *зямля, купля*, сербск. *зѣмља, капља, кѹпљив*, чешск. *zeme, koupe*, польск. *ziemia, kupie* и т. п. (см. § 83).

§ 48. К особенностям, сближающей восточнославянские языки с западнославянскими в отличие от южнославянских, нужно отнести наличие в определенной категории слов начальных сочетаний [po], [lo] у восточных и западных славян при соответствующих сочетаниях [pa], [la] — у южных. Ср.: русск. *ровный, рост*, приставка *роз-* (в *розвальни, роспись* и т. п.), *лодка, локоть*, укр. *розбийник, розвалитись*, польск. *równy*, приставка *roz-, robić, rósć, łodka, łokieć*, чешск. *rovný, robota, růsti, loket*, сербск. *páwni, pásti, лађа, лат, болг. равен, раста, ладия, лакът* и т. п. (см. § 89).

Кроме того, восточнославянские языки сближаются с западнославянскими и отличаются от южнославянских еще двумя чертами, которые, однако, в настоящее время не характерны для современного русского языка. Одна из этих особенностей заключается в том, что языку восточных славян, т. е. древнерусскому языку, и языку западных славян было свойственно окончание [ě] („ять“) в ряде падежных форм существительных жен. и муж. р., соответствующее [ɛ] (носовому звуку [el]) в языке южных славян. Ср.: др.-русс. вин. пад. мн. ч. *земѣ, волѣ, конѣ* (откуда укр. *землі, волі, коні*), польск. *ziemie, konie* (где конечное [e] из [ě]) и ст.-слав. *Зѣмля, воля, коня* (см. § 79).

Второй особенностью древнерусского и западнославянских языков являются формы дат. пад. ед. ч. местоимений *тобѣ, собѣ* с [o] в основе; в южнославянских языках здесь выступают формы, имеющие в основе гласный [e]. Ср.: др.-русс. *тобѣ, собѣ* (совр. русск. диал. *тобе, собе*), укр. *тобі, собі*, польск. *tobie, sobie*, чешск. *tobe, sobe* и ст.-слав. *тебѣ, себѣ*, сербск. *теби, себи* (см. § 195).

§ 49. Особенности, сближающие русский язык с белорусским языком в отличие от украинского. В области фонетики и морфологии к этим особенностям относятся следующие:

1) Сохранение исконных [o] и [e] в новом закрытом слоге¹ в русском и белорусском языках и произношение на их месте гласного [и] — в украинском. Ср., русск. *нос, стол, рок, печь*, белорусск. *нос, стол, рок, печ* и укр. *ніс, стіл, рік, піч* и т. п. (см. § 109).

¹ Новый закрытый слог — это слог, ставший закрытым в результате утраты редуцированного гласного: ср.: [сто/ль] и [стол], [ко/нь] и [кон']. См. § 115.

2) Произношение [o] после мягкого согласного на месте [e] под ударением перед твердой согласной в русском и белорусском языках при сохранении [e] — в украинском. Ср. русск. [т'ом]ный, [зел'он]ый, [бер'оз]а, [прин'ос], [прив'ол]¹, белорусск. *цёмны, зялёны, бяроза, прынёс, прывёў*, укр. *темний, зелений, береза, принес* и т. п.

3) Смягчение всех парных твердых-мягких согласных перед [e] в русском и белорусском языках при сохранении их твердости — в украинском. Ср.: русск. [д'лень, [в'е]чер, [м'е]ня, белорусск. [дз'ен'], [в'ечар], [м'ен'е] и укр. [дэн'], [вэчир], [мэнэ] и т. п.

4) Различение звуков [и] и [ы] в русском и белорусском языках при наличии одного промежуточного между [и] и [ы] звука (перед которым согласные не смягчаются) — в украинском. Ср.: русск. *быть и бить, мыло и мило, сит и сила*, белорусск. *быць и біць, мыла и міла, сит и сіла, бити* (= „быть“ и „бить“), *мило* (= „мыло“ и „мило“), *сит, сила* и т. п.

5) В русском и белорусском языках нет такой характерной для украинского языка формы сложного будущего времени, как *писатиму, носитиму, робитиму* и т. п.

§ 50. Особенности, сближающие русский язык с украинским в отличие от белорусского.

1) Русский и украинский языки знают твердое и мягкое [р], тогда как в белорусском языке (в литературном и в юго-западных говорах) есть только [р] твердое. Ср.: русск. *рад и ряд, игра и грязь, корыто и горит*, укр. *рад и ряд, грати и грязь, корито и и горіти*, белорусск. *рад* (= „рад“ и „ряд“), *граць и грязь, карыта и гарыць* и т. п.

2) Русский и украинский языки не знают характерного для белорусского языка дзеканья и цеканья, т. е. произношения мягких [д] и [т] со свистящим призвуком. Ср.: русск. *дед, дети, один, тихо, бить*, укр. *дід, діти, один, тихо, бити*, белорусск. *дзед, дзеці, адзін, ціха, біць* и т. п.

§ 51. Кроме перечисленных выше различных фонетических и морфологических особенностей, которые определяют место русского языка в кругу иных славянских языков, есть еще и лексические особенности, сближающие или отличающие восточнославянские, южнославянские и западнославянские языки и русский язык с украинским и белорусским. Однако лексические соотношения между разными языками очень сложны и до конца не установлены. Это связано с тем, что наличие одинаковых слов в родственных языках

¹ Здесь и далее в примерах современного произношения транскрибируются только необходимые для понимания изложения звуки; остальная часть слов дается в орфографическом написании.

или отсутствие того или иного слова в одних языках при существовании его в других не всегда можно объяснить исконной близостью или отличием языков. Здесь могут играть роль и иные причины (как заимствование слов, так и их исчезновение в отдельных языках), вскрыть которые можно лишь путем глубокого изучения истории лексики, истории отдельных групп слов или даже отдельных слов. Поэтому данные вопросы выходят, по существу, за пределы исторической грамматики русского языка в область его исторической лексикологии.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

А в а н е с о в Р. И. Вопросы образования русского языка в его говорах. „Вестник МГУ“, 1947, № 9; Очерки русской диалектологии. М., 1949, с. 34—38, 202—212; К вопросам образования русского национального языка. „Вопросы языкознания“, 1953, № 2; Проблемы образования языка русской (великорусской) народности. „Вопросы языкознания“, 1955, № 5.

Б е р н ш т е й н С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, с. 24—86, 102—111.

В и н о г р а д о в В. В. Основные этапы истории русского языка. „Русский язык в школе“, 1940, № 3—5.

В и н о к у р Г. О. Русский язык. Исторический очерк. М., 1945.

М е й е А. Общеславянский язык. М., 1951, с. 5—14.

Т р е т ь я к о в П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953.

Ф и л и н Ф. П. Образование языка восточных славян. М., 1962, с. 152—166, 218—226; Происхождение русского, украинского и белорусского языков. М., 1972.

Ч е р н ы х П. Я. Происхождение русского литературного языка и письма. М., 1950.

Ш а х м а т о в А. А. Введение в курс истории русского языка, ч. I. Пг. 1916, с. 7—122.

Я к у б и н с к и й Л. П. История древнерусского языка. М. 1953, с. 43—63.

ФОНЕТИКА

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

§ 52. Развитие фонетической системы языка тесно связано с развитием других его сторон, и прежде всего морфологической и лексической систем. Это обуславливается и объясняется тем, что изменения звуков происходят в составе слов языка и в их формах. Поэтому изменения звуков постепенно могут привести и приводят к изменению морфем — префиксов, суффиксов и окончаний, что влечет дальнейшие преобразования в общей морфологической структуре слова. Особенно важно то, что изменения фонетической стороны языка влекут за собой преобразование корней слов, что в конце концов приводит к созданию новых слов в языке. Говоря иначе, различные морфологические и лексические явления языка (в частности, русского) часто объясняются в конечном счете изменениями, затронувшими некогда его фонетическую систему.

Например, такие современные русские слова, как *цена* и *каяться*, никак не связанные ныне семантически и имеющие каждое свое словообразовательное гнездо (ср.: *цена* — *ценный* — *ценить* — *оценка* и т. п. и *каяться* — *покаяние* — *кающийся* и т. п.), в далеком прошлом развились из одного корня, подвергшегося в определенных условиях фонетическому преобразованию; этим исконным для всех славян корнем был **koi* — „мстить, наказывать“ Следовательно, первоначально **koĭna* означало „мечь“ (ср.: лит. *kàina* — „цена“, др.-иранск. *kaēna* — „возмездие“). Преобразование же этого корня было вызвано тем, что на славянской почве дифтонг [oi] в положении перед согласным не сохранялся, а изменялся в гласный переднего ряда [ē], тогда как в положении перед гласным этот дифтонг не переживал подобного изменения. Звук же [k], попав в положение перед гласным переднего ряда [ē], изменился в свистящий [cʰ]: *koĭna* > *c'ēna*. С другой стороны, *kaĭ-a-ti-se* > *kaĭti* с_ж > *ка-*

яться, где дифтонг перед гласным распадался и неслоговой элемент отходил к следующему слогу. Дальнейшие семантические и словообразовательные процессы привели к полному разрыву связей этих двух слов.

Или, например, слова *начало* и *конец* исконно были образованы от одного корня **kьn-// *kon-*; в исконном **na-kьn-dlo* звук [k] перед гласным переднего ряда изменился в праславянском языке в [č'], а сочетание [ьп] перед согласным — в [ɛ]; [ɛ] позже на восточнославянской почве изменилось в [a]; так возникло сочетание [č'a] (-ча-) вместо **kьn*. Во втором слове корень **kon-* не изменился, так как [п] оказалось перед гласным: **kon-bc'-b*.

Известно далее, что, например, современные слова *сын* и *стол* исконно изменялись по разным типам склонения, имея разные основы: **sūnūs* (древняя основа на *ū*) и **stōlōs* (древняя основа на *ō*). Толчком к сближению их склонений явились фонетические изменения конца слова, приведшие к тому, что имен. пад. ед. ч. у них стал одинаково оканчиваться на [ъ]. В свою очередь сближение разных типов склонения повлекло за собой утрату одного из них в древнерусском, а тем самым и в современном русском языке.

Однако история звуковой стороны языка — это не просто история изменения и развития отдельных звуков, а история сложных связей и отношений единиц звуковой системы — это история **фонологических отношений**, характерных для данного языка на разных этапах его развития.

Как известно, звуки речи выступают в языке в качестве знаков, необходимых для различения словоформ, — в качестве фонем. Фонетическая система языка является **системой фонем**, связанных между собой определенными и подчас сложными отношениями. **Отношения фонем изучаются в наиболее важной стороне фонетики языка — в фонологии.** Иначе говоря, фонология — это учение о системе фонем, характерной для данного языка на данном этапе его развития.

Следовательно, в лингвистике есть задача изучения и **истории фонологических отношений**, истории системы фонем. Этим и занимается сравнительно молодая область исторического языкознания — **историческая (или диахроническая) фонология**, являющаяся высшей ступенью исторической фонетики языка.

Фонетическая система языка в ее фонологическом аспекте строится на **двух рядах отношений**: на характере сочетаемости фонем в потоке речи (**синтагматический ряд**) и на характере противопоставленности фонем в тождественных условиях (**парадигматический ряд**). Условия и особенности сочетаемости и противопоставленности фонем определяют общий облик фонетической системы языка в разные периоды его развития. Поэтому, рассматривая далее фонетическую историю русского языка, необходимо не только установить состав гласных и согласных фонем, но и рассмотреть характер сочетаемости и противопоставленности их в ту или иную эпоху развития русского языка.

ФОНЕТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ДРЕВНЕРУССКОГО (ОБЩЕВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО) ЯЗЫКА К МОМЕНТУ ПОЯВЛЕНИЯ ПИСЬМЕННОСТИ (X—XI вв.)

СЛОГОВАЯ СТРУКТУРА ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА КОНЦА X — НАЧАЛА XI в.

§ 53. Звуковая система древнерусского языка этого периода его развития характеризовалась двумя закономерностями, связанными со структурой слога.

Известно, что слог состоит обычно из слогового и неслогового элементов. Слоговыми звуками (или носителями слога) являются большей частью гласные звуки, а неслоговыми — согласные. Однако в славянских языках сонорные [r] (р) и [l] (л) могут выступать как слоговые¹, а гласные [i] (и) и [u] (у) — как неслоговые². Слог, оканчивающийся слоговым звуком, является открытым, а оканчивающийся неслоговым звуком — закрытым.

Первой закономерностью, которая характеризовала структуру слога древнерусского языка, был закон открытого слога, сущность которого заключается в том, что слог в общевосточнославянском языке оканчивался только на слоговой звук, т. е. в подавляющем большинстве случаев на гласный, например: *столъ, братъ, дворъ, снегъ, знакъ*.

Если учесть, что гласные звуки являются наиболее звучными, то можно установить, что закон открытого слога предполагал расположение звуков в слоге по возрастающей звучности, т. е. слог начинался с наименее звучного и оканчивался наиболее звучным звуком.

Закон открытого слога определил тот факт, что в древнерусском языке не могло быть согласных звуков на конце слов, ибо в этом случае конечный слог оказывался бы закрытым. Этот же закон обусловил ограниченность в языке сочетаний согласных: в древнерусском языке выступали лишь строго ограниченные в своем составе группы согласных, состоявшие большей частью из двух элементов, первым из которых был шумный, а вторым — сонорный [p], [l], [n], [m], [v] или [p'], [l'], [n']³.

Закон открытого слога частично сохраняет свою актуальность и в современном русском языке, где неначальный слог строится по принципу восходящей звучности⁴.

¹ Ср., например, в чешском языке [prst], [vlk] с [r] и [l] слогообразующими.

² Ср., например, русск. [моу], [вои́на] или диал. [пра́уда], [роу] с [и] и [у] неслоговыми.

³ Подробнее о сочетаемости согласных с согласными и о противопоставленности согласных перед согласными см. ниже, § 63.

⁴ Это значит, что неначальный слог слова начинается обычно со звука меньшей звучности и кончается звуком большей звучности.

Второй особенностью звуковой системы древнерусского языка была тенденция соединения в пределах одного слога звуков однородной артикуляции — переднего или непереднего образования¹. Говоря другими словами, один слог составляли или твердый согласный + непредний гласный, или мягкий согласный + передний гласный. (Для понимания того, что в таких соотношениях наблюдаются звуки однородной артикуляции, надо иметь в виду, что при образовании мягких, или палатализованных, согласных средняя часть спинки языка поднимается к соответствующей средней части нёба, т. е. артикуляция мягких согласных близка к артикуляции гласных переднего ряда.)

Если же в пределы одного слога попадали звуки разнородной артикуляции (в частности, твердый согласный + гласный переднего ряда), то в этом случае происходило приспособление артикуляций гласного и согласного звуков, причем приспособление это могло носить различный характер². Эта особенность известна в науке как закон слогового сингармонизма (от греч. *syn* — „вместе“ + *garmonia* — „связь, созвучие“).

Как закон открытых слогов, так и закон слогового сингармонизма возникли еще в дописьменную эпоху истории русского языка и продолжали существовать в начальный исторический период его развития.

§ 54. К началу нового периода в истории древнерусского языка, к эпохе возникновения письменности, обе эти закономерности, охватив по существу всю систему языка восточных славян, являлись только р е з у л ь т а т о м развития языка в прошлые эпохи. Именно в результате действия этих закономерностей к началу письменно засвидетельствованного периода в древнерусском языке сложилась та фонетическая система, которая отражена в первых памятниках. Однако нет никакого сомнения в том, что как в соотношении гласных и согласных фонем, так и вообще в структуре слога древнерусский язык мог развивать в начальный период своей истории те тенденции, которые нарушали законы открытого слога и слогового сингармонизма и которые в конце концов привели к преобразованию всей фонетической системы русского языка.

Поэтому при рассмотрении систем гласных и согласных фонем древнерусского языка и соотношений внутри этих систем и между ними важно установить действительные их связи, т. е. те связи, которые характеризовали живую фонетическую структуру языка восточных славян. Вместе с тем, конечно, в этих связях и соотношениях существовало то, что было актуальным для исходной системы, и то, что было лишь наследием прошлых эпох.

¹ В современном русском языке передними гласными являются [и] и [е], непредними — [у], [ы], [о], [а].

² См. подробнее ниже.

СИСТЕМА ГЛАСНЫХ ФОНЕМ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА КОНЦА X — НАЧАЛА XI в.

§ 55. Состав г л а с н ы х фонем древнерусского языка может быть представлен в следующей таблице:

Подъем	Зона образования		
	Передняя	Непередняя	
Верхний	и ě (ѣ)	ы	у
Средний	еь		о ъ
Нижний	ä	а	
	Нелабиализованные		Лабиализованные

Из этой схемы можно видеть, что часть гласных древнерусского языка сохранилась без существенных изменений на всем протяжении истории русского языка; часть же их была утрачена, и этих фонем в русском языке теперь уже нет.

К первой группе относятся гласные переднего образования — [и], [е] и непереднего — [а], [о], [у], [ы].

В артикуляционном отношении все эти гласные восточнославянского языка-основы, по-видимому, заметно не отличались от образования их в современном русском языке. В функциональном же плане все они выступали как самостоятельные фонемы.

Однако в области вокализма общевосточнославянского языка начального периода его развития были и определенные важные отличия от системы гласных русского языка в последующие периоды его истории, и тем более современного русского языка. Они заключались прежде всего в том, что в древнерусском языке были гласные, утраченные в дальнейшем его развитии.

В первую очередь здесь надо назвать фонему [ě] (ѣ), условно называемую „ять“, свойственную всем древним славянским языкам. Будучи в общевосточнославянском языке самостоятельной фонемой, [ě] различала слова и их формы. Например, местн. пад. ед. ч. муж. р. [о плодѣ] отличался от звательной формы [плоде] лишь по наличию в этих формах [ě] или [е]. Или, например, слова [сѣль] „сел“ и [селъ] (род. пад. мн. ч. от „село“), [лѣчу] („лечу“ от „лечить“) и [лечу] („лечу“ от „лететь“) отличались в своей зву-

ковой оболочке также по наличию фонем [ě] и [el].

Однако фонема [ě], будучи общеславянской, т. е. существуя исконно во всех диалектах праславянского языка, в то же время имела отличия в своем образовании в разных диалектах этого языка. Так, например, [ě] в диалектах-предках восточнославянского языка-основы по своему образованию отличалась от [ě] в диалектах-предках старославянского языка. В последнем [ě] являлась фонемой переднего ряда нижнего подъема, типа открытого [ä].

У восточных же славян это была фонема переднего ряда средневерхнего подъема и выступала как звук типа закрытого [el] — [ê] или дифтонга [ie]. Такой характер восточнославянского [ě] предполагается по его дальнейшей судьбе в русском языке: в ряде современных русских говоров он и теперь звучит или как [ê], или как дифтонг [ie], или, наконец, как [и] (в литературном русском языке на месте старого [ě] произносится открытое [el], не изменяющееся в [ʼo] под ударением перед твердым согласным¹).

Кроме того, в древнерусском языке были две гласные фонемы неполного образования, так называемые редуцированные или глухие. Это были ослабленные гласные, произносившиеся, вероятно, неполным голосом. Условно эти гласные обозначаются [ъ] (ер) и [ь] (ерь).

Гласная фонема [ъ] выступала как звук непреднего ряда среднего подъема, а [ь] — переднего ряда среднего подъема. Эти гласные могли находиться как под ударением, так и в безударном положении, но и в том и другом случае они звучали слабее, чем гласные полного образования. То, что [ъ] и [ь] были редуцированными гласными, определило их судьбу: они исчезли в истории восточнославянских языков как самостоятельные фонемы.

В древнерусском языке [ъ] и [ь] выступали как единицы, служащие для различения слов и их форм, т. е. как фонемы. Например, формы имен. пад. ед. ч. указательного местоимения муж. р. [тъ] и ср. р. [то] отличались лишь по наличию [ъ] или [o]; имен. пад. ед. ч. указательного местоимения жен. р. [съ] и ср. р. [се] — по наличию [ъ] или [el].

Редуцированные гласные [ъ] и [ь] могли находиться в сильном и слабом положении². С и л ь н ы м было положение редуцированных в слоге под ударением (*дѣскоу*) и в слоге перед слогом со слабым редуцированным (*отѣцъ*, *правѣдѣна*, *сѣнѣ*); с л а б ы м было положение редуцированных в конце слова (*сѣнѣ*, *дѣнь*), перед сло-

¹ См. подробнее ниже, § 124.

² Сильное положение отмечается двумя чертами под знаком ѣ и ъ (ѣ ъ), слабое — галочкой под ѣ или ъ (ѣ, ъ).

гом с сильным редуцированным (*жѣньць*) и перед слогом с гласным полного образования (*сѣна*). $\wedge = \wedge$

Различие в сильном и слабом положении повлияло на дальнейшую судьбу [ъ] и [ь] в древнерусском языке и других славянских языках, когда уже в историческое время происходило изменение их фонетической системы.

Особо следует сказать, что редуцированные [ъ] и [ь] в определенной фонетической позиции, а именно в позиции перед [й] (неслоговое [й]) или перед [ѣ], выступали в своих р а з н о в и д н о с т я х — в виде [ѣ] и [й], т. е. редуцированных [ь] и [и]¹. Эти позиционные варианты редуцированных фонем [ъ] и [и] выступали, например, в формах имен. пад. ед. ч. прилагательных муж. р. типа [красныѣ], [синыѣ], [молодыѣ], [злыѣ]. Точно так же, как [ъ] и [ь], их позиционные варианты [ѣ] и [й] могли находиться в сильном и слабом положениях, которые определялись теми же условиями, что и для [ъ] и [ь], и различие которых обусловило дальнейшую судьбу [ѣ] и [й] в истории русского языка.

Звуки [ѣ] и [й] могли появляться не только на месте [ъ] и [ь], но и на месте исконных [ь] и [и] в положении под ударением перед [ј] и [й]. Так было, например, в формах 1-го л. ед. ч. настоящего времени глаголов типа [рыѣу], [мыѣу], в формах повелительного наклонения типа [виѣ], [лиѣ], в существительном [шиѣа] („шея“) и некоторых других.

Наконец, в составе гласных была еще одна особая фонема, которая утратилась в последующей истории русского языка во всех его диалектах. Она обозначается как [ä] — [a] переднего образования. Эта самостоятельная фонема отличалась от остальных гласных фонем тем, что она выступала в очень ограниченном числе слов и форм: [ä] — это „потомок“ утратившегося носового звука [e] — [ẽ] (в словах типа [п·äты], [м·äсо], [с·ä] из [p·ẽты], [m·ẽsol], [s·ẽ] и т. п.)².

Особое замечание должно быть сделано о фонемах [и] и [ь]. Как известно, в современном русском языке нет двух самостоятельных фонем [и] и [ь], а есть лишь одна — [и], разновидностью которой после твердых согласных является [ь]. В древнерусском же языке [и] и [ь] были двумя самостоятельными фонемами, т. е. они по отношению друг к другу были независимы. Эта независимость выражалась в том, что, выступая в положении после одного и того же согласного, они оказывали на него различное влияние, по-разному определяли его качество.

¹ Эти звуки часто называют напряженными редуцированными и.

² Об истории носовых гласных в древнерусском языке и судьбе [ä] см. ниже, § 79 и 95.

Такое различное влияние [и] и [ы] на качество предшествующего согласного хорошо видно на явлениях, связанных с заднеязычными. Так, например, в форме вин. пад. мн. ч. муж. р. от слова [вълк] было окончание [ы]: [вълкы], а в форме имен. пад. мн. ч. муж. р. — [и], перед которым еще в общеславянскую эпоху [к] изменилось в [ц']¹: [вълци] (см. § 82).

Точно так же любой предшествующий согласный имел разное качество, попадая в положение перед [и] или [ы]. Ср., например, вин. пад. мн. ч. [городы], [холопы], [стоны] и имен. пад. мн. ч. [город-и], [холоп-и], [стол-и], где согласные, попадая в положение перед [и], приобретали позиционную полумягкость. Таким образом, если в современном языке качество гласного [и] или [ы] определяется качеством предшествующего согласного — его мягкостью или твердостью, то в древнерусском языке, наоборот, качество согласного определялось качеством последующего гласного: перед [и] твердые согласные получали позиционную полумягкость (а заднеязычные чередовались с мягкими шипящими и свистящими), а перед [ы] оставались твердыми.

§ 56. Итак, древнерусская фонетическая система имела в своем составе 10 г л а с н ы х ф о н е м, противопоставлявшихся друг другу в тождественных фонетических условиях. Однако условия противопоставления гласных зависели прежде всего от возможностей сочетаемости их с согласными, т. е. от синтагматических связей гласных с предшествующими согласными.

Надо иметь в виду, что в древнерусском языке в силу действия закона открытого слога гласный был связан с предшествующим, но не с последующим согласным, отходящим к другому слогу. В силу этого сочетаемость гласного с согласным ограничивалась только его сочетаемостью именно с предшествующим согласным.

Следует сразу оговорить то обстоятельство, что некоторые гласные могли выступать в абсолютном начале слова, т. е. в той позиции, когда перед начальным гласным не было никакого иного звука.

В этом положении могли выступать не все гласные древнерусского языка. В начале слова не было гласных [ъ] и [ь] (и, конечно, не могло быть здесь позиционных вариантов самостоятельных фонем — [ѣ] и [ѥ]), а также гласного [ы]. При этом в древнерусском языке X—XI вв. не было того положения, какое есть в современном русском языке, когда гласный [и] в начале слова, попадая в положение после твердого согласного предшествующего слова, предлога или приставки, изменяется в [ы] под влиянием этого твердого согласного¹. Объясняется это прежде всего тем, что как самостоятельные слова, так и предлоги и приставки² древнерусского языка всегда оканчивались на гласный звук.

¹ Ср.: [игрѧ] — [с-ѣгр]ан, [избѧ] — [в-ѣзбу], [ива] — [под-ѣв]ой и т. д.

² За очень редким исключением, см. § 67.

Древнерусский язык не знал в начале слова и гласных [a], [e], [ɛ], [ä]. В тех случаях, когда эти гласные оказывались исконно в абсолютном начале слова, перед ними развивался согласный звук [j] (или [j̥]) (ср. например, др.-русск. *ѡгнѣ*, *ѡвити*, *ѡже*, *ѡго*, *ѡмоу*, *ѡль*, *ѡхати* (= [jɛxati]), *ѡмь* (= [jɛm]), [jäzъkъ], [jädpo] и т. п.).

Таким образом, в древнерусском языке в абсолютном начале слова могли быть только гласные звуки [i], [o] и [y]. При этом гласный [o] был распространен шире, чем в иных славянских языках, так как он в ряде случаев выступал в тех словах, где другие славянские языки знают начальное [je] (ср., например, др.-русск. *озеро*, *осень*, *олень*, *одинъ* и польск. *jezioro*, *jesień*, *jelen*, *jeden*).

§ 57. Что касается сочетаемости гласных с предшествующими согласными, т. е. позиций гласных после согласных, то в общих чертах эту сочетаемость можно определить следующим образом.

После твердых согласных (кроме заднеязычных [k], [g], [x]) могли выступать все гласные фонемы, причем в том случае, когда после твердого оказывался гласный переднего образования, изменению подвергалась артикуляция согласного, а не гласного¹. После [k], [g], [x] могли выступать только гласные непредней зоны образования. После же мягких согласных могли выступать все гласные, кроме [o], [ɤ] и [y], которые вообще не могли быть в этой позиции. Гласные переднего образования в положении после мягких согласных не изменяли своей артикуляции; гласные же непредней зоны — [y] и [a], которые могли быть после мягких согласных (например, [вол'a], [душ'u] и т. п.), испытывали слабую передвигку вперед в начальной стадии своей артикуляции, которая, однако, не приводила к тому, что [a] и [y] становились гласными передней зоны образования.

Однако такое общее определение возможностей сочетаемости гласных с предшествующими согласными недостаточно соответствует действительному положению вещей в древнерусском языке, ибо не учитывает тех ограничений в рассматриваемой сочетаемости, которые были обусловлены историческими процессами в развитии фонологической системы языка восточных славян. Если говорить конкретно, то сочетаемость гласных с предшествующими твердыми согласными была равно выраженной как внутри морфем (прежде всего внутри корней слов), так и на стыке морфем (прежде всего на стыке именной основы и флексии); возможности же сочетаемости гласных с мягкими согласными были ограничены как тем, к а к о й мягкий предшествовал гласному, так и тем, г д е (внутри или на стыке морфем) выступали данные сочетания. Так, с предшествующими мягкими шипящими [ш'], [ж'], аффрикатой [ч'] и слитным [ш'ч'] внутри морфем сочетались гласные [a], [y], [i], [e], [ɤ], [ä],

¹ См. подробнее ниже, § 64.

но не [e] в силу раннего (праславянского) изменения [e] (< [ē]) в [a]¹ (например: *шарѣ, жарѣ, чара, щавъный* — „кислый“; *шуба, жукѣ, чудо, щурѣ; шити, жити, читати, щитѣ; шесть, жена, четыре, щенѣ; шьвѣ, жьдати, чьто, щьпа; шѣгати, жѣло, чѣдо, щѣдѣти*²). На стыке морфем с теми же предшествующими мягкими,

а также с [ж'д'] сочетались не только эти же гласные, но и [e]³ (например: *душа, ножа, отьча, куца, дѣждѣ* (= [дѣж'д'a]; *душу, кожу, отьчу, куцу, дѣждю; души, ножи, отьчи, куци, дѣжди; душею, ножемѣ, врачемѣ, куцею, дѣждемѣ; душѣ, ножѣ, отьчѣ, куцѣ, дѣждѣ; рекошѣ, държѣ, отрочѣ, трѣцѣ, дѣждѣ* (прич. от *дѣждити*); *душѣ, ножѣ, отьчѣ, куцѣ, дѣждѣ*).

С предшествующими мягкими свистящими [ц'], [с'], [з'] внутри морфем могла сочетаться лишь фонема [e], если не считать возможных сочетаний [ц'] с [a], [ь] и [ä] в заимствованных словах, например: *цѣна, сѣрый, зѣло; царѣ, цѣркы, цѣта*. Никакие другие гласные с мягкими свистящими внутри морфем не сочетались⁴. На стыке же морфем с этими согласными сочетались гласные [a], [y], [и], [e] и [ь]; например: *отьца, вьсѣ, кѣнѣза; отьцу, вьсю, кѣнѣзю; отьци, вьси, кѣнѣзи; отьцѣ, вьсѣ, кѣнѣзѣ; отьць, вьсь, кѣнѣзѣ; отьцемѣ, вьсемѣ, кѣнѣземѣ*⁵.

С предшествующими мягкими сонорными [р'], [л'], [н'] внутри морфем могла сочетаться только фонема [y], если не учитывать возможности сочетания гласных [ä], [и], [e], [ь] с предшествующим мягким [н'] в слове *нѣдро*, возникшего еще в праславянскую эпоху в результате переразложения **vъn + jędro*, и в местоименных формах *нимѣ, него, нѣ*, возникших также в праславянском в результате переразложения **sъn + jĭmь, *sъn + jĕmь, *vъn + jęgo*. Никакие другие гласные внутри морфем с мягкими сонорными не сочетались⁶.

На стыке морфем с этими согласными сочетались те же гласные, которые выступали здесь после мягких шипящих, например: *морѣ, волѣ, конѣ; морю, волю, коню; мори, воли, кони; бурѣ, волѣ,*

¹ См. подробнее ниже, § 82.

² Гласные не сочетались внутри морфем с предшествующим [ж'д'] в силу отсутствия в таких условиях данного согласного. См. подробнее ниже, § 64.

³ О причинах появления [e] в качестве именной флексии см. подробнее ниже, § 79.

⁴ О причинах, обусловивших такую ограниченность в сочетаемости, см. ниже, § 84.

⁵ О причинах отсутствия сочетаний [ä] с этими согласными на стыке морфем см. ниже, § 86.

⁶ О причинах, обусловивших такую ограниченность в сочетаемости, см. ниже, § 64.

конѣ; *бурею, волею, конемъ; бурь, волю, конь; борѧ* (прич. от *бороти*), *колѧ* (прич. от *колоти*)¹.

§ 58. Противопоставление гласных фонем в тождественных фонетических условиях осуществлялось по трем их признакам — по степени подъема языка (верхний — средне-верхний — средний — нижний), по наличию или отсутствию лабиализации и по зоне образования (т. е. по движению языка в горизонтальном направлении) — передней или непередней. При этом как степень подъема языка и наличие или отсутствие лабиализации, так и переднее и непереднее образование являлись постоянными признаками всех гласных фонем; фонемы [y] и [a], испытывая после мягкого согласного передвигку вперед, оставались в пределах непередней зоны образования².

Таким образом, если в современном русском языке передний, средний или задний ряд образования гласного не является постоянным признаком, определяющим ту или иную гласную фонему, а зависит от качества соседних согласных³, то в древнерусском языке зона образования гласных фонем вместе с подъемом и наличием или отсутствием лабиализации входила в число постоянных их признаков. Это обстоятельство определяет тот факт, что качество гласных фонем (исключая лишь отчасти [a] и [y]) было независимым от позиционных условий.

Совокупность этих трех признаков определяла характер, облик каждой гласной фонемы, кроме [ъ] и [ь], ибо у этих двух единиц фонологической системы был еще один признак — сверхкраткость. Именно данным признаком [ъ] отличался от [e], а [ъ] от [o]; все остальные признаки у [ь] и [e], с одной стороны, и у [ъ] и [o], с другой, были одними и теми же.

В связи с тем что все эти признаки исчерпывают характеристику каждой гласной фонемы и являются постоянно ей присущими, оказывается, что древнерусские гласные не имели переменных признаков, которые бы варьировались в зависимости от фонетической позиции в слове или в его форме.

Однако это не означает, что гласные древнерусского языка вообще не подвергались позиционным изменениям. Такие изменения были, и они вызывали определенные явления в фонологической системе, которые необходимо специально рассмотреть.

¹ Сочетания [н'а] на стыке морфем в древнерусском языке не было.

² Как видно, это обуславливалось тем, что в силу действия закона открытого слога не было влияния последующего мягкого согласного на предшествующие [a] и [y] (как это есть в современном языке: ср. [вал] — [в'а́л'ит'], [лук] — [л'у́т'ик]), и это ограничивало степень передвигки артикуляции гласных в переднюю зону. См. подробнее ниже, § 59.

³ Окружающие мягкие согласные передвигают непередние гласные в зону переднего образования, а окружающие твердые согласные передвигают передние гласные в зону непереднего образования (ср.: [мат] — [м'ат] — [ма'т] — [м'а́т'] и [вил] — [выл], [с'ел] — [жэс'т']).

§ 59. Прежде всего такого рассмотрения требуют гласные [a] и [y] в позиции после мягких согласных, точнее — после мягких шипящих, мягких свистящих и мягких сонорных.

Можно предполагать, что в слоге „мягкий согласный + [a], [y]“ гласные [a] и [y] испытывали влияние предшествующего мягкого, в результате чего эти гласные несколько передвигались вперед в начальной стадии своей артикуляции. Это обстоятельство свидетельствовало о том, что образование гласных по ряду начинало приобретать характер переменного признака гласных фонем в отличие от степени подъема и наличия или отсутствия лабиализации. Однако

это положение не следует понимать как утверждение перехода [a] и [y] в позиции после исконно мягких согласных в переднюю зону образования, т. е. изменение их в [ä] и [ÿ]: для такой передвижки, вероятно, необходимо было и воздействие последующего мягкого согласного, что надо исключить для эпохи сохранения действия закона открытого слога.

Таким образом, с фонетической точки зрения воздействие мягких согласных на последующие гласные [a] и [y] в плане приспособления их артикуляции к артикуляции мягкого согласного имело место в древнерусском языке, и это воздействие приводило к по-

явлению разновидностей фонем [a] и [y] — к появлению [ä] и [ÿ], несколько сдвинутых вперед в начальной стадии своей артикуляции. Однако в древнерусском языке не было и не могло быть разновидностей [a] и [y] в виде [ä] и [ÿ] и тем более не могло быть изменения [a] и [y] в задние [ä] и [ÿ].

В то же время следует учесть ещё одно обстоятельство. Как говорилось выше, в древнерусском языке были две гласные фонемы нижнего подъема, нелабиализованные, противопоставляющиеся друг другу по зоне образования: непредняя [a] и передняя [ä]. Это противопоставление четко выступало в положении данных гласных после твердых согласных: [a] и [ä] отчетливо противопоставлялись друг другу и по своему качеству, и по своему воздействию на предшествующий согласный — фонема [ä] вызывала полумягкость предшествующего твердого (ср.: *мати* — *м'äти*, *малъ* — *м'älъ*, *радъ* — *р'äдъ*, *тати* — *т'äти* — „тянуть“, *та* — *т'ä* и т. п.). Следовательно, в этих случаях в древнерусском языке выступали две гласные фонемы и одна согласная в двух своих разновидностях, различавшихся в зависимости от положения перед непредним или передним гласным.

В то же время в таких случаях, как, например, [бурa] (род. пад. от *буръ* — „бурый“) — [бур'ä], положение оказывалось прямо противоположным: здесь выступали две — твердая и мягкая — согласные фонемы и одна гласная в двух своих разновидностях, различие которых было обусловлено качеством предшествующего

согласного. То, что в этом случае действительно независима твердость-мягкость, а не качество гласного, доказывается тем, что твердый и мягкий согласные равно могли выступать перед гласным переднего образования. Так, например, если сравнить формы [бура] — [бур'а] с формами [бур'и] (имен. пад. мн. ч. от *бурѣ*) — [бур'и], то окажется, что перед одним и тем же гласным [и], который не меняет своего качества, твердый и мягкий [р] различаются (приобретение [р] твердым позиционной полумягкости не приводит к совпадению его с [р']). Значит, твердость (полумягкость) [р] в [бур'и] и мягкость [р'] в [бур'и] не зависят от качества последующего гласного. А если это так, то и перед [а] эта твердость-мягкость независима. Точно так же обстоит дело и в формах [буру] — [бур'у], где выступают [р] и [р'] и одна гласная фонема [у] в двух своих разновидностях.

Но если все сказанное правильно, то тогда надо признать, что, так же как в [ра] — [р'а] выступают две гласные фонемы, так и в [р'а] — [р'а] есть тоже две гласные фонемы, различающиеся по зоне образования, и, следовательно, [а], как и [у], являются разновидностями фонем передней зоны образования. В этом случае надо признать, что древнерусский язык знал позиционную мену гласных [а] // [а̃], [у] // [у̃]. Эти два ряда позиционной мены были параллельными, т. е. там, где выступала гласная [а], выступала и [у], а там, где выступала [а̃], выступала [у̃] (ср.: [сестра], [сестру], но [земл'а], [земл'у]).

Однако одновременно с этим нельзя упускать из виду и возможность возникновения иного типа позиционной мены гласных, а именно того, который называется пересекающимся, когда в одной позиции две фонемы различаются, а в другой на их месте выступает одна звуковая единица. Такое положение могло возникать в древнерусском языке в том случае, когда фонема [а] попадала в положение после исконно мягких шипящих и сонорных. Передвижка артикуляции [а] вперед под влиянием предшествующего мягкого вела к сближению ее по качеству с [а̃]. Дело заключается в том, что, устанавливая передвижку [а] вперед, мы в то же время не можем установить степени этого сдвига для прошлых эпох, так как имеем дело с языком мертвым, а не живым. Значит, утверждая, что [а] после мягких согласных становилась более передней гласной, мы должны признать возможность фонетического ее сближения с передней гласной фонемой [а̃]. А это означает, что в позиции после мягких согласных звуковые реализации фонем [а] и [а̃] сближались, т. е. развивалась не й т р а л и з а ц и я этих фонем: две звуковые единицы, различающиеся в иной позиции, в данном фонетическом положении переставали различаться. Таким образом, можно думать, что, например, в таких формах, как [врач'а̃] и [отроч'а̃], на месте

двух гласных фонем произносилась одна гласная, и потому [ä] и [ã] в этой позиции не различались.

Итак, в положении после исконно мягких шипящих и сонорных развивалась нейтрализация [a] и [ä] и возникал пересекающийся ряд позиционной мены:

$$\begin{bmatrix} \dot{a} \\ \ddot{a} \end{bmatrix} - [\dot{a} \quad \ddot{a}]$$

§ 60. В отношении позиционной мены вступали редуцированные [ъ] и [ь], а также исконные гласные [ы] и [и], однако и здесь обнаруживаются сложные явления. Это определяется тем, что [ъ] и [ь], выступая в положении перед [j] или [й] в своих разновидностях [ѣ] и [ѣ́], образовывали с ними параллельные ряды позиционной мены: [ъ] // [ѣ], [ь] // [ѣ́]. Вместе с тем точно такие же параллельные ряды образовывали и исконные [ы] и [и] со своими разновидностями [ѣ́] и [ѣ́́], выступающими также в положении перед [j] и [й], т. е. [ы] // [ѣ́] и [и] // [ѣ́́]. Но если это было так, то одновременно здесь должны были образовываться и пересекающиеся ряды позиционной мены, ибо [ъ] и [ь] равно изменялись в [ѣ́], а [ь] и [и] — в [ѣ́́]:

$$\begin{bmatrix} \text{[ь]} \\ \text{[ы]} \end{bmatrix} \text{---} \text{[ы]} \quad \begin{bmatrix} \text{[ь]} \\ \text{[и]} \end{bmatrix} \text{---} \text{[и]}$$

т. е. возникала позиция нейтрализации. Но если рассмотреть действительные факты древнерусского языка, то окажется, что эти пересекающиеся ряды не играли, как видно, роли в фонологическом плане, так как позиционная мена [ъ] > [ѣ], [ѣ] > [и], с одной стороны, и позиционная мена [ы] > [ѣ], [и] > [ѣ], с другой, наблюдаться в определенных морфологических категориях, а это обуславливало то обстоятельство, что фактически наличие общих членов позиционной мены и нейтрализация указанных фонем не оказывали видимого влияния на уменьшение степени различительной способности [ъ], [ѣ] и [ы], [и]. Значит, если в системе позиционных изменений гласных древнерусского языка наблюдалось совпадение разновидностей фонем [ъ] и [ы], а также фонем [ѣ] и [и], то в системе фонологических противопоставлений как [ъ] и [ы], так и [ѣ] и [и] по существу не совпадали в одном варианте [ѣ] или [и] как заместители двух соответствующих фонем.

Так, например, если [ѣ] и [и] выступали на месте [ъ] и [ь] в формах имен. пад. ед. ч. полных прилагательных муж. р. (типа [добрыѣ] из *[dobъrъ-jъ], [синиѣ] из *[sinъ-jъ]), то только в имен. пад. мн. ч. этих же полных прилагательных муж. р. мягкой разновидности существовала форма, оканчивавшаяся также на [и] из [и + и] —

типа [синий̃]. Это было, конечно, фонологическое совпадение, но оно едва ли могло вести к существенному ослаблению различительной роли фонем, так как подобные формы прилагательных, выступая в качестве определений к существительным, в живом их употреблении омонимически не совпадали.

Итак, в фонологическом плане [ы] и [й̃] должны расцениваться в качестве самостоятельных позиционных разновидностей фонем [ы] и [и] и фонем [ъ] и [ь]: будучи сходными акустически и артикуляционно, они не были связаны фонологически; в фонологическом плане ряды [ъ] // [ы̃], [ь] // [й̃], с одной стороны, и [ы] // [ы̃], [и] // [й̃], с другой, надо расценивать для изучаемой эпохи как относительно независимые по отношению друг к другу.

Можно считать также, что в отношении позиционной мены вступали и редуцированные в сильной и слабой позициях. В этом случае сильные [ъ] и [ь] образовывали со слабыми [ъ] и [ь] также параллельные ряды позиционно меняющихся звуков: [ъ̃] // [ъ], [ь̃] // [ь]. Однако здесь остается неясным различие по качеству между членами позиционной мены: было ли оно только количественным или также и качественным, или же это различие выражалось в каких-то иных явлениях.

§ 61. Итак, нельзя отрицать возможность появления нейтрализации некоторых гласных фонем в древнерусском языке рассматриваемого периода, однако вместе с тем надо видеть фонологическую ограниченность этой нейтрализации. При этом важно отметить, что, в отличие от современного русского языка, где позиции различения и позиции нейтрализации гласных фонем связаны с положением их по отношению к ударению, в древнерусском языке эти позиции оказывались связанными с качеством предшествующих согласных (в одном случае даже с влиянием последующего согласного) и безразличными по отношению к ударению. Нельзя считать позициями нейтрализации гласных фонем те позиции, в которых не выступали определенные звуковые единицы. Например после мягких не выступали [o], [ы], [ъ], а могли быть только [e], [и], [ь]. Это явление связано не с нейтрализацией гласных, а с их распределением на синтагматической оси.

К рассматриваемому вопросу примыкает непосредственно и вопрос о сильных и слабых позициях гласных фонем древнерусского языка. Если считать, что сильной позицией является позиция максимального различения гласных фонем, а слабой — та, в которой происходит совпадение звуковых реализаций двух или нескольких фонем, то в древнерусском языке таких слабых позиций почти не было.

С определенными оговорками можно признать слабой позицию после мягких (прежде всего шипящих) для фонем [a] и [ä], а также позицию перед [j] ([й]) для фонем [ъ], [ь] и [ы], [и].

СИСТЕМА СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА КОНЦА X — НАЧАЛА XI в.

§ 62. Состав с о г л а с н ы х древнерусского языка может быть представлен в следующем виде:

По способу образования		По месту образования			
		Губные	Передне-язычные	Средне-язычные	Задне-язычные
Шумные	Взрывные	п б	т д		к г
	Фрикативные	в	с с' з з' ш' ж'		х
	Аффрикаты		ц' ч'		
	Слитные		ш'ч' ж'д'		
Сонорные	Носовые	м	н н'	Фрика- тивные	j
	Плавные		р р' л л'		

В этом составе согласных древнерусского языка можно установить ряд особенностей.

Прежде всего следует отметить, что в числе губных согласных отсутствовал звук [ф]. Этот звук искони был чужд языку славян. Его не было и в восточнославянском языке-основе. Правда, звук [ф] встречался в словах, зафиксированных в памятниках старославянского языка, преимущественно в греческих заимствованиях (например, *фарисей, февраль, порфира, фонарь*), и через посредство этих памятников он мог проникнуть в литературный древнерусский язык. Однако в народном разговорном языке этот звук заменялся в заимствованных словах звуком [п]; ср. вошедшее в русский язык слово *парус* из греч. *faros* и ряд имен собственных: *Осин* — греч. *Iosif*, *Степан* — греч. *Stefanos* и др.

Хотя постепенно звук [ф] становился привычным для древнерусов (к греческим заимствованиям с [ф] присоединялись лексические заимствования из других языков), все же окончательное его укрепление в древнерусском языке произошло позже, не ранее XII—XIII вв., когда развитие системы этого языка привело к появлению [ф] на собственной восточнославянской почве¹.

¹ См. об этом ниже, § 119.

В древнерусском языке не было мягких губных; следовательно, не было соотношений типа [п] — [п'], [б] — [б'], [м] — [м'], [в] — [в'].

В отношении твердых губных [п], [б], [м] древнерусский язык принципиально не отличался от современного русского¹. То же касается и твердых заднеязычных согласных [к], [г], [х] и переднеязычных [т], [д], [с], [з], [н], [р], [л], артикуляционное образование и произношение которых не требуют особых комментариев, так как они ничем существенно не отличались от образования и произношения в современном русском языке.

В восточнославянском языке-основе не было также мягких [к], [г], [х] и мягких [т], [д].

Мягкими согласными были шипящие [ш'], [ж'], аффрикаты [ц'], [ч'], слитные [ш'ч'], [ж'д'] (= [ш'т'ш'], [ж'д'ж']); они выступали, например, в словах [пуш'ч'у], [иш'ч'у], [жеж'д'у], [дъж'д'икъ] и т. п.), а также звук [j]. Кроме того, были мягкие переднеязычные [с'], [з'] и мягкие сонорные [н'], [р'], [л'], находившиеся в парных соотношениях по твердости-мягкости с твердыми [с], [з] и [н], [р], [л].

Итак, древнерусская фонологическая система знала твердые согласные фонемы [п], [б], [в], [м], [т], [д], [с], [з], [н], [р], [л], [к], [г], [х] и мягкие согласные фонемы [ш'], [ж'], [ц'], [ч'], [с'], [з'], [н'], [р'], [л'], [j], а также [ш'ч'], [ж'д']. Все перечисленные мягкие согласные называются и с к о н н о м я г к и м и, так как они были такими с момента их возникновения в праславянском языке.

§ 63. Как твердые, так и мягкие согласные выступали в древнерусском языке в качестве с а м о с т о я т е л ь н ы х фонем, п р о т и в о п о с т а в л я я с ь друг другу в тождественных фонетических условиях. Однако характер этой противопоставленности, как и противопоставленности гласных, определяется возможностями сочетаемости согласных как с последующими гласными, так и с предыдущими согласными.

Выше уже говорилось, что в древнерусском языке в силу действия закона открытого слога мало были распространены группы согласных, однако возможности сочетаемости согласных друг с другом в пределах одного слога были достаточно широкими, хотя и ограниченными рядом условий. Эта ограниченность проявлялась прежде всего в том, что в древнерусском языке могли существовать и существовали только определенные группы согласных, причем в подавляющем большинстве случаев это были двухфонемные сочетания. Такие сочетания образовывались в первую очередь твердыми шумными согласными, за которыми следовали сонорные [р] — [р'],

¹ В отношении образования [в] дело обстояло сложнее. См. об этом ниже, § 74.

[л] — [л'], [н] — [н'], [м], а также [в], который в этом случае вел себя как сонант. Как видно, такого типа сочетания согласных вообще были разрешены фонетической системой, хотя в памятниках древнерусского языка зафиксированы не все возможные группы согласных типа „твердый шумный + [р — р'], [л — л'], [н — н'], [м], [в]“. В этих памятниках отмечаются сочетания [кр] (*кромѣ*), [гр] (*громѣ*), [хр] (*хромѣ*), [тр] (*трава*), [др] (*дрѣва*), [пр] (*правѣда*), [бр] (*братѣ*), а также [вр], [ср], [зр] в старославянских по происхождению словах (типа *врагѣ*, *срамѣ*, *зракѣ*); сюда же примыкает и сочетание [мр] (*мракѣ*); сочетания [гр'] (*багрю*), [тр'] (*смотрю*), [др'] (*оумоудрю*), [бр'] (*оудобрю*); сочетания [кл] (*клоубѣ*), [гл] (*глоубѣ*), [хл] (*хлоудѣ*), [пл] (*плоугѣ*), [бл] (*блоудѣ*); [сл] (*слоуда*), [зл] (*злакѣ*), [вл] и [мл] в старославянских по происхождению словах (типа *власть*, *младѣ*); сочетания [кл'] (*клювѣ*), [пл'] (*коплю*), [бл'] (*люблю*), [дл'] (*мьдлю*), [сл'] (*мыслью*), а также две группы, в которых в качестве первого члена выступали [м] — [мл'] (*ломлю*) и согласный [в] — [вл'] (*ловлю*); сочетания [кн] (*кноутѣ*), [гн] (*гнѣѣѣ*), [хн] (*сѣхноути*), [сн] (*снѣгѣ*), [зн] (*знакѣ*), [зн'] (*дразню*); сочетания [см] (*смѣхѣ*), [зм] (*змиш*); сочетания [кв] (*квасѣ*), [гв] (*гвоздь*), [хв] (*хвостѣ*), [тв] (*твой*), [дв] (*дворѣ*), [св] (*свои*), [зв] (*звонѣ*), а также три сочетания, выступающие каждое только в одном корне, с мягкими шумными перед [в]: [з'в] (*зѣкэд-*), [ц'в] (*цѣѣт-*) и [ш'в] (*вѣлишь*).

Все остальные группы согласных, состоящие из твердого шумного + твердый сонорный или [в], являлись такими, которые или вообще не существовали уже в праславянском языке, или подверглись в этом языке упрощению.

Наряду с рассмотренными группами согласных, в древнерусском языке были еще, правда очень редкие, двухфонемные сочетания шумных согласных. К ним относились, с одной стороны, сочетания двух глухих шумных — [ск] (*скоура*), [ст] (*стати*) и [сп] (*спѣти*), а с другой — сочетания двух звонких шумных — [зг] (*визгати*), [зд] (*ѣзда*) и [гд] (в образованиях на -гда: *кѣгда*, *иногда*, *тѣгда* и т. п.).

Наконец, возможно указать еще и на трехфонемные сочетания согласных, причем в этих сочетаниях последним элементом всегда выступал сонорный или [в]. К таким группам относились [стр] (*страдати*), [скр] (*скринѣ*), [смор] (*сморѣчь*), [скл] (*склабити сѣ*), [скв] (*сквърна*), [ств] (в составе суффикса [-ство]) и [здр] (*ноздрь*).

Если сопоставить все приведенные выше факты, определяющие возможную сочетаемость согласных с согласными, то можно установить, что в позиции перед сонорными [р — р'], [л — л'], [н — н'], [м] и перед [в] могли выступать разные согласные, противопоставляясь здесь друг другу.

§ 64. Однако в силу малой распространенности групп согласных в древнерусском языке специфику сочетаемости согласных с другими фонологическими единицами на синтагматической оси определяла их сочетаемость с последующими гласными, в области ко-

торой было много своеобразных явлений, характерных для древнерусского языка конца X — начала XI в.

При рассмотрении этих явлений надо учесть, что особенности в сочетаемости согласных с гласными были обусловлены, с одной стороны, твердостью или мягкостью согласного, а с другой — тем, внутри или на стыке морфем осуществлялась эта сочетаемость.

В первом отношении все согласные древнерусского языка следует разделить на три группы: твердые (кроме заднеязычных), мягкие и заднеязычные согласные. Как говорилось выше (см. § 57), отличие заднеязычных от всех остальных твердых заключалось в том, что первые не могли сочетаться с гласными переднего образования, тогда как для остальных твердых позиция перед передним гласным была вполне возможна.

Таким образом, твердые согласные, за исключением [к], [г], [х], могли выступать перед всеми гласными древнерусского языка. В положении перед гласными непредней зоны артикуляция твердых согласных не изменялась, в положении же перед гласными переднего ряда их артикуляция испытывала определенные изменения, заключавшиеся в приобретении этими согласными позиционной полумякости. Приобретение согласными полумякости означает, что перед гласными переднего ряда твердые согласные несколько изменялись при произношении, но все же не получали той „йотовой“ артикуляции, которая характерна для мягких согласных. Известно, что смягчение согласного реально выражается в том, что к основной артикуляции твердого звука прибавляется дополнительная, именно та, которая характерна для образования звука [j]. Появление полумякости же — это такое приспособление артикуляции твердого согласного к артикуляции переднего гласного, при котором средняя часть спинки языка в меньшей степени подымается к твердому нёбу, чем это происходит при произношении мягких согласных. Следовательно, слово *лес* в общевосточнославянском языке произносилось как [л'есъ] с [л] полумягким, *день* — как [д'ьн'ь] с [д] и [н] полумягкими и т. д.

Итак, твердые согласные выступали перед гласными переднего ряда в своих позиционных вариантах и, следовательно, полумякость не была фонематическим, т. е. самостоятельным, качеством.

Твердые заднеязычные согласные не могли выступать перед гласными переднего образования; [к], [г], [х] могли быть лишь перед непредними гласными.

Мягкие согласные выступали перед гласными передней зоны, а также перед [а] и [у], которые в этом случае, как уже говорилось, испытывали слабую передвижку вперед (см. § 57).

Схематично все возможные сочетания согласных с гласными в древнерусском языке могут быть представлены так¹:

¹ В перечисленных ниже сочетаниях [т] обозначает любой твердый согласный, кроме [к], [г], [х]; [р'] — любой мягкий согласный; [к] — любой заднеязычный.

Твердый согласный + гласный	Мягкий согласный + гласный	Заднеязычный соглас- ный + гласный
ты (ty) ту (tu) то (to) ть (tъ) та (ta) т·и (t·i) т·е̃ (t·ẽ) т·е (t·e) т·ь (t·ь) т·ä (t·ä)	р·у (r·u) р·а (r·a) р·и (r·i) р·е̃ (r·ẽ) р·е (r·e) р·ь (r·ь) р·ä (r·ä)	кы (ky) ку (ku) ко (ko) къ (къ) ка (ka)

Итак, можно предварительно сказать, что только перед гласными [a] и [y] могли выступать все согласные древнерусского языка. Перед остальными гласными были возможны не все согласные: здесь действовали определенные ограничения.

Для того чтобы установить характер этих ограничений, следует рассмотреть всю систему более подробно¹.

Сочетаемость твердых согласных (кроме [k], [r], [x]) с последующим гласным определялась тем, что любой из этих согласных мог выступать перед любым гласным внутри и на стыке морфем. Точно так же заднеязычные [k], [r], [x] с последующими гласными непосредственного образования равно выступали и внутри и на стыке морфем.

Что же касается сочетаемости мягких согласных с гласными, то здесь надо иметь в виду ряд обстоятельств.

Для того чтобы установить реальные условия функционирования мягких согласных, следует рассмотреть отдельно три группы этих согласных — мягкие шипящие, мягкие свистящие и мягкие сонорные.

Прежде всего надо иметь в виду, что внутри морфем не было вообще сочетаний [ж'д'] с гласными, ибо [ж'д'] возникало из сочетаний *zd и *zg с [j] или из сочетания *zg с последующей гласной переднего ряда, а таких сочетаний не могло быть в праславянском языке внутри морфем. Таким образом, в древнерусском языке внутри морфем сочетались с гласными лишь [ч'], [ш'], [ж'] и [ш'ч']. Эти сочетания были достаточно разнообразны, так как шипящие выступали перед гласными [y], [a], [i], [e], [ь], [ä]; не могло быть лишь сочетания шипящего с [e]².

На стыке морфем шипящие могли сочетаться с теми же гласны-

¹ В дальнейшем изложении не будет специально рассматриваться вопрос о сочетании [j] с последующим гласным, так как проблема этой сочетаемости во многом представляется трудной для разрешения.

² См. выше, § 57, и ниже, § 82.

ми, что и внутри морфем, но одновременно и с [ẽ]. Это объясняется тем, что в ряде падежных форм имен с древними основами на *jō и *jā древнерусский язык имел в соответствии с предполагаемым праславянским [ẽ] флексию [ẽ]¹.

Мягкие сонорные внутри морфем могли сочетаться лишь с [y] и ни с одной другой фонемой². Это объясняется тем, что сочетания мягкого сонорного с гласным могли возникнуть лишь из исконных сочетаний „сонорный + [j] + гласный“, а подобных сочетаний в праславянском языке внутри морфем не было. Сочетание же „мягкий сонорный + [y]“ возникало из исконного сочетания „сонорный + [ei]“ Что касается стыка морфем, то здесь мягкие сонорные, как и мягкие шипящие, сочетались со всеми гласными переднего образования и с [y] и [a], и в этом отношении отличий между этими группами мягких не было.

Мягкие свистящие на стыке морфем могли сочетаться со всеми гласными переднего образования, кроме [ä], и с [y] и [a]. Внутри морфем, как уже говорилось, мягкие свистящие сочетались только с [ẽ].

Всю представленную сочетаемость различных согласных с гласными возможно проиллюстрировать примерами, извлеченными из памятников древнерусского языка.

П о с л е т в е р д ы х с о г л а с н ы х:

тынъ, сынъ, былъ, столы, робы, сыны, городаы и т. д.;
судъ, буду, тулъ, столу, робу, сыну, городу, тыну и т. д.;
тъ, съто, лъбъ, лавъка, столъ, робъ, сынъ, городъ и т. д.;
годъ, пол'е, бокъ, локът'ь, ростъ, столомъ, робомъ,
тыномъ, судомъ, село, окъно и т. д.;
такъ, садъ, бармы, стола, роба, города и т. д.;
б·илъ, с·инь, т·ина, стол·и, роб·и, город·и и т. д.;
л·евыш, б·егъ, с·елъ, стол·е̃, роб·е̃, город·е̃ и т. д.;
звѣ·р'ь, гвозд'ь, скѣрб'ь, сол'ь, б'ьрати, д'ьн'ь, п'ьсѣ, л'ьгѣко
и т. д.;
л·едъ, б·ерегъ, с·ело, стол·е, роб·е и т. д.;
л·а̃дина, п·а̃ть, с·а̃, т·а̃, м·а̃, м·а̃со, жереб'а̃, козьл'а̃, и м·а̃,
плем'а̃ и т. д.

П о с л е м я г к и х с о г л а с н ы х:

ч'·удо, ш'·уба, ж'·укъ, ш'·ч'·ука, р'·ут'и („реветь“), л'·убъвъ³,

¹ См. ниже, § 79.

² Как говорилось выше, в редких, единичных случаях мягкий сонорный [н'] внутри морфем оказывался еще перед [e], [и], [ь] и [ä] (см. § 57).

³ Сочетание [н'·у] внутри морфем в памятниках не зафиксировано.

врач'·у, душ'·у, рож'·у, рош'ч'·у, дѣж'д'·у, бур'·у, вол'·у,
кон'·у, от'ьц'·у, в'ьс'·у, кѣн'·ѣз'·у;

ч'·ара, ш'·агѣ, ж'·арѣ, ш'ч'·ап'ит'и¹, врач'·а, душ'·а, нож'·а,
рош'ч'·а, дѣж'д'·а, бур'·а, вол'·а, кон'·а, от'ьц'·а, в'ьс'·а, кѣн'·ѣз'·а;

ч'·исто, ш'·ит'и, ж'·ит'и, ш'ч'·итѣ, врач'·и, душ'·и, нож'·и,
рош'ч'·и, дѣж'д'·и, бур'·и, вол'·и, кон'·и, от'ьц'·и, в'ьс'·и, кѣн'·ѣз'·и;

ц'·ѣна, с'·ѣрѣ, з'·ѣло, врач'·ѣ, душ'·ѣ, нож'·ѣ, рош'ч'·ѣ, дѣж'д'·ѣ,
бур'·ѣ, вол'·ѣ, кон'·ѣ, от'ьц'·ѣ, в'ьс'·ѣ, кѣн'·ѣз'·ѣ;

ч'·ело, ш'·елкѣ, ж'·елобѣ, ш'ч'·ен'·ѣ, врач'·емѣ, душ'·ею,
нож'·емѣ, рош'ч'·ею, дѣж'д'·емѣ, бур'·ею, вол'·ею, кон'·емѣ,
от'ьц'·емѣ, в'ьс'·емѣ, кѣн'·ѣз'·емѣ;

ч'·ѣсть, ш'·ѣв'ьц'·ѣ, ж'·ѣдат'и, ш'ч'·ѣпа, врач'·ѣ, душ'·ѣ, нож'·ѣ,
рош'ч'·ѣ, дѣж'д'·ѣ, бур'·ѣ, вол'·ѣ, кон'·ѣ, от'ьц'·ѣ, в'ьс'·ѣ, кѣн'·ѣз'·ѣ;

ч'·адо, ш'·аѣтаніе, ж'·аѣти, ш'ч'·аѣдѣти, отроч'·а, рекош'·а,
леж'·а, пиш'·ч'·а, дѣж'д'·а, бор'·а, кол'·а².

П о с л е з а д н е я з ы ч н ы х:

кыслѣ, гыбель, хытрѣ, вѣлкы, другы, сохы и т. д.;

кутѣ, гусѣ, худыи, вѣлку, другу, соху и т. д.;

корова, годѣ, хорошии, око, ужо и т. д.;

кѣнига, гѣнати, хѣзѣ („шкура“), вѣлкѣ, другѣ, сохѣ и т. д.;

кара, гадѣ, харалугѣ, вѣлка, друга, ссха и т. д.

§ 65. Если сопоставить все факты, связанные с характером сочетаемости различных согласных с гласными, то возможно установить и особенности противопоставленности согласных в тождественных фонетических позициях, т. е. в позициях перед одним каким-либо гласным. Эта противопоставленность оказывается различно выраженной для внутриморфемного положения и для положения на стыке морфем.

Во внутриморфемном положении не было такой позиции, в которой противопоставлялись бы все согласные древнерусского языка. В положении перед [ы], [о] и [ѣ] противопоставлялись друг другу все твердые, включая [к], [г], [х]; перед [а] и [у] — те же согласные и шипящие [ч'], [ш'], [ж'], [ш'ч']. В положении перед [у] к ним при-

¹ В заимствованном *царь* выступало не свойственное древнерусскому языку сочетание [ц'а] внутри морфемы.

² Сочетание [н'а] на стыке морфем в древнерусских словах не зафиксировано.

соединялись еще мягкие сонорные [p'], [л'], [н']. В позиции перед гласными передней зоны образования [и], [е], [ь] и [ä] противопоставлялись между собой все твердые согласные (кроме [к], [г], [х]), а также мягкие шипящие [ч'], [ш'], [ж'], [ш'ч']; в позиции перед [ѣ] — те же твердые и мягкие свистящие [ц'], [с'], [з'].

На стыке морфем были две позиции, в которых противопоставлялись все согласные древнерусского языка, — позиции перед [а] и [у]. Перед остальными же гласными противопоставление согласных было ограниченным: перед [ы], [о] и [ѣ] противопоставлялись все твердые, включая заднеязычные; перед передними гласными, кроме [ä], — все согласные, кроме [к], [г], [х]; перед [ä] — все согласные, кроме заднеязычных и мягких свистящих.

Таким образом, как и в области гласных, в системе согласных существовали частные системы противопоставления фонологических единиц в тождественных фонетических условиях.

§ 66. Категория твердости-мягкости согласных. Выше уже говорилось, что среди всех твердых и мягких согласных фонем было только пять пар, связанных по признаку твердости-мягкости: [с] — [с'], [з] — [з'], [р] — [р'], [л] — [л'], [н] — [н']. Остальные согласные были или непарными твердыми, или непарными мягкими. Таким образом, категория твердости-мягкости согласных в древнерусском языке находила свое выражение именно в указанных пяти парах фонем. Ближайшее рассмотрение соотношений между членами этих противопоставлений обнаруживает ряд особенностей, которые определяют специфику языка конца X — начала XI в. в данном плане. В этом отношении следует решить вопрос о характере сочетаемости парных твердых-мягких с гласными и о характере противопоставленности этих согласных друг другу в древнерусском языке.

Если выделить из общей схемы, представленной выше в связи с рассмотрением сочетаемости согласных с гласными, те моменты, которые касаются лишь парных твердых-мягких согласных, то можно определить следующее.

Внутри морфем твердые сонорные могли сочетаться с любой гласной фонемой, мягкие же — только с [у]. Следовательно, внутри морфем твердые-мягкие сонорные противопоставлялись перед [у].

На стыке морфем твердые сонорные могли сочетаться также с любой гласной фонемой; мягкие же сочетались с [у], [а], [и], [ѣ], [е], [ь] и [ä]. Следовательно, в данном случае твердые-мягкие сонорные противопоставлялись только перед перечисленными гласными.

Внутри морфем, далее, твердые свистящие могли сочетаться с любой гласной фонемой, мягкие же — только с [ѣ]. Поэтому твердые-мягкие свистящие противопоставлялись внутри морфем лишь перед [ѣ].

На стыке морфем твердые свистящие могли сочетаться также с любой гласной фонемой, а мягкие — с [y], [a], [i], [ě], [e] и [ь]. Именно перед этими гласными осуществлялось противопоставление твердых-мягких свистящих на стыке морфем.

Таким образом, п е р в о й особенностью древнерусского языка в отношении категории твердости-мягкости было то, что противопоставление парных твердых-мягких согласных по-разному осуществлялось внутри и на стыке морфем, будучи наиболее отчетливо выраженным во втором случае.

В т о р о й особенностью системы древнерусского языка в отношении категории твердости-мягкости было то, что парные твердые-мягкие согласные не образовывали соотносительных рядов. Это значит, что в древнерусском языке отсутствовали позиции нейтрализации твердых-мягких согласных, т. е. в этом языке не было позиций, в которых парный твердый изменял бы свое качество так, чтобы совпасть с мягким, или в которых парный мягкий изменял бы свое качество так, чтобы совпасть с твердым. Значит, твердость-мягкость согласного была его постоянным признаком.

Известно, что в современном русском языке твердость-мягкость согласных различается, скажем, перед [a] или перед [y], но не различается перед [e]: здесь выступает только мягкий согласный. Ср. например, совр. [порá] — [з∧р'á], [пóру] — [з∧р'ý], но только [пор'ě] — [з∧р'ě]. В древнерусском же языке такой нейтрализации твердости-мягкости не существовало, ибо во всех тех позициях, где выступали мягкие согласные, выступали и твердые. И если твердый согласный, попадая в положение перед гласным переднего образования, приобретал позиционную полумягкость, то он оставался фонологически твердым, так же противопоставляясь мягкому, как он противопоставлялся и перед теми непредними гласными, перед которыми мог выступать мягкий согласный. Например:

- [р] — [р']:
кору — бур'у, кора — бур'а, простор·и — бур'и,
простор'е — бур'е, берегъ — бур'еју, кор'ѣ — бур'ѣ,
дар'а — бор'а;
- [л] — [л']:
волу — вол'у, вола — вол'а, вол·и — вол'и, вол'ѣ —
вол'е, ледѣ — вол'еју, сол'ѣ — вол'ѣ, козл'а — кол'а;
- [н] — [н']:
кону — кон'у, кона — кон'а, кон·и — кон'и, кон'ѣ —
кон'е, недел'а — кон'емѣ, син'ѣ — кон'ѣ;
- [с] — [с']:
в'есу — в'ѣс'у, в'ѣса — в'ѣс'а, син'ѣ — в'ѣс'и,
селѣ — в'ѣс'емѣ, село — в'ѣс'емь, ос'ѣ — в'ѣс'ѣ;
- [з] — [з']:
козу — кѣн'з'у, коза — кѣн'з'а, зима — кѣн'з'и,
коз'ѣ — кѣн'з'ѣ, земл'а — кѣн'з'емѣ, р'ѣз'ѣн'а —
кѣн'з'ѣ.

Иначе говоря, если твердый [р] в [пора] отличался от мягкого [р'] в [зар'а], то в положении, скажем, перед [ѣ] он, приобретая полумягкость в форме [пор'ѣ], по-прежнему отличался от [р'] перед тем же [ѣ] в [зар'ѣ].

Отсюда нетрудно сделать вывод, что между парными твердыми-мягкими не было тех тесных связей, которые развились позже в связи с возникновением позиций нейтрализации мягкости-твердости. Близость их определялась физиолого-акустическим сходством и наличием единственного признака, противопоставляющего твердые-мягкие парные фонемы друг другу. Но она не определялась наличием таких их связей внутри системы, которые позволяли бы утверждать, что отношения между парными твердыми-мягкими принципиально отличались от отношений между непарными твердыми-мягкими.

§ 67. Категория глухости-звонкости согласных. В древнерусском языке парными по глухости-звонкости согласными были [п] — [б], [т] — [д], [с] — [з], [с'] — [з'],

[ш'] — [ж'], [ш'ч'] — [ж'д'], [к] — [г]. Остальные согласные были непарными по глухости-звонкости: [в], [м], [н — н'], [р — р'], [л — л'], [ј] — всегда звонкие, а [ц'], [ч'], [х] — всегда глухие.

Внутри морфем пары [п] — [б], [т] — [д], [с] — [з] противопоставлялись перед всеми гласными, пара [с'] — [з'] — только перед [ѣ], пара [ш'] — [ж'] — перед [а], [у], [и], [е], [ѣ] и [ä]. Противопоставление парных [к] — [г] внутри морфем осуществлялось перед непредними гласными [а], [о], [у], [ы], [ѣ]. Что же касается [ш'ч'] — [ж'д'], то они внутри морфем не противопоставлялись в силу отсутствия внутриморфемного сочетания [ж'д'] с гласными.

На стыке морфем парные [п] — [б], [т] — [д], [с] — [з] противопоставлялись перед всеми гласными фонемами, [к] — [г] — перед непредними гласными, [с'] — [з'] — перед [а], [у] и передними гласными, кроме [ä], [ш'] — [ж'] и [ш'ч'] — [ж'д'] — перед [а], [у] и всеми передними гласными.

Таким образом, противопоставление глухих-звонких согласных в древнерусском языке осуществлялось в позиции перед гласными и в общей системе этого языка играло фонологическую роль, выступая в качестве средства различения словоформ (ср., например: *пѣти* — *бѣти*, *пыль* — *быль*, *тѣло* — *дѣло*, *тѣска* — *дѣска*, *сѣлъ* — *зѣлъ*, *семь* — *земь*, *кынути* — *гынути*, *кость* — *гость*, *шѣти* — *жѣти*, *шесть* — *жѣсть* и т. д.).

Однако при существовании пар глухих-звонких согласных в древнерусском языке отсутствовала их соотносительность, отсутствовала та категория соотносительности согласных по глухости-звонкости, какая есть теперь в русском языке.

Как известно, соотносительность глухих-звонких согласных в современном русском языке выражается в том, что противопоставленные друг другу в одних фонетических условиях парные по глухости-звонкости согласные фонемы (например, в положении перед гласными) в других фонетических условиях не противопоставляются, ибо в этих условиях две фонемы выступают только в одной звуковой реализации — или глухой, или звонкой (ср., например, [коза] — [коса] и [кос]: в положении конца слова на месте [з] и [с] равно выступает [с]; и т. п.). В системе же древнерусского языка не было по существу таких фонетических позиций, в которых бы глухость-звонкость согласных не различалась и в которых выступали бы или только глухие, или только звонкие согласные, при их различении в других позициях, т. е. не было позиций нейтрализации глухости-звонкости. Отсутствие таких позиций объясняется тем, что в древнерусском языке в силу закона открытого слога согласные не могли находиться на конце слова, а при словообразовании не могло возникать сочетаний звонкого шумного с глухим шумным или, наоборот, глухого шумного со звонким шумным. Иначе говоря, в древнерусском языке не было тех позиций, в которых в современном русском языке наблюдается нейтрализация глухости-звонкости.

Только в одном случае и только для одной пары [с] — [з] была позиция, в которой глухость-звонкость не различалась. Речь идет о позиции [с] — [з] на конце приставок *без-, въз-* (*вос-*), *из-, роз-* (*раз-*), которые исконно не имели редуцированного гласного после конечного согласного [з] и могли присоединяться непосредственно к слову, начинающемуся с согласной. В связи с тем что в качестве начального согласного мог быть как глухой, так и звонкий, данные приставки выступали или в виде *бес-, въз-* (*вос-*), *ис-, рос-* (*рас-*), или в виде *без-, въз-* (*воз-*), *из-, роз-* (*раз-*), в зависимости от глухости-звонкости последующего согласного. Ср.: *бесплодныи* — *бездомныи*, *въстопити* (*востопити*) — *въздымати* (*воздымати*), *испустити* — *избѣжати*, *ропустити* (*распустити*) — *роздѣрати* (*раздѣрати*) и т. п.¹. Таким образом, только в этом единственном случае из двух согласных фонем — звонкой [з] и глухой [с] — могла употребляться лишь одна в зависимости от качества последующей согласной.

Все остальные парные глухие-звонкие имели этот признак в качестве постоянного, всегда им присущего, и поэтому данные согласные, так же как и парные твердые-мягкие, не образовывали соотносительных рядов. Следовательно, и здесь, как и внутри группы парных твердых-мягких (кроме пары [с] — [з]), вновь обнаруживается отсутствие тесных связей между парными согласными. Близость глухих-звонких парных определялась только физиолого-акустическими факторами и наличием единственного признака, противопоставляющего эти согласные друг другу.

¹ Это же наблюдалось и в более редких случаях в инфинитивах типа *вести* — *везу*, *нести* — *несу*.

§ 68. **Позиционная мена согласных.** Рассмотрение всей системы согласных фонем древнерусского языка дает возможность установить характер их позиционной мены, свойственной данному языку в период конца X — начала XI в.

Здесь прежде всего необходимо учесть, что мягкие согласные фонемы не образовывали никаких рядов, включающих их позиционные разновидности: в любой позиции, где употреблялась мягкая согласная, она выступала всегда в одном, постоянно присущем ей виде.

Позиционные разновидности образовывали твердые согласные фонемы (кроме [к], [г], [х]): в положении перед гласными переднего образования они, испытывая воздействие этих гласных, становились полумягкими. Таким образом возникали ряды: [п] // [п·], [б] // [б·], [в] // [в·], [м] // [м·], [т] // [т·], [д] // [д·], [ц] // [ц·], [з] // [з·], [н] // [н·], [л] // [л·], [р] // [р·]. Эти ряды позиционной мены были параллельными, непересекающимися.

В связи с тем что глухость-звонкость согласных фонем была постоянно присущим их качеством, парные глухие-звонкие в целом не образовывали позиционных разновидностей и рядов позиционной мены. Такая позиционная мена глухого-звонкого возникла лишь в одном случае — тогда, когда образовывались слова с приставками на [з].

Таким образом, в древнерусском языке конца X — начала XI в. господствовал параллельный тип позиционной мены согласных.

СОЧЕТАНИЯ РЕДУЦИРОВАННЫХ С ПЛАВНЫМИ [Р], [Л] И ПЛАВНЫХ С РЕДУЦИРОВАННЫМИ

§ 69. В фонетической системе древнерусского языка существовали особые сочетания редуцированных [ъ] и [ь] с плавными согласными [р] и [л] в позиции между двумя согласными. Эти сочетания могли быть двух типов: в одном случае редуцированный гласный находился в положении перед плавным, в другом он был в положении после плавного. Если обозначить согласные, между которыми могли оказаться эти сочетания, через [т] (т), то древнерусские сочетания редуцированных с плавными могут быть выражены в таких формулах: I тип сочетаний выступал в виде [търт], [търт], [тълт] ([търт], [търт], [тълт])¹; II тип сочетаний — в виде [трът], [трът], [тълт], [тълт] ([трът], [трът], [тълт]), [тълт]). К словам, имеющим в своем составе сочетания I типа, относились, например, такие, как *гърдѣ*, *кѣрмѣ*, *гѣрло*, *гѣрбѣ*, *твѣрдѣ*, *дѣржати*, *чѣрнѣ*, *смертъ*, *дѣрзѣтъ*, *дѣрзати*, *вѣрхѣ*, *пѣлкѣ*, *дѣлѣ*, *тѣлстѣ*, *вѣлкѣ*, *вѣлна* и т. п. К словам, имеющим в своем составе сочетания II типа, относились такие, как *крѣвъ*, *брѣвъ*, *дрѣва*, *крѣшити*, *брѣвѣно*, *трѣвога*, *трѣть*, *блѣха*, *глѣтъка*, *плѣтъ*, *клѣкъ*, *блѣскѣ*, *плѣскѣ* и т. п.

¹ Сочетание типа [тълт] ([тълт]) отсутствовало в результате изменения [ъ] в [ь] под влиянием твердого [л] ([л]). См. подробнее ниже, § 88.

Рассматривая эти сочетания, можно совершенно определенно установить, что слова II типа в отношении их слоговой структуры характеризовались открытостью слогов: каждый слог этих слов оканчивался на слоговой гласный звук. В силу этого фонетическая интерпретация написаний подобных слов ясна.

Более сложно, с этой точки зрения, обстоит дело со словами I типа сочетаний. В подобного рода словах носителем слога, слоговым элементом был редуцированный гласный. В силу этого слогораздел мог проходить или после редуцированного, или после плавного. Если слогораздел проходил после плавного, то [р] и [л], отходя к предшествующему слогу, приводили к его закрытости. Возможно, что в этом определенном случае в диалектах древнерусского языка образовывались и сохранялись новые закрытые слоги. Однако слогораздел мог проходить и после [ъ] или [ь], и тогда плавный примыкал к следующему за ним согласному. В этом случае плавный развивал, как видно, вторичную слоговость и, таким образом, в этих словах образовывался новый слог. Иначе говоря, в слове, скажем, [търгъ] было не два слога ([тъ | ргъ]), а три: [тъ | р | гъ], причем все они были открытые. Возможно, что отражением произношения слогового плавного в такого рода словах являются относительно часто встречающиеся в памятниках письменности написания их с редуцированными знаками по обеим сторонам плавного: *скѣръбѣ, зѣрьно, мѣрътаѣ, пѣръстѣ, стѣлѣнѣ* и т. п. Подобные написания встречаются в ранних памятниках древнерусской письменности (например, в Остромировом евангелии, в Новгородских Минеях, 1095 г.), и поэтому появление их не может быть связано с падением редуцированных в древнерусском языке, а следовательно, оно не связано и с явлением так называемого второго полногласия, возникшим в диалектах этого языка в результате процесса утраты [ъ] и [ь]¹.

Некоторые ученые (И. В. Ягич, А. А. Шахматов) видели в написаниях таких слов с редуцированными знаками по обеим сторонам плавного в какой-то степени чисто графическое явление, а именно — проявление стремления писцов объединить древнерусский и старославянский принципы передачи на письме слов с сочетаниями редуцированных с плавными.

Как известно, в тех словах, где у восточных славян произносились сочетания типа [търт], в старославянском надличествовали слоговые плавные (т. е. др.-русс. [търгъ] в старославянском соответствовало [тр, гъ]), которые в письменности передавались написанием редуцированного после плавного: *трѣгъ*. Следовательно, древнерусские писцы, произносившие в своем родном языке рассматриваемые слова с редуцированными перед плавными, переписывая старославянские памятники, встречали в них противоположные написания этих же слов — с редуцированным после плавного. Это обстоятельство и могло вызвать графическое явление объединения

¹ См. подробнее ниже, § 110.

древнерусского произношения и старославянского написания при передаче подобных слов.

Однако возможно, что в написаниях типа *скърѣбъ* или *пырьсть* отражается фонетическое явление произношения слогового плавного, и в этом случае интерпретация звукового значения написания двух букв ѣ или ь должна быть различна. В этом случае буква ѣ или ь перед *р* или *л* обозначала редуцированный гласный, относящийся к предшествующему слогу, а буква ѣ или ь после плавных не имела самостоятельного звукового значения и обозначала лишь слоговой характер [р] или [л].

Возможность наличия в древнерусском языке в словах рассматриваемого типа слоговых плавных доказывается дальнейшей судьбой этих слов в истории диалектов русского языка, связанной с падением редуцированных (см. § 110).

ДРЕВНЕЙШИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 70. Фонетическая система древнерусского языка конца X — начала XI в. выше была представлена как единая для всех носителей этого языка, т. е. как такая, которая характеризовалась полным тождеством составляющих ее элементов на всей территории распространения древнерусского языка. Однако в действительности древнерусская фонетическая система знала, без сомнения, диалектные различия, которые определяли местные разновидности языка восточных славян.

Правда, мы не имеем возможности восстановить все диалектные особенности, которые могли характеризовать древнерусский язык эпохи конца X — начала XI в., так же как и определить точные границы распространения даже предполагаемых диалектных черт. Однако некоторые существенные моменты в диалектном варьировании фонетической системы древнерусского языка могут быть установлены с достаточной долей вероятности. И прежде всего в этом плане возможно определить те диалектные черты, которые характеризовали язык восточных славян исходного периода.

По мнению Р. И. Аванесова, для эпохи конца X — начала XI в. возможно предполагать наличие следующих диалектных особенностей в области фонетики. На восточнославянском севере и северо-западе существовало цоканье, т. е. неразличение фонем [ц'] и [ч'] и совпадение их в одном звуке. На восточнославянском юге произошло изменение [г] в [γ], в отличие от севера, северо-запада и северо-востока. На узкой западной территории, возможно, сохранялись древние сочетания *tl*, *dl*. Кроме того, отдельные территории распространения древнерусского языка отличались в языковом отношении характером образования фонемы [w]: в некоторых диалектах сохранялось губно-губное [w].

с влиянием „ляшских“ (польских) говоров. Известно, что в ряде польских диалектов наблюдается замена шипящих звуков свистящими ([ш — с], [ж — з], [ч — ц]) — явление так называемого мазуризма. Влиянием таких мазурающих польских говоров А. А. Шахматов и объяснял возникновение цоканья в древнерусских северных диалектах.

Иная точка зрения, которой придерживался, например, В. И. Чернышев, основывается на том, что цоканье возникло в древнерусском языке в результате влияния финских языков, с которыми восточнославянские диалекты издавна находились в тесном взаимодействии. Известно, что в ряде финских языков нет двух звуков [ц] и [ч], а есть лишь один (например, в языке коми есть только звук [ч]). Эта черта могла повлиять на соседние с финскими русские говоры, в результате чего и возникло цоканье¹.

Таким образом, обе эти теории указывают на иноязычное влияние как на причину возникновения цоканья. Однако первая гипотеза не может считаться состоятельной уже потому, что цоканье распространено не только в областях, граничащих с западом, и даже не в пределах новгородской колонизации. Так, например, цоканье есть в рязанских мещерских говорах, где его возникновение не было связано с влиянием со стороны Новгорода или каких-либо иных цокающих диалектов.

По этому поводу Р. И. Аванесов писал: „Цоканье является общей чертой всех говоров восточного Подмосквья и северной части Рязанской области — территории так называемой рязанской мещеры... Принимая во внимание, с одной стороны, что все эти черты отсутствуют в соседних говорах за пределами территории мещеры... и, с другой стороны, что говоры рязанской мещеры в то же время весьма различны по своему строю нельзя не прийти к выводу, что указанные выше черты (и прежде всего цоканье. — В. И.) в этих говорах представляют собой черты мещерской подосновы (притом сравнительно позднего времени)“².

Вторая гипотеза имеет под собой больше почвы, и ныне финское влияние признается многими учеными как причина возникновения цоканья. Однако вместе с тем обращают внимание и на то, что не только это влияние сыграло роль в возникновении данного яв-

¹ Надо, впрочем, отметить, что А. А. Шахматов, настаивая на „ляшском“ происхождении цоканья, все же допускал и финское влияние. Ср.: „Я считал бы возможным допустить, что то или иное русское наречие под влиянием финнов заменило [ч] через [ц]“ (А. А. Шахматов. Введение ..., с. 55). Ср. еще слова А. М. Селищева: „Во 2-й половине XI в. в Новгородском крае результат изменения ч и ц уже существовал в речи тамошнего населения. На этом изменении с и ц отразились связи с соседним финским населением: в звуковом составе языка тамошних финских групп была одна аффриката с' или с¹ ... так было у предков корельской, велской и олонечкой групп“. (А. М. Селищев. Соканье и шоканье в славянских языках. В кн.: А. М. Селищев. Избранные труды. М., „Просвещение“, 1968, с. 601—602.)

² Р. И. Аванесов. Вопросы образования русского языка в его говорах. — „Вестник МГУ“, 1947, № 9, с. 119.

ния, но что в системе самого русского языка были условия, которые помогли развитию цоканья.

Дело заключается в том, что, возникнув в разные периоды дописменной истории¹, звуки [ц] и [ч], являясь самостоятельными фонемами, не были в то же время такими, противопоставление которых служило единственным средством различения разных словоформ. Известно, что если в современном русском языке мы можем противопоставить, с одной стороны, слова [час] — [вас] — [нас] — [бас] — [пас] — [рас] и т. д., а с другой — [цел] — [б'ел] — [м'ел] — [п'ел] — [с'ел] и т. д., то найти слова, различающиеся между собой только звуками [ц] и [ч], почти нельзя: такие пары слов, как [цех] — [ч'ех], [цокать] — [ч'окать], [цапать] — [ч'апать], не меняют положения, так как это или относительно новые и нерусские в своей основе слова, или специальные термины, или, наконец, образования на базе звукоподражания. Следовательно, подобного типа слов не было в древнерусском языке, как и вообще не было корневых морфем, противопоставлявшихся друг другу только фонемами [ц'] и [ч'].

Однако в то же время надо иметь в виду, что в древнерусском языке противопоставление [ц'] и [ч'] на стыке корневой и флексивной морфем могло иметь такой характер, что при помощи этого противопоставления различались разные словоформы. Это наблюдалось, во-первых, в противопоставлении некоторых имен существительных с основой на -ц(*б*) и однокорневых с ними притяжательных прилагательных на -ч(*б*), исконно образованных с помощью суффикса [j]: *зачь* — *зачьчь*, *корабльчь* — *корабльчь*, *льстьчь* — *льстьчь*, *ловьчь* — *ловьчь*, *отьчь* — *отьчь*, *письчь* — *письчь*, *пътица* — *пътица*, *старьчь* — *старьчь*, *сълньче* — *сълньче*, *тельчь* — *тельчь* и др. Во-вторых, в нескольких иных парах словоформ: *куца* („хижина“) — *куча*, *ниць* — *ничь* („ничто“), *тьмьница* — *тьмьница* (прилаг. от *тьмьникъ* — „тысячник“) и др. Известно, что притяжательные прилагательные с древним суффиксом [j] были относительно рано утрачены древнерусским языком. Что же касается второй группы противопоставленных слов, то и здесь в истории языка один член этой пары также был утрачен в развитии русского языка. Поэтому можно считать, что опасность омонимии при возникновении цоканья в подобных случаях была ничтожно мала и не могла воспрепятствовать развитию данного явления.

Таким образом, в целом можно утверждать, что замена звука [ч'] на [ц'] (или наоборот) не вела и не ведет ни к появлению нового слова, ни к развитию омонимии, т. е. не ведет к нарушению взаимопонимания людей. Это обстоятельство могло облегчить иноязычное влияние на русский язык, что и привело к возникновению в нем цоканья. Следовательно, иноязычное воздействие в данном случае было облегчено внутренним состоянием системы русского языка.

¹ См. ниже, § 82.

§ 72. Качество звука [ɾ]. Известно, что в говорах современного русского языка есть два типа образования звонкого заднеязычного согласного: [ɾ] взрывной и [ɻ] фрикативный. Последний распространён в южновеликорусском наречии. На восточнославянской почве известно ещё так называемое [h] ([ɾ] гортанное или фарингальное), характерное для украинского и белорусского языков. Как показывает сравнительная грамматика славянских языков, исконно существовал один звук — [ɾ], а [ɻ] и [h] являются новообразованиями, последовательными этапами развития первоначально одного звука: с ослаблением взрыва ([ɻ]) и передвижкой артикуляции назад ([h]).

Предполагают, что различное образование [ɾ] существовало уже в довольно древнюю эпоху. Однако доказать это трудно, так как то, что можно теперь услышать, не всегда возможно установить на основании письма: в памятниках письменности употребляется только одна буква — *з*, и трудно решить, какой звук скрывался за ней. В более поздний период это иногда облегчается установлением глухой пары [ɾ]: если в положении оглушения [ɾ] в памятниках пишут *х* (например, *денех*, *слух* = слуг) или *к* (*нок*, *снѣк*), то можно думать, что в других положениях произносился звук фрикативного или взрывного образования, ибо обычно [ɾ] оглушается в [к], а [ɻ] — в [х]. Выше (§ 31) уже говорилось, что, по мнению А. А. Шахматова, [ɻ] существовало в Киеве уже в X в., однако основания, на которых покоились его убеждения, были очень шаткими.

Предполагают также, что о фрикативном образовании [ɾ] на юге древней Руси XI в. свидетельствует подпись французской королевы Анны Ярославны. Дочь Ярослава Мудрого — Анна, вдова Генриха I, выросшая в Киеве, оставила свою подпись, сделанную кириллическими буквами, на одной из латинских грамот 1063 г. Эта подпись состоит из двух слов: *ана рѣнна*, т. е. *Anna regina* — „Анна королева“. В слове *regina* пропущена буква *g*, что, возможно, связано с чуждостью для Анны взрывного образования [g] латинского языка. Именно на этом основании и предполагают, что в XI в. в Киеве уже было [ɻ]. Однако эти основания не могут считаться достаточно вескими.

Пожалуй, бесспорные доказательства, по которым можно судить о характере звука [ɾ], есть только для более позднего времени. Так, в галицийских грамотах XIV в., написанных по-латыни, при передаче русских слов со звуком [ɾ] пишется латинское *h*, а не *g*, что может свидетельствовать о несоответствии характера русского [ɾ] взрывному [g] латинского языка (ср. *Hodovica* — в грамоте 1371 г., *halicensis* — в грамоте 1375 г., *hlubokiego* — в грамоте 1451 г.).

В западных памятниках XIV—XV вв., написанных на западно-русском (древнебелорусском) языке, отмечено написание слов, заимствованных из польского и литовского языков со звуком [ɾ], через сочетание *кз*: *скирикгаило* вместо *скригаило*, *кгедроитские князи*, *кэды* и даже русское *кэдѣ*. Такое написание может говорить именно о фрикативном характере русского [ɾ], ибо чужой взрывной звук

отличался, как видно, от русского как раз наличием взрыва; написание *к* перед *г*, вероятно, и „восстанавливало“ взрыв перед этим звуком.

Если в северных памятниках наличие [ʏ] отражается в позднее время, то возможно, что в южных диалектах оно было раньше. По предположению Р. И. Аванесова, [ʏ] возникло приблизительно в XI — первой половине XII в. на территории Киевского, Переяславского и Черниговского княжеств, а также в Рязанской земле.

Что касается фонологической стороны рассматриваемого явления, то в этом плане между диалектами, имевшими [ɣ], и диалектами, имевшими [ʏ], не было принципиальных различий: как сам количественный состав согласных фонем, так и общие их соотношения были одинаковыми в обеих группах древнерусских говоров. Это объясняется тем, что [ɣ] и [ʏ], будучи равно заднеязычными, могли сочетаться с одними и теми же гласными непереднего образования и противопоставляться другим согласным фонемам в одних и тех же фонетических позициях.

§ 73. Д и а л е к т н ы е г р у п п ы [кл], [гл]. Одной из древних особенностей псковских говоров является произношение на месте праславянских сочетаний [tl], [dl] сочетаний [кл], [гл].

Как уже говорилось, общеславянские сочетания [tl], [dl] у восточных славян изменились в [л]. Ср. о.-слав. *mydlo* и др.-русск. *мыло*, о.-слав. *gǫrdlo* — и др.-русск. *гѣрло*; о.-слав. *pletъ* и др.-русск. *плель* и т. д. (см. § 47).

Однако, наряду с такой общерусской судьбой сочетаний [tl], [dl], ряд памятников Пскова (а отчасти и Новгорода) XIV—XVI вв. отражает явление как бы сохранения этих сочетаний в виде [кл], [гл]: *повегли* (из [povedli]), *бюгли* (из [bludli]), *чыкли* (из [č'ytli]).

При этом надо иметь в виду, что [кл], [гл] наблюдаются на месте [tl], [dl] не везде, а большей частью в причастиях прошедшего времени на -л (нет, например, *мыгло* вместо *мыло*); поэтому некоторые ученые полагают, что произношение [кл], [гл] возникло в результате изменений не древних сочетаний согласных, а тех [тл], [дл], которые возникли под влиянием форм настоящего времени. Таким образом, из древнего [vedli] возникло [veli] — [велй], а под влиянием [вед'у], [ведёши] вновь развилось [ведлй], из которого [веглй]¹.

¹ А. А. Шахматов допускал здесь или аналогию с *несу* — *нести*, или заимствование из польск. *wedli*. См.: А. А. Шахматов. Введение в курс истории русского языка, ч. 1. Пг., 1916, с. 60—61. Ср. замечание А. М. Селищева: „Недопустимо ... утверждение, что предки северной русской группы унаследовали *tl*, *dl*. Данные с *кл*, *гл* (вм. *tl*, *dl*) относятся только к Псковской области. Кроме того, эти сочетания находятся в причастиях прош. вр. ... А. А. Шахматовым указаны только два слова с *гл* в иных формах: *жерогло*, *жагло*. Из этих двух слов *жагло* из *жегло* представляет корень *жег*... Даже в том случае, если *гл*, *кл* не представляют новообразований (*ведли* — *вегли* вм. *вели* под влиянием *веду*, *-иш*), а идут издавна, то не следует забывать, что Псковская область не представляет типичной северной группы; это окраинная северо-западная группа; в ней отразились некоторые элементы другой языковой группы, литовской; может

Однако в последнее время все чаще высказывается мнение о сохранении в явлении [кл], [гл] остатков глубокой старины.

В фонологическом плане наличие групп [кл], [гл] в некоторых древнерусских говорах не играло какой-либо существенной роли, так как этот факт не затрагивал наиболее важных сторон фонологической системы в области согласных — ни состава согласных фонем, ни их сочетаемости с гласными, ни их противопоставленности в тождественных фонетических условиях. Даже с точки зрения распространённости согласных перед согласными диалекты, знавшие сохранение групп [кл], [гл], ничем не отличались от диалектов, не знавших этого явления, так как сама фонологическая система всего древнерусского языка разрешала существование таких групп (см. § 63).

§ 74. Вопрос о характере фонемы [в]. Этот вопрос в истории русского языка решается несколько по-разному. Существует точка зрения, согласно которой в древнейшую эпоху в языке восточных славян согласный [в] был билабиальным, губно-губным, т. е. сохранял то свое качество, которое было ему свойственно в праславянскую эпоху. С другой стороны, есть предположения, что в X—XI вв. этот согласный был уже таким, каким он является во многих диалектах современного русского языка и в его литературной форме, т. е. губно-зубным. Наконец, некоторые лингвисты полагают, что к эпохе конца X — начала XI в. в отдельных восточнославянских диалектах действительно было губно-зубное [в], а в других оно представляло собой билабиальный согласный [w]. О том, что это действительно было так, свидетельствует дальнейшая судьба данного согласного в русских говорах (см. § 119).

Таким образом, различие [в] и [w] может быть отнесено к начальной эпохе развития древнерусского языка. Правда, это предположение не может быть доказано точно, как не может быть определена широта распространённости той или другой фонемы на древнерусской территории. Если рассмотренные выше диалектные особенности могли быть хотя бы в самом общем плане прикреплены к южным, северным или северо-западным землям древней Руси, то в отношении [в] и [w] это представляется вообще невозможным. Однако то, что древнерусский язык конца X — начала XI в. мог знать по диалектам как образование [в], так и образование [w], — вполне вероятное предположение.

Вместе с тем, как и в отношении [г] и [γ], следует иметь в виду, что в фонологическом плане различие [в] и [w] по диалектам не играло принципиальной роли. Количественный состав и общие со-

быть, как полагал Шахматов, среди псковских севернорусских славян при каких-то обстоятельствах растворились группы лехитские". (А. М. Сел и щ е в. Критические замечания о реконструкции древнейшей судьбы русских диалектов. „Slavia“, госп. VII, ses. 1, 1928, с. 37, см. также: А. М. Сел и щ е в. Избранные труды. М., 1968.)

отношения согласных фонем в диалектах с [в] и в диалектах с [w] совпадали, была одинаковой сочетаемость этих фонем с последующими гласными и одни и те же условия противопоставленности данных согласных другим согласным языковой системы.

§ 75. Таким образом, каждое из рассмотренных диалектных явлений так или иначе оказывало влияние на функционирование древнерусской системы согласных фонем — в одних случаях, как при цоканье, это влияние было относительно значительным, в других, как при сохранении [tl], [dl], — ничтожным. Но в любом случае эти явления затрагивали лишь определенные звенья или даже одно звено системы, не приводя к ее коренному изменению. Фонологическая система древнерусского языка, таким образом, оставалась единой на всей территории его распространения.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

А в а н е с о в Р. И. Вопросы образования русского языка в его говорах. „Вестник МГУ“, 1947, № 9, с. 119; Очерки диалектологии Рязанской мещеры. Описание одного говора по течению р. Пры. В сб.: „Материалы и исследования по русской диалектологии“, ч. I. 1949, с. 226—230; Лингвистическая география и история русского языка. „Вопросы языкознания“, 1952, № 6; Проблемы образования языка русской (великорусской) народности. „Вопросы языкознания“, 1955, № 5; Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956, с. 23—28, 42, 88—89.

В а с и л ь е в Л. Л. О случае сохранения общеславянской группы *dl* в одном из старых наречий русского языка. „Русский филологический вестник“, 1907, № 4.

М а р к о в В. В. Замечания о втором полногласии в русском языке. „Ученые записки Казанского ун-та“, вып. 15, 1958.

О р л о в а В. Г. Цоканье в русских говорах. „Ученые записки МГУ“, кн. I, 1958, с. 91—103.

С е л и щ е в А. М. Старославянский язык, ч. I. М., 1951, с. 129—130.

С о б о л е в с к и й А. И. Лекции по истории русского языка. 1907, с. 19—29, 34—45.

Ф и л и н Ф. П. Образование языка восточных славян. М., 1962, с. 184—188; Происхождение русского, украинского и белорусского языков. М., 1972.

Ш а х м а т о в А. А. Введение в курс истории русского языка, ч. I. Пг., 1916, с. 54—57; Очерк древнейшего периода истории русского языка. „Энциклопедия славянской филологии“, вып. 11, ч. I. Пг., 1915, с. 215—318.

ОТРАЖЕНИЕ ОБЩЕСЛАВЯНСКИХ ФОНЕТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ В ЗВУКОВОЙ СИСТЕМЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА НАЧАЛЬНОГО ПЕРИОДА ЕГО РАЗВИТИЯ

§ 76. Звуковая система древнерусского языка, как она засвидетельствована его первыми памятниками письменности, унаследована в целом из праславянской эпохи; основные элементы этой системы являются общими для всех славянских языков, хотя, конечно, это не исключает и специфических особенностей, свойственных частным системам языка отдельных групп славянства.

Поэтому, рассматривая древнерусскую звуковую систему в сравнительно-историческом плане, необходимо, с одной стороны, установить те элементы в этой системе, которые являются общеславянскими, т. е. не только возникшими в праславянском языке, но и свойственными в равной мере всем славянам, а с другой — те элементы, которые, возникнув даже в праславянскую эпоху, являлись особенностями, присущими только восточным славянам и составлявшими специфику их языка.

ОСОБЕННОСТИ ФОНЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА, УНАСЛЕДОВАННЫЕ ИЗ ПРАСЛАВЯНСКОЙ ЭПОХИ

§ 77. Структура слога. Как говорилось выше, фонетическая система древнерусского языка к моменту появления письменности характеризовалась двумя особенностями, связанными со структурой слога: открытостью его и сингармоничностью. Обе эти особенности были унаследованы древнерусским языком из общеславянского языка-основы.

Закон открытого слога, возникший в определенный период праславянской эпохи, привел к перестройке всей фонетической системы праславянского языка. „Переход закрытых слогов в открытые. . . составляет содержание истории праславянского языка последних веков дохристианской эры и первой половины I тысячелетия н. э. Непосредственно или опосредованно с ним связаны почти все фонетические процессы праславянского языка данной эпохи“¹.

Как известно, преобразование фонетической системы праславянского языка в результате действия закона открытого слога выразилось в целом ряде важнейших изменений в звуковом строе

¹ С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков, с. 183.

этого языка. В частности, это выразилось в утрате конечных согласных и в упрощении групп согласных, в изменении дифтонгов в монофтонги и в преобразовании дифтонгических сочетаний, ибо все эти явления, характерные для общиндоевропейского языка, могли существовать лишь до тех пор, пока сохранялись закрытые слоги. Возникновение тенденции к открытости слога обусловило развитие процессов утраты таких явлений. Именно поэтому, например, из о.-и.-е. [*oikomōs] возникло о.-слав. [lakomъ] „лакомый“, так как дифтонгическое сочетание [oi], создававшее закрытый слог ([oi]/ko/mōs]), пережило изменение в [la], а конечный согласный [s], также образующий закрытый слог, утратился. Или, например, из о.-и.-е. [*gepām] возникло о.-слав. [ž'epō], так как из дифтонгического сочетания [am], создававшего на конце слова закрытый слог, развился гласный звук [q] ([o] — носовое); точно также из о.-и.-е. [*koīna] развилось о.-слав. [c'ēna], так как дифтонг [oi] изменился в монофтонг [ē], и т. д.

Не останавливаясь подробно на всех этих процессах, носящих праславянский характер¹, можно коротко сказать, что в результате действия закона открытого слога были утрачены конечные согласные [t], [s], [d], [n] (например, в форме 3-го л. аориста *reč'et* > *reč'e*, в существительных муж. р. и местоимениях ср. р.: *plodōs* > *plodъ*, *tod* > *to* и т. д.) и упростились такие группы согласных, как [pt], [bt] (> [t]), [tn], [dn], [pn], [bn] (> [n]), [tm], [dm] (> [m]), [ts], [ds], [ps], [bs] (> [s]) и некоторые другие (например, **dolbto* > **dolto*, русск. *долото*, ср. *долбить*; **veḡnqti* > **veṇqti*, русск. *внзнуть*, ср. *увядать*; **sъpnъ* > **sъnъ*, русск. *сон*, ср. *спать*; **gybnqti* > **gynqti*, русск. (с)гнзнуть, ср. *гнзель*; **dadmъ* > **damъ*, русск. *дам*, ср. *дадут*; **dadsi* > **dasi*, др.-русс. *даси*, ср. *дадут*; **opsa* > **osa*, русск. *оса*, ср. лит. *vapsà* и т. д.). Вместе с тем изменение групп согласных осуществлялось в праславянском языке не только путем упрощения их, т. е. утраты одного из двух (или даже из трех) согласных, но и путем замены одного звука другим; в этом случае группа согласных сохранялась, но она становилась такой, какая могла входить в пределы одного слога. Так произошло, например, с группами [*tt] и [*dt], где изменение их было осуществлено путем расподобления согласных: на месте групп, состоящих из двух взрывных звуков, возникла группа, в которую входили фрикативный и взрывной элементы — [st]. Например: **metti* > *mesti*, русск. *мести*, ср. 1-е л. *мему*; **vedti* > *vesti*, русск. *вести*, ср. 1-е л. *веду* и т. д. Если в группе [*tt] или [*dt] слогораздел проходил между двумя согласными и потому предшествующий слог оказывался закрытым, то группа [st] целиком отходила к последующему слогу.

В результате действия закона открытого слога произошло

¹ Все они являются предметом специального рассмотрения в курсе старославянского языка.

изменение в монофтонги всех дифтонгов, в состав которых в качестве слоговых элементов входили гласные [e], [ē > ē], [o], [a], а в качестве неслоговых — [i] и [u] (т. е. дифтонги [ei], [eu], [oi], [ou], [ai], [au], [ēi], [ēu]). Дифтонги подверглись такому изменению в положении перед согласным. В этом же положении монофтонгизировались и дифтонгические сочетания гласных с носовыми согласными [m] и [n] (т. е. сочетания [em], [en], [om], [on], [am], [an] и т. д.). Что же касается дифтонгических сочетаний гласных с плавными согласными [r] и [l], то они в положении перед согласными также не сохранились, но изменение их шло не путем монофтонгизации, а иными путями, которые требуют специального рассмотрения (см. § 88—90).

Все эти общеславянские процессы в ряде случаев имели специфические особенности в отдельных славянских языковых группах, и поэтому в дальнейшем отдельные из них будут рассмотрены подробнее. В основном отличия между разными славянскими языковыми группами проявились в судьбе дифтонгических сочетаний гласных с плавными. Что же касается судьбы конечных согласных, групп согласных и дифтонгов, то кратко описанные выше процессы, связанные с их изменениями, равно коснулись всех славян, и поэтому в данном отношении различий между славянскими языками нет, если не считать сохранения групп [tɫ], [dɫ] у западных славян (см. § 47).

Закон слогового сингармонизма, возникший, так же как и закон открытого слога, в праславянскую эпоху, обусловил ряд изменений в фонетической системе праславянского языка. Пожалуй, наиболее важными здесь являлись изменения заднеязычных согласных [k], [g], [ch] под влиянием гласных переднего ряда. Эти изменения, связанные с приспособлением артикуляции согласных к артикуляции гласных, имели такой характер, который позволил им развиться процессы, приведшие к образованию новых согласных фонем (см. § 82).

Однако закон слогового сингармонизма проявился и в другом отношении, а именно — в изменении гласных после мягких согласных. Правда, эти изменения носили в общем ограниченный характер, но вместе с тем с ними связаны не только фонетические, но и морфологические явления. Речь идет о том, что в некоторых случаях при образовании падежных форм в положении после мягкого согласного мог оказаться гласный непереднего образования; в этих случаях непередние гласные изменялись в звуки передней зоны: [ъ] — в [ь], [o] — в [e], [y] — в [i], а также, возможно, [u] — в [i], [a] — в [a], [q] — в [q]¹.

Например, если в твор. пад. ед. ч. у слов жен. р. с древней основой на $\bar{a}$ исконным славянским окончанием было [-oʝq], то оно

¹ С более слабой передвижкой вперед по сравнению с современным русским языком.

сохранилось лишь в твердом варианте склонения этих слов ([q-kojɔ], русск. *рукою*), тогда как в мягком оно выступает в виде [-ejɔ] ([duš'ejɔ], русск. *душою*, где [o] из [e] в более позднюю эпоху). Изменение [o] в [e] в данном окончании было вызвано тем, что после мягкого согласного не сохранялся гласный непереднего образования. В приведенном примере процесс изменения шел, вероятно, так: **duchjojq* > *duš'ojq* > *duš'ejq*. Ср. также *stolъ* и *kon'ъ*, *selo* и *pol'e*, *vъlky* и *kon'i* и т. д. Вообще говоря, именно эти изменения и вызвали возникновение различий между твердым и мягким вариантами склонения слов муж. и ср. р. с основой на ѓ и жен. р. — на *ā*

СИСТЕМА ГЛАСНЫХ ФОНЕМ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА В ЕЕ ОТНОШЕНИИ К СИСТЕМАМ ГЛАСНЫХ ПРАСЛАВЯНСКОГО И СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОВ

§ 78. Состав и система гласных древнерусского языка были также унаследованы из праславянского. Они были унаследованы в том их состоянии, какое сложилось в конце существования общеславянского единства.

Общеславянские гласные звуки, унаследованные древнерусским языком, соответствуют определенным звукам других индоевропейских языков.

Так, общеславянское [a] соответствует и.-е. [ā] и [ō].

Ср. о.-слав. **mati*, ст.-слав. *мати*, др.-русс. *мати* — лат. *māter*;

о.-слав. **bratrъ*, ст.-слав. *братъ*, *братръ*, др.-русс. *братъ* — лат. *frāter*;

о.-слав. **darъ*, ст.-слав. *даръ*, др.-русс. *даръ* — лат. *dōnum*.

Общеславянское [o] соответствует и.-е. [ǎ] и [ō].

Ср. о.-слав. **domъ*, ст.-слав. *домъ*, др.-русс. *домъ* — лат. *dōmus*;

о.-слав. **osъ*, ст.-слав. *огъ*, др.-русс. *ось* — лат. *ǎxis*.

Общеславянское [u] соответствует и.-е. дифтонгам [ǝu], [ōu]

(> [au])¹, [ēu], [ēu] (> [ēu])² перед согласными и на конце слова.

Ср. о.-слав. **ucho*, ст.-слав. *ухо*, др.-русс. *оухо* — лит. *au-sis*;

о.-слав. **suchъ*, ст.-слав. *сѹхъ*, др.-русс. *соухъ* — лит. *sausas*;

о.-слав. **bjudq*, ст.-слав. *блюдъ*, др.-русс. *блюдоу* — греч. *πένδομα*.

¹ И.-е. [ō] на славянской почве изменилось в [a].

² И.-е. [ē] на славянской почве изменилось в [e].

Общеславянское [y] соответствует и.-е. [ū].

Ср. о.-слав. **byti*, ст.-слав. *быти*, др.-русс.к. *быти* — лит. *byti*;

о.-слав. **dymъ*, ст.-слав. дѣмъ, др.-русск. дѣмъ — лат. *fūmus*.

Общеславянское [e] соответствует и.-е. [ē].

Ср. о.-слав. *berǫ, ст.-слав. берѣхъ, др.-русс. беру — лат. *ferō*;

о. -слав. **desęty*, ст.-слав. деѡтъ, др.-русск. десѡтъ — лат. *decem*.

Общеславянское [i] соответствует и.-е. [i], дифтонгу [ei], дифтонгу [oi] при особой интонации, и [i̯].

Ср. о.-слав. *ž'ivъ, ст.-слав. живъ, др.-русск. живъ — лат. *vīvus*;

О.-слав. **vidъ*, ст.-слав. видѣхъ, др.-русск. видѣхъ — лит. *vėidas*;

о.-слав. **beri* (повел. накл.), ст.-слав. *вѣри!*, др.-руссск.
бери! — греч. *φεροι*;

о.-слав. *š'iti*, ст.-слав. *шити*, др.-русск. *шити* — лит. *siūti*.

Общеславянский звук [ě] соответствует и.-е. [ē] и дифтонгам [oi], [ai].

Ср. о.-слав. **zvěrb*, ст.-слав. звѣръ, др.-русск. звѣрь — лит. *zvēris*;

О.-слав. **c'ěna*, ст.-слав. цѣна, др.-русск. цѣна — лит. *kaina*;

о.-слав. **c'elъ*, ст.-слав. *цѣлѣ*, др.-русск. *цѣлѣ*—готск.
heils, нем. *heil*.

Общеславянский [ъ] соответствует и.-е. [ū].

! Ср. о.-слав. **synъ*, ст.-слав. *сынъ*, др.-русск. *сынъ* — лит. *sunūs*!

о.-слав. **mъchъ*, ст.-слав. *мѣхъ*, др.-русск. *мѣхъ* — лат. *muscus*.

Общеславянский [ь] соответствует и.-е. [ÿ].

Ср. о.-слав. **дѣнь*, ст.-слав. дѣнь, др.-русск. дѣнь — лат. *dñum*;

о.-слав. **ovъc'a*, ст.-слав. овѣца, др.-русс. овѣца — лат. *ovīs*.

Все эти гласные сохранились в древнерусском языке на всем протяжении его дописьменной истории. Однако вместе с тем восточные славяне унаследовали из праславянского языка еще два гласных звука, судьба которых оказалась иной по сравнению с другими гласными. Этими звуками являлись носовые [o] ([ɔ]) и [e] ([ɛ])¹. Гласный [ɔ] был непереднего образования, а [ɛ] — переднего.

В праславянском языке эти гласные звуки развились из индоевропейских сочетаний гласных с носовыми согласными в закрытых слогах.

Ср. о.-слав. **doga*, ст.-слав. дѣга, др.-русс. доуга — лит. *dangūs*;

о.-слав. **zobъ*, ст.-слав. зѣвъ, др.-русс. зювъ — лит. *zambas*;

о.-слав. **pŏtъ*, ст.-слав. пѣтъ, др.-русс. поуть — лат. *pons, -tis*;

о.-слав. **męso*, ст.-слав. мѣсо, русск. мясо — др.-прусс. *mensā*;

о.-слав. **pętъ*, ст.-слав. пѣтъ, русск. пять — лит. *penkī*;

о.-слав. **mę, tę, sę*, ст.-слав. мѣ, тѣ, сѣ, русск. диал. мя, тѣ, частица сѣ — др.-прусс. *mien, tien, sien*.

Изменение этих дифтонгических сочетаний и появление монофтонгов в праславянском языке, как уже говорилось, было вызвано действием в последнем закона открытого слога.

Таким образом, состав гласных древнерусского языка, унаследованный из праславянского, приблизительно в VI—IX вв. н. э. включал следующие фонемы:

гласные переднего ряда — [i], [e], [ɛ], [ɨ], [ɛ];

„ непереднего ряда — [y], [ɔ], [a], [ɔ], [ɔ], [u].

Точно такой состав гласных фонем был и в старославянском языке, зафиксированном в ранних письменных памятниках. Отличие древнерусского языка от языка старославянского в этой области заключалось лишь в том, что в звуковом отношении фонема [ɛ] характеризовалась как [ɛ̃] (е закрытое) или [ɛ̃] в языке восточных славян и как широкое открытое [e] в старославянском языке.

Однако к IX—X вв. восточнославянский язык-основа пережил важное изменение в области гласных — утрату носовых.

§ 79. Утрата носовых в древнерусском языке. Известно, что носовые звуки в современных славянских языках

¹ Эти гласные произносились как [o] и [e] с носовым призвуком, т. е. в их образовании участвовала носовая полость.

почти не известны: они есть теперь лишь в польском языке, и определенные следы их существования обнаруживаются в некоторых славянских говорах Македонии. Все остальные славянские языки утратили носовые гласные; нет их и в восточнославянских языках. У восточных славян на месте [q] произносится [y], а на месте [e] — [a] после мягкого согласного. Ср. о.-слав. **dqbъ* — русск. *дубъ*, о.-слав. **rōka* — русск. *рука*, о.-слав. **sqdъ* — русск. *судъ*, о.-слав. **měso* — русск. *мясо* (= [m'acol]), о.-слав. **pětъ* — русск. *пять* (= [p'at']), о.-слав. **vъzeti* — русск. *взяти* (= [vz'at'и]) и т. д.

Встает вопрос: почему можно думать, что восточные славяне утратили носовые звуки не позднее X в., т. е. раньше того времени, когда появились первые памятники письменности? Здесь надо иметь в виду, что, изучая явления, связанные с историей звуковой системы, по письменным источникам, исследователь имеет дело не со звуками, а с буквами, за которыми скрываются те или иные реально произносившиеся звуки. Следовательно, задача состоит в том, чтобы установить, какие звуки скрываются под той или иной буквой, и на основании этого решить определенный вопрос исторической фонетики.

Если посмотреть с этой точки зрения на историю носовых гласных в восточнославянском языке-основе, то прежде всего следует учесть, что звуки [q] и [e] имели определенные буквенные обозначения в кириллической азбуке: [q] обозначалось буквой ж („юс большой“), а [e] — буквой ѿ („юс малый“).

Написание слов с этими буквами держалось очень долго в памятниках древнерусского языка; больше того, ѿ, пережив ряд изменений в начертании, сохраняется в написании современной буквы я. Но несмотря на то что эти буквы сохранялись в древнерусской письменности, носовых звуков в древнерусском языке в самый ранний исторический период не было; иначе говоря, буквы ж и ѿ обозначали гласные, не имеющие носового характера.

Это утверждение доказывается тем, что уже в самых ранних памятниках древнерусской письменности буквы ж и ѿ смешиваются с буквами ѡ, ѡ и ѡ, обозначающими чистые гласные. Так, например, в Остромировом евангелии можно обнаружить написание почаѡх и почаѡх, где во втором случае ѡ вместо ѡ; раѡу и раѡ: где во втором примере ж вместо ѡ; поручѡне — с ѡ вместо и т. д.

Подобного смешения букв не могло бы наблюдаться, если бы для писца ж и ѡ, ѡ и ѡ, а ассоциировались с разными звуками, и оно могло возникнуть лишь в том случае, если для писца эти пары букв ассоциировались каждая с одним звуком, неносовым по своему характеру. Если учесть, что фонетическое новшество в языке, прежде чем проникнуть в памятники письменности, должно закрепиться в живой речи, то можно полагать, что наличие подобного смешения букв в памятнике XI в. могло возникнуть лишь в том случае, если раньше этого времени в языке уже были утрачены носовые.

И действительно, можно найти доказательства тому, что носовых звуков у восточных славян не было уже в X в. В уже упоминавшемся сочинении византийского императора Константина Багрянородного „О народах“ приведены некоторые восточнославянские названия днепровских порогов, записанные Багрянородным так, как он их слышал от восточных славян. В частности, здесь упоминаются названия порогов *Verutzi* и *Neasit*. Первое слово является передачей древнерусского названия *вьроучи* — „кипящий“, т. е. это слово представляет собой причастие настоящего времени от глагола *вьрѣти*. В ст.-слав. языке форме *вьроучи* соответствует *вьрѣти*. Слово *Neasit* — это передача др.-русск. *немытъ*, вероятно, „пеликан“. В ст.-слав. языке ему соответствует *немытъ*. Сравнение этих русских и старославянских форм показывает, что *ou* и *ia* в древнерусском соответствуют *ж* и *л* в старославянском; иначе говоря, в праславянском языке в них были носовые звуки — [ɔ] и [ɛ̃]. Если рассмотреть написания этих слов у Багрянородного, то нетрудно убедиться, что в них нет передачи носовых, а это значит, что, записывая в X в. названия днепровских порогов по-древнерусски, Багрянородный не слышал при их произношении носовых. Следовательно, в X в. восточные славяне уже изменили носовые в неносовые, утратив два праславянских гласных в своем языке.

Однако если самые ранние свидетельства письменности указывают на отсутствие носовых у восточных славян, то возникает другой вопрос: есть ли вообще доказательства тому, что носовые действительно были когда-нибудь в общевосточнославянском языке? Ответ на этот вопрос может быть только положительным, ибо на это есть определенные указания в истории русского языка. Одно из доказательств наличия в прошлом носовых у восточных славян лежит за пределами внутреннего развития структуры древнерусского языка, другое обнаруживается при анализе самой языковой системы этого языка.

Доказательством, так сказать, внешнего характера является тот факт, что очень ранние заимствования из древнерусского в финские языки тех слов, где когда-то были носовые, сохранили в финских языках сочетания гласного с носовым согласным, тогда как в русском языке на их месте звучат чистые неносовые гласные. Ср.: др.-русск. *коудель*, ст.-слав. *кѹдѣль* — финск. *kuontalo* — „пакля“; др.-русск. *сойдѣ*, ст.-слав. *сѹдѣ* — финск. *suntija* — „церковный служащий“, эст. *sundima* — „принуждать“, *sundimine* — „принуждение“¹.

¹ Надо сказать, что в финских языках вообще есть целый ряд заимствованных слов из древнерусского языка в далекую дописьменную эпоху. Ср., например, в эстонском языке такие слова, как *raamat* — „книга“ (ср. русск. *грамота*), *papp* — „поп“, *aken* — „окно“, *puud* — „пуд“, *sool* — „соль“, *voli* — „воля“, *redis* — „редис“ и др. Эти заимствования объясняются тем, что восточные славяне, расселяясь по территории Руси в глубокой древности, сталкивались с многочисленными финскими племенами, жившими в то время на этой территории.

Следовательно, в эпоху заимствования этих слов финскими языками из древнерусского в последнем еще произносились носовые звуки, что и нашло свое отражение в наличии сочетания гласного с носовым согласным в финских языках, не знавших и не знающих носовых. Если бы слова заимствовались в том произношении, в каком они существуют ныне в русском языке (т. е. без носовых), то в финских языках не могли бы произноситься сочетания гласных с носовым согласным.

Однако более важным фактом является то, что в самом русском языке сохранились следы наличия в прошлом носовых, что проявляется в определенных чередованиях звуков в русской фонетической системе.

Носовые звуки образовывались, как говорилось, из сочетаний „гласный + носовой согласный“ в положении перед согласным и на конце слов, т. е. в положении закрытого слога. В положении же перед гласными эти сочетания сохранялись без изменения, так как гласный сочетания отходил к предшествующему, а согласный — к последующему слогу. Ср. из **zvonkъ* — о.-слав. *zvokъ*, но *zvon-i-ti* сохраняется также и в о.-слав. **zvoniti* (ср. старославянские факты: *вззати* — *взнимати*, *гкла* — *гклаена*, *плела* — *плелена*, *пжто* — *опона* и т. д.).

В связи с этим появлялись чередования [ɔ], [ɛ] // „гласный + носовой согласный“. Когда носовые звуки были утрачены, то эти чередования не исчезли, а пережили изменение первого члена чередования, в частности, в русском языке, как отмечалось, вместо [ɔ] и [ɛ] стали произноситься [y] и [a] (последний после мягкого согласного). Таким образом, возникали чередования [y], [a] (l'a) // „гласный + носовой согласный“. Ср. совр. русск. *звук* — *звонок*; *начать* (из *начати*) — *начинать*, *звякнуть* — *звенеть*; *мять* — *мну* (из *мьноу*) — *разминать* и т. д. С точки зрения современных отношений нельзя объяснить, почему в приведенных выше словах наблюдаются чередования [y] и [a] с сочетаниями [ин], [он] и даже с одним согласным [н]. Это объяснение может быть найдено лишь при предположении существования носовых гласных в древнерусском языке на месте современных [y] и [a]. В связи с историей носовых следует иметь в виду еще два момента.

Во-первых, важно помнить, что если изменение [ɔ] в [y] не было связано с изменением качества предшествующего согласного (и в [dɔbъ] и в [дубъ] звук [d] ([d]) твердый), то при изменении [ɛ] в [a] дело обстояло сложнее. Сложность заключается в том, что, как уже говорилось, согласные перед гласными переднего ряда, и в том числе перед [ɛ], были исконно не мягкими, а полумягкими; такими они были и в период изменения [ɛ]. Поэтому [ɛ] не мог непосредственно измениться в [a]: если бы это было так, то перед вновь возникшим [a] согласный оказался бы твердым, а не мягким. Поэтому предполагают, что первоначально [ɛ] изменялся в [a] передний (l'ä), перед которым согласный был полумягким (см. § 55). Это была самостоятельная, хотя и неполноценная фонема (неполно-

ценность ее определялась тем, что она выступала в очень ограниченном числе слов), судьба которой оказалась связанной с историей полумягких согласных (см. ниже, § 95).

Во-вторых, изменение [q] в [y] и [e] в [a] обусловило то, что в языке восточных славян развились гласные [y] и [a] уже не праславянского, а восточнославянского происхождения. Следовательно, современное русское [y] в словах *ухо*, *сухой* и т. п. восходит к праславянскому [u], а в словах *зуб*, *рука* и т. п. — к праславянскому [q]; современное русское [a] в словах *воля*, *вся* и т. п. восходит к праславянскому [a], а в словах *мать*, *семя* и т. п. — к праславянскому [e].

Наконец, рассматривая историю носовых, следует особо отметить одно явление, связанное с некоторыми падежными формами имен. Речь идет о том, что в древнерусском языке в формах вин. пад. мн. ч. существительных муж. р. с древней основой на *jō* и в формах род. пад. ед. ч., имен. и вин. пад. мн. ч. существительных жен. р. с древней основой на *jā*, а также в тех же падежных формах других имен, изменявшихся по тем же типам склонения, — во всех этих формах в древнерусском языке было окончание [ē̃], в соответствии с которым в старославянском языке выступало окончание [ẽ], например, др.-русс. *конѣ*, *землѣ*, *тоѣ*, *еѣ* и ст.-слав. *кѡнѣ*, *землѣ*, *тоѣ*, *ѣѣ* и т. п. Происхождение этого соответствия остается до конца не выясненным. Однако Ф. Ф. Фортунатов высказывал предположение, что ст.-слав. [ẽ] и др.-русс. [ē̃] в этих формах восходят к о.-слав. [ē̃] (долгому носовому звуку [el̃]). Изменение этого звука в старославянском языке шло путем утраты его долготы ([ē̃] > [ẽ]), а в древнерусском — носовой артикуляции ([ē̃]) > ([ē̃] > [ē̃]).

Итак, к началу исторического периода — к X в. состав гласных в восточнославянском языке-основе складывался из следующих фонем:

гласные переднего ряда: [i], [ē̃], [e], [y], [ä];

непереднего ряда: [y], [o], [a], [ъ], [u].

Наконец, следует учесть, что к моменту появления письменности в древнерусском языке сохранялось политоническое, музыкальное ударение, основанное на различиях интонационного характера и отличное от динамического ударения, при котором ударный слог отличается от безударного силой мускульного напряжения. Политоническое ударение было унаследовано древнерусским языком из праславянского¹.

¹ Надо иметь в виду, что в ранний период истории праславянского языка гласные этого языка еще различались по долготе и краткости, однако это различие было не только количественным, но одновременно и качественным. Это значит, что в праславянском языке не было, например, [ā] и [ā̃], [ō] и [ō̃] и т. д., отличающихся друг от друга только краткостью или долготой, как это было в индоевропейском языке-основе, но вместе с тем, скажем, звуки [a] и [o] характеризовались и разным качеством, т. е. их образование было различным, и разным

§ 80. Таким образом, если древнерусский язык получил из праславянского одиннадцать гласных фонем, то к моменту появления письменности в состав гласных этого языка входило десять фонем, что было связано с утратой носовых гласных и возникновением фонемы [ǎ]. Что же касается соотношения гласных фонем, то здесь изменения оказались прежде всего связанными с употребительностью в языке отдельных из них. Если на протяжении дописьменного периода широта употребительности гласных фонем [и], [ы], [ѣ], [ь], [ѣ], [е], [о], [а] в общем не изменилась, то, напротив, она увеличилась для фонемы [у] за счет утраты [ѡ].

Вместе с тем древнерусский язык унаследовал из праславянского и основные особенности системы гласных фонем, связанные с отсутствием различия сильной и слабых позиций для гласных и с тремя постоянными признаками этих фонем.

Отличия между праславянским языком и языком восточных славян VI—IX вв., с одной стороны, и древнерусским языком X—XI вв. — с другой, в отношении системы гласных были связаны с наличием носовых в древний период. Эти отличия отчетливо видны на явлениях сочетаемости гласных с согласными.

Если обратиться к этой сочетаемости, то для позднего праславянского языка (как и для старославянского) она может быть представлена схематически в следующем виде:

После твердых согласных			После мягких согласных	
ty	tu	t·i	r'·u	r'·i
tq		t·e	r'·q	r'·e
tъ		t·ь		r'·ь
to		t·e		r'·e
ta		t·ẽ	r'·a·	r'·ẽ ¹

количеством: [a] было долгим звуком, а [o] — кратким. В праславянском языке краткими были гласные [o] и [e]; редуцированные [ъ] и [ь] (а также позиционные варианты самостоятельных фонем [y] и [ǫ]) были сверхкраткими; все же остальные гласные были долгими. Однако уже в праславянский период долгие гласные стали подвергаться сокращению, и можно думать, что к концу праславянского периода, а тем более в языке восточных славян фонологических различий гласных по долготе и краткости уже не существовало, хотя фонетическую долготу могли сохранять [ѣ] и [о] под новым акцентом (в этом плане от всех гласных отличались [ъ] и [ь], сохранившие сверхкраткость как фонологический признак, противопоставлявший их [o] и [e]).

¹ Сочетания мягкого согласного с гласным [ѣ] были очень ограничены в праславянском языке: по существу они сводились только к сочетаниям мягких свистящих с [ѣ]. См. об этом ниже.

Как видно из этой схемы, в праславянском языке три гласные фонемы — [u], [ɔ] и [a] — испытывали слабое изменение артикуляции под влиянием предшествующего мягкого согласного. И поэтому они вступали в позиционные чередования, носящие параллельный характер (см. § 59).

Кроме того, именно в праславянском языке появилось позиционное изменение редуцированных фонем [ъ] и [ь] и исконных [y] и [i] в положении перед [j] и [i] в [ǫ] и [ī] (см. § 55). Изменение [ъ] и [ь] в [ǫ] и [ī] было связано с усилением напряженности и закрытости редуцированных гласных, с переходом их из зоны среднего подъема в зону верхнего подъема.

В результате таких изменений именно в праславянском языке возникли параллельные ряды чередующихся гласных [ъ] || [ǫ] и [ь] || [ī], с одной стороны, и [y] || [ǫ], [i] || [ī] — с другой, которые в то же время образовывали и перекрещивающиеся ряды:

$$\begin{array}{cc} \begin{array}{c} [ъ] \\ [y] \end{array} - [ǫ] & \begin{array}{c} [ь] \\ [i] \end{array} - [ī] \end{array}$$

И те и другие отношения, проявление которых с самого начала было ограничено морфологически, были унаследованы древнерусским языком и получили отражение в его фонетической системе (см. § 60).

Если в праславянском языке развились различия сильных и слабых позиций для [ъ] и [ь], то в этом языке появились и позиционные чередования [ъ] || [ǫ], [ь] || [ī], носящие также параллельный характер (см. § 60).

Вместе с тем в праславянском языке особые отношения были между фонемами [o] и [e], [ъ] и [ь], [y] и [i]. Как говорилось выше, в результате действия закона слогового сингармонизма гласные [o], [ъ] и [y] не могли сохраняться после мягких согласных (см. § 77). В силу этого в праславянском языке возникло позиционное чередование [o], [ъ], [y] с [e], [ь], [i] в зависимости от качества предшествующего согласного.

Чередования [o] || [e], [ъ] || [ь], [y] || [i] также образовывали параллельные ряды чередующихся звуков.

Вместе с тем эта позиционная мена гласных была с самого начала морфологизована: она осуществлялась в падежных формах некоторых типов именного склонения и потому была ограничена в своем реальном проявлении. Однако если так обстояло дело уже в праславянском языке, то в древнерусском соотношение, скажем, [o] и [e] в [село] — [пол'е], или [ъ] и [ь] в [столъ] — [кон'ь], или [ы] и [и] в [сто́лы] — [ко́н'и] уже, конечно, не носило характера позиционной мены. Наличие [o], [ъ], [ы] после твердого и [e], [ь], [и] после мягкого согласного определялось уже характером типа склонения данного слова, и потому фонемы [o], [ъ], [ы] и [e], [ь], [и] были не-

зависимыми друг от друга, хотя наличие [ъ], [о], [ы] после твердых, а [ь], [е], [и] — после мягких в подобных формах и было обусловлено качеством предшествующего согласного. В таком распределении гласных по отношению к предшествующим согласным отразилось действие закона слогового сингармонизма, вызвавшего в праславянском языке позиционную мену гласных в зависимости от твердости-мягкости согласных.

СИСТЕМА СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА В ЕЕ ОТНОШЕНИИ К СИСТЕМАМ СОГЛАСНЫХ ПРАСЛАВЯНСКОГО И СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОВ

§ 81. Состав и систему согласных общевосточнославянский язык также унаследовал из праславянского языка, причем здесь наряду с общеславянскими элементами были и такие, которые отражали типично восточнославянские особенности.

Все восточнославянские согласные являются по происхождению общеславянскими звуками, причем в праславянском языке они развились из определенных индоевропейских звуков. Поэтому, как и в области гласных, здесь можно установить закономерные соответствия¹.

Так, согласный [b] соответствует и.-е. [b] и [bh] ([b] придыхательное): о.-слав. **bolъji*, ст.-слав. *больн*, др.-русс. *болѣ* — санскр. *bālīyān*; о.-слав. **berъ*, ст.-слав. *веръ*, др.-русс. *бероу* — санскр. *bhārāmi*.

Согласный [p] соответствует и.-е. [p]: о.-слав. **topiti*, ст.-слав. *топѣти*, др.-русс. *топѣти* — санскр. *tāpati*.

Согласный [m] соответствует и.-е. [m]: о.-слав. **domъ*, ст.-слав. *домъ*, др.-русс. *домъ* — санскр.¹ *dāmaḥ*.

Согласный [v] (губно-зубной) восходит к и.-е. [w] (губному сонанту): о.-слав. **vezъ*, ст.-слав. *вѣзъ*, др.-русс. *везоу* — санскр. *vāhati*.

Согласный [d] соответствует и.-е. [d] и [dh] ([d] придыхательное): о.-слав. **domъ*, ст.-слав. *домъ*, др.-русс. *домъ* — санскр. *dāmaḥ*; о.-слав. **dēlo*, ст.-слав. *дѣло*, др.-русс. *дѣло* — санскр. *ādham*.

¹ В приводимых ниже соответствиях славянских согласных индоевропейским звукам несколько упрощенное, чем это можно было бы сделать, излагаются вопросы о происхождении о.-слав. звуков (в частности, это относится к согласным [k], [g], [s], [z], [v]). Для более подробного ознакомления с вопросом об источниках о.-слав. согласных надо обратиться к специальной литературе.

Согласный [t] соответствует и.-е. [t]: о.-слав. **protivъ*, ст.-слав. противъ, др.-русс. *противъ* — санскр. *prāti*.

Согласный [z] соответствует и.-е. [z] в сочетаниях [zd], [zb]: о.-слав. **mъzda*, ст.-слав. мѣзда, др.-русс. *мѣзда* — готск. *mizdo*.

Согласный [s] соответствует и.-е. [s]: о.-слав. **synъ*, ст.-слав. сынъ, др.-русс. *сынъ* — санскр. *śunūḥ*.

Согласный [n] соответствует и.-е. [n]: о.-слав. **nagъ*, ст.-слав. нагъ, др.-русс. *нагъ* (*нагой*) — санскр. *nagnāḥ*.

Согласный [l] соответствует и.-е. [l]: о.-слав. **lež'q*, ст.-слав. лежѣ, др.-русс. *лежоу* — готск. *ligan*.

Согласный [r] соответствует и.-е. [r]: о.-слав. **berq*, ст.-слав. берѣ, др.-русс. *бероу* — санскр. *bhārāmi*.

Согласный [g] соответствует и.-е. [g] и [gh] ([g] придыхательное): о.-слав. **govędo* — „крупный скот“, ст.-слав. говѣдо, русск. *говядина* — санскр. *gauh*; о.-слав. **goręti*, ст.-слав. горѣти, др.-русс. *горѣти* — санскр. *ghrñóti*.

Согласный [k] соответствует и.-е. [k]: о.-слав. **pekq*, ст.-слав. пекѣ, др.-русс. *пекоу* — санскр. *pakvah* — „готовый“.

Что же касается звука [ch], то он явился новообразованием на славянской почве: он развился в праславянском языке из и.-е. звука [s] в том случае, когда [s] находилось после гласных [i] и [u]¹, а также после согласных [r], [k]². Ср.: о.-слав. **suchъ*, ст.-слав. суѣхъ, др.-русс. *сухъ* (*сухой*) — лит. *sausas*; о.-слав. **mъchъ*, ст.-слав. мѣхъ, др.-русс. *мѣхъ* — лит. *musai*; о.-слав. **lichъ* — „излишний“, ст.-слав. лиѣхъ, др.-русс. (*из*)лишькѣ — лит. *liekas* и т. д.

Особым является вопрос о мягких согласных в праславянском языке. Они возникли в результате различных изменений твердых согласных в определенных фонетических условиях. Процесс образования мягких согласных в равной мере охватил все диалекты праславянского языка, причем отличия в этой области по различным славянским диалектам были незначительны.

¹ Или после тех звуков, которые развились в о.-слав. языке из и.-е. [i] и [u].

² Если далее не следовали взрывные [t], [p], [k].

В праславянский период мягкие согласные возникали двумя путями:

а) в результате смягчения заднеязычных согласных [k], [g], [ch] в соседстве с гласными переднего ряда;

б) в результате смягчения всех согласных под воздействием звука [j].

§ 82. Процессы смягчения, или палатализации, заднеязычных. Смягчение согласных [k], [g], [ch] в соседстве с гласными переднего ряда носит название палатализации заднеязычных. В зависимости от конечного результата смягчения, а также от условий и времени осуществления различаются две такие палатализации.

В результате первой палатализации заднеязычные [k], [g], [ch] в праславянском языке изменились в мягкие шипящие [č'], [ž'], [š']: [k] > [č'], [g] > [ž'] (через ступень [d'ž']), [ch] > [š'].

Такое изменение [k], [g], [ch] переживали под воздействием последующих гласных переднего ряда [e], [i], [y], [ē] (> [ē]). Ср.: о.-слав. *ranka > *rǫka — *porǫč'iti¹, др.-русс. *роука* — *поруочити*; о.-слав. *konъ, *konьс'ь — *nač'ьniti > *nač'ęti, др.-русс. *конъ*, *коньць* — *начати*; о.-слав. *drougъ — *drouž'ina, др.-русс. *дрougъ* — *дрoужина*; о.-слав. *kъniga — *kъniž'ьnikъ, др.-русс. *кънига* — *кънижьникъ*; о.-слав. *groisŭ > *grechъ — *greš'ьnikъ, др.-русс. *грѣхъ* — *грѣшьникъ*; о.-слав. *souчъ — *souš'iti, др.-русс. *соухъ* — *соушити* и т. д.

При этом гласные звуки [e], [i], [y], изменяя качество заднеязычных, сами сохранялись без изменения. Гласный же переднего ряда [ē], перед которым заднеязычные изменялись в мягкие шипящие, после этих новых мягких согласных не сохранялся, а изменялся в [a]². Ср.: о.-слав. *bēgētei > *bēž'ati, др.-русс. *бѣжати*; о.-слав. *gērītei > *ž'ariti, др.-русс. *жапати*; о.-слав. *krikētei > *krič'ati, др.-русс. *кричати*; о.-слав. *slouchētei > *slouš'ati, др.-русс. *слушати*; о.-слав. *mēchētei > *mēš'ati, др.-русс. *мѣшати* и т. д.

¹ Здесь и далее реконструируемые праславянские формы приводятся в том их фонетическом облике, какой можно предполагать для конечного этапа их развития в праславянский период. В связи с этим при такой реконструкции в ряде случаев не учитываются данные относительной хронологии отдельных фонетических изменений.

² Это предположительно объясняется возникновением диссимиляции между артикуляцией мягкого согласного и артикуляцией гласного.

Вторая палатализация осуществлялась позднее первой, но тоже в праславянскую эпоху, и определялась двумя условиями, которые действовали не одновременно. Результаты изменения заднеязычных [k], [g], [ch] здесь были иными, нежели по первой палатализации, а именно — в результате действия второй палатализации [k], [g], [ch] изменялись в мягкие свистящие, соответственно в [c'], [z'] (через ступень [d'z']), [s']¹.

Подобное изменение [k], [g], [ch] происходило, во-первых, в том случае, когда они попадали в положение перед гласными [i] и [e], возникшими из дифтонгов [oi], [ai]. Ср.: о.-слав. **koina* > **c'ena*, др.-русс. *цѣна*; о.-слав. **vytkoi* > **vtlc'i*, др.-русс. *вѣлци*; о.-слав. **rbkoi* > **rbс'i*, др.-русс. *ръци*; о.-слав. **rankoi* > **rqc'e*, др.-русс. *роуцѣ*²; о.-слав. **drougoi* > **droud'z'i* > **druz'i*, др.-русс. *друзи*; о.-слав. **nogai* > **nod'z'e* > **noz'e*, др.-русс. *нозѣ*; о.-слав. **poslouchoi* > **poslus'i*, др.-русс. *послоуци*; о.-слав. **mouchai* > **mus'e*, др.-русс. *моуцѣ*³ и т. д.

Такое же изменение [k], [g], [ch] в свистящие было, во-вторых, после гласных переднего ряда [i], [y], [e]. Ср.: о.-слав. **ovika* > **ovь'a*, др.-русс. *овьца*; о.-слав. **dēvika* > **dēvic'a*, др.-русс. *дѣвица*; о.-слав. **otbkъ* > **otbc'ь*, др.-русс. *отьць*; о.-слав. **vbchъ* > **vbs'ь*, др.-русс. *вьсь*⁴ и т. д.

Однако при этом условии смягчение [k], [g] [ch] в свистящие осуществлялось не последовательно, и здесь было много отступлений. Ср. заимствование из германских языков **kūningōs*, которое в праславянском языке изменилось в **kъningъ* > **kъnegъ* > **kъnęd'z'ь* > **kъnęz'ь*, ст.-слав. *кѣнѣзь*, русск. *князь*; но: *княгиня* (ст.-слав. *кѣнѣгыня*), о.-слав. **liko* > **lic'o* > **lic'e*, ст.-слав.

¹ В связи с разными условиями, в которых происходило изменение заднеязычных в свистящие, некоторые ученые различают вторую и третью палатализации.

² Различие в изменении дифтонгов [oi], [ai] в [i] или [e] в условиях этого осуществления не ясно; предполагают, что оно зависело от определенных различий в интонации окончания.

³ В западнославянских языках в результате изменения [ch] перед [i] и [e] из дифтонгов [oi], [ai] возник согласный [s'], а не [s'] (ср. чешск. *moize*, польск. *misze*).

⁴ В западнославянских языках здесь также был [s'], а не [s'] (ср. чешск. *vsechen*, польск. *wszystek*).

лице, др.-русс. *лице*, но: *лижъ* (ст.-слав. *лики*). Таких отступлений можно найти довольно много¹.

С действием первой разновидности второй палатализации связывается изменение праславянских сочетаний [**kvě*], [**gve*] (из [**kvoi*], [**gvoi*]) в [*c'vē*], [*z'vē*] (через ступень [*d'z'vē*], так же как изменение [*g*] > [*z'*] через ступень [*d'z'*]) в восточнославянских и южнославянских языках: **kvoitъ* > *kvētъ* > *c'vētъ*; ст.-слав. и др.-русс. *цвѣтъ*; **gvoizda* > *gvezda* > *d'z'vezda* > *z'vezda*, ст.-слав. и др.-русс. *звѣзда*. В западнославянских языках, как уже говорилось, эти сочетания не пережили изменения: польск. *kwiat*, *gwiazda*, чешск. *květ*, *hvezda*.

Как видно, в таком различии в изменении праславянских сочетаний [**kvě*], [**gve*] или отражаются давние диалектные черты в общеславянском языке-основе, или же это свидетельствует о позднем происхождении данного явления, о том, что оно развилось после распада общеславянского единства.

Вопрос о том, какая из разновидностей второй палатализации осуществлялась раньше, а какая — позже, не является решенным: одни лингвисты полагают, что раньше осуществлялось изменение [*k*], [*g*], [*ch*] перед [*i*] и [*e*] из дифтонгов, другие, наоборот, — что раньше шло изменение [*k*], [*g*], [*ch*] после гласных переднего ряда. Проще и яснее обстоит дело с установлением относительной хронологии в отношении первой и второй палатализации: здесь есть вполне реальные доказательства, что изменение [*k*], [*g*], [*ch*] в шипящие осуществлялось раньше, чем в свистящие.

Как ясно из вышеизложенного, изменение [*k*], [*g*], [*ch*] шло перед гласными переднего ряда. Однако сами эти гласные могли быть разного происхождения: они могли быть как исконными звуками переднего ряда, так и такими, которые возникли из других, не являвшихся первоначально передними звуками. Так, например, в слове *živъ* — „жив“ звук [*i*] исконно имел переднее образование: он восходит к и.-е. *[i]* (ср. лат. *vīvus*), а в слове *naz'i* — „нагие“ звук [*i*] по происхождению из дифтонга [*oi*], т. е. исконно здесь не было звука переднего образования.

Если сравнить, например, общеславянские слова *živъ* и *naz'i*, где [*ž'*] и [*z'*] равно восходят к заднеязычному [*g*] (ср. о.-слав. **živъ* и лит. *gyvas*; о.-слав. **naz'i* и русск. *нагой*), то возникает

¹ В последнее время высказывается предположение, что на северной территории восточных славян последовательно не осуществлялось изменение заднеязычных в мягкие свистящие и перед [*e*] и [*i*]. См.: В. В. Колесов. Историческая фонетика русского языка. М., 1980, с. 51—52.

вопрос: почему перед одним и тем же звуком [i] результаты изменения [g] оказались различными? Ответ на него уже дан выше: это объясняется тем, что звук [i] был различного происхождения, в зависимости от чего согласный [g] и изменился по-разному. Отсюда можно сделать вывод, что в ту эпоху, когда [g] изменялся в [ž'], форма имен. пад. мн. ч. кратких прилагательных муж. р. от слова *pagъ* не имела еще окончания [i], т. е. в ней звук [g] находился еще не перед [i], а перед дифтонгом [oi]. Если бы это было не так, т. е. если бы в эпоху действия первой палатализации дифтонг [oi] уже изменился в [i], то это [i] совпало бы по качеству с [i] исконным и перед ним [g], так же как и в слове *ž'ivъ*, изменился бы в [ž']. Этого не произошло как раз потому, что когда [g] изменялся в [ž'], существовала еще форма **nagoi* (а не **nagi*), где перед непременным гласным [o] звук [g] не переживал изменений. Когда же дифтонг [oi] изменился в гласный переднего ряда [i], первая палатализация уже не действовала. Если бы она еще действовала, звук [g] перед новым [i] изменился бы, так же как и перед исконным [i], в [ž']. Иначе говоря, между первой и второй палатализациями лежит изменение дифтонгов в монофтонги. Следовательно, сначала прошла и закончилась первая палатализация [k], [g], [ch], потом произошло изменение дифтонгов в монофтонги, а затем уже наступила эпоха второй палатализации. Если первая палатализация шла в ранний период общеславянского единства, то вторая палатализация наступила поздно, возможно, даже уже в эпоху начала распада этого единства.

Такое же решение вопроса об относительной хронологии первой и второй палатализаций возникает и при рассмотрении явлений, связанных с изменением [k], [g], [ch] в шипящие в соотношении с изменением их в свистящие после [i], [y], [e] (т. е. со второй разновидностью второй палатализации). Подтверждение более раннего происхождения первой палатализации по сравнению со второй можно найти в следующем факте. Слово муж. р. с древней основой на *ѡ* *otъcъ* — „отец“ склонялось по мягкому варианту этого склонения, ибо звук [c'] произошел здесь из [k] по второй палатализации. Однако звательная форма от этого слова была *otъcъ'e* — „отче“ с окончанием [e], как у слов твердого варианта (ср. *rabъ* — *rabel*), а не [·'u], как у слов мягкого варианта (ср. *konъ* — *konъ'u*). Чем это объясняется? Это можно объяснить тем, что форма *otъcъ'e* образовалась не от *otъcъ*, а от более древнего **otъkъ*, где [k] изменился в [c'] по первой палатализации перед [e]. Следовательно, когда возникла форма *otъcъ'e*, еще не существовало формы *otъcъ*. Последняя развилась из **otъkъ*, когда под воздействием [y] звук [k] изменился в [c'], после которого [ъ] перешел в [y]. Звательная же форма сохранилась в том ее виде, какой она получила в более ранний период развития праславянского языка.

Итак, в результате изменения заднеязычных [k], [g], [ch] в праславянском языке образовались мягкие шипящие [č'], [ž'], [š']

и мягкие свистящие [c'], [z'], [s']⁴. Эти мягкие согласные были унаследованы древнерусским языком, в котором они сохраняли свою мягкость долгий период времени; лишь позже некоторые из них подверглись отвердению.

Изменение [k], [g], [ch] в соседстве с гласными переднего ряда обусловило то, что в праславянском, старославянском, а также и в древнерусском языках первоначально не могло существовать сочетаний заднеязычных [k], [g], [ch] с гласными переднего ряда типа [ki], [gi], [chi]. Поэтому в ранних памятниках письменности эти сочетания можно обнаружить лишь в заимствованных словах: *китъ*, *гигантъ*, *хитонъ* и т. п. В исконно славянских же словах в ранний исторический период наличествуют сочетания *кы*, *гы*, *хы* ([kyl], [gyl], [chyl]): *кыевъ*, *гыбель*, *хытрын* и т. д. С другой стороны, в древнерусских памятниках могли выступать сочетания *къ*, *гъ*, *хъ* ([kě], [gě], [chě]), но это наблюдалось лишь в морфологических образованиях, где подобные сочетания возникали в результате действия аналогии.

Так, например, в склонении местоимения *къто* в твор. пад. ед. ч. возникала форма *къмь* вместо *ѣмь* (из **koŭmь*) под влиянием других падежей, в которых [k] находился перед гласными [ъ] и [о] (*къто*, *кого*, *кому*, *комь*), или в дат.-местн. пад. ед. ч. от слова *роука* возникала форма *роукъ* вместо *роуѣ* (из **rankai*) под подобным же влиянием других падежей (ср.: *роуки*, *роукоу*, *роукамъ* и т. д.).

§ 83. Смягчение согласных в результате воздействия [j]. Кроме тех мягких согласных, которые возникли в результате действия первой и второй палатализаций, древнерусский язык унаследовал из праславянского еще и такие мягкие, которые развились в последнем в результате изменений сочетаний различных согласных с [j].

Звук [j] — это среднеязычный сонорный звонкий мягкий согласный; поэтому его воздействие на твердые согласные заключалось в смягчающем влиянии на эти звуки. Такое смягчающее воздействие есть и теперь в русском языке: ср. [plát'j]e, [sud'j]a], [ve[sél'j]e и т. д. Однако в праславянский период воздействие [j] на предшествующие согласные было намного сильнее, чем в последующей истории русского языка, и смягчение этих согласных шло

⁴ Некоторые ученые считают, что результаты изменения [k], [g], [ch] перед [i] и [e] из дифтонгов были иными, чем результаты изменения этих же согласных после [i], [ъ] и [e]. Согласно этому мнению, изменение [k], [g], [ch] перед [i] и [e] привело к образованию твердых свистящих [c], [z], [s], тогда как после [i], [ъ], [e] заднеязычные изменились в мягкие свистящие (отчетливо выражена эта точка зрения в книге С. Б. Бернштейна «Очерк сравнительной грамматики славянских языков», с. 201—202; здесь же приводятся и мнения других лингвистов по этому вопросу). Однако указанное мнение, как представляется, еще недостаточно аргументировано.

далее. Воздействию со стороны [j] подвергались различные согласные, но смягчение тех или иных звуков давало иногда одинаковые, а иногда разные результаты в диалектах праславянского языка, что и отразилось в истории отдельных славянских языков.

Во всех славянских языках одинаковыми оказались результаты изменения сочетаний заднеязычных и свистящих согласных с [j], т. е. сочетаний [kj], [gj], [chj], [sj], [zj]. В результате смягчающего воздействия [j] сам он ассимилировался с возникшим мягким согласным и исчез, а [k], [g], [ch], [s], [z] изменились в мягкие шипящие: [kj] > [č'], [gj] > [ž'], [chj] > [š'], [sj] — [š'], [zj] — [ž']. Например:

о.-слав. **plakjos*, ст.-слав. и др.-русск. *плачь*, польск. *placz*, болг. *плач*, чешск. *pláč*;

о.-слав. **lǫgja*, ст.-слав. и др.-русск. *лѣжа*, болг. *лѣжа*;

о.-слав. **douchja*, ст.-слав. и др.-русск. *душа*, болг. *душа*, польск. *duża*, чешск. *duše*;

о.-слав. **pisjōn*, ст.-слав. *пишѣ*, др.-русск. *пишоу*, чешск. *píši*, болг. *пиша*;

о.-слав. **kozja*, ст.-слав. и др.-русск. *кожа*, болг. *кожа*, чешск. *kůže*.

Иначе обстояло дело с сочетаниями [tj] и [dj], в которых процесс смягчения согласных и ассимиляции [j] дал различные результаты в диалектах праславянского языка. У предков восточных славян [tj] изменилось в [č'], а [dj] — в [ž'] (через ступень [d'ž']); у предков болгар [tj] дало [š't'], [dj] — [ž'd'], у предков сербов [tj] > [h], [dj] > [h], а у предков западных славян [tj] > [c'], [dj] > [d'z']. Например:

о.-слав. **světja*, др.-русск. *свѣча*, ст.-слав. *свѣшта*, болг. *свещ*, сербск. *свѣћа*, польск. *świeca*, чешск. *svíce*;

о.-слав. **medja*, др.-русск. *межа*, ст.-слав. *мѣжа*, сербск. *међа*, польск. *miedza*;

о.-слав. **chotjōn*, др.-русск. *хочоу*, ст.-слав. *хощѣ*, польск. *chce*;

о.-слав. **vidjōn*, др.-русск. *вижоу*, ст.-слав. *киждѣ*, польск. *widzę*.

Точно такую же судьбу, что и сочетание [tj], по диалектам праславянского языка пережили и группы согласных [kt], [gt] перед гласными переднего ряда, которые у восточных славян изменились в [č'], у южных — в [š't'] или [h], а у западных — в [c']. Например:

о.-слав. **noktь* (ср. лат. *nox*, *noktis*), др.-русск. *ночь*, ст.-слав. *ношѣ*, болг. *нощ*, сербск. *ноћ*, польск. *noc*, чешск. *noc*;

о. -слав. **pektei*, др.-русс. *печи*, ст.-слав. *пѣшти*, сербск. *пећи*, польск. *piec*, чешск. *péci*;

о. -слав. **mogtei* > **mokti*([g] > [k] в результате оглушения), др.-русс. *мочи*, ст.-слав. *мошти*, сербск. *моћи*, польск. *tos*, чешск. *tosí* и т. п.

Несколько различную судьбу по диалектам праславянского языка имели и сочетания губных согласных с [j]: [rj], [bj], [mj], [vj]. Если эти сочетания находились в начале слова, то во всех славянских языках они изменились в сочетания [p'], [b'], [m'], [v'], т. е. в результате воздействия и ассимиляции рядом с губным развивался [l'] вторичный (l-epentheticum):

о. -слав. **bjudō*, ст.-слав. и др.-русс. *блюдо*, др.-польск. *bluda*, болг. *блюдо*, сербск. *бљудо*;

о. -слав. **pjujōn*, ст.-слав. *плюж*, др.-русс. *плюю*, польск. *pluje*, чешск. *plivati*, болг. *плювам*.

Однако если эти сочетания находились не в начале слова, то эпентетический [l] наблюдается ныне лишь в восточнославянских и южнославянских¹ языках, но не наблюдается в западнославянских²:

о. -слав. **zemja*, др.-русс. и ст.-слав. *земля*, сербск. *земља*, но польск. *ziemia*, чешск. *země*;

о. -слав. **kouprja*, др.-русс. и ст.-слав. *купѣ*, но чешск. *kouře*, польск. *kupia*.

Сочетания сонорных [r], [l], [n] с последующим [j] во всех диалектах праславянского языка изменились таким образом, что [j], смягчив предшествующий согласный, исчез, а сами сонорные, получив смягчение, не изменили далее своего качества. Таким образом, из сочетания [rj] возникло [r'], из [lj] — [l'], из [nj] — [n']:

о. -слав. **bourja*, ст.-слав. и др.-русс. *боура*, чешск. *bouře*, болг. *буря*;

о. -слав. **volja*, ст.-слав. и др.-русс. *воля*, польск. *wola*, сербск. *воља*;

о. -слав. **konjos*, ст.-слав. и др.-русс. *конь*, польск. *koń*, сербск. *коњ*.

Таковы основные изменения сочетаний согласных с [j] в диалектах праславянского языка, в результате которых также возникли мягкие согласные. Эти согласные сохранились без изме-

¹ Кроме болгарского, где l-epentheticum был утрачен позже; ср. болг. *земя*, *купя*.

² Развивался ли у западных славян l-epentheticum не в начале слов, утратившись впоследствии, или его вообще здесь никогда не было, — это вопрос неясный и по-разному решаемый лингвистами.

нений после распада общеславянского единства и были унаследованы отдельными славянскими языковыми группами.

Кроме того, надо иметь в виду, что [j] мог воздействовать смягчающим образом и на группу согласных, т. е. он мог влиять не только на непосредственно стоящий рядом звук, но через этот звук — на предыдущий.

Таким образом, например, из сочетаний [skj] и [stj] у восточных и западных славян возник слитный согласный [š'č'], а в старославянском языке — [š't']:

о. -слав. **iistja*, ст.-слав. тѣшта, др.-русс. *тыща*, болг. *тъща*, польск. *tesciowa*;

о. -слав. **poustja*, ст.-слав. поѡшта, др.-русс. *поушча*, польск. *puszcza*;

о. -слав. **pouskjōn*, ст.-слав. поѡштѣ, др.-русс. *поушчоу*, польск. *puszczac*, болг. *пуцам*.

Наконец, из сочетаний [zgj], [zdj] возник слитный согласный [ž'd'], передававшийся в памятниках большей частью написанием *жд*:

о. -слав. **ǫzgjь* > *dǫž'd'ь*, ст.-слав. и др.-русс. *дѣждь*, болг. *дѣжд*;

о. -слав. **jēzjdjōn* > *jēž'd'q*, ст.-слав. ѣждѣ, др.-русс. *ѣзжу*, польск. *jezdzić*.

Таким образом, из праславянского языка восточные славяне получили следующие мягкие согласные: шипящие [č'], [ž'], [š'], [š'č'], [ž'd'], свистящие [c'], [z'], [s'], а также сонорные [j], [r'], [l'], [n']. Все эти согласные, как уже говорилось, называются и с к о н о м я г к и м и (см. § 62).

§ 84. Итак, праславянский язык поздней эпохи своего развития имел твердые и мягкие согласные, которые после распада общеславянского единства были унаследованы древнерусским языком. Эти унаследованные согласные образовывали ту фонетическую систему этого языка, которая засвидетельствована первыми памятниками письменности X — XI вв.

Однако для того чтобы понять, как сложилась эта фонетическая система в области согласных, надо попытаться представить систему согласных фонем праславянского языка.

Нет никакого сомнения в том, что самостоятельными фонемами праславянского языка являлись твердые согласные [p], [b], [m], [v], [t], [d], [s], [z], [r], [l], [n], [k], [g], [ch]: они могли выступать в тождественных фонетических условиях — перед одними и теми же гласными (некоторые из них и перед определенными согласными)

и служить средством различения разных словоформ. Иначе говоря, в праславянском языке могли, скажем, существовать и противопоставляться друг другу сочетания [pa], [ba], [ma] и т. д., или [to], [do], [so], [zo] и т. д., или [gъ], [lъ], [nъ] и т. д., или [ky], [gy], [chy] и т. д.

Поэтому с фонологической точки зрения важно решить вопрос о характере мягких согласных, об их фонематической роли. И первым необходимо рассмотреть вопрос о том, были ли мягкие согласные в праславянском языке в последний период его развития самостоятельными фонемами.

Преждевсего надо обратиться к явлениям, связанным с историей исконно мягких согласных, и в частности шипящих и свистящих.

Как говорилось, шипящие [č'], [ž'], [š'] возникли в праславянском языке в результате изменения [k], [g], [ch] в определенных фонетических условиях и, следовательно, исконно не могли употребляться там, где были твердые [k], [g], [ch]: перед гласными непреднего образования сохранялись [k], [g], [ch], а перед передними гласными на их месте произносились шипящие.

Таким образом, первоначально, в эпоху своего возникновения, мягкие шипящие были не самостоятельными фонемами, а позиционными разновидностями твердых фонем [k], [g], [ch]. Точно так же позиционными разновидностями твердых заднеязычных в более позднюю эпоху, но тоже еще в праславянский период, являлись и мягкие свистящие [c'], [z'], [s'].

Однако уже в праславянском языке это положение стало меняться. В самой первоначальной системе были такие звенья, которые нарушали исконные соотношения. И прежде всего это коснулось шипящих согласных. В результате изменения [ē] в [a] после мягких шипящие появились и перед гласным непреднего ряда, что привело к возможности противопоставления [k], [g], [ch] и [č'], [ž'], [š'] перед одним и тем же гласным [a]. Так, из древнего **kēra* возникло *č'ara* (чара), где [č'] находится перед непредним гласным [a], возникшим из [ē] и совпавшим с тем [a], перед которым [k] исконно сохранялось, например, в слове *kara* (кара). Возникло два слова — *č'ara* и *kara*, различающиеся лишь [č'] и [k], выступающими здесь как самостоятельные фонемы. Это означало, что шипящие стали освобождаться от фонетической зависимости от последующих гласных и превращаться в самостоятельные фонемы. Еще большему освобождению шипящих от фонетической зависимости способствовало изменение согласных в сочетании с [j]. Так, в результате того, что согласный + [j] мог находиться перед гласными [a], [u] и [q], шипящие стали появляться не только перед [a], но и перед [u] и [q]. Так, например, из древнего **douch + j + ōn* возникло *dušq* (доушоу), из **rog + j + ōn* — *rož'q* (рожоу), из **tongji* — *tož'i* > *tiž'u* (моужоу) и т. д.

Итак, в результате всех этих изменений шипящие стали возможны не только перед всеми гласными переднего ряда (кроме [ē] > [e]), но и перед гласными непреднего ряда [a] (из [ē] и [a]), [u] и

[q]. Они не выступали лишь перед [o], [ɤ] и [y] (см. § 57). Если же учесть, что твердые согласные (кроме [k], [g], [ch]) могли выступать перед всеми гласными, то можно установить, что из 11 возможных позиций перед гласными шипящие не были противопоставлены твердым лишь в четырех.

Это положение можно представить в следующей таблице:

Возможные сочетания твердых согласных с гласными	Возможные сочетания мягких шипящих с гласными	Возможные сочетания заднеязычных с гласными
ty	—	ky
tu	š'u	ku
to	—	ko
tɤ	—	kɤ
tq	š'q	kq
ta	š'a	ka
t'i	š'i	—
t'e	š'e	—
t'ɤ	š'ɤ	—
t'ę	š'ę	—
t'ẽ	—	—

В приведенной таблице видно не только то, что шипящие не выступали лишь в 4 из 11 возможных позиций для твердых согласных, но и то, что шипящие противопоставлялись заднеязычным в 3 из 6 возможных позиций.

Так постепенно [č'], [ž'], [š'] из позиционных разновидностей [k], [g], [ch] становились особыми фонемами, связанными с заднеязычными согласными лишь морфологическими чередованиями.

Когда закончилось действие первой палатализации и заднеязычные стали изменяться перед и после гласных переднего ряда в свистящие, тогда возникла возможность противопоставления мягких шипящих и свистящих в положении перед гласными [i], [ɤ], [e], [ę], [a], [u], [q].

Если после изменения [k], [g], [ch] в [c'], [z'], [s'] перед [i] и [ẽ] дифтонгического происхождения возникли сочетания мягкого сви-

стящего + [i], [ē], то вместе с этим возникла и возможность противопоставления мягкого свистящего и мягкого шипящего перед [i]: в языке появились соотношения [č'i] — [c'i], [ž'i] — [z'i], [š'i] — [s'i]¹. Однако противопоставление этих согласных перед [ē] отсутствовало, так как мягкие шипящие не сочетались с этим гласным.

После изменения [k], [g], [ch] в [c'], [z'], [s'] под воздействием предшествующих гласных переднего ряда [ь], [i] и [ē] возникли сочетания мягкого свистящего + [ь], [e], [i], [ē], [a], [u], [q]² (ср., например, склонение слова *otbc'б*: *otbc'a*, *otbc'u*, *otbc'emь*, *otbcē*, *otbc'i* или склонение слова *dēvic'a*: *dēvic'i*, *dēvic'q*, *dēvic'ejq*, *dēvic'e*, *dēvic'ē* и т. п.). В результате этого в языке и появилась возможность противопоставления мягких шипящих и мягких свистящих перед [ь], [e], [i], [ē], [a], [u], [q], т. е. появились соотношения [č'ь] — [c'ь], [č'e] — [c'e], [č'i] — [c'i], [č'ē] — [c'ē], [č'a] — [c'a], [č'u] — [c'u], [č'q] — [c'q]. Эти согласные оставались не противопоставленными только перед [ē], где мягкий шипящий не был возможен, а мягкий свистящий, наоборот, возможен. Ср., например: *c'ēna* (< *koina), *c'ēlъ* (< *koilos), *c'emь* (< *koimь) и т. п.

Итак, после указанного изменения стали возможны соотношения:

m'ēč'ь — *ot'bc'ь*, *m'ēč'emъ* — *ot'c'emъ*, *m'ēč'i* — *ot'bc'i*, *m'ēč'ē* — *ot'bc'ē*, *m'ēč'a* — *ot'bc'a*, *m'ēč'u* — *ot'bc'u*, *s'ēč'q* — *d'ēv'ic'q*;

duš'ь — *v'ьs'ь*, *duš'ejq* — *v'ьs'emь*, *duš'i* — *v'ьs'i*, *duš'ē* — *v'ьs'ē*, *duš'a* — *v'ьs'a*, *duš'u* — *v'ьs'u*, *duš'q* — *v'ьs'q*;

mqž'ь — *kžn'ēž'ь*, *mqž'emъ* — *kžn'ēž'emъ*, *mqž'i* — *kžn'ēž'i*, *mqž'ē* — *kžn'ēž'ē*, *mqž'a* — *kžn'ēž'a*, *mqž'u* — *kžn'ēž'u*.

Вместе с тем мягкие свистящие, как и мягкие шипящие, были противопоставлены твердым заднеязычным в 3 из 6 возможных позиций; они противопоставлялись перед [a], [u] и [q], но не противопоставлялись перед [ъ], [o] и [y].

Если учесть, что в тех же позициях, в которых выступали мягкие шипящие и свистящие, могли выступать и все твердые согласные, кроме заднеязычных, то можно понять, что шипящие и свистящие играли в языке роль самостоятельных фонем, хотя позиции, в которых они выступали, были ограничены по сравнению с позициями твердых согласных фонем (это определялось тем, что мягкие

¹ Правда, эти соотношения возникали только на стыке, но не внутри морфем, что объясняется изменением дифтонгов [oi], [ai] внутри морфем только в [e], но не в [i].

² Также только на стыке морфем.

шипящие и свистящие не выступали перед гласными непереднего образования [o], [y], [ъ]). Точно так же были ограничены позиции мягких сонорных фонем [r'], [l'], [n'], так как и они не выступали перед этими гласными.

§ 85. Если обозначить мягкие шипящие через [č'], мягкие свистящие через [c'], заднеязычные через [k], твердые согласные, получающие позиционную полумягкость перед гласными переднего ряда, через [t], а твердые и мягкие сонорные соответственно через [r] и [r'], то можно представить все возможные позиции этих согласных перед гласными в поздний праславянский период в следующей таблице:

Позиции [č'] + глас- ный	Позиции [c'] + глас- ный	Позиции [k] + глас- ный	Позиции [t] + глас- ный	Позиции [r] + глас- ный	Позиции [r'] + глас- ный
č'i	c'i	—	t'i	r'i	r'i
—	c'ė	—	t'ė	r'ė	—
č'ь	c'ь	—	t'ь	r'ь	r'ь
č'e	c'e	—	t'e	r'e	r'e
č'ę ¹	c'ę	—	t'ę	r'ę	r'ę
č'·a	c'·a	ka	ta	ra	r'·a
č'·u	c'·u	ku	tu	ru	r'·u
č'·q	c'·q	kq	tq	rq	r'·q
—	—	kъ	tъ	rъ	—
—	—	ky	ty	ry	—
—	—	ko	to	ro	—

П р и м е р ы:

[č'i]: *m'eč'i, nož'i, duš'i*; [č'ь]: *m'eč'ь, nož'ь, duš'ь*; [č'e]: *m'eč'em'ь, nož'em'ь, duš'ej'ę*; [č'ę]: *m'eč'ę, nož'ę, duš'ę*; [č'·a]: *m'eč'·a, nož'·a,*

¹ Здесь и ниже в примерах с сочетаниями мягкого согласного с [ę] в праславянском языке, в которых эти сочетания наблюдаются в падежных окончаниях, в целях упрощения изложения не указывается, что в праславянском языке здесь, вероятно, был [č], в соответствии с которым в древнерусском языке выступал [ė], а в старославянском [el]. См. § 79.

duš'ā; [č'ul]: m'ec'ū, nož'u, duš'ū; [č'q]: s'ec'ē, rož'ē, duš'ē;

[c'i]: ot'bc'i, kčn'ęz'i, v'bs'i; [c'e]: vblc'e, nož'e, sos'e; [c'ь]: ot'bc'ь, kčn'ęz'ь, v'bs'ь; [c'e]: ot'bc'emъ, kčn'ęz'emъ, v'bs'em'ь; [c'ę]: ot'bc'ę, kčn'ęz'ę, v'bs'ę; [c'a]: ot'bc'a, kčn'ęz'a, v'bs'a; [c'ū]: ot'c'ū, kčn'ęz'ū; [c'q]: d'ev'ic'ē, v'bs'ē¹;

[ka]: včlka, druga, socha; [ku]: včlku, drugu, sochu; [kq]: rčkē, dčgē, sochē; [kь]: včlkъ, drugъ, sochъ; [ky]: včlky, drugy, sochy; [ko]: včlkomъ, drugomъ, sochojō;

*[t'i]: ž'ivot'i, p'bs'i, sad'i; [t'e]: ž'ivot'e, p'bs'e, sad'e; [t'ь]: skъr'ь, b'ь, kost'ь, guozd'ь; [t'e]: ž'ivot'e, p'bs'e, sad'e; [t'ę]: *ž'erb'ę, *pors'ę, chod'ę; [ta]: ž'ivota, p'bsa, sada; [tu]: ž'ivotu, sadu, pbsu; [tq]: rybō, vodō; [tь]: ž'ivotъ, sadъ, p'bsъ; [ty]: ž'ivoty, sady, p'bsy; [to]: ž'ivotomъ, sadomъ, p'bsomъ;*

[r'i]: bor'i, sol'i, ogn'i; [r'e]: bor'e, kol'e, kon'e; [r'ь]: dv'ьr'ь, sol'ь, ogn'ь; [r'e]: bor'e, kol'e, kon'e; [r'ę]: kor'ę, koz'ьl'ę, agn'ę; [ra]: bora, kola, kona; [ru]: boru, kolu, konu; [rq]: gorō, pilō, ž'enō; [rь]: gorъ, pilъ, ž'enъ; [ry]: bory, pily, ž'eny; [ro]: boromъ, pilojo, ž'enojo;

[r'i]: vol'i, bur'i, kon'i; [r'ь]: vol'ь, bur'ь, kon'ь; [r'e]: vol'ejo, bur'ejo, kon'emъ; [r'ę]: vol'ę, bur'ę, kon'ę; [r'a]: vol'a, bur'a, kon'a; [r'ū]: vol'ū, bur'ū, kon'ū; [r'q]: vol'q, bur'q, p'ēs'n'q.

Из приведенной схемы явствует, что во всех 11 возможных позициях перед гласными в праславянском языке могли выступать только твердые согласные (кроме [k], [g], [ch]); в 8 позициях могли выступать как все твердые (кроме заднеязычных), так и мягкие свистящие; в 7 позициях выступали все твердые (кроме [k], [g], [ch]), мягкие шипящие и свистящие и мягкие сонорные согласные, в 6 позициях могли выступать все твердые, включая заднеязычные, и, наконец, только в 3 позициях могли выступать все согласные — это позиции перед [a], [u] и [q].

Таким образом, позиции перед [a], [u] и [q] были такими, в которых различалось максимальное количество согласных фонем. Например:

¹ Не было противопоставления [z'q] — [ž'q] в связи с тем, что в языке не существовало сочетания [z'] с последующим [q] (ср. *roz'q* — 1-е л. ед. ч. наст. вр. от *roditi*).

² В этом ряду („твердый согласный + гласный“) даются примеры на сочетания лишь некоторых согласных; остальные твердые сочетались с гласными так же, как и иллюстрируемые примерами согласные.

перед [a]: *r'ěpa — ryba — dyma — d'ěva — ta — roda — rosa — voza — v'ьs'а — kъn'ęz'а — dus'а — mǫz'а — ot'ьc'а — m'ec'а — kara — bur'а — kola — vol'а — kona — kon'а — *sv'etja — *m'edja — kraja — vьlka — roga — ducha;*

перед [u]: *r'ěpu — rybu — dymu — d'ěvu — sьtu — rodu — rosu — v'ьs'u — vozu — kъn'ęz'u — duc'u — mǫz'u — ot'ьc'u — mec'u — karu — bur'u — kolu — vol'u — konu — kon'u — *sv'etju — *m'edju — kraju — vьlku — rogu — duchu;*

перед [q]. *r'ěpǫ — rybǫ — t'ьmǫ — d'ěvǫ — tǫ — prav'ьdǫ — rosǫ — kozǫ — v'ьs'ǫ — dus'ǫ — koz'ǫ — d'ěv'ic'ǫ — s'ec'ǫ — karǫ — bur'ǫ — p'ilǫ — vol'ǫ — z'enǫ — p'esn'ǫ — *sv'etj'ǫ — *m'edj'ǫ — jej'ǫ — rǫkǫ — doǫ — sochǫ.*

§ 86. Какие же изменения произошли в праславянской системе согласных фонем, унаследованной древнерусским языком, к моменту появления первых памятников письменности этого языка (к X—XI вв.)? Для того чтобы понять это, следует вновь представить возможные позиции согласных перед гласными. Эти позиции можно видеть в следующей таблице:

Позиции [c'] + гласный	Позиции [c'] + гласный	Позиции [k] + гласный	Позиции [t] + гласный	Позиции [r] + гласный	Позиции [r'] + гласный
č'i	c'i	—	t'i	r'i	r'i
č'ě	c'ě	—	t'ě	r'ě	r'ě
č'ь	c'ь	—	t'ь	r'ь	r'ь
č'e	c'e	—	t'e	r'e	r'e
č'ä	c'ä	—	t'ä	r'ä	r'ä
č'a	c'a	ka	ta	ra	r'a
č'u	c'u	ku	tu	ru	r'u
—	—	kъ	tъ	гъ	—
—	—	ky	ty	ry	—
—	—	ko	to	ro	—

П р и м е р ы:

[č'i]: m'ec'ī, nož'ī, duš'ī; [č'ē]: m'ec'ē, nož'ē, duš'ē; [č'ь]: m'ec'ь, nož'ь, duš'ь; [č'e]: m'ec'emъ, nož'emъ, duš'ēju; [č'ä]: otroč'ä, l'ež'ä, r'ekos'ä; [č'a]: m'ec'a, nož'a, duš'a; [č'ü]: m'ec'ü, nož'ü, duš'ü;

[c'i]: ot'bc'i, kѣn'äz'ī, v'bs'i; [c'ē]: vѣlc'ē, noz'ē, sos'ē; [c'ь]: ot'bc'ь, kѣn'äz'ь, v'bs'ь; [c'e]: ot'bc'emъ, kѣn'äz'emъ, v'bs'emъ; [c'a]: ot'bc'a, kѣn'äz'a, v'bs'a; [c'ü]: ot'bc'ü, kѣn'äz'ü, v'bs'ü;

[ka]: vѣlka, druga, socha; [ku]: vѣlku, drugu, sochu; [kь]: vѣlkъ, drugъ, sochъ; [ky]: vѣlky, drugy, sochy; [kol]: oko, igo, ucho;

[t'i]: ž'ivot'ī, p'bs'ī, sad'ī; [t'ē]: ž'ivot'ē, p'bs'ē, sad'ē; [t'ь]: skъrb'ь, kost'ь, gvoz'd'ь; [t'e]: ž'ivot'e, p'bs'e, sad'e; [t'ä]: ž'er'eb ä, poros'ä, chod'ä; [ta]: ž'ivota, p'bsa, sada; [tu]: ž'ivotu, p'bsu, sadu; [tъ]: ž'ivotъ, p'bsъ, sadъ и т. д.; [ty]: ž'ivoty, p'bsy, sady и т. д.; [tol]: pol'e, bokъ, zoloto и т. д.;

[r'i]: bor'ī, sol'ī, ogn'ī; [r'ē]: bor'ē, kol'ē, kon'ē; [r'ь]: dv'ьr'ь, sol'ь, ogn'ь; [r'e]: bor'e, kol'e, kon'e; [r'ä]: *kor'ä, koz'ьl'ä, jagn'ä; [ra]: bora, kola, kona; [ru]: boru, kolu, konu; [rъ]: borъ, kolъ, konъ; [ry]: bory, koly, kony; [ro]: rostъ, loкѣt'ь, nosъ;

[r'i]: vol'ī, bur'ī, kon'ī; [r'ē]: vol'ē, bor'ē, kon'ē; [r'ь]: vol'ь, bur'ь, kon'ь; [r'e]: vol'ejü, bur'ejü, kon'emъ; [r'ä]: bor'ä, kol'ä; [r'a]: vol'ä, bur'ä, kon'ä; [r'ü]: vol'ü, bur'ü, kon'ü.

Рассматривая эту таблицу, можно установить некоторые особенности в системе согласных древнерусского языка. Во-первых, в этой системе, в отличие от системы праславянской, не встречаются сочетания [č'ē] и [r'ē], — это связано с тем, что в ряде падежных форм (см. § 79) древнерусский язык имел окончание [ē] после исконно мягких в соответствии с [e] в старославянском языке и [ē] — в праславянском. Во-вторых, в этой системе были сочетания согласных с [ä], которые выступали в языке в очень редких случаях, что объясняется прежде всего происхождением [ä] из [e], условия появления которого в языке были в достаточной степени ограниченными. В-третьих, в древнерусском языке отсутствуют позиции согласных перед носовыми [e] и [o] в силу их утраты этим языком и изменением [e] в [ä] и [o] — в [y].

Итак, в древнерусском языке все твердые согласные (кроме заднеязычных) выступали перед 10 гласными; в 7 позициях выступали те же твердые, а также мягкие шипящие, свистящие и сонорные; в 6 — только твердые, включая [k], [r], [x]. И только в двух позициях — перед [a] и [y] — выступали в с е без исключения со-

гласные фонемы. Это были позиции максимального различия согласных фонем древнерусского языка конца X — нач. XI в.

§ 87. Если вернуться к составу согласных фонем праславянского языка последнего периода его развития, то можно установить, что в этот состав входили твердые согласные фонемы [p], [b], [m], [v], [t], [d], [s], [z], [r], [l], [n], получавшие позиционную полумягкость перед гласными переднего ряда, и мягкие согласные фонемы [č'], [ž'], [š'], [c'], [z'], [s'], [r'], [l'], [n'], [j], а также те мягкие, из

которых развились вост.-слав. [š'č'] и [ž'd']. Кроме того, согласные [k], [g], [ch] могли быть только твердыми. В этой системе твердых и мягких согласных противопоставленность фонем по признаку твердости-мягкости была очень узкой. По существу, такими противопоставленными по этому признаку фонемами были лишь сонорные [r] — [r'], [l] — [l'], [n] — [n'] и переднеязычные [s] и [z] ([s] — [s'], [z] — [z']), причем если мягкие сонорные возникли в результате смягчения твердых [r], [l], [n] в сочетании с [j], то мягкие [s'] и [z'] явились в результате смягчения не твердых [s] и [z], а твердых заднеязычных [ch] и [g]. Все остальные согласные были или непарными твердыми, или непарными мягкими.

Описанная система твердых-мягких согласных праславянского языка полностью сохранилась в старославянском языке ранних памятников письменности.

Как уже говорилось (см. § 66), точно такая же противопоставленность согласных по признаку твердости-мягкости выступает и в древнерусском языке эпохи первых письменных памятников: и в этом языке противопоставленными по твердости-мягкости были только сонорные [p — p'], [л — л'], [н — н'] и переднеязычные [с — с'] и [з — з']. Различие между праславянским и древнерусским языками в этой области касается лишь того, что противопоставленность парных твердых-мягких согласных осуществлялась не перед одними и теми же гласными (см. схемы в § 85 и 86).

Вместе с тем ясно, что именно в праславянском языке возникли ряды чередующихся твердых и полумягких согласных, носящие параллельный характер (см. § 68). Из праславянского языка древнерусский унаследовал и отсутствие позиций нейтрализации твердых-мягких фонем (см. § 66).

Точно так же, как и в древнерусском, в праславянском языке почти не выраженной была категория глухости-звонкости согласных. По существу все то, чем характеризовалась в этом отношении древнерусская система согласных фонем (см. § 67), было унаследовано языком восточных славян из праславянского языка, где сложились основные черты этой системы.

ОТРАЖЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ ПРАСЛАВЯНСКИХ СОЧЕТАНИЙ ГЛАСНЫХ С ПЛАВНЫМИ МЕЖДУ СОГЛАСНЫМИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 88. В общеславянской фонетической системе в начале ее истории были сочетания гласных с плавными [r], [l]: [*or], [*ol], [*er], [*el], которые были получены этим языком из индоевропейского языка-основы и которые на протяжении развития праславянского языка подверглись различным изменениям в определенных фонетических условиях.

При этом, попадая в положение перед гласным, плавный в этих сочетаниях отходил к следующему слогу, создавая открытость предыдущего. Иначе говоря, в этом случае дифтонгических сочетаний типа [*or] и под. не было. Так, например, корень [*stor] в о.-слав. [pro-stor-ъ] сохранил последовательность [or] без изменений во всех диалектах праславянского языка, ибо слогораздел в этом слове проходил так, что образовывались открытые слоги: [pro/sto/rъ]; ср. ст.-слав. *прѣсторъ*, русск. *простор*, польск. *przestwór*. Но если такие сочетания оказывались в положении между согласными, то они являлись дифтонгическими, т. е. произносившимися в пределах одного слога: [*stor/na]. Это обстоятельство привело к тому, что в результате действия закона открытого слога сочетания [*or], [*ol], [*er], [*el] перед согласными изменялись, ибо, так же как дифтонги, оканчивающиеся на неслоговой элемент, они образовывали чуждый праславянскому языку закрытый слог.

Однако устранение дифтонгических сочетаний гласных с плавными [r], [l] шло в диалектах праславянского языка не путем монофтонгизации их, а путем иных изменений, причем различных в разных этих диалектах.

Эти различные пути объясняются следующими причинами¹.

Дифтонгические сочетания [*or] и под. в положении между согласными были долгими, причем долгота их могла сосредотачиваться на гласном или на плавном согласном. В связи с этим в одних диалектах праславянского языка были сочетания [*ōr], [*ōl], [*ēr], [*ēl], а в других [*or̄], [*ol̄], [*er̄], [*el̄]. Первый ряд сочетаний изменился в сочетания [*ar] (<[*ōr]), [*al] (<[*ōl]), [*ēr] (<[*ēr]), [*ēl] (<[*ēl]), которые были свойственны предкам южных славян, а также чехов и словаков; второй ряд сочетаний был характерен для предков восточных и западных славян (кроме чехов и словаков). В силу различий в характере долготы этих сочетаний в разных праславянских диалектах и стояли различные пути их изменения.

Действие закона открытого слога привело к тому, что во всех сочетаниях гласного с плавным слогораздел стал проходить между

¹ При объяснении этих причин выдвигались различные гипотезы. Мы излагаем здесь точку зрения А. М. Селищева, кажушуюся нам достаточно обоснованной.

гласным и плавным ([*to/rt-]), и поэтому последний отошел к следующему слогу. Попад в положение перед согласным, плавный развил побочную слоговость.

До этого момента развитие сочетаний типа [*tort] шло одинаково у всех славян. Однако в силу различия долготы и краткости плавного судьба этих сочетаний дальше оказалась различной.

В языке предков южных славян, чехов и словаков, где слоговой плавный оказался кратким, слоговость плавного не удержалась, и он вновь отошел к предшествующему слогу. Это в свою очередь вызвало перестановку артикуляции гласного и плавного: [*tart] > [trat], [*talt] > [lat], [*tért] > [trét], [*têlt] > [lêt].

В языке же предков восточных и западных славян, где слоговой плавный был долгим, стал развиваться вторичный гласный, подобный гласному перед плавным. Впоследствии этот вторичный гласный стал звуком полного образования, а гласный перед плавным утратился в языке западных славян и сохранился у восточных. Таким образом:

[*toṛt̃] > [toṛ ₀ t]	<	[troṭ] у западных славян
		[torot] у восточных славян
[*tołt̃] > [toł ₀ t]	<	[tlot] у западных славян
		[tolot] у восточных славян
[*teṛt̃] > [teṛ ₀ t]	<	[tret] у западных славян
		[teret] у восточных славян
[*têlt̃] > [têl ₀ t]	—	[tlet] у западных славян ¹

Итак:

о.-слав. *gordъ др.-русск. городъ ст.-слав градъ польск. gród

*borda	борода	брада	broda
*golva	голова	глава	głowa
*volъ	волосъ	власъ	włos
*bergъ	берегъ	брѣгъ	brzeg
*dervo	дерево	дрѣво	drzewo
*melko	молоко	мѣлко	mleko
*pelnъ	полонъ	пѣлнъ	plon

В отношении последних двух примеров (с сочетанием [*telt]) нужно отметить, что в восточнославянской области это сочетание подверглось изменению не в [telet], как ожидалось бы, а в [tolot]. Это явление объясняется тем, что в сочетании [*telt] согласный [l] в положении перед следующим согласным был лабиовеляризован, т. е. был твердым и несколько лабиализованным. Под влиянием этого лабиовеляризованного [l] гласный переднего ряда [e] передвинулся назад и приобрел лабиализацию. Таким образом,

¹ О судьбе сочетания [*têlt̃] у восточных славян см. ниже.

сочетание [*telt] изменилось в [*tolt], а затем развитие этого нового [*tolt] шло указанным уже путем для исконного сочетания [*tolt].

Особый случай изменения, касающийся также сочетания [*telt], у восточных славян был тогда, когда перед [el] находился заднеязычный согласный [k], [g], [ch] (т. е. [*kelt], [*chelt], [*gelt]). В этом случае [k], [g], [ch] изменялись в более раннюю эпоху перед [el] в [č'], [ž'], [š'] в результате действия первой палатализации, что обуславливало невозможность наличия [o] перед плавным [l]: после мягких шипящих, как известно, гласный [o] не мог существовать. Однако после плавного все же развивался звук [o]. Таким образом, в развитии этого сочетания у восточных славян действовали две противоположные тенденции: невозможность наличия [o] после мягких шипящих и влияние твердого велярного [l] на изменение сочетания [*telt] в [*tolt].

Итак: о.-слав. **chelmъ* — др.-русск. *шеломъ* (ср. ст.-слав. *шѣлмъ*);

о.-слав. **gelbъ* — др.-русск. *желобъ* (ср. болг. *жѣлѣбъ*, сербскохорв. *жлебъ*).

О том, что все эти славянские формы действительно восходят к сочетаниям [*or], [*ol], [*er], [*el] между согласными в корне слова, свидетельствуют, во-первых, факты родственных славянам индоевропейских языков (ср. нем. *Bart* — „борода“ и др.-русск. *борода*; лит. *valgyti* — „владеть“ и др.-русск. *володѣти*; лат. *porcus* — „свинья“ и др.-русск. *поросѣ* — „поросенок“; нем. *Garten* — „сад“ и др.-русск. *огородъ* и т. д.); во-вторых, факты древнейших заимствований из древнерусского языка в финские (например, финск. *palttina* и др.-русск. *полотно*, финск. *karsta* и др.-русск. *короста*, эст. *varblane* и др.-русск. *воробей*, эст. *värten* и др.-русск. *веретено* и т. п.).

Изменение сочетаний типа [*tort] и под., начавшись в последний период праславянской эпохи, было живым процессом в начальный период развития отдельных славянских языковых групп.

Известно, что только в VIII—IX вв. славяне могли узнать имя франкского короля Карла Великого. Это имя, превратившись в нарицательное существительное, пережило в славянских языках все те изменения, какие переживали слова с сочетаниями типа [*tort]: ср. др.-русск. *король*, ст.-слав. *кѣраль*, польск. *król*, сербск. *krâљ*, чешск. *král*. Таким образом, почти на глазах истории эта тенденция в изменении указанных сочетаний была еще живой.

ОТРАЖЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ ПРАСЛАВЯНСКИХ СОЧЕТАНИЙ ГЛАСНЫХ С ПЛАВНЫМИ В НАЧАЛЕ СЛОВА В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 89. Ближе к рассмотренному выше изменению праславянских сочетаний типа [*tort] и под. стоит происходившее несколько позже изменение сочетаний [*or], [*ol] в начале слова перед соглас-

ными ([*ort], [*olt]). Так же как и в середине слов, они, попадая в положение перед согласными в начале слов, вызывали образование закрытого слога, так как являлись дифтонгическими сочетаниями.

Освобождение от закрытости слога в сочетаниях [*ort], [*olt] шло в целом таким же путем, что и в сочетаниях типа [*tort] и под., и здесь тоже были различия по разным диалектам праславянского языка, причем они зависели, как предполагают, от интонации, характерной для данного слога¹.

Если сочетания [*ort], [*olt] находились под восходящей интонацией, то во всех диалектах праславянского языка освобождение от закрытого слога шло одним и тем же путем: в этом случае долгота в рассматриваемых сочетаниях сосредоточивалась на гласном, т. е. у славян здесь были сочетания [*ört] > [*art], [*ölt] > [*alt]. Поэтому освобождение от закрытого слога, осуществившееся при помощи перестановки звуков, привело к образованию сочетаний [rat], [lat]: так, из о.-слав. **órdto* — „орудие пахоты“ развилось ст.-слав. и др.-русс. *пало*, польск. *radto*, чешск. *rádlo* (ср. лит. *árklas*; совр. русск. диалектное *орать* — „пахать“ сохраняет [or] без изменения, так как за [r] исконно следовал гласный); из о.-слав. **órka* — „гробница“ развились ст.-слав. и др.-русс. *рака*, чешск. *rakev*, серб.-хорв. *рака*; из о.-слав. **ólkomъ* развились ст.-слав. и др.-русс. *лакомъ*, польск. *łakomy*, болг. разг. *лаком*.

Если же сочетания [*ort], [*olt] были под нисходящей интонацией, то у южных славян возникли тоже [rat], [lat], так как в этих диалектах праславянского языка и здесь были долгие гласные в данных сочетаниях (т. е. здесь тоже были сочетания [*art], [*alt]); у восточных же и западных славян развились [rot], [lot], так как гласный в этих сочетаниях здесь был кратким. Таким образом, из о.-слав. **ólkьto* развились ст.-слав. *лакѣтъ* (= локоть), болг. *лакѣтъ*, сербск. *лакѣтъ*, но др.-русс. *локоть*, польск. *łokieć*, чешск. *loket*; из о.-слав. **ôrstъ* возникли ст.-слав. *рѣстъ* (= рост), болг. *раст*, сербск. *раст*, но др.-русс. *ростъ*, польск. *wzrost*; из о.-слав. **ôrvьnъ* развились ст.-слав. *равьнъ*, сербск. *раван*, но др.-русс. *ровьнъ*, чешск. *rouný*, польск. *równy*. Древний общеславянский префикс **orz-* переживал такие же изменения: ср. ст.-слав. *разумъ*, болг. *разум*, сербск. *разум*, но др.-русс. *розоумъ*, польск. *rozum*.

Различная судьба сочетаний типа [*ort], [*olt] в древнерусском и старославянском языках получила своеобразное отражение в истории русского языка. Как можно заключить из сказанного выше, начальные сочетания [po], [lo] перед согласным в русском языке, развивавшиеся в древности из сочетаний [*ort], [*olt], являются по происхождению восточнославянскими (ср. современ-

¹ Об истории славянских интонаций и ударения см. в курсе старославянского языка.

ные *ропись, розлив, россыпь*, как и приведенные ранее примеры с такими сочетаниями). В то же время вопрос о характере начальных сочетаний [ra], [la] из общеславянских [*ort], [*olt] намного сложнее: они могут быть и развившимися на древнерусской почве (например, совр. *лакѣть, лакомый*, диалектное *рало*), и такими, которые были усвоены восточными славянами под влиянием старославянского языка (например, *равный, возраст*, подударная приставка *раз-* в *рѣзум, рѣзвит* и под.); решить этот вопрос можно лишь при условии привлечения сравнительного материала из разных славянских языков¹.

ОТРАЖЕНИЕ СУДЬБЫ ПРАСЛАВЯНСКИХ СОЧЕТАНИЙ РЕДУЦИРОВАННЫХ С ПЛАВНЫМИ МЕЖДУ СОГЛАСНЫМИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 90. В праславянском языке было два типа сочетаний редуцированных гласных с плавными [r] и [l] между согласными: а) редуцированный предшествовал плавному: [*t̥rt̥], [*t̥lt̥], [*t̥r̥t̥], [*t̥l̥t̥]; б) редуцированный находился после плавного: [*tr̥t̥], [*tl̥t̥], [*tr̥t̥], [*tl̥t̥].

В первом типе сочетаний — в случае, когда редуцированный предшествовал плавному, носителем слога в праславянском языке был плавный, а редуцированный являлся неслоговым звуком: [*t̥rt̥], [*t̥lt̥] и под. Однако на протяжении истории праславянского языка эти соотношения изменились, причем изменения были различны в разных диалектах этого языка.

У южных славян неслоговой редуцированный ослаб и постепенно утратился, а слоговой плавный стал произноситься с гласным призвуком после [r], [l]:

$$\begin{aligned} [*t̥rt̥] &> [t̥r̥t̥] > [tr̥t̥] > [tr̥^b t̥], \\ [*t̥lt̥] &> [t̥l̥t̥] > [tl̥t̥] > [tl̥^b t̥] \text{ и т. д.} \end{aligned}$$

Таким образом, в старославянском языке, например, возникло из общеславянского

$$\begin{aligned} [*g̥rdlo] &> [gr̥lo] \text{ грѣло,} & [*v̥rba] &> [vr̥ba] \text{ врьба,} \\ [*r̥yk̥] &> [pl̥k̥] \text{ пѣкѣ,} & [*g̥ylt̥] &> [ž̥'lt̥] \text{ жѣтѣ.} \end{aligned}$$

В старославянских памятниках такое произношение получило отражение в виде написания букв *ѣ* и *ь* после *р* и *л* (грѣло, пѣкѣ,

¹ При этом произношение [ra], [la] в начале слова из о.-слав. [*ort], [*olt] в литературном языке, вообще говоря, может и не быть связано с влиянием старославянского языка, а возникнуть в позднюю историческую эпоху в связи с развитием аканья в литературном языке. Особенно это относится к первому предударному слогу, где, например, произношение *работа* (ср. северное диалектное *робота*), *расти* (ср. *рост*) могло возникнуть тогда, когда развившееся аканье изменило безударное [o] в [a]; закрепление акающего произношения этих слов на письме обусловило современную их орфографию.

връба, жьтѣх). Причем, как ясно из сказанного, такие написания отражают не перестановку редуцированного и плавного, а слоговое произношение [p] и [л]. Иначе говоря, в написаниях грѣло, пѣхх и т. п. х (или ѡ) после р и л не обозначает редуцированного звука, а указывает лишь на то, что в этих словах плавный был слоговым и произносился со следующим за ним гласным призвуком.

У восточных же славян древние сочетания [*tʲɛrtʲ] и под. подверглись иным изменениям: здесь слоговость плавных была утрачена, а носителем слога стал редуцированный звук.

Таким образом, из о.-слав. [*gʲɛrdlo] возникло др.-русск. [гѣрло], из [*vʲrba] — [вѣрба], из [*zʲrno] — [зѣрно] и т. д.

Что же касается сочетания [*tʲɛltʲ], то оно, подобно сочетанию [*tɛltʲ], изменилось первоначально в [*tʲɛltʲ], а потом уже пережило тот путь развития, что и остальные сочетания: о.-слав. [*vʲlna] > [*vʲlna] > др.-русск. [вѣлна]; о.-слав. [*vʲlkʲ] > [*vʲlkʲ] > др.-русск. [вѣлкʲ].

Неслоговой плавный мог в дальнейшем оставаться неслоговым, примыкая к предшествующему слогу, но мог и развивать вторичную слоговость, что получило своеобразное отражение в памятниках древнерусской письменности (см. подробнее выше, § 69).

В результате того, что у южных и восточных славян исконные сочетания [*tʲɛrtʲ] и под. изменялись различными путями, в памятниках старославянского и древнерусского языков обнаруживаются различные написания соответствующих слов: ст.-слав. грѣло — др.-русск. гѣрло; ст.-слав. връба — др.-русск. вѣрба; ст.-слав. зѣрно — др.-русск. зѣрно; ст.-слав. вѣзна — др.-русск. вѣлна и т. д.

Эти написания отражают слоговое произношение плавного в старославянском языке и наличие слогообразующих редуцированных в древнерусском. Под старославянским влиянием написания этих слов с редуцированным после плавного (типа грѣло, зѣрно) часто обнаруживаются и в древнерусских памятниках, где они не отражают живого произношения восточных славян.

Во втором типе сочетаний, в случаях, когда редуцированный находился после плавного, в древнейший дописьменный период носителем слога был редуцированный звук: [*trʲɛtʲ], [*tlʲɛtʲ] и под., в результате чего слог оказывался открытым. Поэтому такие сочетания не изменились и имели вплоть до относительно позднего исторического периода одинаковую судьбу у всех славян. Эта одинаковость судьбы данных сочетаний отразилась в наличии одинаковых написаний в памятниках старославянского и древнерусского языков.

Ср. о.-слав. [krʲɛvʲ] — ст.-слав. крѣвъ, др.-русск. крѣвъ;

о.-слав. [krʲɛstʲ] — ст.-слав. крѣстѣ, др.-русск. крѣстѣ;

о.-слав. [slъza] — ст.-слав. *гльза*, др.-русск. *сльза*;

о.-слав. [glъtati] — ст.-слав. *гьтати*, др.-русск. *гьтати*.

И лишь в дальнейшем, в зависимости от сильного и слабого положения редуцированного в слове, эти сочетания по-разному изменились в различных славянских языках.

ОТРАЖЕНИЕ ПРАСЛАВЯНСКИХ ЯВЛЕНИЙ НАЧАЛА СЛОВА В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 91. Как уже говорилось, в древнерусском языке в начале слова гласные были распространены мало, так как общее стремление к открытости слога проявлялось здесь в тенденции прикрытости начального гласного согласным, чем достигалась возрастающая звучность в слове.

Поэтому перед теми гласными, которые оказывались в положении абсолютного начала слова, еще в праславянский период развивались согласные звуки. Эти процессы затронули в разной степени различные диалекты праславянского языка, и в этой области можно видеть определенные отличия между ними. В частности, в области развития согласных перед начальными гласными можно указать на ряд восточнославянских особенностей.

Так, у восточных славян в начале слова перед гласным [a] развивался согласный [j]¹. В южнославянской же языковой области, в частности в старославянском языке, это явление наблюдалось непоследовательно. Ср. др.-русск. *ягниа*, польск. *jagnię* и ст.-слав. *агньцѣ*; др.-русск. *явити*, польск. *jawić* и ст.-слав. *авити* и *явити*.

В результате этой тенденции в древнерусском языке не существовало слов с начальным звуком [a]. Такие слова, как *азъ*, *ако*, *аже*, наряду с *язъ*, *яко*, *яже*, встречающиеся в др.-русск. памятниках, не были свойственны живому древнерусскому языку, а проникли в письменность и в церковнокнижное произношение под старославянским влиянием. Известно, что в современном русском языке слова с начальным [a] являются в подавляющем большинстве заимствованными (*арбуз*, *абажур*, *атаман*, *август*, *ад* и т. д.); собственно русскими и давними по происхождению словами с начальным [a] можно, пожалуй, считать лишь союз *а* и возникшие на его базе *ась*, *ага* и *авось*, а также междометие *ах*.

Наоборот, в отличие от старославянского языка, где в начале слова развивался [j] перед [y], в древнерусском языке начального периода его истории это явление отсутствовало:

др.-русск. *оугъ* — ст.-слав. *югъ*,

др.-русск. *оуноша* — ст.-слав. *юноша*,

др.-русск. *оутро* — ст.-слав. *ютро*,

др.-русск. *оульана* — ст.-слав. *юлиана* и т. д.

¹ Эта черта свойственна и западным славянам.

Отсутствие развития [j] перед [y] в древнерусском языке, возможно, объясняется наличием в произношении придыхательного элемента перед этим гласным. Это придыхание первоначально, вероятно, появлялось перед [q], которое на восточнославянской почве изменилось в [y]. Следы такого придыхания сохранились в некоторых русских словах, где в соответствии со ст.-слав. [q] (ж) в начале слов произносится сочетание [ɣy].

Ср. ст.-слав. *жъ* — русск. *гуз* (др.-русс. *гоужь*),

ст.-слав. *жѣница* — русск. *гусеница* (др.-русс. *гоуѣница*).

Вместе с тем иногда отсутствие [j] перед [y] в восточнославянских словах объясняют утратой его в этом положении, связывая данный процесс с явлением изменения у них [je] в [o] в начале слова, о котором будет сказано ниже.

В современном русском языке существуют слова как с начальным [y] (ср. *утро, ужин, уха* и др.), так и с начальным [ju] (ср. *южный, юноша, юный* и др.), причем последние представляют собой факты, появившиеся в русском языке под влиянием старославянского.

Согласный [j] развивался в древнерусском языке и перед [e] (кроме местоименного элемента *я*, например, в *этот, звон, экой* и т. д., где, вероятно, было также придыхание: [hэтот]): [jель], [jesьмь] и т. д., и перед [ě] (< [ē]). Однако в последнем случае [ē], попадая в положение после [j], как и вообще после мягких согласных, должен был измениться в [a]: [ē] > [jē] > [ja]. Ср.: [ěтъ] > [jěтъ] > [jать], ст.-слав. *ѣтъ*. Однако у восточных славян этого, как видно, не произошло: ср. совр. русск. *ем, ехать*, др.-русс. *ѣмь, ѣхати*. Причины наличия или отсутствия изменения [jē] > [ja] не ясны.

Особого внимания заслуживает изменение [je] в начале слова в [o] на восточнославянской почве. Это явление свойственно лишь восточным славянам и неизвестно ни в западно-, ни в южнославянских языках. Ср.: др.-русс. *озеро, осень, олень, одинъ* и ст.-слав. *ѡзеро, ѡсѣнь, ѡлень, ѡдинъ*, польск. *jezioro, jesień, jelen, jeden*, болг. *езеро, есен, елен, един*, чешск. *jezero, jesen, jelen, jeden*, сербск. *језеро, јесен, јелен, један*. Предполагают, что такое изменение [je] на восточнославянской почве в [o] в начале слова возникает в результате утраты [j] и диссимиляции [e] с гласным переднего ряда в следующем слого. Однако условия этого изменения до конца не выяснены. Как видно, оно осуществлялось в том случае, когда в следующем слого были гласные переднего ряда, кроме [ь] (ср. *ель, ежь* (= *ѣж*), *есть*, где перехода [je] в [o] нет). Перед гласными же непреднего ряда этого изменения не было (ср. *его, ему*). Но из этих правил есть ряд исключений как в отношении форм с [je], где ожидалось бы [o] (ср. *ежевика*), так и в отношении форм с [o], где ожидалось бы сохранение [je] (ср. *одна* из [jedьna]). В народных говорах подобных исключений вообще больше, чем в русском литературном языке.

Кроме того, следует сказать, что в литературном языке под старославянским влиянием укрепились книжные слова с корнем *един* (ср. *единый, единство, единственный*)¹. Все они имеют оттенок торжественности и семантически совершенно разошлись с исконно одним и тем же, но восточнославянским корнем *один*.

**ОТЛИЧИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА ОТ ДРУГИХ
ДРЕВНИХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ, И В ЧАСТНОСТИ
ОТ СТАРОСЛАВЯНСКОГО, СЛОЖИВШИЕСЯ
К КОНЦУ X — НАЧАЛУ XI в.**

§ 92. Выше были рассмотрены основные явления фонетической системы общевосточнославянского языка, которые в целом были унаследованы из праславянской эпохи и в которых в ряде случаев отражаются те специфические особенности, какие сложились в диалектах восточных славян или в конце общеславянского единства, или в начальный период развития восточнославянского языка-основы. Если подытожить и обобщить все сказанное выше, то можно установить те черты, которые отличали язык восточных славян, древнерусский язык, от языков западных и южных славян к началу исторического периода в развитии древнерусского языка. Они могут быть двух типов.

Во-первых, это могут быть такие отличия, в которых отражаются разные этапы, разные эпохи в развитии одного и того же праславянского явления. Иначе говоря, могут быть такие отличия, устанавливая которые можно говорить о том, какой язык отражает более раннюю, а какой — более позднюю ступень в развитии данного явления, т. е. в этом случае можно говорить об относительной хронологии явлений. Так, например, праславянские носовые звуки были утрачены и древнерусским и южнославянскими языками (хотя, конечно, конкретные результаты изменения носовых у южных и у восточных славян были различными: у восточных славян из [ɔ] возникло [y], из [ɛ] — [ä] > [a]; в словенском [ɔ] > [o], [ɛ] > [e]; в сербском [ɔ] > [y], [ɛ] > [e]; в болгарском [ɔ] > [ä] (ъ), [ɛ] > [e]), но утрата эта произошла не одновременно. И к концу X — началу XI в. древнерусский язык уже не имел носовых, а старославянский еще сохранял их. Поэтому применительно к этой эпохе и к этому явлению можно говорить, что древнерусский язык отражает более позднюю, а старославянский — более раннюю ступень в истории носовых звуков.

Во-вторых, эти отличия могут касаться того, что развитие звуков или их сочетаний имеет свои особенности в древнерусском языке по сравнению с другими славянскими языками, но вопрос о древности того или иного явления, о том, какой язык отражает более раннюю или более позднюю ступень развития, здесь поставлен быть

¹ Ср. еще фамилию *Есенин*.

не может. Например, развитие сочетаний типа [*tortl] в [torotl] (полногласие) в древнерусском языке отличает его от старославянского, где они развились в [tratl] (неполногласие), но говорить о том, что одно из этих явлений развилось раньше или позже другого, невозможно.

Основными чертами, отличающими древнерусский язык от других славянских языков, были следующие:

1) Отсутствие носовых в древнерусском языке и изменение их в [y] и [ä] уже в X в. (см. § 79). В старославянском языке носовые удерживались еще в начале исторического периода. Из современных славянских языков, как уже говорилось, носовые есть теперь в польском языке и отдельных славянских говорах Македонии.

2) В древнерусском языке [ē] произносился как звук типа [è], тогда как в старославянском этот звук имел открытый характер, типа [ä] (см. § 55). В польском и болгарском языках бывший [ē] произносится обычно как открытый звук (польск. *miasto*, *biały*, болг. *хляб*, *бял*); в чешском и сербскохорватском — как закрытый (чешск. *míra*, *bílý*, сербск. *гнѣздо*, *дѣло*).

3) В древнерусском языке в XI в. еще удерживались редуцированные [ъ] и [ь], тогда как в старославянском они к этому времени утратились.

4) Из общеславянских сочетаний [*tj], [*dj], [*ktl], [*gtl] перед гласными переднего ряда в древнерусском языке развились шипящие [č'], [ž'], тогда как у южных славян возникли аффрикаты [š't'], [ž'd'] (ср. в совр. болгарском *свещ* (= свешт), *межда*) или [b], [ɟ], а у западных — свистящие [ç], [dʒ] (см. § 83).

5) Из общеславянских сочетаний [*stj], [*skj], [*sk] у всех славян развилось [š't'], кроме старославянского, где возникло [š't'] (см. § 83).

6) Из общеславянских сочетаний [kvě], [gvě] в древнерусском и южнославянских языках развились [c've], [z've], а у западных славян они сохранились без изменения (см. § 82).

7) Изменение сочетания губных с [j] в сочетании „губной + + l-epentheticum“ последовательно проведено только у восточных славян, тогда как у других оно так последовательно произошло лишь в начале слова; не в начале же слова l-epentheticum непоследовательно встречается в старославянском языке и отсутствует у западных славян. Из современных южнославянских языков такое [l] не в начале слова отсутствует в болгарском (см. § 83).

8) Из общеславянских сочетаний типа [*tortl], [*tertl], [*toltl], [*telɛt] развилось полногласие [torotl], [tolotl], [teretl] у восточных славян и сочетания [tratl], [tlatl], [trɛt], [tlɛt] у южных, а также в чешском и словацком (западнославянских) языках; в остальных западнославянских языках здесь возникли сочетания [trotl], [tlotl], [tretl], [tletl] (см. § 83).

9) Общеславянские сочетания [**ort*], [**olt*] в начале слова изменились последовательно в [rat], [lat] в южнославянских и отчасти в словацком языках и в [rat], [lat] или [rot], [lot] в зависимости от интонации — в восточнославянских и западнославянских (см. § 89).

10) Общеславянские сочетания редуцированных с плавными типа [**tǫrt*] и под. между согласными сохранились без изменения в древнерусском и западнославянских языках (правда, у западных славян были некоторые сложные изменения по диалектам), подвергшись изменению в [trt] и под. (с [r], [l] слоговыми) в старославянском языке (см. § 90).

11) Переход [je] в [o] в начале слова свойствен только восточнославянским языкам (см. § 91).

12) В определенных падежных формах древнерусскому и западнославянскому окончанию [e̯] соответствует [e̯] старославянского языка (см. § 79).

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, с. 182—228, 230—232.

Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка, т. II. Киев, 1953, с. 73.

Васильев Л. Л. С каким звуком могла ассоциироваться буква ѡ в сознании писцов некоторых древнейших русских памятников. — Русский филологический вестник, 1913, № 1 — 2.

Гуйер О. Введение в историю чешского языка. М., 1953, с. 61—62.

Калнынь Л. Э. Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке. — „Ученые записки Института славяноведения“, т. XIII. М., 1956, с. 137.

Колесов В. В. Историческая фонетика русского языка, Л., 1980.

Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951, с. 19—38, 67, 84—87.

Селищев А. М. Старославянский язык, ч. I. М., 1951, с. 134—135, 168—169, 176—197, 200, 206—207.

Толкачев А. И. О названиях днепровских порогов в сочинении Константина Багрянородного „De administrando imperio“. Сб. „Историческая грамматика и лексикология русского языка“. М., 1962.

Фортунов Ф. Ф. Избранные труды, т. II. М., 1957, с. 167.

Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953, с. 121—139.

ИЗМЕНЕНИЯ В ФОНЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА, ВЫЗВАННЫЕ РАЗВИТИЕМ СОГЛАСНЫХ ВТОРИЧНОГО СМЯГЧЕНИЯ

СМЯГЧЕНИЕ ПОЛУМЯГКИХ СОГЛАСНЫХ¹

§ 93. Как уже говорилось выше, древнерусский язык характеризовался системой твердых и мягких согласных фонем, унаследованной из праславянской эпохи. Сущность этой системы заключалась в том, что в ней почти отсутствовали парные по признаку твердости-мягкости согласные: из всех согласных только сонорные [р], [л], [н] и свистящие [с] и [з] были в таких парных соотношениях, т. е. могли быть твердыми и мягкими. Остальные согласные были или непарными твердыми, или непарными мягкими. При этом твердые согласные, кроме заднеязычных, могли выступать перед] всеми гласными, а мягкие — перед гласными переднего ряда и перед [а] и [у]. Попадая в положение перед гласными переднего ряда, твердые согласные приобретали позиционную полумягкость (см. § 64), и тем самым образовывались параллельные ряды позиционно меняющихся твердых и полумягких согласных (см. § 68). Такую позиционную полумягкость приобретали согласные [т], [д], [с], [з], [п], [б], [м], [в], [р], [л], [н].

Эта полумягкость согласных перед гласными переднего ряда сохранялась в древнерусском языке, как предполагают, вплоть до середины XI в., когда постепенно полумягкие согласные в этом положении смягчились полностью, т. е. приобрели „йотовую“ артикуляцию, и стали выступать как мягкие согласные. Тем самым в древнерусском языке утратились полумягкие позиционные разновидности твердых согласных, и с этого времени согласные стали выступать только или как твердые, или как мягкие.

Те согласные, которые приобрели мягкость перед гласными переднего ряда, будучи ранее полумягкими, называются с о г л а с н ы м и в т о р и ч н о г о с м я г ч е н и я .

В результате смягчения полумягких в древнерусском языке в позиции перед гласными переднего ряда стали выступать мягкие [п'], [б'], [в'], [м'], [т'], [д'], [с'], [з'], [н'], [л'], [р'], причем последние пять согласных, явившись результатом смягчения соответствующих твердых, совпали по своему качеству с исконно мягкими [с'], [з'], [н'], [л'], [р'].

¹ Здесь и в дальнейшем при изложении истории категории твердости-мягкости согласных в учебнике используются наблюдения и материалы работы Л. Э. Калнынь „Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке“ („Ученые записки Института славяноведения“, т. XIII).

Появление согласных вторичного смягчения относится к начальному периоду раздельного существования восточных, южных и западных славян, причем этот процесс охватил не все славянские языки. Он был характерен для всех восточных славян, в том числе и для тех их диалектов, которые легли в основу украинского языка. Позже в этом языке прошел процесс отвердения мягких согласных. В языках западных и южных славян наблюдаются своеобразные процессы, связанные с развитием согласных вторичного смягчения.

§ 94. Итак, после смягчения полумягких состав мягких согласных расширился, ибо появились новые мягкие, которых ранее не было. Однако в фонематическом плане, в отношении системы согласных фонем дело обстояло сложнее.

Расширив состав мягких согласных, смягчение полумягких вызвало серьезные изменения в соотношениях согласных и гласных в древнерусском языке середины XI в. Эти изменения были обусловлены тем, что в результате смягчения полумягких позиции употребления согласных перед гласными и, соответственно, гласных после согласных оказались иными, чем это было до этого процесса.

Если представить схематически сочетаемость исконно парных по твердости-мягкости согласных (обозначим их через [p], [p'] + гласный) до и после развития согласных вторичного смягчения, то она будет выглядеть следующим образом:

До смягчения полумягких		После смягчения полумягких	
[p] + гласный	[p'] + гласный	[p] + гласный	[p'] + гласный
ры	—	ры	—
ро	—	ро	—
ръ	—	ръ	—
ру	p'·у	ру	p'·у
ра	p'·а	ра	p'·а
р·и	p'·и	—	p'·и
p'·е̃	p'·е̃	—	p'·е̃
р·е	p'·е	—	p'·е
р·ь	p'·ь	—	p'·ь
р·ä	p'·ä	—	p'·ä

Таким образом, если до смягчения полумягких исконно парные по твердости-мягкости твердые согласные употреблялись перед всеми гласными, а мягкие — перед [a], [y] и гласными переднего ряда, то после смягчения полумягких твердые остались только перед

непередними гласными, а мягкие сохранили все свои прежние позиции.

С другой стороны, представив схематически сочетаемость с гласными тех согласных, которые стали парными по твердости-мягкости в результате смягчения полумягких (обозначим их через [т], [т']), до и после этого процесса, можно установить следующую картину:

До смягчения полумягких	После смягчения полумягких	
	[т] + гласный	[т'] + гласный
ты	ты	—
то	то	—
тъ	тъ	—
ту	ту	—
та	та	—
т·и	—	т'и
т'е̋	—	т'е̋
те̋	—	те̋
тъ̋	—	тъ̋
т'ä	—	т'ä

Таким образом, если до смягчения полумягких перед всеми гласными выступал [т], то после этого процесса твердый сохранился только перед непередними гласными, а перед передними стал выступать мягкий.

Однако этим не исчерпываются изменения в сочетаемости согласных с гласными после смягчения полумягких — эти изменения были связаны еще и с условиями функционирования звуковых единиц внутри и на стыке морфем.

Если до смягчения полумягких внутри морфем мягкие сонорные могли употребляться только перед [у], то после него они оказались еще и перед всеми гласными переднего ряда; на стыке же морфем они остались перед теми же гласными, что и до смягчения полумягких.

Парные мягкие [с'], [з'] внутри морфем после смягчения полумягких стали выступать перед гласными переднего ряда, а не только перед [е̋], а на стыке морфем — там же, где и парные мягкие сонорные.

Что касается сочетаемости неисконно парных по твердости-мягкости согласных с гласными, то после смягчения полумягких равно как внутри, так и на стыке морфем мягкие стали сочетаться

со всеми гласными переднего образования, тогда как твердые — лишь с непередними гласными.

Таким образом, в сочетаемости согласных с гласными возникли такие явления, которые не были характерны для предшествующего периода истории древнерусского языка.

Сочетаемость остальных согласных с гласными, т. е. тех согласных, история которых не была связана со смягчением полумягких (к ним относились заднеязычные [к], [г], [х], непарные мягкие шипящие [ш'], [ж'], аффрикаты [ц'], [ч'] и слитные [ш'ч'], [ж'д']), осталась прежней, такой, какая была характерна для древнерусского языка конца X — начала XI в.

§ 95. В связи с отмеченными изменениями в сочетаемости твердых и мягких согласных с гласными стоят и те новые явления в противопоставленности согласных перед гласными, какие возникли в древнерусском языке в результате смягчения полумягких согласных.

Прежде всего здесь следует обратить внимание на то, что для исконно парных по твердости-мягкости согласных сохранилась позиция их противопоставления перед [y]: смягчение полумягких не затронуло этой позиции, и в положении перед [y], как и раньше, равно выступали твердые и мягкие [р — р'], [л — л'], [н — н'], противопоставляясь тем самым друг другу.

Для этих же согласных сохранилась и другая позиция противопоставления — позиция перед [a], однако в отношении этой позиции надо учитывать и некоторые новые явления. Дело здесь заключается в том, что позиция перед [a] в эпоху после смягчения полумягких расширила область своего распространения за счет утраты фонемы [ä]. Для понимания этого положения надо иметь в виду следующее.

В системе древнерусского языка конца X — начала XI в., как говорилось выше, гласные фонемы [a] и [ä] противопоставлялись друг другу по признаку непередней-передней зоны образования. Это противопоставление отчетливо выявлялось в том случае, когда [a] и [ä] выступали после твердых согласных: оказываясь в позиции перед [ä], твердый согласный приобретал позиционную полумягкость, тогда как перед [a] такого изменения твердого согласного не было. В положении же после мягких согласных фонема [a] выступала в своей более передней разновидности [ạ], т. е. сближалась по качеству с [ä]. Если учесть, что для прошлых состояний языка мы не можем точно определить степень сдвига вперед непередней гласной [a], то надо признать, что в позиции после мягких согласных возникала нейтрализация [a] и [ä], в результате чего на месте двух фонем выступала одна звуковая единица, характеризующаяся более передним образованием по сравнению с [a]. Именно такой вывод о развитии нейтрализации [a] и [ä] в древнерусском языке конца X — начала XI в. и был сделан выше (см. § 59). Однако на-

личие в тот период позиции для [a] и [ä] после твердых согласных вполне определенно доказывает существование этих двух гласных фонем, отчетливо противопоставленных друг другу.

Иное положение сложилось после смягчения полумягких. В этот период [ä] уже не выступала в положении после твердых согласных наравне с [a]: [ä] оказалась возможной только после мягких согласных, и только в этой позиции она стала выступать наряду с [a]. А если учесть, что позиция после мягких согласных уже раньше была позицией нейтрализации [a] и [ä], то надо признать, что после смягчения полумягких эта позиция являлась такой, в которой на месте двух фонем выступала одна звуковая единица. Отсутствие возможности противопоставления [a] и [ä] после твердых согласных в древнерусском языке середины XI в. превращало [ä] в такую же разновидность фонемы [a], какой являлся и звук [ä]. Различие между [a] и [ä] превратилось в тождество: та звуковая единица, которая выступала на их месте после мягких согласных, оказалась связанной фонологически и фонетически с [a] после твердых согласных, и различие между [a] и звуковой единицей на месте [ä] и [ä] после мягких было обусловлено уже не самим качеством этих единиц, а качеством — твердостью или мягкостью — предшествующего согласного.

Таким образом, смягчение полумягких привело к утрате особой фонемы [ä] в древнерусской системе гласных и к превращению ее в разновидность фонемы [a], выступающую в положении после мягких согласных.

Итак, для исконно парных по твердости-мягкости согласных позициями противопоставления после смягчения полумягких были позиции перед [y] и [a], причем в последнем случае [a] после мягких согласных восходит как к исконному [a], так и к [ä]. В этих двух позициях противопоставлялись пары [p — p'], [л — л'], [н — н'], [с — с'], [з — з'].

Для неисконно парных по твердости-мягкости согласных, т. е. для тех, мягкая пара которых является согласным вторичного смягчения, позицией противопоставления являлась только позиция перед [a], причем в этих случаях [a] после мягких согласных восходит к [ä]. В позиции перед [a] противопоставлялись пары [п — п'], [б — б'], [в — в'], [м — м'], [т — т'], [д — д'].

Во всех остальных позициях перед гласными противопоставления парных твердых-мягких согласных не было. Это значит, во-первых, что исконно парные по твердости-мягкости согласные утратили все позиции их противопоставления перед гласными переднего ряда, ибо бывшие полумягкие, противопоставленные мягким перед передними гласными, совпали с исконно мягкими (если, например, до смягчения полумягких в [кон'ь] звук [н] был мягким, а в [огн'ь] — полумягким, то теперь в обоих этих словах стал произноситься один и тот же звук [н']). Это значит, во-вторых, что в положении перед всеми гласными, кроме [a] и [y], парные твердые и мягкие согласные

не могли противопоставляться друг другу, так как твердые выступали только перед передними гласными [и], [о], [ъ], а мягкие — только перед передними [и], [е], [е], [ь]. Иначе говоря, в положении перед этими гласными твердость-мягкость согласных оказалась обусловленной зоной образования гласного. Однако в то же время была и обратная зависимость: можно сказать, что гласные передней зоны могли быть только после твердых согласных, а гласные передней зоны — только после мягких. Система древнерусского языка середины XI в. не позволяет установить, что в действительности было обусловленным, а что — независимым, так как при сохранении действия закона открытого слога были невозможны позиции абсолютной изоляции согласного и гласного друг от друга.

Конечно, и до эпохи вторичного смягчения согласный был связан с последующим гласным в силу действия закона открытого слога: этот закон определял тот факт, что согласный или определенные группы согласных могли употребляться только со следующими за ними гласными — носителями слога. Однако вместе с тем в отношении твердости-мягкости согласные перед гласными были более свободны в своем употреблении в эпоху до вторичного смягчения, ибо и твердые и мягкие парные могли равно употребляться перед большинством гласных (см. таблицу в § 64). После же смягчения полумягких оказалось, что твердые-мягкие согласные стали употребляться в совершенно определенных случаях, перед определенными гласными. Именно это обстоятельство превращало сочетания парного твердого согласного с передними [и], [о], [ъ] и парного мягкого согласного с передними [и], [е], [е], [ь] в неразрывно связанные и взаимообусловленные сочетания, составляющие слог. Такие сочетания называют с и л л а б е м а м и.

Надо иметь в виду, что в ряде случаев в древнерусском языке силлабемы выступали в качестве различителей звуковых оболочек словоформ. Это наблюдалось тогда, когда первым элементом силлабемы был парный твердый-мягкий согласный (именно парный!), а вторым — гласные [ы — и], [о — е], [ъ — ь]. Для пояснения сказанного можно привести такой пример. Если взять два слова, например [конъ] и [кон'ь], и поставить вопрос, чем отличались в середине XI в. их звуковые оболочки, то, отвечая на него, приходится констатировать, что они отличались не по наличию [ъ] или [ь], так как перед [ъ] и [ь] находились разные согласные, и, конечно, не по наличию [н] и [н']: отличались они наличием разных слогов — [нъ] и [н'ь], где качество согласного и качество гласного были неразрывно связаны. „В качестве различителей... выступают нерасчлененно сочетания согласный с последующей гласной, т. е. слог в целом“¹.

¹ А в а н е с о в Р. И. Из истории русского вокализма. Звуки *i* и *y*. „Вестник МГУ“, 1947, № 1, с. 48, то же в кн.: А в а н е с о в Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.

Точно такие же отношения наблюдались, например, в противопоставлениях [быг'и — б'ит'и], [мышь — м'иль], [воль — в'ель], [ровь — р'евь], [путь — пут'ь] и т. п. Однако это обстоятельство вовсе не означает, что в системе древнерусского языка IX в. силлабемы стали основной фонологической, различительной единицей, встав на место фонем; иначе говоря, это обстоятельство вовсе не означает, что фонемный строй древнерусского языка сменился строем силлабемным.

§ 96. Вполне возможно установить, что основную различительную роль в древнерусском языке как до смягчения полумягких, так и после этого смягчения играли отдельные самостоятельные фонемы. Если сопоставить такие словоформы, как, например, *болѣ* — *бѣлѣ*, *милѣ* — *мѣлѣ* — *мѣлѣ*, *тѣмѣ* — *тѣмѣ*, *сынѣ* — *сѣнѣ*, *ротѣ* — *рѣтѣ*, *родѣ* — *радѣ* и т. д., и задать вопрос, чем различались их звуковые оболочки, то ответ на этот вопрос может быть только один — гласными фонемами. Точно так же, если сопоставить словоформы, например, *пити* — *бити* — *вити* — *лити*, *билѣ* — *вилѣ* — *милѣ* — *силѣ* — *лилѣ*, *быти* — *выти* — *мыти* — *рыти* — *сыти* — *ныти*, *дырѣ* — *сырѣ* — *нырѣ* („башня“) и т. д. и задать вопрос, чем различались их звуковые оболочки, то и на этот вопрос может быть лишь один ответ — согласными фонемами.

Таким образом, силлабемы как различительная единица в фонологической системе древнерусского языка выступали лишь в одном звене этой системы, и подобная различительная роль взаимосвязанных элементов в пределах слога, вызванная смягчением полумягких, сосуществовала с различительной ролью фонем, затрагивая лишь область противопоставления твердых-мягких согласных и непередних-передних гласных.

Подобное обстоятельство делало фонологическую систему древнерусского языка в отношении категории твердости-мягкости согласных внутренне противоречивой: если в положении перед [a] и [y] парные твердые-мягкие противопоставлялись друг другу и выступали как самостоятельные по отношению друг к другу согласные фонемы, то в положении перед остальными гласными твердость-мягкость оказывалась неразрывно связанной с качеством последующего гласного и потому не имела фонематической самостоятельности. Это было первое противоречие в фонологической системе древнерусского языка середины XI в. Второе противоречие заключалось в том, что в этой системе вместе с фонемами как основными различительными единицами выступали в определенных случаях в этой же роли силлабемы, т. е. сочетания согласных с гласными, образующие целый слог. Будучи подчиненными фонемам и выступая лишь в одном звене системы языка, силлабемы не имели перспектив дальнейшего развития и укрепления в древнерусском языке.

СОСТАВ И СИСТЕМА ГЛАСНЫХ ФОНЕМ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА В ЭПОХУ ПОСЛЕ СМЯГЧЕНИЯ ПОЛУМЯГКИХ СОГЛАСНЫХ

§ 97. Если древнерусский язык эпохи после смягчения полумягких сохранял фонемный строй, то, следовательно, необходимо прежде всего установить состав гласных и согласных фонем этого языка с учетом всех условий их противопоставленности в тождественных фонетических позициях. Это последнее важно потому, что смягчение полумягких, обусловившее четкое прикрепление непередних и передних гласных к определенным согласным, вызвало существенные ограничения не только в сочетаемости согласных с гласными, но и в противопоставленности как согласных, так и гласных. Эти ограничения в отношении гласных фонем могут быть связаны с различными явлениями. Во-первых, те или иные гласные фонемы выступали в определенных позициях, в которых не выступали другие фонемы, но в то же самое время у тех и у других фонем не было никаких общих признаков, кроме принадлежности их к данной системе. Так, например, фонема [o] выступала только после твердых согласных, а [и] — только после мягких, но эта ограниченность их позиций и четкая прикрепленность каждой гласной или только к твердым, или только к мягким согласным не свидетельствовала о каких-либо связях данных двух фонем, ибо у них не было никаких общих признаков, кроме того, что обе они гласные. Во-вторых, те или иные гласные фонемы не выступали в определенных позициях, в которых выступали другие фонемы, но в то же самое время и те и другие обладали общими признаками, отличаясь друг от друга лишь тем признаком, который был связан с позицией. Так, например, фонема [и] выступала только после мягких согласных, а [ы] — только после твердых, однако вместе с тем [и] и [ы] имели общие признаки верхнего подъема и отсутствия лабиализации и отличались лишь признаком передней-непередней зоны образования, целиком зависящей от мягкости-твердости предшествующего согласного.

Таким образом, ограниченность позиций, в которых выступала та или иная гласная фонема, и отсутствие положений, в которых данная фонема могла бы противопоставляться какой-либо другой фонеме, не всегда были связаны с тем, что две подобные звуковые единицы представляли собой варианты, разновидности одной фонемы. Они являлись такими разновидностями лишь в том случае, если, обладая некоторыми общими признаками, отличались лишь тем признаком, который определялся характером сочетаемости гласной с предшествующим твердым-мягким согласным.

§ 98. Исходя из этого, возможно определить следующий состав гласных фонем и их разновидностей в древнерусском языке середины XI в. В этот состав входили следующие фонемы:

н е п е р е д н и е: [a] — нижнего подъема, нелабиализованная,

с разновидностью [·a]; [o] — среднего подъема, лабиализованная; [y] — верхнего подъема, лабиализованная, с разновидностью [·y]; [ɤ] — среднего подъема, лабиализованная, сверхкраткая;

п е р е д н и е: [e̞] — средне-верхнего подъема, нелабиализованная; [e] — среднего подъема, нелабиализованная; [ɤ] — среднего подъема, нелабиализованная, сверхкраткая; и, наконец, [и/ы] — верхнего подъема, нелабиализованная; последнюю фонему нельзя обозначить иначе, так как в силу полной обусловленности зоны образования предшествующим согласным разновидности [и] и [ы] выступают как равноправные.

Следует заметить, что [e] и [o], а также [ɤ] и [ɥ] определяются как самостоятельные фонемы, а не как разновидности одной фонемы, потому что, хотя [ɤ], [e] выступали только после мягких, а [o], [ɥ] — только после твердых согласных и хотя они имели общий признак среднего подъема (а для [ɤ] и [ɥ] — и сверхкраткость), их отличия не были обусловлены полностью качеством предшествующего согласного: этим качеством была обусловлена передняя зона образования [e], [ɤ] и непредняя — [o], [ɥ], но им не было обусловлено отсутствие-наличие лабиализации у [e], [ɤ] и [o], [ɥ], — этот признак был независим от позиции (ср. наличие мягкого согласного перед лабиализованным [y] и твердого согласного перед нелабиализованными [a] и [ы]).

Таким образом, если до смягчения полумягких состав гласных фонем древнерусского языка насчитывал 10 самостоятельных единиц, то после этого процесса их осталось только 8: фонема [ä] совпала с [a] после мягких согласных, а [и] и [ы] стали превращаться в одну фонему; этот процесс еще не закончился в рассматриваемый период, так как гласные еще не освободились от связи с согласными, но условия функционирования [и] и [ы] уже стали такими, которые не позволяют считать их двумя самостоятельными фонемами.

§ 99. В связи с тем что смягчение полумягких согласных обусловило такую сочетаемость гласных с согласными, когда после твердых согласных стали выступать только непредние гласные, а после мягких — передние, а также [a] и [y], противопоставленность гласных в тождественных фонетических условиях оказалась иной по сравнению с предшествующим периодом истории русского языка.

В позиции после твердых согласных противопоставлялись гласные непреднего образования [ɤ], [y], [o], [ɥ] и [a]; они противопоставлялись как в ударных, так и в безударных слогах, как внутри, так и на стыке морфем.

В позиции после мягких [ч'], [ш'], [ж'], [ш'ч'], [ж'д'] и мягких сонорных на стыке морфем противопоставлялись передние гласные [и], [e̞], [e], [ɤ], а также непредние [a] и [y], выступавшие здесь в своих разновидностях [·a] и [·y]; те же гласные, кроме [e̞], противопоставлялись после [ч'], [ш'], [ж'], [ш'ч']_внутри морфем.

В позиции после мягких [с'], [з'] внутри и на стыке морфем противопоставлялись гласные [и], [ě], [е], [ь], а также [·a] (из [ä]); на стыке морфем к этим гласным прибавлялось еще [·y].

В позиции после [ц'] внутри морфем противопоставления гласных не было, ибо здесь выступала только фонема [ě]; на стыке же морфем после [ц'] осуществлялось противопоставление тех же фонем, что и после [с'], [з'].

После остальных мягких, т. е. тех, которые возникли в результате смягчения полумягких, на стыке морфем противопоставлялись гласные [и], [ě], [е], [ь] и [a]; эти же гласные противопоставлялись после тех же согласных, а также после мягких сонорных внутри морфем.

СОСТАВ И СИСТЕМА СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА В ЭПОХУ ПОСЛЕ СМЯГЧЕНИЯ ПОЛУМЯГКИХ СОГЛАСНЫХ

§ 100. Определяя состав согласных фонем древнерусского языка середины XI в., необходимо учитывать, что этот состав устанавливается по условиям противопоставления согласных в тождественных фонетических позициях. После смягчения полумягких в древнерусском языке на стыке морфем сохранилась только одна позиция — позиция перед [a], в которой могли выступать все без исключения согласные фонемы. Здесь положение осталось тем же, что и до смягчения полумягких. Вторая же позиция эпохи конца X — начала XI в., в которой на стыке морфем различались все согласные, — позиция перед [y] — в новый период изменила свой характер: здесь не выступала группа вторичносмягченных губных и смычных зубных согласных. Внутри же морфем, наоборот, появилась позиция перед [a], в которой выступали по существу все согласные; здесь не мог-

ло быть только [ц'] и [ж'д']. Таким образом, после смягчения полумягких в древнерусском языке сохранились лишь две позиции — перед [a] и перед [y], — в которых могли противопоставляться все или почти все согласные, в том числе и парные по признаку твердости-мягкости. Позицией абсолютного противопоставления всех согласных стала позиция перед [a]; в позиции же перед [y] не противопоставлялись те парные твердые-мягкие, которые возникли в связи с развитием согласных вторичного смягчения.

Что касается позиций перед другими гласными, то здесь противопоставление согласных было ограниченным: перед непередними гласными противопоставлялись друг другу все твердые, включая [к], [г], [х]; в позиции же перед передними гласными — все мягкие, как парные, так и непарные по этому признаку.

Если представить себе всю систему древнерусского языка середины XI в., то можно сказать, что состав согласных фонем, входя-

щих в эту систему, определялся противопоставлением фонологических единиц перед фонемой [a], где различались все согласные древнерусского языка данной эпохи.

С этой точки зрения, согласные фонемы древнерусского языка эпохи после смягчения полумягких могут быть представлены в следующей таблице:

				Губные		Язычные											
						переднеязычные						срединно-язычные		заднеязычные			
						губно-губные		губно-зубные		зубные		небно-зубные		средне-небные		задне-небные	
ТВ.		М.		ТВ.		М.		ТВ.		М.				ТВ.		М.	
Шумные	Смычные	гл.	п	п'			т	т'							к		
		зв.	б	б'			д	д'							г		
	Аффрикаты	гл.						ц'			ч'						
		зв.									ш'ч'						
	Фрикативные	гл.					с	с'		ш'				х			
		зв.			в	в'	з	з'		ж'							
		зв.										й					
	Смычно-проходные	гл.															
		зв.	м	м'			н	н'									
		гл.															
		зв.					л	л'									
	Боковые	гл.															
		зв.															
	Вибранты	гл.															
		зв.							р	р'							

Таким образом, можно установить, что в этот период времени в древнерусском языке выступали 32 согласные фонемы, отчетливо противопоставлявшиеся перед [a].

§ 101. Определенные выше условия противопоставленности согласных в тождественных фонетических позициях — перед одними и теми же гласными — требуют уточнения с точки зрения возможности такого противопоставления в зависимости от внутриморфемного положения или положения на стыке морфем, а также в зависимости от характера самих мягких согласных. Поэтому необходимо внести в данные выше определения некоторые коррективы относительно условий противопоставленности согласных в тождественных позициях.

Внутри морфем все согласные (кроме $\overline{[ж'д']}$) противопоставлялись только перед одним гласным — перед [a].

В позиции перед [ɐ] противопоставлялись все мягкие — как исконно мягкие, так и вторичноослабленные; в позиции перед [e] — вторичноослабленные, [ц'] и [j]; в позиции перед [e] — вторичноослабленные, шипящие [ш'], [ж'], аффриката [ч'] и слитный $\overline{[ш'ч']}$, а также [j]; в позиции перед [и] — все вторичноослабленные и исконно мягкие, кроме [ц'].

В позиции перед гласными непереднего образования, кроме [y], противопоставлялись все твердые согласные.

Наконец, в позиции перед [y] противопоставлялись все твердые, [ч'], [ш'], [ж'], $\overline{[ш'ч']}$ и мягкие сонорные [н'], [л'], [р'].

На стыке морфем позиция перед [a] являлась вновь такой, в которой противопоставлялись все согласные древнерусского языка, в том числе и парные твердые-мягкие. Вместе с тем близкой к [a] оказывается на стыке морфем и позиция перед [y], где не выступали только мягкие [т'], [д'], [н'], [б'], [в'], [м'], а остальные согласные были противопоставлены.

Что касается позиции перед остальными непередними гласными, то здесь, так же как и внутри морфем, противопоставлялись все твердые согласные; в позиции же перед всеми передними гласными противопоставлялись все мягкие согласные. Следовательно, на стыке морфем отношения противопоставленности были более четкими, чем внутри морфем.

§ 102. Категория твердости-мягкости согласных. Ослабление полумягких согласных не только увеличило общее число консонантных фонем в системе древнерусского языка, но и вызвало принципиально новые отношения между твердыми и мягкими согласными. Категория твердости-мягкости согласных в эту эпоху получила такое развитие, какое не могло осуществиться до ослабления полумягких.

Внешне развитие твердости-мягкости выразилось в том, что увеличился состав парных по этому признаку согласных фонем. В отношении парности по твердости-мягкости вступили фонемы [п] — [п'], [б] — [б'], [в] — [в'], [м] — [м'], [т] — [т'], [д] — [д'], [с] — [с'], [з] — [з'], [н] — [н'], [л] — [л'], [р] — [р'], причем в

последних пяти парах сосредоточились противопоставления как исконно парных свистящих и сонорных, так и тех, которые возникли в результате смягчения полумягких.

Однако вместе с тем отношения между парными по твердости-мягкости согласными в рассматриваемую эпоху стали складываться совершенно иначе, чем это было в предшествующий период.

Здесь прежде всего требует рассмотрения вопрос об условиях противопоставленности различных пар твердых-мягких внутри и на стыке морфем. В целом положение в данном плане оказалось таким, что позиций противопоставления стало меньше, но вместе с тем здесь возникли достаточно сложные отношения.

Если до смягчения полумягких парные твердые-мягкие сонорные внутри морфем противопоставлялись только перед [y], то после этого смягчения они стали противопоставляться еще и перед [a] в результате изменения [ä] > [a].

Если до смягчения полумягких парные твердые-мягкие свистящие внутри морфем противопоставлялись только перед [ě], то после этого процесса они утратили данную позицию противопоставления в результате смягчения согласных перед гласными переднего ряда, но получили возможность противопоставления перед [a] в силу изменения [ä] > [a].

Наконец, внутри морфем возникли противопоставления твердых-мягких губных и смычных зубных перед [a] — противопоставления, полностью отсутствовавшие до смягчения полумягких.

На стыке морфем для парных твердых-мягких свистящих и сонорных после смягчения полумягких были утрачены позиции противопоставления перед гласными переднего ряда, где стали выступать только мягкие согласные, и сохранились позиции такого противопоставления перед [y] и перед [a], причем последняя позиция являлась и унаследованной от прошлой эпохи, и новой, возникшей в результате изменения [ä] > [a]. Для вторичносмягченных парных губных и смычных зубных возникла позиция противопоставления перед [a] также в результате изменения [ä] > [a].

§ 103. Однако изменениями в условиях противопоставления парных твердых-мягких согласных не исчерпываются те новые явления в истории этой категории, которые были вызваны смягчением полумягких. Эти новые явления были связаны еще с тем, что в изучаемую эпоху впервые возникли тесные взаимосвязи между парными твердыми-мягкими, что было обусловлено развитием н е й т р а л и з а ц и и данных согласных.

В период до смягчения полумягких связи парных твердых-мягких принципиально не отличались от связей непарных по этому признаку согласных. Они оказывались парными лишь потому, что имели общую физиолого-акустическую характеристику, отличаясь друг от друга только отсутствием или наличием „йтовой“

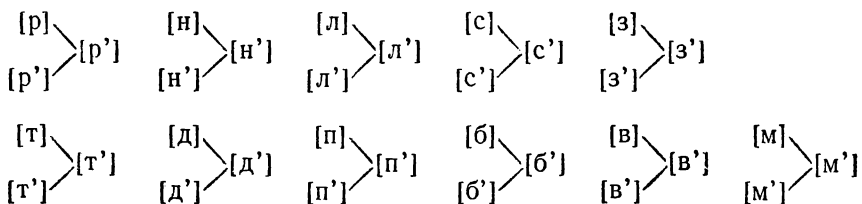
артикуляции; однако никаких иных связей между ними в языке не существовало: во всех тех позициях, где эти согласные могли выступать, они всегда отличались друг от друга, противопоставляясь одинаково или различно другим согласным фонемам.

После смягчения полумягких положение коренным образом изменилось, ибо в отношениях между парными твердыми-мягкими развились такие явления, которые принципиально отделили эту группу согласных от остальных членов консонантной системы. Смягчение полумягких обусловило развитие позиций нейтрализации признака твердости-мягкости — таких позиций, в которых парные твердые-мягкие, различающиеся в иных положениях, стали выступать только как мягкие согласные.

Речь идет о том, что после смягчения полумягких на стыке морфем перед передними гласными оказались парные мягкие согласные, в то время как на том же стыке перед непредними гласными выступали парные твердые согласные. При условии, что такое явление наблюдалось в формах одного и того же слова, оказывалось, что в одних из этих форм выступал твердый согласный, а в других — мягкий. Если учесть, что в то же самое время в другом слове во всех его формах выступал лишь мягкий согласный перед гласными, причем этот мягкий являлся парным по данному признаку, то оказывалось, что в одних позициях выступает и твердый и мягкий парный, а в других — только мягкий. Так, в *боура* („бурая“), вин. п. *боуроу* и *боурѣ*, вин. п. *боурю* обнаруживается различие [р] и [р'], в то время как в формах местн. п. *боурѣ* от *боура* и род. п. *боурѣ* от *боурѣ* выступает только [р']. Фонологически это явление может быть интерпретировано как нейтрализация твердости-мягкости в позиции перед гласными переднего ряда.

До смягчения полумягких для парных по твердости-мягкости согласных таких позиций нейтрализации не существовало, т. е. не было позиций, в которых твердость-мягкость не различалась. Возникновение их после смягчения полумягких означало, что парные по твердости-мягкости согласные встали в коррелятивные отношения друг с другом, характерные для них и в современном русском языке.

В связи с появлением таких коррелятивных отношений между парными по твердости-мягкости согласными в древнерусском языке возникли пересекающиеся ряды позиционно меняющихся твердых-мягких согласных. Таким образом, в древнерусском языке середины XI в. возникли следующие ряды позиционной мены твердых-мягких:

§ 104. Категория глухости-звонкости согласных. Смягчение полумягких согласных не вызвало и не могло вызвать принципиальных изменений в отношениях между парными глухими-звонкими согласными, ибо оно не затронуло тех позиций, в которых осуществлялось их противопоставление. Однако этот процесс не прошел бесследно для данной категории: он содействовал расщеплению и усилению оппозиций глухих-звонких, что в первую очередь выразилось в увеличении пар глухих-звонких согласных по сравнению с предшествующим периодом.

В результате возникновения мягких согласных фонем [п'], [б'] и [т'], [д'] возникли новые противопоставления по глухости-звонкости: [п'] — [б'] и [т'] — [д'], включившиеся в ряд согласных, парных по этому признаку. С другой стороны, в результате смягчения полумягких расширила сферу своего распространения оппозиция [с'] — [з']; но одновременно сузила эту сферу оппозиция [с] — [з]. Таким образом, в середине XI в. ряд согласных, парных по признаку глухости-звонкости, стал насчитывать десять членов: [п — б] = [п' — б'] = [т — д] = [т' — д'] = [с — з] = [с' — з'] = [ш' — ж'] = [ш'ч' — ж'д'] = [к — г].

Смягчение полумягких, иначе говоря, расщепило оппозиции [п — б] и [т — д] на две — на оппозиции твердых глухих-звонких и на оппозиции мягких глухих-звонких; точно так же, расщепив единую ранее оппозицию [с] — [з] на две, оно передало оппозицию вторичносмягченных свистящих существовавшей оппозиции этих мягких согласных.

Такое расщепление указанных трех оппозиций оказало влияние на их функционирование перед гласными. Это влияние выразилось прежде всего в том, что твердые глухие-звонкие стали противопоставляться внутри и на стыке морфем только перед непредними гласными, а мягкие — перед передними, а также (с рядом определенных ограничений) перед [а] и [у].

Внутри морфем оппозиции [п — б], [т — д], [с — з] и [к — г] функционировали перед всеми непредними гласными; оппозиции [п' — б'] и [с' — з'] — перед [а], [и], [ѣ] и [ь]; оппозиция [ш' — ж'] — перед [и], [е], [ь], [а] и [у]; оппозиция [ш'ч' — ж'д'] внутри морфем не выступала. На стыке морфем условия функционирования совпадали с внутриморфемным положением для оппозиций [п — б], [п' — б'], [т — д], [т' — д'], [с — з] и [к — г]; для оппозиций [с' — з'], [ш' — ж'] и [ш'ч' — ж'д'] условия противопоставления включали в себя гласные [и], [ѣ], [е], [ь], [а] и [у].

Однако смягчение полумягких не привело к возникновению каких-либо новых, более тесных связей между глухими и звонкими согласными, как это случилось с твердыми и мягкими.

Если после смягчения полумягких твердые-мягкие согласные, получив возможность нейтрализации, стали образовывать соотносительные ряды, то глухие-звонкие таких рядов не образовывали, так же как они их не образовывали и до смягчения полумягких. За исключением пары [с — з], имевшей более тесные связи в приставочных образованиях с *из-*, *без-*, *ров-*, *взз-* (см. § 67), члены всех остальных пар были близки лишь в физиолого-акустическом плане, но не в системных отношениях древнерусского языка. Иначе говоря, соотносительный ряд глухих-звонких согласных и в эту эпоху находился лишь на самом начальном этапе своего становления.

§ 105. Возникновение новых рядов позиционной мены согласных. Все те явления в области твердости-мягкости и глухости-звонкости согласных, которые были рассмотрены выше, позволяют сделать определенные выводы о характере позиционной мены, а отсюда — и о характере позиций согласных фонем древнерусского языка эпохи после смягчения полумягких.

Здесь прежде всего нужно отметить следующее: так как смягчение полумягких не привело к принципиально новым явлениям в области глухих-звонких согласных, то в изучаемую эпоху и не возникло каких-нибудь изменений в характере поведения этих согласных в системе древнерусского языка по сравнению с предшествующим периодом его развития. Поэтому, так же как и до смягчения полумягких, глухость-звонкость оставалась постоянно присущим признаком согласных. Следовательно, глухие-звонкие согласные не образовывали рядов позиционной мены: во всех тех позициях, в которых они выступали, они характеризовались одним и тем же постоянно присущим им набором признаков.

Не образовывали рядов позиционной мены по-прежнему и мягкие согласные фонемы, и в любой позиции они сохраняли все свои отличительные постоянные признаки.

Все эти факты представляют собой унаследованные особенности в системе древнерусского языка середины XI в., и смягчение полумягких не внесло здесь каких-либо изменений.

Изменения коснулись отношений парных твердых-мягких согласных, где возникли принципиально новые явления в области позиционной мены.

Как уже говорилось, в позиции перед [a] и [y] парные твердые-мягкие выступали как самостоятельные единицы, противопоставляясь друг другу. В позиции же перед гласными переднего ряда твердость-мягкость подвергалась нейтрализации: на месте твердых выступали мягкие, совпадавшие по своему качеству с теми мягкими, которые не подвергались такому изменению. В результате этого в древнерусском языке развились пересекающиеся ряды позиционной мены твердых-мягких согласных. Возникновение таких пересекающихся рядов обусловило развитие в древнерусском языке отчетливых различий между сильными и слабыми позициями согласных:

если до смягчения полумягких все позиции (за исключением положения [с — з] перед шумными), в которых выступали согласные, были сильными, то в новую эпоху положение коренным образом изменилось.

В древнерусском языке возникла а б с о л ю т н о с и л ь н а я позиция для согласных — позиция перед [а], в которой различались все согласные фонемы.

Для парных твердых-мягких согласных образовалась с л а б а я позиция — позиция перед гласными передней зоны, где возникла нейтрализация признака твердости-мягкости и где на месте твердо-го и на месте мягкого равно выступал мягкий согласный.

§ 106. Итак, смягчение полумягких согласных привело к перестройке фонологических отношений в древнерусском языке. Затронув как вокализм, так и консонантизм этого языка, смягчение полумягких обусловило превращение признака зоны образования гласных фонем в обусловленный твердостью-мягкостью предшествующего согласного и тем самым вызвало утрату особой фонемы [ä]. С другой стороны, влияние смягчения полумягких на систему согласных оказалось противоречивым: оно, во-первых, обусловило развитие неразрывных сочетаний твердых-мягких согласных с непередними-передними гласными, что, вообще говоря, при благоприятных условиях могло бы повести к превращению силлабем в особые фонологические единицы; во-вторых, оно значительно расширило состав согласных, сохранивших свое фонологическое значение как основных различительных единиц в общей системе. Сохранение противопоставленности твердых-мягких согласных перед [а] и [у] разрушало сам силлабемный принцип в структуре древнерусского языка. Твердые-мягкие согласные оказались в принципиально разных условиях перед разными гласными. Система усилила асимметричность в этой области.

Увеличение состава согласных фонем при одновременном уменьшении состава гласных, утрата самостоятельности признаком зоны образования гласных и развитие фонологических противопоставлений твердых-мягких согласных повлекли за собой усиление фонематической роли консонантной системы при ослаблении этой роли у вокализма. Можно думать поэтому, что эпоха смягчения полумягких была эпохой переходной от вокалистической к консонантной системе в истории русского языка, переходной в том смысле, что система согласных у ж е завоевала основные позиции в борьбе консонантизма и вокализма, но еще не подчинила себе систему гласных. С другой стороны, система гласных у ж е потеряла в значительной степени ту самостоятельность по отношению к консонантизму, которой она обладала до смягчения полумягких, но еще сковывала силы системы согласных, не давая им возможности самостоятельно, без сопровождения гласными, функционировать в языке. Участь борьбы консонантизма и вокализма была предрешена смягчением полумягких — после этого процесса, учитывая характер его проте-

кания и результаты, развитие фонологических отношений в русском языке могло идти только одним путем — путем, ведущим к подчинению вокализма консонантизму в общей фонологической системе древнерусского языка. Явлением, которое знаменовало завершение данного процесса, было падение редуцированных.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

А в а н е с о в Р. И. Из истории русского вокализма. Звуки *i* и *y*. „Вестник МГУ“, 1947, № 1, также: Р. И. А в а н е с о в. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974, с. 238—259.

Б е р н ш т е й н С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, с. 238—241.

И в а н о в В. В. Историческая фонология русского языка. М., 1968, с. 191—288.

К а л н ы н ь Э. Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке. „Ученые записки Института славяноведения“, т. XIII, 1956, с. 128—150.

РАЗВИТИЕ ФОНЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ РЕДУЦИРОВАННЫХ (XII—XVI вв.)

ПАДЕНИЕ РЕДУЦИРОВАННЫХ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 107. Одним из основных явлений в истории древнерусского языка, перестроившим его звуковую систему и приблизившим ее к современному состоянию, было падение редуцированных. В известном смысле можно даже говорить о том, что между древнейшим состоянием звуковой системы русского языка и ее современным состоянием лежит падение редуцированных¹.

§ 108. Утрата [ъ] и [ь] в слабом положении и изменение их в [о] и [е] — в сильном. Падение редуцированных заключалось в том, что звуки [ъ] и [ь] как самостоятельные фонемы в системе русского языка перестали существовать, причем утрата этих фонем носила характер двустороннего процесса: если [ъ] и [ь] находились в слабом фонетическом положении, они, постепенно становясь неслоговыми, перестали произноситься; если же — в сильном, то вместо [ъ] и [ь] стали произноситься гласные полного образования [о] и [е].

Надо иметь в виду, что редуцированные [ъ] и [ь] произносились неодинаково в сильной и слабой позициях. Ко времени их утраты слабые [ъ] и [ь] стали произноситься очень кратко и превратились в неслоговые звуки, а сильные, наоборот, стали приближаться к нормальным гласным. Это различие между сильными и слабыми редуцированными и определило их дальнейшую судьбу — или полную утрату, или превращение в гласные полного образования.

Падение редуцированных — это процесс, свойственный всем славянам, но в разных славянских языках он шел не одновременно и привел к различным результатам. Поэтому после падения редуцированных славянские языки дальше разошлись друг с другом.

В древнерусском языке этот процесс проходил приблизительно во второй половине XII в. В памятниках именно этого времени наблюдается много случаев написания на месте сильных [ъ] и [ь] гласных *о* и *е* и пропуска редуцированных в слабом положении. Однако возможно, что падение редуцированных, начавшись с утраты слабых, было известно и раньше. Об этом свидетельствуют не-

¹ В перестройке древнерусской звуковой системы, кроме падения редуцированных, сыграло еще роль и изменение системы безударного вокализма, затронувшее как южные, так и северные диалекты. Об этих явлениях см. ниже, § 132 и след.

можно привести такие факты, как [п̑стрый] > [пестрый], [т̑ща] > [теща], [с̑хнути] > [сохнути].

Однако надо иметь в виду и то, что иногда наблюдается раннее проявление слабых [ъ] и [ь] в гласные [о] и [е]. Например, в Свято-славовом изборнике 1073 г. встречается написание *золоба* с *о* на месте [ъ] слабого или *серебро* вместо *сьребро* с *е* на месте [ь] слабого¹. Если здесь [ъ] и [ь] не были под ударением (ср. диалектное *злато* — *сѣребро*), то это явление объясняется тем, что в данных словах произошла ассимиляция гласных [ъ] и [ь] к гласному последующего слога, а такие факты по существу не имеют отношения к падению редуцированных².

Процесс падения редуцированных проходил не одновременно в различных говорах древнерусского языка. Можно предполагать, что на юге он осуществлялся раньше, чем на севере: судя по первой Новгородской летописи, еще в XIII в. в северных областях были говоры, где редуцированные звуки сохранялись.

§ 109. Удлинение гласных [о] и [е] перед слогом с утратившимся слабым редуцированным. В памятниках древнерусского языка второй половины XII в., созданных на южнорусской территории, т. е. отражающих те говоры, которые впоследствии легли в основу украинского языка, наблюдается написание ҃ на месте исконного [е] в тех случаях, когда в следующем слоге был слабый [ь], утратившийся в эпоху падения редуцированных (перед слогом с бывшим слабым [ъ] такого изменения нет). Это явление так называемого „нового ҃“ было впервые установлено А. И. Соболевским в галицко-волыньских памятниках. Такой новый ҃ наблюдается, например, в словах *кам҃нь*, *п҃чь*, *ш҃сть*, *буд҃ть* и т. п., в которых исконно ҃ не было. В современных северноукраинских говорах и в южнобелорусских диалектах в соответствии с этим ҃ произносится дифтонг [иѐ] (т. е. [камиѐн’], [пичѐ], [шиѐс’т’]), [будѐн’], а в литературном украинском языке — [и]: *камінь*, *піч*, *шість* и т. д.

Если сравнить все эти факты и учесть, что в древнерусском языке [ѐ] мог иметь характер дифтонга [иѐ] (см. § 55), то можно установить, что написание ҃ на месте *е* отражает дифтонгическое произношение нового [ѐ], возникшего из [е]. Однако возникает вопрос о происхождении этого [ѐ], ибо, как известно, звук [е], который был в словах *камень*, *будеть*, *печь* и т. д., был исконно

¹ То же самое в „Житии Феодосия“ XII в. — *золод҃ѣй* из *зѣлод҃ѣй*: в Добролюбовом евангелии — *моно҃га* из *мѣно҃га*.

² Между прочим, следует обратить внимание, что слово *серебро*, укрепившись в русском языке с [е] на месте слабого [ь], совпало по своему фонетическому облику со словами, имеющими полногласное сочетание [ере] из [*tert] (вроде *берег*, *веретено* и т. п.). Однако, как ясно из сказанного, сочетание [ере] в *серебро* иного происхождения.

кратким. Предполагают, что краткий звук [e] получил удлинение в результате утраты последующего слабого [ь]; это была заместительная долгота, возникшая после падения редуцированных. Долгое [ē] впоследствии дифтонгизировалось в [ie], а дифтонг в свою очередь далее изменился в [i], что и отразилось в украинском литературном языке.

Вместе с таким удлинением [e] происходило и удлинение краткого [o] в тех же условиях, т. е. перед слогом с утратившимся слабым редуцированным. Однако у древнерусских писцов не было возможности обозначить как-то долготу этого нового [ō] (правда, иногда оно получало обозначение через *оо*: *оотца*), в то время как [ē] обозначалось через ѣ. Однако о наличии подобного удлинения [o] вновь свидетельствуют факты украинских диалектов и литературного языка. В северноукраинских говорах наблюдается произношение дифтонга [yo] на месте [o] в словах типа [вуол], [куон'], [стуол], [нуос] и т. п., т. е. там, где исконно [o] находился в слогe перед слогом со слабым редуцированным. В украинском литературном языке эти слова произносятся со звуком [и]: *вів*, *кінь*, *стіл*, *ніс* и т. п. Как видно, процесс здесь шел таким образом, что [o] дифтонгизировалось в [yo], а затем через стадию [ʹyo] изменилось в [и].

„Удлинение *о* и *е* в слогe перед выпавшим глухим является очень важным в истории древнерусского языка, так как оно есть древнейшее из новых звуковых явлений, отделивших северные древнерусские диалекты (те, на основе которых сложился собственно русский язык) от южных, на основе которых сложился украинский язык“¹.

§ 110. Судьба [ъ] и [ь] в сочетаниях с плавными. Особо обстоит дело с сочетаниями редуцированных с плавными между согласными, где судьба [ъ] и [ь] оказалась отличной от общей судьбы сильных и слабых редуцированных.

а) В сочетаниях типа [търт] и под. во всех восточнославянских языках [ъ] изменился в [ol], а [ь] — в [el]. Говоря иначе, в словах с этими сочетаниями редуцированный вел себя всегда как сильный: он выступал как сильный, например, и в форме [търгъ], и в форме [търга], хотя „внешне“, с первого взгляда, [ъ] в одной форме (търгъ) был в сильной, а в другой (търга) — в слабой позиции. Таким образом, из древнерусских сочетаний [търт], [тъrtl], [тъlt] возникли сочетания [fortl], [tertl], [toltl]. Ср.: [търгъ] > [torɣ], [гърло] > [gorlo], [гърдый] > [gorɣɨ], [държати] > [derɣati], [мъртвый] > [mertvɨ], [върхъ] > [verɣ], [вълкъ] (из [*vɨlkъ]) > [volk], [пълкъ] > [polk], [мълния] > [molnija], [вълна] (из [*vɨlna]) > [volna] и т. д.

¹ Л. П. Якубинский. История древнерусского языка, 1953, с. 146—147.

Однако, наряду с общерусскими явлениями в области развития сочетаний типа [tʲɪrtʲ], в севернорусских памятниках наблюдается так называемое „второе полногласие“¹, т. е. появление на месте этих сочетаний написаний с полногласными сочетаниями *аро, ере, оло*. Так, в памятниках, относящихся к Новгороду, отмечается вместо *тѣрѣжскоу — торожскоу — торошкоу*, вместо *Повѣлжѣе — Поволожѣе*, вместо *безмѣлвѣя — безмоловѣя* и т. д. Такие формы со „вторым полногласием“ есть и в современных, преимущественно северных, говорах русского языка, например: *молянѣя* из др.-русск. *мѣлнѣя*; *верех* из др.-русск. *вѣрхѣ*, *гароб* из др.-русск. *гѣрбѣ*; *жередѣ* из др.-русск. *жѣрбѣ*; *карон* из др.-русск. *кѣрмѣ*; *холон* из др.-русск. *хѣлмѣ* и т. д. В украинском и белорусском языках есть формы *гарон* (из др.-русск. *гѣрнѣ*), *смеретный* (ср. др.-русск. *сѣмьртѣ*). Да и в русском литературном языке наличествуют такие полногласные формы: *веревка* (из др.-русск. *вѣрвѣка*), *полон* (из др.-русск. *пѣлнѣ*), *бестолочь* (ср. др.-русск. *тѣлкѣ*, русск. *толк*), *сумеречный* (ср. русск. *сумерки*).

Явление „второго полногласия“ обнаруживается в русском языке непоследовательно, и это имеет свои причины.

Для того чтобы понять историю развития сочетаний типа [tʲɪrtʲ] в эпоху падения редуцированных, а вместе с тем и не только появление „второго полногласия“, но и ограниченность его распространения в древнерусском языке, — для этого надо учесть возможность двойного слогораздела в словах, имевших подобные сочетания в древнерусском языке.

Как уже говорилось выше (см. § 69 и § 90), в сочетаниях типа [tʲɪrtʲ] слогораздел мог проходить или перед плавным, или после плавного. В том случае, когда слогораздел проходил перед плавным, звуки [r] и [l], оказавшись в начале слога перед согласным, развивали слоговость, в результате чего в подобного типа сочетаниях появлялось не два, а три слога (тѣ|r|t + гласный).

Таким образом, в форме, например, *тѣрѣжѣ* в некоторых диалектах древнерусского языка до падения редуцированных было не два слога (т. е. тѣ|r|t + гласный), а три: [тѣ|r|тѣ]. Точно так же три слога было и в форме *тѣрѣга*: [тѣ|r|га]. Таким образом, редуцированный [ъ] в обеих формах находился в одном и том же положении: перед слоговым плавным, который являлся позиционной равновидностью неслогового плавного, выступающей только в данном фонетическом положении. Позицию перед слоговым плавным нельзя считать ни сильной, ни слабой для редуцированных, ибо эти последние, как они определены выше (см. § 55), не включают данного положения. Иначе говоря, позиция [ъ] и [ь] в сочетаниях типа [tʲɪrtʲ] была особой позицией, возникшей в результате действия закона открытого слога. Однако эта позиция и могла существовать лишь до тех пор, пока

¹ Термин А. А. Потебни.

сохранялось действие этого закона. Когда падение редуцированных привело к нарушению закона открытого слога, к тому, что стали возникать закрытые слоги (см. § 115), тогда перестали существовать и слоговые [p] и [л] в сочетаниях типа [tʲɐrtʲ], ибо были утрачены условия, в которых они появлялись. Следовательно, если в форме [tʲɐrga] до изменения [ʲ] было три слога: [tʲ | p | ga], то после падения редуцированных здесь возникло два слога: [tor | ga], причем утрата слоговости [p] вызвала изменение [ʲ] — продление его в [o]. Таким образом, в тех случаях, когда за слогом из плавного слогового шел слог с гласным полного образования, прояснение редуцированного шло за счет утраты слоговости плавного звука.

В тех же случаях, когда за слогом из слогового плавного шел слог с редуцированным (например, [tʲɐrgʲ]), слоговой плавный, в силу краткости последующего слога с редуцированным, был, вероятно, долгим: [tʲ | p̄ | gʲ], и поэтому в эпоху падения редуцированных за счет утраты слоговости происходило прояснение [ʲ], [ʲ] в [o], [e], а за счет утраты долготы — развитие второго гласного после плавного [p], [л]: Так возникало „второе полногласие“ в ряде диалектов древнерусского языка. Дальнейшее действие аналогии (например, по формам косвенных падежей) определило непоследовательность в развитии всего явления.

Однако вместе с тем диалекты древнерусского языка могли и не развивать слогового плавного в сочетаниях типа [tʲɐrtʲ]: [r] или [l] могли оставаться неслоговыми и отходить к предшествующему слогу, приводя к его закрытости (см. § 69). В этом случае и в форме, скажем, [tʲɐrgʲ], и в форме [tʲɐrga] слогораздел проходил после плавного. В результате этого обе формы имели два слога — один открытый и один закрытый: ([tʲɐr | gʲ], [tʲɐr | ga]), а редуцированный перед плавным мог оказаться или в сильной, или в слабой позиции. В связи с этим и судьба его оказалась различной: в сильной позиции [ʲ] и [ʲ] изменились в [o] и [e], а в слабой выпали. Однако выпадение [ʲ] и [ʲ] в подобного рода словах приводило к возникновению труднопроизносимых групп согласных (ср.: [tʲɐrga] > [trga]),

которые в пределах одного слога не могли сохраниться: изменение достигалось путем развития нового слогового плавного ([trga] > [trga]). Однако восточным славянам слоговость плавных не была свойственна, в силу чего в языке возникала тенденция освобождения от новых [p] и [л], которая, по-видимому, была осуществлена не фонетическим путем, а путем аналогического воздействия форм с бывшими сильными [ʲ] и [ʲ].

б) Приблизительно так же обстояло дело и с изменением [ʲ] и [ʲ] в сочетаниях с плавными, когда редуцированный находился после плавного (т. е. в сочетаниях типа [tʲɐrtʲ]). Судьба [ʲ] и [ʲ] оказалась здесь несколько различной в разных восточнославян-

ских языках, причем различия обуславливались сильным и слабым положением редуцированного в слове с этими сочетаниями.

В сильном положении [ъ] и [ь] в этих сочетаниях проявились во всех восточнославянских языках в [o] и [e]. Например:

др.-русс. *крѣвь* — русск. *кровь*, укр. *кров*, белорусск. *кроў*;

др.-русс. *брѣвь* — русск. *бровь*, укр. *бров*, белорусск. *броу*;

др.-русс. *глѣтка* — русск. *глотка*, укр. *глотка*, белорусск. *глотка*;

др.-русс. *крѣстъ* — русск. *крест*, укр. *хрест*, белорусск. *хрест*;

др.-русс. *слѣзъ* — русск. *слез*, укр. *слез*, белорусск. *слез*.

Если же [ъ] и [ь] в сочетаниях типа [trɛtʃ] находились в слабом положении, то они, как всякие слабые редуцированные, подвергались утрате, исчезновению. Однако в результате этой утраты, как иногда и в словах с сочетаниями типа [tɛrtʃ] (см. выше), в пределах одного слога оказывались труднопроизносимые группы согласных, в результате чего развивался слоговой плавный. Например, после выпадения слабого [ь] в форме [крѣста] возникала группа согласных [крст], которая не могла сохраниться в пределах одного слога, в результате чего плавный становился слоговым: [крста].

Дальнейшее изменение шло несколькими различными путями в разных восточнославянских языках. Так, в украинском и белорусском языках освобождение от слогового плавного шло путем развития вторичного гласного [и] или [і] после, а иногда и перед плавным. Например, из др.-русс. *крѣавый* развились укр. *кривавий* и *киривавий*, *кєравивий*, белорусск. *кывавы*. Точно так же возникли из др.-русс. *крѣшити* — укр. *кришити*, белорусск. *крышыць*; из др.-русс. *блѣха* — белорусск. *быха*; из др.-русс. *слѣза* — укр. диал. *слиза* и *силза*; из др.-русс. *трѣвога* — укр. *тривога*, белорусск. *трывога*; из др.-русс. *глѣтати* — укр. *глитати*, белорусск. *глытаць*; из др.-русс. *крѣстити* — укр. *христити*, белорусск. *хрысціць* и т. д. Формы с *ы*, *и* на месте *ѣ*, *ь* обнаруживаются в памятниках письменности с XIII—XIV вв.: *дрыжахоу*, *ѡблыко*.

В русском языке такого развития вторичного гласного в этих случаях не было. Некоторым русским говорам, да и то в единичных случаях, была известна утрата в этих сочетаниях не только слабых [ъ] и [ь], но и плавных [р] и [л]. Следami подобного развития являются некоторые диалектные формы, в которых отсутствует плавный. Например, диалектные *кстить*, *окстись*, название деревни *Кстово* восходят к др.-русс. *крѣстъ*, где после выпадения слабого [ь] выпал и плавный [р]. Точно так же объясняется и название города Пскова: слово *Псков* возникло из др.-русс. *Пльсковъ* (*Пльсковъ* известно с XIV в.), засвидетельствованного памятниками¹, где пос-

¹ *Пльсковъ* засвидетельствовано в I Новгородской летописи по Синодальному списку. Ср. также немецкое название Пскова — *Pleskau*.

ле выпадения [ь] выпал и плавный [л]¹. Однако типичным для современного русского языка и его говоров является наличие сочетаний [ро], [ло], [ре], [ле] на месте др.-русс. [ръ], [лъ], [рь], [ль] в сочетаниях типа [trɣt] со слабыми [ъ] и [ь], например: *крававый, крошитель, глотать, блоха, греметь, крестить, тревога, слеза* и т. п. Можно думать, что произношение [о] и [е] на месте слабых [ъ] и [ь] в этих сочетаниях развилось путем аналогии с формами, в которых [ъ] и [ь] были сильными: под влиянием, например, *кровь* возникло *крови, крававый*; под влиянием *слез* — *слеза*; под влиянием *дров* — *дрова* и т. д.

§ 111. Судьба редуцированных [ы] и [и]. Как уже говорилось (см. § 80), древнерусский язык унаследовал от праславянского и сохранил в своей системе позиционные варианты редуцированных [ъ], [ь] и [ы], [и] — звуки [ѣ] и [ї].

Гласные [ѣ] и [ї] как позиционные варианты [ъ], [ь] и [ы], [и] в эпоху падения редуцированных подверглись изменениям, так же как это произошло с [ъ] и [ь].

Однако судьба [ѣ] и [ї] оказалась несколько различной по диалектам древнерусского языка. В говорах, легших в основу русского (великорусского) языка, сильные [ѣ] и [ї] изменились в [о] и [е], а в говорах, легших в основу украинского и белорусского языков, — в [ы] и [и].

Так обстояло дело, например, в форме имен. пад. ед. ч. полных прилагательных муж. р.: из **dobrъ + i* (< *jъ*) возникло о.-слав. *dobryi*, где [y] был в сильной позиции; отсюда русск. *доброй*, укр. *добрий*, белорусск. *добры*. Из **sinъ + i* (< *jъ*) возникло о.-слав. *sinii* с [i] в сильной позиции; отсюда русск. *синей*, укр. диал. *синий*², белорусск. *сіні*. Ср. еще русск. *молодой*, укр. *молодий*, белорусск. *малады*; русск. *верхней*, укр. диал. *верхний*, белорусск. *верхні*. Подобные формы на *ой*, *ей* отражаются в памятниках московского происхождения с XIV—XV вв.

Надо сказать, что в русском литературном языке произношение [ой] в этих формах сохранилось лишь под ударением (*молодóй, золотóй, голубóй*), тогда как в безударном положении на месте [о] произносится [ъ] в результате редукиции ([краснѣй], [скóръй], [нóвъй]), что на письме отражается в виде написания *ы* (*красный* и т. д.). Окончание [ей] под ударением вообще не выступает, а в безударном положении произносится с редуцированным [ь], в написании отраженным через *и* ([сѣйнѣй] — *синий*, [дáвнѣй] — *давний*). Такие на-

¹ Возможно, что в таком выпадении плавных в подобных сочетаниях сыграло роль отсутствие родственных форм с сильным редуцированным.

² В украинском языке [ы] и [и] совпали в одном промежуточном звуке, перед которым согласный не смягчается. Украинские литературные *синій, верхній* и т. п. возникли по аналогии с *мій, твій* и т. п.

писания укрепились в русском языке под влиянием старославянской традиции. В окающих же северновеликорусских говорах и до сих пор в форме имен. пад. ед. ч. муж. р. сохраняется произношение [красной], [но́вой], [си́ней], [да́вней].

Редуцированные [ы] и [и], восходящие к исконным [ы] и [и] в позиции перед [j] или [i], имели такую же судьбу, что и [ы́] и [и́] из [ъ], [ы]. Так, в сильной позиции из **riĭъ* развилось о.-слав. *pīi* > др.-русс. [пий], откуда русск. *пей*, укр. *пий*, белорусск. *pi*; из **biĭъ* — о.-слав. *bīi* > др.-русс. [биѣ], откуда русск. *бей*, укр. *бий*, белорусск. *bi*; из **tjiĭq* — о.-слав. *tiŭiq* > др.-русс. [мѣиу], откуда русск. *мбю*, укр. *мйю*, белорусск. *мбю*; из **krjiĭq* — о.-слав. *krŭiq* > др.-русс. [крыиу], откуда русск. *крбю*, укр. *крйю*, белорусск. *крбю*. Ср. еще русск. *лей*, укр. *лий*, белорусск. *li*; русск. *брей*, укр. *брйй*, белорусск. *брый*. В слабом положении [ы́] и [и́] у всех восточных славян были утрачены. Так, из **riĭq* развилось о.-слав. *pīĭq* > др.-русс. [пйĭѣ], откуда русск. *пью* (= [п'jý]), укр. *п'ю*, белорусск. *п'ю*; из **liĭq* — о.-слав. *līĭq* > др.-русс. [лиĭѣ], откуда русск. *лью*, укр. *лю*, белорусск. *лю*. Ср. еще русск. *бю*, укр. *б'ю*, белорусск. *б'ю*.

§ 112. В заключение рассмотрения процесса падения редуцированных следует отметить случаи отступления от закономерного развития этих звуков.

Речь идет, например, о тех фактах, когда на месте слабых [ъ] и [ы] в эпоху их утраты возникают гласные полного образования. Так, например, в слове [дѣска] звук [ъ] был слабым и подлежал утрате. Такая утрата [ъ] произошла в отдельных русских говорах, после чего в них возникла форма [дска], откуда в результате оглушения — [тска] > [цка]. Такая форма отмечена в памятниках, а также в современных русских диалектах в специальных значениях — „пластинка“, „бляха“ или „доска, на которой пишутся иконы“. Однако в литературном русском языке и в говорах укрепились формы [доска] на месте слабого [ъ]: [доска]. Это объясняется тем, что в вин. пад. ед. ч. и род. пад. мн. ч. ([дѣскоу], [дѣскы]) [ъ] находился под ударением и был сильным. Обобщение основ привело к тому, что и там, где [ъ] в формах этого слова был слабым, стал произноситься гласный [о]. Точно так же обстояло дело и с формами косвенных падежей от слова [тъсть] (тесть), где, например, в род. пад. ед. ч. из [тъсти] должно было развиться [тсти] > [цти]. Такие формы также засвидетельствованы памятниками. Однако по аналогии с теми формами, где [ы] был сильным, во всем склонении этого слова установилось произношение с гласным [е].

Причины возникновения аналогии здесь вполне ясны: различная судьба редуцированных приводила к разрыву форм одного слова, что не могло не вызвать процессов обобщения.

Ср. еще такие факты: из др.-русск. [бървьѣно] возникло фонетически закономерно [бревнѡ], но в род. пад. мн. ч. из [бървьѣно] должно было развиваться [бервен]; совр. [бревен] — по аналогии с [бревнѡ]; из др.-русск. [Смольньскы] должно было возникнуть [Смол'неск], однако в современном русском языке существует форма [Смоленск], которая появилась под влиянием форм косвенных падежей, например род. пад. ед. ч. [Смоленска] из др.-русск. [Смольньска]. Таких примеров можно привести очень много, однако важно подчеркнуть, что во всех этих случаях на фонетически закономерные процессы оказывали влияние аналогические явления, связанные с обобщением звукового облика форм одного слова.

Вместе с тем здесь наблюдаются и такие факты, которые внешне похожи на изложенные выше, но объясняются иными причинами. Так, например, из др.-русск. [сѣборъ], [вѣсходъ], [вѣстокъ] должно было возникнуть [себор], [всход], [восток]. Так оно в целом и произошло: ср. совр. *сборы, себорник, *всходы, всходить*, диалектное *всточень* (название ветра) и т. п. Однако наряду с этими словами есть и *собор, восхождение, восход, восток* с [о] на месте слабого [ъ]. Такое двойное развитие одного и того же слова объясняется тем, что слова без [о] возникли на древнерусской почве в результате фонетического процесса падения [ъ]; слова же с [о] — это результат влияния их церковнославянского произношения. В связи с тем что в старославянском языке изменение [ъ] и [ь] произошло раньше, еще в X—XI вв., в памятниках старославянского происхождения, попадавших на Русь, уже наблюдалось написание *о* и *е* на месте сильных [ъ] и [ь]. Древнерусские книжники, произносившие тогда еще [ъ] и [ь] в любом положении, начинали усваивать искусственное произношение церковных слов с [о] и [е] на месте любого [ъ] или [ь]. Из церковнославянского такое произношение постепенно проникло и в живой русский язык.

ИЗМЕНЕНИЯ В ФОНЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ И В ФОНЕТИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКОМ СТРОЕНИИ СЛОВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В СВЯЗИ С ПАДЕНИЕМ РЕДУЦИРОВАННЫХ

§ 113. Значение падения редуцированных и вызванных им фонетических процессов, развившихся в русском языке XII—XIII вв., определяется тем, что в результате этих процессов произошла коренная перестройка всей фонетической системы русского языка. Однако такое общее определение требует конкретизации, требует показа этой перестройки системы во всех ее звеньях. Поэтому

дальнейшее изложение имеет целью раскрыть значение прошедших фонетических процессов для истории развития звуковой системы русского языка в направлении к ее современному состоянию.

При этом надо иметь в виду, что в ряде случаев чисто фонетический процесс падения редуцированных сыграл роль и в истории морфологической системы русского языка, в частности в изменении фонетико-морфологического строения слова, а также в истории лексического состава: фонетические изменения, вызванные падением редуцированных, могли привести к затемнению этимологической структуры слова, к разрыву связей исконно родственных слов, а отсюда к возникновению разнокорневых образований на базе одного бывшего корня.

§ 114. Значение падения редуцированных для истории развития русского языка было определено выше. Поэтому теперь необходимо рассмотреть конкретно все те изменения, которые были вызваны утратой [ъ] и [ь] в фонетической системе древнерусского языка. Сразу же важно отметить, что все многообразные явления, вызванные падением редуцированных, взаимосвязаны друг с другом, и поэтому раздельное их рассмотрение, принятое далее для удобства изложения, носит в определенной степени искусственный характер.

§ 115. Изменение слоговой структуры древнерусского языка и связанные с этим явления. Падение редуцированных привело к перестройке звуковой системы древнерусского языка прежде всего потому, что оно прекратило действие основных закономерностей более древнего периода истории.

В результате падения редуцированных полностью прекратил свое действие закон открытого слога: в русском языке стали возможны и получили широкое распространение закрытые слоги (хотя, как уже говорилось, тенденция к открытости слога все же осталась). Так, если в древнерусском языке слова [сто | лъ], [ко | нь], [му | жь], [съ | нъ] и т. д. имели два открытых слога, то после падения редуцированных в них оказался один слог, причем закрытый: [стол], [кон'], [муж'], [сон] и т. д.

В результате падения редуцированных был утрачен и слоговой сингармонизм: в пределах одного слога стали возможны звуки неоднородной артикуляции; например, в слове [л'ѣс] в одном слоге оказались мягкий согласный, передний гласный и твердый согласный, что не было свойственно древнерусскому языку до падения редуцированных.

Все эти обстоятельства привели к тому, что в русском языке широко распространились односложные слова. Если до падения редуцированных односложными были, по существу, только некоторые союзы и предлоги (*а, и, но, за* и т. д.), то после падения такими

стали многие самостоятельные слова: к приведенным уже выше примерам можно добавить еще такие, как [дом], [сол'], [стр'ел] из [до | мь], [со | л'ь], [стр'е | лъ] и мн. др.

Утрата слабых редуцированных и связанные с нею изменения структуры слога привели к появлению в древнерусском языке новых грамматических форм и новых морфем. Прежде всего здесь следует указать на появление так называемого „нулевого окончания“. Такое окончание, когда форма слова представляет собой чистую основу, возникло в результате утраты конечного слабого [ъ] или [ь], являвшегося до падения редуцированных окончанием некоторых падежных форм. Так, например, до падения редуцированных [ъ] или [ь] были окончаниями форм имен. пад. ед. ч. слов муж. р. типа [столъ] или [конь], слов муж. и жен. р. типа [гость] или [кость] (и слов, относящихся к иным типам склонения, с подобным же оформлением имен. пад. ед. ч.), а также форм род. пад. мн. ч. слов муж. р. тех же типов и жен. р. типа [жена], [земля] (ср. род. пад. мн. ч. [столъ], [конь], [женъ], [земль] и т. п.). После же утраты конечного редуцированного гласного в этих формах возникло „нулевое окончание“, т. е. падежная форма оказалась равной чистой основе: [стол], [кон'], [жен], [земл'] и т. п.

Однако если бы эти формы с „нулевым окончанием“, возникшие в результате падения редуцированных, ограничились в своем проявлении лишь теми словами, которые раньше действительно имели на конце [ъ] или [ь], — в этом случае последствия падения редуцированных не вышли бы за рамки чисто фонетических явлений. Дело же заключается в том, что, возникнув как результат утраты слабых [ъ] и [ь], новые формы стали явлением грамматическим, т. е. таким, которое характеризует морфологическую систему русского языка, формы его словоизменения. Именно потому, что „нулевое окончание“ стало признаком определенных грамматических форм, определенных падежей, оно выступает в современном языке в любых словах муж. и жен. р. определенных типов склонения, независимо от времени появления этих слов в языке, т. е. независимо от того, была ли в истории данных слов такая эпоха, когда в тех или иных падежных формах окончанием выступали [ъ] или [ь].

Точно так же обстоит дело и с развитием таких грамматических элементов на конце слов, которые состоят только из одного согласного. Вообще говоря, до падения редуцированных в древнерусском языке не могло быть на конце слов ни окончаний, ни суффиксов, в состав которых входил бы только один согласный звук. Такие элементы возникли после утраты конечных слабых [ъ] или [ь]. Так, например, до падения редуцированных формы 3-го л. ед. и мн. ч. глаголов настоящего времени оканчивались на [-тъ] (*ходить*, *носить* и т. п.); после же утраты [ь] окончанием стало выступать одно [т'] ([*хóдит'*], [*но́сят'*] и т. п.). Если до падения редуцированных причастие прошедшего времени муж. р. после суффикса [л] имело окончание [ъ] (*писа́лъ*, *ходи́лъ*, *чита́лъ* и т. п.), то после

утраты конечного редуцированного оно стало оформляться лишь суффиксом [л], оказавшимся на конце слова. В целом можно сказать, что в древнерусском языке после падения редуцированных широко развились морфемы, состоящие из одних согласных звуков; например, вместо др.-русс. суффиксов *-ьск-*, *-ьн-*, *-ьк-* и т. д. возникли *-ск-*, *-н-*, *-к-* (ср. др.-русс. *женьскый* и совр. *женский*, др.-русс. *тьмный* и совр. *темный*, др.-русс. *палъка* и совр. *палка* и т. п.). Наличие подобных морфем было совершенно исключено в древнерусском языке до падения редуцированных.

Уже по этим фактам можно установить влияние фонетического процесса падения редуцированных на изменение грамматической структуры древнерусского языка, в частности на фонетико-морфологическое строение слова. О таком же влиянии говорят и некоторые иные явления в истории русского языка.

§ 116. Образование беглых [о] и [е]. Влияние падения редуцированных на изменение фонетико-морфологического строения слова проявляется и в образовании в русском языке так называемых „беглых гласных“.

В связи с тем, что при изменении одного и того же слова редуцированный в этом слове мог оказываться то в сильном, то в слабом положении, — в связи с этим данный редуцированный то развивался в гласный полного образования, то исчезал. Например, др.-русс. имен. пад. ед. ч. [сѣнь] имел в корне сильный [ъ], а род. пад. [сѣна] — слабый. В результате этого в русском языке возникло [сон] — [сна] с беглым [о]. Ср. то же самое: др.-русс. [днь] — [дня] — совр. [ден'] — [дн'а] с беглым [е]. Нетрудно понять, что в своем возникновении „беглость гласных“ была связана с падением редуцированных, с различной их судьбой в зависимости от фонетического положения. Однако если бы „беглость гласных“, возникнув как фонетическое явление, осталась бы таковым, то ее выявление было бы ограничено лишь теми словами, в которых некогда были [ъ] и [ь]. На самом же деле оказалось, что уже в древнерусском языке „беглость гласных“ стала распространяться не только на те слова, у которых в корне были когда-то [ъ] и [ь], но и на те, которые их никогда не имели и произносились исконно с [о] и [е]. Так, например, в современных [л'од] — [л'да], [ров] — [рва] беглые [е] и [о] развивались на месте исконных [е] и [о]. (Ср. в надписи на Тьмутараканском камне 1068 г. — *ѡлѣбѣ князь мѣрилѣ море по лѣдоу*, где слово *лѣд* выступает в своем исконном звуковом виде. Или в Изборнике Святослава 1076 г. *въ ровѣ прѣисподьнимъ* с формой *ровѣ* без „беглого“ гласного¹.)

¹ Ср. то же самое в пословице *руки в боки, глаза в потолоки*, где *потолюки* выступает в исконном виде, без „беглого“ [о] (совр. *потолки*), ибо слово *потолюк* не имело никогда после [л] редуцированного.

„Беглость“ [о], какую мы наблюдаем в совр. *потолок* — *потолки*, аналогического происхождения, по образцу *кусок* — *кускй* и т. п.

„Беглость“ [o] и [e] возникла здесь не фонетическим путем, а под действием аналогии со словами типа *сынъ, днь*.

Дальнейшее расширение действия этой аналогии в истории русского языка постепенно вело к тому, что „беглость гласных“ превращалась из фонетического явления в морфологическое — в средство образования форм слов. Если в формах *клетка — клеток, кусок — куса, кошка — кошек, отец — отца* беглость [o] и [e] связана с тем, что в этих словах когда-то были [ъ] и [ь] (ср. др.-русск. *кѣтъка, коусѣкъ, кошѣка, отѣць*), то в таких современных словах, как *шпаргалка — шпаргалок, розетка — розеток, кнопка — кнопок, фляжка — фляжек, каска — касок, зажигалка — зажигалок, кокетка — кокеток, бомбежка — бомбежек, танец — танца, комсомолец — комсомольца, партиец — партийца* и т. д., такая беглость [o] и [e] не могла возникнуть фонетически, ибо, когда в русском языке появились эти слова, никаких редуцированных в нем давно уже не существовало: все эти слова очень позднего происхождения, а некоторые из них возникли лишь в XX в. Беглость гласных возникла здесь уже и не просто по аналогии, как в словах *ров, лед*, ибо прямая аналогия едва ли могла действовать в течение веков. Вернее всего, возникновение „беглости гласных“, т. е. чередования [e], [o] с нулем звука, в словах подобного рода можно объяснить тем, что „беглость“ стала морфологическим средством образования форм определенных категорий слов — она стала определять их фонетико-морфологическое строение. Так, например, с беглым [e] склоняются все существительные с суффиксом *-ец*, с беглым [o] или [e] — все существительные с суффиксом *-к-* жен. р. и т. д. Иначе говоря, независимо от времени происхождения любое существительное муж. р., у которого в имен. пад. ед. ч. выступает суффикс *-ец*, будет склоняться с „беглым“ [e], т. е. во всех косвенных падежах вместо *-ец* будет наблюдаться одно *ц*; любое существительное жен. р. с суффиксом *-к-* в имен. пад. ед. ч. будет иметь в форме род. пад. мн. ч. *-ок* или *-ек* (последнее после шипящих). Это и обусловило развитие в русском языке внутри основных типов склонения имен существительных подтипов склонений, куда входят слова, основы которых характеризуются „беглыми гласными“.

§ 117. Возникновение новых групп согласных и их изменения.

Падение редуцированных привело к возможности появления согласных перед согласными, ранее отделенных друг от друга слабым редуцированным (ср.: *палѣка — палка*), т. е. к образованию разнообразных групп согласных, ранее ограниченных в своем составе. Образование таких групп вызвало влияние одних согласных на другие, что выразилось в различных процессах уподобления (ассимиляции) и расподобления (диссимиляции) звуков. При этом в русском языке происходит уподобление и расподобление предшествующего звука с последующим, т. е. действуют регрессивная ассимиляция и диссимиляция.

Процессы уподобления (как и расподобления) согласных в ряде случаев получили отражение в письменности в виде закрепления соответствующего произношения в орфографии. Однако в живом языке они прошли, конечно, шире, чем укрепились в написаниях.

1. Ассимиляция согласных выражается в уподоблении их при произношении по глухости-звонкости¹:

[лодька] > [лодка] > [лотк]а ([д] уподобляется [к]);
[сдьѣсь] > [сдѣсь] > [здес]ь ([с] уподобляется [д]);
[лавѣка] > [лавка] > [лафк]а ([в] уподобляется [к]);
[къде] > [кде] > [где] ([к] уподобляется [д]);
[сѣдоровъ] > [сдоров] > [зд]оров ([с] уподобляется [д]);
[ложька] > [ложка] > [лошк]а ([ж] уподобляется [к]);
[бѣчела] > [бчела] > [пч]ела ([б] уподобляется [ч]);
[отѣдалъ] > [отдал] > [одд]ал ([т] уподобляется [д]) и т. д.

2. Она выражается и в уподоблении согласных по месту и способу образования, т. е. в полном уподоблении одного звука другому:

[сѣшилъ] > [сшил] > [шшил] > совр. [шыл];
[сѣ женою] > [с-женою] > [з-женою] > [ж-женою] > совр. [ж]еною;
[сѣ шумомъ] > [с-шумом] > [ш-шумом] > совр. [шу]мом и т. д.².

3. Она выражается, далее, в уподоблении согласных по твердости-мягкости:

[красѣнии] > [крас'ный] > [красн]ый;
[тъмѣнии] > [тем'ный] > [т'омн]ый;
[сѣтихати] > [ст'ихати] > [с'т'иха]ть;
[дѣвъѣ] > [дв'е] > [д'в'е] и т. д.

Процессы расподобления согласных в русском языке развились меньше, чем процессы уподобления. В основном это коснулось групп согласных „взрывной + взрывной“ или „аффриката + носовой“³, например:

¹ Здесь и далее в примерах современного произношения транскрибируются только необходимые для понимания изложения звуки; остальная часть слов дается в орфографическом написании.

² В диалектах этот процесс может наблюдаться еще шире. Ср. диал. уподобление [б] и [д] в группах [бм] и [дн]: [обман] > [омман] > [оман], [ладно] > [ланно] > [лано] и т. п.

³ В диалектах такому расподоблению подвергаются и другие группы согласных, например [мн]: ср. [много] > [вного], [гумно] > [гувно] и т. д.

[кѣто] > [кто] > [хто];
 [кѣ комоу] > [к-кому] > [х-кому]¹;
 [чѣто] > [что] > [што];
 [конѣчно] > [конечно] > [конешно];
 [молочѣныи] > [молочный] > [молошный] и т. д.

При этом группа [чн] изменилась в [шн] не во всех словах, а в ряде случаев сохранилась или в результате действия аналогии, или как явление книжного произношения. Например, сохранение [чн] в [ночной] связано, конечно, с наличием [ч] в *ночь*, точно так же, как [начну] — *начинать*, [дачный] — *дача*, [печной] — *печь* и т. д.; или книжные слова *порочный*, *восточный*, *алчный*, *вечный*, *циничный* и т. п. сохраняют всегда [чн]. Иногда изменению [чн] в [шн] препятствовала возможность омонимии, например: *точный* и *тошный*, *научный* и *наушный*.

Однако в ряде случаев произношение [шн] вместо [чн] стало не только фактом устной речи, но и закрепилось в письменности в качестве единственно возможного, например *Столешиников* переулоч в Москве, фамилии *Свешников*, *Прянишников*, *Шапошников* и т. д.

Говоря о возникновении в русском языке в результате падения редуцированных различных групп согласных, следует отметить и появление новых сочетаний согласных с [j], исконно чуждых славянам. Если до утраты [ѣ] и [ь] в словах *колосѣа*, *свинѣа*, *судѣа*, *друзѣа* и т. п. согласные [с], [н], [д] и т. д. были отделены от последующего [j] (буква *а* обозначает сочетание [ja]) слабым редуцированным [ѣ], то после утраты последнего согласный и [j] оказались рядом. В результате согласный под влиянием [j] смягчился, т. е. возникло произношение кол[óс'j]а, сви[н'j]а, [суд'j]а, [друз'j]а и т. п., с сочетаниями [с'j], [н'j], [д'j], [з'j]. В русском языке никакого дальнейшего изменения этих сочетаний в целом не было. В отличие от русского языка, в украинском и белорусском такие сочетания согласных с [j] пережили новые изменения: [j] ассимилировался с согласным, а согласный приобрел долготу: укр. [коло́с'а], [суд'а], [весі́л'а]; белорусск. [суд'з'а], [кало́с'а], [вясел'а], [сви́н'а].

Точно так же, как возникли новые сочетания согласных с [j], после падения редуцированных появились вновь сочетания [тл], [дл] вследствие утраты [ь] между [т], [д] и [л]: из [метѣла] возникло [метла], из [сѣдьло] — [сѣдло], из [тълѣти] — [тлѣти] и т. д.²

С процессами, рассмотренными выше, связаны, наконец, и явления упрощения возникших после падения редуцированных новых групп согласных. Прежде всего это коснулось тех случаев, когда

¹ Ср. еще более сложный процесс: из [ногѣти], [когѣти], [льгѣко] в результате оглушения — [нокти], [кокти], [лекко] и в результате диссимилиации — [нохти], [кохти], [леко].

² Ср. еще появление новых групп [кт] и [гт] в [локти], [когти], [ногти] (см. выше).

после утраты слабого [ъ] или [ь] в русском языке образовалось сочетание трех согласных; в этих случаях упрощение пошло путем выпадения одного из этих согласных. Так, например, из др.-руссск. [сърдьце] развилось [сердце] и далее [серце], из [сълньце] — [солнце] > [сѡнце], из [жьстько] — [жестко] > [жеско] > [жѡско], из [Дьбрянскъ] (ср. *дебри*) — [Дбрянск] > [Брянск]¹, из [бедрьцовый] (ср. *бедро*) — [бедрцовый] > [берцѡвый], из [истъба] (ср. нем. *Stube* — „комната“) — [истба] > [исба] > [избá]. То же самое было и в таких случаях, как [дъщанъ] (от *дѣска*) — [дщан] > [тщан] > [чан]; [ни стъги] (от *стѣга* — „дорога“, ср. *стежка*) — [ни стги] > [ни сги] > [ни згй]; [горньчаръ] (от *гѣрньць* — „горшок“) — [горнчар] > [гончар].

Как видно из этих примеров, подобные явления привели к такому сильному изменению первоначального звукового облика ряда слов, что теперь уже нельзя без специального исследования установить первоначальное их оформление и произношение. При этом в некоторых случаях фонетические изменения закрепились и в правописании соответствующих слов. Все это обусловило разрыв их связей с родственными словами, их деэтимологизацию. В современном языке такие слова уже не связываются со своими исходными корнями, а выступают как особые образования. Иначе говоря, в этих случаях фонетический процесс падения редуцированных привел к изменениям в л е к с и ч е с к о м составе русского языка.

§ 118. Изменение групп вновь возникших согласных имело в ряде случаев д и а л е к т н ы й характер, т. е. коснулось лишь некоторых русских говоров. В частности, это относится к судьбе сочетаний „сонорный + шумный или сонорный“ в начале слова. Такие сочетания возникали после утраты слабых [ъ] и [ь], например, в словах [ръжанои], [ръжати], [ръжавои], [лънянои], когда в начале слова оказывались группы [рж] и [л'н]. Сонорный в начале слога перед согласным не мог сохраниться без изменения: возникала труднопроизносимая группа двух согласных, освобождение от которой могло идти, вообще говоря, разными путями. В ряде диалектов освобождение от этой группы согласных было осуществлено путем развития гласного в абсолютном начале слова, перед [р] и [л]. Так возникли диалектные формы [оржанѡй] или [аржанѡй], [ил'нянѡй] или [ол'нянѡй], [иржáвый], [иржáти], бытующие до сих пор в русских говорах.

Образование труднопроизносимых групп согласных после падения редуцированных коснулось и конца слова, однако здесь освобождение от этих групп шло иными путями, чем в начале слова, причем пути такого освобождения в целом были общерусскими.

¹ То же самое в [дъстоканъ] > [стакан], [дъхорь] > [хорь]. Что касается отсутствия [е] в [Брянск], то изменение [Брянск] > [Брянск] обязано аналогическому воздействию косвенных падежей (ср. [Брянска] из [Дьбрянска]. См. § 112).

Труднопроизносимые группы согласных на конце слова могли образоваться из шумного согласного, за которым следовал сонорный, или из сонорного, за которым следовал также сонорный. Так, например, было в некоторых формах старого причастия прошедшего времени с суффиксом *-л*: [несл̩], [везл̩], [жыгл̩], [грбл̩], [умьрл̩], [тьрл̩], [замьрл̩], где после падения редуцированных на конце слова оказались группы [сл], [зл], [гл], [бл], [рл]. Освобождение от этих групп согласных пошло путем утраты конечного сонорного, в результате чего возникли формы [нес], [вез], [жег], [греб], [умер], [тер], [замер]. Эти формы, сохранившиеся в современном русском языке, выступают ныне как формы прошедшего времени глаголов, но описанный выше процесс привел к внешнему разрыву их с типичными формами прошедшего времени на *-л*, вроде *читал, писал, говорил* и многих других. Однако то, что *нес*, *вез* и т. д. по происхождению — те же причастия на *-л*, что и *читал, писал*, выявляется сразу при сравнении их с формами жен. и ср. р.: *несла, везла, несло, везло* и т. д. и *читала, писала, читало, писало*; в этих формах в глаголах типа *нести, везти* звук [л] сохраняется, будучи поддержан далее следующим гласным звуком.

В литературном языке, а также во многих говорах такой утрате подвергся только конечный твердый сонорный; да и то не всегда: ср. *кругл, смугл, быстр, остр*¹, тогда как мягкий сохраняется без изменения: ср., например, *журавль, корабль, мысль, вихрь, жизнь* и т. д. Однако в ряде русских диалектов в подобных случаях был утрачен и мягкий конечный сонорный. Так возникает диалектное произношение [жура́ф'] (или с отверждением конечного согласного — [жура́ф]), [кора́п'], [жис'] (из [жизнь] > [жиз'] > [жис']), [руп'] (при литер. *рубль*; как видно, из [рубл'] > [руб']²).

Но такое развитие не было единственным. Другим путем освобождения от труднопроизносимой группы согласных было развитие слоговости сонорными с последующим изменением таких сонорных в сочетании с предшествующим гласным. Так, например, обстояло дело со словами *огнь* и *угль*, где после утраты [ь] на конце возникли сочетания [гн'] и [гл']. Развитие здесь было таковым, что [н'] и [л'] становились слоговыми, дальнейшее изменение которых привело к возникновению гласного [о] перед [н'] и [л']: *огонь, уголь*. В косвенных падежах этого не произошло, так как там за [н'] и [л'] следовал гласный звук: *огня, угля*³. В говорах такие факты наблюдаются шире, например: *журавель, рубель, корабель*⁴, *веперь, мысль, жизнь* и т. п.

Подобный процесс развития слоговости широко известен и в

¹ Утрата конечного [р], кажется, вообще не известна.

² Есть предположение, что литературные формы с сохранением на конце слов сонорных после согласных являются не фонетическими, а книжными.

³ В современных *огненный, огневой, углеводы, углекислый* выступают основы без вторичного гласного.

⁴ Ср. литер. *корабельный*.

формах род. пад. мн. ч. существительных с бывшими основами на $\bar{a}$ и $\bar{o}$, типа *сестра*, *земля*, *басня*, *пѣсня*, *весло*, *стекло* и т. д., где до падения редуцированных были формы [сестрѣ], [земльѣ], [баснѣ], [пѣснѣ], [веслѣ], [стеклѣ] и т. п. Современные [сест'ор], [земѣл'], [бáсен], [пѣсенн]¹, [в'осел], [ст'окол] получили гласный перед конечным сонорным через ступень развития слогового согласного. То же самое обнаруживается и в слове *ветер* (из *вѣтрѣ*), *свекор* (из *свѣкрѣ*), *восемь* (из *осемь*, которое в свою очередь из *осмь*), *плесень* (из *плѣснь*) и т. д. (ср. еще диал. *добѣр*, *бобѣр*).

В результате развития гласных между согласными в конце слова в русском языке появилась еще одна категория слов с беглыми гласными [o] и [e]. Если выше рассматривались факты появления беглых гласных на месте чередующихся сильных и слабых [ѣ] и [ь] и по аналогии — на месте исконных [o] и [e], а также факты, связанные с превращением „беглости“ в средство грамматического характера — в грамматический признак склонения определенных категорий слов, — то теперь ко всем этим фактам прибавляется еще беглость гласных, возникшая в результате действия фонетических процессов в конце слова после утраты [ѣ] и [ь]. Таким образом, при внешней схожести таких форм, как [кóшка] — [кóшек], [флѣжка] — [флѣжек], [бáсня] — [бáсен], или таких, как [кусóк] — [кусáк], [флажóк] — [флажкá], [свѣкор] — [свѣкра] и т. п., беглость гласного возникла в них разными путями, хотя в конечном счете и была обусловлена процессом падения редуцированных.

§ 119. Ист о р и я г у б н ы х ф р и к а т и в н ы х с о г л а с н ы х [в] и [ф]. С падением редуцированных связана история отдельных звуков русского языка, в частности история звуков [в] и [ф].

Известно, что в современном русском литературном языке звук [в], как и другие согласные, оглушается в [ф], являясь губно-зубным по образованию ([кóрoва]—[кóрoф], [лáвок]—[лáфка], [кроф], [улóф] и т. д.). Во многих южновеликорусских и в части северновеликорусских говоров, а также в украинском и белорусском языках [в] на конце слов и перед согласными изменяется в [ѣ], а в начале слов в [у] слоговое. Ср. диалектные [голова́] — [голоѣ́], [травá] — [траѣ́ка], [луну́к], [лудова́]. Такое изменение [в] отражается в памятниках письменности со второй половины XII в.: например, *доульѣть* (Добрилово евангелие 1164 г.), *оузыти*, *оульѣсти оу корабль* (Галицкое евангелие 1266 г.), *оуторникѣ* (Новгородская Кормчая 1282 г.), *дооулеетѣ*, *оузыти*, *оуздоумалѣ*, *оустоко* (Смоленская грамота 1229 г.) и т. д. С исторической точки зрения *у* возникает на месте *в* там, где после [в] когда-то был слабый редуцированный: *довѣлеетѣ*, *вѣзыти*, *вѣздоумалѣ*, *вѣстокѣ* и т. д.

А. А. Шахматов в свое время делил все русские говоры в от-

¹ Твердое [н] в *басен*, *песен*, вероятно, из [н'] в результате отвердения.

ношении звука [в] на три группы: в одних говорах [в] губно-зубное, оглушающееся в определенных условиях в [ф]; в других — [в] губно-зубное, но изменяющееся в [ѣ]; в третьих — [w] губно-губное, т. е. оно везде звучит близко к [ѣ]. Следовательно, если учесть, что исконно [в] могло быть не только губно-зубным, но и билабиальным (см. § 74), то последняя группа — это те говоры, которые сохраняют еще исконное звучание звука [w]; следы этого [w] обнаруживаются во второй группе — в говорах, знающих изменение [в] в [ѣ] на конце слов и перед согласными. Таким образом, изменение [в] в [ѣ] — это не новое явление, развившееся в русском языке, а сохранение следов старых отношений¹.

Если вспомнить, что губно-губной звук [w] представлял собой сонант, т. е. звук, по своему характеру являющийся промежуточным между согласными и гласными, то можно понять связь истории данного звука с падением редуцированных.

Сонанты по-разному произносятся в положении перед согласными и гласными: перед согласными они ведут себя как гласные, т. е. выявляют свои гласные качества, а перед гласными — как согласные, т. е. выявляют свои согласные качества. Поэтому до падения редуцированных согласный [w], находясь всегда лишь перед гласными, вел себя как согласный; после же падения он стал находиться перед согласными и на конце слов и стал произноситься как гласный [ѣ].

Таким образом, те русские диалекты, которые к эпохе падения редуцированных сохраняли еще губно-губной характер [w], знают теперь в определенных фонетических положениях произношение [у] вместо [в]; при этом в подобных говорах [в] в большинстве случаев вообще является теперь уже губно-зубным.

Те диалекты, которые к эпохе падения редуцированных уже имели [в] губно-зубное, пережили иное изменение этого звука, что привело к возникновению на восточнославянской почве нового согласного — звука [ф].

Появление в древнерусском языке фрикативного глухого звука [ф], исконно чуждого славянским языкам, объясняется следующим. Как известно, звук [в] губно-зубной, попадая в положение перед глухим и на конец слова, оглушается, т. е. при образовании этого звука теряется голос и преобладание получает шум. Потеря же голоса при образовании [в] означает изменение его в губно-зубной глухой звук [ф], ибо между [в] и [ф] нет никакой разницы, кроме звонкости и глухости. Таким образом, например, возникает произношение [корóф] из [коровъ] > [коров], [городóф] из [городовъ] > [городов], [голóфка] из [головъка] > [головка], [ла́фка] из [лавъка] > [лавка] и т. д. Как можно видеть из примеров, в такое положение звук [в] мог попасть лишь после падения редуцированных, так как до этого [в] не могло быть перед согласными и на конце слов.

¹ См.: А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода..., с. 289—294. См. также: Л. П. Якубинский. История древнерусского языка, с. 149.

Таким образом, после падения редуцированных на самой восточнославянской почве развился звук [ф], правда, сначала лишь в определенных фонетических положениях. Иначе говоря, он возник в древнерусском языке как глухая разновидность фонемы [в]. Но это означало, что возникла возможность появления звука [ф] и в других положениях в слове, в частности в положении перед гласными звуками.

Если до падения редуцированных звук [ф] у восточных славян был известен только в заимствованных словах (причем здесь он был усвоен образованными людьми) и если в таких словах в литературном древнерусском языке постепенно укрепилось произношение [ф], то все же его употребление было ограничено очень узким кругом лексики. И только после падения редуцированных звук [ф] получил широкую лексическую базу, возникнув на восточнославянской почве сначала в качестве глухой разновидности фонемы [в], а потом и в качестве самостоятельной фонемы.

§ 120. Оформление категории соотносительности согласных по глухости-звонкости. Падение редуцированных обусловило оформление в русском языке категории соотносительности согласных по глухости-звонкости. До этого времени глухие-звонкие согласные не находились в соотносительных связях между собой, ибо в древнерусском языке отсутствовали позиции, в которых глухость-звонкость не различалась бы и в которых противопоставленные в иных позициях глухие и звонкие совпадали бы в одном — глухом или звонком — варианте (см. § 67).

Как известно, современные отношения между парными глухими и звонкими согласными фонемами заключаются в том, что они могут быть противопоставлены друг другу только в определенных фонетических положениях, а именно перед гласными, перед сонорными согласными, перед [в] и [j]. Перед остальными же согласными, а также в конце слов глухость-звонкость парных по этому признаку не различается; причем в конце слов выступают только парные глухие, перед звонкими — только парные звонкие, перед глухими — только парные глухие, например: [боп] (*боб*), [роф] (*ров*), [рас] (*раз*), [гот] (*год*), [нош] (*нож*), [лок] (*лог*), [дош'] (*дождь*); [здѣлат'] (*сделать*), [молод'ба] (*молотба*), [вогзъл] (*вокзал*), [рѣтко] (*редко*), [опсыпат'] (*обсыпать*), [ис-селá] (*из села*), [ношка] (*ножка*), [лофко] (*ловко*) и т. д.

Нетрудно понять, что те позиции, в которых глухость-звонкость согласных не различается, укрепились в русском языке лишь тогда, когда были утрачены слабые редуцированные и когда шумные согласные оказались в положении перед шумными или на конце слова.

Если до смягчения полумягких в древнерусском языке были пары согласных, противопоставленные по признаку глухости-звонкости, и если смягчение полумягких расширило состав этих парных

согласных, то ни в ту ни в другую эпоху в языке не было такого положения, чтобы та или иная пара глухих-звонких оказалась в такой позиции, где на месте двух согласных выступал только глухой или только звонкий. Исключение в этом отношении, касавшееся [с] и [з] (см. § 67), не меняло, по существу, общего положения с глухими-звонкими согласными. Отсутствие позиций нейтрализации глухости-звонкости, связанное с тем, что согласные всегда сопровождались последующим гласным, уравнивало отношения между парными глухими-звонкими с отношениями непарных по этому признаку согласных.

Это положение коренным образом изменилось с падением редуцированных, когда принципиально любой согласный стал возможным в позиции перед любым согласным и на конце слова. В результате этого расширились возможности сочетаемости двух глухих или звонких шумных, а также оглушения шумных звонких на конце слова (см. § 117). Эти явления начинают отмечаться в памятниках с XIII в.

В особом положении при этом находятся сонорные, [j] и [в].

Как уже говорилось, эти согласные не озвончают предшествующих глухих; в то же время сонорные и [j] не оглушаются сами перед глухими, будучи непарными по глухости-звонкости. Например, в русском языке равно произносится и [снял] и [знал], и [слил] и [злил], и [трамва́й] и [дра́ма], и [с'жел] и [вз'желся] и т. д. Что же касается [в], то он, как сонорные и [j], не озвончая предшествующего глухого (ср., например, [сват] и [звать], [твой] и [двое] и т. д.), сам в положении перед глухими оглушается, например: [фперѣд], [ф-том], [фкинуть] и т. д. Однако такое оглушение [в] отражается в памятниках письменности позднее, чем оглушение других согласных, только с XVI в., когда появляются написания вроде *фпрокъ*, *фторый* и т. д. (написание *фпрокъ*, отмеченное в грамоте 1501 г., является самым древним примером оглушения [в] в [ф]). Такую задержку можно объяснить или близостью [в] к сонорным, т. е. тем, что [в] вообще оглушилось позже, чем другие согласные, или сохранением губно-губного образования [в] (w), или, наконец, непривычностью написания буквы *ф* для писцов¹.

Вместе с тем после отпадения конечных редуцированных звонкие шумные согласные, оказавшись в конце слов и потеряв звонкость, оглушились. Так, из [пру́дь] возникло [пруд] > [прут], из [ра́зь] — [раз] > [рас], из [бо́бъ] — [боб] > [боп], из [му́жь] — [муж'] > [муш']², из [голо́вь] — [голов] > [голоф] и т. д. Этот процесс оглушения шумных согласных на конце слов, возможно, про-

¹ Об истории [в] в связи с падением редуцированных см. подробнее выше, § 119.

² Отверждение шипящих [ш] и [ж] прошло позже. Об этом см. ниже, § 144.

ходил несколько позже, чем аналогичный процесс в середине слов, — он фиксируется памятниками с XIV в. Он охватил большую часть русских говоров, хотя в ряде диалектов (например, в некоторых костромских, владимирских, горьковских, смоленских, брянских и других говорах) наблюдается сохранение звонких или полувзвонких согласных в этом положении.

Надо иметь в виду, что процессы ассимиляции согласных по глухости-звонкости и оглушения звонких на конце слов привели к тому, что в определенных фонетических положениях глухость-звонкость перестала играть фонематическую роль, ибо звуковые оболочки слов, различающиеся глухими и звонкими согласными, в этом случае перестают быть противопоставленными друг другу: ср., например, др.-русс. [пру́дь] и [пру́тъ] и совр. [прут], равное как *пруд*, так и *прут* при различии [пруда́] — [прута́]; др.-русс. [гла́зь] и [гла́сь] и совр. [глас], равное как *глаз*, так и *глас*, при различии [гла́зу] — [гласу] и т. д.

Именно все эти явления и свидетельствуют о том, что в русском языке возникла категория с о о т н о с и т е л ь н о с т и согласных по признаку глухости-звонкости, возникли те отношения между глухими и звонкими согласными, которые наблюдаются в современном русском языке.

Таким образом, в результате падения редуцированных в русском языке возникли коррелятивные отношения между глухими и звонкими согласными. Эти отношения определяются тем, что глухость-звонкость согласных в одних фонетических условиях (перед гласными, сонорными, [в] и [j]) различается, а в других (на конце слова и перед парными глухими-звонкими) — не различается. Этим самым в русском языке возник непараллельный, пересекающийся ряд позиционно меняющихся глухих-звонких:

$$\begin{array}{cccc}
 \begin{array}{c} [т'] \\ [д'] \end{array} \rangle [т] \text{ ([д])} & \begin{array}{c} [т'] \\ [д'] \end{array} \rangle [т'] \text{ ([д'])} & \begin{array}{c} [с] \\ [з] \end{array} \rangle [с] \text{ ([з])} & \begin{array}{c} [с'] \\ [з'] \end{array} \rangle [с'] \text{ ([з'])} \\
 \begin{array}{c} [п] \\ [б] \end{array} \rangle [п] \text{ ([б])} & \begin{array}{c} [п'] \\ [б'] \end{array} \rangle [п'] \text{ ([б'])} & \begin{array}{c} [ф] \\ [в] \end{array} \rangle [ф] \text{ ([в])} & \begin{array}{c} [ф'] \\ [в'] \end{array} \rangle [ф'] \text{ ([в'])} \\
 \begin{array}{c} [к] \\ [г] \end{array} \rangle [к] \text{ ([г])} & \begin{array}{c} [ш'] \\ [ж'] \end{array} \rangle [ш'] \text{ ([ж'])} & \begin{array}{c} [\overline{ш}'] \\ [\overline{ж}'] \end{array} \rangle [\overline{ш}'] \text{ ([\overline{ж}'])}^1 &
 \end{array}$$

§ 121. Полное освобождение твердости-мягкости согласных от позиционных условий. Падение редуцированных сыграло большую роль в истории твердых-мягких согласных в русском языке, определив окончательное

¹ Фонемы $[\overline{ш}']$ и $[\overline{ж}']$ развились из $[\overline{ш'ч'}]$ и $[\overline{ж'д'}]$, судьба которых по говорам могла быть различной. О судьбе данных согласных см. § 144. Однако, какому бы развитию они ни подвергались, между ними всегда сохраняются соотношения по глухости-звонкости.

становление современной категории соотносительных по этому признаку фонем.

Выше уже говорилось о том, что утрата слабых редуцированных вызвала процессы ассимиляции согласных по признаку твердости-мягкости (см. § 117). Уподобление твердых согласных последующим мягким или, наоборот, мягких последующим твердым отражается в памятниках письменности начиная со второй половины XII в.

Впрочем, такое уподобление происходит не всегда; например, сохраняет мягкость перед твердым звуком [л']: [вóльныи] > [вóл'ный], [бóльно] > [бóл'но], [большóи] > [бол'шóй] и т. д., хотя в диалектах отверждение мягких согласных может распространяться шире, чем в литературном языке (ср. диал. [вóлно], [бóлно], [колокóлна], [болшóй]), а иногда уже: [жén'ский], [москóф'ский] и т. п. Не отвердевают иногда и зубные перед губными: например, [письмó] > [пис'мó], [возьмý] > [воз'мý], [т'ьмá] > [т'ма], [прóсьба] > [прóз'ба] и т. д.

В связи с различной направленностью изменений согласных перед согласными в русском языке постепенно установились определенные соотношения твердых и мягких согласных в этих позициях.

Однако, прежде чем говорить об этих соотношениях, следует рассмотреть процессы, связанные с полным освобождением твердости-мягкости согласных от позиционных условий. Это освобождение было обусловлено явлениями конца слова после утраты слабых [ъ] и [ь].

После падения редуцированных на конце слов оказывались как твердые, так и мягкие согласные, причем в русском языке в определенной степени здесь развился процесс отверждения мягких губных звуков¹. Правда, во всех диалектах русского языка такому отверждению подвергся лишь один губной — [м]. Так, в форме 1-го л. ед. ч. настоящего времени от глагола *дати* вместо [дамь] возникло [дам'] > [дам], в твор. пад. ед. ч. существительных муж. и ср. р.

старых основ на ѡ, например [столъмь], [рабъмь], [вълкъмь], [селъмь], а также [сынъмь], [путъмь] и т. д., развилось [столóm], [рабóm], [волкóm], [селóm], [сынóm], [пут'óm] и т. д.; или в твор. пад. ед. ч. личных местоимений, например [тѣмь], [моимь], [имь], появилось [тѣм], [моим], [им] и т. д. Такого отверждения [м'] не наблюдается лишь в тех случаях, где аналогия со стороны родственных форм поддерживала сохранение мягкости [м]. Например, в словах *семь*, *восемь* сохранение мягкости звуком [м] может быть объяснено воздействием со стороны форм косвенных падежей этих слов, где [м] выступает всегда как мягкий звук: [сем'и], [сем'ju], [вос'м'и], [восем'ju]

¹ Отверждение конечных не губных известно лишь в очень немногих русских говорах и объясняется вторичными процессами: ослаблением слов в произношении, влиянием твердого согласного следующего слова и т. п.

и т. д. Кроме того, сохранение мягкости [м] в *семь, восемь*, возможно, было поддержано влиянием со стороны таких числительных, как *пять, шесть, девять, десять*, с которыми *семь, восемь* стоят в совершенно очевидной связи.

Остальные губные во многих русских диалектах (как и в литературном русском языке) сохраняют в конце слов мягкость без изменения: ср. *кровь, голубь, любовь, вновь, вглубь, поправь, оставь* и т. д., причем сохранение мягкости в существительных вызвано теми же причинами, что и сохранение [м'] в *семь, восемь*; точно так же отсутствие отвердения конечного мягкого губного в формах повелительного наклонения связано, вероятно, с влиянием таких форм, как *сядь, встань*, где на конце был мягкий не губной согласный. Что же касается наречий типа *вновь*, то, как предполагают, мягкость конечного губного здесь возникла позже, после отвердения конечных губных, в результате редукции конечного гласного (т. е. *вновь* возникло из *внови*).

Однако в русском языке есть и такие диалекты, в которых отвердению подверглись все губные, а не только [м']. Такие говоры встречаются больше на севере, но есть и южновеликорусские диалекты, где говорят {гблуп}, {любóф}, {попрáф}, {моркóф}, {сем}, {вóсем} и т. д.

Процесс отвердения конечных губных возник позже утраты конечного [ь] и получил отражение в памятниках лишь с XIV в., когда, например, после конечного *м* появляется написание не *ь*, а *ѣ*.

Все же остальные мягкие согласные, оказавшись после утраты [ъ] и [ь] на конце слов, сохранили мягкость и стали выступать в этой позиции наравне с твердыми согласными.

Так наступила новая эпоха в развитии твердых-мягких согласных, когда в русском языке твердость-мягкость приобрела полную независимость от позиционных условий. Это объясняется тем, что после утраты [ъ] и [ь] твердые и мягкие согласные перестали быть неразрывно связаны с качеством последующего гласного, освободившись от этой зависимости в положении конца слова и перед согласными.

Как говорилось выше (см. § 95), после смягчения полумягких такие слова, как, например, [цѣпъ] и [цѣп'ь], [конъ] и [кон'ь] и т. п., различались в своей звуковой оболочке целыми слогами [пъ] — [п'ь], [нъ] — [н'ь], где гласный и согласный были неразрывно связаны друг с другом. После же утраты конечных [ъ] и [ь] они стали различаться твердым и мягким согласным: ср. [цеп'] — [цеп'ь], [кон] — [кон'ь], где противопоставленность согласных по твердости-мягкости играет фонематическую роль, т. е. служит единственным средством различения данных словоформ. В результате падения редуцированных на конце слова стали различаться твердые и мягкие зубные согласные фонемы [т — т'], [с — с'], [л — л'], [н — н'], [р — р'] (звонкие [д — д'], [з — з'] на конце слова совпали с [т — т'], [с — с'], см. § 120), а в тех говорах, где

сохранились мягкие губные [п'], [ф'] в конце слов, и [п — п'], [ф — ф'] ([б — б'], [в — в'] также совпали с [п — п'], [ф — ф'])¹.

Противопоставленность твердых и мягких согласных фонем в независимом фонетическом положении — на конце слова — обуславливает возможность трактовки твердых и мягких согласных также как самостоятельных фонем и в положении перед гласными. Иначе говоря, после падения редуцированных можно считать, что слова [мыл] и [м'ил] противопоставлены друг другу [м] и [м'] (а не слогам [мы] и [м'и], как это было раньше), так как на конце слова стала возможна изоляция согласного от гласного.

Таким образом, в русском языке сложились закономерные отношения между твердыми и мягкими согласными. Возникли пары согласных по твердости-мягкости, состоящие из двух самостоятельных фонем, различающихся лишь по этому одному признаку. Этими парами стали являться [т — т'], [д — д'], [с — с'], [з — з'], [п — п'], [б — б'], [в — в'], [ф — ф'], [м — м'], [н — н'], [л — л'], [р — р']; остальные фонемы остались или непарными мягкими, или непарными твердыми.

Полное освобождение твердости-мягкости от позиционных условий повлекло за собой дальнейшие явления в развитии категории соотносительных по этому признаку согласных фонем. Однако в этом развитии сыграло роль не только падение редуцированных, но и иные фонетические процессы в истории русского языка.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ОБЛАСТИ ГЛАСНЫХ, РАЗВИВШИЕСЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В ЭПОХУ ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ РЕДУЦИРОВАННЫХ

§ 122. Изменение [е] в [о] в русском языке. Явление изменения [е] в [о] было свойственно большинству русских говоров. До относительно недавнего времени существовало даже мнение, что это общерусский процесс, однако поздние диалектологические разыскания в области русских говоров показали, что среди этих последних и до сих пор есть такие, которые вообще не знали явления фонетического изменения [е] в [о]: такие говоры были обнаружены главным образом на территории рязанской мещеры и на основной рязанской территории к югу, юго-востоку и юго-западу от Рязани; кроме того, это явление известно некоторым тульским и пензенским говорам.

Изменение [е] в [о] происходило в положении после мягких согласных перед твердыми, причем при таком изменении мягкость предшествующего согласного сохранялась: ср. [н'есѹ] — [н'ос], [в'едѹ] — [в'ол], [вес'ѣл]ѣе — [вес'бл]ѣй, [с'елѹ] — [с'ола] и т. д. Ср. еще: [св'ѹкл]а, [л'он], [п'ос], [кл'он].

¹ Конечно, пара [ф — ф'] появилась в русском языке позже, чем остальные парные твердые-мягкие, и появилась она лишь там, где было губно-зубное [в — в'], изменившееся в определенных условиях в [ф — ф'].

хорошо отразилось в памятниках начиная с XII в., и особенно с XIII в., в положении после шипящих и [ц']: *оумѣршому* (Житие Нифонта 1219 г.), *пришолѣ* (Сильвестр. сб. XIV в.), *коупьцовѣ* (Новг. грам. 1392 г.), *въ чомѣ, жонка, чорный, дошолѣ* (Волокол. грам. XVI в.), *жогѣ, шодчи, щока, межою, селцо* (Рост.-Сузд. грам. XIV—XV вв.) и т. д. Вместе с тем оно почти не получило отражения в положении после тех мягких, которые возникли из полумягких согласных. Слабые следы такого отражения появляются лишь с XIV в. На этом основании выдвигалось предположение, что в восточнославянских языках было два периода в изменении [e] в [o]: один, охвативший все восточнославянские языки и развившийся до смягчения полумягких, и другой — более поздний, возникший после образования вторичносмягченных согласных и характерный для русского и белорусского языков. Однако, как уже говорилось, процесс изменения [e] в [o] мог возникнуть лишь после падения редуцированных, когда был нарушен старый слогораздел и когда возникла возможность активного воздействия последующего согласного на предшествующий гласный. Поэтому предположение о двух периодах в истории изменения [e] в [o] не может быть принято. Что же касается слабого отражения [o] на месте [e] не после шипящих в памятниках письменности, то это было связано с тем, что обозначение [o] после мягкого нешипящего представляло значительные трудности для писца: надо было одним знаком обозначить и мягкость предшествующего согласного, и произношение гласного непосредственного образования [o]. Эти непреодолимые трудности, при отсутствии, например, такой буквы, как *ѣ*¹, получили определенное отражение в таких неуклюжих написаниях, как *яром* (ярём), *серобро* (серебро), *озора* (озёра), *за мором* (за морём), *Фодор* (Фёдор), *Семон* (Семён), *поперог* (поперѣг) и т. п. Нетрудно понять, что такие написания искажали орфографический и звуковой облик слова и поэтому не могли укрепиться.

§ 124. В определенный период развития русского языка изменение [e] в [o] перестало быть живым процессом, причем возможно относительно точно определить время прекращения действия этого процесса.

Как известно, шипящие [ж] и [ш], а также аффриката [ц] были исконно мягкими звуками, и их отверждение относится к позднему времени. Если учесть, что изменение [e] в [o] осуществлялось лишь перед твердыми согласными, то важно обратить внимание на судьбу [e] перед [ш], [ж] и [ц].

В современном русском языке перед шипящими [ш] и [ж] наблюдается произношение [o] на месте [e]: [ид'о́ш], [вед'о́ш], [молод'о́ш] и т. д. Если учесть, что [ш] и [ж] отвердели приблизительно в XIV в. (см. § 144), то можно утверждать, что в это время изменение [e] в [o] было еще живым процессом. Именно поэтому перед новыми твер-

¹ Буква *ѣ* была придумана в XVIII в. Н. М. Карамзиным.

дыми согласными, шипящими [ш] и [ж], стало произноситься [o] вместо [e], как и перед исконно твердыми. Наоборот, перед звуком [ц] в русском языке [e] сохраняется без изменения в [o]: [отѣц], [огурѣц], [конѣц], [молодѣц] и т. д. Отвердел же [ц] только к XVI в. (см. § 144). Поэтому можно считать, что изменение [e] в [o] к XVI в. уже перестало быть живой нормой. Таким образом, намечается период XIV—XVI вв., когда изменение [e] в [o] перестало быть живым процессом в русском языке.

Это значит, что если в эпоху действия нормы изменения [e] в [o] произношение [e] перед твердым согласным было чуждо фонетической системе русского языка, то после прекращения этого живого процесса [e] вполне стало возможно как перед мягким, так и перед твердым согласным. Поэтому если в русский язык после этого времени попадали слова из других языков, в которых был звук [e] перед твердым согласным, то они, эти слова, укрепились с [e], а не с [o]: ср. совр. *патѣнт*, *момѣнт*, *газѣта*, *берѣт*, *кассѣта* и т. п.

Вместе с тем в современном русском языке есть и такие группы слов, которые произносятся с [e], а не с [o] перед твердым согласным, хотя и существуют издавна, т. е. не являются новыми или заимствованными словами, и поэтому, как кажется, должны были бы подпасть под влияние закономерности изменения [e] в [o]. Эти факты отступления от описываемого процесса при ближайшем рассмотрении оказываются такими, в которых отсутствие изменения [e] в [o] вполне объяснимо.

1) Современный русский звук [e] восходит к трем звукам древнерусского языка: к [e] исконному, к [ь] и к [ѣ]: в *сестра*, *жена*, *несу*, *веди* и т. д. [e] исконное; в *день*, *весь*, *темно*, *первый* и т. д. [e] из [ь]; в *зверь*, *месяц*, *летний* и т. д. [e] из [ѣ]. Изменению в [o] в русском языке подвергалось то [e], которое восходило или к исконному [e], или к [ь]. Тот же звук [e], который восходит к [ѣ], сохраняется без изменения в [o]. Это объясняется тем, что в ту эпоху, когда изменение [e] в [o] было живым процессом, звук [ѣ] еще отличался по своему качеству от [e] и потому не испытал той судьбы, какую испытал звук [e]¹. Отсюда ясно, что в таких словах, как *лес*, *бѣлый*, *хлеб*, *мел*, *нет*, *колѣно*, *полѣно*, *дѣло*, *свет* и т. д. (из др.-русск. *лѣсъ*, *бѣлый*, *хлѣбъ*, *мѣлъ*, *нѣтъ*, *колѣно*, *полѣно*, *дѣло*, *свѣтъ*), произносится теперь [e], а не [o] потому, что звук [ѣ] совпал по своему качеству с [e] тогда, когда процесс изменения [e] в [o] уже не был живым. Такова первая большая группа слов в современном русском языке, существующая в целом еще с периода общеславянского единства, где перед твердым согласным произносился [e], а не [o].

2) Изменение [e] в [o] никогда не было известно ни старославянскому, ни церковнославянскому (русифицированному старославянскому) языку. Поэтому ряд слов, проникших в русский язык из старославянского через посредство церковнославянского языка,

¹ Об истории [ѣ] см. ниже, § 126.

произносится теперь с [e], а не с [o]: *крест, небо, жертва, плен, трезвый, скверный, вселенная, перст, пещера, надежда, одежда, прежде* и др. Но в ряде случаев эти же, по происхождению праславянские слова или, точнее, корни слов в русском языке произносятся и с [o] на месте [e]: ср. *пере[кр'бст]ок, [н'бб]о* (во рту), *все[л'бн]ная, [нап'брст]ок, [над'бжн]ый, Пел'бр]а* (река), *олд'бж]а* и т. д.¹ Таким образом, слова *крест, небо, перст* и т. п. нельзя считать старославянскими: это общеславянские слова, т. е. в равной мере как старославянские, так и древнерусские. Исконно их чуждость русскому языку не лексическая, а фонетическая: произношение этих слов с [e], а не с [o] обязано влиянию церковнославянского языка. Правда, теперь некоторые из этих слов (например, *небо — нѣбо, вселенная — вселѣнная*) разошлись семантически, но с точки зрения исторической они восходят к одному и тому же слову праславянского языка².

3) В словах *пѣрвый, зѣркало, вѣрба, смерть, четвѣрг, верх, серп, коверкать, цѣрковь* и т. п. отсутствие результатов изменения [e] в [o] объясняется поздним отвердением звука [p]. В группе [tʃrtʃ], к которой восходят корневые [er] во всех этих словах, [r] был не только слоговым, но и мягким. Мягкость этого согласного развилась под влиянием предшествующего переднего гласного [ь] (это один из редких случаев прогрессивной ассимиляции в древнерусском языке). В эпоху падения редуцированных в сочетании типа [tʃr'tʃ] звук [r'], как уже говорилось, утратил свою слоговость, однако мягкость этого звука сохранялась длительный период времени, а в ряде русских говоров она сохраняется и теперь. Мягкое качество [r'] в словах, имеющих в корнях исконное сочетание [tʃrtʃ], утрачивалось медленно и постепенно. Она была раньше утрачена в тех случаях, когда [r'] находился перед твердым переднеязычным звуком, и поэтому в таких словах теперь произносится [o] вместо [e] из [ь]: [м'бртв]ый, [ч'брн]ый, [м'брзн]уть, [з'брн]а и т. д. Отвердение [p] в этих случаях, можно предполагать, относится к той эпохе, когда изменение [e] в [o] было еще живым процессом. В положении же перед губными и заднеязычными мягкость [p] держалась очень долго.

Иначе говоря, в течение очень длительного времени произносили [пѣр'в]ый, [вер'х], [зѣр'кало], [четвѣр'к], [сер'п] и т. д. Известно,

¹ В словах [олд'бж]а, [над'бжн]ый русскому [o] на месте [e] соответствует и русское [ж] вместо ст.-слав. [жд]. Ср. также диал. *тверѣзый* (из [тер'бзв]ый, с метатезой согласных звуков).

² Надо сказать, что в поэтическом языке XIX в. было вообще широко известно произношение слов с [e], а не с [o], т. е. на церковнославянский образец. Можно найти целый ряд доказательств такого произношения [e] в произведениях Пушкина (ср., например, его рифмы *присмивев — рев, вдохновенный — усыпленный, вселенной — раскаленной*), Крылова (рифмы *нет — пойдет, бед — взойдет*), Жуковского (*свет — полет, нет — зовет, небес — слез*) и др. См. подробнее: Л. А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX века. М., 1954, стр. 16—17.

что на памятнике Петру I в Ленинграде написано: *Петру Первому Екатерина Вторая*. Известно далее, что и в наши дни в просторечии можно слышать эти слова с [p'], а старомосковским нормам такое произношение было свойственно вообще. Следовательно, отвердение [p] в подобных словах — явление очень позднего происхождения, почему и не могло быть здесь изменения [e] в [o].

Точно так же поздно отвердело и [н'] в положении перед древнерусским суффиксом *-ьск-*: [женьский] > [жён'ский], [деревеньский] > деревён'ский. Поэтому и здесь не наблюдается изменения [e] в [o].

§ 125. Вместе с тем в ряде случаев произношение [o] на месте [e] наблюдается там, где его не должно было бы быть. Во всех этих случаях речь может идти, вероятно, только об аналогических, а не фонетических процессах. Так, например, аналогия действует в том отношении, что если изменение [e] в [o] возникло перед твердым согласным, то [o] появилось и в других формах того же слова перед мягким (см. выше, § 122, о появлении [o] вместо [e] в конце слова). Для примера можно привести следующие факты: по аналогии с *бе[р'о́з]а* возникает на *бе[р'о́з]е*, с *ве[с'о́л]ый* — *ве[с'о́л]енький*, с *[кл'о́н]* — на *[кл'о́н]е* и т. д.

Точно так же в глагольных формах *не[с'о́т]е*, *ве[з'о́т]е*, *пле[т'о́т]е* и т. п. [o] возникло по аналогии с *не[с'о́м]*, *не[с'о́т]*, *ве[з'о́м]*, *ве[з'о́т]*, *пле[т'о́м]*, *пле[т'о́т]* и т. п. В ряде случаев на появление [o] вместо [e] воздействуют родственные слова, где изменение [e] в [o] возникло перед твердым согласным: например, *[т'о́т]а* — под влиянием *[т'о́т]ка*, *гор[шóч]ек* — под влиянием *гор[шóк]*, *ме[шóч]ек* — *ме[шóк]* и т. п.

Подобного же образования (но и близкого к явлению возникновения [o] вместо [e] в конце слов) звук [o] в твор. пад. ед. ч. существительных старой основы на *а* мягкого варианта: *[земл'о́й]*, *све[ч'о́й]*, *сви[н'о́й]*, *су[д'о́й]* и т. п. [o] появился под влиянием *[рукóй]*, *ре[кóй]*, *же[нóй]*, *сес[трóй]* и т. п.¹

В результате подобной же аналогии произношение [o] на месте [e] иногда наблюдается и там, где [e] восходит к [ĕ]. Так, произношение *[зв'о́зды]*, *[гн'о́зда]*, *[с'о́дла]*, *прио[бр'о́л]* (из др.-русс. *[зв'ѣзды]*, *[гн'ѣзда]*, *[с'ѣдла]*, *[приобр'ѣлъ]*) развивается по аналогии с *[в'о́сны]*, *[с'о́ла]*, *[прив'о́л]* и т. д. Иначе говоря, как существуют отношения *[в'есна́]* — *[в'о́сны]*, *[с'елó]* — *[с'о́ла]*, так возникают и

¹ Некоторые факты подобных отступлений в литературном языке объясняются диалектным влиянием. Так, например, произношение *[т'о́ш'а]* (с [o] перед [ш']) возникло, вероятно, под влиянием говоров, в которых долгое [ш] является твердым (т. е. там произносят *[т'о́ша]*). С другой стороны, литературное *[ш'ѣпк'и]* (с [e] перед твердым [п]) объясняется влиянием диалектов, в которых губные перед мягкими заднеязычными смягчаются (т. е. там произносят *[ш'ѣп'к'и]*).

отношения [зв'ездá] — [зв'óзды], [гн'ездó] — [гн'óзда] и т. д.¹.

§ 126. И с т о р и я з в у к а [ѣ] (ѣ). Звук [ѣ], как уже говорилось, являлся особой фонемой в древний период истории русского языка; он имел характер закрытого [e] ([ě]) (а может быть, дифтонга [ie]), отличаясь тем самым от [ѣ] в старославянском языке. На протяжении истории развития русского языка звук [ѣ] пережил ряд изменений, совпав в ряде говоров по звучанию с [e] или с [и], а в ряде говоров сохранившись как особый звук.

Истории звука [ѣ], по выражению А. А. Шахматова, одному „из самых интересных явлений истории русского языка“, уделялось много внимания со стороны исследователей. История [ѣ], различная не только по результатам изменения этого звука, как мы находим их в современных русских диалектах, но и по времени и по направлению этих изменений, дает возможность понять пути развития отдельных русских говоров.

История [ѣ] восстанавливается исследователями путем изучения употребления буквы ѣ в памятниках письменности: правильное или неправильное с этимологической точки зрения употребление этой буквы, последовательность ее употребления или смешение с другими буквами — вот то, что дает возможность изучающему этот вопрос установить судьбу звука [ѣ] в живом русском языке.

О том, что звук [ѣ] долгое время сохранялся в русском языке как особая, отличающаяся от других фонема, можно судить по тому, что во многих памятниках письменности буква ѣ пишется этимологически правильно, не смешиваясь с другими буквами. Этимологически правильное употребление ѣ было возможно лишь в том случае, если она ассоциировалась для писца с особым звуком. Такое правильное употребление ѣ характерно, например, для памятников Ростово-Суздальской земли XIV в., в частности для Лаврентьевской летописи.

Вместе с тем в письменных памятниках можно найти и отражение изменения звука [ѣ], что выражается, как говорилось, в смешении буквы ѣ в том или ином памятнике с иными буквами. Однако не всегда смешение буквы ѣ с другими буквами свидетельствует о том, что в живом говоре писца, отразившемся в данном памятнике, произошла утрата особой фонемы [ѣ], совпадение ее с какой-либо иной фонемой. Показания памятников всегда требуют коррективов со стороны данных живого языка в его говорах.

¹ Несколько иначе, но также в связи с процессами аналогии объяснял появление [о] на месте [ѣ] С. П. Обнорский, который полагал, что в безударном положении [ѣ] рано совпало с [е] и вместе с ним изменялось в [о] (т. е., например, вместе с [н'осу], [в'оду] возникло [зв'оздá], [гн'оздá]) и уже из безударного положения это [о] было перенесено в ударный слог.

Например, в галицко-волинских памятниках XIII в. и в ряде северновеликорусских памятников, в частности новгородских, XIV в. наблюдается смешение букв *ѣ* и *и* во всех положениях (ср. в Галицком евангелии 1283 г. *пиназь, искоѣѣ*, в Новгородском евангелии 1355 г. *тило, колинома, нитуть, к жени*, в Новгородской летописи — *невирно, медвидь, повисили, побиди, в городки, сгори, по дви* и т. д.); сопоставляя эти факты с данными современных говоров, где на месте др.-русс. [ѣ] произносится [и], можно утверждать, что в говорах, получивших отражение в памятниках, уже в XIV в. звук [ѣ] совпал в произношении с [и]. Такому утверждению не противоречат какие-либо иные факты истории русского языка.

Сложнее обстоит дело с трактовкой других явлений. Некоторые древнерусские памятники, например, обнаруживают смешение букв *ѣ* и *е*, но лишь в положении между мягкими согласными под ударением, тогда как в этих же памятниках в ударном слоге после мягких согласных перед твердыми *ѣ* пишется этимологически правильно. Это наблюдается, например, в некоторых новгородских грамотах XIV в. и двинских XV в. Однако утверждать на основании таких фактов, что в тех или иных говорах, отразившихся в данных памятниках, [ѣ] совпадал в произношении с [е], нельзя.

Дело в том, что для эпохи после падения редуцированных положение гласных между мягкими согласными не может считаться фонетически не обусловленным: в этой позиции непредние гласные продвигаются вперед, а передние становятся закрытыми, напряженными под воздействием как предшествующего, так и последующего согласного. Поэтому в положении между мягкими согласными [ѣ] и [е] после падения редуцированных равно стали произноситься как [ѣ], в силу приобретения звуком [ѣ] такого закрытого характера. Иначе говоря, в положении между мягкими согласными возникла нейтрализация фонем [ѣ] и [е], что и могло вести к появлению смешения на письме букв, обозначающих эти звуки.

Точно так же, как видно, нужно трактовать явление смешения букв *ѣ* и *и*, если оно наблюдается только в положении между мягкими согласными, отсутствуя вместе с тем перед твердыми. Такое смешение обнаруживается, например, уже в новгородской „Минее“ 1096 г.: *тьрьпиние, лицемирьствовавъ*; ср. то же самое в псковском „Прологе“ 1383 г.: *свирилникъ, свирили, иминию*; в Судебнике 1589 г., северодвинском по происхождению: *увичье, повисити, сияно* и т. д. Это также надо трактовать как явление, отражающее изменение [ѣ] лишь в определенном фонетическом положении, а не как совпадение [ѣ] и [и] вообще в одном звуке, т. е. не как утрату особой фонемы [ѣ].

Приблизительно так же обстоит дело и со смешением букв *ѣ* и *е* в безударных слогах, что обнаруживается, например, в московских памятниках XVI—XVII вв., где одновременно в положении под ударением *ѣ* пишется этимологически правильно. Например,

в Уложении 1649 г.: *бежали*, но *бѣгати*, *крепостные*, но *крѣпости*, *стрелець*, но *стрѣляти*, *мешати*, но *подмѣшивають*, *детей*, но *дѣти* и т. д. Такое смешение букв, конечно, отражает фонетическое явление совпадения [ѣ] и [e] по их качеству, но совпадения опять-таки в определенной фонетической позиции. Другими словами, в связи с ослаблением произношения гласных в безударных слогах и отсюда потерей закрытости звук [ѣ] рано совпал в произношении с [e] в положении без ударения, хотя одновременно продолжал различаться в ударном слоге.

Известно, что в современных русских говорах особое произношение старого [ѣ] (как [ê] или дифтонга [iê]) сохраняется только в слоге под ударением, тогда как в безударных слогах старый [ѣ] изменяется так же, как и остальные гласные неверхнего подъема.

Таким образом, основным положением при решении вопроса о судьбе [ѣ] в том или ином говоре является положение под ударением перед твердым согласным. Если в этом положении в памятниках наблюдается беспорядочное смешение букв *ѣ* и *е* или *ѣ* и *и* и если это не противоречит фактам соответствующих современных говоров, то можно с достаточной долей вероятности говорить об утрате звуком [ѣ] своего особого качества.

Следует иметь в виду, что в некоторых памятниках письменно наблюдается смешение букв *ѣ* и *и* только на конце слова. Так, например, в некоторых двинских грамотах XV в. отмечаются написания *на лукини береги*, *на островки*, *на томъ сели*, *на голови*, *на той стороны*. В подобном орфографическом явлении, конечно, отражается определенный фонетический факт — произношение одного звука вместо другого, однако он не свидетельствует о каком-либо процессе, связанном с изменением звука [ѣ] и совпадением его в соответствующем говоре с [и]. Дело в том, что подобные факты сами по себе могут получить только морфологическую интерпретацию: появление *ѣ* на месте *и* или *и* на месте *ѣ* в падежных окончаниях связано с явлением взаимовлияния твердой и мягкой разновидностей склонения имен с древней основой на *ѣ* и *а* (см. подробнее ниже, § 182).

§ 127. История звука [ѣ] — это история его изменения в р а з н ы х д и а л е к т а х. В поздний исторический период здесь нельзя говорить об общерусской или даже о типичной судьбе этого звука, можно лишь установить, как этот звук изменяется в отдельных русских говорах. Это обуславливается тем, что судьба [ѣ] в говорах чрезвычайно разнообразна и до конца еще не изучена.

Однако можно определить о б щ е е направление в изменении [ѣ] в диалектах русского языка, опираясь на современные данные. Если предположить, что др.-русс. [ѣ] произносился как закрытый

звук [e], приобретавший характер дифтонга [ie] (т. е. [б'ѣлый — б'иелый], [св'ѣт — св'иет], [зв'ѣрь — зв'иерь], [теб'ѣ — теб'ие] и т. д.), то в дальнейшем изменение его могло идти в общем двумя путями (если, конечно, не говорить о сохранении [ѣ] или [ie] на месте [ѣ], как это произошло в некоторых вологодских и новгородских северновеликорусских говорах или в воронежских и рязанских южновеликорусских говорах). Один путь — это усиление второй части дифтонга и превращение [ѣ] в [e], что характерно для многих южновеликорусских диалектов, для средневеликорусских, а также для ряда северновеликорусских говоров.

Другой путь изменения [ѣ] — это усиление первой части дифтонга и превращение [ѣ] в [и]. Первоначально это могло осуществиться лишь в положении перед мягкими согласными при сохранении [ѣ] или [ie] перед твердыми (такое произношение наблюдается, например, в некоторых говорах вологодско-кировского и олонечко-го типа), а впоследствии — в любом положении (так произошло в новгородских говорах, о чем уже упоминалось выше).

Особо следует указать на историю [ѣ] в Москве, в московском говоре. Как показали исследования Л. Л. Васильева, В. В. Виноградова, К. В. Горшковой, [ѣ], сохраняясь в Москве в качестве особого звука вплоть до начала XVIII в., произносился как [ѣ] в положении под ударением перед твердым согласным.

Однако при этом следует сделать существенную оговорку. Известно, что М. В. Ломоносов указывал на различие [ѣ] и [e], говоря, что [ѣ] — „тонкое“, а [e] — „дебелое“. Однако при этом он отмечал, что „буквы (т. е. звуки. — В. И.) е и ѣ в просторечии едва имеют чувствительную разность, которую в чтении весьма явственно слух разделяет и требует в е дебелисти, а в ѣ тонкости“¹. Из этих слов можно сделать вполне определенный вывод, что во времена Ломоносова в живом московском говоре, в московском просторечии [ѣ] уже почти полностью совпал с [e] открытым, и только в литературном произношении, возможно в определенной степени искусственном, различие [ѣ] и [e] еще продолжало поддерживаться.

Таким образом, в литературном русском языке, сложившемся на базе московского говора, на месте др.-русс. [ѣ] стал произноситься звук [e], совпавший по своему качеству с [e] исконным и с [e] из [ь]. Однако звук [e], восходящий к [ѣ], в положении под ударением перед твердым согласным не изменялся в [o] (за исключением некоторых малочисленных фактов, о которых упоминалось выше,

¹ М. В. Ломоносов. Российская грамматика. Полное собрание сочинений, т. VII. М., 1952, с. 427.

см. § 125). Что же касается безударного [ě], то его судьба оказалась такой же, что и судьба остальных гласных неверхнего подъема: он стал изменяться так же, как [e] и [a] (см. ниже § 132 и след).

Наконец, в литературном языке укрепился ряд слов с [и] на месте [ě]: *дитя*, *дитятко*, *дитина* (др.-русс. *дѣтъ*), *сидеть*, *сидя* (др.-русс. *сѣдѣти*), *мизинец* (др.-русс. *мѣзиньць*). Возможно, что первоначально [и] вместо [ě] возникло в результате межслоговой ассимиляции к [и] в следующем слоге в безударном положении ([дѣтина] > [дитина], [сѣди] > [сиди]), а затем было перенесено в слог под ударением: [сиди] > [сидя], [дитина], [дитятко]. Звук [и] на месте [ě] наблюдается и в слове *свидетель* из др.-русс. *свѣдѣтель*: это слово имело исконно корень *вѣд-*, выступавший, например, в глаголе *вѣдѣти* — „знать“; однако оно попало под влияние глагола *видѣти* — „видеть“, в силу чего и возникло [и] вместо [ě].

§ 128. И с т о р и я р а з в и т и я г л а с н о г о [o]. Некоторые современные русские говоры как северно-, так и южновеликорусского типа знают два звука [o]: один обычный, краткий [o], такой же, как в литературном языке, а другой — закрытый, произносимый иногда как дифтонг [yō] (дифтонгичность может быть объяснена ранней долготой [o], которая привела впоследствии к неоднородности артикуляции звука).

Таким образом, в говорах, где известно [o] и [ō] или [yō], произносят, с одной стороны, например, [пóле], [мóлодой] (имен. пад. ед. ч. муж. р.), [селóm], [гóрод], [гoд], а с другой — [вóля] или [вyдóля], [мoлодóй] (косвенные пад. ед. ч. жен. р.) или [мoлодyбóй], [селó] или [селóу], [кoрóва] или [коруóва], [кòт] или [кyòт] и т. д.

Возникновение различия [o] и [ō] в русских диалектах связывается с утратой древних акцентно-интонационных отношений, со сменой политонического ударения ударением динамическим. Это изменение в акцентной системе предположительно относят к эпохе падения редуцированных, т. е. полагают, что старые интонационные отношения удерживались в древнерусском языке вплоть до утраты [ъ] и [ь]. До этого времени во всем древнерусском языке существовал один звук [o], который, однако, мог находиться под нисходящей или под восходящей, так называемой новоакутовой интонацией. В зависимости от того, какая интонация падала на [o], могли возникать определенные фонетические различия в произношении этого звука; например, под новоакутовой интонацией [o] мог быть более долгим, чем [o] под интонацией нисходящей. Однако звук [o] под той и другой интонацией характеризовался одной и той же совокупностью постоянных, конститутивных признаков, т. е. этот звук был представителем одной и той же фонемы, и фонетические разли-

чия в произношении [o] под нисходящей или новоакутовой интонацией не играли фонологической роли. Иначе говоря, если полагать, что различия в качестве политонического ударения могли быть фонологически значимыми, т. е. играть роль в различении словоформ, и если, далее, считать, что в древнерусском языке могло осуществляться противопоставление двух тождественных по звуковому составу словоформ лишь качеством ударения, падавшего на [o], то такое противопоставление носило просодический характер и не свидетельствовало о развитии различий в фонемном составе гласных, который оставался тождественным во всем древнерусском языке.

К тому же надо иметь в виду, что и нисходящая, и новоакутовая интонация могла оказаться на [o] лишь в позиции этого звука в начальном ударном слоге слова; в остальных ударных слогах исконный звук [o] был всегда под новоакутовой интонацией. Следовательно, противопоставление [o] под новым акутом и [o] вне новоакутовой интонации могло осуществляться лишь в одной фонетической позиции.

Так обстояло дело в древнерусском языке вплоть до эпохи, когда пали редуцированные и когда на смену политоническому ударению пришло ударение динамическое.

Смена ударения повлекла за собой появление новой гласной фонемы в древнерусском языке, так называемого напряженного или закрытого [ô]. Эта фонема возникла как отличная от открытого [o], и тем самым более древнее противопоставление [o] под новым акутом и [o] вне новоакутовой интонации преобразовалось в противопоставление закрытого и открытого [o]. Возникновение [ô] на месте [o] под новым акутом означает, что различие [o] и [ô] могло осуществляться лишь там, где прежде различались [o] вне новоакутовой интонации и [o] под новым акутом, т. е. в начальном ударном слоге слова после твердых согласных. Во всех остальных позициях могло быть или только [o], или только [ô].

Таким образом, учитывая, что в подударных неначальных слогах [o] до падения редуцированных было под новым акутом, можно говорить о бóльшей распространенности [ô] в положении под ударением и о бóльшей распространенности [o] безударного в тех диалектах, где после падения редуцированных развилось это различие. Определенные изменения в эти отношения внесло прояснение [ъ] в [o], так как подударный [ъ] дал [o], расширив тем самым его употребление даже в начальном ударном слоге.

Судя по диалектным данным, появление [ô] характеризовало не все территории древнерусского языка, и здесь прежде всего важно, что его не было на тех территориях, где позже развились украинский язык и юго-западные белорусские говоры. Следовательно, это было такое новообразование, которое входило в состав особенностей, отделивших южные и юго-западные земли от северных и северо-восточных. С другой стороны, судя по тем же данным, [ô] не развилось и на западных русских территориях — в Смоленской и Полоцкой землях, где наряду с этим возникло и раннее изменение

[ě] > [e]. Вся остальная территория будущих великорусских диалектов была охвачена этим новообразованием. Однако на протяжении истории русского языка в большинстве этих говоров [ô] было утрачено: оно совпало по своему качеству с [o] из [o] исконного под нисходящей интонацией и [o] из [ъ]. Так произошло и в тех говорах, которые легли в основу литературного языка.

О том, что в ряде русских говоров, не знающих в современном состоянии двух звуков [o], в прошлые эпохи их развития [ô] и [o] различались, свидетельствуют данные так называемого архаического типа диссимилятивного яканья¹. В этом типе яканья произношение в первом предударном слоге после мягких согласных на месте гласных неверхнего подъема одного гласного [a] или [e] ([и]) зависит, в частности, от того, выступает ли теперь или выступал в прошлом под ударением гласный [ô] или [o]. Дело в том, что артикуляционные различия между [ô] и [o] касаются прежде всего степени подъема языка при образовании того и другого звука: [ô] — это гласный средне-верхнего подъема, а [o] — среднего подъема. В силу этого при диссимилятивном яканье [ô] ведет себя как гласный верхнего подъема, т. е. при ударенном [ô] в первом предударном слоге на месте [a], [o], [e] выступает [a], а [o] ведет себя как гласный нижнего подъема, т. е. при ударенном [o] в первом предударном — [e] или [и].

В архаическом типе диссимилятивного яканья при ударенном [o] из бывшего [ô], восходящего к [o] исконному под новоакутовой интонацией, произносится в первом предударном [a]: [с'алô], [в'адрô], [р'абôй] (косв. пад. жен. р.) (из [с'елô], [в'едрô], [р'абôй]) и т. д. При ударенном же [o] из [o], восходящего к [o] исконному под нисходящей интонацией и к [ъ], произносится в этом же положении [e] или [и]: [с'илôм], [в'идрôм], имен. пад. муж. р. [р'ибôй], [с'идôй] и т. д.

Следовательно, в момент возникновения диссимилятивного яканья архаического типа в этих говорах различались еще под ударением гласные [ô] и [o]. И несмотря на то что различие этих гласных в говорах с архаическим типом яканья уже утратилось, все же система безударного вокализма их свидетельствует о прошлом различении двух гласных [o].

Различие между двумя типами [o] возможно установить и по памятникам письменности, хотя оно получило в них недостаточное отражение. Это объясняется тем, что древнерусское письмо, по существу, не имело средств для обозначения [ô]. Однако Л. Л. Васильев обнаружил два памятника русской письменности XVI в. — Псалтырь, хранящуюся в Ленинградской Публичной библиотеке, и Софийский сборник, в которых есть особый знак над буквой о, так называемая камора, дуга над гласной: *оуродѣ, законѣ, воли* и др. В дальнейшем были обнаружены и другие памятники, знающие постановку такого знака над буквой о. Сравнив постановку

¹ Об истории аканья и яканья см. ниже, § 132 и след.

каморы над *о* с данными живых говоров, Л. Л. Васильев пришел к выводу, что камора ставилась над той буквой *о*, которая обозначала [o], развившееся из старого [o] под новоакутовой интонацией, которому в живых говорах соответствует [ô] или [yo].

В тех говорах, которые знали или знают различие [ô] и [o], оба этих гласных образуют самостоятельные фонемы, так как они могут употребляться в тождественных фонетических условиях, противопоставляясь друг другу и служа средством различения словоформ: например, *косо́й* (косв. пад. от *коса*) — *косо́й* (имен. пад. ед. ч. прилаг. муж. р.); *сѣдо́й* (косв. пад. прилаг. жен. р.) — *сѣдо́й* (имен. пад. прилаг. муж. р.); *мо́лот* (прич. от *молоть*) — *мо́лот* (существ.); [вон] (*вон туда*) — [вон] (*пошел вон!*), [мо́к] (от *мочь*) — [мок] (от *мокнуть*) и некот. др.

§ 129. И с т о р и я [и] и [ы]. В результате падения редуцированных произошло изменение в соотношении фонем [и] и [ы].

Если до смягчения полумягких согласных гласные [и] и [ы], противопоставленные по признаку переднего-непереднего образования, выступали в древнерусском языке как самостоятельные фонемы, функционируя в позиции после твердых согласных, то после смягчения полумягких они, выступая соответственно только после мягких или только после твердых, оказались не противопоставленными друг другу как независимые фонологические единицы. Признак зоны образования [и] и [ы] дефонологизовался вместе с дефонологизацией признака твердости-мягкости у парных твердых-мягких, вступавших в сочетания с [и] — [ы]. Возникли противопоставленные силлабемы „мягкий парный + [и]“ // „твердый парный + [ы]“, где как мягкий-твердый согласный, так и передний-непередний гласный функционировали как потенциальные варианты одной согласной с одной гласной фонемы.

Падение редуцированных не привело к каким-либо внешним изменениям в сочетаниях твердых-мягких согласных с [ы] и [и]: как до этого процесса, так и после с [и] сочетался только мягкий, а с [ы] — только твердый. Однако фонологическое содержание отношений согласных с [и], [ы] коренным образом изменилось. И это изменение было связано с судьбой твердости-мягкости.

Речь идет о том, что утрата редуцированных на конце слов создала условия изолированного от последующего гласного употребления твердого-мягкого согласного. Если, как уже говорилось, в словах [конъ] — [кон'ь] до падения редуцированных [н] и [н'] были перед гласными [ъ] и [ь], с которыми они образовывали неразложимые силлабемные сочетания, то после утраты конечных [ъ] и [ь] согласные [н] и [н'] оказались в абсолютном конце слова и их твердость или мягкость стала полностью независимым качеством¹. Это обстоятельство позволяет говорить и о том, что в новую эпоху формы [коны] и [кон'и] различаются не силлабемами [ны] —

¹ См. подробнее выше, § 121.

[н'и], а [н] и [н'], являющимися самостоятельными фонемами, в то время как различие [ы] и [и] полностью обусловлено твердостью-мягкостью [н]. Иначе говоря, после падения редуцированных в сочетаниях „твердый согласный + [ы]“ и „мягкий согласный + [и]“ фонемами стали выступать согласные, а [и] и [ы] превратились в позиционные варианты одной фонемы, так как между [ы] и [и] нет никакого иного различия, кроме зоны образования, а эта последняя зависит от качества предшествующего согласного. Основной вид этой фонемы определяется как [и] — он выступает после мягких согласных, а разновидность — как [ы] — он выступает после твердых согласных¹. Таким образом, если до смягчения полумягких наличие [ы] или [и] определяло, твердый или полумягкий согласный будет выступать в качестве представителя фонемы перед тем или другим гласным; если после смягчения полумягких качество согласного и качество гласного здесь было взаимообусловлено, то после падения редуцированных твердость-мягкость согласных определяет, какой будет далее следовать гласный — [ы] или [и].

Эта зависимость хорошо видна при рассмотрении процесса изменения [и] в [ы], возникшего после утраты [ъ] и [ь].

После падения редуцированных гласный [и] мог оказаться после твердого согласного, например: [сѣискати] > [с-искати], [въ иноу] > [в-иноу]. По прежним нормам предшествующий согласный должен был бы смягчиться под влиянием [и], однако на самом деле происходит иное: качество согласного сохраняется, а [и] изменяется в [ы]: [сѣискати], [в-ыноу]. Это изменение [и] в [ы] отражается в памятниках начиная с XII в.: *кыиоу, подывоу, выстобкоу* (истобка из др.-русск. *истѣбка* — от *истѣба* — „изба“), *сываномѣ, сывумрудомѣ* и т. д. Такое изменение [и] в [ы] на стыке предлога или приставки и корня известно широко и в современном русском языке.

Русский язык последовательно сохраняет различие [и] — [ы] (ср.: [т'ихо] — [тын], [д'ик'ий] — [дым], [с'ин'ий] — [сын], [з'им]а — [зыб'ь], [м'ило] — [мыло], [б'ит'ь] — [быт'ь] и т. д.). Только после непарных по твердости-мягкости согласных этого различия нет (ср.: [жыт'] (орф. *жить*), [шыт'] (орф. *шить*), [цырк] (орф. *цирк*), [ч'ислѡ] и т. д.). Здесь может выступать или только [ы], или только [и].

Превращение [ы] в разновидность фонемы [и] завершило в эту эпоху процесс утраты еще одной самостоятельной гласной фоне-

¹ То, что именно [ы] является разновидностью фонемы [и], а не наоборот, объясняется тем, что [ы] не встречается в русском языке ни изолированно, ни в начале слова, т. е. всегда находится в положении после согласного. Звук же [и] употребляется как в изолированном положении (например, союз *и*), так и в начале слова (*играть, игла*). Однако ряд лингвистов считают звук [ы] самостоятельной фонемой (например, Л. В. Щерба, А. Н. Гвоздев, М. И. Матусевич и др.). Вопрос об истории взаимоотношения [и] и [ы] подробно рассмотрен Р. И. Аванесовым в статье „Из истории русского вокализма. Звуки *и* и *у*“ („Вестник МГУ“, 1947, № 1) и в книге „Русская литературная и диалектная фонетика“ (М., 1974).

мы в древнерусском языке; процесс, начавшийся в период после смягчения полумягких согласных.

§ 130. Судьба сочетаний [кы], [гы], [хы]. В связи с процессом функционального объединения [и] и [ы] стоит изменение [ы] в [и] и смягчение [к], [г], [х] в русском языке.

Как уже известно, в древнерусском языке были сочетания [кы], [гы], [хы] (*кыевъ, гибель, хитрый, руки, ноги, сохы*) и не было [ки], [ги], [хи], так как [к], [г], [х] перед [и] не могли сохраняться еще с праславянской эпохи в силу изменения их в соседстве с гласными переднего ряда в мягкие шипящие или свистящие. В XII—XIII вв. в сочетаниях [кы], [гы], [хы] начинается изменяться и гласный и согласный звук: первый передвигается в передний ряд, а второй смягчается. На юге этот процесс проходил, видимо, раньше, на севере — позднее¹. В результате такого изменения в русском языке устанавливаются сочетания [к'и], [г'и], [х'и], т. е. появляются позиционные разновидности [к], [г], [х] — мягкие [к'], [г'], [х']. Вообще говоря, возможность появления мягких [к'], [г'], [х'] возникла еще раньше, в результате процессов обобщения основ. Как уже говорилось, при словоизменении (прежде всего при склонении) заднеязычные согласные могли оказываться в положении перед [и] и [е] дифтонгического происхождения; в результате действия второй палатализации [к], [г], [х] изменялись в мягкие свистящие (см. § 82). Таким образом, в древнерусском языке возникали соотношения: *роука* — *роуцѣ*, *нога* — *нозѣ*, *монахъ* — *монаси* и т. д. Обобщение основ по именительному падежу приводило к появлению форм типа *роуцѣ*, *ногѣ*, *монахи*, где [к], [г], [х] выступали в своей мягкой разновидности перед [и] и [е]. Вместе с тем в заимствованных словах, таких, как *кипарисѣ*, *китѣ*, *хитонѣ*, *гигантѣ* и т. п., которые рано попали в древнерусский язык из других языков, вероятно, произносились среднеязычные [к], [г], [х], т. е. звуки, уже передвинутые в более переднюю зону. Это обстоятельство могло облегчить процесс изменения [кы], [гы], [хы]. Однако, несмотря на возможность [к'], [г'], [х'], в древнерусском языке не было противопоставления [к], [г], [х] — [к'], [г'], [х'], так как твердые и мягкие заднеязычные не выступали в одной и той же фонетической позиции, перед одним и тем же гласным.

Поэтому, когда в результате функционального сближения [и] и [ы] в русском языке стали последовательно разграничиваться их позиции ([и] после мягкого, [ы] после твердого), в положении после [к], [г], [х] это разграничение не могло быть проведено: в этой позиции мог укрепиться или [и], или [ы]. В русском языке оказались реализованными обе эти возможности: внутри морфем укрепились сочетания [к'и], [г'и], [х'и], а на стыке морфем — [кы],

¹ А. Шахматов полагал, что в северных поворотах сочетания заднеязычных с [ы] существовали еще в XIII—XIV вв.

[гы], [хы]: ср. [волк^ъжот] (= волк и кот), [слухыдух] (= слух и дух)¹.

§ 131. Изменения в составе и системе гласных фонем, вызванные падением редуцированных, изменением [e] в [o] и функциональным объединением [и] и [ы], а также в связи с судьбой [ě] и развитием в диалектах [ô].

Падение редуцированных привело к уменьшению состава гласных фонем в русском языке. Это было связано прежде всего с утратой [ъ] и [ь] как самостоятельных фонем. При этом изменение редуцированных в сильном положении в гласные полного образования [o] и [e] расширило области распространения этих двух последних фонем в русском языке, так как они стали выступать не только на месте исконных славянских [o] и [e], но и на месте бывших сильных редуцированных [ъ] и [ь].

Следует иметь в виду, что в современном литературном языке и в южновеликорусских и средневеликорусских акающих говорах (а также во владимирско-поволжских говорах с неполным оканьем) в безударных слогах, большей частью не в первом предударном слоге, произносятся редуцированные [ъ] и [ь] на месте гласных неверхнего подъема, например: [гъловá], [пърохóт], [мъловáто], [мълотóк], [въбър], [въдъл], [гóръда], [п'ьредáл], [п'ьтухá], [вън'ьс], [във'ьл] и т. д. Однако эти [ъ] и [ь] не являются сохранением древнерусских редуцированных, а возникли в результате развития в русском языке аканья, связанного с редукцией безударных гласных².

Утрата самостоятельных фонем [ъ] и [ь] — это первое изменение в составе гласных, вызванное падением редуцированных. Однако, как уже говорилось, падение редуцированных привело к утрате самостоятельности и еще одной фонемы — [ы], которая превратилась в позиционную разновидность [и]. Утрата [ъ], [ь] и [ы] как самостоятельных фонем — это явление, носящее общерусский характер, т. е. свойственное в с е м русским диалектам; в отношении судьбы этих трех фонем русские говоры не знают никаких особенностей, отличающих их друг от друга.

Однако в эпоху после падения редуцированных шли и такие процессы изменения в составе гласных фонем, которые не носили уже общерусского характера, а охватывали диалекты русского языка не одновременно и не одинаково. Так, ряд диалектов утратил особую фонему [ě]: в таких говорах эта фонема совпала или с [e], или с [и], что обусловило расширение областей распространения последних фонем в данных диалектах. Наоборот, ряд других говоров сохранил особый звук [ě] или даже дифтонг [иě] на месте древнерусского [ě] (см. § 126 — 127).

¹ Исключением из этого правила является междометие *кыш*.

² Об истории аканья в русском языке см. ниже, § 132 и след.

Точно так же большинство русских диалектов утратило различие [ô] и [o]: в этих говорах [ô] совпало по своему качеству с [o]. Однако некоторые диалекты сохранили два [o], и [ô] выступает в них как самостоятельная фонема.

Таким образом, в результате всех этих процессов, проходивших после XII в. с разной степенью интенсивности и с различной шириной охвата по диалектам, состав гласных фонем русских говоров оказался не одинаковым. В тех говорах, где фонема [ě] совпала с [e] или [и], а [ô] — с [o], осталось лишь пять фонем: [и], [у], [e], [o], [a]. К таким говорам принадлежат и те, которые легли в основу русского литературного языка. В тех же говорах, где сохранилось особое звучание старого [ě], но не сохранились [ô], оказалось шесть гласных фонем; наконец, там, где сохранились и [ê], и [ô], в состав гласных входят семь фонем.

Если учесть, что все эти диалекты могли знать, но могли и не знать фонетического изменения [e] в [o] после мягкого согласного перед твердым, то можно установить, что в одних говорах фонема [e] может восходить к [e], [ь] и [ě] перед мягкими согласными и только к [ě] — перед твердыми¹, а фонема [o] — к [o], [ô] и [ъ] после твердых и к [e], [ь] — после мягких. В других же говорах (не знавших изменения [e] в [o]) фонема [e] и перед мягкими, и перед твердыми может восходить к [e], [ь] и [ě]; фонема же [o] выступает в этом случае только после твердых и восходит к [o], [ô] и [ъ]². Таким образом, в результате всех рассмотренных процессов состав гласных фонем русского языка стал выступать в следующем виде:

Подъем	Ряд		
	Передний	Средний	Задний
Верхний	и (ê) ⁴	[ы] ³	у (ô)
Средний	е		о
Нижний		а	

¹ Об исключениях из этого правила см. § 124.

² В тех же говорах, где [ô] сохраняется, фонема [o] восходит только к [o] и [ъ].

³ Квадратные скобки указывают на то, что [ы] не является самостоятельной фонемой.

⁴ В круглых скобках заключены фонемы, сохраняющиеся не во всех русских диалектах.

При этом гласные фонемы [и], [y], [e], [o] и [a] выступали как в положении под ударением, так и в безударных слогах, ибо при отсутствии редукции безударных гласных все позиции для этих фонем были сильными: в них выступало одно и то же количество фонем¹.

Изменения в составе гласных, вызванные рассмотренными выше процессами, не прошли бесследно и для всей системы вокализма русского языка, соотношения системы гласных и системы согласных фонем. Однако эти вопросы удобнее будет рассмотреть после анализа истории согласных фонем в связи с ладением редуцированных. Поэтому к проблемам истории системы вокализма мы вернемся ниже еще раз.

Но есть один вопрос в истории гласных, который должен быть освещен раньше: это вопрос об изменении безударного вокализма в русском языке в связи с возникновением и развитием аканья. Перестройка безударного вокализма оказала влияние на систему гласных в том отношении, что она образовала разные позиции для гласных фонем: именно аканье и привело к тому, что в русском языке (правда, не во всех его говорах) стали различаться сильные и слабые позиции гласных фонем, позиции максимального их различия и позиции, в которых степень различительной способности этих фонем уменьшается. Это в свою очередь обусловило развитие в русском языке пересекающихся рядов позиционных чередований гласных, которые, по существу, отсутствовали в эпохи до возникновения аканья.

§ 132. И с т о р и я а к а н ь я. Как известно, аканье — это неразличение гласных неверхнего подъема в безударных слогах и совпадение их в одном звуке. Такое явление наблюдается как в положении после твердых, так и после мягких согласных, в зависимости от чего различается собственно аканье и яканье, иканье, еканье. При определении видов аканья и яканья важен первый предударный слог после твердых и после мягких согласных, по которому устанавливаются разные типы акающего и якающего вокализма.

Аканье характерно для современных южновеликорусских, средневеликорусских говоров, для литературного русского языка, а также для белорусского языка.

Аканье является относительно новой чертой в звуковой системе русского языка, которая, возникнув на определенной территории, распространилась в разные периоды истории по различным русским говорам. Правда, как уже говорилось, А. А. Шахматов предполагал, что аканье было свойственно еще говору древних вятичей, т. е.

¹ Как уже говорилось, фонема [ɔ] могла развиваться только под ударением, и поэтому в безударных слогах ее быть не могло (см. § 128); фонема же [e] в положении без ударения рано пережила изменение своего качества, совпав с [и] или с [y].

относил возникновение его к дописьменному периоду. По этому поводу Р. И. Аванесов писал: „Для Шахматова характерно стремление возвести все основные современные диалектные различия как можно далее в глубь веков, часто в доисторическую эпоху, без достаточных для этого фактических оснований без учета в должной мере данных относительной хронологии языковых явлений“¹.

В самом деле, против взгляда Шахматова есть серьезные возражения. Дело заключается в том, что аканье в своем возникновении, без сомнения, было связано с редукцией безударных гласных, и потому оно не могло возникнуть раньше, чем осуществился процесс падения редуцированных.

„Трудно себе представить, чтобы гласные полного образования подверглись редукции еще в то время, когда сами редуцированные гласные (ѣ, ъ) продолжали существовать, не подвергаясь дальнейшей редукции. Если бы такой процесс имел место, то судьба новых редуцированных из гласных полного образования и старых редуцированных совпала бы“², т. е. и те и другие в определенную эпоху и в определенных условиях подверглись бы утрате. Однако этого не произошло, и в этом — первое возражение Шахматову.

О позднем возникновении аканья свидетельствуют и данные современных говоров.

Аканье, конечно, возникло вместе с яканьем, как изменение гласных в безударных слогах. Аканье и яканье — это произношение гласных прежде всего в первом предударном слоге; но при этом надо иметь в виду, что первый предударный слог в современном русском языке не всегда был таковым, т. е. первым предударным, в древнерусском: он мог быть раньше вторым предударным слогом. Например, в современном языке в словах [в'еснá] и [цв'етка] гласный [е] находится в первом предударном слоге. Но в древнерусском в слове *весна* [е] был в первом предударном слоге, а в слове *цвѣтка* [ѣ] — во втором предударном (ср. др.-русс. *веснá* и *цвѣткá*). То же самое обнаруживается в современных словах [в-акн'ѐ] и [ка-мн'ѐ] по сравнению с древнерусскими *въ окнѣ* и *къ мѣнѣ*.

В связи с тем что, как известно, в русском языке редукция гласных в первом предударном слоге качественно отличается от редукции в остальных безударных слогах (в том числе и во втором предударном), можно было бы ожидать, что при возникновении аканья и яканья до падения редуцированных гласные звуки исконно первого предударного и исконно второго предударного слогов изменились бы по-разному и что это получило бы определенное отражение в современных говорах.

Если бы аканье и яканье возникли до падения редуцированных, то можно было бы ожидать, что гласные звуки в приведенных

¹ Р. И. Аванесов. Вопросы образования русского языка в его говорах. „Вестник МГУ“, 1947, № 9, с. 117.

² Там же, с. 138.

парах слов подверглись бы разным изменениям в зависимости от своего положения в слове, ибо до утраты [ъ] и [ь] гласные нынешнего первого предударного слога могли быть и во втором предударном слоге.

Однако на самом деле гласные исконно первого предударного слога и гласные, которые оказались в первом предударном после падения редуцированных, изменились совершенно одинаково и так же одинаково ведут себя в современных говорах. Так могло получиться лишь при условии, если аканье возникло тогда, когда в русском языке уже утратились редуцированные.

Кроме того, судьба сильных редуцированных, оказавшихся после падения слабых [ъ] и [ь] в первом предударном слоге, ничем не отличается от судьбы гласных полного образования [о] и [е] в том же положении: в русском языке при наличии аканья совершенно одинаково произносят слова *вода, село* (из др.-русск. *вода, село*) и *тонка, темно* (из др.-русск. *тънѣка, тъмьно*)¹.

§ 133. Известно, что главным основанием для Шахматова в утверждении древности аканья был тот факт, что оно свойственно не только южновеликорусскому наречию, но и белорусскому языку. Исходя из этого, Шахматов признавал аканье явлением, относящимся к периоду до образования южновеликорусского наречия и белорусского языка, к эпохе существования, по его терминологии, восточнорусского наречия. Однако в тот период, когда, по мнению Шахматова, возникло аканье, эти территории не составляли единства. В рассуждениях А. А. Шахматова обнаруживается в определенной степени упрощенное применение сравнительно-исторического метода. В действительности „черты сходства двух диалектов с исторической точки зрения могут представлять собой новообразование или сохранение старого. Естественно, что только первые могут свидетельствовать об общности происхождения соответствующих диалектов, так как черты старого могут сохраниться в разных диалектах независимо друг от друга. Например, аканье вообще является чертой новой по сравнению с оканьем. Поэтому наличие аканья в южновеликорусском наречии, с одной стороны, и белорусском языке, с другой, может в какой-то мере свидетельствовать об их генетических связях в определенную эпоху. Напротив, наличие оканья как в северновеликорусском наречии, так и в украинском языке не дает само по себе оснований для утверждения общности их происхождения, так как оканье представляет собой сохранение старины, а последнее могло иметь место в разных диалектах независимо друг от друга. Далее, даже в том случае, если черты сходства двух диалектов с точки зрения истории языка представляют новообразование, они в разных диалектах могут иметь не одинако-

¹ Изложенные выше критические замечания в адрес А. А. Шахматова были высказаны Р. И. Аванесовым (см.: Р. И. А в а н е с о в. Вопросы образования русского языка..., с. 138—139).

вое происхождение. В одних случаях они свидетельствуют об общности происхождения в полном смысле слова. В других — и едва ли не чаще — новообразование, появившись на определенной ограниченной территории, впоследствии, благодаря тем или иным причинам социально-экономического или культурного порядка, распространилось затем на более обширной территории¹. По-видимому, именно так и произошло с аканьем.

§ 134. Аканье впервые получает отражение в памятниках письменности XIV в., причем именно московского происхождения². Так, в Московском (Сийском) евангелии 1340 г. можно найти факты написания буквы *а* на месте *о* в безударном положении: *в апустѣвиши земли, кака ты глаголеши, отъ господа бысть се и есть дивна в очюу нашу; в Евангелии 1393 г. — прикаснуса, покланяется, Симану, прадающимъ, вертаградъ, облажать, дающимъ* и др. Такие факты смещения на письме *а* и *о* и написания *а* на месте *о* могут свидетельствовать об акающем говоре писца.

Правда, не всякое смещение *а* и *о* на письме свидетельствует об аканье. Например, в заимствованных словах, таких, как *манастирь*, *грамату* и т. д., смещение *а* и *о* может и не говорить об аканье, так как речь идет о словах с неясной для писца этимологией, где поэтому произношение их с [а] могло быть наряду с [о]. Точно так же в именах собственных греческого происхождения, таких, как *Ондрѣй*, *Олексѣй* и т. д., написание в начале слова *то о*, *то а* может не свидетельствовать об аканье, так как они рано на русской почве получили [о] вместо [а] в начале слова. Наконец, в таких фактах, как *влогати*, *помагати* и т. п., смещение в написании *а* и *о* может объясняться не как фонетическое явление неразличения [а] и [о], а как морфологическое, возникшее в результате сближения корней с чередующимися гласными [а] и [о].

В XV—XVI вв. количество случаев написания буквы *а* вместо *о* в безударных слогах быстро возрастает. Вместе с тем появляется написание и *о* вместо безударного *а*, например: *обязон*, *толант*, *запода*, *задовити* и т. д., что является также косвенным отражением неразличения [о] и [а] в безударном положении. Косвенное отражение аканья в подобных написаниях заключается в том, что появление *о* вместо этимологического *а* объясняется влиянием акающего произношения: так же как при произношении [вада́], [нага́] писец привыкает писать на месте безударного [а] букву *о*, так он начинает писать такое *о* и на месте этимологического [а] в словах [дала́], [тала́нт].

¹ Р. И. Аванесов. Вопросы образования русского языка..., с. 125.

² Правда, в последних исследованиях приводятся факты написания буквы *а* на месте *о* в памятниках XI—XII вв. (в частности, в Новгородской Минее 1095 г. и в Новгородских берестяных грамотах), однако в большинстве своем они, как видно, представляют собой описки писцов, а не отражение акающего произношения. См.: Ф. П. Филин. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, с. 121—122.

Если в памятниках аканье получило отражение в XIV в., то ясно, что оно должно было возникнуть в языке раньше, чтобы к XIV в. получить отражение в письменности.

§ 135. Установить точнее, где и когда возникло аканье, помогает лингвистическая география и изучение современных русских говоров¹.

Изучение пределов распространения аканья и сопутствующего ему яканья разных типов показало, что самым древним типом является диссимилятивное яканье при диссимилятивном аканье. При этом разные подтипы диссимилятивного яканья, различающиеся между собой тем, какой гласный звук произносится в первом предударном слоге на месте гласных неверхнего подъема, когда под ударением гласные среднего и средне-верхнего подъема, являются последовательными ступенями исторического развития этого типа яканья.

Наиболее древним из них является архаический, или обоянский, подтип, в котором в первом предударном слоге выступают гласные [a] или [и] в зависимости от того, находятся ли под ударением [e] и [o], восходящие к [ê] и [ô], или [e] и [o] исконно открытые. В этом подтипе диссимилятивного яканья [a] в первом предударном слоге выступает при ударенных этимологических [ê] и [ô], а [и] — при ударенных [e] и [o], т. е. в говорах этого типа произносят: [с'алó], [в'аслó], [с'астр'él], [л'ат'éла], но [с'илóm], [в'ислóm], [д'ир'эвн'а], [в'ис'él'je].

К обоянскому подтипу близко примыкает щигровский, где утрачено различие гласных в первом предударном слоге при ударенных этимологических [o] и [ô], но сохраняется это различие при ударенных этимологических [e] и [ê]: в этом типе говоров [a] в первом предударном слоге произносится при ударенном этимологическом [ê] и [o] любого происхождения, а [и] — при ударенном [e], т. е. в этих говорах произносят: [с'алó], [в'аслó], [с'астр'él], [л'ат'éла], [с'алóm], [в'аслóm], но [д'ир'эвн'а], [в'ис'él'je].

Далее следует суджанский подтип, где [a] в указанном положении выступает при ударенном [o] любого происхождения, а [и] — при ударенном [e] также любого происхождения, т. е. здесь произносят: [с'алó], [в'аслó], [в'аслóm], но [с'истр'él], [л'ит'éла], [д'ир'эвн'а], [в'ис'él'je].

Во всем этом можно видеть последовательную утрату различия гласных среднего и средне-верхнего подъема, с чем связаны и различные изменения гласных неверхнего подъема в первом предударном слоге.

¹ Все далее следующие положения основаны на статье Р. И. Аванесова „Лингвистическая география и история русского языка“ („Вопросы языкознания“, 1952, № 6, с. 37—43), где вопрос о месте и времени возникновения аканья изложен в свете послевоенных диалектных разысканий.

Что касается жиздринского и донского подтипов, то в них нет различия в реализации гласных неверхнего подъема при ударенных этимологических [o] и [ô] и этимологических [e] и [ê]: в жиздринском подтипе (на западе русской территории и на востоке Белоруссии) в первом предударном слоге на месте [a], [o], [e] произносятся [a], т. е. ударенные [o] и [e] любого происхождения ведут себя как гласные верхнего подъема: [с'алó], [в'аслó], [с'алóm], [в'аслóm], [с'астр'é], [л'ат'éла], [д'ар'эвн'а], [в'ас'эл'je]; в донском же (на юго-востоке южновеликорусской территории) в первом предударном слоге произносится [и], т. е. эти ударенные гласные ведут себя как звуки нижнего подъема: [с'илó], [в'ислó], [с'илóm], [в'ислóm], [с'истр'é], [л'ит'éла], [д'ир'эвн'а], [в'ис'эл'je]. Данные подтипы — более позднее явление в развитии диссимилятивного яканья. Это подтверждается и тем, что донской и жиздринский подтипы распространены на периферии территории диссимилятивного яканья. При этом донской подтип известен на территории поздней колонизации (средний и нижний Дон, Северный Кавказ): она была заселена в конце XVI и в XVII в., а то и позже, большей частью выходцами из южных областей. Возможно, что в эти поздние эпохи в результате взаимодействия старых типов диссимилятивного яканья здесь развился донской подтип. Что касается жиздринского подтипа, распространенного на северо-западной части территории диссимилятивного яканья, то он появился также в более позднюю эпоху — в пределах Великого княжества Литовского, куда с середины XIV в. входила территория, на которой ныне распространены говоры курско-орловского типа¹. В XV—XVI вв. аканье отсюда распространилось на запад и северо-запад, в Белоруссию и на территории Смоленска и Полоцка. Не случайно поэтому и то обстоятельство, что смоленские грамоты XIII—XIV вв. не дают никаких указаний на наличие аканья в это время в Смоленской земле; такие указания появляются в смоленских и полоцких памятниках лишь с XV в.

Если оставить в стороне те территории, где аканье и яканье возникли явно в поздний период, то южновеликорусское наречие предстанет в виде цельной компактной территории, занимаемой ныне тремя группами этого наречия — курско-орловской, рязанской и тульской.

Надо иметь в виду, что если в современных курско-орловских, рязанских и тульских говорах есть различия в типах яканья, то это — явление позднейшее, возникшее в результате определенного развития одного первоначального типа. Как уже говорилось, исконным типом яканья было диссимилятивное, сохранившееся в курско-орловских говорах. Данная группа говоров сохранила первоначальный тип яканья, видимо, потому, что, находясь в XIV—XV вв. в пределах Великого княжества Литовского, эта территория была оторвана в своем развитии от остальной акающей русской

¹ См. ниже.

территории, и, сыграв роль в распространении аканья и яканья на запад и северо-запад, эти говоры сами не изменили своей структуры.

Ассимилятивно-диссимилятивное и сильное яканье рязанских говоров развилось из диссимилятивного в результате более широкого распространения произношения [a] в первом предударном слоге, т. е. в результате процессов внутреннего развития системы яканья.

Для того чтобы было яснее, в чем заключалось внутреннее развитие системы диссимилятивного яканья в ассимилятивно-диссимилятивное и сильное, надо рассмотреть это подробнее. Известно, что, например, в щигровском типе диссимилятивного яканья звук [a] произносится в первом предударном слоге на месте гласных неверхнего подъема, когда под ударением находятся гласные [i], [y], [y], этимологические [è] и [o] любого происхождения: [н'ас'í], [б'адý], [в'адý], [ст'ан'é], [в'адрó], [в'адрóm] и т. д.; звук же [и] в этом положении произносится при ударенных [a] и [e]: [н'ислá], [д'ир'эвн'a]. Нетрудно заметить, что позиции [a] в первом предударном слоге здесь намного сильнее, чем позиции [и], так как [a] произносится в подавляющем большинстве случаев. Следовательно, возникает возможность распространения произношения [a] и на те случаи, где произносится [и]. Это распространение, вероятно, скорее возникает при ударенном [a], так как действует процесс ассимиляции гласного в первом предударном слоге по отношению к гласному под ударением. Таким путем возникает произношение [a] и при ударенном [a]: [н'аслá], [б'адá], [т'аб'á]. Иначе говоря, возникает ассимилятивно-диссимилятивное яканье (в данном случае — так называемого новоселковского типа). Этим самым позиции [и] в первом предударном слоге ослабляются еще больше: он произносится только при ударенном [e]. Достаточно распространиться произношению [a] и на это последнее положение, чтобы возникло сильное яканье, в котором в первом предударном слоге на месте гласных неверхнего подъема всегда произносится [a].

Что касается умеренного яканья тульских говоров, то оно, вероятно, не является исконным на данной территории, а появилось в результате вытеснения первоначального диссимилятивного яканья под воздействием средневеликорусских говоров Москвы и Подмосковья. В этих последних умеренное яканье возникло, как видно, в результате взаимодействия северновеликорусского ёкающего вокализма владимирско-поволжского типа с системой неразличения безударных гласных неверхнего подъема, т. е. аканьем¹. Дело заключается в том, что в умеренном яканье совмещается южновеликорусский принцип неразличения гласных неверхнего подъема в

¹ Такой взгляд на происхождение умеренного яканья был высказан в работах В. Н. Сидорова. См.: В. Н. Сидоров. Из истории звуков русского языка. М., 1966.

первом предударном слоге с северновеликорусским принципом зависимости произношения гласного в этом слоге от твердости или мягкости последующего согласного. Как известно, при умеренном яканье в первом предударном слоге звуки [a], [o], [e] совпадают в [a] перед твердым согласным и в [и] — перед мягким: [н'асу́], [б'ады́], [л'асо́к], [п'ата́к], но [н'ис'и́], [б'ид'е́], [п'ит'и́].

Владимирско-поволжское ёканье характеризуется тем, что в первом предударном слоге перед твердым согласным на месте [o] и [e] произносится [ʼo], а на месте [a] — [a]: [н'осу́], [в-л'осу́], [б'ода́], [в'ола́], [п'ата́к]; перед мягким же согласным на месте [o] и [e] произносится [e], а на месте [a] — [a]: [н'ес'и́], [с'ед'е́т'л], [б'ед'е́], [д'ер'е́вн'а], [п'ат'и́]. Нетрудно заметить, что такой тип вокализма отличается от умеренного яканья лишь произношением [ʼo] в первом предударном слоге на месте [o] и [e]. А это означает, что при проникновении аканья в этот тип вокализма на месте безударного [o] возникает произношение [a], что и обуславливает развитие так называемого первичного умеренного яканья, отличие которого от нормального умеренно якающего вокализма заключается лишь в произношении [a] на месте [a] перед мягким согласным¹. Дальнейшее развитие приводит к вытеснению [a] в этой единственной позиции перед мягким согласным и к превращению, таким образом, первичного умеренного яканья в умеренное яканье как таковое.

Развившись в переходных средневеликорусских говорах, умеренное яканье распространилось на исконно южновеликорусскую тульскую территорию и сменило существовавшее там первоначально диссимилиативное яканье.

Таким образом, первоначальная территория распространения диссимилиативного яканья, а тем самым и южновеликорусского наречия вообще — это территория, географически определяемая как бассейн верхнего Сейма и Оки, кроме низовьев.

§ 136. Когда же на этой территории могло возникнуть аканье и яканье?

В настоящее время границы территории распространения аканья не соответствуют ни границам древних племенных групп, ни границам бывших феодальных земель, ни, наконец, границам Русского государства какого-либо исторического периода. Это объясняется тем, что со времени своего возникновения, а особенно с того периода, когда аканье стало нормой русского литературного языка, оно все больше и больше расширяло свои пределы.

Однако и определенная выше первоначальная территория аканья не совпадает с племенными границами. Если в состав этой территории почти целиком вошла земля вятичей, то все же часть этого

¹ Различие в произношении [e] или [и] в первом предударном слоге несущественно, так как и тот и другой звук вполне может быть в безударном положении в якающем диалекте.

племенного образования, вошедшая в состав Ростово-Суздальской земли (Москва), первоначально характеризовалась говором северновеликорусского типа. С другой стороны, в первоначальную территорию аканья входила часть земли северян, однако в другой ее части впоследствии развился украинский язык, не знавший и не знающий аканья. Эти факты говорят о том, что аканье в русском языке возникло тогда, когда племенных границ уже не существовало. Если бы это было не так, то в период своего возникновения аканье должно было бы охватить всю ту или иную племенную территорию, на которой оно появилось. Поэтому возникновение аканья может быть отнесено лишь к более поздней эпохе, к периоду *н е р а н е е н а ч а л а* XII в.

Вместе с тем общие языковые явления на большой территории могут возникнуть при связи, а не при разбедненности отдельных ее частей. Поэтому аканье могло появиться не позже середины XIV в., когда часть русских земель вошла в состав Литвы. Как видно, к этому времени на Курско-Орловской, Рязанской и Тульской территориях уже было аканье и диссимилятивное яканье, развившееся ранее, вероятно, в XIII в.

Итак, аканье, по-видимому, возникло в Рязанской и частично Новгород-Северской и Черниговской землях в XII—XIII вв.

С первоначальной территории своего возникновения, с юго-востока на запад, в пределы Белоруссии, аканье проникло, как уже говорилось, в ту эпоху, когда Курско-Орловская территория вместе с западными областями находилась в составе Литвы, т. е. в XV—XVI вв. На территории современных средневеликорусских говоров аканье проникает с XIV—XV вв., когда начинается объединение русских земель вокруг Москвы, т. е. с эпохи Ивана Калиты. Именно тогда возникают средневеликорусские говоры с северновеликорусской основой и южновеликорусским наслоением.

Особо обстоит дело с укреплением аканья в Москве. Как известно, Москва, входившая в состав Ростово-Суздальской Руси, возникла на территории южнорусского племени вятичей. Однако в Ростово-Суздальском княжестве „количественно преобладающими“ и „задающими тон“ в социально-экономическом и культурном отношении были потомки восточных кривичей¹, т. е. севернорусов по происхождению. „Господствующий класс и близкие к нему группы — боярство, служилые люди, духовенство — на первых порах в значительной своей части были выходцами из... городов Северо-Восточной Руси и говорили на севернорусском наречии. Низшие же классы населения говорили на разных диалектах: на север от Москвы было распространено окающее наречие, на юг — акающее, с давних пор вокруг Москвы находилось население, этнически и по своим диалектам неоднородное“².

¹ См.: Р. И. Аванесов. Вопросы образования русского языка..., с. 136—137.

² Там же, с. 152.

Каким же был первоначальный говор Москвы? Рассматривая этот вопрос, Р. И. Аванесов отмечал: „Практически можно не принимать во внимание, что первоначальная территория Московского княжества, в отличие от остальной территории Ростово-Суздальской земли (из состава которой это княжество выделилось. — В. И.), заселенной по преимуществу кривичами, была заселена вятичами, так как в эту отдаленную эпоху еще не определились основные различия между южными и северными говорами. Однако уже с самого начала XIV в., когда эти различия определились, южно-великорусские элементы заметно увеличиваются“¹. Как известно, в 1301 г. к Москве были присоединены Можайск, Коломна, Лопasnya, несколько позже — Верея. В течение XIV, XV и XVI вв. к Москве постепенно присоединились и другие южновеликорусские территории. Все это не могло не усилить позиций южновеликорусских говоров в Москве и не привести к укреплению аканья. Однако в связи с объединением вокруг Москвы разноречного населения выработка единого московского говора шла медленно. „Ни в XIV, ни в XV веке Москва не могла еще выработать своего языка в Москве одни говорили по-севернорусски, другие — по-восточнорусски“², одни окали, другие акали, причем высшие классы употребляли, как кажется, севернорусское наречие“³. Присоединяясь к этому мнению, Р. И. Аванесов пишет: „В говоре господствующих классов и вообще культурных кругов Москвы северновеликорусское начало господствовало не только в XIV и XV вв., но и значительно позднее: у нас нет никаких указаний на то, чтобы эти круги акали и в эпоху Ивана Грозного“⁴. К концу XVI и особенно в начале XVII в. „аканье делает успехи в языке господствующих классов: аканье имелось уже в языке царя Михаила Федоровича, и оно уже господствовало в языке Алексея Михайловича“⁵.

Таким образом, выработка единого московского говора, вернее московского просторечья, шла постепенно, и лишь в начале XVII в. установился московский акающий говор, средневеликорусский по своему характеру.

§ 137. Вопрос о причинах возникновения аканья представляется сложным и до сих пор не решенным. Однако попытки объяснить эти причины предпринимались не один раз. Существует ряд теорий и гипотез, которые стремятся как-то объяснить возникновение аканья. Но пока что ясным является только то, что аканье возникло

¹ Р. И. Аванесов. К вопросам образования русского национального языка. ВЯ, 1953, № 2, с. 67.

² Как говорилось, по терминологии Шахматова, „севернорусы“ — это словене и кривичи, а „восточнорусы“ — вятичи.

³ А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941, с. 65.

⁴ Р. И. Аванесов. Вопросы образования русского языка..., с. 154.

⁵ Там же, с. 154.

как результат ослабления гласных в безударных слогах, как результат редукции безударных гласных. Однако вопросы о том, чем была вызвана редукция и почему аканье возникло только на части русской территории, остаются неясными.

Пожалуй, наиболее разработанной, хотя и сложной фонетической теорией возникновения аканья является та, которую выдвинул Шахматов. Он связывал возникновение аканья с утратой долготы гласными звуками. Именно в отношениях гласных по долготе и в изменении этих отношений Шахматов видел начало развития аканья.

Шахматов полагал, что в древнерусском языке в безударных слогах могли редуцироваться три звука: [o], [e] (при этом [ǫ] и [ě] без ударения рано совпали с [o] и [e]) и [a]. Следует помнить, что звуки [o] и [e] были исконно краткими, а [a] — исконно долгим. В связи с тем, что редукции подвергаются лишь краткие звуки, Шахматов предполагал сокращение [a] в более ранний период, чем сокращение остальных долгих: он считал, что [a] сократилось еще до наступления редукции.

Начало аканью кладет сильная редукция указанных трех гласных. После твердых согласных [a] и [o], ослабляясь, изменяются в редуцированный среднего ряда [ъ]: вместо [водá], [хвалѣ́], [сторонá], [лїпá], [прѣсо] возникает [вѣдá], [хвѣлѣ́], [істерѣнá], [лїпѣ́], [прѣсѣ́]. Такое произношение сохраняется в большинстве акающих говоров в не первом предударном слоге, а в некоторых — и в первом предударном. После мягких согласных на месте [a], [o], [e] в результате их ослабления появился редуцированный гласный переднего образования [ь]: вместо [п'атѣ́], [с'елѣ́], [б'елѣ́], [вѣ́л'а], [слáв'е] и т. п. появилось [п'ѣ́тѣ́], [с'ѣ́лѣ́], [б'ѣ́лѣ́], [вѣ́л'ь], [слáв'ь]. Такое произношение сохранилось только в части ю.-в.-р. говоров, а в остальных под действием звуковых причин или по аналогии [ь] заменился гласными [e] или [i].

Таким образом, в древнерусском языке произошла редукция широких безударных гласных (т. е. гласных неверхнего подъема) и не произошло редукции узких безударных гласных (т. е. гласных верхнего подъема). Шахматов видел причины такого различия в краткости и долготе гласных: узкие гласные (т. е. [i], [y], [ѣ́]) были долгими, а широкие — краткими (и поэтому-то, надо думать, [a] сократилось раньше, чем другие долгие). Вследствие раннего сокращения [a] все широкие оказались краткими и редуцировались, а все узкие остались долгими и не подверглись редукции.

Появление редуцированных в безударных слогах, по мнению Шахматова, повлекло за собой удлинение гласной под ударением; однако удлиняться могли не все гласные, а лишь те, которые могли быть долгими, т. е. [i], [y], [ѣ́], а также [o] под восходящей интонацией.

Следовательно, после появления редуцированных [ъ] и [ь]¹

¹ В дальнейших рассуждениях во внимание принимается нами только первый предударный слог.

под ударением могли быть как узкие долгие гласные (т. е. [вѣды], [н'ѣси], [б'ѣри], [кѣлень], [стѣлу]), так и широкие краткие ([кѣсои], [пѣра], [в'ѣс'ѣлый], [п'ѣром]). Слова второго типа не пережили дальнейших изменений, тогда как слова первого типа должны были измениться в силу наступившего здесь впоследствии общего сокращения долгих гласных. Сокращение долгой гласной под ударением имело следствием удлинение редуцированного звука предшествующего слога. Удлиняясь, [ѣ] изменялось в [а], а [ѣ] — в [а] или [е] (может быть, несколько различного характера). Таким образом, по Шахматову, возникает древнейший тип аканья, который можно назвать архаическим диссимильативным. При таком аканье в первом предударном слоге после твердых и после мягких согласных вместо [а], [о], [е] произносится редуцированный звук, если под ударением выступают [а], [о], [е], и произносится [а] после твердых, [а] или [е] после мягких при ударении на узких гласных [и], [ы], [у], [ѣ], [ѓ]. Эта первоначальная система не сохранилась в русских диалектах, ибо вместо общего закона — появления редуцированных на месте [а], [о], [е] во всех безударных слогах — в белорусских и южновеликорусских говорах в первом предударном слоге произносится звук полного образования [а]. И только в небольшой части этих говоров наряду с [а] здесь выступают также и звуки неполного образования, что дает возможность считать их, по мнению Шахматова, более архаичными, особенно тогда, когда в первом предударном слоге выступают различные гласные в зависимости от качества гласной под ударением: подобное различие надо признать более древним, чем однообразие, вызванное действием аналогии. Переход же [ѣ] в [а] в предударном слоге мог быть только в определенных условиях и был вызван качеством ударяемой гласной. Если в предударном слоге должен был явиться [ѣ] и если [ѣ] перешел в [а], то, следовательно, произошло изменение ударной гласной, что вызвало изменение безударной. Переход [ѣ] в [а] — это удлинение звука, т. е. количественное его изменение, вызванное количественным же изменением ударного гласного. А это изменение как раз и заключается в сокращении долгой гласной под ударением.

Такова теория Шахматова по поводу возникновения в русском языке аканья. Если попытаться оценить ее, то надо сказать, что она вызывает одно серьезное сомнение, связанное с тем, что очень трудно предполагать сохранение в древнерусском языке количественных различий гласных до эпохи возникновения аканья, т. е. до XII—XIII вв. Если аканье признается поздним по происхождению явлением, то этот вопрос оказывается чрезвычайно важным и не решаемым предлагаемой теорией.

В относительно последние годы проблема возникновения аканья вновь была подвергнута обсуждению, в ходе которого были выдвинуты определенные гипотезы, объясняющие русское аканье.

Прежде всего здесь следует сказать о том, что была высказана

точка зрения, согласно которой аканье было унаследовано из праславянской эпохи и представляет собой явление славяно-балтийского совпадения в одном звуке индоевропейских *o* и *a*. Эта точка зрения была высказана болгарским академиком В. Георгиевым и поддержана некоторыми учеными. По мнению В. Георгиева, индоевропейские *o* и *a* совпали в *a*, которое в дальнейшем изменилось в *o* в любых условиях в окающих говорах и только в ударном положении — в акающих, сохранившись в последних в безударных слогах. Звук же *a* возник, как это считают и другие лингвисты, из индоевропейских *o* и *a*.

Гипотеза, выдвинутая В. Георгиевым, едва ли может быть принята, так как она прежде всего не учитывает фонологической сущности аканья. Эта сущность заключается в том, что аканье не есть просто произношение [a] на месте [o], но оно представляет собой неразличение в первом предударном слоге после твердых согласных двух, а после мягких — трех гласных неверхнего подъема. Это неразличение является результатом ослабления редукции данных гласных, причем на месте этих последних могут выступать не только редуцированные как таковые (т. е. [ɤ] и [ɨ]), но и звуки, близкие к гласным полного образования.

Кроме того, остается непонятным, почему [a], когда-то бывшее на месте современных и [a] и [o], в одних случаях изменилось в [o], а в других сохранилось как [a].

Выдвигая указанную гипотезу, В. Георгиев основывался на том, что невозможно объяснить произношение [a] в первом предударном слоге как результат редукции [o], однако надо иметь в виду, что тот краткий гласный [ʌ], который произносится при аканье в первом предударном слоге, занимает промежуточное положение между [a] и [o], но на слух ближе к [a], так как в результате редукции он утратил лабиализацию, характерную для [o]. Иначе говоря, правильная интерпретация фонологического содержания аканья не дает возможности принять рассматриваемую гипотезу как достаточно аргументированную.

В целом все же можно утверждать, что аканье является относительно новым образованием в русском языке, и возникло оно в результате смены музыкального ударения динамическим. Дело заключается в том, что если при музыкальном ударении ударные и безударные слоги отличаются высотой тона, то при динамическом — силой мускульного напряжения. Отсюда предполагают, что при смене ударения возникает усиление ударного слога, что приводит, с другой стороны, к ослаблению безударных, т. е. к их редукции. Правда, едва ли правомерно непосредственно связывать динамический характер ударения с редукцией и музыкальность с отсутствием такой редукции, ибо есть даже славянские языки, в которых при музыкальном ударении наблюдается редукция гласных (таков, например, словенский язык на северо-западе Югославии). Однако, как видно, именно смена музыкального ударения

динамическим способствовала развитию аканья в части русских диалектов. В возникновении данного явления следует видеть две стороны. Во-первых, надо полагать, что если динамическое ударение сменило политоническое во всех русских диалектах, а аканье развилось только в части их, не охватив полностью русский язык, то, следовательно, между разными русскими говорами было существенное различие по интенсивности произношения ударных и безударных гласных. Это значит, что в определенных русских говорах (которые и развили аканье) интенсивность произношения ударных гласных была выражена более отчетливо, чем в других диалектах; отсюда в первых оказалась большей и сила ослабления безударных гласных. Такое предположение, конечно, трудно доказать, ибо данных о разной интенсивности различных слогов в прошлом состоянии русских диалектов в общем нет, но это вполне возможно предположить, если учесть, что и современные северновеликорусские и южновеликорусские говоры отличаются друг от друга по указанной интенсивности, причем именно в южновеликорусских диалектах отличия ударных и безударных слогов по интенсивности оказываются более отчетливыми.

Во-вторых, следует обратить внимание и на фонологическую сторону проблемы аканья, т. е. на то, как оценить отношение к неразличению безударных гласных неверхнего подъема фонологической системы русского языка. Ведь, в самом деле, разнообразие типов предударного вокализма, особенно после мягких согласных, в акающих говорах, свидетельствует о том, что характер безударного гласного, его физиолого-акустическая характеристика оказываются безразличными для говорящих, — безразличными в том смысле, что разная реализация этих гласных не мешает взаимопониманию и взаимопониманию людей. Например, слово *весна* может произноситься и как [в'аснá], и как [в'иснá], и как [в'и'снá], и как [в'еснá], а в северновеликорусских говорах еще и как [в'оснá]. Однако все эти различия не оказываются существенными для говорящих по-русски. Это обстоятельство связано с тем, что фонетические свойства безударных гласных дефонологизовались: сохраняясь как фонетические свойства звуков, степень подъема и характер лабиализации не играют фонологической роли, не выполняют различительных функций. Поэтому все эти гласные выступают как варианты одной фонемы, несмотря на их фонетические различия. Не случаен ведь и тот факт, что в некоторых акающих диалектах наблюдается совпадение в одном гласном не только звуков неверхнего подъема, но и гласных [i] и [y]. Все эти явления в конечном счете связаны с общим ослаблением роли вокализма в системе русского языка, с общей тенденцией утраты различительной роли гласными.

Итак, если аканье возникло в результате смены ударения и если фонологическая система не препятствовала возникновению данного явления, то остается один нерешенный вопрос — представляет ли аканье результат внутреннего развития системы некоторых русских

говоров, или это — результат внешнего воздействия. Данный вопрос в настоящее время в науке не решен.

§ 138. Возникновение различий сильных и слабых позиций гласных фонем в результате развития аканья. Появление в русском языке, в большом числе его говоров, редукции безударных гласных, развитие аканья привело к тому, что в таких говорах возникли различия позиций, в которых выступают гласные фонемы. В связи с тем, что редукция обусловила изменение безударных гласных неверхнего подъема [a], [o], [e] и совпадение их по качеству в одном каком-либо звуке, — в связи с этим количество гласных фонем, выступающих под ударением, стало отличаться от количества гласных фонем, выступающих в безударных слогах. При этом положение под ударением оказалось такой позицией, в которой различается максимальное количество гласных фонем (для литературного языка — пять, для некоторых говоров может быть шесть или семь); наоборот, в безударных слогах различается меньшее количество гласных фонем в силу совпадения всех или некоторых гласных в одном звуке. Так, в литературном языке при различении [o] и [a] под ударением (ср. [дом] — [дам]) в первом предударном слоге на их месте равно произносится [Λ] — краткий звук [a] (ср.: [дΛ má] — [дΛ lá]), а в остальных безударных — [ъ] (ср.: [дъмΛ вóй] — [дърΛ вóй]). В тех говорах, где под ударением выступают [ô] и [ê], эти гласные не различаются в безударных слогах, совпадая по своей судьбе с [o] и [e] и т. д. В то же самое время говоры, не пережившие редукции гласных в безударных слогах, не знают и различий между количеством гласных фонем под ударением и количеством гласных фонем, выступающих в безударных слогах¹.

Таким образом, возникновение редукции безударных гласных и развитие аканья обусловили изменение фонетической системы русских диалектов в разных направлениях: в одних говорах позиции гласных фонем оказались в общем безразличными по отношению к ударению; в других же, наоборот, эти позиции стали тесно связаны с ударностью или безударностью гласного. В этом последнем случае возникли сильные и слабые позиции для гласных фонем. Сильной позицией оказалась позиция под ударением — позиция максимального различения гласных; слабыми же позициями стали позиции безударные, в которых выступает меньшее число фонем.

Все эти процессы, далее, обусловили развитие в акающих говорах русского языка позиционной мены звуков, образующей ряды, пересекающиеся друг с другом. Как говорилось выше (см. § 59), в древний период истории русского языка его фонетической системе была свойственна такая позиционная мена, которая образовывала

¹ За исключением отсутствия в безударном положении фонем [ô] и [ê], о чем уже говорилось.

параллельные, непересекающиеся ряды (первоначально такие ряды образовывали только [a] // [ˈa] и [y] // [ˈy]; впоследствии такие ряды расширились в связи с усилением воздействия на качество гласных соседних, предшествующих и последующих, согласных и отсюда с расширением процессов передвижки гласных в более переднюю зону образования или приобретения ими напряженности¹); непараллельные же ряды позиционной мены, причем морфологически ограниченные, образовывали только [ъ], [ь] и [ы], [и] перед [j] или [и] (см. § 60). Эти непараллельные ряды были утрачены после падения редуцированных в связи с изменением [ы] и [и] в гласные [o] и [e] в сильной позиции и исчезновением их в слабой (см. § 111). Кроме того, такой ряд, возможно, образовали фонемы [a] и [ä] в положении после мягких согласных (см. § 60). Этот ряд был утрачен вместе со смягчением полумягких, — тогда, когда [ä] > [a] после мягкого. Таким образом, до возникновения аканья русский язык знал только параллельные ряды позиционной мены гласных.

Когда развитие редукции безударных гласных и возникнове-ние аканья в части русских говоров привели к появлению различий сильных и слабых позиций для гласных фонем, — тогда в таких акающих говорах возникли, наряду с параллельными рядами позиционной мены, новые — непараллельные, пересекающиеся ряды. Параллельные ряды в акающих говорах характеризуют ударный слог, где гласные фонемы [a], [y], [o] выступают в своих разновидностях в зависимости от качества соседних согласных, причем эти разновидности выступают параллельно, не совпадая друг с другом. Иначе говоря, например, там, где выступает [ˈa] (т. е. [a] после мягкого), там выступают и [y], [o]; там, где выступает [aˈ] (т. е. [a] перед мягким после твердого согласного), там выступают и [yˈ], [oˈ] и т. д. Непараллельные же, пересекающиеся ряды образуют гласные в безударных слогах, причем в разных акающих говорах здесь обнаруживаются несколько различные системы. Например, в таких говорах, которые сходны по системе вокализма с литературным языком, в первом предударном слоге после твердых согласных на месте [a] и [o] выступает один гласный [ʌ], т. е. происходит мена двух гласных под ударением с одним гласным в первом предударном слоге; в остальных безударных слогах на месте [a] и [o] выступает также один гласный, но более ослабленный, редуцированный [ъ]. В первом же предударном слоге после мягких согласных на месте трех гласных неверхнего подъема — [a], [o], [e] — выступает один гласный [и^е], являющийся эквивалентом этих трех гласных. Таким образом, здесь происходит мена трех гласных под ударением с одним — в первом предударном слоге. Например, [п'а́тый], [н'о́с], [л'е́с], но [п'и^ета́к], [н'и^есу́], [в-л'е^есу́].

В акающих говорах с сильным яканьем в первом предударном после мягких согласных на месте [a], [o], [e] выступает один глас-

¹ См. об этом ниже, § 148.

ный [a], т. е. в этом случае в качестве члена пересекающегося ряда выступает уже не особый звук (каким является [и^е]), а один из тех, который выступает и под ударением (ср.: [п'а́тый], [н'о́с], [л'е́с] и [п'а́та́к], [н'а́су́], [в-л'а́су́]). Подобные различия будут наблюдаться в акающих говорах с иными системами вокализма после мягких согласных.

Итак, возникновение редукции безударных гласных и развитие аканья привели к перестройке фонетической системы ряда русских диалектов, переживших эти процессы. После возникновения аканья фонетические системы разных русских говоров стали больше различаться между собой, ибо в языке развились явления, характерные для одних диалектов и не характерные для других. При этом изменение безударного вокализма оказало влияние не только на систему гласных, но и на систему согласных, где в зависимости от этого также развились явления, отличающие разные русские говоры друг от друга (см. § 143).

ИСТОРИЯ КАТЕГОРИИ ТВЕРДОСТИ-МЯГКОСТИ СОГЛАСНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 139. В истории категории твердости-мягкости согласных в русском языке сыграл роль не только процесс падения редуцированных, освободивший твердость-мягкость от позиционной обусловленности, но и такие явления, как функциональное объединение [и] и [ы], изменение [е] в [о], утрата особых фонем [é] и [ô] в ряде русских диалектов и развитие аканья.

Для того чтобы понять все те моменты, которыми характеризуется история категории твердости-мягкости согласных в русском языке, необходимо рассмотреть ее в связи с перечисленными явлениями.

§ 140. Прежде всего необходимо еще раз повторить, что до развития аканья категория твердости-мягкости согласных была одинаково выражена в русском языке как в ударном, так и в безударных слогах, т. е. система различения твердых и мягких согласных была одинаковой как перед ударными, так и перед безударными гласными.

После смягчения полумягких (см. § 102) твердые и мягкие согласные различались перед [a] и [y] и нейтрализовались в мягком согласном перед гласными переднего ряда. Это значит, что перед [a] и [y] могли выступать как твердые, так и мягкие согласные, а перед гласными переднего ряда выступали только мягкие (и на месте твердых, и на месте мягких). Перед остальными же гласными переднего образования (т. е. перед [o], [ɤ], [ы]) выступали только твердые согласные, и, таким образом, перед этими гласными не было противопоставления твердых и мягких согласных друг другу.

Да и противопоставленность твердых-мягких перед [a] и [y] была сильно ограничена, ибо вторичносмягченные согласные выступали только перед тем [a], который возник из [ä] (< [ɛ]), а перед [y] вообще могли быть лишь исконно парные твердые-мягкие.

Начало расширения противопоставленности твердых-мягких согласных было положено, как видно, развитием процессов морфологической аналогии. Эти процессы, выразившиеся во взаимодействии твердых и мягких вариантов склонения с древней основой на ъ и а и во взаимодействии мягкой разновидности основ на ъ с основами на ї, привели к расширению противопоставленности твердых и мягких согласных перед гласными. Так, например, если, как только что говорилось, перед [y] по твердости-мягкости различались лишь исконно парные по этому признаку согласные, а мягкие, возникшие из полумягких, перед [y] никогда не выступали, то, следовательно, первоначально в эпоху после смягчения полумягких различались лишь пары [py] — [p'y], [ly] — [l'y], [ny] — [n'y], [cy] — [c'y], [zy] — [z'y], но не различались [ty] — [t'y], [dy] — [d'y], [py] — [p'y], [by] — [b'y], [my] — [m'y], [vy] — [v'y]. Такие противопоставления появились лишь в результате развития процессов морфологической аналогии — влияния склонения основ на ъ мягкой разновидности на основы на ї муж. р. (т. е. тогда, когда, например, вместо формы дат. пад. ед. ч. [черв'и], [голуб'и], [тест'и], [гвозд'и] и т. д. под влиянием дат. пад. ед. ч. [кон'у], [князь'у], [муж'у] появились формы [черв'у], [голуб'у], [тест'у], [гвозд'у] и т. д.), а также в результате проникновения в русский язык некоторых иноязычных слов типа *бюст*, *пюре* и т. п.

Такого же рода аналогия вызвала и расширение противопоставленности твердых-мягких согласных перед [a]. Появление форм типа [черв'а], [голуб'а], [тест'а], [гвозд'а] под влиянием [кон'а], [князь'а], [муж'а] — вместо первоначальных [черв'и], [голуб'и], [тест'и], [гвозд'и] обусловило более широкие пределы распространения противопоставленности твердых-мягких согласных перед [a].

Точно так же, по-видимому, в результате действия морфологической аналогии в суффиксах и окончаниях первоначально возникает противопоставленность твердых-мягких согласных и перед [o]: ср. [пилой] — [земл'ой], [дном] — [дн'ом], [колом] — [кул'ом], [котом] — [пут'ом] и т. д.

Таким образом, еще до эпохи падения редуцированных противопоставленность твердых и мягких согласных могла расширить свои границы и возникать там, где ее первоначально не было.

§ 141. Серьезные изменения в системе противопоставленности твердых и мягких согласных возникли в эпоху падения редуцированных, причем эти изменения коснулись как противопоставленности согласных перед гласными, так и противопоставленности их перед согласными.

Если обратиться к явлениям, связанным с противопоставленностью твердых-мягких согласных перед согласными, то здесь надо

отметить сложные процессы, по-разному охватывающие различные категории согласных. Оказалось, что после падения редуцированных одни согласные стали противопоставляться по твердости-мягкости перед определенными согласными и не противопоставляться перед другими; другие—вообще не развили противопоставления по твердости-мягкости ни перед какими согласными; третьи—противопоставляться перед такими согласными, перед которыми другие согласные не противопоставляются, и т. д. Так, например, губные согласные перед твердыми и мягкими губными, зубными и заднеязычными не различаются по твердости-мягкости: они могут быть здесь или только твердыми, или только мягкими. Так, твердые губные выступают перед твердыми же губными, а мягкие — перед мягкими (ср. [фпал] и [в'б'ит], [об'вал] и [л'уб'в'й], [об'ман] и [об'м'ер] и т. д.); перед мягкими зубными могут быть только твердые губные (ср. [мн'е], [зе'мл'а], [пс'йна], [вз'ат']), так же как и перед мягкими заднеязычными (ср. [я'мк'и], [тря'п'к'и] и т. п.). Только в некоторых, очень немногих говорах есть частичное противопоставление твердых и мягких губных перед твердыми-мягкими зубными: это те говоры, которые сохраняют мягкость губного перед суффиксами, имевшими в истории русского языка в своем составе [ь] (например, *-ьск-*, *-ьн-*); в таких говорах произносят, скажем, мос[кóф'с'к'ий] и [фска'чь, зéм'с'к'ий] и ком[сá] и т. п. С другой стороны, например, твердые и мягкие зубные различаются перед твердыми губными и заднеязычными (причем иногда даже перед мягкими заднеязычными), но не различаются перед твердыми и мягкими зубными, перед шипящими и [ц]. Перед твердыми губными и заднеязычными имеем: [вэ'рб]а — бо[р'бá], [кóсмь] — пи[с'мó], [избá] — ре[з'бá], [кармáн] — тю[р'мá], [тка'ть] — дя[т'ка], [бáнк]а — [бáн'к]а, [гóрк]а — [гóр'к]о и т. д. Но перед твердыми зубными произносятся лишь твердые зубные, а перед мягкими — мягкие: [здал] и [з'д'е]сь, [рост] и [рас'т'й], [сна] и [с'н'а]ть, [казнá] и [каз'н'] и т. д. Перед [ш], [ж], [ч'], [ц] наблюдается очень сложная картина в употреблении твердых и мягких согласных, подробное рассмотрение которой выходит за рамки задач исторической грамматики русского языка.

Все эти явления в своем возникновении связаны с тем, что после утраты слабых редуцированных твердые и мягкие согласные оказывались перед разными твердыми и мягкими согласными, в силу чего возникали процессы или утраты, или появления позиционной мягкости и твердости в зависимости от характера последующего согласного.

Все эти процессы привели к укреплению непараллельных, пересекающихся рядов чередующихся твердых-мягких согласных в русском языке, начало развитию которых было положено процессом смягчения полумягких согласных.

§ 142. Что касается противопоставленности твердых-мягких согласных перед гласными, то само падение редуцированных, т. е.

утрата особых фонем [ɤ] и [ɤ], не внесло в нее принципиальных изменений, хотя и не прошло совершенно бесследно в этом отношении. Так, изменение [ɤ] и [ɤ] в сильном положении в [o] и [e] привело к утрате одной позиции, в которой выступали только твердые согласные (перед [ɤ]), и одной позиции нейтрализации твердых-мягких согласных (перед [ɤ]); однако за этот счет укрепились позиция нейтрализации твердых-мягких перед [e], а вместе с тем твердые согласные шире стали употребляться перед [o].

Более важную роль в истории противопоставленности твердых-мягких согласных сыграли функциональное объединение [и] и [ы] и изменение [e] в [o].

После падения редуцированных, когда [и] и [ы] функционально объединились (см. § 129), позиция перед фонемой [и] стала позицией противопоставления парных твердых-мягких. В положении перед [и] стали различаться парные твердые-мягкие [п — п'], [б — б'], [в — в'], [ф — ф'], [м — м'], [т — т'], [д — д'], [с — с'], [з — з'], [л — л'], [н — н'], [р — р'], при этом после твердых фонема [и] выступает в разновидности [ы], а после мягких в разновидности [и]. Позиция перед [и], таким образом, стала новой позицией противопоставления твердых-мягких.

Следует иметь в виду, что эта позиция противопоставления твердых-мягких является позицией, распространенной по всем диалектам русского языка. В отличие от этого возникшая после падения редуцированных позиция противопоставления твердых-мягких перед [o] выступает лишь в тех диалектах, которые пережили процесс изменения [e] в [o]. В таких диалектах, при отсутствии [o] между мягкими согласными, твердость-мягкость различается лишь перед [o] после твердого перед любым согласным и перед [o] после мягкого перед твердым. Таким образом, в позиции перед [o] противопоставляются [т — т'], [д — д'], [с — с'], [з — з'], [л — л'], [н — н'], [р — р'], [п — п'], [б — б'], [м — м'], [в — в'], [ф — ф'] (ср.: [тот] — [т'от]ка, [дом] — [д'орн], [сор] — [ф'с'о], [з'ор]кий — [з'ор]на, [лом] — [л'ок], [нос] — [н'ос], [рот] — [вр'от], [пот] — [п'ос], [вол] — [в'ол], [бог] — [гр'еб'от], [мок] — [м'орт]вый, [фó]ка — [ф'ód]ор и т. д.).

Изменение [e] в [o], таким образом, обусловив возможность противопоставления парных твердых-мягких, перечисленных выше, перед [o], создало новую позицию такого противопоставления и ликвидировало еще одну позицию, в которой могли выступать только твердые согласные. В тех же диалектах, которые после падения редуцированных развили различие [o] и [ô], может быть позиция, где выступают только твердые согласные — позиция перед [ô]. Однако эти диалекты могут впоследствии утратить такую позицию, так как в результате развития аналогического характера [ô] могло начать появляться и после мягкого, в результате чего и эта позиция становилась позицией различения твердости-мягкости.

Наконец, различия в области противопоставленности твердых-

мягких согласных по русским диалектам связаны и с судьбой [e̯]. Как известно, после смягчения полумягких позиция перед [e̯] являлась позицией нейтрализации твердых-мягких согласных; эта позиция, наряду с такой же позицией перед [e], сохранилась в тех говорах, которые знают особый звук [ê] на месте старого [e̯]. Наоборот, те говоры, в которых на месте [ê] произносится [e], утратили эту позицию нейтрализации твердых-мягких согласных, и в них сохранилась только одна такая позиция — позиция перед [e].

Итак, после всех описанных изменений в русском языке сложились новые отношения в противопоставленности твердых-мягких согласных перед гласными. Твердые-мягкие согласные стали теперь противопоставляться перед [a], [o], [y], [и] и не противопоставляться перед [e]: в этой позиции твердость-мягкость согласных нейтрализуется, и здесь на месте твердых и мягких выступают мягкие согласные. Таким образом, если позиции перед [a], [o], [y] и [и] являются сильными позициями для твердых-мягких согласных, то позиция перед [e] оказывается слабой. Отсюда становится ясным, что и в области твердых-мягких согласных укрепляются непараллельные, пересекающиеся ряды позиционной мены, когда двум фонемам — твердой и мягкой — в сильных позициях соответствует одна звуковая единица в слабых позициях.

§ 143. После возникновения аканья в тех говорах, где оно развилось, системы противопоставленности твердых и мягких согласных в ударных и безударных слогах стали различными, так как вместе с аканьем в безударных слогах, причем в разных по-разному, складывается свое противопоставление твердых и мягких. Это зависит от системы безударного вокализма того или иного говора, которая характеризуется разными особенностями после твердых и после мягких согласных. Так, например, в литературном русском языке и в говорах, сходных с ним по безударному вокализму, в первом предударном слоге различается не пять, как в ударном, а три гласные фонемы: в положении после твердых согласных — [ʌ], [и] ([ы]), [y], а в положении после мягких [и^е], [и], [y] (например, [вʌdá], [дʌlá], [быlá], [сурóк] и [в'и^е сна́], [п'и^е та́к], [р'и^ек'и́], [л'убóф'], [в'ис'и́]). Если внимательно рассмотреть эти примеры, то можно установить, что гласные [ʌ] и [и^е] являются не разными фонемами, а разновидностями одной фонемы, выступающими в разном звуковом виде после твердых ([ʌ]) и после мягких ([и^е]) согласных. Трактовка [ʌ] и [и^е] в данном случае как разновидностей одной фонемы обуславливается тем, что оба они противопоставлены другим гласным лишь по одному признаку — по подъему языка — и различие их зависит только от твердости-мягкости предшествующего согласного. Следовательно, в слогах типа [дʌ́] — [д'и^е] ([дʌ́ма] — [д'и^ела́]) выступают две согласные фонемы и одна гласная в двух своих разновидностях. Таким образом, твердые и мягкие согласные в говорах подобного типа в первом предударном

слоге различаются перед [ʌ] — [и^е], [и — ы] и [y]: [дʌlá] — [д'и^еlá], [сыр'эт'] — [с'ин'эт'], [тумán] — [т'уф'ák].

Если сравнить с рассмотренной системой противопоставления твердых-мягких согласных ту систему такого противопоставления, которая характерна для говоров, например, с умеренным яканьем, то здесь картина окажется несколько иной. В говорах с умеренным яканьем в первом предударном слоге после твердых согласных выступают гласные [a], [и], [ы], [y], т. е. здесь обнаруживается та же система, что и в литературном языке; в положении же после мягких согласных наблюдаются разные системы гласных в зависимости от качества последующего согласного: перед твердыми различаются гласные [a], [и], [y], а перед мягкими — только [и] и [y]. Это обуславливает тот факт, что перед твердыми согласными твердые-мягкие противопоставлены перед [a], [и — ы], [y] (например, [далá] — [д'алá], [мышéй] — [м'илá], [лубók] — [л'убóф']), а перед мягкими — только перед [и — ы] и [y], но не перед [a] (например, [квы-л'á] — [в'ис'í], [дырá] — [д'ил'í], [сыр'эт] — [с'ин'эт'], [лук'э] — [л'уд'эй], но только [рад'эт], [сал'йт'], [бал'уй] и т. д.).

Точно так же по-разному складывается противопоставленность твердых-мягких согласных в других русских говорах, характеризующихся своими системами безударного вокализма.

В целом все процессы изменения гласных звуков „способствовали расширению противопоставленности твердых и мягких согласных, образуя новые позиции, в которых твердость-мягкость начинает различаться, или устраняя позиции, в которых твердые и мягкие согласные не были противопоставлены“¹.

§ 144. И с т о р и я ш и п я щ и х, а ф ф р и к а т [ц], [ч']

и с л и т н ы х [ш'ч'], [ж'д']. Шипящие [ш] и [ж] и аффрикаты [ц'], [ч'] никогда не были парными фонемами по твердости-мягкости. Известно, например, что в современном литературном русском языке [ш], [ж] и [ц] всегда твердые согласные, [ч'] — мягкий. В связи с тем, что [ш], [ж], [ц] возникли исконно в русском языке как мягкие звуки, их история — это история их отвердения. Причем процесс отвердения [ш], [ж], [ц] не связан с падением редуцированных.

Вопрос о времени отвердения [ш], [ж] и [ц] решается по данным письменных памятников на основе написаний соответствующих букв с последующими гласными. При этом в решении данного вопроса помогает в общем только одно написание — с последующей буквой *ы*, написание, которого не было ни в старославянской, ни в древнерусской орфографии до определенного времени. Наличие написаний типа *жы, шы, цы* с несомненностью может свидетельствовать о твердости соответствующих согласных звуков.

Для [ш] и [ж] указания на их твердость есть с конца XIV в:

¹ Л. Э. К а л ы н ы н ь. Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке, с. 217.

в духовной грамоте Дмитрия Донского 1389 г. отмечено *живите, держытѣ, Шышкина* и др. Для [ц] — в XVI в.: в «Домострое» встречаются написания *концы, нацыдят*. О разном времени отвердения [ш], [ж] и [ц], причем именно о позднем для [ц], свидетельствуют и разные явления в истории изменения [e] в [o] перед [ш], [ж] и [ц]¹. Известно, что [ц'] сохранилось больше, чем [ш'] и [ж'], и в современных говорах: мягкие [ш] и [ж] известны теперь островками в Кировской, Ивановской и других областях, а [ц'] есть в значительной части северновеликорусских диалектов.

Наконец, надо иметь в виду, что отвердение [ш'] и [ж'] осуществлялось раньше перед задними гласными и позже перед передними: в говорах, где до сих пор может сохраняться мягкость шипящих, она наблюдается чаще перед гласными переднего ряда, тогда как перед гласными заднего ряда [ш] и [ж] уже отвердели (в таких говорах произносят [шáпка], [жáба], но [ш'ит'], [ж'из'н']).

Звук [ч'] в литературном русском языке и в говорах сохранил исконную мягкость, отвердев в белорусском языке и частью в украинском. Иногда [ч] твердое встречается и в западнорусских и северновеликорусских говорах.

Что касается слитных [ш'ч'] и [ж'д'], возникших, как отмечалось выше (см. § 83), из [stj], [skj], [sk] и [zdj], [zgj], [zg] как мягкие, то основной путь их изменения в истории русского языка заключается в утрате взрывного элемента и превращении их в долгие шипящие [ш'] и [ж']. Этот путь находит свое отражение в литературном языке: [ш'у́ка], [иш'у́], [л'еш'á], [вóж'и], [дрóж'и], [дóж'ик] и т. д. При этом в большинстве говоров [ш'] и [ж'] не удержали мягкости и отвердели, т. е. изменились в [ш] и [ж]: [шúка], [ишú], [л'ешá], [вóжы], [дрóжы], [дóжык] и т. п.

Однако, кроме этого основного изменения, слитные [ш'ч'] и [ж'д'] могли испытать и иную судьбу. Прежде всего здесь надо сказать о том, что иногда они могли сохраниться в исконном виде, т. е. в некоторых говорах и сейчас произносят [ш'ч'у́ка], [иш'ч'у́], [л'еш'ч'á], [вóж'д'и], [дрóж'д'и], [дóж'д'ик] и т. д. В других говорах, например в некоторых вологодских, олонецких, [ш'ч'] и [ж'д'] отвердели, т. е. в таких диалектах наблюдается произношение [шчúка], [ишчú], [л'ешчá], [вóжды], [дрóжды], [дóждык] и т. д. Наконец, в некоторых говорах Вологодской области наблюдается утрата копечного фрикативного элемента в [ш'ч'], [ж'д'], т. е. изменение их в [ш'т'], [ж'д']. В таких говорах произносят [ш'т'у́ка], [иш'т'у́], [л'еш'т'á], [вóж'д'и], [дрóж'д'и], [дóж'д'ик] и т. д.

¹ См. выше, § 124.

§ 145. Все рассмотренные процессы в истории шипящих, аффрикат [ц], [ч], а также слитных [ш'ч'], [ж'д'] не привели к коренным преобразованиям системы согласных русского языка. Однако они отложили определенный отпечаток на эту систему. В частности, в тех говорах, которые сходны по судьбе этих согласных с литературным языком, сложилась такая система, в которой [ш], [ж] и [ц] являются непарными твердыми согласными, а [ч'], [ш'] и [ж'] — непарными мягкими. Во многих северновеликорусских говорах [ц] выступает как непарная мягкая согласная; в некоторых же как северновеликорусских, так и южновеликорусских говорах [ш] и [ж] являются непарными твердыми. Но во всех говорах русского языка все эти согласные остаются непарными по твердости-мягкости.

ФОНЕТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РУССКОГО ЯЗЫКА КОНЦА XVI — НАЧАЛА XVII В. В ЕЕ ОТНОШЕНИИ К ПРЕДШЕСТВУЮЩИМ ПЕРИОДАМ РАЗВИТИЯ

§ 146. Все те фонетические процессы, о которых шла речь выше и которые определили пути изменения звуковой системы русского языка, закончили свое развитие в XVI в. Можно думать, что в последующие периоды происходило лишь у к р е п л е н и е т е х о с н о в н ы х черт этой системы, которые стали о п р е д е л я т ь ее уже в более ранние эпохи. После XVI в. в истории звуковой системы русского языка уже не было таких коренных переломов, смен одной эпохи другой, как это было раньше. Ни в истории вокализма, ни в истории консонантизма уже нельзя обнаружить каких-то резких сдвигов, нарушающих те соотношения гласных и согласных фонем, какие сложились в период XII—XVI вв.

Поэтому возможно, обобщая сказанное ранее, установить о б щ и й п у т ь р а з в и т и я фонетической системы русского языка и основные особенности, которыми она стала характеризоваться в результате действия различных фонетических процессов в истории этого языка.

§ 147. В начале исторического периода развития русский язык характеризовался господствующим положением вокализма в фонетической системе. Это господство вокализма выражалось не столько в том, что гласных фонем в тот период было намного больше, чем их осталось позже, сколько в том, что именно г л а с н ы е о п р е д е л я л и характер предшествующих согласных, с которыми они были неразрывно связаны. По существу только две фонемы — [a] и [y] — несколько изменяли свое качество под влиянием предшествующего мягкого согласного (см. § 59). Все же остальные гласные фонемы выступали всегда в одном и том же, постоянно присущем им виде, оказывая воздействие на предшествующий согласный. Если учесть, что в период сохранения тенденции к открытости слога роль слогораздела была, без сомнения, большей и

что поэтому начальный согласный последующего слога не мог оказывать существенного влияния на конечный гласный предшествующего слога, — если учесть это, то можно утверждать, что в период до смягчения полумягких гласные фонемы действительно являлись определяющим элементом фонетической системы русского языка, так как именно они, характеризуясь постоянными признаками по подъему языка, по наличию или отсутствию лабиализации, а также и по ряду, изменяли качество предшествующего им согласного.

Такое господство вокализма продолжалось до смягчения полумягких, развитие которого обусловило серьезные изменения во всей фонологической системе древнерусского языка (см. § 94 и след.). Несмотря на то что этот период характеризуется развитием силлабем, представляющих собою неразложимые сочетания твердых-мягких согласных с непередними-передними гласными, древнерусский язык сохранял свой фонемный строй и уже тогда стал менять общую фонологическую систему, у с и л и в а я в н е й р о л ь к о н с о н а н т н ы х р а з л и ч и й и ослабляя соответственно роль вокализма. Это выразилось, с одной стороны, в расширении состава согласных фонем и в сохранении противопоставленности парных твердых-мягких перед [a] и [y], а с другой — в дефонологизации признака зоны образования гласных, утрате фонемы [ä] и превращении [и] и [ы] в потенциальные варианты одной фонемы. Такое развитие фонологической системы древнерусского языка после смягчения полумягких определило то, что дальнейшие изменения этой системы могли развиваться только в направлении ко все большему усилению роли консонантизма в русском языке. Эти изменения были связаны с падением редуцированных и вызванными им явлениями. Именно после утраты [ъ] и [ь] как самостоятельных фонем в фонологической системе русского языка полностью с т а л г о с п о д с т в о в а т ь к о н с о н а н т и з м.

Чем же было вызвано такое изменение в соотношении между гласными и согласными русского языка и в чем выражается подчиненность вокализма консонантизму в русском языке?

§ 148. В истории русского языка развитие системы гласных шло все время по линии уменьшения состава гласных за счет объединения ранее различных фонем в одной фонеме. Так случилось и с носовыми гласными, которые были утрачены древнерусским языком, в результате чего [q] объединилось с [y], а [ɛ] преобразовалось первоначально в [ä], в дальнейшем объединившееся с [a] (см. § 95); так случилось и с фонемами [и] и [ы], когда вместо этих двух самостоятельных фонем возникла одна — [и], которая стала иметь разновидность [ы], выступающую после твердых согласных (см. § 129); так случилось во многих говорах и с фонемой [ě], совпавшей с [e] или с [и] (см. § 126—127). Даже возникновение новой фонемы [ô] не привело по существу к расширению состава гласных,

ибо [ô] оказалось очень неустойчивым и в большинстве русских говоров совпало с [o].

В результате всех этих процессов в литературном русском языке и в большинстве говоров сохранилось только пять гласных фонем (а для некоторых говоров их может быть шесть или семь), выступающих в сильной позиции — в положении под ударением. В безударных же слогах количество выступающих фонем еще меньше. Эти процессы сокращения состава гласных фонем вели и к ослаблению фонематической роли вокализма в звуковой системе русского языка.

С другой стороны, появление в русском языке фонемы [ɸ], а главное — освобождение твердости-мягкости согласных от позиционной обусловленности и в связи с этим превращение мягких согласных в самостоятельные фонемы привели к расширению состава согласных фонем русского языка: к периоду XV—XVI вв. в фонетической системе этого языка были согласные фонемы [т — т'], [д — д'], [с — с'], [з — з'], [п — п'], [б — б'], [в — в'], [ф — ф'], [м — м'], [н — н'], [р — р'], [л — л'], [j], [ч'], [ж], [ш], [ц], [ш'], [ж'], [к], [г], [х]. Уже само увеличение состава согласных фонем не могло не повести к усилению фонологической роли консонантизма в звуковой системе русского языка.

Однако не только увеличение состава согласных, но и процессы развития в системе гласных обуславливали приобретение русским языком консонантного характера. В этом отношении главную роль сыграли функциональное объединение [и] и [ы] и изменение [е] в [o], которые создали условия для расширения противопоставления твердых и мягких согласных перед гласными (см. § 142). Кроме того, надо иметь в виду, что нарушение прежней слоговой структуры и распространение в русском языке закрытых слогов имели своим следствием развитие и усиление воздействия согласных на предшествующие гласные. В результате всего этого оказалось, что гласные фонемы стали иметь только два постоянных признака: степень подъема языка и наличие или отсутствие лабиализации; образование же гласных по ряду оказалось целиком зависящим от качества соседних согласных. Эта зависимость выражается в том, что гласные непереднего ряда в соседстве с твердыми согласными не изменяются в отношении образования по ряду, а в соседстве с мягкими согласными испытывают передвижку артикуляции в более переднюю зону, причем эта передвижка носит различный характер в зависимости от того, в каком отношении к мягкому согласному находится гласный. В положении после мягкого перед твердым непередний гласный продвигается вперед в начальной стадии своей артикуляции, после твердого перед мягким — в конечной стадии, а между мягкими — на всем протяжении артикуляции. Итак, для непередних гласных есть следующие соотношения: [тат], [т'ат], [та·т'], [т'äт'], например: [мал], [м'ал] — [ма́·л'чик] — [м'äл'н], [тол] — ко[т'·ол] — [то·л'] — [кот'·о́л']чик, [сруп] (сруб) — [р'·у́м]ка — [ру·л'] — [бр'·у́к'и] и т. д.

Что же касается передних гласных, то они не изменяются в положении после мягких перед твердыми, но передвигаются в среднюю зону образования после твердых перед твердыми; в положении же после твердых перед мягкими они, наряду с передвижкой в среднюю зону образования, испытывают одновременно передвижку и вперед в конечной стадии артикуляции, а между мягкими становятся так называемыми напряженными, т. е. несколько передвигаются вверх, не меняя, однако, по существу степени подъема языка. Итак, для передних гласных есть следующие соотношения: [г'ит], [тыт], [тыт''], [т'ит''], например: [м'ил] — [мыл] — [мыл'] —

[м'ил'а], [в'ил] — [выл] — [выт''] — [в'ит''], [д'эло] — [дэка] — [дэ'л'та] — [д'эл'е], [п'ел] — [пэр] — [пэ'р'и] — [п'эл'и] и т. д.

Процессы воздействия соседних согласных на гласные привели к тому, что в русском языке широко развились параллельные ряды позиционной мены гласных. Особенно ясно эти ряды выступают в положении под ударением, где воздействие предшествующих и последующих согласных привело к передвижке артикуляции гласных. Такими параллельными рядами чередующихся гласных стали являться:

[a] // [a'] // [a''] // [ä]	[и] // [ы] // [ы'] // [и'']
[o] // [o'] // [o''] // [ö]	[e] // [э] // [э'] // [ê]
[y] // [y'] // [y''] // [ÿ]	

Таким образом, в русском языке после всех прошедших фонетических (да и не только фонетических) процессов согласные стали определять качество связанных с ними гласных, причем эту определяющую роль играют не только предшествующие, но и последующие согласные. Теперь слова, скажем, [сат] и [с'äт'] отличаются в своей звуковой оболочке не разными гласными [a] и [ä], а разными согласными фонемами; различие же гласных целиком зависит от качества соседних согласных. Точно так же звуковые оболочки форм [т'ын]а и [т'ын']а отличаются не [и] и [ы], а [т] и [т']; различие же между [и] и [ы] обусловлено мягкостью-твердостью предшествующего согласного.

Если прибавить к сказанному еще и то, что безударный вокализм в русских диалектах, особенно после мягких согласных, во многом зависит от качества последующего согласного, то определяющая роль согласных в фонетической системе русского языка станет еще яснее.

§ 149. Итак, звуковая система русского языка на протяжении своей истории пережила многие изменения, однако во всех этих изменениях прослеживается основное направление ее развития. Это направление заключается в том, что от системы, в которой определяющую роль играл вокализм, русский язык перешел к системе,

в которой такую определяющую роль выполняет консонантизм. Поэтому можно говорить, что в фонетическом отношении русский язык имеет ярко выраженный консонантный характер. Все те явления в истории русского языка, которые рассматривались выше и которые носили в ряде случаев, казалось бы, частный характер, — все они вели русский язык по пути основного развития его фонетической системы, — вели к складыванию тех особенностей, которые характеризуют ее современное состояние.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р. И. Из истории русского вокализма. Звуки *i* и *y*. „Вестник МГУ“, 1947, № 1; то же в кн.: Р. И. Аванесов. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974, с. 238—259; Вопросы образования русского языка в его говорах. „Вестник МГУ“, 1947, № 9; Лингвистическая география и история русского языка. „Вопросы языкознания“, 1952, № 6; К вопросам образования русского национального языка. „Вопросы языкознания“, 1956, № 2; Очерки русской диалектологии, ч. 1. М., 1949, с. 145; Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956, с. 109, 163—166, 177—182; Русское литературное произношение. М., 1968, с. 153—157.

Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, с. 275—279.

Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1965, с. 151—152.

Георгиев В. Аканье и иканье в истории русского языка. Сб. „Проблемы современной филологии“. М., 1965.

Калнынь Л. Э. Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке. „Ученые записки Института славяноведения“, т. XIII, с. 151 и след.

Колесов В. В. Историческая фонетика русского языка. Л., 1980.

Кузнецов П. С. К вопросу о происхождении аканья. „Вопросы языкознания“, 1964, № 1.

Марков В. В. Замечания о втором полногласии в русском языке. „Ученые записки Казанского ун-та“, вып. 15, 1958; Некоторые новые данные о русских народных говорах. „Вопросы языкознания“, 1957, № 5.

Обнорский С. П. Избранные работы по русскому языку. М., 1960, с. 215—234.

Орлова В. Г. Типы употребления аффрикат как различительный признак русских говоров. „Вопросы языкознания“, 1957, № 1.

Сидоров В. Н. Из истории звуков русского языка. М., 1966.

Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. 1907, с. 76—78.

Фалев И. О редуцированных гласных в древнерусском языке. „Язык и литература“, ч. II, вып. 1. Л., 1927, с. 111—112.

Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962; Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972.

Черных П. Я. Язык Уложения 1649 г. М., 1953, с. 201 и след.

Шахматов А. А. Исследование о языке новгородских грамот XIII—XIV вв. СПб., 1886, с. 138—217; Из истории звуков русского языка. СПб., 1903; Введение в курс истории русского языка, ч. 1. Пг, 1916; Очерк древнейшего периода истории русского языка. „Энциклопедия славянской филологии“, вып. 11, ч. 1. Пг., 1915, с. 128—135, 217—294, 335—343.

Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953, с. 134—151.

МОРФОЛОГИЯ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 150. Историческая морфология русского языка как наука изучает основные процессы в истории морфологического строя этого языка. Эти процессы отражают развитие русского языка по его внутренним законам. При этом историческая морфология изучает пути развития морфологической системы русского языка на всех доступных для такого изучения этапах его истории.

Как известно, грамматический строй языка, т. е. его морфологическая и синтаксическая структуры, является наиболее устойчивой частью языка. Однако это обстоятельство не означает, что грамматический строй, и в частности морфологическая система, вообще не подвергается изменениям. Если, например, сравнить русский язык XIII—XIV вв. с современным русским языком, то можно обнаружить, с одной стороны, что в морфологическом отношении здесь мало что изменилось принципиально, а с другой—можно видеть, что за прошедшие 600—700 лет, срок в общем небольшой для истории языка, морфологическая система значительно преобразовалась, и не только в каких-либо периферийных областях, но и в достаточно важных своих элементах.

Вместе с тем следует хорошо помнить о связанности разных сторон языка между собой, которая выражается в том, что явления, возникшие в одной области языка, с течением времени могут переходить в другую его область. Особенно важно установить связь фонетической стороны языка и ее изменений с морфологической и ее изменениями. Как уже говорилось, целый ряд морфологических явлений в истории русского языка имеет первопричиной своего возникновения фонетические процессы. Так, чисто фонетические изменения конца слова, возникшие еще в праславянский период и связанные с действием закона открытого слога, привели к переразложению основ имен существительных, что вызвало в свою

очередь изменение типов склонения слов в славянских языках¹. Известно также, что такой чисто фонетический процесс, как падение редуцированных, привел к возникновению чередований гласных с нулем звука, превратившихся впоследствии в морфологическое средство образования форм слов (см. § 116).

Есть и еще целый ряд изменений морфологического характера в истории русского языка, связанных в своем возникновении с явлениями, развившимися в результате определенных фонетических процессов, имевших место в разные периоды истории русского языка.

Это, конечно, не исключает того, что многие явления в области истории морфологической структуры, особенно на относительно поздних исторических этапах ее развития, возникали по внутренним законам развития самой морфологической системы. Такие явления существуют, и о них необходимо говорить.

§ 151. Как при изучении исторической фонетики, так и при изучении исторической морфологии мы пользуемся двумя источниками: письменными памятниками прошлого, в которых зафиксированы факты морфологической системы русского языка в различные исторические периоды его развития, и современными диалектами, в которых, с одной стороны, сохраняются многие факты, утраченные уже системой литературного языка, а с другой — развиваются (вернее — развивались) те тенденции древнерусской морфологии, которые или не развились, или развивались в ином направлении в разных диалектах и в литературном языке. Вместе с тем для восстановления тех периодов в истории морфологической системы русского языка, которые не зафиксированы памятниками и диалектами, мы пользуемся данными сравнительной грамматики, позволяющими восстановить этот далекий период.

§ 152. Вместе с тем область исторической морфологии в настоящее время остается менее изученной, чем историческая фонетика. И дело здесь заключается не в том, что еще мало накоплено фактического материала вообще: фактов в области истории морфологической системы русского языка известно вполне достаточно. Однако вместе с тем до сих пор остается неясной сама морфологическая система русского языка в тот или иной период ее развития. В области фонетической истории можно, например, установить, чем характеризовалась звуковая система древнерусского языка к моменту появления письменности, как она изменилась в результате различных фонетических процессов к XIV в. и, наконец, сложилась к концу XVI — началу XVII в., причем в каждый из отмеченных периодов возможно указать на основные особенности этой системы, определяющие ее характер именно как системы. В области же истории морфологии остается невыясненным,

¹ См. подробнее ниже, § 165.

как совмещались друг с другом те или иные элементы морфологической системы в данный период ее развития, остается неизвестной взаимная связь развивающихся и изменяющихся фактов в единой живой системе. Устанавливая, например, факт разрушения старых типов склонения имен существительных и определяя, какие из этих типов подвергались разрушению раньше, а какие — позже, мы в то же время не имеем возможности точно установить даже состояние системы склонения существительных живого древнерусского языка к моменту появления письменности. Тем более это оказывается сложным для поздних эпох развития русского языка. Точно так же обстоит дело, например, и с историей форм прошедшего времени глагола. Устанавливая последовательность утраты этих различных форм в истории русского языка и укрепление единой формы прошедшего времени, мы в то же время не можем с достоверностью определить, как в действительности функционировали эти формы в морфологической системе древнерусского языка разных периодов его истории.

Это объясняется, между прочим, тем, что если в области исторической фонетики уже выработаны методы точного определения живых, характерных для разговорного древнерусского языка явлений, в отличие от традиционных, „мертвых“, свойственных только письменной форме этого языка, то в области исторической морфологии такое разделение фактов, зафиксированных в памятниках, еще невозможно осуществить с полной достоверностью. Так, если в памятнике письменности отмечаются, скажем, старые формы твор. пад. мн. ч. существительных муж. р. с окончанием *-и*, *-ы* (например, *съ товарищи*, *съ рабы* и т. п.) и одновременно новые — с окончанием *-ами*, то вопрос о том, сосуществовали ли эти формы в живом языке данной эпохи, или одна из них была лишь традиционной, решить подчас не только трудно, но и невозможно. Именно этим объясняется отсутствие возможности установить действительно живую систему форм словоизменения, в которой отдельные элементы взаимосвязаны между собой.

Таким образом, в настоящее время нет еще такого представления об истории морфологической системы русского языка, которое позволяло бы представить эту историю не как историю отдельных морфологических категорий и форм, а как историю с и с т е м ы э т и х к а т е г о р и й и ф о р м.

В связи со сказанным явления в истории морфологической системы русского языка рассматриваются не так, как в истории его фонетической системы. Если в последней рассмотрение путей развития тех или иных явлений завершилось в конечном счете характеристикой системных отношений, охватывающих весь звуковой строй древнерусского языка в данный момент его истории, то в области исторической морфологии завершающим моментом служит установление характера того или иного явления на конечном этапе его развития. Этим конечным этапом является современный русский язык. Следовательно, в исторической морфологии

развитие тех или иных явлений начинает рассматриваться с момента появления первых памятников письменности и завершается установлением характера данного явления в современном русском языке¹.

Таким образом, рассмотрение истории морфологической системы будет вестись в плане анализа развития отдельных категорий и форм этой системы на всех доступных для изучения этапах их истории. Это рассмотрение должно в конечном итоге показать, какой путь прошла та или иная морфологическая категория или форма от древнерусского (а может быть, и от общеславянского) периода до современного русского языка.

**ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОРФОЛОГИЧЕСКОГО
СТРОЯ РУССКОГО ЯЗЫКА К МОМЕНТУ ПОЯВЛЕНИЯ
ПЕРВЫХ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ.
ЧЕРЕДОВАНИЯ ГЛАСНЫХ И СОГЛАСНЫХ КАК
МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО**

§ 153. Как известно, русский язык по своей морфологической структуре является языком с флективным строем. Эта флективная система русского языка полностью сложилась уже ко времени появления письменных памятников. Сущность такой системы заключается в том, что связь слов в предложении обозначается главным образом с помощью флексий (окончаний слов). Это, конечно, не значит, что в русском языке не было и нет иных средств для выражения связи и отношений между словами (можно упомянуть, например, порядок слов), но все же главную роль играют связи, выражаемые через флексию. Таким образом, флексии являются главным морфологическим средством русского языка. В связи с тем что историческая морфология занимается историей морфологических средств, и прежде всего тех, которые служат для образования форм слов, т. е. средств формообразования, словоизменения, изучение истории флексий, или, иначе, истории форм склонения и спряжения слов, имеет огромное значение при изучении истории морфологической системы русского языка.

Само собой понятно, что флексии служат для образования форм слов, но не новых слов. Вместе с тем роль морфологических средств, при помощи которых образуются как формы слов, так и новые слова, выполняют различного рода аффиксы, т. е. суффиксы и префиксы.

¹ Конечно, в большинстве случаев для понимания складывания тех или иных элементов морфологической системы древнерусского языка необходимо привлечение данных сравнительно-исторической грамматики индоевропейских и славянских языков. И поэтому начало развития тех или иных явлений может отодвигаться в древнюю, дописьменную эпоху. В этом отношении дело обстоит так же, как и в исторической фонетике, где описание древнерусской звуковой системы к началу письменности не исключает установления более ранних периодов ее развития.

Аффиксация слов была широко распространена уже в самом начале письменной истории русского языка. При этом префиксы были характерны как средство образования глаголов, а суффиксы — как средство образования и глаголов, и имен. Так, например, от *писати* с помощью префиксов образовывались такие глаголы, как *за-писати*, *надѣ-писати*, *подѣ-писати*, *при-писати*; от *ходити* — *вы-ходити*, *за-ходити*, *на-ходити*, *при-ходити*. От этих глаголов суффиксальным способом были образованы существительные *запись*, *подѣпись*, *выходѣ*, *заходѣ*, *находѣ* („нападение“, Изборник 1073 г.), *приходѣ*. Кроме того, примерами широко развитого суффиксального словообразования могут служить такие древнерусские факты, как *зѣлоба* — *зѣлоб-ие* — *зѣлоб-ь* — *зѣлоб-ивши* — *зѣлоб-ьныи*, *пити* — *пи-ва-ти* — *пи-во* — *пи-ва-ние* — *пив-ьныи* — *пив-ьць*, *писа-ти* — *писа-ло* (орудие писания) — *писа-ль-никѣ* — *писа-ние* — *писа-рь* — *писа-тельникѣ*, *погыбати* — *погыб-ну-ти* и т. д.

В древнерусском языке для образования новых слов использовалось также словосложение, причем при этом способе словообразования создавались в большинстве случаев слова с абстрактным значением; ср., например, *зѣловѣрие* (Минеи 1096 г.), *сѣнь-нописание* („иносказательное изображение“), *смѣхотворение*, *всѣдѣржитель*, *тѣрноплодѣи* (Григорий Назон, XI в.) и т. д. Многие из подобных слов являются кальками с греческого языка, проникшими в древнерусский через посредство старославянского. Таковы, например, слова *жестокосердие* (греч. *selērokardia*), *баснословие* (греч. *mythologia*) и др.

§ 154. Наконец, важным морфологическим средством образования слов и их форм в русском языке являются чередования гласных и согласных звуков.

Чередование — это изменение фонем, не зависящее от фонетических, позиционных условий и играющее грамматическую роль, т. е. служащее для выражения различных грамматических значений.

Древнерусский язык к началу письменного периода знал чередования гласных и согласных, причем в силу того, что чередования гласных сложились в целом намного раньше, чем чередования согласных, установить закономерности появления той или иной ступени чередования первых в ряде случаев оказывается затруднительным.

§ 155. В древнерусском языке в основной ряд чередующихся гласных входили звуки [e] || [o] || [ы] || [ѣ] || [a], однако очень редко этот ряд можно установить полностью: большей частью в древнерусском языке обнаруживаются лишь некоторые ступени таких чередующихся гласных; ср., например, *стѣлати* — *стелю* — *столѣ*, *мѣроу* — *мерети* — *морѣ*, *тѣци* — *теку* — *притѣкати* — *токѣ*, *бѣрати* — *бероу* — *сѣборѣ*, *положити* — *полагати*, *летѣти* — *летати*. Все эти чередования наблюдаются, как это видно уже из примеров, в различных формах глагола и в отглагольных суще-

ствительных. Однако трудно установить, когда именно, т. е. в каких именно формах или словах, выступает та или иная ступень чередования. Так, если, с одной стороны, в *брати* — *бероу*, *стлати* — *стелю* ступень [ь] выступает в инфинитиве, а ступень [е] — в настоящем времени, то в *мерети* — *мьроу*, *терети* — *тьроу* отношения оказываются обратными. Конечно, в ряде случаев закономерность в проявлении той или иной ступени чередования гласного выдерживается достаточно последовательно (например, в отглагольных существительных выступает ступень [о]: *бероу* — *сѣборѣ*, *текоу* — *токѣ*, *везоу* — *возѣ* и т. д.; в формах повелительного наклонения глаголов с основой на заднеязычный — ступень [ь]: *текоу* — *тъци*, *пекоу* — *пыци*, *жегоу* — *жьзи*; в глаголах, обозначающих однократность действия, — ступень [о], а в обозначающих многократность действия — ступень [а]: *положити* — *полагати*, *помочи* — *помагати*, *точити* — *тачати* и т. д.), но все же в целом эти отношения сильно затемнены.

В древнерусском языке наблюдались и некоторые иные чередования гласных, характеризующие формообразование этого языка. Так, широко были распространены чередования [ь] || [и] и [ѣ] || [ы]: *брати* — *сѣбрати*, *оумьроу* — *умирати*, *тьроу* — *затирати*, *сѣлати* — *посылати*, *дѣхнути* — *дыхати* и т. п.; чередование [ѣр] || [ере] || [оро]: *въртѣти* — *веретено* — *вороти-ти*, *жѣрдѣ* — *ожерелье* — *городѣ*¹; чередование [ере] || [ор]: *мерети* — *морѣ*, *берещи* — *сѣборѣ* и т. п.

Следует назвать еще чередование [ä] || [y], восходящее к чередованию [е] || [о] (см. § 79): *мѣти* (= [м'äти]) — *моука*, *трясти* — *троуѣ* („землетрясение“), *звѣкнути* — *звонѣ* и т. д. Как видно из примеров, это чередование (как, впрочем, и чередования [ѣр] || [ере] || [оро], [ере] || [ор]) использовалось при словообразовании, т. е. как средство образования новых слов.

§ 156. Что касается чередований согласных, то в древнерусском языке как чередующиеся выступали следующие звуки: [к] || [ч], [г] || [ж], [х] || [ш], [к] || [ц], [г] || [з], [х] || [с], [т] || [ч], [д] || [ж], [с] || [ш], [з] || [ж], [п] || [пл'], [б] || [бл'], [м] || [мл'], [в] || [вл'], [н] || [н'], [р] || [р'], [л] || [л'].

Все эти чередования следует рассмотреть подробнее.

Чередование заднеязычных с шипящими ([к] || [ч], [г] || [ж], [х] || [ш]), широко известное в древнерусском языке, наблюдалось перед суффиксами и окончаниями, имеющими в своем составе гласный переднего ряда, в именах и глаголах, образованных от основ на заднеязычный согласный. Например, *другѣ* — *дружичина*, *мѣхѣ* — *мѣшкѣ*, *вѣкѣ* — *вѣчнѣ*, *отрокѣ* — *отрочьскыи*, *нога* — *ножька*, *послухѣ* — *послуше* (зват. форма), *текоу* — *течиши*, *берегоу* — *бережемѣ*, *бѣгоу* — *бѣжить*, *дыхати* — *дышити* и т. д.

¹ В последнем ряду вместе с чередованием гласных наблюдается и изменение согласного, вызванное исторически влиянием гласного.

Вместе с тем подобное чередование наблюдалось в глагольных основах и перед гласным заднего ряда [a]: *слухати, слоухаю* — *слышати, слышоу*; *бѣгати, бѣгаю* — *бѣжати, бѣжоу*.

Чередование заднеязычных со свистящими ([к] || [ц], [г] || [з], [х] || [с]) наблюдалось в древнерусском языке в падежных формах склонения существительных с основой на *o* и *a*, причем свистящий выступал в тех формах, где были окончания [e] и [и] (например, *роука* — *роуцѣ*, *нога* — *нозѣ*, *другъ* — *друзи*, *отрокъ* — *отроци*, *соха* — *соцѣ*, *моуха* — *моуцѣ*, *послоухъ* — *послоуси* и т. д.); это чередование наблюдалось и при образовании форм повелительного наклонения глаголов с основой на заднеязычный (например, *пек-коу* — *пѣци*, *текоу* — *тыцѣте*, *жегоу* — *жьзи*, *берегоу* — *березѣмѣ*) и в некоторых иных случаях.

Что же касается чередований переднеязычных [т], [д], [с], [з] с шипящими и губных [п], [б], [м], [в] с сочетаниями „губной + [л']“, то они выступали прежде всего в глагольных формах, а именно — мягкие согласные (т. е. [ч], [ж], [ш] и [пл'], [бл'], [мл'], [вл']) наблюдались в 1-м л. ед. ч. настоящего времени глаголов IV класса¹: *воротити* — *ворочоу*, *видѣти* — *вижоу*, *просити* — *прошоу*, *возити* — *вожоу*, *коупити* — *коуплю*, *любити* — *люблю*, *ломити* — *ломлю*, *ловити* — *ловлю*.

Эти чередования наблюдались также в отглагольных существительных (например, *носити* — *ноша*, *капати* — *капля*, *ловити* — *ловля* и т. п.) и в притяжательных прилагательных (*Всеволодъ* — *Всеволожь*, *Свѣнльдъ* — *Свѣнльжи*, *Ярославъ* — *Ярославль*, *Перемыслъ* — *Перемышь* и т. д.). В тех же притяжательных прилагательных наблюдалось и чередование [н], [л], [р] с [н'], [л'], [р']:
боянъ — *боянь*, *Володимиръ* — *Володимирь* и т. п.².

В древнерусском языке были, конечно, и некоторые другие чередования согласных, которые здесь специально не характеризуются. Точно так же и описанные выше чередования охватывали больше категорий слов и форм, чем это было приведено в качестве примеров. Однако и то, что сказано о чередованиях, дает возможность утверждать широкую их распространенность в древнерусском языке как средства образования новых слов и форм слов.

К началу письменного периода в истории русского языка чередования являлись вполне сложившимся морфологическим средством словообразования и словоизменения.

§ 157. По своему происхождению чередования связаны с фонетикой — они возникли в результате фонетических изменений. Однако, имея такое происхождение, чередования в своей истории постепенно потеряли связь с фонетикой и в результате аналогии были перенесены в не зависящие от фонетических условий положения, превратившись тем самым в морфологическое средство.

¹ О классах глаголов см. ниже, § 224.

² Об образовании притяжательных прилагательных см. ниже, § 208.

Этот путь превращения фонетического явления в морфологическое средство можно проследить, например, на истории заднеязычных и шипящих. Известно, что еще в ранний праславянский период заднеязычные [к], [г], [х], попадая в положение перед гласными переднего ряда, изменялись в мягкие шипящие [ч], [ж], [ш] (см. § 82), в то время как перед гласными заднего ряда [к], [г], [х] сохранялись без изменения. Таким образом возникли вполне закономерные отношения: перед гласными заднего ряда [к], [г], [х], а перед гласными переднего ряда [ч], [ж], [ш] (ср. др.-русск. *роука* — *роучька*, *берегоу* — *бережемъ*, *текоуть* — *течеши* и т. д.). Однако очень рано шипящие стали появляться не только перед гласными переднего ряда, но и перед [а] и [у] (по происхождению из [у] и [q]; см. § 84); впоследствии же, в результате изменения [е] в [о], шипящие оказались и перед [о]: ср. совр. [бережѐм], [течѐм]. Так возникала возможность появления шипящих, наряду с [к], [г], [х], перед одними и теми же гласными заднего ряда. Если же учесть, что после падения редуцированных шипящие могли оказаться вообще перед согласным звуком (ср.: *роучька* > *ручка*, *дружьныи* > *дружный*, *доушьныи* > *душный* и т. п.), а после изменения [кы], [гы], [хы] в [к'и], [г'и], [х'и] заднеязычные стали выступать перед гласными переднего ряда (ср.: *хитрый*, *кислый*, *гибкий* и т. п.), то можно понять, что все эти процессы затемнили указанные выше закономерные отношения. В связи со всем этим чередование [к || ч], [г || ж], [х || ш] оказалось лишенным фонетической обусловленности и стало иметь лишь морфологическое значение.

Разрыв фонетических связей между [к], [г], [х] и [ч], [ж], [ш] наступил очень рано — тогда, когда закончилось действие первой палатализации и заднеязычные начали изменяться в свистящие (см. § 82), т. е. тогда, когда шипящие стали самостоятельными фонемами. Морфологизация же отношений между [к], [г], [х] и [ч], [ж], [ш] окончательно установилась тогда, когда фонетические процессы падения редуцированных, изменения [е] в [о] и [кы], [гы], [хы] в [к'и], [г'и], [х'и] уничтожили условия, которые ограничивали области распространения заднеязычных и шипящих, — когда появление [ч], [ж], [ш] на месте [к], [г], [х] стало обуславливаться не фонетической позицией, а характером той или иной морфологической категории.

О морфологизации чередования [к], [г], [х] с [ч], [ж], [ш] свидетельствуют новообразования, в которых нельзя уже говорить о сохранении традиции. Иначе говоря, если бы, например, эти чередования наблюдались лишь в тех словах и формах, где после [ч], [ж], [ш] когда-то был гласный переднего ряда, и не наблюдались в поздно образованных словах, то вопрос о морфологичности отношений заднеязычных и шипящих, вероятно, должен был бы решаться более сложно. Однако такие соотношения выступают не только в таких словах давнего происхождения, как *рука* — *ручка*, *нога* — *ножка*, *мех* — *мешок*, *прок* — *прочный*, *друг* —

дружина, много — множество и т. д., но и в таких новых словах, как *флаг — флажок, ударник — ударничество, брак — брачный, кибернетика — кибернетический* и т. д. Наличие чередований заднеязычных с шипящими в подобного рода словах связано не с тем, что здесь когда-то прошли определенные фонетические процессы, сохранившие свои следы в настоящее время, а с тем, что подобные формы возможны ныне только с шипящими, ибо данное чередование — обязательное средство образования указанных слов или форм слов.

Как известно, в современном русском языке чередование заднеязычного с шипящим всегда присутствует при образовании от существительных с основой на [k], [g], [x] уменьшительных с суф. -ок, -к- (*дружок, бочок, пушок, ножка, ручка*), увеличительных с суф. -ищ- (*дружище, ручища*), уничижительных с суф. -онк- (из -ьнѣк-) (*ручонка, пастушонок*), с суф. единичности -ин- (*жемчужина, горошина*), с суф. отвлеченности -еств- (*множество, человечество*), прилагательных с суф. -н- (из -ьн-) (*ножной, срочный, ушной*), с суф. -ист- (*порожистый, пушистый*), глаголов с суф. -и- (*дружить, калечить, сушить*) и т. д.

Точно так же обстояло дело и в истории иных чередований согласных русского языка, которые, возникнув как фонетическое явление, пережили процессы морфологизации¹.

Сложнее обстоит дело с происхождением чередований гласных. И дело здесь, конечно, не в том, что пути их возникновения и развития были иными, чем это наблюдается в истории чередований согласных, а в том, что чередования гласных сложились в намного более древний период, чем чередования согласных. Как видно, основной ряд чередований гласных сложился еще в общеиндоевропейский период, — не случайно такие чередования обнаруживаются не только в славянских, но и в иных индоевропейских языках.

Как возникли чередования гласных — это вопрос очень сложный. Однако полагают, что первоначальным чередованием является чередование [e] || [o], в котором, вероятно, первой ступенью являлось [e], а [o] возникло в результате позиционного изменения [e].

Что же касается других чередующихся гласных основного ряда, то они представляют собой результаты различных изменений чередования [e] || [o]. Так, [ē] и [a] являются ступенями удлинения [e] и [o] ([ē] > [ē], [ō] > [a]), а [ы] — ступенью редукции тех же гласных, возникшей, вероятно, первоначально в безударном положении. Морфологизация чередований гласных произошла также в очень древнюю эпоху.

Итак, чередования в истории их возникновения проходят такие этапы: „1) звук изменяется в другой звук в определенных фонети-

¹ О фонетических явлениях, приведших к возникновению чередований согласных (процессы палатализации заднеязычных и изменения сочетаний согласных с [j]), см. § 82—83.

ческих условиях; 2) вследствие позднейших фонетических изменений... отношение между старым и новым звуком перестает быть обусловлено положением; 3) в результате действия аналогии новый звук является и там, где он фонетически никогда не возникал и не мог возникнуть; 4) отношение между старым и новым звуком морфологизуется, т. е. становится показателем определенных различий морфологического порядка¹.

§ 158. Чередования по своему происхождению восходят к разным историческим эпохам. Одни из них возникали еще в общеславяно-индоевропейскую эпоху, другие — в период существования праславянского языка, третьи — в древнерусский период и даже уже после распада древнерусского языка. Поэтому в истории чередований можно обнаружить много изменений: некоторые из них на протяжении истории русского языка утрачивались, некоторые возникали как новые явления, а некоторые подвергались преобразованиям.

Правда, возникновение новых чередований в языке наблюдается очень редко. В области гласных, например, для всего древнерусского языка можно назвать лишь возникновение чередования гласных [o] и [e] с нулем звука, появившееся в результате падения редуцированных. О возникновении этих чередований подробно уже было сказано (см. § 116). В некоторых диалектах возникло еще новое чередование [e] с [o], не связанное со старым чередованием [e] || [o]. Оно наблюдается в корнях глаголов с основой на заднеязычный, типа [п'оку́] — [п'еко́ш], [с'т'ер'огу́] — [с'т'ер'е́гош] и т. п. Возникновение этого чередования связано с тем, что в подобных говорах произошла аналогическая замена [ч] и [ж] на [к] и [г] под влиянием форм 1-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч. В результате этой замены соотношение „[o] перед твердым“ — „[e] перед мягким“, в котором появление [o] или [e] определялось качеством последующего согласного, — это соотношение оказалось утраченным: наличие [o] или [e] в корне глагола стало определяться не качеством последующего согласного, а формой: в 1-м л. ед. ч. и 3-м л. мн. ч. выступает [o], а в остальных — [e]. Так возникло новое чередование [o] с [e], характерное для ряда русских диалектов.

В области согласных в истории древнерусского языка развилось чередование твердого согласного с соответствующим мягким ([с] || [с'], [з] || [з'], [т] || [т'], [н] || [н'] и т. д.). Такое чередование возникло в результате изменения [e] в [o], например: [п'есу́] — [п'ес'ош], [пл'ету́] — [пл'ет'ош], [в'еду́] — [в'ед'ош] и т. д. Подобное же чередование наблюдается и при образовании повелительного наклонения, когда на конце слова появляется мягкий согласный в качестве показателя формы (этот мягкий возникает здесь в ре-

¹ П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953, с. 19—20.

зультате утраты конечного [и]), например: [с'аду] — [с'ат'], [вста́ну] — [фстан'] и т. д.

Что касается преобразования чередований, то в этой области можно назвать изменение чередования [ъ] || [ы], [ь] || [и] в чередование [ы] и [и] с нулем звука, возникшее в результате утраты редуцированных. Ср., например, *бѣрати* — *сѣбѣрати*, *сѣлати* — *посылати* и *брати* — *собѣрати*, *слати* — *посылати*.

Точно так же старое чередование [е] || [о] преобразовалось в чередование „твердый согласный || мягкий согласный“, что было вызвано процессом изменения [е] в [о]. Например, вместо чередующихся [е] || [о] в [в'езъ] — [возъ] возникли чередующиеся [в] || [в'] в [в'ос] — [вос]; то же самое в [г'ок] — [ток], [л'ок] — [лок] и т. п.

Разрушение и утрата старых чередований также широко известны в русском языке, особенно в его диалектах. Так, например, произошла утрата чередований [к] || [ц], [г] || [з], [х] || [с] в падежных формах имен существительных в результате аналогического распространения [к], [г], [х] во всех падежах (т. е. вместо *роуцѣ*, *нозѣ*, *слоуцѣ*, *моуцѣ* и *боци*, *рози*, *слоуси* возникли *руке*, *ноге*, *слуге*, *мухе* и *боки*, *роги*, *слоухи*). Эта же утрата произошла и в формах повелительного наклонения глаголов с основой на заднеязычный: вместо *тыци*, *пыци*, *жьци* возникли *теки*, *пеки*, *жи*¹. Единственным следом этих чередований в русском языке является форма *друзья*, связанная с *друг*. В диалектах теряются чередования в глаголах IV класса (типа [т] || [ч], [п] || [пл'] и т. п.), что происходит в результате выравнивания основ: вместо *колотити* — *коложу*, *купити* — *куплю* и т. п. возникает *колотити* — *колотю*, *купити* — *купю* и т. п. Точно так же утрачивается чередование твердого согласного с мягким, что обуславливает появление форм *ведѹ* — *ведѣш*, *везѹ* — *везѣш* и т. д., а также *пекѹ* — *пекѣш*, *текѹ* — *текѣш*, *берегѹ* — *берегѣш* и т. д.

Существуют и некоторые иные явления, связанные с утратой старых чередований.

В силу того что в настоящее время еще недостаточно изучен материал письменных памятников различных периодов истории русского языка, ныне трудно установить, когда именно и как шла утрата тех или иных чередований. Однако можно сказать, что в целом древнерусский язык к началу письменности не знал еще чередований гласных с нулем звука и чередований твердого и мягкого согласного, возникших уже в письменный период истории русского языка. Все остальные чередования, возникнув в более древние периоды истории, были унаследованы древнерусским языком и в дальнейшем развитии языка или сохранились, или подверглись преобразованиям, или, наконец, утратились; причем процессы преобразования и утраты тех или иных чередований проходили несколько по-разному в различных русских диалектах.

¹ Эти чередования сохранились в украинском и белорусском языках.

ОТНОШЕНИЕ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО ЧЛЕНЕНИЯ СЛОВА К ЗВУКОВОМУ СТРОЮ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

§ 159. Если обратиться к эпохе появления первых памятников письменности и посмотреть на характер морфологической структуры слова, то здесь можно увидеть некоторые закономерные отношения этой структуры к звуковому строю древнерусского языка. Эти отношения определяются характером звуковой системы языка, в котором сохранялись результаты действия закона открытого слога. Закон открытого слога, диктовавший необходимость расположения звуков в слоге в порядке возрастающей звучности, определил тот факт, что в древнерусском языке морфологическое членение слова могло не совпадать с его фонетической структурой.

Если, например, фонетическая структура слова *лодѣка* определялась наличием в нем трех открытых слогов: [ло/дѣ/ка], то морфологическое членение этого слова было иным: *лод-ѣк-а*. Ср. то же самое в таких случаях, как [сѣ/плѣ/ту] и *сѣ-плѣт-оу*, [то/пл'у] и *топл'-у*, [ду/шь/нѣ] и *доуш-ьн-ѣ* и т. д.

Таким образом, нельзя отождествлять фонетическую, слоговую структуру слов древнерусского языка с их морфологическим членением. Действие закона открытого слога определяло тот факт, что при слогоделении древнерусских слов могло обнаруживаться своего рода „расчленение“ морфем, входящих в состав неодноморфемного слова.

ЧАСТИ РЕЧИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 160. Система частей речи в древнерусском языке к моменту начала письменности в целом была такой же, как и в современном. В древнерусском языке по своим основным грамматическим признакам были противопоставлены имя и глагол, которые характеризовались своими, только им присущими категориями. Для имени были характерны категории рода, числа и падежа, для глагола — времени, вида, наклонения и лица.

В пределах имени были противопоставлены существительное и прилагательное, однако это противопоставление было менее отчетливым, чем в современном языке. Дело в том, что наряду с местоименными прилагательными (или полными) в древнерусском языке были еще именные (или краткие), которые изменялись так же, как существительные. Хотя местоименные прилагательные, так же как и именные, возникли еще в дописьменную эпоху, но все же они возникли позднее именных, и исконно были только краткие прилагательные, которые могли выступать одновременно как существительные без какого-либо изменения формы.

В пределах имени выделялось и местоимение, где особенности в грамматических категориях, отличающие местоимения от других

частей речи, в древнерусском языке (как и теперь) имели лишь личные местоимения 1-го и 2-го лица (у них отсутствует категория рода) и возвратное (здесь отсутствуют категории рода и числа).

Особенностью древнерусского языка по сравнению с современным было отсутствие числительных как особой части речи, которая есть в современном русском языке (речь идет о количественных числительных). Дело заключается в том, что при наличии в языке слов, выражающих числовые понятия, числительные не выделялись в особый грамматический класс со своими, только им присущими категориями. Числительные до *четырёх* по грамматическим своим свойствам сближались с прилагательными, а с *пяти* — с существительными¹.

Наконец, в древнерусском языке были и наречия, но класс этой части речи был более ограничен, чем теперь, так как формирование наречий из других частей речи в большинстве случаев происходило на протяжении эпох, засвидетельствованных письменными памятниками.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1965, с. 171—185.

Кузнецов П. С. О возникновении и развитии звуковых чередований в русском языке. „Известия Отделения литературы и языка АН СССР“, т. 11, вып. 1, 1952; Чередования в общеславянском языке-основе. „Вопросы славянского языкознания“, вып. 1. М., 1954; Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953, с. 17—29.

¹ См. подробнее ниже, § 214.

ИСТОРИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

§ 161. Именам существительным древнерусского языка были свойственны в целом те же категории, какие присущи существительным и в современном языке, т. е. это были категории рода, числа и падежа. Однако только первая категория, включавшая различие существительных трех родов — мужского, женского и среднего, была в древнерусском языке в принципе такой же, как и теперь. Что же касается категории числа, то в отличие от современного русского языка в древнерусскую эпоху было не два числа — единственное и множественное, а три, ибо существовало еще и двойственное число. Наконец, кроме шести падежных форм, т. е. именительного, родительного, дательного, винительного, творительного и местного (современного предложного) падежей, была еще звательная форма, имевшая, правда, особые флексии не во всех числах и не у всех существительных.

На протяжении развития русского языка происходили различные изменения в формах выражения грамматических категорий, постепенно ведущие к установлению тех форм, какие наблюдаются в современном языке; поэтому все эти явления требуют специального рассмотрения. Однако все же наибольшим изменениям в истории имен существительных подверглись типы склонения, имевшие в древности иной характер по сравнению с современным русским языком.

ТИПЫ СКЛОНЕНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

§ 162. Характерной особенностью склонения существительных в древнерусском языке к эпохе начала письменности являлась его многотипность. Многотипность склонения выражалась в том, что одни и те же падежи у разных существительных имели разные окончания, причем многообразие окончаний было более обширным, чем в современном языке. Эта многотипность является особенностью, унаследованной древнерусским языком (как и другими славянскими языками) из праславянского и далее из индоевропейского языка. Если говорить точнее, система склонения существительных, которая в основных своих чертах выступает в древнерусском языке к началу письменности, сложилась в общиндоевропейскую эпоху и полностью была унаследована праславянским языком, где начала переживать определенные изменения. Сущность этой системы

заклучалась в том, что все существительные делились на ряд классов, каждый из которых имел особенности в склонении. Таких классов в индоевропейском языке было шесть (или, как иногда считают, пять). В ранний период праславянского языка, унаследовавшего эти классы, каждый класс характеризовался последним звуком основы. С этой точки зрения имена делились на два класса: один — с основой на согласный, другой — с основой на гласный, причем последний распадался на ряд разрядов в зависимости от того, на какой гласный оканчивалась основа. Именно это деление существительных и установление типов склонения по основам принято в исторической морфологии для древнерусского языка, в системе склонения существительных которого выделяют следующие шесть (или пять) типов.

Существительные с основой на $\bar{o}$ (или слав. o)¹,
на $\bar{y}$ (“ $\bar{z}$),
на $\bar{a}$ (a),
на $\bar{i}$ (b),
на согласный.

Шестой тип — на $\bar{u}$ (или слав. u) — принимается не всеми лингвистами. Это связано с тем, что существительные, склонявшиеся по данному типу, имели в единственном числе такие же окончания, что и в основах на согласный, а во множественном — что и в основах на $\bar{a}$.

§ 163. По типу склонения на $\bar{o}$ изменялись существительные мужского и среднего рода, имевшие в имен. пад. ед. ч. окончания [ъ] или [o] после твердых согласных и [ь] или [e] — после мягких. Таким образом, в этом склонении различались две разновидности — твердая и мягкая (т. е. исконно основы на $\bar{o}$ и $\bar{j}\bar{o}$). К словам, изменявшимся по типу основ на $\bar{o}$, относились, например, такие, как *родъ*, *столъ*, *вълкъ* и *конь*, *моужь*, *мечь*, *старьць* (муж. р.), *село*, *озеро*, *окъно* и *поле*, *море*, *лице*, *кольце* (ср. р.). К словам этого же типа склонения принадлежали и имена существительные муж. р. на [ѣ]: *краи*, *розбои* и т. п.

По типу склонения на $\bar{y}$ изменялось несколько существительных мужского рода, имевших в имен. пад. ед. ч. окончание [ъ] после твердых согласных. К этим существительным относились слова *сынъ*, *домъ*, *врхъ*, *волъ*, *полъ* (в значении „половина“), *ледъ*, *медъ*, а также возможно, *радъ*, *даръ*, *чинъ*, *пиръ* и некоторые другие.

К типу склонения с основой на $\bar{a}$ принадлежали существительные жен. р., оканчивавшиеся в имен. пад. ед. ч. на [a] или [’a] в зависимости от твердости или мягкости предшествующего согласного. Таким образом, в этом типе склонения, так же как и в основах

¹ Гласные основы обозначаются по отношению или к индоевропейским, или к славянским звукам.

на *ǫ*, были твердая и мягкая разновидности (т. е. исконно основы на *ǣ* и *jǣ*). К словам данного типа склонения относились, например, существительные *сестра*, *жена*, *нога* и *земля*, *воля*, *доуша*, *строуа* и т. д. Сюда же относились и некоторые существительные муж. р. на [a] ([ʼa]): *слоуга*, *воевода*, *юноша* и т. п. Кроме того, по мягкому варианту этого склонения изменялись и некоторые существительные муж. р. с окончанием [ии]: (*сoudии*, *кѣрмчии*) и жен. р. на -ыни (*кѣнѣгыни*, *рабыни* и др.).

По типу склонения с основой на *ǣ* изменялись слова муж. и жен. р., имевшие в имен. пад. ед. ч. окончание [ь], причем у существительных муж. р. перед этим [ь] выступал полумягкий согласный, а у существительных жен. р. — как полумягкий, так и исконно мягкий (см. § 62). Именно наличием полумягкого, а не исконно мягкого согласного перед конечным [ь] отличались в имен. и вин. пад. ед. ч. слова муж. р., склонявшиеся по основам на *i*, от слов того же муж. р., относившихся к склонению с основой на *o* мягкого варианта. Таким образом, к данному типу склонения относились такие существительные муж. р., как *поуть*, *тьсть*, *голоубь*, *медвѣдь*, *звондь*, *огнь*, *гѣртань*, *степень*, *печать* (часть из которых в современном русском языке относится к жен. р.), и такие существительные жен. р., как *кость*, *вьсь* („деревня“), *ночь*, *рѣжь* и т. п.

К склонению с основой на согласный относились слова всех трех родов — мужского, женского и среднего, причем в имен. пад. ед. ч. здесь выступали разные окончания. Во-первых, слова муж. р., относившиеся к данному типу склонения, имели окончание [ь]: *камы* („камень“), *ремы* („ремень“), *пламы* („пламень“); однако сюда же принадлежали и слова *дѣнь*, *корень*. Во-вторых, в этот тип склонения входили два слова жен. р. с окончанием в имен. пад. ед. ч. [и]: *мати*, *дѣчи*. В-третьих, слова среднего рода этого типа могли оканчиваться на [o], например: *слово*, *тѣло*, *чудо*, *небо*, *око*, *оухо*, и на [ʼa] (из [ǣ] < [e]), например: *имѣ*, *веремѣ*, *сѣмѣ* или *телѣ*, *осѣлѣ*, *козѣлѣ*.

Наконец, к склонению с основой на *ǣ* принадлежало несколько существительных жен. р. с окончанием в имен. пад. ед. ч. [ы]: *свѣкры* („свекровь“), *цѣркы* („церковь“), *любы* („любовь“), *кры* („кровь“), *мѣркы* („морковь“), *тыкы* („тыква“), *боукы* („буква“) и некоторые другие¹. Предполагают, что по этому склонению первоначально могло изменяться и *Москы* — „Москва“².

ОБРАЗЦЫ СКЛОНЕНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

§ 164. Имена существительные в древнерусском языке склонялись по нижеприведенным образцам.

¹ Некоторые из приведенных форм имен. пад. в памятниках письменности не представлены. К ним относятся такие, как *кры*, *тыкы*. Однако косвенные падежи, засвидетельствованные в памятниках, указывают на то, что формы имен. пад. на [ы] могли существовать в языке.

² Форма имен. пад. этого слова в памятниках не засвидетельствована.

I. Существительные с основой на ѿ

Единственное число

И.	родъ	вѣлкѣ	конѣ	лѣто	море
Р.	рода	вѣлка	конѣ	лѣта	морѣ
Д.	родоу	вѣлкоу	коню	лѣтоу	морю
В.	родъ	вѣлкѣ	конѣ	лѣто	море
Т.	родѣмъ	вѣлкѣмъ	конѣмъ	лѣтѣмъ	морѣмъ
М.	родѣ	вѣлцѣ	кони	лѣтѣ	мори
Зв.	роде	вѣлче	коню	лѣто	море

Множественное число

И.	роди	вѣлци	кони	лѣта	морѣ
Р.	родъ	вѣлкѣ	конѣ	лѣтѣ	морѣ
Д.	родомъ	вѣлкомъ	конемъ	лѣтомъ	моремъ
В.	роды	вѣлки	конѣ	лѣта	морѣ
Т.	роды	вѣлки	кони	лѣты	мори
М.	родѣхъ	вѣлцѣхъ	конихъ	лѣтѣхъ	морихъ

Двойственное число

И.-В.-Зв.	рода	вѣлка	конѣ	лѣтѣ	мори
Р.-М.	родоу	вѣлкоу	коню	лѣтоу	морю
Д.-Т.	родама	вѣлкома	конема	лѣтома	морема

II. Существительные с основой на ѣ

Единственное число

Множественное число

И.	медъ	вѣрхъ	И.	медове	вѣрхове
Р.	медоу	вѣрхоу	Р.	медовѣ	вѣрховѣ
Д.	медови	вѣрхови	Д.	медѣмъ	вѣрхѣмъ
В.	медъ	вѣрхъ	В.	меды	вѣрхы
Т.	медѣмъ	вѣрхѣмъ	Т.	медѣми	вѣрхѣми
М.	медоу	вѣрхоу	М.	медѣхъ	вѣрхѣхъ
Зв.	медоу	вѣрхоу			

Двойственное число

И.-В.-Зв.	меды	вѣрхы
Р.-М.	медовоу	вѣрховоу
Д.-Т.	медѣма	вѣрхѣма

III. Существительные с основой на ѧ

Единственное число

И.	сестра	роука	волѣ	доуша	дѣвица
Р.	сестры	роуки	волѣ	доушѣ	дѣвицѣ
Д.	сестрѣ	роуцѣ	воли	доуши	дѣвици
В.	сестроу	роукоу	волю	доушоу	дѣвицю
Т.	сестроу	роукою	волею	доушею	дѣвицею
М.	сестрѣ	роуцѣ	воли	доуши	дѣвици
Зв.	сестро	роуко	воле	доуше	дѣвице

Множественное число

И.	сестры	роуѣ	волѣ	доушѣ	дѣвицѣ
Р.	сестръ	роуѣ	воль	доушѣ	дѣвицѣ
Д.	сестрамъ	роуѣмъ	воламъ	доушамъ	дѣвицамъ
В.	сестры	роуѣ	волѣ	доушѣ	дѣвицѣ
Т.	сестрами	роуѣми	волами	доушами	дѣвицами
М.	сестрахъ	роуѣхъ	волахъ	доусахъ	дѣвицахъ

Двойственное число

И.-В.-Зв.	сестрѣ	роуѣ	воли	доуши	дѣвици
Р.-М.	сестроу	роуѣу	волю	доушоу	дѣвицю
Д.-Т.	сестрама	роуѣма	волама	доушама	дѣвицама

IV. Существительные с основой на ѣ

Единственное число

И.	огнь	ночь
Р.	огни	ночи
Д.	огни	ночи
В.	огнь	ночь
Т.	огньмъ	ночию (-ью)
М.	огни	ночи
Зв.	огни	ночи

Множественное число

И.	огни (-ѣ)	ночи
Р.	огни (-ѣи)	ночи (-ѣи)
Д.	огньмъ	ночьмъ
В.	огни	ночи
Т.	огньми	ночьми
М.	огньхъ	ночьхъ

Двойственное число

И.-В.-Зв.	огни	ночи
Р.-М.	огнию (-ью)	ночию (-ью)
Д.-Т.	огньма	ночьма

V. Существительные с основой на согласный

Единственное число

И.-Зв.	камы	сѣмѣ	коло	осьлѣ	дѣчи
Р.	камене	сѣмене	колесе	осьлате	дѣчере
Д.	камени	сѣмени	колеси	осьлати	дѣчери
В.	камень	сѣмѣ	коло	осьлѣ	дѣчерь
Т.	каменьмъ	сѣменьмъ	колесьмъ	осьлатьмъ	дѣчерьмъ
М.	камене	сѣмене	колесе	осьлате	дѣчере

Множественное число

И.	камене	сѣмена	колеса	осьлата	дѣчери
Р.	камень	сѣмень	колесь	осьлатъ	дѣчерь
Д.	каменьмъ	сѣменьмъ	колесьмъ	осьлатьмъ	дѣчерьмъ
В.	камени	сѣмена	колеса	осьлата	дѣчери
Т.	каменьми	сѣменьми	колесьми	осьлатьми	дѣчерьми
М.	каменьхъ	сѣменьхъ	колесьхъ	осьлатьхъ	дѣчерьхъ

Двойственное число

И.-В.-Зв.	камени	сѣмени	колеси	осьлати	дѣчери
-----------	--------	--------	--------	---------	--------

Р.-М. каменоу сѣменоу колесоу осьлятоу дъчeroу (-ию)
 Д.-Т. каменѣма сѣменѣма колесѣма осьлятѣма дъчерьѣма

VI. Существительные с основой на ĭ

Единственное число		Множественное число	
И.-Зв.	боуки	свекры	И. боукѣви свекръви
Р.	боукѣве	свекръве	Р. боукѣвъ свекръвъ
Д.	боукѣви	свекръви	Д. боукѣвамъ свекръвамъ
В.	боукѣвъ	свекръвъ	В. боукѣви свекръви
Т.	боукѣвию (-ю)	свекръвию (-ю)	Т. боукѣвами свекръвами
М.	боукѣве	свекръве	М. боукѣвахъ свекръвахъ

Двойственное число

И.-В.	боукѣви	свекръви
Р.-М.	боукѣвоу	свекръвоу (-ию)
Д.-Т.	боукѣвама	свекръвама

§ 165. Рассматривая парадигмы склонения имен существительных в древнерусском языке, как они были приведены выше, нетрудно убедиться, что классификация типов склонения по так называемым основам носит для этого языка чисто условный характер, ибо речь идет не о живых основах, т. е. таких, которые выступают реально при изменении слов, а о доисторической основе, восстанавливаемой для индоевропейской и самой ранней праславянской эпох. Если обратиться к общиндоевропейскому языку, как он восстанавливается сравнительной грамматикой, то система склонения, например, слов типа *жена* < **genā* представляется в следующем виде:

И.	* <i>genā</i>	(чистая основа)
Р.	* <i>genās</i>	(окончание -s)
Д.	* <i>genāi</i>	(окончание -i)
В.	* <i>genām</i>	(окончание -m)
М.	* <i>genāi</i>	(окончание -i) и т. д.

По этой парадигме можно установить, что в общиндоевропейском языке здесь действительно выступала основа на гласный *ā*. Однако в таком виде склонение слов данного типа (как и других), когда основа реально выступала как живая категория, в праславянском языке могло существовать лишь в раннюю эпоху его истории, т. е. до начала действия закона открытого слога и связанных с ним явлений. Закон открытого слога начал действовать, как известно, в праславянский период, и в результате его действия основы на гласный звук исчезли. В праславянский период произошло переразложение основы, когда гласный отошел к окончанию, а основа стала оканчиваться на согласный звук.

Так, из **genā* возникло о.-слав. *žēna*, др.-русс. *жена*

из *genās

ž'enŷ (ās > y), др.-русск.

жены

из *genāi

ž'eně (āi > ě), др.-русск.

женѣ

из *genām

ž'enq(ām > q), др.-русск.

женоу

Славянская парадигма показывает, что *a* в имен. пад. стало не показателем основы, а окончанием; основа же стала оканчиваться на согласный звук. Следовательно, по существу, в позднюю праславянскую эпоху существительные имели основы на твердый или смягченный согласный, а не на гласный. Таким образом, если генетически, с точки зрения происхождения, слова *stolōs и *sŷlŷs имели основы на ō и ŷ, то уже в праславянском языке stolъ и сынъ представляли основу на твердый согласный; если слово *konjōs имело генетически основу на jō, т. е. это была мягкая разновидность основ на ō, то праславянское конь — основу на смягченный согласный.

Поэтому установить первоначальную основу в праславянских, а тем самым и в древнерусских существительных можно лишь путем привлечения данных других индоевропейских языков. Так, основа ŷ в слове сынъ устанавливается при сравнении этого слова с санскр. *śuniś*, лит. *sinis*; основа ā в роука — при сравнении с лит. *rankā*; основа i в огонь, ночь — при сравнении с лат. *ignis*, санскр. *agnis* или лат. *nox*, *noctis*, лит. *naktis*; основа ū в свекры — при сравнении с санскр. *śvaśruś*; основа -ten в сѣмѧ — при сравнении с лат. *semen*, -ter в мати — при сравнении с лат. *māter* и т. д. В самом же древнерусском языке первоначальные основы в ясно выраженном виде почти не выступают¹.

§ 166. Итак, первоначальные гласные и согласные основы еще в праславянском языке утратились, ибо произошло переразложение основ и тот звук, который раньше выступал как основа, отошел к окончанию. Однако, несмотря на эти изменения, первоначальные типы склонения все-таки еще сохранялись, ибо у каждого из этих типов была своя система падежных окончаний и в каждый из них входила своя группа слов, склонявшаяся по данному типу. Если, например, в словах stolъ и сынъ уже не было разных основ — на ō и на ŷ, а была одна основа — на твердый согласный, то система падежных окончаний у них была все же различна.

Ср.: Р. стола сыноу
Д. столуу сынови
М. столъ сыноу
Зв. столе сыноу и т. д.

¹ О некоторых следах этих старых основ см. ниже, § 167.

Поэтому можно говорить о сохранении (хотя и в преобразованном виде) индоевропейского характера первоначальной славянской системой склонения существительных. В древнерусском языке это преобразование пошло еще дальше, так как возникло взаимовлияние разных типов склонений и внутри одного склонения — между его твердой и мягкой разновидностями (в бывших основах на *o* и на *a*). В процессе взаимодействия основным является качественное преобразование старых типов, которое состояло в том, что прежняя система окончаний, характерная для определенной группы слов, отрывалась от этой лексической среды и проникала в другие группы слов, в другие типы, что приводило по существу к утрате этих особых типов, к тому, что „падеж отрывался от определенной группы... слов..., становился в большей мере обобщенным...“ приобретая грамматический характер и утрачивая свое лексическое содержание¹.

§ 167. Прежде чем рассматривать конкретные процессы распада старых типов, следует поставить вопрос о том, каким образом возникли типы склонения имен существительных, какой признак лежал в распределении имен по основам. Необходимо учесть, что первоначально распределение имен по типам склонения в соответствии с конечным звуком основы не имело отношения к делению слов по родам — мужскому, женскому, среднему. Это ясно можно видеть даже по составу слов, входивших в тот или иной тип склонения в древнерусском языке. Так, уже говорилось, что в склонение с основой на согласный входили существительные мужского, среднего и женского рода (*дѣнь, камы; имѧ, слово; мати, дѣчи* и т. д.), в склонение с основой на *i* — слова мужского и женского рода (*тѣсть, гость; кость, соль*); в склонение слов с основой на *o* — слова мужского и среднего рода (*столъ конь; село, поле*). Таким образом, признак родовой принадлежности исконно не был принципом, лежащим в основе распределения имен по типам склонения. В основе этого распределения лежал принцип семантический. Предполагают, что конечные звуки основы исконно являлись некогда живыми, но потерявшими свое значение словообразовательными суффиксами, так называемыми *к о р н е в ы м и о п р е д е л и т е л я м и* или *д е т е р м и н а т и в а м и*. Каждый такой суффикс, детерминатив, определял вхождение тех или иных слов в определенный тип по тому, какое значение имели те или иные слова, т. е. в каждый данный тип входили слова, родственные по значению. Однако эти детерминативы еще в далеком прошлом потеряли свое значение, что вызвало вхождение многих новых образований в первоначальные типы. С утратой этого живого характера детерминативов связан и переход некоторых образований из одного типа в другой.

¹ Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, с. 167.

Все это привело к тому, что первоначальные отношения были утрачены, и теперь трудно вскрыть исконные значения детерминативов. Однако некоторые попытки здесь можно сделать. Так, возможно установить, что суффикс основы *-ter объединял слова, обозначающие лиц, находящихся в близком родстве. Если в древнерусском языке с этим суффиксом выступают только два слова — *мати* и *дѣчи*, то исконно, как видно, сюда входило большее количество слов. Суффикс *-ter легко восстанавливается не только в **mater*, **dŭkter*, но и в слове *сестра* (ср. нем. *Schwester*), в слове *братъ* (ср. лат. *frater*, нем. *Bruder*, ст.-слав. *братъ*), в лат. слове *pater* — „отец“. Слова с суффиксом основы *-ent имели значение обозначения детенышей, молодых животных. Ср. *мелѧ* (<*telent-), *осьлѧ*, *мѧгнѧ*, *козьлѧ*, *щенѧ*, *поросѧ*, *дѣтѧ*. В словах с основой на ѱ можно выделить названия плодов (*тыкы*, *мѣркы*, *смокы*) и слова, обозначающие родство (*свекры*, *мтры* — жена брата мужа, *золы* — золовка — сестра мужа); в склонении с основой на і обнаруживается группа слов, обозначающих диких животных и птиц: *медвѣдь*, *рысь*, *лось*, *звѣрь*, *гоусь*, *голубь*, *лебѣдь* и т. п. Но все это, конечно, очень слабые следы старых отношений, их пережитки. Старые отношения были разрушены, затемнены, и это произошло еще в праславянскую эпоху, когда возникло перерасложение основ и отсюда — преобразование грамматической системы.

Итак, первоначально деление слов по типам склонения складывалось на основе семантического признака и не имело отношения к роду. Как видно, начало изменению типов склонения было положено влиянием родовой дифференциации слов; иначе говоря, на старое деление слов по основам стало накладываться новое — деление слов по родам. Как возникла родовая дифференциация — это вопрос неясный. Возможно, однако, считать, как предполагал Якубинский, что категория рода является новой в индоевропейских языках и что первоначально она находила свое выражение в противоположности двух родов: одушевленного, или личного, и неодушевленного, или вещественного. Возможно, что возникновение этих двух родов связано было с возникновением представления о двух началах: о личном (социально и производственно активном) и о неличном, пассивном, вещественном. Неодушевленный, или вещественный, род положил начало среднему роду, а в одушевленном постепенно развивалась противоположность мужского и женского рода. В древнерусском языке наличествует уже развитая система трех родов — мужского, женского и среднего, сложившаяся еще в праславянский период.

Если, как говорилось, первоначально типы склонения не были связаны с родовой дифференциацией слов, то теперь категория рода начинает тесно переплетаться со старыми типами склонения по основам. И под влиянием развивающейся категории рода слова первоначально одного типа переходят в иные типы. Так, например, слово *братъ* из основ на согласный (ср. лат. *frater*) пере-

ходит в основы на $\tilde{o}$, а *сестра* (ср. нем. *Schwester*) — в основы на $\tilde{a}$. В результате этого процесса в целом оказалось, что, скажем, в основах на $\tilde{a}$ сосредоточились слова только женского рода¹; в основах на $\tilde{y}$ — мужского рода; в основах на $\tilde{u}$ — женского рода, в склонение с основой на $\tilde{o}$ совершенно не входят имена женского рода. Этот процесс начинается еще в дописьменную эпоху и особенно интенсивно идет уже в эпоху письменных памятников. Он дал толчок к перераспределению слов по типам склонения, а в дальнейшем — к разрушению типов склонения по основам и к возникновению новых типов склонения.

Воздействие родовой дифференциации слов на более древнее деление их по основам ярко сказывается и в отношении падежных форм к роду. Это обнаруживается в том, что существительные определенного рода имеют характерные особенности в образовании отдельных падежных форм, не свойственные именам другого рода. Так, например, существительные ср. р. любого типа склонения всегда имеют одинаковую форму имен. и вин. пад. ед., мн. и дв. ч. (ср. ед. ч. имен. и вин. пад. *село, слово, имя, тело*, мн. ч. *села, словеса, имена, телѣта*, дв. ч. *селѣ, словеси, имени, телѣти*); если у существительных жен. р. различаются формы имен. и вин. пад. ед. ч. и не различаются эти же формы во мн. ч. (ср. имен. пад. *сестра, вола* — вин. пад. *сестроу, волю*, но во мн. ч. имен. и вин. пад. *сестры, волѣ*), то у слов муж. р., наоборот, совпадают формы имен. и вин. пад. в ед. ч. и различаются во мн. ч. (ср. ед. ч. имен. и вин. пад. *рабѣ, столѣ, конѣ*, но во мн. ч. имен. пад. *столи, раби, кони* — вин. пад. *столы, рабы, конѣ*). В твор. пад. ед. ч. существительные муж. и ср. р. любого склонения всегда имеют окончание [*ь*] (кроме редких слов типа *слоуга*), слова же жен. р. — окончание [*ју*] (ср. *рабѣь, столѣь, сынѣь, поутьмѣ, каменьмѣ и сестроу, землю, костью, дѣщерю, свекрѣвию*) и т. д. Таким образом, между родовой принадлежностью и падежными формами в древнерусском языке наблюдались совершенно определенные связи.

К разрушению старых типов склонения вело и переразложение основ существительных, связанное с явлениями конца слова и действием закона открытого слога. Когда, например, в имен. пад. были формы **stolŏs* и **sŭnŭs*, то здесь были разные основы и не было почвы для сближения двух разных типов склонения; но когда возникло *столѣ* и *сынѣ*, равно имеющие [*ѣ*] в конце после твердого согласного в имен. пад., да еще к тому же слова одного мужского рода, — тогда не стало возможности сохранить старое различие типов склонения и появилась возможность сближения их и в конечном счете утраты одного из них.

Таким образом, различные древние процессы как фонетичес-

¹ За исключением слов с основой на $\tilde{a}$, обозначающих лиц мужского пола (типа *воевода, соудья, юноша*).

кого, так и морфологического характера привели к тому, что в древнерусском языке старые типы склонения уже не могли сохраниться без изменения. Они начали разрушаться.

ИСТОРИЯ СКЛОНЕНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 168. История склонения имен существительных в русском языке заключается в том, что на протяжении развития древнерусского языка вместо шести типов склонения устанавливается три типа, объединяющие имена существительные, ранее относившиеся к разным типам склонения. Однако процесс разрушения старой системы склонения существительных и возникновения новой был не простым, а очень сложным, включавшим в себя ряд важных моментов взаимодействия разных типов склонения. Поэтому следует подробно рассмотреть конкретные пути разрушения старой и возникновения новой системы склонения существительных.

Прежде всего следует помнить о том, что после переразложения индоевропейских основ различия в окончаниях падежных форм разных типов склонения существительных оказались только историческими, ибо эти различия не мотивировались наличием разных основ. К тому же существительные, имевшие разные падежные окончания, в то же время могли принадлежать одному грамматическому роду. Это последнее обстоятельство обуславливало тот факт, что определяющие то или иное существительное прилагательные или местоимения оказывались одинаковыми по форме, независимо от того, какое падежное окончание было у данного существительного. Это толкало к сближению существительных разных типов склонения, относящихся к одному роду. При этом вполне очевидно, что скорее всего такое сближение осуществлялось в том случае, если существительные уже совпали по форме в отдельных падежах, особенно в именительном единственного числа, и если наблюдалось совпадение в характере основы этих существительных (односложность или многосложность ее), в их акцентной характеристике и т. д. Сближение существительных разных типов склонения в конечном счете вело к утрате одних из этих типов и к переходу слов, относившихся ранее к таким типам, в тот тип, какой оказался более устойчивым.

Утрата того или иного типа склонения обуславливалась относительной степенью продуктивности: в процессе сближения и взаимодействия победу мог одержать и одерживал более продуктивный тип по сравнению с менее продуктивным. Однако надо сказать, что утрата того или иного типа склонения не проходила в древнерусском языке таким образом, что этот утраченный тип исчезал совершенно бесследно: в русском языке всегда можно обнаружить определенные следы ранее существовавшего склонения.

§ 169. Утрата склонения с древней осно-

во й на и. Если обратиться к конкретным процессам истории склонения существительных в русском языке, то прежде всего следует указать на утрату склонения с бывшей основой на и (или ѣ). Этот тип склонения был непродуктивным, ибо к нему относилось всего несколько слов мужского рода (см. § 163). Склонение с основой на и рано вступило во взаимодействие с твердой разновидностью склонения с основой на ѣ, куда относилось подавляющее большинство слов мужского рода, имевших в имен. пад. ед. ч. окончание [ѣ] после твердого согласного (см. § 163). Первоначально процесс сближения этих двух склонений носил характер именно взаимодействия, взаимовлияния. Это обусловило появление в памятниках форм слов бывшего склонения на и с окончаниями, свойственными основам на ѣ, и наоборот — появление форм слов бывшего склонения на ѣ с окончаниями, свойственными основам на и. Так, с одной стороны, можно встретить формы род. пад. ед. ч. *сына* и дат. пад. *сыноу* вместо исконных *сыноу* (род. пад.), *сынови* (дат. пад.), а с другой — род. пад. *льноу* вместо исконного *льна*. Ср. факты памятников письменности: род. пад. на [а] у слов с основой на и: *вола* (Лавр. летоп.), *безѣ върха* (Хожд. игум. Даниила), род. пад. на [у] у слов с основой на ѣ: *отѣ льноу* (Изб. 1073 г.); *свѣтоу* (Минея 1096 г.); дат. пад. на [ови] у слов этого же типа: *мастерови* (Смол. грам. 1229 г.), *богови* (Арханг. ев.) и даже *Георгиеви* (Мстислав. грам. 1130 г.), *Игореви* (Лавр. летоп.); местн. пад. на [е] у слов с основой на и: *върхѣ* („наверху“, Грам. кн. Вас. Дм. 1399 г.) и на [у] у слов с основой на ѣ: *на тѣрошкоу* (Новг. летоп.), *на тѣргоу* („Русская Правда“) и т. д.

Однако процессы взаимовлияния все-таки окончились установлением единого типа склонения, т. е. утратой одного из двух взаимодействующих склонений. Этим единым типом склонения явился тип, восходящий к бывшим основам на ѣ, как более продуктивный и устойчивый. Победа склонения с бывшей основой на ѣ реально означала то, что слова, ранее склонявшиеся по основам на и, стали склоняться по основам на ѣ, т. е. получили окончания, свойственные последнему типу. Таким образом, особый тип склонения с бывшей основой на и исчез, перестал существовать в русском языке.

Однако исчезновение этого типа склонения не означает полного отсутствия всяких следов его былого существования; наоборот, в современном русском языке есть целый ряд фактов, свидетельствующих как о наличии в прошлом склонения с основой на и, так и о его достаточно сильном воздействии на склонение существительных мужского рода в русском языке. Обращаясь к этим фактам, следует сразу же учесть, что взаимовлияние основ на ѣ и на и с самого начала было таким, что последний тип склонения оказал сильное воздействие на первый в форме твор. пад. ед. ч. Известно, что исконно в славянских языках окончанием этой формы

было [мь] как в основах на ѓ, так и в основах на ѣ. С переразложением основ окончанием твор. пад. ед. ч. в основах на ѓ стало [омь], а в основах на ѣ — [тьмь] (*столомь*, но *сынъмь*). Так это зафиксировано в памятниках старославянского языка. Однако в древнерусском языке, как видно, окончание [омь] в бывших основах на ѓ очень рано, во всяком случае задолго до падения редуцированных, заменилось окончанием [тьмь] под влиянием основ на ѣ. Этот факт доказывается определенными явлениями в украинском языке. В нем, как известно, исконные звуки [о] и [е], попадая в положение закрытого слога после падения редуцированных, приобретали долготу, а далее дифтонгизировались и в конечном счете изменились в [и] (ср.: *конь* — укр. *кінь*; *печь* — укр. *піч*, см. § 109); однако в твор. пад. ед. ч. этого не произошло, и в украинском языке в этой форме произносится [о]: *столом*, *дубом*, что указывает на наличие в эпоху падения редуцированных в твор. пад. окончания не [омь], а [тьмь]. Пожалуй, форма твор. пад. — это наиболее ранний факт влияния со стороны бывших основ на ѣ на основы на ѓ. Однако такое влияние не ограничилось указанным фактом, — оно проявилось шире и отчетливее в других формах склонения слов мужского рода¹.

§ 170. Это влияние сказывается на форме род. пад. ед. ч., где исконно у слов с основой на ѓ было окончание [а], а у слов с основой на ѣ — окончание [у] (*стола*, но *сыноу*). В целом форма род. пад. теперь имеет окончание [а] — оно выступает и в словах с бывшей основой на ѓ, и в словах с бывшей основой на ѣ. Однако наряду с окончанием [а] в род. пад. существует и окончание [у], по происхождению восходящее к форме основ на ѣ. Особенно широко окончание [у] было распространено в русском языке XVIII в. Известно, что М. В. Ломоносов даже разграничивал области употребления этих двух окончаний с точки зрения стилистической, полагая окончание [а] принадлежностью „высокого штиля“, а [у] — „низкого“. В современном русском языке окончание [у] более ограничено в своем употреблении, однако вполне закономерно в определенных случаях. Как известно, род. пад. на [у] употребляется в значении родительного части, например *кусок сахару* (но *белизна сахара*), *стакан чаю* и т. п.; в сочетании с предложением *из*, например *из лесу*, *из дому*, а также в некоторых сочетаниях типа *много шуму*, *мало народу*². В русских говорах форма род. пад. на [у] распространена значительно шире: она может ок-

¹ Надо сказать, что сохранение форм, восходящих к склонению с бывшей основой на ѣ, шире известно в украинском и белорусском языках (ср. в укр. дат. пад. *батькові*, *лісові*, зват. ф. *батьку*, *синку*, белорусск. *мужу* и т. п.). В русском языке эти формы не сохранились.

² А. А. Шахматов указывал, что род. пад. на [у] имеют слова: 1) обозначающие вещество или собрание предметов, 2) обозначающие отвлеченные понятия. См.: А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка. М., 1957, с. 241.

ватывать и существительные муж. р. одушевленные (например, *без отцѹ, у брѣту*), и слова ср. р. (*от стѣду, до нѣбу* и т. п.). Таким образом, современная форма род. пад. ед. ч. с окончанием [y] обязана своим возникновением наличию в прошлом особого типа склонения, позже утратившегося в русском языке¹.

Точно так же обстоит дело и с формой бывшего местного, теперь предложного, падежа, где исконным окончанием в словах с основой на ѓ было [ѣ] (ѣ), а в словах с основой на ѣ — [y] (*о столѣ, но о сыноу*). Опять-таки в целом форма предл. пад. в современном языке имеет окончание [e], восходящее к древнерусскому [ѣ], которое выступает и в бывших основах на и. Однако наряду с ним в предл. пад. выступает и окончание [y], по происхождению восходящее к форме основ на ѣ. Правда, в литературном языке появление окончания [y] ограничено неодушевленными словами мужского рода, однако в говорах русского языка² это окончание может распространяться и на одушевленные существительные (вроде *об отцу, на быку*), и на слова ср. р. (например, *на окну, на крыльцу*). Формы с окончанием [y] выступают в пространственном значении (например, *в саду, в лесу, на берегу, на дому*; ср. еще диал. *в городу, на острову*) и реже во временном (например, *в году*).

Надо сказать, что если в современном русском языке появление окончания [y] ограничено ударностью слога, то это ограничение установилось, как видно, относительно поздно: еще в XVII в. окончание [y] могло быть и без ударения. Так, например, в Уложении 1649 г.: *в грабежу, в котором годѹ* и т. п.

Вместе с тем в русском языке существуют и параллельные формы предл. пад. на [e] и [y] от одних и тех же слов, например *я разбираюсь в лесе* и *я заблудился в лесу, врач принимает на дому и он рассказывает о доме* и т. д.³.

Наконец, ярким следом былого склонения с основой на ѣ является современная форма род. пад. мн. ч. Дело в том, что исконная форма этого падежа в продуктивном склонении с основой на ѓ оказалась „невыразительной“, ибо она совпадала с формой имен. пад. ед. ч. (ср. имен. пад. ед. ч. *столѣ* и род. пад. мн. ч. *без столѣ* — „без столов“); в то же время в склонении с основой на и род. пад. мн. ч. оканчивался на [овѣ] (*сыновѣ, домовѣ*), т. е. здесь была особая форма, не совпадавшая ни с какой иной формой склонения. Как видно, это обстоятельство повлияло на то, что в род. пад. мн. ч. при взаимодействии основ на ѓ и на и укрепились в конце концов формы с окончанием [ов], восходящая к род. пад. мн. ч. основ на и.

¹ Некоторые лингвисты даже считают, что в русском языке есть особый количественно-определятельный падеж с окончанием [y]. См.: П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология, с. 73—74.

² Особенно в южновеликорусских.

³ Это обстоятельство позволяет некоторым лингвистам разграничивать в современном языке местный и изъяснительный падежи. См.: П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология, с. 76—77.

Именно окончание [ov] в данной форме стало основным, тогда как формы род. пад. мн. ч., равные имен. пад. ед. ч., сохранились лишь в отдельных, в общем редких, случаях: известно, что такая форма есть у слов, обозначающих парные предметы (вроде *без сапог, без чулок*¹), а также в некоторых иных случаях, по существу очень ограниченных².

Итак, в результате сближения бывших основ на *й* с твердой разновидностью основ на *ѡ* первый тип склонения как особый исчез в русском языке, сохранив лишь определенные следы в отдельных падежных формах.

§ 171. Переход слов мужского рода из основ на *й* в основы на *ѡ* мягкого варианта. Частичному разрушению подверглось и старое склонение с основой на *й* (или *ѡ*), куда относились слова муж. и жен. р. (см. § 163). Это разрушение выразилось в том, что слова мужского рода, относившиеся к данному склонению, попали под влияние склонения слов с бывшей основой на *ѡ* мягкой разновидности (т. е. с основой на *йѡ*). Влияние со стороны слов типа *конь, кѣнѡзь, моужь* и т. п. на слова типа *голоубь, тѣсть, огнь* и т. п. отмечается в памятниках очень рано; ср.: род. пад. ед. ч. *татѡ* (Смол. грам. 1229 г.), *оу тѣстѡ* (Ипат. летоп.), *гостѡ* (Новг. грам. 1317 г.), местн. пад. ед. ч. *въ огнь* (Лавр. летоп.), дат. пад. *ко зѡтию* (Ипат. летоп.) и т. д. Во всяком случае, старые падежные формы основ на *й* в XIII—XIV вв. сохраняются в какой-то мере лишь в словах *поуть, тѣсть, зѡть, гость*; ср., например, *от тѣсти* (Лавр. летоп.), *кѣ зѡти* (Ипат. летоп.) и т. п. Однако и здесь иногда проскальзывают уже новые формы; например, в Рязанской кормчей отмечается форма *отѣ путѡ* вместо *отѣ пути*. Впрочем, надо иметь в виду, что переход существительных мужского рода с основой на *й* в основы на *йѡ* не мог начаться ни в праславянском, ни в раннем древнерусском языке, ибо сближению этих двух категорий слов мешало прежде всего различие в форме имен. пад. ед. ч. Это различие выражалось в том, что если форма имен. пад. ед. ч. основ на *ѡ* имела перед окончанием [ѡ] исконно мягкий согласный, то эта же форма у старых основ на *й* имела перед конечным [ѡ] полумягкий согласный (см. § 163). Само собой разумеется, что различие в качестве (полумягкости или мягкости) согласного в словах с основой на **й* и на **йѡ* обнаруживалось не только в именительном, но и в других падежах склонения этих слов. Таким образом, если в слове [кон'ѡ] звук [н] был исконно мягким, так как он возник из сочетания *nj* в **konjos*, то в [огнь] этот звук был полумягким, разившись перед гласным переднего ряда из [н] твердого (ср.

¹ Однако ср. современное *без носков* вместо более раннего *без носок*.

² В диалектах русского языка области распространения форм род. пад. ед. ч. без окончания сужаются еще больше, так как там шире употребляются формы на [ov]. Что касается слов ср. р. основ на *о*, то в них сохранились формы без окончания, так как они не совпадали с формой имен. пад. ед. ч.

о.-и.-е. **agnis*). Иначе говоря, сближение существительных мужского рода с основой на *ĩ* и на *jõ* могло начаться, по существу, лишь с эпохи смягчения полумягких, когда бывшие полумягкие совпали по своему качеству с исконно мягкими.

В результате влияния со стороны основ на *jõ* в словах с бывшей основой на *ĩ* в единственном числе установились окончания [a] в родительном падеже (вместо [и]), [y] в дательном падеже (также вместо [и]), [e] (из [ẽ]) в местном падеже, — и, следовательно, слова мужского рода ушли из основ на *ĩ*, где остались существительные только женского рода¹. Такому переходу не подверглось единственное слово мужского рода — слово *путь*, сохранившее все старые падежные формы; особая судьба данного слова, как видно, была связана и с его книжным характером (ср. параллельное разговорное *дорога*), и с употреблением его в переносном значении, и с использованием его как научного термина. Однако надо сказать, что, сохраняясь в литературном языке в совершенно особом положении, хотя и примыкая к словам женского рода типа *кость*, слово *путь* все-таки не совпадает полностью по склонению со словами женского рода этого типа, ибо твор. пад. ед. ч. *путем* и *костью* продолжает различаться теперь так же, как различался и в древнерусском языке (др.-русс. *поутьмь* и *костию*). В отличие от литературного языка говоры знают здесь более последовательный путь развития: в одних из них *путь*, вместе с другими существительными мужского рода, переходит в склонение с бывшей основой на *õ* (т. е. в этих диалектах говорят *без путя*, *моему путю* и т. д.), в других же — это слово полностью смыкается со словами женского рода (тогда возникает не только *моя путь*, но и *моей путью*).

Вместе с тем, подвергаясь разрушению под воздействием со стороны основ на *jõ*, склонение с основой на *ĩ* само оказало влияние на первые основы, что сказалось в истории формы род. пад. мн. ч. Как в твердой, так и в мягкой разновидности основ на *õ* форма род. пад. мн. ч. была равна форме имен. пад. ед. ч., тогда как в основах на *ĩ* — это была особая форма с окончанием [и̯] > [ей] (из *-*ĩjb*). Именно эта форма и закрепилась в склонении с бывшей основой на *jõ*, вытеснив совершенно исконную форму род. пад. мн. ч. этого типа склонения (т. е. вместо род. пад. *кѣнѣзъ*, *конь* возникло *князей*, *коней*)².

¹ Вместе с тем некоторые слова этого типа, принадлежащие прежде мужскому роду, перешли на протяжении истории языка в женский род и поэтому сохранились в типе склонения с древней основой на *ĩ*; к таким словам относятся существительные *гортань*, *печать*, *степень*.

² Окончание [ей] проникло и в слова ср. р. бывшей основы на *jõ* (ср.: *полей*, *морей*), где форма род. пад. ед. ч. имела окончание [ь] (ср. др.-русс. *безъ поль*, *безъ морь*). В говорах это окончание иногда распространяется и на слова муж. р. типа *огурцей*, *молодцей*, и на слова жен. р., например *свадьбей*, *курей* и т. п. Иногда это есть и в литературном языке (например, *свечей*).

Итак, в результате описанного процесса склонение с бывшей основой на *i*, утерав в своем составе слова мужского рода, перешедшие в основы на *jō*, сосредоточило в себе с этого момента только слова женского рода определенной морфологической структуры. В свою очередь слова мужского рода, перейдя в основы на *jō*, расширили и укрепили этот тип склонения существительных в русском языке.

§ 172. Разрушение склонения существительных с древней основой на согласный. Пожалуй, наиболее раннему и очень своеобразному разрушению подверглись бывшие основы на согласный звук. Как уже говорилось, в этот тип склонения входили слова трех родов — мужского, женского и среднего, причем доисторическая основа у них могла оканчиваться на разные согласные. Сюда входили слова муж. р. с древней основой на **n*, типа *камы*, *ремы*, *дьнь*; слова ср. р. с основой на **n* (в суф. **-ten*), типа *имѧ*, *веремѧ*, *сѣмѧ*; слова ср. р. с основой на **t* (в суф. **-ent > et*), типа *телѧ*, *осьлѧ*, *дѣтѧ*; слова ср. р. с основой на **s* (в суф. **-es*), типа *слово*, *небо*, *чудо*; и наконец, слова жен. р. с основой на **r* (в суф. **-ter*), типа *мати*, *дѣчи*. Конечно, в тех формах имен. пад. ед. ч., которые здесь приведены в качестве примеров слов с разными основами на согласный, нельзя обнаружить реально в древнерусском языке эти старые основы; однако последние отчетливо можно видеть в формах косвенных падежей, например в род. пад. ед. ч.: *камене*, *ремене*, *дьне*; *имене*, *веремене*, *сѣмене*; *телѧте*, *осьлѧте*, *дѣтѧте*; *словесе*, *небесе*, *чудесе*; *матере*, *дѣчере* и т. д. Отсутствие согласной основы в имен. пад. вызвано теми фонетическими процессами конца слова, которые были связаны с действием закона открытого слога и не позволяли поэтому сохраниться согласному звуку в конце слов (см. § 77).

История группы существительных с бывшей основой на согласный заключалась в том, что вся она перестала существовать как единая: слова, входившие в ее состав, разошлись по разным типам склонения. При этом пути движения слов были различны и не всегда прямолинейны.

§ 173. История существительных мужского рода с древней основой на **n* началась с того, что старая форма имен. пад. ед. ч. *камы*, *ремы* была вытеснена формой вин. пад. ед. ч. *камень*, *ремень*. После установления формы на *-ень* в имен. пад. эти слова, как и слово *дьнь* (которое, как видно, очень рано стало иметь такую форму в имен. пад.), совпали по своему фонетическому облику и морфологической структуре со словами мужского рода с бывшей основой на *i* (типа *огнь*, *пѣрстень*) и стали склоняться по этому типу; а когда слова мужского рода с основой на *i* перешли в основы на *jō*, вместе с ними туда перешли и слова *камень*, *ремень*, *дьнь*. Такой путь, включающий, так сказать, промежуточную стадию,

хорошо прослеживается на истории слова *день*. Если в памятниках письменности можно обнаружить исконную форму род. пад. ед. ч. *дьне*, с окончанием [e] по основам на согласный (ср., например, в Лавр. летоп. *есть могила его... и до сего дне*), то в них же, а вместе с тем и в современных диалектах отмечается и *дьни* (ср. в Новг. летоп. отъ *ѣжина дни*, диал. *третьёва дни*¹ — по склонению с основой на *i*); наконец, современный литературный язык и многие диалекты знают теперь форму род. пад. *дня*, являющуюся по своему происхождению формой данного падежа в основах на *јо*. Таким образом, в результате своего развития группа слов мужского рода с бывшей основой на **n* ушла из данного типа склонения².

§ 174. Точно так же не могли сохраниться в данном типе и слова среднего рода с древней основой на **s*, имен. пад. ед. ч. которых совпадал с формой имен. пад. ед. ч. слов среднего рода с основой на *о*, типа *село*, *весло*. В связи с этим сближение и переход существительных *слово*, *небо*, *тѣло*, *чудо* и т. п. в основы на *о* начались очень рано, во всяком случае, раньше, чем разрушение склонений на другие согласные. Вообще, как видно, формы косвенных падежей от слов данного типа с суффиксом [-ес-] не были свойственны живому русскому языку, а являлись принадлежностью лишь письменной книжной речи, в развитии которой большую роль играл старославянский язык³. Не случаен ведь тот факт, что производные от слов с древней основой на **s*, характерные для живого языка, образованы от форм этих слов без суффикса -ес- (ср., например, *пословица*, *дословный* от *слово*, *тельце*, *нательный* от *тело*, *чудак*, *чудной* от *чудо*) и, наоборот, производные от форм с суффиксом -ес- носят явно книжный характер, например *словесный*, *словесность*, *телесный*, *чудесный*, *небесный* и т. д. В несколько особом положении здесь находятся производные от *коло* — *колесо*, где, с одной стороны, есть *околесица*, а с другой — *околица*, *окольный*. Однако судьба слова *коло* оказалась вообще отличной от судьбы остальных слов этой группы. Это связано с тем, что если все слова с древней основой на **s* утеряли в единственном числе суф-

¹ Ср. еще диал. *пять дѣн*, где форма *дѣн* восходит к древней форме род. пад. мн. ч. основ на согласный *дьнь*.

² Впрочем, надо иметь в виду, что слова мужского рода с основой на **n* в древние периоды истории русского языка, как видно, стойко удерживали свои исконные падежные формы. А. А. Шахматов видел доказательства этому в том, что в памятниках наблюдаются факты влияния слов данного типа на существительные с основой на **i*, например: *оу зѣте* (Ипат. летоп.), *емлетъ тѣте* (Смол. грам. 1229 г.) и т. п. См.: А. А. Шахматов. Историческая морфология, с. 276—277.

³ В свое время А. А. Шахматов обращал внимание на то, что в памятниках древнерусского языка, не отражающих изменения [e > e], последовательно пишется *телесе*, *телеси* (вместо *тѣлесе*, *тѣлеси*) при *тѣло*. „Это указывает на то, что формы *телесе*, *телеси* и т. д. были чужды уже древнему языку и заимствовались им из церковного (звук [e] служил обычной передачей церковного ѣ)“. А. А. Шахматов. Историческая морфология..., с. 295.

фикс *-ес-* в косвенных падежах по образцу имен. пад., то в слове *коло*, наоборот, этот суффикс возник и в имен. пад. по образцу косвенных. Как видно, это обстоятельство и создало возможность для возникновения производных от *коло* с суффиксом *-ес-* и в живом русском языке. Однако и в том и в другом случае слова среднего рода с древней основой на **s* попали под влияние основ на *o* твердой разновидности (типа *село*, *весло*) и получили падежные формы по образцу этого последнего склонения. Что касается множественного числа, то и здесь судьба слов этого типа оказалась не совсем одинаковой, ибо некоторые из них сохранили суффикс *-ес-*, например *небеса*, *чудеса* (не говоря, конечно, о слове *колѣса*), а другие утеряти его так же, как и в единственном числе, например *слова*, *тела*¹.

В целом и эта группа слов ушла из особого склонения с основой на согласный в продуктивный тип на *o*.

§ 175. Своеобразной оказалась история и слов среднего рода с основой на **t*, куда входили названия молодых животных. Своеобразие это заключалось в том, что все они получили в имен. пад. ед. ч. суффикс *-онок*: *теленки*, *козленки*, *осленки*, *ягнятки*, *жеребенки*, *ребенки*² и т. д. вместо др.-русс. *телѧ*, *козьлѧ*, *осьлѧ*, *ягнѧ*, *жеребѧ* и т. д. Этот факт обусловил и последующее развитие данной группы слов: приобретя суффикс *-онок* в имен. пад. ед. ч., они стали словами мужского рода и перешли в склонение с основой на *o*³. Однако так произошло лишь в единственном числе; во множественном же эти слова, сохранив прежний суффикс *-ат-* (ср.: *телята*, *козлята*, *ягнята* и т. д.), сохранили в целом и старое свое склонение⁴.

§ 176. Наконец, слова среднего рода на **n*, типа *имѧ*, *веремѧ*, *сѧмѧ* и т. д., и слова женского рода на **r*, т. е. *мати*, *дѣчи*, в единственном числе также утратили прежние падежные формы по склонению с основой на согласный. Однако эти слова сохранили своеобразие в том, что в косвенных падежах в современном русском языке они имеют так называемое „наращение“, представляющее собой по происхождению остаток прежнего словообразовательного суффикса **-men* или **-ter*. Так, если в древнерусской форме имен. пад. *сѧмѧ* (= [semːä] из *семе* и далее к **sēmen*) суффикс не

¹ Формы *слова*, *тела* если и употребляются в современном языке, то лишь с ироническим оттенком.

² *Ребенок* восходит к *ребенокъ*, которое, в свою очередь, возникло на базе *робѧ* < *robъ*, уменьшительного образования от *робъ*. Значение слова связано с понятием „несмелый, робкий“.

³ Старые формы ед. ч. без суффикса *-онок* сохраняются изредка как архаизмы в определенных выражениях, например: *Нашему теляти волка поймати*; *Ласковое теля двух маток сосет* и др.

⁴ Правда, в диалектах можно встретить *теленки*, *козленки* и т. п., где процесс преобразования этих слов отражается последовательнее, чем в литературном языке.

сохранялся в силу действия закона открытого слога, то в род. пад. *скмене* он выступал в виде *-ен-*. Точно так же обстояло дело и в соотношении имен. пад. *мати*, *дѣчи* и косвенных, скажем, род. пад. *матере*, *дѣчере*. Такие соотношения сохранились и в современных *имя*, *семя* — *имени*, *семени*, *мать*, *дочь* (отсутствие конечного [и] — результат полной редукции гласного) — *матери*, *дочери* и т. п. Однако только этим и ограничивается своеобразие склонения этих двух групп слов, так как по окончаниям падежных форм они полностью примыкают к склонению с древней основой на *ĩ*. (Правда, в отношении слов среднего рода типа *имя* нужно оговорить отличие формы твор. пад., которая по окончанию *-ем* примыкает к склонению слова *путь*. Может быть, именно поэтому они и называются в школьной грамматике „разносклоняемыми“.)

§ 177. Судьба склонения с древней основой на *ũ*. Что касается последнего, шестого, типа склонения с древней основой на *ũ* (или *ы*), то его история была связана прежде всего с утратой старой формы имен. пад., вытесненной исконным вин. пад., имевшим окончание *-ъвь*. Ряд слов этой группы, получив в имен. пад. форму на *-ъвь*, такие, как *кръвь*, *любъвь*, *мъркъвь*, *свекръвь*, *църкъвь*, совпали со словами типа *кость* и начали изменяться по склонению с древней основой на *ĩ*. Однако другие слова данного типа, кроме того что они утратили старую форму имен. пад., попали еще под влияние склонения существительных женского рода с древней основой на *ā* (типа *сестра*, *земля*) и поэтому получили в имен. пад. окончание *-ъва*: *букъва*, *тыкъва* (ср. еще диалектное *морква*). В силу всех этих процессов данные слова совпали с существительными типа *сестра* и перешли в склонение с древней основой на *ā*. Таким образом, склонение с основой на *ũ* полностью было утрачено в древнерусском языке, и следов его по существу не сохранилось¹.

§ 178. Так развивалось склонение имен существительных в древнерусском языке. Основное направление этого развития заключалось в унификации типов склонения, в обобщении этих типов в более крупные — в обобщении, шедшем за счет утраты малопродуктивных склонений и укрепления более продуктивных. В результате всех этих процессов в русском языке установились в конце концов три основных склонения, условно называемых первым, вторым и третьим.

В первое склонение входят существительные женского рода с бывшей основой на *ā* твердой и мягкой разновидностей (типа *сестра*, *земля*) и частично существительные с бывшей основой на *ũ* (например, *буква*, *тыква*).

¹ Правда, в говорах и до сих пор иногда встречаются формы *свекры*, *ятры* — „жена брата мужа“, но это единичные случаи.

Ко второму склонению относятся существительные мужского и среднего рода с бывшей основой на *ǫ* твердой и мягкой разновидностей (типа *стол*, *конь* и *село*, *поле*), а также существительные мужского рода с древней основой на *и* (типа *сын*), на *ĩ* (типа *гость*), на согласный **n* (например, *камень*, *ремень*) и существительные среднего рода с основой на согласный **t* (типа *теленки*, *жеребенок*) и на согласный **s* (типа *слово*, *небо*).

Наконец, в третье склонение входят существительные женского рода с бывшей основой на *ĩ* (типа *кость*) и частично на *и* (например, *морковь*, *любовь*), а также с основой на согласный **r* (*мать*, *дочь*).

За пределами этих трех типов в определенном отношении остаются слова среднего рода на *-мя*.

ИСТОРИЯ ФОРМ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

§ 179. Как известно, в современном русском языке типы склонения имен существительных различаются только по формам единственного числа, тогда как во множественном, по существу, есть единое склонение: отличия в падежных формах выступают здесь лишь отчасти в именительном падеже и в большей степени в родительном падеже¹. Однако эти отличия не дают возможности выделить по формам множественного числа те же три типа склонения, какие выделяются по формам единственного числа.

В древнерусском языке шесть типов склонения выделялись и по формам множественного числа, т. е. различия типов склонения были выражены намного более отчетливо. Однако на протяжении истории русского языка общее сближение типов склонений, разрушение старых отношений и установление новых выразилось во множественном числе в том, что старые различия в падежных формах, связанные с многотипностью склонения, были утрачены. Достаточно сравнить окончания именительного падежа множественного числа разных существительных в древнерусском языке с современными формами этого падежа, чтобы увидеть, как шло развитие в сторону утраты различий типов склонения во множественном числе. Так, в древнерусском языке окончание имен. пад. в основах на *ǫ* было [и] в муж. р. и [а] в ср. р. (*столи*, *села*), в

¹ Когда говорят о сохранении старых различий типов склонения в имен. и род. пад. мн. ч., то имеют в виду прежде всего литературный русский язык. В говорах же эти различия утрачиваются больше, так как там широко развивается обобщение одного окончания на те группы существительных, которые имеют различные формы в литературном языке. Так, например, если в род. пад. окончание *-ов* в литературном языке характерно только для слов мужского рода на твердый согласный, то в говорах оно может быть почти у любого слова (ср., например, диал. *местов*, *делов*, *окнов*, *бабушков*, *дедушков* и т. д.).

основах на $\ddot{y}$ — [ове] (*сынове*), в основах на $\ddot{y}$ — [ие] (*гостие, поутие*), в основах на $\bar{a}$ — [ы] и [ѣ] (*сестры, земля*), в основах на согласный (муж. р.) — [е] (*камене*).

Таким образом, уже по формам имен. пад. в древнерусском языке можно выделить те же пять (или шесть) типов склонения, какие выделяются и по формам единственного числа. В современном же языке есть, по существу, одно окончание, выступающее в двух разновидностях — [и] или [ы], различие между которыми определяется характером конечного согласного основы. Известно также, что в имен. пад. мн. ч. у некоторых слов мужского рода иногда выступает окончание [а] или [’а] под ударением (например, *городá, берегá, учител́я, слесар́я*), однако появление его не определяется типом склонения, ибо оно выступает в так называемом втором склонении наряду с обычным [и] или [ы]¹.

Если обратиться к формам родительного падежа множественного числа древнерусского языка, то и здесь можно обнаружить различные окончания, наличие которых связано с многотипностью склонения существительных. Так, в основах на $\ddot{y}$ в род. пад. была форма, равная форме имен. пад. ед. ч., в основах на $\ddot{y}$ — форма с окончанием [овѣ], в основах на $\ddot{y}$ — с окончанием [ии] > [ей], в основах на $\bar{a}$ — форма с окончанием [ъ] или, после падения редуцированных, без окончания, равная чистой основе, в основах на согласный и $\bar{y}$ — такая же форма, что и в основах на $\bar{a}$, но равная основе, выступающей в косвенных падежах. В современном языке в род. пад. мн. ч. могут быть окончания [ов], [ев] и [ей], а также могут выступать и формы без окончания (ср.: *столов, хлебцев, ножей, мужей, жен, основ* и т. п.), однако их различие не совпадает с различием трех современных типов склонения, ибо, скажем, слова мужского рода, относящиеся ко второму склонению, могут иметь и окончание [ов], [ев], и окончание [ей], и не иметь окончания, причем все эти различия определяются характером основы, а иногда и лексическими факторами, но не типом склонения.

§ 180. Таким образом, развитие форм склонения существительных во множественном числе шло по пути утраты различий, связанных с различием древнерусских типов склонения, по пути унификации. Особенно отчетливо эта унификация сказалась на формах дательного, творительного и местного падежей множественного числа, где на протяжении истории русского языка установились единые формы для всех существительных мужского, среднего и женского рода.

В установлении единых форм дат., твор. и местн. пад. мн. ч. большую роль сыграло склонение с древней основой на $\bar{a}$, из кото-

¹ Точно так же окончание [а], [’а] в среднем роде, являющееся обычным для этих слов, не определяет тип склонения, ибо эти слова входят в одно склонение со словами мужского рода, имеющими обычно окончание [и], [ы].

рого окончания [амъ], [ами], [ахъ] в рассматриваемых падежах проникли в остальные типы склонения.

В результате сближения разных типов склонения и установления трех основных типов в дат., твор. и местн. пад. мн. ч. в древнерусском языке выступали три окончания:

о с н о в а н а ā

о с н о в а н а ѓ

Д. -амъ, -ямъ (сестрамъ, землямъ)	-омъ, -емъ (столомъ, конемъ, селомъ, полемъ)
Т. -ами, -ями (сестрами, землями)	-ы, -и (столы, кони, селы, поли)
М. -ахъ, -яхъ (сестрахъ, земляхъ)	-ѣхъ, -ихъ (столѣхъ, конихъ, селѣхъ, полихъ)

о с н о в а н а ĩ

- Д. -ѣмъ (костьмъ)
 Т. -ѣми (костьми)
 М. -ѣхъ (костьхъ)

Существительные с основой на ā показали очень сильное воздействие на остальные типы склонения, вытеснив исконно присущие им окончания дат., твор. и местн. пад. Именно таким образом возникли формы на -амъ, -ами, -ахъ в существительных с древней основой на ѓ и ĩ¹. Это влияние со стороны основ на ā в памятниках начинается со второй половины XIII в. (ср. факты памятников: *к латинамъ* (Рязанская кормчая 1284 г.), *купцамъ*, *дворанамъ* (Новгор. грам. 1371 г.), *съ клобуками* (Паремейник 1271 г.), *на сборищахъ*, *на сонмищахъ* (Моск. еванг. 1340 г.) и т. п.

Относительно причин развития рассматриваемых форм именно в таком направлении существуют различные мнения, хотя точного объяснения здесь пока не найдено. Возможно, как предполагал И. В. Ягич, распространение форм дат., творит. и местн. пад. мн. ч., ранее свойственных существительным с древней основой на ā, на иные типы склонения началось с существительных среднего рода с бывшей основой на ѓ, у которых имен. и вин. пад. мн. ч. оканчивались на [a].

Процесс установления новых форм был, вероятно, длительным и не одновременно проходившим по всем диалектам. Исследователи, изучавшие эти процессы по памятникам, установили разновременность укрепления новых форм в разных падежах и указывали на длительное сохранение старых форм в некоторых памятниках письменности.

Однако, рассматривая этот вопрос, следует учитывать одно обстоятельство. Дело заключается в том, что в любом памятнике

¹ Надо сказать, что влияние основ на *ā на основы на *ĩ в говорах осуществлялось не всегда. Отсутствием такого влияния объясняется наличие диалектных форм дат. и местн. пад. мн. ч. [кость'ом], [лошад'ом], [кость'ѡх], [лошад'ѡх], являющихся фонетическим результатом развития древнерусских *костьмъ*, *лошадьмъ*, *костьхъ*, *лошадьхъ*: [ѡ] > [e] > [o].

письменности, отражающем в той или иной степени живые процессы в развитии языка, всегда присутствуют старые, умирающие или даже умершие черты и новые, зарождающиеся или уже укрепившиеся в языке особенности. Однако наличие старых черт в памятнике письменности не всегда свидетельствует о сохранении их в живом языке, ибо подобное сохранение может быть отнесено за счет традиций письменности. В то же время появление новых языковых особенностей в памятнике обязательно свидетельствует о их наличии в живом языке, ибо это последнее является непременным условием такого проникновения новых черт в памятник. До тех пор пока определенное явление не возникло и не укрепилось в живом языке, оно не может появиться в письменности. Поэтому когда исследователи указывают, например, что творит. пад. мн. ч. на [ы] держался в Москве очень долго, то еще остается неясным, сохранялась ли эта форма в живом языке Москвы или она употреблялась в памятниках только по традиции.

Установление новых форм в дат., творит. и местн. пад. мн. ч. не означало полной утраты старых форм, которые в той или иной мере сохранились в русском языке. Таким остатком старины является форма *поделом* в сочетании *поделом ему*; точно так же формы *детьми*, *лошадьми*, *людьми* — это сохранение старого окончания твор. пад. основ на *й*. В некоторых случаях наблюдаются колебания в формах, например *дверьми* и *дверями*; ср. еще выражение *лечь костьми* при общем литературном *костями*¹.

§ 181. В истории множественного числа имен существительных в русском языке изменениям подверглись также формы имен. и вин. пад. Исконно в этих двух формах одинаковые окончания были в твердой разновидности основ на *а* жен. р. (например, имен. вин. пад. *стѣны*, *травы* и т. п.) и в твердой и мягкой разновидностях основ на *о* ср. р. (например, *села*, *поля*); это же было характерно и для слов всех родов с основой на согласный. Однако в других существительных дело обстояло по-иному. Так, в словах муж. р. с основой на *о* твердой разновидности имен. пад. оканчивался на [и], а вин. — на [ы] (например, имен. *столи*, *городи*, *плоди*; вин. *столы*, *городы*, *плоды*); в мягкой же разновидности имен. пад. имел окончание [и], а вин. — [е] (например, имен. пад. *ножи*, *коньци*, вин. пад. *ножѣ*, *коньцѣ*). Вследствие общей тенденции сближения и унификации форм склонения происходит и утрата различий между формами имен. и вин. пад., причем в мягкой разновидности возобладала бывшая форма имен. пад., укрепившаяся и в вин. пад., а в твердой, наоборот, — форма бывшего вин. пад., вытеснившая старый имен.

¹ Формы твор. пад. мн. ч. на [ми] после мягкого согласного были широко распространены в литературном языке еще в XIX в. (ср., например, такие формы, как *гостѣми* у Крылова, *желудѣми* у Жуковского, *когѣми*, *ушѣми* у Лермонтова, и т. п.).

В памятниках письменности колебания форм имен. и вин. пад. мн. ч. отражаются с XIII в.: ср., например, *сѣззавѣ к н я з и* (Милятино еванг. 1215 г.), *стояхоу ко у м и р ы* (Лавр. летопись), *се приехаша по с л ы* (Новг. грам. 1270 г.), *ч и н ы* *раставлени быша* (Жит. Нифонта 1219 г.), *в ъ р х ы* *огореша, м е д ы* *изварены* (Новгор. лет.), *с т о р о ж ѣ* *изимани* (Лавр. лет.), *призавѣ...* *с т а р ц и* *градьские* (Лавр. лет.) и т. д. Старый имен. пад. на [и] у слов муж. р. твердой разновидности основ на ѓ держался в деловом языке вплоть до XVI в.

В современном языке только два слова — *соседи* и *черти* — сохранили старую форму имен. пад. и склонение во множественном числе по мягкой разновидности. Возможно, именно это последнее обстоятельство и способствовало сохранению старой формы имен. пад. в этих двух словах.

Что касается основ на ї существительных муж. р., то и в них различие между имен. пад. на [ие] и вин. пад. на [и] (например, имен. *людие, поутие*, вин. *люди, поуту*) было утрачено за счет укрепленья в имен. пад. бывшей формы вин. пад. Ср. факты памятников: *боудоуть оустроени лю ди и* (Пролог 1262 г.), *падоху л ю д и* *листвѣ липовѣ* (Новг. лет.), *л ю д и* *вылезоуть* (Милятино еванг. 1215 г.) и др.

Немногочисленная группа слов основ на ѣ исконно также имела различные формы имен. и вин. пад. мн. ч.: в имен. пад. было окончание [ове], а в вин. — [ы] (например, имен. пад. *сынове, домовѣ*, вин. *сыны, домы*). Переход этих существительных в основы на о вызвал, как известно, многие преобразования, и в том числе изменения форм имен. и вин. пад. Однако эти изменения иногда были своеобразными. Так, если в целом слова этой группы получили в имен. пад. те же окончания, что и слова с исконной основой на ѓ, т. е. [ы] (ср.: *волы, льды, ряды, дары*, формы на [а], например *домá, верхá*, — более поздние), то слово *сын* имеет, по существу, две формы имен. пад.: одну — восходящую к бывшему вин. пад. — *сыны*, употребляющуюся, пожалуй, лишь в торжественных сочетаниях *с ы н ы* *отчества, с ы н ы* *народа*; вторую — обычную — *сыновья*, возникающую из древней *сынове* под влиянием собирательных на -ия > -ья (типа *братица* > *братья*).

В связи с этим следует сказать, что собирательные существительные жен. р. на -ия > -ья, а также ср. р. на -ие > -ье, изменившиеся в безударном положении в -ья (типа *ко́бие* > *ко́лье* > *ко́лья, полѣние* > *полѣнье* > *полѣнья*), сыграли существенную роль в истории форм имен. пад. мн. ч. Это произошло прежде всего потому, что в истории русского языка они сами стали постепенно осмысляться не как собирательные, а как формы имен. пад. мн. ч. от соответствующих существительных, имеющих исконно другие формы этого падежа. Так, например, слово *братѣ* исконно имело форму имен. пад. мн. ч. *брати* (или позже под влиянием вин. пад. — *браты*; эта форма сохраняется до сих пор в диалектах), тогда как

братия представляло собой собирательное существительное жен. р.¹. Однако постепенно *братия* > *братья* начало осмысляться именно как имен. пад. мн. ч. от *брат*, и это привело к вытеснению из языка старой формы имен. пад. Вероятно, так же произошло и переосмысление иных собирательных существительных в русском языке². Некоторые ученые предполагают, что переход собирательных существительных жен. р. в категорию мн. ч. сыграл роль в возникновении формы имен. пад. мн. ч. с окончанием [а] у ряда слов мужского рода. Надо сказать, что такие формы — принадлежность только русского языка, в украинском и белорусском языках их нет, и возникли они, как видно, довольно поздно: их мало отмечается еще в памятниках XVI—XVII вв. Ср. такие примеры: *тагана и решоточки* (Домострой), *те леса* (Уложение 1649 г.), *жернова* (Грам. 1568 г.) и др. Вопрос о возникновении этой формы остается до конца не решенным. Существует, например, мнение, что на появление и укрепление подобных форм существительных мужского рода оказали влияние слова среднего рода, в которых окончание [а] являлось исконным³.

С другой точки зрения, появление форм имен. пад. мн. ч. с окончанием *-а* вызвано влиянием формы двойственного числа муж. р., имевшей *-а* в им.-вин. пад. Хотя само двойственное число было утрачено древнерусским языком раньше, чем развились такие формы на *-а*, здесь могло возникнуть опосредствованное влияние — со стороны названий парных предметов (типа *берега, рукава, рога*), восходящих к формам двойственного числа и ставших осмысляться как формы множественного числа⁴. Наконец, возникновение этой формы ставят в связь с историей сочетаний существительных муж. и ср. р. с числительными *два, три, четыре*⁵.

Следует сказать также, что в русском языке есть целая группа слов, сохранивших старую форму имен. пад. мн. ч. Это существительные, которые обозначали совокупность людей по их принадлежности к племени, местности, городу и т. п. Во множественном числе они склонялись по основам на согласный, а в единственном — по основам на *ѡ*. К словам этого типа относились такие, как *крѣстьяне, бояре, горожане, полане, северяне* и т. п. (ед. ч. *крѣстьянинѣ, бояринѣ, горожанинѣ, поланинѣ, северянинѣ* и т. п.).

¹ Оно изменялось по мягкой разновидности склонения с древней основой на **а*. Собирательные же существительные ср. р. склонялись по мягкой разновидности бывших основ на **о*.

² Ср., например, историю собирательного существительного *господа*, которое склонялось как существительное на **а*, например: *бѣжить от господы* („Русская Правда“), *кланяемся господѣ своей* (Новг. летоп.), *предати господу свою* (Ипат. летоп.) и т. п., и ныне осмысливается как имен. пад. мн. ч. от *господин*.

³ См.: В. Unbegaun. La langue russe au XVIe siècle. Paris, 1935, с. 212—217.

⁴ См.: П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология, с. 108.

⁵ См.: Т. А. Иванова. Из истории именного склонения. — „Вопросы языкознания“, 1957, № 6, с. 50—58.

Наконец, история форм имен. и вин. пад. мн. ч. была связана еще и с иными важными явлениями, возникшими в истории русского языка, и прежде всего с историей твердой и мягкой разновидностей склонений с основой на *ѡ* и *а* и с развитием категории одушевленности, — но об этом следует говорить специально.

СБЛИЖЕНИЕ ТВЕРДОЙ И МЯГКОЙ РАЗНОВИДНОСТЕЙ СКЛОНЕНИЯ С ОСНОВАМИ НА *ѡ* И НА *а*

§ 182. В древнерусском языке твердая и мягкая разновидности склонения существительных с древней основой на *ѡ* и на *а* отличались друг от друга не только тем, что в первой основа оканчивалась на твердый, а во второй — на мягкий согласный, но и тем, что в некоторых падежах они имели разные окончания.

В словах муж. и ср. р. древней основы на *ѡ* разные окончания в твердой и мягкой разновидностях были в ед. ч. в формах имен.-вин. пад. (*столѣ*, *село* и *конь*, *лице*), твор. пад. (*столѣмъ*, *селѣмъ* и *конѣмъ*, *лицѣмъ*), местн. пад. (*столѣ*, *селѣ* и *конѣ*, *лицѣ*) и в зват. форме (*ветре* и *коню*); в дв. ч. в формах имен.-вин. (только у слов ср. р.: *селѣ* и *лицѣ*) и в дат.-твор. пад. (*столома*, *селома* и *конема*, *лицема*); во мн. ч. в формах дат. пад. (*столомѣ*, *селомѣ* и *конемѣ*, *лицемѣ*), вин. пад. (только у слов муж. р.: *столы* и *конѣ*) и в местн. пад. (*столѣхѣ*, *селѣхѣ* и *конѣхѣ*, *лицѣхѣ*).

В словах жен. р. древней основы на *а* отличия твердой и мягкой разновидностей выступали в ед. ч. в род. пад. (*жены* и *землѣ*), в дат. и местн. пад. (*женѣ* и *землѣ*) и в зват. форме (*жено* и *земле*); в дв. ч. в имен.-вин.-зват. (*женѣ* и *землѣ*); во мн. ч. в имен. и вин. пад. (*жены* и *землѣ*).

Таким образом, отличия твердой и мягкой разновидностей склонений на *ѡ* и *а* в древнерусском языке были выражены намного отчетливее и являлись более резкими, чем отличия твердой и мягкой разновидностей современного первого и второго склонения, заключающиеся лишь в различном качестве конечного согласного основы. Следовательно, путь развития этих разновидностей заключался в их сближении, в утрате различий в окончаниях падежных форм при сохранении различного качества конечных согласных основы.

При рассмотрении конкретных процессов истории взаимодействия твердой и мягкой разновидностей склонения с основой на *ѡ* следует сразу же отметить ряд исконно различавшихся, но не сохранившихся вообще в истории русского языка форм, а также тех, история которых была связана не со взаимодействием разновидностей данного типа склонения, а с иными процессами. Речь здесь идет прежде всего о формах двойственного числа и о звательной форме, утратившихся в русском языке, а также о формах множественного числа, где процесс изменения дат., творит. и местн.

пад. был связан с влиянием склонения с основой на $\bar{a}$, а история формы вин. пад. мягкой разновидности была обусловлена воздействием на нее формы имен. пад., имевшей окончание [и]¹. Поэтому, по существу, история взаимодействия твердой и мягкой разновидностей в словах с основой на $\bar{o}$ коснулась лишь твор. и местн. пад. ед. ч.

Что касается склонения с основой на $\bar{a}$, то здесь взаимодействие разновидностей затронуло как формы единственного, так и формы множественного числа; явления же в двойственном числе и в звательной форме можно не принимать во внимание исходя из того, что уже говорилось выше.

Факты влияния форм твердой разновидности на мягкую наблюдаются в памятниках начиная с XI в. Так, в Новгородской Минее XI в. отмечается форма *въ ѿтъсъ одежѣ*, где местн. пад. *одежѣ* имеет окончание [е] по образцу твердой разновидности *женѣ*, тогда как исконно в силу мягкости [ж] это слово принадлежало мягкой разновидности и должно было иметь здесь окончание [и]: *одежи*. Точно так же обстоит дело и в следующих словах: *въ поустьнѣ* (Минея 1096 г.), *на землѣ* (Милятино еванг. 1215 г.), *въ продаже* („Русская Правда“) и т. д.

Во многих диалектах русского языка, в том числе и в тех, которые легли в основу литературной нормы, процесс сближения разновидностей пошел таким путем, что окончания мягкого варианта были вытеснены окончаниями твердого варианта. Именно поэтому в местн. пад. ед. ч. основ на $\bar{o}$ появились формы [конѣ] > [коне], [лице] > [лице], параллельные [столе] > [столе], [селе] > [селе], а в твор. пад. — [кон'ом], [лиц'ом], параллельные [стол'ом], [сел'ом]; в род. пад. ед. ч. основ на $\bar{a}$ — [земли] параллельно [жены]²; в дат. и местн. пад. — [землѣ] > [земле] параллельно [женѣ] > [жене]; в творительном — [земл'ю] параллельно [жен'ю], а в имен. пад. мн. ч. — [зѣмли] параллельно [жѣны].

В результате всего этого твердая и мягкая разновидности склонений на $\bar{o}$ и $\bar{a}$ перестали различаться наличием особых окончаний в отдельных падежных формах: их отличия стали касаться лишь качества конечного согласного основы и связанных с этим изменений последующих гласных звуков (например, [ы] после твердого и [и] после мягкого; [о] после твердого и [‘о], сдвинутое несколько вперед в начальной стадии артикуляции, после мягкого).

Без всякого сомнения, во всех этих морфологических процессах сыграли роль явления, возникшие в фонетической системе древнерусского языка. Прежде всего речь здесь должна идти о функциональном объединении [и] и [ы] (см. § 129), когда распреде-

¹ См. выше, § 180—181.

² Различие [и] — [ы] обусловлено качеством предшествующего согласного. См. § 129.

ление этих двух разновидностей одной фонемы стало полностью определяться качеством предшествующего согласного: после твердого — [ы], после мягкого — [и]. Отсюда ясно, что если в твердой разновидности склонения есть или устанавливается окончание [ы], то в мягкой уже нет места какому-либо иному окончанию, кроме [и]. Фонологические отношения между [и] и [ы] определили судьбу окончаний некоторых падежных форм твердой и мягкой разновидностей склонения с бывшей основой на *о̃* и *а̃*.

Точно так же только возможность изменения [е] в [’о] в древнерусском языке определила становление двух разновидностей фонемы [о] — после твердого и после мягкого согласного. Это установление также способствовало сближению определенных форм твердой и мягкой разновидностей склонения существительных с основами на *о̃* и *а̃*.

Но путь вытеснения окончаний мягкой разновидности окончаниями твердой осуществлялся не во всех диалектах русского языка: в некоторых из них этот путь был обратным, т. е. победу одерживали формы мягкой разновидности. Именно поэтому в говорах можно встретить формы род. пад. ед. ч. у слов с бывшей основой на *а̃* с окончанием [е]: у же[не̃], без сест[ре̃], от во[де̃], восходящие к у же[не̃], без сест[ре̃], отъ во[де̃], где [е̃] появилось вместо [ы] под влиянием мягкой разновидности [земле̃]; точно так же и в дат. и местн. пад. ед. ч. могут существовать формы к же[ны], к сест[ры], к во[ды] вместо к же[не̃], к сест[ре̃], к во[де̃], в которых появление [ы] вместо [е̃] является результатом влияния мягкой разновидности [к земли]. Такие формы широко известны и в памятниках письменности начиная с XI в.; например, *съ высотѣ* (Миней 1096 г.), *отъ неправдыѣ* (Паремейник 1271 г.), *полѣ гривнѣ* („Русская Правда“), *изъ Москвѣ* (Ипат. летоп.) и др. Вообще говоря, пути развития твердой и мягкой разновидностей в говорах древнерусского языка могли быть достаточно сложными, но принципиально все они вели к их сближению, к утрате былых резких отличий.

РАЗВИТИЕ КАТЕГОРИИ ОДУШЕВЛЕННОСТИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 183. Как известно, в единственном числе формы имен. пад. (падежа субъекта) и вин. пад. (падежа объекта) исконно не различались в словах муж. р. с основой на *о̃* (ср. имен. пад. — *столѣ*, *конь* и вин. пад. — *вижоу столѣ*, *конь*), с основой на *и* (ср. имен. пад. — *сынѣ* и вин. пад. — *имамь сынѣ*), а также с основой на *і* (ср. имен. пад. — *гость* и вин. пад. — *встретили гость*). В то же время в словах жен. р. с основой на *а̃* такого совпадения форм не было (ср. имен. пад. — *жена*, *сестра* и вин. пад. — *женю*, *сестроу*).

В силу этого для женского рода не существовало трудностей в разграничении субъекта и объекта действия, тогда как для слов мужского рода эти трудности существовали в силу совпадения падежа субъекта с падежом объекта¹. Подобные трудности могли бы быть более или менее легко разрешимыми, если бы в русском языке был твердый порядок слов, при котором, скажем, существительное, стоящее на первом месте, всегда бы выражало субъект действия, а стоящее на втором месте — объект действия. Однако в действительности этого нет, и поэтому, например, в древнерусском предложении *отъць любить сынъ* нельзя точно установить, где субъект и где объект действия (ср. то же самое в современном *мать любит дочь*). Именно поэтому с развитием языка, с развитием дифференциации в выражении субъектно-объектных отношений вставала необходимость найти средства разграничения действующего субъекта с объектом, который подвергается действию, — и вставала эта необходимость как раз для одушевленных существительных, которые прежде всего и могли обозначать действующий субъект.

Вследствие того что при помощи порядка слов русский язык не мог разграничить субъект и объект действия, разрешение данной задачи должно было быть связано с выражением необходимых отношений в падежных формах. Оно и было найдено путем использования формы родительного падежа в значении винительного при обозначении одушевленного объекта. Начало этого процесса, как видно, относится еще к праславянской эпохе. Уже в тот период в определенных случаях установились новые грамматические категории: категория слов мужского рода, обозначающих одушевленные предметы, у которых форма родительного падежа была использована для обозначения винительного, и категория слов мужского рода, обозначающих неодушевленные предметы, у которых винительный падеж по-прежнему остался равен по форме именительному падежу. Первоначально форма род.-вин. пад. установилась лишь для собственных имен — названий лиц; так, например, в Остромировом евангелии встречается *оузыръѣ Иисуса*, где *Иисуса* выступает в форме вин. пад., равной форме род. пад. Ср. еще примеры с именами собственными и нарицательными: *а сынъ посади Новгородѣ*; *В сѣ в о л о д а*; *и посла къ нимъ сынъ свои*; *С в ѣ т о с л а в а*; *приславъ своихъ свои изъ Новгорода* *И р о с л а в а* и др.

§ 184. Прежде всего важно понять, почему именно родительный падеж, а не какой-то иной был использован в значении винительного для выражения категории одушевленности. Это объясняется, как видно, близостью синтаксических связей указанных падежей. Известно, что в некоторых конструкциях родительный и винительный падежи употребляются параллельно, создавая

¹ Эти же трудности существовали бы и для слов среднего рода с основой на *ѣо*, где также не различались формы имен. и вин. пад. Однако среди слов среднего рода не было таких, которые обозначали бы активно действующий субъект.

определенные отличия этих конструкций, тесно связанных в то же время между собой. Так, например, форма вин. пад. выступает в конструкции *выпил воду*, существующей параллельно с конструкцией *выпил воды*, где употребляется форма род. пад. Едва ли нужно доказывать общность этих двух сочетаний с одним и тем же глаголом. Что же касается их отличия друг от друга, то оно связано лишь с тем, что винительный падеж обозначает объект, полностью охваченный действием, тогда как родительный — объект, лишь частично подвергающийся действию. С другой стороны, винительный падеж употребляется как дополнение к глаголу параллельно с родительным, выступающим также в качестве дополнения с тем же глаголом, но имеющим при себе отрицание: ср. *читал книгу и не читал книги*. Ср. в „Русской Правде“: *в идока емоу не искати и привести емоу в идока*. Подобная близость синтаксических связей и определила тот факт, что именно форма родительного падежа была использована для обозначения винительного падежа одушевленных существительных.

§ 185. Если начало развития категории одушевленности относится, как уже говорилось, к праславянской эпохе, то основные процессы в ее становлении — уже к эпохе существования древнерусского языка, причем окончательное укрепление данной категории произошло в поздний исторический период.

Относительно причин медленности протекания процесса становления категории одушевленности высказывалось предположение, что форму родительного-винительного падежа раньше всего получили слова мужского рода, обозначающие лиц в единственном числе, причем это были лишь те слова, которые обозначали социально полноправных людей (типа *князь*, *господин* и т. п.); и в то же время старая форма винительного падежа сохранялась у существительных мужского рода, обозначающих зависимых людей, куда относились и дети (типа *отрок*, *тиун*, *раб* и даже *сын*). Ср. такие формы в памятниках: *а сынъ остави Новгородъ* (Новг. летоп.), *посла к нимъ сынъ свои* (Ипат. летоп.), *а что пошло ти княже т и о у нъ свои держати* (Новг. грам. 1264 г.); но: *поищемъ собѣ к н ѿ зѧ* (Лавр. летоп.), *а за Волокѣ слати ти своего м о у ж а* (Новг. грам. 1308 г.).

Однако теперь эта точка зрения не принимается, и ныне постепенность установления категории одушевленности объясняется не социальными, а языковыми, грамматическими причинами. Впрочем, уже А. А. Шахматов называл среди факторов, способствовавших сохранению старой формы винительного падежа от одушевленных существительных, например, такие, как соединение с местоимением *свой* — это было указанием на то, что в данном случае не может идти речи об именительном падеже, например: *посла отрокъ свои* (Лавр. летоп.), *посади посади и къ свои* (Ипат. летоп.) и т. п.; как употребление в виде прило-

жения к другому существительному, имеющему уже новое окончание, например: *оубиша прусі Овстрата и сынъ его Лоуготоу* (Новг. летоп.) и др.; как закрепление этой формы в некоторых определенных выражениях, например: *а поиде за моюжъ, въскде на конь* и т. п., и др. Подобную же роль мог сыграть и факт употребления существительного в винительном падеже с предлогом, когда наличие предлога само указывало опять-таки на то, что здесь не может идти речи об именительном падеже (например, *поимемъ женоу его Вольгоу за кнѧзь нашъ за Малѧ* — Лавр. летоп.).

В XIV в. категория одушевленности проникает во множественное число, где приблизительно к XII в. в словах мужского рода уже стерлись различия между именительным и винительным падежами, исконно различавшимися¹. Однако и во множественном числе процесс охватил первоначально лишь слова мужского рода, обозначавшие лиц, например: *пожаловалъ есмъ соколниковъ* (Грам. Ив. Калиты XIV в.), *победиша деревлѧнъ* (Лавр. летоп.) и др. Несколько позже (приблизительно в XVI в.) категория одушевленности укрепились во множественном числе и для слов женского рода, обозначающих лиц, у которых исконно во множественном числе формы именительного и винительного падежей не различались, например: *и рабынь наоучити, жонокъ и дѣвакъ показуеть* (Домострой) и др.

Наконец, только в XVII в., да и то еще не окончательно, категория одушевленности охватила слова, обозначающие и другие живые существа, и тем самым полностью укрепились в русском языке, например: *птицъ прикормитъ* (Улож. 1649 г.), *лошадей купить* (Акты хоз. Морозова) и др.².

Следы старых отношений в современном языке очень незначительны. К ним относится наречие *замуж*, возникшее из сочетания предлога *за* с вин. пад., равным имен. пад., от *муж* (ср. *выйти замуж* и *заступиться за мужа*), а также такие конструкции, как *выйти в люди, брать в жены, быть избранным в депутаты* и под.

УТРАТА ЗВАТЕЛЬНОЙ ФОРМЫ И ДВОЙСТВЕННОГО ЧИСЛА

§ 186. В древнерусском языке, как уже говорилось, была особая з в а т е л ь н а я ф о р м а, отличающаяся от других падежных форм. Звательные формы отмечаются в памятниках письменности: например, в „Слове о полку Игореве“: *братие и дружино! Донецъ рече: княже Игорю! а ты боюи Рюриче и Давиде! О Днепре Словоутицю! О вътре, вътрило!* Правда, такие особые

¹ См. выше, § 181.

² В украинском и белорусском языках и теперь род.-вин. пад. не распространяется на названия всех живых существ: во множественном числе наименования животных не охвачены категорией одушевленности.

звательные формы выступали лишь в единственном числе и только в словах мужского рода с древними основами на ъ, ѣ, ї и в словах женского рода на а и ї, тогда как все остальные существительные имели звательную форму, равную именительному падежу. На протяжении истории русского языка, приблизительно в XIV—XV вв., звательная форма была утрачена¹, и следов ее в русском языке не сохранилось². В качестве звательной формы, или обращения, теперь употребляется форма именительного падежа.

Однако русский язык развил и своеобразную новую звательную форму, представляющую собой нечто вроде усеченного именительного падежа. Речь идет о таких формах, как *мам!*, *Кол'!*, *пан!*, *Ван'!* и т. д., т. е. о формах слов с окончанием [а] в имен. пад. ед. ч. Возникновение этих форм, как видно, связано с сильной редукцией безударного конечного гласного, приведшей к полной его утрате. Подобные факты никак не связаны в своем происхождении с древнерусской звательной формой и являются новообразованиями, возникшими в живой русской речи относительно позднего исторического времени.

§ 187. У т р а т а д в о й с т в е н н о г о ч и с л а. Выше при общей характеристике имени существительного уже отмечалось, что в древнерусском языке было не два, как теперь, а три числа — единственное, множественное и двойственное. Наличие трех чисел было унаследовано древнерусским языком от праславянского, в котором это, в свою очередь, было общендоевропейским наследством.

Надо сказать, что наличие трех чисел было характерно не только для существительных, но и для иных частей речи — для прилагательных, местоимений, глаголов, причастий. Но судьба двойственного числа была, конечно, общей для всего древнерусского языка как с точки зрения его территориальной распространенности, так и с точки зрения его грамматической структуры: двойственное число было утрачено во всех диалектах древнерусского языка и во всей его морфологической системе.

Утрата двойственного числа и развитие противопоставленности лишь единственного и множественного чисел — это результат развития человеческого мышления от представления о конкретной множественности к абстрактной. Если при наличии, скажем, единственного, двойственного и множественного чисел говорящий

¹ Хотя процесс утраты звательной формы начался, вероятно, рано (об этом свидетельствует даже Остромирово евангелие), все же завершение его произошло, как видно, уже после разделения древнерусского языка на три восточнославянских: русский, украинский и белорусский, так как утрату звательной формы знает лишь первый язык.

² Если, конечно, не считать форм *боже* и *господи*, выступающих ныне как междометия.

В литературном языке XIX в. звательные формы выступали в качестве средства стилизации. Ср.: *чего тебе надобно, с т а р ч е* (П у ш к и н).

противопоставляет один предмет двум предметам, а два предмета множеству их, то в таком противопоставлении, конечно, в определенной мере сохраняются еще представления о конкретной множественности (т. е. „один“ — это не то, что „два“, и тем паче не то, что „много“). Если же в языке есть только единственное и множественное число, то, следовательно, говорящий противопоставляет один предмет любой иной совокупности предметов, будь их два, десять, сто, тысяча и т. д. (т. е. в этом случае „один“ — это не то, что „много“, — не то, что „не один“). Это и есть абстрактная, а не конкретная множественность.

Следует иметь в виду, что понятие двойственности держится в языке устойчиво, и это объясняется тем, что оно поддерживается представлением о парности предметов. Однако с развитием языка понятие двойственности утрачивается, уступая место простой множественности.

В древнерусском языке, как и в иных языках, двойственное число употреблялось при обозначении двух или парных предметов. Существительные в двойственном числе, так же как в единственном и во множественном, изменялись по падежам, однако если в двух последних числах существительные имели достаточно разнообразные падежные формы, то в двойственном числе, по существу, различались только три такие формы: одна — для имен.-вин. пад. и зват. формы, вторая — для род.-местн. пад. и третья — для дат.-твор. пад. Кроме того, если в единственном и множественном числе существительные разных древних типов склонения имели разные окончания в одном и том же падеже, то в двойственном эти разные окончания, и то не в полной мере, были лишь в имен.-вин. пад. и зват. форме (ср.: *стола*, *селѣ*, *поли*, *сестрѣ*, *земли*, *сыны*, *кости* и т. д.). В то же время в род.-местн. и дат.-твор. пад. эти окончания для существительных всех склонений были одинаковыми: [у] в род.-местн. и [ма] в дат.-твор.

Формы двойственного числа отчетливо отразились в древнерусских памятниках, например: *лосѣ рогома болѣ* (Лавр. летоп.), *ставшема объма полкома* (там же), *тоу сѣ брата* (Игорь и Всеволод) *разлоучиста* („Слово о полку Игореве“), *за мѣхѣ двѣ нogaтѣ* („Русская Правда“), *сѣ двѣма сыномa* (Лавр. летоп.) и т. п.

§ 188. Утрата двойственного числа в древнерусском языке отражается в памятниках с XIII в., причем это находит свое выражение в замене форм двойственного числа формами множественного числа. Как видно, такая замена сначала возникала там, где существительное, которое должно было быть по древним нормам употреблено в двойственном числе, не имело при себе числительного *два*. Так, в Духовном завещании Климента новгородца XIII в. встречается *на свои роуки* вместо *на свои роуцѣ* (ибо речь идет о двух руках). Если же при подобном существительном стояло числительное *два*, то двойственное число удерживалось дольше,

однако постепенно и здесь происходила утрата старых форм. Как можно предполагать, быстрее утрачивались формы косвенных падежей, тогда как форма именительного падежа еще сохранялась. Это находит объяснение в том, что в косвенных падежах не было различия тех форм, какие различались во множественном числе (т. е. совпадали формы род. и местн., а также дат. и твор. пад. дв. ч.). Стремление различить эти формы приводило к необходимости использовать формы множественного числа. Примерами, свидетельствующими об утрате форм двойственного числа, могут служить следующие: *помози рабѣмъ своимъ Ивану и Олексію* (Житие Нифонта 1219 г.), *из двоу же ребѣе въ* (Еванг. 1354 г.), *обима и стчи* (Двин. грам. XIV в.), *двѣ чары, двѣ гривеники* (Дух. грам. Ив. Калиты), *двѣ же ны* (Ипат. летоп.) и др.

Если говорить о формах имен.-вин.-зват. пад., то здесь, вероятно, рано исчезла форма на -ѣ или -и у слов среднего рода с основой на ъ, заменившись формой на -а под влиянием слов мужского рода того же типа склонения, например: *даю два села* (Духовная Климента новгородца), *два льта* (Новг. летоп.) и др. Это, без сомнения, объясняется тем, что слова мужского и среднего рода с основой на ъ имели одинаковые формы в единственном числе и в косвенных падежах двойственного числа.

Окончательная утрата двойственного числа — явление сравнительно позднее: предполагают, что это относится к эпохе после образования трех восточнославянских языков, т. е. к эпохе XIV—XV вв.

§ 189. Итак, в истории русского языка двойственное число исчезло, однако определенные, причем в ряде случаев заметные следы, указывающие на наличие этих форм в прошлом, в русском языке остались. К ним прежде всего относятся формы, воспринимаемые ныне как имен. пад. мн. ч. с окончанием [а] под ударением от слов, обозначающих парные предметы: *рогá, бокá, глазá, берегá, рукавá*. Все они по происхождению являются формами имен. пад. дв. ч.: имен. пад. мн. ч. от этих слов имел окончание [и]: *рози, боци, глаза, берези, рукави*. Распространение окончания [а] в имен. пад. мн. ч. муж. р.¹ позволило осознать и указанные выше формы точно так же, как имен. пад. мн. ч. Такой же характер имеют и формы *плечи, колени* (фонетически из *колѣнѣ*), являющиеся по происхождению имен. пад. дв. ч. от *плечо, колѣно* (имен. пад. мн. ч. был *плеча*², *колѣна*³).

Особого внимания заслуживают современные сочетания существительных с числительными *два, три, четыре*. В древнерусском языке при числительном *два* существительное ставилось в имен.

¹ См. выше, § 181.

² Ср. у Пушкина: „Умыть лицо, *плеча* и груди“ („Евгений Онегин“).

³ Форма *уши* не объяснима от формы *ухо*. Поэтому С. П. Обнорский предполагал имен. пад. ед. ч. *ушь*. В этом случае *уши* — имен. пад. дв. ч.

пад. дв. ч., а при *три, четыре* — в имен. пад. мн. ч.: *дѣва стола, дѣвѣ селѣ, дѣвѣ рыбѣ* и *три, четыре столи, села, рыбы*. В современном же языке при *два, три, четыре* существительное употребляется в род. пад. ед. ч. Следовательно, произошли какие-то изменения, которые требуют исторического анализа. Этот анализ лучше начинать с рассмотрения сочетаний числительного *два* с существительными мужского рода.

Если внимательно приглядеться к сочетаниям типа *два шага, два ряда, два часа*, то можно установить, что формы *шага, ряда, часа* в этих сочетаниях являются по происхождению формами не род. пад. ед. ч., как это представляется теперь, а имен. пад. дв. ч. То, что это действительно так, доказывает место ударения в указанных формах. Дело в том, что в древнерусском языке род. пад. ед. ч. и имен. пад. дв. ч. у слов данного типа могли различаться местом ударения, не различаясь окончанием: в род. пад. ед. ч. ударение падало на основу, а в имен. пад. дв. ч. на окончание. Конечно, такое различие не могло сохраниться и не сохранилось без изменения на протяжении истории русского языка, однако и теперь в его морфологической структуре есть явления, которые подтверждают правильность выдвинутого положения. В самом деле, достаточно сравнить такие, например, факты, как *с первого шага* и *два шага* или *до последнего часа* и *два часа*, чтобы столкнуться с внешне не объяснимым фактом наличия в одной и той же форме род. пад. ед. ч. двух разных ударений. Почему в форме *шага* или *часа* ударение падает то на основу, то на окончание, если речь идет об одной и той же форме род. пад.? Объяснить это можно лишь тем, что в сочетаниях *с первого шага, до последнего часа* выступает действительно форма род. пад. ед. ч., а в *два шага, два часа* — не эта форма, а какая-то иная, лишь воспринимаемая ныне как род. пад. ед. ч. Эта иная форма — форма имен. пад. дв. ч.

Итак, в сочетаниях типа *два попа, два часа* формы *попа, часа* с утратой двойственного числа „уже не вызывали представления о двойственном числе, но они не вызывали представления и о множественном (результатом этого была бы замена их формами множественного числа). Потеряв категорию числа, эти формы, естественно, сблизились с тождественными с ними формами родительного единственного. Это повело к общей замене формой родительного падежа единственного числа формы двойственного числа, потерявшей свое значение, и там, где форма двойственного числа по звуку не была тождественна с формой родительного падежа¹. Именно поэтому в русском языке возникло не только *два села* вместо древнего *дѣвѣ селѣ*, где подверглось изменению как числительное², так и существительное, но и *две рыбы* вместо *дѣвѣ рыбѣ*. И конечно, в сочетаниях *два села, две рыбы* формы *села, рыбы* — это уже действительно формы род. пад. ед. ч. от *село, рыба*:

¹ А. А. Шахматов. Историческая морфология, с. 213.

² Подробнее см. ниже, § 215.

они не только осознаются таковыми, как это случилось с формой *стола* в *два стола*, но и по происхождению являются формами род. пад.

Между прочим, в связи с рассматриваемым вопросом можно еще обратить внимание на историю сочетаний числительных *три*, *четыре* с существительными. Если учесть, что при *три*, *четыре* в современном языке существительные выступают так же, как и при *два*, *две*, в форме род. пад. ед. ч., то в древнерусском языке, как уже говорилось, дело обстоит по-иному: существительные при *три*, *четыре* выступали в форме имен. пад. мн. ч. Таким образом, если теперь есть *два*, *три*, *четыре стола*, *села* и *две*, *три*, *четыре рыбы*, то в древнерусском языке было *дѣва стола*, *дѣвѣ селѣ*, *дѣвѣ рыбѣ* и *трѣе*, *четыре столи*, *три*, *четыри рыбы*, *три*, *четыри села*.

В истории русского языка в связи с общим сближением склонения числительных *три*, *четыре* со склонением *дѣва*, *дѣвѣ*¹ формы бывшего имен. пад. дв. ч., осознанные как формы род. пад. ед. ч., были перенесены и в сочетания существительных с *три*, *четыре*; таким путем возникло сначала *три*, *четыре стола*, а далее — *три*, *четыре села* и *три*, *четыре рыбы*, где формы *стола*, *села*, *рыбы* являются формами род. пад. ед. ч.

Остатком двойственного числа в русском языке выступает и наречие *воочию*, являющееся по происхождению формой местн. пад. дв. ч. от *око* с предлогом *въ*.

Наконец, можно указать еще и на диалектную форму твор. пад. мн. ч. с окончанием [ма], восходящую к форме этого же падежа дв. ч.: *с ногама*, *с рукама*, *с уткама*, *с палкама* и т. п. Эта форма распространена в части северновеликорусских говоров.

УСТРАНЕНИЕ ЧЕРЕДОВАНИЙ ЗАДНЕЯЗЫЧНЫХ СО СВИСТЯЩИМИ В ОСНОВЕ НЕКОТОРЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

§ 190. Чтобы закончить рассмотрение процессов изменения в склонении имен существительных, надо сказать об устранении чередований [к], [г], [х] с [ц], [з], [с] в падежных формах существительных с основой на заднеязычный.

Из исторической фонетики известно, что [к], [г], [х], попадая в положение перед [и] и [ѣ] дифтонгического происхождения, изменялись в мягкие свистящие [ц], [з], [с] (см. § 82). В результате дальнейших процессов соотношения [к] — [ц], [г] — [з], [х] — [с] превратились в морфологические чередования и стали характеризовать склонение имен существительных. Такие чередования наблюдались в словах с древней основой на *а* в дат. и местн. пад. ед. ч. и в имен.-вин. дв. ч. (ср.: *роука* — *роуцѣ*),

¹ Подробнее см. ниже, § 216.

а также в словах с древней основой на ъ в местн. пад. ед. и мн. ч. и в имен. пад. мн. ч. (ср.: *вѣлкѣ* — *вѣлцѣ* — *вѣлицѣ*). В результате утраты двойственного числа и утверждения в имен. пад. мн. ч. основ на ъ бывшей формы вин. пад. с окончанием [ы] (*вѣлкы*) чередование заднеязычных со свистящими сохранилось лишь в единственном числе. Однако и здесь очень рано начала действовать тенденция выравнивания основ, в результате чего свистящие перед окончанием [ѣ] > [е] стали вытесняться заднеязычными [к], [г], [х]. Так возникли формы *роукѣ* > *руке*, *ногѣ* > *ноге*, *сохѣ* > *сохе* и т. д. вместо др.-русск. *роуцѣ*, *нозѣ*, *сосѣ* и т. д. (см. § 158). Этот процесс отмечается в памятниках с XI в., например: *рабоу своемуу Д ѡ м ѡ к ѣ* (Миней 1096 г.). Однако окончательно он охватил все категории подобных слов лишь в русском языке, тогда как в украинском и белорусском формы на [ц], [з], [с] сохраняются.¹

§ 191. Итак, на протяжении многовековой истории русского языка система имени существительного развивалась в направлении к тому ее состоянию, какое мы находим в современном русском языке. От многотипности склонения, восходящей к общиндоевропейской эпохе, от различия трех чисел и семи падежных форм, от большого разнообразия падежных окончаний не только в единственном, но и во множественном числе, от ярко выраженного различия твердой и мягкой разновидностей в отдельных типах склонения система имени существительного шла по пути у н и ф и к а ц и и типов склонения, утраты двойственного числа и звательной формы, по пути унификации падежных окончаний, особенно во множественном числе, по пути сближения твердой и мягкой разновидностей склонений. Все эти процессы, развивавшиеся большей частью в эпохи, зафиксированные уже памятниками письменности, постепенно и привели к укреплению в системе имени существительного тех основных особенностей, которые определяют эту систему в современном русском языке.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка, т. II. Киев, 1953, с. 122—154.
 Дурново Н. Очерк истории русского языка. М.—Л., 1924, с. 243—292.
 Иорданский А. М. История двойственного числа. Владимир, 1960.
 Кедайтене Е. А. Из наблюдений над категорией лица в памятниках русского языка старшей поры. „Вопросы языкознания“, 1955, № 1.
 Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953, с. 73—120.

¹ Это положение остается верным, если даже признавать, как об этом уже упоминалось выше (см. § 82), что на некоторых территориях восточных славян изменение [к], [г], [ч] в мягкие свистящие перед [ѣ] и [і] не осуществлялось: в целом у нас нет оснований отрицать действие второй палатализации во всех диалектах древнерусского языка.

Обнорский С. П. Именное склонение в современном русском языке, вып. I. Л., 1927; вып. II. Л., 1931.

Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М., 1907, с. 152—222.

Черных П. Я. Две заметки по истории русского языка. „Известия АН СССР. Отделение литературы и языка“, т. IX, вып. 5, 1950, с. 393—398.

Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М., 1957, с. 16—17, 42—117, 203—240, 326—367.

Ягич И. В. Критические заметки по истории русского языка. СПб., 1889.

Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953, с. 158—186.

ИСТОРИЯ МЕСТОИМЕНИЙ

§ 192. Система местоименного склонения к моменту появления письменности. В древнерусском языке, как и в современном, местоимения делились на две большие группы. Одну составляли личные местоимения 1-го и 2-го лица, к которым примыкало по структуре и синтаксическим связям возвратное местоимение (последнее отличалось от личных местоимений тем, что у него не было формы имен. пад.). Другую группу образовывали неличные местоимения — указательные, притяжательные, относительные, вопросительные, определительные, отрицательные, неопределенные. В отличие от личных местоимений, которые по синтаксической роли были сходны с существительными, неличные местоимения сближались в этом плане с прилагательными; кроме того, если личные местоимения не имели категории рода, то неличные различались по родам. Что касается личного местоимения 3-го лица, то по происхождению оно является указательным, и для древнерусской эпохи его правильнее включить в неличные местоимения¹.

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНΙΑ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 193. Склонение личных местоимений в древнерусском языке.

<i>Единственное число</i>		<i>Множественное число</i>	
1-е лицо	2-е лицо	1-е лицо	2-е лицо
И. ѡзѣ	ты	И. мы	вы
Р. мене	тебе	Р. насѣ	васѣ
Д. мѡнѣ, ми	тобѣ, ти	Д. намѣ, ны	вамѣ, вы
В. мене, мѡ	тебе, тѡ	В. насѣ, ны	васѣ, вы
Т. мѡною	тобою	Т. нами	вами
М. мѡнѣ	тобѣ	М. насѣ	васѣ

Двойственное число

1-е лицо	2-е лицо
И. вѣ	ва
В. на	ва
Р.-М. наю	ваю
Д.-Т. нама	вама

¹ Об истории этого местоимения см. ниже, § 197.

§ 194. История личных местоимений. Парадигма склонения личных местоимений показывает, что оно характеризовалось тем же супплетивизмом форм, что и в современном языке, т. е. формы именительного падежа и формы косвенных падежей этих местоимений образовывались от разных основ. Вместе с тем падежные формы личных местоимений в ряде случаев отличались от современных форм и на протяжении развития русского языка пережили определенные изменения. Правда, такие изменения коснулись только нескольких форм, тогда как в большинстве их в истории русского языка никаких изменений не было, если иметь в виду, конечно, морфологические, а не фонетические явления. Ведь если, скажем, в современном языке есть формы дат. и предл. пад. *мне* и твор. пад. *мною*, а в древнерусском были *мѣнѣ* и *мѣною*, то изменение последних связано не с морфологическими, а с фонетическими процессами падения редуцированных и изменения [ѣ] в [е]. Однако, оставляя в стороне подобные факты, как и факт утраты двойственного числа, являющийся общерусским процессом, все же в истории форм личных местоимений можно видеть ряд изменений, носящих чисто морфологический характер.

Рассматривая эти изменения, прежде всего следует обратить внимание на форму 1-го лица ед. ч. *ѧзѣ*. Эта форма, имеющая по происхождению индоевропейский характер, отличалась от старославянской формы *азѣ* наличием [j] перед начальным [a]. Однако в древнерусских памятниках форма *азѣ* не только встречается очень часто, но и употребляется продолжительное время наряду с *ѧзѣ*. Это объясняется как влиянием старославянского языка, так и тем, что форма *азѣ* употреблялась часто в застывших оборотах деловых документов по традиции, возможно, независимо от того, существовала ли она в живом русском языке или не существовала (ср., например, начало многих купчих и меновных грамот: *се азѣ рабѣ...*). Вместе с тем, как видно, очень рано, по крайней мере уже в XI—XII вв., в древнерусском языке возникла новая форма 1-го лица ед. ч., соответствующая современной, — форма *я*. Известно, например, что в Грамоте великого князя Мстислава и его сына Володимира 1130 г., очень небольшой по объему, употреблены три формы этого местоимения: старославянская по происхождению *азѣ*, древнерусская *язѣ* и новая *я* (ср.: *се азѣ мѣстиславъ... а ѧзѣ далѣ роукою своею... а се ѧ всеволодѣ*).

Наличие этих трех форм в одном памятнике можно расценивать как сосуществование неживой, традиционной, пришедшей из другого языка формы с формой исконно русской, свойственной, вероятно, и тогда живому языку, но вытесняемой новой формой.

Причину развития *язѣ* > *я* видят в том, что *язѣ* до падения редуцированных была формой двухсложной ([ja/zь]), тогда как формы имен. пад. остальных всех лиц и чисел были односложными (ср.: *ты, вы, мы* и др.); именно поэтому могла возникнуть тенденция к отпадению второго слога в *язѣ* и к превращению формы 1-го лица ед. ч. также в односложную.

§ 195. Изменению подверглись и формы род. пад. ед. ч. *мене* и *тебе*, выступавшие и в значении вин. пад. Эти формы существовали и в старославянском языке, т. е. являлись у русских общеславянским наследием. В истории русского языка произошло изменение этих форм в *меня*, *тебя*, причем оно возникло не во всех диалектах русского языка: в южновеликорусских говорах и до сих пор держатся старые формы род.-вин. пад. с окончанием [e]: *у мене*, *без тебе*. Формы на [ʼa] появляются в памятниках с конца XIV в. Объясняя факт изменения *мене*, *тебе* в *меня*, *тебя*, А. А. Шахматов выдвигал в качестве его причины изменение [e] > [ʼa] в положении без ударения. В противоположность А. А. Шахматову А. И. Соболевским было предложено морфологическое объяснение этого явления: он полагал, что подобное изменение произошло под влиянием форм род. пад. существительных с древней основой на ѓ, типа *коня*, т. е. в этом случае появление [ʼa] вместо [e] объясняется как результат аналогического воздействия со стороны форм определенных существительных. Однако, как видно, наиболее достоверной гипотезой является та, которую выдвинул в свое время И. В. Ягич, полагавший, что изменение *мене*, *тебе* > *меня*, *тебя* возникло под влиянием так называемых энклитических форм местоимений *мѧ*, *тѧ*, выступавших исконно в вин. пад., но переносимых часто и в род. пад.¹

В дат. и местн. пад. местоимение 2-го лица имело форму *тобѣ* при старославянском *тебѣ*. Эта форма с гласным [o] в основе, возникшим, возможно, под влиянием [o] в основе формы твор. пад. *тобою*, отмечается в памятниках с XI в. наряду с формой *тебѣ* (ср. примеры из памятников: к *тобѣ* (Лавр. летоп.), *тобѣ* (Юрьев. еванг.), *азъ боудуу тобѣ в ѿрце* (Лавр. летоп.) и к *тебѣ* (Жит. Феод.), *тебѣ* (Дог. 1405 г.) и т. п.) и сохраняется в части русских диалектов до наших дней. Предполагают, что исконно многие русские говоры вообще не знали формы *тебѣ* в дат. пад. Однако в истории русского языка форма *тебе* получила широкое распространение и ныне является господствующей. Можно по-разному объяснять появление *тебе* вместо *тобѣ*: и как заимствование *тебе* из старославянского языка, и как результат фонетического изменения [o] > [e] в силу действия межслоговой ассимиляции, и т. д. Однако все же возможно думать, что в подобном изменении формы сыграли роль сразу несколько причин — как то, о чем только что было сказано, так и то, что, вероятно, некоторые русские диалекты имели и сохраняли общеславянскую форму *тебѣ* на всем протяжении своей истории.

Вместе с тем под влиянием дат.-местн. пад. формы с [o] в основе появляются и в род.-вин. пад., например: *близъ тебе*, *оу тебе* (Лавр. летоп.), *ищуть тебе* (Микул. еванг.), *пред тобѧ* (Домо-

¹ Впрочем, это предположение высказывал и А. А. Шахматов в одном из писем Ф. Ф. Фортунатову 1892 г. См.: „Из переписки А. А. Шахматова с Ф. Ф. Фортунатовым“. — „Вопросы языкознания“, 1958, № 3, стр. 63.

строй), *благословиѣ тобѣ отецъ* (Грам. 1389 г.). Подобные формы сохраняются и в некоторых современных говорах.

Наконец, древнерусский язык, как и старославянский, знал различие полных и кратких, или энклитических, форм личных местоимений. Если первоначально, вероятно, различие этих форм было связано с ударностью и безударностью их в предложении, то в древнерусском языке полные и энклитические формы употреблялись параллельно. При этом последние были широко распространены в памятниках, например: *пришедеъ передъ мѣ* (Галиц. грам. 1401 г.), *иде на тѣ* (Лавр. летоп.), *по тѣ* (Ипат. летоп.), *тѣхъ ти волости не держати* (Грам. 1325—1326 гг.), *прислю ти* (Лавр. летоп.), *а въ то ми сѣ* доспело (Двин. грам. XV в.), *не ѿпо ли ны бяшетъ* („Слово о полку Игореве“), *се посла ны ѿръ* (Лавр. летоп.), *молю вы* (Жит. Феод.) и т. д. Энклитические формы были утрачены в русском языке приблизительно к XVII в. Остатки их в говорах очень незначительны (ср., например, *я те дам! бог ты знает* и т. п.).

ВОЗВРАТНОЕ МЕСТОИМЕНИЕ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 196. Как известно, у возвратного местоимения отсутствует форма имен. пад. Все же остальные падежные формы были то же, что и у личных местоимений *ты*. Следовательно, они отличались от современных форм только в род.-вин. пад. (др.-русск. *себе* — современное *себя*) и в дат.-местн. пад. (др.-русск. *собѣ* — современное *себе*). Кроме того, в дат. и вин. пад. у этого местоимения тоже были энклитические формы: *си* и *сѣ*. Ср. факты употребления падежных форм возвратного местоимения в памятниках: род. пад. — *оу себе* (Новг. грам. 1305 г.), *а межи себе оучинили* (Двин. грам. XV в.) и (под влиянием дат.-местн. пад.) *межю себе* (Лавр. летоп.), *промеж себе* (Новг. грам. 1471 г.); дат. пад. — *коупи собѣ* (Двин. грам. XV в.), *мы собѣ боудемъ*, *а ты собѣ* (там же), *голову си розби(х) дважды* (там же); вин. пад. — *хотѣ мстити себе* (Лавр. летоп.), *возьмоутъ на сѣ* (там же); местн. пад. — *по собѣ* (Грам. 1447—1456 гг.), *и рече в собѣ* (Лавр. летоп.) и т. д. Пути изменения этих форм или утраты их, так же как и причины таких изменений, у возвратного местоимения были теми же, что и у местоимения *ты*, и поэтому не требуют подробных комментариев: и здесь в род.-вин. пад. установилась форма *себя* вместо др.-русск. *себе*, а в дат.-местн. пад. — форма *себе* вместо др.-русск. *собѣ*; энклитические же формы были утрачены. Однако форма вин. пад. *ся* (а в говорах иногда дат. пад. *си*) не просто исчезла из языка, а превратилась в особую частицу, служащую для образования возвратных глаголов. В древнерусском языке форма *сѣ*, являясь местоимением, употреблялась в возвратном значении, не сливаясь с глаголом в одно целое: она могла выступать и после,

Синодъ створи снъ иже въ оуцѣхъ стапоушахъ
 снъ иже ма и тоу иже ма и тоу иже ма и тоу
 иже ма и тоу иже ма и тоу иже ма и тоу
 иже ма и тоу иже ма и тоу иже ма и тоу
 иже ма и тоу иже ма и тоу иже ма и тоу
 иже ма и тоу иже ма и тоу иже ма и тоу
 иже ма и тоу иже ма и тоу иже ма и тоу
 иже ма и тоу иже ма и тоу иже ма и тоу

Фрагмент из Лаврентьевской летописи 1377 г.

и перед глаголом, а могла быть и отделена от глагола иными словами (ср. в Смоленской грамоте 1229 г.: *что сѧ дѣте по веремьнемъ*; в Лаврентьевской летописи: *а ѧ възвѣраюу сѧ похажу и еше*). Превращаясь в возвратную частицу, *ся* теряло свою самостоятельность и полностью сливалось с глаголом, сначала семантически, а затем фонетически и морфологически, образуя его возвратную форму. Этот процесс отражается в памятниках с XV в.

ИСТОРИЯ ЛИЧНОГО МЕСТОИМЕНИЯ 3-ГО ЛИЦА

§ 197. Как уже говорилось, личное местоимение 3-го л. по происхождению является указательным. В древнюю дописьменную эпоху в славянских языках этого местоимения не было, однако оно появилось рано, до возникновения письменности. Роль личного местоимения 3-го лица стало выполнять указательное местоимение *и* (муж. р.), *ѧ* (жен. р.), *ѣ* (ср. р.), которое склонялось в древнерусском языке следующим образом:

Единственное число			Множественное число		
Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.			
И. и	ѣ	ѧ	И. и	ѧ	ѣ
Р. ѣГО		ѣѣ	Р.	ИХЪ	
Д. ѣМОУ		ѣИ	Д.	ИМЪ	
В. и	ѣ	Ю	В. ѣ	ѧ	ѣ
Т. ИМЪ		ѣЮ	Т.	ИМИ	
М. ѣМЪ		ѣИ	М.	ИХЪ	

Двойственное число

И.-В.	ѧ	и	и
Р.-М.		ѣЮ	
Д.-Т.		има	

Формы имен. пад. *и*, *ѧ*, *ѣ* очень скоро (предполагают, даже в праславянский период) исчезли из языка, и на их месте укрепи-

лись формы *онѣ, она, оно*, являвшиеся формами одного из указательных местоимений древнерусского языка, склонявшегося так, как теперь склоняется устаревшее *оный, оная, оног*.

После закрепления в имен. пад. форм *онѣ, она, оно* при сохранении форм косвенных падежей от *и, ѿ, ꙗ* склонение этого местоимения стало характеризоваться супплетивизмом форм. Однако этот супплетивизм, в отличие от супплетивизма форм местоимений 1-го и 2-го л., не был очень древним по происхождению: он возник позже в результате объединения склонений двух исконно различных местоимений. При этом, выступая в роли личного местоимения, *онѣ, она, оно* стало отличаться уже в др.-русск. языке от соответствующего указательного местоимения ударением: личное имело ударение *онѣ, она́, оно́*, а указательное — *онѣ́, она́, оно́*.

В развитии склонения этого местоимения обращает на себя внимание несколько явлений, требующих определенных объяснений.

Во-первых, в истории русского языка это местоимение, как и все остальные, утратило формы двойственного числа, а также изменило некоторые формы под влиянием чисто фонетических причин (ср. отверждение конечного мягкого [м] в твор. и местн. пад. ед. ч.: например, *им* вместо др.-русск. *имь*; или изменение [e] > [o] в местн. (предл.) пад. ед. ч.; или изменение *еѣ* в *еѣ́* (фонетически [ejó]) в результате раннего изменения [ě] > [e] и дальнейшей аналогической замены [e] на [o]). Кроме того, в склонении этого местоимения были утрачены старые формы вин. пад. ед. и мн. ч. (т. е. ед. ч. муж. р. *и*, ср. р. *ꙗ*, жен. р. *ю*; мн. ч. муж. р. *ѣ*, ср. р. *ѿ*, ж. р. *ѣ*). Они были утрачены в силу их невыразительности (а иногда и совпадения со служебными словами) и заменены формами родительного падежа. Правда, в диалектах русского языка, а именно в северновеликорусских, и сейчас еще можно встретить форму вин. пад. жен. р. *ю* (или после предлога — *ню*), но это редкие и нехарактерные случаи¹.

Наконец, еще в дописьменную эпоху это местоимение развило одну характерную особенность в своем склонении, а именно прибавление начального [н] в косвенных падежах после предлогов. Дело в том, что современные предлоги *в, к, с* исконно имели в своем составе звук [н]: они выступали в виде *вѣн, кѣн, сън*. Поэтому сочетания этих предлогов с косвенными падежами рассматриваемого местоимения первоначально выглядели как, скажем, *вѣн ꙗмь, кѣн ꙗмоу, сън имь*. В результате перераспределения согласный [н] отошел к местоимению, в силу чего и возникло то положение, когда после предлогов *в, к, с* местоимение стало выступать с начальным [н]². Постепенно прибавление [н] к форме местоимения

¹ Известная в литературном языке XIX в. форма род. пад. *ея* не является живой: она возникла как форма для передачи старославянской *ѿя*.

² Как примеры сохранения древнего вида предлога *вѣн*, превратившегося, правда, в своеобразную приставку, можно привести наречие *внутри* из др.-русск. *вънутри*, этимологически связанного с *утроба*, или глагол *внушить* из др.-русск. *вънушити*, этимологически связанного с *ухо*.

распространилось и на положение после любого предлога (ср. уже в Грамоте Мстислава 1130 г. *оу него*). Правда, закономерные отношения (т. е. наличие [н] после предлога и отсутствие его без предлога) характерны теперь, пожалуй, лишь для литературного языка, тогда как в говорах они не выдерживаются последовательно: большей частью в диалектах начальное [н] в косвенных падежах отсутствует и в положении после предлогов; иногда же в северных говорах такое [н] может появляться и при отсутствии предлога (т. е., с одной стороны, *к ему, с ими, о их*; а с другой — *сказал нему* и т. п.).

Следует указать еще и на то, что в форме имен. пад. мн. ч. исконно различались три формы: *они* для муж. р., *она* для ср. р. и *оны* для жен. р. Общий процесс сближения склонений слов во множественном числе, проявившийся в существительных и усиленный здесь еще совпадением всех форм косвенных падежей без различий по роду, выразился в имен. пад. в установлении одной формы *они*, по происхождению формы муж. р., для всех родов¹.

УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 198. Склонение указательных местоимений.

Единственное число

Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
И. тъ	то	та	онъ	оно	она
Р. того		тоѣ	оного		оноѣ
Д. томоу		тои	оному		онои
В. тъ	то	тоу	онъ	оно	оноу
Т. тѣмь		тою	онѣмь		оною
М. томь		тои	ономь		онои

Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
И. съ	сѣ	си
Р. сего		сеѣ
Д. семоу		сеи
В. съ	сѣ	сю
Т. симь		сею
М. семь		сеи

¹ Известно, что вплоть до 1917 г. в русском языке была еще форма *онѣ*, возникшая под влиянием форм *мѣ*, *всѣ* и закрепленная за словами жен.р. Однако закрепление ее носило во многом искусственный характер, а потому и не могло сохраниться. Если в современных говорах и есть форма *оне*, выступающая в имен. пад. мн. ч. (как, впрочем, и *оны* — бывший жен. р.), то она в них играет роль единственной формы, а не приурочена к какому-либо определенному роду.

Множественное число

И.	ти	та	ты	они	она	оны	си	си	сиѣ
Р.		тѣхъ			онѣхъ			сихъ	
Д.		тѣмъ			онѣмъ			симъ	
В.	ты	та	ты	оны	она	оны	сиѣ	си	сиѣ
Т.		тѣми			онѣми			сими	
М.		тѣхъ			онѣхъ			сихъ	

Двойственное число

И.-В.	та	тѣ	тѣ	она	онѣ	онѣ	си	сии	сии
Р.-М.		тою			оною			сею	
Д.-Т.		тѣма			онѣма			сима	

§ 199. Ист о р и я у к а з а т е л ь н ы х м е с т о и м е н и й. Итак, в древнерусском языке различались три указательных местоимения: *тѣ, та, то*; *онѣ, она, оно* и *сѣ, си, сѣ*, которое могло выступать и в виде *сей, сиа, сие*. Каждое из этих местоимений имело свое значение и употреблялось лишь в определенных случаях: *тѣ, та, то* — для безотносительного указания; *онѣ, она, оно* — для указания на отдаленные предметы; *сѣ, си, сѣ* — для указания на ближайшие предметы. В истории русского языка такая трехступенность не сохранилась, ибо указательные местоимения *онѣ, она, оно* и *сѣ, си, сѣ* были утрачены в живом языке, хотя и сохранялись долгое время как архаизмы в определенных стилях речи (ср. старые канцеляризмы *онѣй господин, сей проситель, к сему руку приложил* и т. п.). Однако все эти местоимения сыграли свою роль в истории русского языка в определенные эпохи его развития, и эта роль должна быть учтена.

Если обратиться к истории склонения указательных местоимений, то здесь прежде всего заслуживает внимания склонение местоимения *тѣ, та, то*. Опять-таки в истории этого склонения можно отметить как полное сохранение одних древнерусских форм на протяжении всех эпох развития языка, так и изменение других форм, вызванное различными причинами. Не останавливаясь на фактах изменения форм, объясняемых чисто фонетическими причинами (например, отверждение [м'] в твор. пад. ед. ч. муж. и ср. р. *тѣмъ* > *тѣм* и местн. пад. того же числа и рода *томъ* > *том*; редукция [ѣ] до исчезновения в род. пад. ед. ч. жен. р.: *тоѣ* > *той*¹; изменение [ѣ] > [е] в твор. пад. ед. ч. и в косвенных пад. мн. ч. муж. и ср. р.), а также на утрате форм двойственного числа, обратимся к иным изменениям падежных форм, носящим различный характер.

Прежде всего следует указать, что форма имен. пад. ед. ч. муж. р. *тѣ* оказалась невыразительной в силу своей краткости и не могла долго сохраняться. Как видно, поэтому она, будучи

¹ Возможно, под влиянием такой же редукции в прилагательных: *новоѣ* > *новой*. См. ниже, § 211.

достаточно известной в памятниках письменности, например *тѣ стѣи георгии* (Мстисл. грам. 1130 г.) и др., все же очень рано стала выступать в удвоенном виде *тѣтѣ* (так она зафиксирована в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях) и в эпоху падения редуцированных изменилась в *тот*¹. Эта форма и закрепилась в русском языке в большинстве его говоров как форма имен. пад. ед. ч. муж. р.².

Сложный путь развития прошла и форма род. пад. ед. ч. муж. и ср. р. *того*, имевшая, вероятно, первоначально взрывной звук [г] в своем составе. С этим звуком данная форма зафиксирована в ряде современных русских диалектов, и, можно думать, она выступала в таком виде как в старославянском, так и в древнерусском языках. Однако в современном литературном языке и в части говоров в этой форме теперь произносится не [г], а [в]: литературное [таво] (с изменением предупредного [о] в [а] в результате аканья). Следовательно, необходимо установить пути изменения этой формы.

Как видно, изменение формы *того* началось с ослабления взрывного [г] и превращения его во фрикативный звук [γ]: форма [тоγо] отмечается ныне в северновеликорусских олонечких говорах и в части южновеликорусского наречия. Дальнейшее ослабление звука [γ] приводило в конце концов к его исчезновению и к появлению формы [тоо], также известной ныне в северновеликорусских диалектах. И наконец, в связи с тем, что русскому языку вообще не свойственно стечение гласных, между двумя [о] развился новый согласный, губной по своему характеру — согласный [в]. Форма *тово* появляется в памятниках с XV в., и параллельно с нею возникают и формы род. пад. ед. ч. других местоимений, имеющих исконно взрывной звук [г] в окончании (типа *его*, *моево*, *твоево*, *своево*, *нашево* и т. д.)³.

Наконец, как и в истории имен. пад. мн. ч. личного местоимения *он*, *она*, *оно*, произошла утрата различных родовых форм в этой падежной форме и для указательного местоимения *тѣ*, *та*, *то*. В различных диалектах русского языка в их современном состоянии можно обнаружить в имен. пад. мн. ч. или форму *ти*, или форму *ты*, но каждая форма выступает как единая для всех родов. В отличие от подобных диалектов литературный язык, а вместе с ним и часть говоров закрепили в качестве формы имен. пад. мн. ч. форму *те*, восходящую к др.-русск. *тѣ*, извлеченному в качестве основы из косвенных падежей множественного числа⁴.

¹ Точно так же возникла и форма *сесь* (из *сьсь*), известная в памятниках с XIV в. (например, *сесь судебникѣ* — в Судебнике 1550 г.).

² В некоторых говорах вместо *тот* выступает *той*, из *тѣи*, возникшее, вероятно, под влиянием *мой*.

³ Существует и иная точка зрения на путь развития данной формы, которая считает исходной форму *тоо*. См.: А. А. Шахматов. Историческая морфология, с. 174; П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология, с. 165.

⁴ Следует отметить, что если в говорах в форме имен. мн. выступает *ти* или *ты*, то и в косвенных падежах наблюдается обобщение форм по имен. пад., т. е. появляются формы *тих*, *тим* и т. д. или *тых*, *тым* и т. д.

Форма *те* точно так же является единственной формой имен. пад. мн. ч. для всех трех родов.

§ 200. Утрата указательных местоимений *онъ, она, оно* и *сь, си, се*¹ вызвала необходимость в развитии иных местоимений для выражения указания на более отдаленный и на ближайший предмет. Развитие языка привело к тому, что местоимение *тот, та, то* стало играть роль указателя на отдаленный предмет; роль же указателя на ближайший предмет стало выполнять местоимение *этот, эта, это*.

Местоимение *этот, эта, это* возникло путем сложения форм *тот, та, то* с указательной частицей *е* (из *he*, ср. белорусск. *гэ*), причем первоначально эта частица осознавалась как нечто самостоятельное, отдельное от местоимения. В силу этого при употреблении местоимения с предлогом последний повторялся и перед частицей, и перед местоимением: *въ е въ то, на е на томъ, съ е съ тѣмъ*. Подобное употребление и привело к образованию таких форм, как *эфто, энто, эсто*, широко отмечаемых в русских диалектах.

ИСТОРИЯ ДРУГИХ НЕЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

§ 201. Притяжательные местоимения *мой, твой, свой* и *наш, ваш* склонялись по мягкому варианту местоименного склонения (т. е. так же, как *сь, си, се*) и не пережили особых изменений в истории русского языка. Склонение их в древнерусскую эпоху можно представить в следующем виде:

Единственное число

Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
И. мой	моѣ	моѣа	нашъ	наше	наша
Р. моѣго		моѣѣ	нашего	нашеѣ	
Д. моѣмоу		моѣи	нашему	нашей	
В. мой	моѣ	мою	нашъ	наше	нашоу
Т. моимъ		моѣю	нашимъ	нашею	
М. моимъ		моѣи	нашемъ	нашей	

Множественное число

И. мои	моѣа	моѣ	наши	наша	нашѣ
Р. моихъ			нашихъ		
Д. моимъ			нашимъ		
В. мои	моѣа	моѣ	нашѣ	наша	нашѣ

¹ В связи с местоимением *онъ, она, оно* стоят такие диалектные наречные образования, как *ономедни* (из *ономъ дне*), *оногдысь* и т. п. Что касается форм от местоимения *сь, си, се*, то известны такие выражения, как *ни то ни сѣ, то да сѣ*, а кроме того, образования *сейчас, сегодня*, где выступают формы, связанные с данным местоимением. Ср. еще: *сию минуто, по сию пору, до сих пор* и т. п.

Т.	моими	нашими
М.	моихъ	нашихъ

Двойственное число

И.-В.	моѣ	мои	мои	наша	наши	наши
Р.-М.		моею			нашею	
Д.-Т.		моима			нашими	

Если оставить в стороне все фонетические изменения форм этих местоимений, а также утрату двойственного числа, то окажется, что все остальные формы или не подверглись никаким изменениям в истории русского языка, или пережили те же изменения, что и указательное местоимение *тѣ, та, то*.

Точно так же обстоит дело и с историей определительного местоимения *всѣ, всѣѣ, все*, которое очень рано попало под влияние твердого варианта местоименного склонения, а дальше пережило те же самые изменения, что и иные неличные местоимения.

Ср. склонение его в древнерусском языке:

Единственное число Множественное число

Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
И. всѣ	всѣ	всѣѣ	вси	всѣѣ	всѣѣ
Р. всего		всѣѣ		всѣѣхъ	
Д. всемоу		всѣи		всѣѣмъ	
В. всѣ	всѣ	всю	всѣѣ	всѣѣ	всѣѣ
Т. всѣѣмъ		всѣю		всѣѣми	
М. всѣмъ		всѣи		всѣѣхъ	

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНΙΑ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 202. История склонения вопросительных местоимений. Оставляя в стороне вопрос о склонении вопросительных местоимений *кои, коѣ, коѣ и чѣи, чѣѣ, чѣѣ*, возникших путем сложения основ *кѣ-* и *чѣ-* с указательным местоимением *и*, *ѣ*, *ѣ* и изменявшихся по мягкому варианту местоименного склонения прилагательных, рассмотрим склонение местоимений *кѣто* и *чѣто*.

Единственное число

И.	кѣто	чѣто
Р.	кого	чего
Д.	комоу	чемоу
В.	кого	чѣто
Т.	цѣмъ	чѣмъ
М.	комъ	чемъ

Оба эти местоимения возникли в результате сложения первоначальных *кѣ* и *чѣ* с частицей *то*¹, причем форма *чѣ* представляет собой результат изменения **кѣ* (< **kī*-), являющегося той же формой, что и *кѣ*, но на иной ступени чередования гласного.

Рассмотрение парадигмы склонения этих местоимений в древнерусском языке показывает, что оно отличалось от современного склонения в род. пад., где были формы *кого*, *чего*², в твор. пад., где выступали *цѣмь*, *чимь*, и в местн. пад. — *комь*, *чемь*. Изменение последних форм в [ком], [ч'ом] связано с фонетическими процессами падения редуцированных и последующим отвердением [м'], что вызвало в свою очередь изменение [е] в [о] в [чем]. Что же касается изменения *кого*, *чего* в современные литературные [кавó], [чевó], то оно объясняется точно так же, как изменение *того* в [тавó], о чем уже подробно говорилось выше (см. § 199).

Следовательно, внимания заслуживают формы творительного падежа, где произошли более сложные изменения.

Форма творительного падежа от *кѣто* исконно выступала в виде **koimь*. В результате изменения дифтонга [oi] в [ě] в праславянскую эпоху согласный [k] смягчился и перешел в [c'] ([ц']); так возникла форма *цѣмь*. Однако эта форма оказалась изолированной в парадигме склонения данного местоимения. Эта изолированность определялась тем, что во всех падежах, кроме творительного, выступали формы с начальным звуком [к], тогда как в последнем — с [ц']. Это обстоятельство не могло не вызвать аналогического воздействия со стороны других форм на форму творительного падежа, в результате чего [ц'] было вновь заменено звуком [к]. Так возникла форма *кѣмь*, из которой в результате уже не раз упоминавшихся фонетических процессов (падение редуцированных, отвердение [м'], изменение [ě] > [e]) развилась современная *кем*.

Что касается формы *чимь*, то она возникла из **keimь*, где [k] > [č'], а [ei] > [il]. Появление же современной формы *чем* определяется, кроме воздействия фонетических факторов, аналогическим влиянием со стороны формы *кем*, а также, возможно, и *тем*³.

¹ В древнерусских памятниках, а также иногда в современных говорах отмечается форма *чо*, восходящая к *чѣ* без частицы *то*.

² В памятниках письменности отмечается еще форма *чесо*, но она, вероятно, не являлась живой русской формой, а была занесена в письменность из старославянского языка.

³ А. А. Шахматов полагал, что твор. пад. *цѣмь* был вытеснен первоначально формой *кѣмь*; *кем* же возникло позднее, в эпоху существования трех восточнославянских языков, под влиянием *тем*, так же как и *чем*. См.: А. А. Шахматов. Историческая морфология, с. 166—167 и 311.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка, т. II. Киев, 1953, с. 160—170.

Гадолина М. А. История форм личных и возвратного местоимений в славянских языках. М., 1963.

Дурново Н. Н. Очерк истории русского языка. М.—Л., 1924, с. 261—298.

Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М., 1907, с. 186—215.

Черных П. Я. Местоименные формы „эвтот“, „энтот“ и т. д. „Доклады и сообщения филологического факультета МГУ“, вып. 8, 1949.

Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М., 1957, с. 150—189, 298—319, 361—363.

Ягич И. В. Критические заметки по истории русского языка. СПб., 1889, с. 49—50.

Якубинский Л. П. История древнерусского языка., М., 1953, с. 186—206.

ИСТОРИЯ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

ИСТОРИЯ КРАТКИХ И ПОЛНЫХ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СВЯЗИ С ИСТОРИЕЙ КАТЕГОРИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И ОПРЕДЕЛЕННОСТИ

§ 203. В древнерусском языке, как и в современном, имена прилагательные были полные и краткие. Однако их грамматические функции, а следовательно, и взаимоотношения были иными, т. е. была иная система прилагательных. Если теперь краткие прилагательные выступают лишь в роли предиката, т. е. именной части составного сказуемого, то в древнерусском языке они могли быть и предикатом, и определением. Употребляясь в роли определения, они согласовывались с существительными в роде, числе и падеже, т. е. склонялись. В истории русского языка они, потеряв способность быть определением, потеряли и свое склонение. Остатки прежних падежных форм сохранились лишь в кратких притяжательных прилагательных на *-ов*, *-ин*, но и они в живой речи вытесняются полными (ср.: *бабушкиного дома*). Бывшие падежные формы кратких прилагательных сохранились также в некоторых застывших оборотах типа *по белу свету*, *от мала до велика*, в наречиях вроде *издавна*, *смолоду*; иногда они встречаются в стилизующей литературе. Но общая картина — потеря краткими прилагательными функции определения и в связи с этим потеря ими склонения — остается верной.

Отличия древнерусской системы прилагательных, кроме того, выражаются и в том, что если теперь относительные прилагательные могут выступать лишь в полной форме, то в древнерусском языке они выступали как в полной, так и в краткой форме: ср. *за-ложи Ладогоу городъ камѣнъ*.

Исходя из сказанного, можно поставить два главных вопроса: чем объясняется потеря склонения краткими прилагательными? Чем объясняется утрата относительными прилагательными краткой формы?¹

§ 204. Полные прилагательные образовывались еще в праславянскую эпоху от кратких путем присоединения к последним указательного местоимения *и*, *ја*, *ѣ*. Сначала это местоимение сохраняло свою значимость, и в прилагательном были две части: собственно прилагательное и указательное местоимение, которое ставилось при прилагательном, но относилось к существительному

¹ В решении этих вопросов мы присоединяемся к теории Л. П. Якубинского, изложенной им в книге „История древнерусского языка“ (с. 212—219). Основные положения этой теории даются ниже.

как о п р е д е л е н н ы й ч л е н при нем. В добра та сестра а относилось к сестра как к известному предмету (т. е.: *э та сестра добра*). Таким образом, вначале наличие или отсутствие указательного местоимения указывало на определенность или неопределенность существительного. Но уже в древнейшую эпоху эти отношения стали нарушаться, что было вызвано целым рядом причин.

Прежде всего это объяснялось самим способом образования категории определенности и неопределенности в славянских языках. Дело заключалось в том, что грамматически оформлялась лишь категория определенности — она оформлялась постановкой местоимения; отсутствие же местоимения выражало не только неопределенность, но и ненужность применения этой категории, нейтральность. В древнерусском языке были такие случаи, нейтральные по отношению к категории определенности-неопределенности. К ним относились, например, в области лексики собственные имена, названия общеизвестных городов, территорий и т. п., где применение категории определенности оказывалось излишним, так как определенность была заложена в самом лексическом значении слова. Такие существительные выступали как определенные независимо от того, шла уже речь о них или не шла. Следовательно, дело не в том, что данное слово упоминалось уже раньше и потому в данный момент было определенным, а в том, что была лексико-семантическая их определенность. Иначе говоря, если, например, в слове *Новъгородъ* прилагательное *новъ* выступает всегда в краткой форме, то это объясняется тем, что данное слово является определенным по своему лексическому значению, и поэтому определенный член (в виде указательного местоимения) здесь не нужен. Точно так же в сочетании *великъ днь* — „пасха“ не было необходимости в постановке определенного члена, так как определенность была заключена в самом лексическом значении этого сочетания. Таким образом, двоякая функция кратких прилагательных (выражение неопределенности и нейтральности) ослабляла категорию определенности-неопределенности в древнерусском языке.

Кроме того, указательное местоимение *и*, *та*, *к*, относясь к существительному, ставилось при прилагательном, что и приводило к появлению полных прилагательных. Это обстоятельство создавало непоследовательность в выражении категории определенности-неопределенности и ослабляло ее. Дело в том, что в ряде случаев прилагательное и само по себе, по самому своему значению, выражало определенный предмет. Таковы, например, притяжательные прилагательные, которые и без оформления местоимением характеризовали предмет как вполне определенный: *сынъ Володимиръ* — это вполне определенный сын определенного Владимира. Поэтому и в данном случае необходимость постановки указательного местоимения отпадала, а тем самым нарушалась система выражения определенности и неопределенности.

Но главное заключалось в том, что указательное местоимение ставилось при кратких прилагательных лишь тогда, когда последние выступали как определение; если же они выступали как предикат, то при них первоначально местоимение не ставилось. Это объясняется тем, что признак в именном сказуемом выступает всегда как такой, который приписывается или открывается в уже известном предмете. В этом случае существительное, к которому относится прилагательное-сказуемое, всегда определено для говорящего. *Теремъ камѣнъ* — можно сказать лишь об известном тереме. Член здесь излишен, поэтому он не ставился. В роли сказуемого, таким образом, выступали лишь краткие прилагательные. Иначе говоря, внутри имен прилагательных полные и краткие противопоставлялись друг другу не только как определенные и неопределенные, но еще и как атрибутивные и предикативные. Таким образом, старые отношения: *краснь* — неопределенность и *красньи* — определенность существовали рядом с *краснь* — предикат (сказуемое) и атрибут и *красньи* — только атрибут. Второе отношение постепенно перевесило из-за силы самой категории предикативности в языке, и поэтому функция прилагательных-определений стала закрепляться за полными прилагательными, а краткие, укрепляясь в роли сказуемого, теряли формы согласования в падеже и переставали склоняться. Краткие прилагательные постепенно начали оглаголиваться, выступая только в роли предиката, т. е. отходить от имени прилагательного. Но так как функция определения есть основная функция прилагательных, то поэтому именно полные прилагательные стали прилагательными по преимуществу, т. е. представителями категории прилагательных вообще, с отличным от имен оформлением.

§ 205. Что касается утраты относительными прилагательными краткой формы, то это связано с семантическими и синтаксическими особенностями прилагательных.

Известно, что качественные прилагательные обозначают так называемый подвижный признак, т. е. такой, который может содержаться в предметах в большем или меньшем количестве, может возникать и исчезать. В связи с этим находится наличие у качественных прилагательных степеней сравнения и соотнесенность их с глаголами: ср. *черный* — *чернее* — *чернеть*, *белый* — *белее* — *белеть*. У относительных прилагательных соотнесенности с глаголами нет, кроме тех случаев, когда они выступают в значении качественных: ср. *каменеть*, *деревенеть* — *каменной*, *суконной*. В связи со сказанным важно, что качественные прилагательные соотнесены с категорией времени: *стол (есть) черный* — это настоящее время в собственном смысле слова, так как рядом существуют *стол был* — *будет черный*.

Относительные прилагательные обозначают, наоборот, так называемый неподвижный признак, т. е. такой, который не может быть в предмете в большем или меньшем количестве (предмет не

может быть, скажем, более деревянным или менее железным). В связи с этим у относительных прилагательных нет степеней сравнения и нет соотносительности с категорией времени: *стол (есть) деревянный* — это не настоящее время в собственном смысле, так как рядом нет *стол был — будет деревянный*. Таким образом, особых связей со сказуемым, с предикатом, у относительных прилагательных нет; они выступают в роли сказуемого как любое иное имя, например как существительное.

Итак, качественные прилагательные связаны многими нитями с глаголом как наиболее типичным предикатом-сказуемым и его категорией времени. Такой связи нет у относительных прилагательных. Именно данное обстоятельство и вело к потере краткой формы относительными прилагательными, т. е. той формы, которая и закреплялась за выражением сказуемого. Говоря другими словами, в связи с тем что краткое прилагательное оглаголивалось и закреплялось в роли предиката, а такому оглаголиванью подвергались лишь краткие формы качественных прилагательных, тесно связанные с глаголами, относительные прилагательные потеряли краткую форму и стали выступать только в полной.

КРАТКИЕ ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В ДРЕВНЕ- РУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 206. Склонение кратких прилагательных.

Единственное число

Муж. р.		Ср. р.	Жен. р.	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
И. добръ		добро	добра	синь	сине	синѧ
Р.	добра		добры	синѧ		синѣ
Д.	доброу		добрѣ	синю		сини
В. добръ		добро	доброу	синь	сине	синю
Т.	добрьмь		доброу	синьмь		синеню
М.	добрѣ		добрѣ	сини		сини

Множественное число

И. добри		добра	добры	сини	синѧ	синѣ
Р.	добръ		добръ	синь		синь
Д.	добромь		добрамь	синемь		синѧмь
В. добры		добра	добры	синѣ	синѧ	синѣ
Т.	добры		добрами	сини		синѧми
М.	добрѣхъ		добрахъ	синихъ		синѧхъ

Двойственное число

И.-В. добра		добрѣ	добрѣ	синѧ	сини	сини
Р.-М.	доброу		доброу	синю		синю
Д.-Т.	добрама		добрама	синема		синѧма

§ 207. История кратких прилагательных. В древнерусском языке было три категории кратких прилагательных — качественные, относительные и притяжательные; все они изменялись по родам и числам и склонялись как существительные муж. и ср. р. с древней основой на *o* твердой и мягкой разновидностей и как существительные жен. р. с древней основой на *a* также обеих разновидностей (см. парадигмы склонения в § 206).

Оставляя пока что в стороне вопрос о притяжательных прилагательных, обратимся к двум первым разрядам кратких форм. Уже говорилось о том, что история этих прилагательных заключалась в постепенной утрате ими своего склонения, однако в памятниках письменности широко представлены разные падежные формы кратких качественных и относительных прилагательных, например: *и бѣ градъ великъ* (Лавр. летоп.), *от цѣла камени* (Ипат.

летоп.), *доброу члкоу* (Смол. грам. 1229 г.), *присла оумна мужа* (там же), *стомъ Михаиломъ* (Ипат. летоп.), *на мале часоу* (Новг. летоп.), *бѣхоу моужи моудри и смыслени* (Лавр. летоп.), *далъ блюдо серебряно* (Грамм. Мстислава 1130 г.), *държа роусьскоу*

землю (там же), *подъ стоу бѣю* (Двин. грам. XV в.) и мн. др. Утрата склонения краткими прилагательными шла постепенно, охватывая все большее и большее число форм.

Как видно, раньше всего (вероятно, в XIII—XIV вв.) были утрачены формы твор. пад. ед. ч. муж. и ср. р., а также дат., твор. дв. ч., дат. и местн. мн. ч. и, наконец, твор. пад. мн. ч. жен. р., где этому содействовал звуковой состав соответствующих форм именного и местоименного склонений¹. Дело в том, что эти формы в именном и местоименном склонениях имели равносложные окончания (ср. твор. пад. ед. ч. муж. и ср. р. краткой формы *добрѣмъ*, а полной — *добрымъ*; дат.-твор. пад. дв. ч. *доброма*, *добрама* и *добрыма*; дат. пад. мн. ч. *добрѣмъ*, *добрамъ* и *добрымъ*; местн. пад. мн. ч. *добрѣхъ*, *добрахъ* и *добрыхъ*; твор. пад. мн. ч. жен. р. *добрами* и *добрыми*). Безразличие в их синтаксическом употреблении привело к смешению этих форм, окончившемуся вытеснением именного склонения.

Вместе с указанными формами по аналогии была утрачена и форма род. пад. мн. ч. кратких прилагательных, что было связано с совпадением этой формы у полных прилагательных с формой местн. пад. мн. ч., ассоциировавшейся с дат. и твор. пад. мн. ч. Так появилось вместо *добрѣ* в род. пад. мн. ч. *добрыхъ* по местоименному склонению. Несколько позже были вытеснены формы род., дат. и местн. пад. ед. ч. жен. р., что было связано с изменением окончаний в этих формах у полных прилагательных в [ой]² и появлением в силу этой причины равносложности форм кратких

¹ О местоименном склонении прилагательных см. ниже, § 210—211.

² См. подробнее ниже, § 211.

и полных прилагательных; и наконец, еще позже были утрачены все остальные формы косвенных падежей кратких прилагательных.

Общая тенденция сближения склонения слов во множественном числе выразилась в истории кратких прилагательных и в утрате родовых различий в имен. пад. мн. ч. В твердой разновидности вместо трех древнерусских форм (муж. р. на [и], жен. — на [ы], ср. — на [а]) возникает одна — с окончанием [ы], восходящая по происхождению к форме имен. пад. мн. ч. жен. р. Правда, в диалектах (а иногда и в просторечии) встречаются формы имен. пад. мн. ч. с окончанием [и] (типа *ради, сьти, виновати, богати* и т. п.), восходящие к бывшему имен. пад. мн. ч. муж. р.

Параллельно форме на [ы] в твердой разновидности мягкая имеет в имен. пад. мн. ч. окончание [и] (типа *сини*).

В результате всех этих процессов в русском языке краткие прилагательные сохранились лишь в форме имен. пад. ед. и мн. ч., т. е. в той форме, в которой они выступают как именная часть составного сказуемого.

Для того чтобы закончить рассмотрение истории этих прилагательных, следует оговорить еще два момента. Во-первых, необходимо отличать краткие прилагательные, восходящие к древнерусской эпохе, от усеченных прилагательных, искусственно созданных и широко распространенных в поэтическом языке XVIII—начала XIX в. Отличие кратких и усеченных прилагательных проявляется в ударении: полные и краткие прилагательные отличаются друг от друга местом ударения, тогда как усеченные имеют ударение на том же слоге, что и полные. Так, например, при *тёмная, тёмное* краткие прилагательные характеризуются ударением *темнá, темнó*, тогда как усеченные будут иметь ударение *тёмна, тёмно*. Ср. у Пушкина: „Уж *тёмна* ночь на небеса всходила“.

Во-вторых, надо отличать краткие прилагательные от так называемых стяженных, часто встречающихся в диалектах и представляющих собой результат фонетического изменения некоторых форм полных прилагательных. Диалектные стяженные формы могут развиваться в имен. и вин. пад. ед. ч. жен. и ср. р. и в имен. и вин. пад. мн. ч. Такие формы возникают в результате выпадения интервокального [и], уподобления гласных окончания и последующего их стяжения. Так, например, в форме, предположим, *красное* — фонетически [красноѣ] — происходит утрата [и]: [красное], далее — уподобление [е] звуку [о] — [красноо] и, наконец, стяжение гласных: [красно] (ср. также [красныѣ] > [красные] > [красныи] > [красны]).

§ 208. Что касается кратких притяжательных прилагательных, то они в древнерусском языке образовывались не только с помощью суффиксов *-овъ (-евъ)* и *-инъ* (типа *братовъ, отьцевъ, сестеринъ*), но и **-jb, *-ja, *-je*. К притяжательным прилагательным, образованным с суффиксом **-jb, *-ja, *-je* ([ь], [а], [е] — окончания имен. пад. ед. ч. муж., жен. и ср. р.), относятся такие,

как др.-русск. *намѣстниѣ* (из **naměstnik-* + *jь*; [kj] > [ч']), *кѣнѣжѣ* (из **kęnęz-* + *jь*; [zj] > [ж']), *ярославѣ* (из **jaroslav-* + *jь*; [vj] > [вл']) и т. п. Ср. примеры из памятников: *судѣ*

ярославѣ („Русская Правда“), *азѣ мѣстиславѣ володимирѣ снѣ* (Грам. Мстислава 1130 г.), *по замышленію болю* („Слово о полку Игореве“), *отроци свѣнѣжѣ* (Лавр. летоп.), *дворѣ кнѣжѣ* (там же), *дѣчерѣ мѣстиславлю* (Новг. летоп.) и т. п. Эти притяжательные прилагательные не сохранились в истории русского языка и были утрачены. Остатками их являются теперь такие названия городов, как *Ярославѣ* (город Ярослава), *Перемышль* (город Перемысла), *Путивль*, *Переяславѣ* и др.

Притяжательные же прилагательные с суффиксами *-ов* и *-ин* сохранились в языке, причем они даже сохранили некоторые формы косвенных падежей в единственном числе, хотя во множественном эти косвенные падежи перешли в склонение полных прилагательных (ср.: *отцовых*, *отцовым*, *отцовыми*). Так, в единственном числе сохраняются формы род. и дат. пад. муж. р. (ср.: *отцова дома*, *отцову дому*) и вин. пад. жен. р. (ср.: *сестрину шаль*).

Однако эти формы теперь очень неустойчивы и часто заменяются формами, образованными по типу полных прилагательных (например, *бабушкиного дома*, *Петькиного брата* и т. п.).

ПОЛНЫЕ ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 209. Склонение полных прилагательных.

Единственное число

Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
И. добрыи	доброуѣ	добраѣ	синии	синѣѣ	синѣѣ
Р. доброго		добрыѣ (-оѣ)	синего		синѣѣ (-еѣ)
Д. доброму		доброи	синемоу		синѣи
В. добрыи доброуѣ		доброую	синии синѣѣ		синюю
Т. добрымь		доброу	синимь		синѣю
М. добромь		доброи	синемь		синѣи

Множественное число

И. добрии	добраѣ	добрыѣ	синии	синѣѣ	синѣѣ
Р. добрыхъ				синиихъ	
Д. добрымь				синиимь	
В. добрыѣ	добраѣ	добрыѣ	синѣѣ	синѣѣ	синѣѣ
Т. добрыми				синиими	
М. добрыхъ				синиихъ	

И.-В.	добраѣ	добрѣи	добрѣи	синѣа	синии	синии
Р.-М.		доброую (-ою)			синюю	
Д.-Т.		добрыма			синиима	

§ 210. История полных прилагательных. Когда выше рассматривались общие проблемы истории прилагательных, там уже упоминалось, что полные формы их образовывались от кратких при помощи указательного местоимения *и*, *та*, *ѣ*, присоединявшегося к соответствующей падежной форме краткого прилагательного и склонявшегося. Таким образом, в имен. пад. ед. ч. возникало *добрѣ-и* > *добрѣи*¹, *добра-та* > *добраѣа*, *добро-ѣ* > *доброѣ*, *синѣ-и* > *синии*², *синѣа-та* > *синѣаѣа*, *сине-ѣ* > *синѣѣ*; в род. пад. муж. и ср. р. *добра-ѣго* > *добраѣго*; в дат. пад. муж. и ср. р. *добрѣ-ѣму* > *добрѣѣму*; в твор. пад. *добрѣмѣ-имѣ* > *добрѣимѣ*; в местн. пад. *добрѣ-ѣмѣ* > *добрѣѣмѣ* и т. д. Этот процесс был характерен для праславянского языка, и подобные формы в определенной степени отмечаются в старославянских памятниках.

Однако уже в старославянском языке отразились явления изменения первоначальных форм полных прилагательных, что выразилось не только в уподоблении гласных основы и окончания (ср.: *добраѣго* > *добрааго* и далее *добраго*; *добрѣѣму* > *добрѣѣму* и т. п.), но и в замене в формах твор. пад. ед. ч. муж. и ср. р., дат., твор. и местн. пад. мн. ч. и дат.-твор. пад. дв. ч. звуков [o], [a], [e] в окончаниях звуком [ы], в результате чего в этих падежах появлялись формы на *-имѣ*, *-имѣ*, *-ими*, *-ихѣ*, *-има* (например, *добрѣимѣ*, *добрѣимѣ*, *добрѣими*, *добрѣихѣ*, *добрѣима*), отчетливо зафиксированные старославянскими памятниками. В древнерусском же языке в этих формах гласные подверглись стяжению, что привело к возникновению образований, характерных и для современного языка: *добрѣим*, *добрѣими*, *добрѣих* и т. п.

Однако в древнерусском языке процесс преобразования форм полных прилагательных пошел еще дальше, и это было связано с тем, что они попали под влияние указательного местоимения *тѣ*, *та*, *то*. Такое влияние сказалось в единственном числе, где, скажем, формы в род., дат. и местн. пад. всех родов получили иные окончания, чем они должны были бы иметь, если бы развивались только по фонетическим законам. В самом деле, если фонетически возможно объяснить развитие *добраѣго* в *добрааго* и далее в *добраго*, то появление русского *доброго* уже не объясняется только фонетическими процессами: окончание [ogo] — результат влияния формы *того*, так же как [ому] в *доброму* (вместо *добрѣѣму*) возникло под влиянием *тому*, а [омѣ] > [ом] в *добрѣмѣ* > *добрѣм* (вместо *добрѣимѣ*) — под влиянием *томѣ* > *том*; точно так же в род. пад.

¹ С редуцированным звуком [ы]. См. § 55.

² С редуцированным звуком [и]. См. там же.

доброѣ > доброй (вместо *добрыѣ*) — под влиянием *тоѣ > той*, а в дат. и местн. пад. *доброй* (вместо *добрыѣ*) — под влиянием *той*. Появление новых форм в этих падежах отмечается по памятникам не одновременно, но достаточно рано: так, в дат. муж. р. и род. пад. жен. р. с XI в., а в остальных падежах — с XIII в. Например: *тихомоу, вѣчьномоу* (Миняя 1097 г.), *нагого* (Лавр. летоп.), *мъртвого* (Новг. летоп.), *въ сельскомѣ* („Русская Правда“), *по коупной грамоти дерною* (Двин. грам. XV в.), *роуской земли* (Смол. грам. 1229 г.) и т. д.

Именно все эти формы, как в единственном, так и во множественном числе, и укрепились в русском языке, пережив в дальнейшей своей истории в общем незначительные изменения.

§ 211. Из этих последних надо упомянуть, во-первых, форму имен. пад. ед. ч. муж. р. Как уже отмечалось, окончанием в этой форме исконно было [ѣ], [и] с редуцированными [ы] и [и]. Эти праславянские по происхождению [ы] и [и] держались в русском языке вплоть до падения редуцированных, когда они изменились в этом языке в данной форме в [о] и [е] (см. § 111). Таким образом, после XII в. из форм, скажем, [красныѣ], [добрѣѣ], [молодыѣ], [золотыѣ], [синѣѣ], [вѣшьнѣѣ] и т. д. в древнерусском языке возникли *красной, доброй, молодой, золотой, синей, вешней*. Именно в таком виде эти формы выступают и теперь в тех северновеликорусских говорах, которые не знают редукции гласных в безударных слогах.

Что же касается литературного языка, характеризующегося наличием такой редукции (или аканьем), и вообще всех диалектов, сходных по этой черте с литературным языком, то в них подобное произношение могло сохраниться лишь под ударением, ибо с возникновением в ряде русских диалектов аканья (см. § 132 и след.) гласные [о] и [е] в заударном слоге изменились в [ѣ] и [ь]: *крас[нѣѣ], добр[ѣѣ], сѣ[нѣѣ], вѣш[нѣѣ]*. Так подобные формы и произносятся теперь в литературном языке. Что же касается правописания их, то оно объясняется воздействием старославянской орфографической традиции. В старославянском языке редуцированные [ы] и [и] в эпоху падения редуцированных изменились в [ы] и [и] полного образования, и это дало возможность закрепиться написанию *-ыи* и *-ии* в памятниках¹, что было перенесено и в русский язык.

¹ Впрочем, следует помнить, что и до падения редуцированных в имен. пад. ед. ч. муж. р. писалось *-ыи, -ии*, но в ту эпоху под буквами *ы* и *и* скрывались редуцированные звуки праславянского характера. После же падения редуцированных написание *ы, и* в старославянских памятниках отражало произношение соответствующих звуков полного образования, а такие же написания в древнерусских памятниках не отражали живого произношения (особенно при написании *-ыи* под ударением), если речь шла о памятнике, написанном на северной территории, или же косвенно отражали произношение редуцированных [ѣ], [ь], если речь шла об акающем диалекте.

Во-вторых, произошли изменения в форме род. пад. ед. ч. В мужском и среднем роде начиная с XV в. отражается изменение окончания [ogo] в [ovo], [ego] в [evo]. Причины и пути изменения окончания [ogo], [ego] в род. пад. прилагательных были теми же, что и в изменении соответствующего окончания в неличных местоимениях, о чем речь шла выше (см. § 199).

В современных говорах сохраняются все ступени развития окончания род. пад., т. е. и [ogo], [ego], и [oɔo], [eɔo], и [ool], [eol], и, наконец, [ovo], [evo] (с соответствующими изменениями гласных в зависимости от типа вокализма того или иного диалекта). Формы род. пад. на [ogo], [ego] сохраняются, например, в поморских северновеликорусских говорах; [ɣ] в этом окончании наблюдается в акающих южновеликорусских диалектах.¹ В некоторых северо-западных говорах есть формы с окончанием род. пад. без согласного между гласными. Что касается окончания [ovo], [evo], то оно характерно для литературного русского языка и многих диалектов.

Таким образом, можно принять фонетическое объяснение изменения окончания род. пад. ед. ч. [ogo], [ego] в [ovo], [evo]. Однако вместе с таким фонетическим объяснением возможно и морфологическое объяснение: в этом случае появление [ovo], [evo] объясняется как перенос окончания род. пад. притяжательных прилагательных [ova] с последующей контаминацией его с окончанием [ogo], [ego].

В женском роде окончание [oě] было заменено [oй],¹ что объясняется влиянием форм дат. и местн. пад., а также твор. пад., в котором двусложное окончание -ою (т. е. [oɔy]) сократилось в [oй] сначала в существительных (именно там [oɔy] было единственным двусложным окончанием в единственном числе), а потом и в местоимениях и прилагательных².

Наконец, в-третьих, произошла утрата различия родовых форм в имен. пад. мн. ч., где вместо трех исконно различных форм укрепились одна — в твердом варианте с окончанием [ье], по происхождению восходящая к имен. пад. мн. ч. жен. р., а в мягком — с окончанием [ие], как видно, по образцу твердого варианта.

ИСТОРИЯ ФОРМ СРАВНИТЕЛЬНОЙ СТЕПЕНИ

§ 212. В праславянском языке формы сравнительной степени имен прилагательных образовывались путем присоединения к основе прилагательного суффикса *jъs³, причем часто эта основа была

¹ Впрочем, в северновеликорусских говорах сохраняется еще форма род. пад. на [ье] и [ие] (последняя возникла под влиянием [ье]): *у молодые сестры, от большие избы, из синие материи* и т. п.

² См.: А. А. Шахматов. Историческая морфология, с. 340—341.

³ В имен.-вин. пад. ср. р. суффикс сравнительной степени выступал в виде -jes.

распространена гласным [ē] > [e]. Так, например, сравнительная степень от *chudъ* (др.-русс. *хуѡдѣ*) образовывалась следующим образом: *chud-* (основа прилагательного) + *jъs* (суф. сравнительной степени): **chudjъs*; ср. от *novъ* (др.-русс. *новѣ*) — **nov-e-jъs*¹. Суффикс сравнительной степени, далее, осложнился согласным [j], который выступал во всех формах, кроме формы имен. и вин. пад. ед. ч. муж. и ср. р. В силу этого оказалось, что основа сравнительной степени во всех падежах, где выступал [j], оканчивалась на [š'] (из [sj]). Ср. например, род. пад. ед. ч. муж. р.: **chud-jъs-j-a* (окончание род. пад.) > *chuz'ъs'a* > др.-русс. *хоужьша*; **nov-e-jъs-j-a* > *nověj's'a* > др.-русс. *новѣша* и т. д.

В имен.-вин. пад. ед. ч. муж. и ср. р. [j] не было, и там [s], попадая на конец слова и создавая закрытый слог, в силу действия закона открытого слога утратился, например: **novějъs* > *nověi* ([jъ] > [il]) > др.-русс. *новѣи*.

Наконец, если сравнительная степень образовывалась от прилагательного на заднеязычный, то звук [ē] изменялся после мягкого шипящего в [a] (см. § 82), например: **křepъk-e-jъs* > др.-русс. *крѣпѣчаи*, **kratъk-e-jъs* > др.-русс. *кратѣчаи* и т. д.

Все эти формы сравнительной степени были унаследованы древнерусским языком и существовали в нем к моменту появления письменности. При этом в отличие от современного в древнерусском языке сравнительная степень употреблялась в роли определения, изменялась по родам и числам и склонялась, причем, в связи с тем что основа ее всегда оканчивалась на мягкий согласный [ш], склонялась она по мягкой разновидности основ на *о* и *а*. Ср. примеры из памятников: *премоудрѣи*, *старѣи* (Жит. Феод.), *желанѣ больша имѣньа* (Лавр. летоп.), *вода бы большаи* (Новг. летоп.), *большоу раню* (там же), *оуныше* (Жит. Феод.), *лѣньше боудемъ* (Лавр. летоп.), *горише первыхъ* (Еванг. 1357 г.), *кто честнѣе боудеть* (Еванг. 1358 г.) и т. д.

Вместе с тем древнерусский язык знал не только краткие формы сравнительной степени, но и полные, образовывавшиеся путем прибавления к краткой форме указательного местоимения *и*, *на*, *ю*, например: *новѣишии*, *новѣишаи*, *новѣише*².

§ 213. История развития сравнительной степени, имея в виду ее краткую форму, заключалась в том, что, так же как и краткие прилагательные, она перестала употребляться в роли определения и потому потеряла способность к словоизменению (потеря форм

¹ Ср. в ср. р. **chudjes* с суф. **-jes*.

² Это формы не исконные, а преобразованные под влиянием полных прилагательных.

словоизменения сравнительной степенью начинает отражаться в памятниках с XII в.), застыв в одной определенной форме.

Пожалуй, наиболее продуктивной оказалась бывшая форма имен. пад. ед. ч. ср. р. на *-ке* > *-ее* или с редукцией конечного гласного *-ей*: ср. современное *скорее* с др.-русск. муж. р. *скорѣи*, ср. р. *скорѣе*, жен. р. *скорѣиши*; современное *сильнее* — с др.-русск. муж. р. *сильнѣи*, ср. р. *сильнѣе*, жен. р. *сильнѣиши*. Известно, что в диалектах, а также в просторечии формы на *-ее*, *-ей* распространены шире, чем в литературном языке: ср. *хужее*, *тужее*, *жарчее*, *прочее*, *ближей*, *тишей* и т. п.¹ (лит. *хуже*, *туже* восходят также к имен. пад. ед. ч. ср.р.). Что касается таких форм, как *больше*, *меньше*, то они восходят к форме имен. пад. мн. ч. муж. р.

Специально следует сказать о судьбе форм с основой на заднеязычный согласный типа *кратѣе*, *крѣпѣе*, *свежее*, *ловѣе*. Некоторые из них были вытеснены формами на *-е* под влиянием таких образований, как *хуже*, *туже*, *больше*, *меньше*; другие же попали под влияние наиболее распространенных форм на *-ее* (из *-ке*), например, *свежее*, *ловчее* (ср. обратный процесс в диалектах, в результате которого там развиваются формы вроде *сильнее*, *здоровее* и т. п.).² Гласный [а] после шипящего сохранился лишь в полных формах типа *кратчайший*, *нижайший*, *высочайший*, *крепчайший* и т. д. Однако эти полные формы, сохранив полностью способность различаться по родам, числам и падежам, вместе с тем изменили свое значение: если первоначально они были формами сравнительной степени, то в истории русского языка они получили значение превосходной степени. Но вместе с тем подобные формы, во-первых, все же не получили достаточно широкого распространения в русском языке, так как в нем более употребительна описательная конструкция для выражения превосходной степени (типа *самый сильный*, *самый высокий* и т. п.); а, во-вторых, формы на *-ѣиш*, *-аиш* очень долго сохраняли свое значение сравнительной степени (ср., например, в переводе Жуковским „Одиссеи“: „огромнейший первого камень схватил“).

Что же касается выражения превосходной степени, то в древнерусском языке она, как видно, выражалась лишь описательно, т. е. с помощью слов *велики*, *очень*, *самый*, прибавляемых к прилагательным. Образования же с приставкой *наи-* (типа *наибольший*, *наилучший* и т. п.), а тем паче со старославянской по происхождению *пре-* (типа *предобрый*, *премудрый*) не были принадлежностью живого русского языка, а появились или под влиянием церковнославянского языка (таковы образования с *пре-*), или, возможно, под польским влиянием, где приставка *наи-* широко распространена.

¹ См. богатейший фактический материал в книге А. А. Шахматова „Историческая морфология русского языка“, с. 363.

² Формы на *-ае*, *-яе* были широко известны в разговорном языке Москвы вплоть до XVIII в. Например, у Сумарокова можно встретить *страшнее*, *сильнее*, *бодрее*.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Б р о м л е й С. В. К истории образования форм сравнительной степени в русском языке. „Труды Института языкознания АН СССР“, т. VIII. М., 1957.

Б у л а х о в с к и й Л. А. Курс русского литературного языка, т. II. Киев, 1953, с. 162—181.

Д у р н о в о Н. Н. Очерк истории русского языка. М.—Л., 1924, с. 256—261, 292—298.

С о б о л е в с к и й А. И. Лекции по истории русского языка. М., 1907, с. 154—158, 196—215.

Ш а х м а т о в А. А. Историческая морфология русского языка. М. 1957, с. 117—199, 296—325, 362—363.

Я к у б и н с к и й А. П. История древнерусского языка. М., 1953, с. 206—219.

ИСТОРИЯ СЛОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ЧИСЛО

ПРОБЛЕМА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ КАК ОСОБОЙ ЧАСТИ РЕЧИ

§ 214. Как уже говорилось выше, одной из особенностей древнерусской морфологической системы было отсутствие числительных как особой части речи, характеризующейся своими, только ей присущими грамматическими категориями. С этой точки зрения ясно, что в современном русском языке такую особую часть речи образуют именно количественные числительные, обладающие такими категориями, а не порядковые, которые грамматически не отличаются от прилагательных.

Чем же характеризовались количественные названия чисел в древнерусском языке и почему они не образовывали особой части речи?

Дело в том, что древнерусские названия чисел в своем функционировании в языке вели себя так, как другие части речи, причем внутри этих названий разные из них сближались с разными частями речи, ничем принципиально не отличаясь от последних.

В древнерусских названиях чисел, во-первых, выделялась группа до *четырёх* (*одинъ, одна, одьно; два, двѣ; трѣ, три; четыре, четыри*), которая грамматически сближалась с прилагательными. Такое сближение выражалось в том, что они, эти слова, полностью согласовывались с соответствующими существительными: ср. *одинъ столъ, одна сестра, одьно окъно; два стола, двѣ роуцѣ, двѣ селѣ; трѣ столи, три роуки, три съта; четыре столи, четыри роуки, четыри съта*. Следовательно, эти названия чисел выступали как прилагательные-определения, согласующиеся в роде, числе и падеже с существительными. Как и прилагательные, они различались по родам, согласуясь с родом существительного, к которому они относились, но не изменялись по числам (*одинъ, одна, одьно* изменялись только по единственному числу, *два, двѣ* — по двойственному, *трѣ, три* и *четыре, четыри* — по множественному), что было связано с количественным значением самих рассматриваемых слов.

В отличие от этой группы, названия чисел от *пяти* до *десяти*, наоборот, выступали в древнерусском языке в качестве существительных, т. е. каждое из них принадлежало к определенному (женскому) роду и поэтому по родам не изменялось. Но вместе с тем они, точно так же как и существительные, изменялись по числам. Что же касается существительных, стоящих при этих словах, то независимо от числа и падежа последних первые выступали всегда

в родительном падеже множественного числа, т. е. здесь постоянно была связь управления. При этом особенно важно отметить и то, что слова от *пяти* до *десяти*, выступая опять-таки как существительные, могли иметь при себе определение и согласовывались с глаголом в роде и числе. В древнерусском языке можно было сказать *третья пѣть пришьла, другаѣ шесть поудовѣ, въ тоу шесть лѣтъ*, где *пѣть*, *шесть* имеют при себе определения и соответствуют современным счетным существительным *пятерка*, *шестерка*, т. е. это были не числительные, а счетные существительные.

Слово *сѣто* склонялось в древнерусском языке как существительное среднего рода с основой на *о* и грамматически характеризовалось теми же свойствами, что и слова от *пяти* до *десяти*.

Что касается названий чисел от *одинадцати* до *девятнадцати* и *двадцать*, *тридцать*, *пятьдесят*, *шестьдесят*, *семьдесят*, *восемьдесят*, то их образование и история являются процессом превращения словосочетаний в простые целые числа. В современном языке числительные, скажем, *одинадцать* или *двенадцать* — это простые числа, и мы не разлагаем их на *один* + *десять* или *два* + *десять*. В древнерусском же языке это было иначе. *Одинадцать* и т. п. образовывались из трех слов: *одинѣ на десѣте*, т. е. *один* + предлог *на* + местн. пад. от *десять*. Следовательно, это было сложное слово, и понималось оно как составное. Лишь постепенно в мысли складывалось простое целое понятие об „одинадцати“ и т. п., а в языке появлялось и соответствующее слово¹.

На протяжении истории русского языка прошли многие процессы, приведшие постепенно к оформлению особой части речи — *числительных*. В этом сыграли роль определенные изменения в формах склонения отдельных слов-названий чисел, утрата двойственного числа, сближение склонений *дѣва*, *дѣвѣ* и *трѣе*, *три*, *четыре*, *четыри*, утрата родовых различий в *три*, *четыре* и другие процессы морфологического характера. Произошли определенные изменения также и в синтаксическом отношении: с утратой двойственного числа в имен. и отчасти в вин. пад. устанавливаются неразложимые сочетания *два*, *три*, *четыре* с род. пад. ед. ч. существительных, которые являются параллельными сочетаниями *пять* — *десять* + род. пад. мн. ч. Такой параллелизм в имен.-вин. пад. приводит к тому, что и в косвенных падежах названия чисел от *пяти* до *десяти*, как и от *двух* до *четырех*, начинают согласовываться с существительными, с которыми они сочетаются. Подобная зависимость этих слов в свою очередь создает почву для утраты ими различия единственного и множественного числа, а также и различия рода.

Особые синтаксические связи и утрата ранее свойственных названиям чисел грамматических категорий приводят к выделению числительных в отдельный класс, в новую часть речи. В морфоло-

¹ См. подробнее ниже, § 218.

гическом отношении признаком числительных как части речи является отсутствие категории числа и рода (кроме числительных *один* и *два*, различающихся по родам). Все эти процессы проходят в течение XIII—XIV вв. в пределах числительных до *десяти*, а затем распространяются и на другие числительные.

ИЗМЕНЕНИЕ ФОРМ СКЛОНЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ НАЗВАНИЙ ЧИСЕЛ

§ 215. Склонение разных названий чисел в русском языке пережило в общем значительные изменения, и потому современные падежные формы отдельных числительных сильно отличаются от древнерусских.

Правда, это относится не ко всем словам данной категории — некоторые из них устойчиво сохраняют до сих пор те формы, какие они имели и в древнерусском языке. Однако в то же время другие слова пережили ясно видимые изменения. Так, например, *одинъ*, *одьна*, *одьно* в целом сохранило различие по родам и склонение по типу местоимения *тѣ*, *та*, *то*. В падежных формах этого слова произошли те же самые изменения, что и в соответствующих формах местоимения *тѣ*, *та*, *то*; однако вместе с тем оно подверглось влиянию со стороны мягкого варианта склонения (ср.: *одних*, *одним* и т. п., а не *однѣх*, *однѣм* и т. п.)

Название же числа *дѣва*, *дѣвѣ* в истории русского языка так изменило свои формы, что получило по существу совершенно новое склонение. В древнерусском языке форма *дѣва* относилась только к словам муж. р., тогда как *дѣвѣ* — к словам жен. и ср. р., и склонялось это название по двойственному числу, имея, таким образом, лишь три различавшиеся между собой падежные формы: имен.-вин. пад. *дѣва*, *дѣвѣ*, род.-местн. *дѣвою*, дат.-твор. *дѣвѣма*. Ср. примеры из памятников: *сына его двѣ* (Лавр. летоп.), *двѣ тысячѣ гривнѣ* (там же), *двою послухоу* (Смол. грам. 1229 г.), *о двою главою* (Ипат. летоп.), *двѣма братама* (Лавр. летоп.), *двѣма колодама* (там же) и т. д. Если сравнить это склонение с современным, то различие их будет совершенно очевидно. Какими же путями шло преобразование древнерусского склонения этого слова?

Прежде всего следует сказать, что переход формы *дѣва* к словам ср. рода наряду с муж. р. — это результат общего сближения склонения слов муж. и ср. р., что наблюдалось уже в истории существительных; именно этим сближением и тем самым обособлением слов жен. р. и объясняется тот факт, что форма *дѣвѣ* сохранилась лишь при словах жен. р.

В род. и местн. пад. вместо *дѣвою* очень рано стала употребляться форма *дѣвою*, возникшая, как видно, под влиянием форм род.-

местн. пад. дв. ч. существительных (типа *столу, жену* и т. п.)¹. Ср. примеры из памятников: *двоу двороу* (Ипат. летоп.), *оу двоу мѣстехъ* (Двин. грам. XV в.), *по двоу же лѣтоу* (Лавр. летоп.) и др. Эта форма проникла в качестве основы во все падежи склонения данного числительного и вытеснила основу *дѣѣ* в дат.-твор. пад.² Появление конечного [х] в род. и местн. пад. (*дѣѣоухъ*) отмечается в памятниках с XV в. и связано в своем возникновении с влиянием склонения прилагательных-определений, с которыми названия чисел были сходны по своей роли (типа *красных, добрых*), а также, вероятно, с влиянием формы местн. пад. от *три, четыре* — *трѣхъ, четырѣхъ* (см. § 216). Сближение склонения этих трех слов отмечается в целом ряде случаев. Возможно, и в дат. пад. форма *дѣѣоумѣ* обязана своим возникновением влиянию форм *трѣмѣ* и *четырѣмѣ*.

Несколько сложнее обстоит дело с твор. пад. *дѣѣума*, где не совсем ясны причины появления *ма* вместо *ма*. Предполагают, что *ма* — это результат контаминации *дѣѣоума* (из *дѣѣма* под влиянием *дѣѣоу*) и *трѣми, четырѣми* — формами твор. пад. от *три, четыре* (см. § 216): контаминация выразилась в том, что в окончании *ма* звук [м] подвергся смягчению под влиянием [м'] в *трѣми, четырѣми*. Так возникло современное склонение числительного *два, две*.

Так же, как *дѣѣа, дѣѣѣ*, склонялось *оба, обѣ*. Однако косвенные падежи его очень рано были вытеснены формами от родственного образования *обои, обоѣ, обоа*, склонявшегося, как *мои, моѣ, моа* (см. § 201).

§ 216. Названия чисел *три, четыре* в древнерусском языке имели следующие падежные формы:

Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
И. трѣ	три	три	четыре	четыри	четыри
Р.	трии			четырь	
Д.	трѣмѣ			четырьмѣ	
В.	три			четыри	
Т.	трѣми			четырьми	
М.	трѣхъ			четырьхъ	

Эти формы склонения пережили в истории русского языка целый ряд изменений.

Во-первых, если первоначально различались формы имен. пад. для муж. р., с одной стороны, и для ср. и жен. р. — с другой, то постепенно, с развитием и становлением числительных как особой части речи, различие по родам было утрачено, и установилась одна форма *три* и *четыре* для всех родов. Во-вторых, старые фор-

¹ *Двоу* сохранилось в современном *двоюродный*. Ср. также образование по этому типу *троюродный*. *Дву* сохраняется ныне в таких образованиях, как *двудольный, двужильный, двубортный, двусильный* и т. п.

мы род. пад. *трии* (или *трѣи*), *четырь* (или *четырь*) в памятниках древнерусского языка отмечаются очень редко¹: вместо них употребляются исконные формы местн. пад. *трѣхъ*, *четырьхъ* (общность форм для этих двух падежей, возможно, связана с общностью соответствующих форм у слова *дѣва*, *дѣвѣ*). В-третьих, изменение окончания твор. пад. [м'и] > [м'а], как видно, объясняется влиянием *дѣвѣма* (о контаминации этих форм уже говорилось, см. § 215). И наконец, формы род.-местн. пад. *трѣхъ*, *четырьхъ*, дат. пад. *трѣмъ*, *четырьмъ* и твор. пад. *трѣма*, *четырьма* подверглись еще фонетическим преобразованиям, связанным с падением редуцированных и изменением [е] в [о].

§ 217. Названия чисел от *пяти* до *деяти* с точки зрения форм их склонения не пережили никаких видимых изменений, если не говорить, конечно, о потере ими различий по числам, что было связано с отходом этих слов от существительных². Они не стали иметь форм двойственного и множественного чисел, но в единственном числе они как склонялись по типу существительных женского рода с древней основой на *ѣ*, так и склоняются теперь в современном русском языке.

Название же *десѣть*, склонявшееся исконно по основам на согласный (по типу *матѣи*, *дѣчи*) и изменявшееся по числам, имело следующие падежные формы:

Единственное число	Множественное число	Двойственное число
И. десѣть	десѣте(-и)	И.-В. десѣти
Р. десѣте(-и)	десѣть	Р.-М. десѣтоу
Д. десѣти	десѣтьмѣ	Д.-Т. десѣтьма
В. десѣть	десѣти	
Т. десѣтью	десѣтьми	
М. десѣте	десѣтьхъ	

В истории древнерусского языка это слово утратило различие по числам, а в единственном числе получило те же падежные формы, что и *пять* — *девятъ*. Однако остатки старых падежных форм (вроде формы род. пад. мн. ч.) от *десѣть* сохраняются в образовании сложных по происхождению числительных (см. § 218).

§ 218. Уже отмечалось, что образования *одиннадцать* — *девятнадцать*, *двадцать*, *тридцать* и *пятьдесят*, *шестьдесят*, *семьдесят*, *восемьдесят* в современном языке представляют собой од-

¹ Ср., например, *бес трѣи коунѣ* („Русская Правда“), *бес трѣи ѿць* (Новг. летоп.), *четырь дни* (Лавр. летоп.).

² Между прочим, превращение этих слов в числительные и отход их от существительных выразился еще и в том, что появилась возможность отсутствия согласования их с глаголом. Если в древнерусском языке могло быть только *третья пѣть пришьла* (согласование с глаголом по роду и числу), то в современном может быть и *пять человек пришли*, и *пять человек пришло*.

но слово, целое понятие, не разлагаемое на какие-либо части. Однако такое положение было не всегда. Если обратиться к группе *одиннадцать* — *девятнадцать*, то можно установить, что первоначально это было сочетание трех слов: *одинъ*, *дѣва* или *дѣвъ*, *три* и т. д. + предлог *на* + местн. пад. ед. ч. от *десѣть* — *десѣте*, т. е. слова *одиннадцать*, *двенадцать*, *тринадцать* и т. д. (или, вернее, древнерусские *одинъ на десѣте*, *дѣвъ на десѣте* и т. д.) понимались как сложные: *один*, *два*, *три*... с в е р х *десяти*. С возникновением в мысли нового простого целого понятия об этих числах в языке возникает и новое образование числительных. Л. А. Булаховский, говоря об этом образовании, писал, что особые условия произношения числительных на восточнославянской почве привели к фонетическим изменениям этих форм¹. Если первоначально в сочетании *одинъ на десѣте* ударение имели и *один* и *десѣте*, то постепенно остается одно ударение лишь на слове *одинъ*: *одѣнъ-на-десѣте*; в результате этого возникает редукция заударных гласных, что приводит к произношению типа *одѣн-над(ь)сѣтъ* ([дс] > [тс] > [ц]) > *одиннадцать* (фонетически [адѣнѣцѣтъ]). Точно так же обстояло дело и с другими числительными этой группы, а нечто похожее произошло и при образовании числительных *двадцать*, *тридцать*. Если первоначально это были сочетания *дѣва* + имен. пад. дв. ч. от *десѣть* — *десѣти* (*дѣва десѣти*) и *три* + имен. пад. мн. ч. от *десѣть* — *десѣте* (*три десѣте*), то впоследствии те же фонетические процессы, которые были только что описаны, привели к возникновению современных форм.

Новые формы отражаются в памятниках с XIV в. Например, *пѣтънатицѣтъ* (Дух. грам. 1389 г.), *двадцать рублевѣъ* (Новг. грам. XIV — XV вв.), *в тоу же двѣнадцѣтъ тысячѣи серебра* (Новг. грам. 1314 г.), *четыренадцѣтъ оужѣицѣ* (Грамм. 1472—1479 гг.), *в тоу семнадцѣтъ лѣтъ* (Грамм. 1493—1494 гг.) и др.

Что касается образований от *пятидесяти* до *восемьдесяти*, то в древнерусском языке они возникли путем сочетания *пѣтъ*, *шесть*, *семь*, *восемь* (из *осемь* < *осмь*) с формой род. пад. мн. ч. от *десѣть* — *десѣтъ*: *пѣтъ десѣтъ*, *шесть десѣтъ* и т. д. По существу это образование сохранилось и до настоящего времени; более того, сохранилась и такая особенность этих числительных, как склонение их обеих частей (ср.: *пятидесяти*, *пятьюдесятью*), тогда как в числительных *одиннадцать* — *девятнадцать* и *двадцать*, *тридцать* никаких следов бывшего их сложного происхождения не осталось, хотя ср. в памятниках: *по пѣтинадцѣти* (Грамм. 1584 г.), *по девѣтинадцѣти алтынѣ* (Моск. грам. 1621 г.) и т. п.

§ 219. Из этой системы выпадают два числительных — *сорокъ* и *девѣносто*, вытеснившие в русском языке исконные формы *четыредесѣтъ* и *девѣтъдесѣтъ*, сохранившиеся в других славянских

¹ См.: Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. II, с. 188.

языках (ср. в памятниках *четырьдесятъ и два лѣта* — Новг. летоп.). Современное числительное *сорок* по происхождению является существительным со значением „рубаха“ (ср. современное *сорочка*). В „сорок“ можно было наложить 40 шкурок соболей, на полную шубу. Как видно, название предмета было перенесено на число этих соболей, а впоследствии вообще отвлечено от конкретности¹. Надо иметь в виду, что и в других языках наблюдаются подобные факты перехода конкретного счета в абстрактный: например, датское *ol* — „80“ по происхождению существительное „шест“, на котором нанизывалось 80 штук рыб².

Числительное *сорокъ*, отмечаемое в памятниках с XIII в., первоначально склонялось как существительное муж. р. с древней основой на *о̆*. Для характеристики его склонения можно привести такие примеры из памятников: *взѣти сорокъ коунеи* (Двин. грам. XV в.), *полпѣта сорока бѣлки* (там же), *оу сороцѣ* (Зап.-русс. еванг. XV в.), *далѣ... шесть сорокъ бѣлкѣ* (Двин. грам. XV в.), *далѣ три сороки бѣлки* (там же), *въ трехъ сорокехъ бѣлки* (там же), *конь воронъ въ пѣть сороковъ* (Новг. грам. XIV — XV вв.). Однако на протяжении истории русского языка, кроме формы имен. пад. *сорок*, сохранилась лишь еще одна форма — *сорока*, употребляющаяся в современном языке в качестве формы косвенных падежей.

Что касается числительного *девѣносто*, то его происхождение остается до конца не выясненным. Было высказано несколько точек зрения по этому поводу, ни одна из которых, однако, не может считаться окончательной (ср., например, гипотезу Ф. В. Ржиги, предложившего считать *девѣносто* возникшим из сочетания *девѣть до ста*, т. е. „девять десятков до сотни“. Изменение *девѣть-до-ста* > *девѣносто* — результат фонетической диссимилиации [т] — [д] и влияния *девятнадцать*³).

В памятниках письменности *девѣносто* отмечается с XIV в. Например, *во едине(м) девѣностѣ* (Новг. 4-я летоп.), *два же девѣноста моужь* (там же) и т. п.

Точно так же, как и *сорокъ*, *девѣносто* первоначально склонялось как существительное ср. р. с основой на *о̆* и постепенно потеряло формы косвенных падежей, сохранив лишь одну — *девѣноста*. Это же самое произошло и со словом *съто*, склонявшимся первоначально так же, как *девѣносто* (ср.: *въ дхѣстѣхъ* (Новг. летоп.), *во стѣ рублихъ* (Дог. 1440 г.), *со стомъ тысящами вои* (Новг. летоп.) и т. п.), и сохранившим ныне лишь одну форму в косвенных падежах — *ста*.

¹ В свое время Ф. И. Буслаев высказывал мысль о том, что *сорок* является заимствованием из греч. яз. В доказательство он приводил новогреч. *sarakonta* из др.-греч. *tessarakonta*. (См.: Ф. И. Б у с л а е в. Историческая грамматика русского языка, изд. 6. М., 1958, с. 150). См. об этом: Л. А. Б у л а х о в с к и й. Курс русского литературного языка, т. II, с. 186.

² См. там же, с. 186.

³ См. там же, с. 189.

§ 220. Если обратиться к таким числительным, как *двести*, *триста*, *четыреста*, *пятьсот*, *шестьсот* и т. д. до *девятисот*, то их происхождение и история вполне прозрачны.

Числительное *двести* возникло как сочетание *дѣѣ* с формой имен. пад. дв. ч. от *сѣто* — *сѣтъ*: *дѣѣ* *сѣтъ*; *триста* и *четыреста* — как сочетание *три* и *четыре* с имен. пад. мн. ч. от *сѣто* — *сѣта*: *три* *сѣта*, *четыре* *сѣта*; *пятьсот*, *шестьсот* и т. д. — как сочетание *пѣтъ*, *шесть* и т. д. с род. пад. мн. ч. от *сѣто* — *сѣтъ* > *сот*: *пѣтъ* *сѣтъ*, *шесть* *сѣтъ*. Не говоря об изменениях этих форм, связанных с падением редуцированных, отметим преобразование *дѣѣ**сѣтъ* > *двести*, которое было обусловлено изменением [ѣ] > [e] и [ѣ] > [и] в разных фонетических позициях и принадлежит к относительно позднему периоду. Все эти числительные характеризовались тем, что при их склонении изменялись обе части слова, но если *дѣѣ**сѣтъ* склонялось по двойственному числу, то все остальные — по множественному. Ср. формы в памятниках *двѣмстома* (Новг. грам. 1314 г.), *въ двою стоу* (Ипат. летоп.), *дѣѣ**стѣ* *ру(б)* (Дух. 1389 г.), *въще трѣи сотѣ* (Новг. еванг. XIV в.) и т. п. В склонении этого числительного произошли изменения, связанные с утратой двойственного числа: это обусловило появление новых форм от *два* (см. § 215), и это же привело к тому, что *сто* стало склоняться по множественному числу (ср.: *двухстах*, *двумстам*, *двумястами* и т. д.).

Наконец, следует сказать, что есть большая разница между абстрактным и конкретным счетом. Счет путем специальных слов-числительных — это не то, что счет по пальцам. У целого ряда народов мира есть очень развитая система конкретного счета, но в то же время у них мало числительных, т. е. мало отвлеченных названий чисел. Развитие системы абстрактных чисел свидетельствует о степени развития абстракции в мышлении людей, и поэтому важно учитывать наличие системы таких чисел в том или ином языке. В русском языке названия чисел росли постепенно.

Для обозначения десяти сотен издавна употреблялось слово *тысѣча*, склонявшееся по типу слов женского рода с основой на *ѣ* мягкой разновидности. Ср. примеры из памятников: *трѣхѣ* *тысѣчѣ* (Лавр. летоп.), *трѣмѣ* *тысѣчѣ* *амѣ* (Новг. грам. 1314 г.), *дасть...* *тысѣчѣ* *бѣлки* (Двин. грам. XIII в.), и *възле...* *дѣѣ* *тысѣчѣ* *бѣлки* (Двин. грам. XV в.) и др. Понятие „10 тысяч“ выражалось словом *тъма*, „100 тысяч“ — словом *легионѣ*, „миллиона“ — словом *леодрѣ*, „десяти миллионов“ — словом *воронѣ*.

Современные *миллион*, *миллиард*, *биллион* и т. д. — слова позднего происхождения, заимствованные из других языков¹ и не требующие никаких специальных комментариев.

¹ *Миллион* известно с XVII в. (первоисточник — итал. *milleone*); *миллиард* и *биллион* — с XIX в. (франц. *milliard*, *billion*).

СОСТАВНЫЕ, ДРОБНЫЕ И СОБИРАТЕЛЬНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

§ 221. В древнерусском языке для выражения сочетаний десятков с сотнями или сотен с десятками и единицами использовалась простая последовательность названий чисел, т. е. присоединение меньших чисел к большим. При этом полное присоединение могло осуществляться или без союзов, или при помощи союзов *и* и *да*. Так, например, число 21 могло быть выражено или как *дѣва десаѣти одинѣ*, или как *дѣва десаѣти и одинѣ*; число 156 — как *сѣто и пѣтѣдесаѣтъ и шестѣ* и т. п.

Для обозначения дробей в древнерусском языке употреблялись различные существительные. Так, для $\frac{1}{2}$ — существительное *полѣ* („половина“), для $\frac{1}{3}$ — *треть*, для $\frac{1}{4}$ — *четверть* или *четь*, а для таких, как $\frac{1}{5}$, $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{10}$ — существительные с суффиксом *-ина*: *пѣтина*, *осьмина*, *десаѣтина*. Вместе с тем дроби могли обозначаться и сочетаниями названий дробных величин, например *полѣ четверти* — $\frac{1}{8}$, *полѣ полѣ трети* — $\frac{1}{12}$ и т. п. Сложно обозначались сочетания единицы с дробями и единицы с половиной единицы, десятка и сотни. В этом случае обозначение осуществлялось путем сочетания с порядковым числительным, обозначающим вычитание из следующего числа. Так, например, в Мстиславовой грамоте 1130 г. числительное 25 обозначается как *полѣ третьѣа десаѣте*, что означает „два десятка и половина третьего десятка“. Ср. еще 150 — *полѣ вѣтора сѣта*¹.

Особо следует сказать о собирательных числительных в древнерусском языке. К ним относились *дѣвоѣ*, *троѣ*, *четверо* и т. д., которые склонялись или по именному, или по местоименному склонению как в единственном, так и во множественном числе и изменялись по родам. Ср. примеры из памятников: *д в о ѡ радость* (Ипат. летоп.), *д в о ѡ денги* (Домострой), *растоупи сѣ вода на д в о ѡ* (Лавр. летоп.), *т р о ѡ пчелы* (Грам. 1391—1428 гг.), *ч е т в е р ѡ двери* (Грам. 1568 г.), *конь ш е с т е р ѡ* (Вкл. Варлаама 1192 г.), *пѣ е р ѡ коурицѣ* (Грам. 1697 г.) и т. д. Эти слова употреблялись со значением „двойной“, „тройной“ и т. п. или в том же значении, что и количественные числительные. В истории русского языка они потеряли различие по родам и, закрепив в имен. пад. ед. ч. формы *двое*, *трое*, *четверо* и т. д., стали склоняться по местоименному склонению во множественном числе (ср.: *двоих*, *двоим*, *двоими*). Что же касается их синтаксических связей, то если в прошлом они, сочетаясь с существительными, находились с ними в связи согласования, то позже эти соотношения стали такими же, что и у количественных числительных. В составе подлежащего

¹ Существительное *полѣ* (половина), как это видно из примеров, достаточно широко употреблялось в древнерусском языке. В истории русского языка все образования с *полѣ* были утрачены. Однако сохранилось *полтора* (из *полѣ вѣтора*), косв. пад. *полтора* (*полу* — по происхождению род.-местн. пад. ед. ч. от *полѣ*, склонявшегося по типу древних основ на *и. См. § 163).

они, употребляясь в имен. пад., требуют после себя существительного в род. пад. мн. ч., а в косвенных падежах согласуются с относящимися к ним существительными: *трое студентов, троих студентов, троим студентам* и т. п. Кроме того, если в древнерусском языке собирательные числительные могли сочетаться с любыми существительными, то теперь они могут быть лишь при названии лиц, в основном мужского пола.

ПОРЯДКОВЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

§ 222. В древнерусском языке, как и в современном, порядковые числительные с грамматической точки зрения являлись прилагательными. Однако если теперь есть только полные порядковые числительные, то раньше были также и краткие: *първъ, -а, -о* и *първыи, -аа, -ою, въторъ, -а, -о* и *въторыи, -аа, -ою* и т. д. При этом порядковые после 10 являлись первоначально сложными образованиями, подобными образованиям количественных 11—19: *въторъ на десѣте* — «двенадцатый». Когда из *одинъ на десѣте* и под. возникло *одиннадцать* и под. (см. § 218), тогда возникают и порядковые типа *одиннадцатый*.

Краткие порядковые числительные склонялись как существительные с древней основой на *ѣ* и *а* и в истории русского языка вышли из употребления вместе с краткими прилагательными в роли определения (см. § 204). Следями их былого существования являются такие образования, как *сам-пят, сам-шост* и т. п. Полные же формы этих числительных, пережив те же изменения, что и полные прилагательные, сохранились до сих пор в русском языке.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка, т. II. Киев, 1953, с. 181—190.

Дровникова Л. Н. История числительных *два, три, четыре* в русском языке. В сб. «Вопросы истории русского языка». М., 1959.

Дурново Н. Н. Очерк истории русского языка. М.—Л., 1924, с. 261.

Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М., 1907, с. 222—225.

Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М., 1957, с. 147—150, 185—187, 300—309.

Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953, с. 219—223.

ИСТОРИЯ ГЛАГОЛА

§ 223. Система древнерусского глагола была близка к системе глагола других славянских языков, и особенно старославянского языка. Эта глагольная система характеризовалась целым рядом категорий, причем таких, которые есть и теперь в современном русском языке, однако их роль и формы в древности были иными по сравнению с современными. Так, например, как и ныне, существовали категории вида и времени, но значение их и формы выражения отличались от современных (было, например, четыре формы прошедшего времени, каждое со своим значением; были две формы сложного будущего времени; иными были и видовые различия). Все глагольные формы разделялись на простые и сложные: простыми являлись настоящее время (как и простое будущее), аорист, имперфект, повелительное наклонение; сложными — перфект, давнопрошедшее время, сложные будущие времена, условное наклонение.

На протяжении истории русского языка категории глагола подверглись довольно крупным изменениям, причем особенно сильно изменились категории вида и времени, тесно связанные между собой. Эта связь заключается в том, что и та и другая категории выражают отношение действия к протеканию его во времени. Отличия же между ними связаны с тем, что категория времени выражает отношение действия к моменту речи, т. е. показывает, когда происходит действие — одновременно, до или после момента речи, а категория вида характеризует действие с точки зрения протекания его во времени независимо от момента речи. Поэтому одним из наиболее важных вопросов истории глагола является вопрос об истории его видо-временной системы.

Однако, прежде чем останавливаться на этом вопросе, необходимо охарактеризовать ту систему времен, которая была свойственна для древнерусского языка к моменту появления письменности и которая в определенных своих чертах была отличной от системы времен старославянского языка, хотя и та и другая были унаследованы из праславянской эпохи.

СИСТЕМА ВРЕМЕН ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА. КЛАССЫ ГЛАГОЛОВ

§ 224. Как уже говорилось, система времен древнерусского языка включала в себя настоящее время, четыре формы прошедше-

го и две сложного будущего времени¹. Она сложилась полностью уже к концу дописменной эпохи и начала подвергаться разрушению в самом начале исторического периода развития русского языка.

По формам настоящего времени все глаголы древнерусского языка делятся на пять классов — четыре тематических и один нетематический, как и в старославянском языке. Тематическими называются те глаголы, при образовании форм настоящего времени которых личные окончания присоединялись к корню непосредственно, а при помощи так называемой тематической гласной. Нетематическими же глаголами являются те, в которых личные окончания в формах настоящего времени присоединялись непосредственно к корню. К тому же и личные окончания у тематических и нетематических глаголов были иногда различны.

Говоря о тематических гласных, следует учитывать, что в древнерусском языке они не всегда выступали в глаголах в ясно выраженной форме: в определенных случаях тематический гласный может быть вскрыт только для более раннего периода истории праславянского языка.

Глаголы I класса характеризовались тематическим гласным [e], чередующимся с [o]. Первую ступень чередования можно отчетливо увидеть в формах 2—3-го л. ед. ч., однако ступень [o] в формах настоящего времени не выделяется. К глаголам I класса относились такие, как *нести*, *вести*, *ити* (> *идти*), *мочи* и т. д. Во 2-м л. ед. ч. в формах *несеши*, *ведеши*, *идеши*, *можеши* тематический гласный [e] перед окончанием [ши] выступает совершенно ясно. Вторая же ступень чередования — гласный [o] — исконно выступала в 3-м л. мн. ч., но в древнерусских *несоуть*, *идоуть*, *могоуть* перед окончанием [ть] находится гласный [y], и только восстановление дописменных форм **neso-nti*, **vedo-nti* и т. п. указывает, что [y] здесь по происхождению из [o] < *on (ср. ст.-слав. *несѣтъ*, *ведѣтъ*, *идѣтъ*, *могѣтъ*), где [o] — тематический гласный, а [n] относился к личному окончанию [nti].

II класс глаголов характеризовался тем же тематическим гласным [e], чередующимся с [o], но осложненным [n]: [ne] || [no]. Сюда относились такие, например, глаголы, как *стати* (2-е л. *станеши*), *двиноути* (2-е л. *двинеши*) и др. И к этим глаголам относится то же замечание о характере проявления тематических гласных, какое было сделано выше о глаголах I класса.

III класс глаголов имел также тематический гласный [e] в чередовании с [o], но осложненный предшествующим [j]: [je] || [jo]. Говоря об этих глаголах, следует иметь в виду, что у них выявление тематического гласного усложняется не только теми изменениями гласных, о которых говорилось выше и к кото-

¹ Что касается формы простого будущего времени, то ее отграничение от формы настоящего времени представляет значительные сложности, так как образование простого будущего связано с развитием видовой дифференциации глаголов. См. об этом § 243.

рым надо присоединить еще изменение [jo] > [je] под действием фонетических законов (см. § 77), но и тем, что звук [j], попадая в положение после согласного, оканчивающего корень, ассимилировался, смягчив предшествующий согласный. Поэтому к глаголам III класса относятся не только такие, как *знати*, *дѣлати*, в которых во 2-м л. ед. ч. *знаеши*, *дѣлаеши* звук [j] выступает совершенно отчетливо ([знајеши], [дѣлајеши]), но и такие, как *писати*, *мазати*, *лизати*, где во 2-м л. ед. ч. в формах *пишеши*, *мажеши*, *лижеши* звук [j] отсутствует, но легко восстанавливается в **pis-je-š'i*, **maz-je-š'i*, **liz-je-š'i*: именно в результате изменений [sj] > [ш'], [zj] > [ж'] и возникли чередования [с] || [ш], [з] || [ж] в формах инфинитива и настоящего времени.

IV класс глаголов характеризовался тематическим гласным [и], выступающим в таких глаголах, как *любити*, *хвалити*, *коупити* (2-е л. ед. ч. *любиши*, *хвалиши*, *коупиши*; 3-е л. мн. ч. *любѣть*, *хвалѣть*, *коупѣть* < **l'ubi-nti*, **chvali-nti*, **kupi-nti*; [in] > [e] > [ä] > [a], [i] > [ы]).

К нетематическим относилось всего пять глаголов: *быти*, *дати*, *ѣсти* — „кушать“, *вѣдѣти* — „знать“ и *имѣти*. В 1-м л. ед. ч. у этих глаголов было окончание [мь] (*есмь*, *дамь*, *ѣмь*, *вѣмь*, *имамь*), во 2-м л. — [си] (*еси*, *даси*, *ѣси*, *вѣси*, но *имаши*); в остальных лицах окончания были те же, что и у тематических глаголов. Судьба нетематических глаголов оказалась отличной от судьбы глаголов тематических, и поэтому о ней придется говорить специально; впрочем, и историю тематических глаголов необходимо еще будет охарактеризовать подробнее.

ДРЕВНЕРУССКИЕ ФОРМЫ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

§ 225. Спряжение глаголов в настоящем времени.

		Тематические глаголы			
		I класс (образец <i>нести</i>)	II класс (образец <i>стати</i>)	III класс (образец <i>знати</i>)	IV класс (образец <i>хвалити</i>)
Ед. ч.	1-е л.	несоу	станоу	знаю	хвалю
	2-е л.	несеши	станеши	знаѣши	хвалиши
	3-е л.	несетъ	станетъ	знаѣтъ	хвалитъ
Мн. ч.	1-е л.	несемъ	станемъ	знаѣмъ	хвалимъ
	2-е л.	несете	станете	знаѣте	хвалите
	3-е л.	несоуть	станоуть	знають	хвалять
Дв. ч.	1-е л.	несевѣ	станевѣ	знаѣвѣ	хваливѣ
	2-е л.	несета	станета	знаѣта	хвалита
	3-е л.	несета	станета	знаѣта	хвалита

Рассматривая формы спряжения тематических глаголов в настоящем времени, в них можно обнаружить ряд особенностей, отличающих древнерусский язык от старославянского.

В спряжении тематических глаголов в настоящем времени отличия древнерусского языка от старославянского касались 1-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч., где вместо [ɔ], [ɛ] выступали [y], [ʼa] в результате раннего изменения носовых в гласные чистого образования у восточных славян (др.-русс. *идоу, станоу, пишоу, хвалю* — ст.-слав. *идѣ, станѣ, пишѣ, хвалѣ*; др.-русс. *идоуть, станоуть, пишоуть, хвалять* — ст.-слав. *идѣтъ, станѣтъ, пишѣтъ, хвалѣтъ*), а также 3-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч., где выступало окончание [тъ] в отличие от старославянского *тъ* (примеры см. выше). Кроме того, в старославянском языке были различные формы во 2-м и 3-м л. дв. ч. (ср. 2-е л. *нѣгѣтъ*, 3-е л. *нѣгѣтъ*), тогда как в древнерусском здесь было одно и то же окончание.

Во всем остальном в начале исторического периода развития древнерусского языка отличий в формах настоящего времени по сравнению со старославянским языком в древнерусском языке не было,

Нетематические глаголы

	<i>быти</i>	<i>дати</i>	<i>ѣсти</i>	<i>вѣдѣти</i>	<i>имѣти</i>
<i>Ед. ч.</i>	1-е л. <i>ѣсмь</i>	<i>дамь</i>	<i>ѣмь</i>	<i>вѣмь</i>	<i>имамь</i>
	2-е л. <i>ѣси</i>	<i>даси</i>	<i>ѣси</i>	<i>вѣси</i>	<i>имаши</i>
	3-е л. <i>ѣсть</i>	<i>дасть</i>	<i>ѣсть</i>	<i>вѣсть</i>	<i>имать</i>
<i>Мн. ч.</i>	1-е л. <i>ѣсмь</i>	<i>дамь</i>	<i>ѣмь</i>	<i>вѣмь</i>	<i>имамь</i>
	2-е л. <i>ѣсте</i>	<i>дасте</i>	<i>ѣсте</i>	<i>вѣсте</i>	<i>имате</i>
	3-е л. <i>соуть</i>	<i>дадаѣтъ</i>	<i>ѣдаѣтъ</i>	<i>вѣдаѣтъ</i>	<i>имоуть</i>
<i>Дв. ч.</i>	1-е л. <i>ѣсѣѣ</i>	<i>давѣ</i>	<i>ѣвѣ</i>	<i>вѣвѣ</i>	<i>имавѣ</i>
	2-е л. <i>ѣста</i>	<i>даста</i>	<i>ѣста</i>	<i>вѣста</i>	<i>имата</i>
	3-е л. <i>ѣста</i>	<i>даста</i>	<i>ѣста</i>	<i>вѣста</i>	<i>имата</i>

Древнерусские формы настоящего времени нетематических глаголов также обнаруживают некоторые отличия от старославянского языка. Эти отличия касаются опять-таки форм 3-го л. ед. ч. и мн. ч. ([тъ] в др.-русс. языке при [тъ] — в ст.-слав.) и 2—3-го л. дв. ч. (одно окончание [та] в др.-русс. и различные окончания [та — во 2-м л. и тѣ — в 3-м л.] в ст.-слав.). Кроме того, следует иметь в виду, что глагол *ѣсти*, а следовательно, и все его формы настоящего времени выступали в старославянском языке с начальным [ja]: ср. ст.-слав. *ѣгн* — 1-е л. *ѣмь*, 2-е л. *ѣси* и т. д. (см. § 91).

§ 226. История форм настоящего времени. Обращаясь к вопросам, связанным с историей форм настоящего времени глаголов, следует сразу разграничить историю этих форм в глаголах нетематических и в глаголах тематических, так как в той и другой группе глаголов процессы имели специфические особенности.

Если говорить об истории форм настоящего времени нетематических глаголов, то прежде всего здесь важно не забывать об

исконной малочисленности данной группы. При этом в истории русского языка глагол *вѣдѣти* изменил инфинитив (*вѣдати*) и перешел в тематическое спряжение¹; теперь этот глагол устарел. Глагол *имѣти*, утратив окончание [мь] в 1-м л. ед. ч., попал под влияние глаголов III класса и стал спрягаться по этому типу: 1-е л. *имѣю*, 2-е л. *имѣеши*, 3-е л. *имѣеть* и т. д. Более же подробного рассмотрения заслуживает история форм настоящего времени глаголов *быти*, *дати* и *ѣсти*.

Это рассмотрение, пожалуй, целесообразнее начать с глагола *быти*, ибо история его форм заключалась в целом в утрате их на протяжении развития русского языка. Если исконно этот глагол имел формы всех трех лиц во всех трех числах, то в современном русском языке сохранилось лишь 3-е л. ед. ч. *есть* и отчасти 3-е л. мн. ч. *суть*. Однако если форма *есть* широко выступает в русском языке и самостоятельно, и в качестве связки, то *суть* по существу сохранилось в сугубо книжном стиле речи, да и там употребляется крайне редко.

Что касается глаголов *дати* и *ѣсти*², то история их форм настоящего времени оказалась намного сложнее.

Изменение этих форм началось, как видно, с фонетических процессов, возникших после падения редуцированных, когда в результате утраты конечного [ь] в форме 1-го л. ед. ч. *дамь*, *ѣмь* на конце оказался мягкий согласный [м'], подвергшийся отвердению. В результате такого отвердения форма 1-го л. ед. ч. приобрела вид *дам*, *ѣм* и совпала, таким образом, с формой 1-го л. мн. ч. (др.-русс. *дамъ*, *ѣмъ*). Совпадение двух различных форм не могло укрепиться в языке; наоборот, необходимо было найти средство, чтобы вновь разграничить эти формы. Такое средство было найдено в употреблении в качестве 1-го л. мн. ч. формы повелительного наклонения *дадимъ*, *ѣдимъ*. Это обстоятельство повлекло за собой использование формы повелительного наклонения и во 2-м л. мн. ч., где вместо др.-русс. *дасте*, *ѣсте* появились *дадите*, *ѣдите*³.

Что касается 2-го л. ед. ч., то в ней др.-русс. *даси*, *ѣси* сохраняются и до сих пор иногда в северновеликорусских говорах. Появление формы *дашь*, *ѣшь* трактуется по-разному. Одни предполагают здесь простое влияние тематического спряжения, где во 2-м л. ед. ч. исконно было окончание [ши] > [шь]⁴; другие же (как,

¹ Остатком форм этого глагола является частица *вѣсть* в таком выражении, как *бог вѣсть* — „бог знает“; ср. еще: *невѣсть что говорит*.

² Если *дати* восходит к **dadti*, то *ѣсти* — к **ēdti*, где [dt] > [st] (в **dadti* произошло упрощение группы согласных). С другой стороны, *дамь*, *даси* < **dadmь*, **dadsi*, так же как *ѣмь*, *ѣси* < **ēdmь*, **ēdsi*; [dm] > [m], [ds] > [s]; *дасть*, *ѣсть* < **dadь*, **ēdь*. Именно этими фонетическими явлениями и объясняются факты своеобразных чередований согласных в формах данных глаголов в древнерусском и современном языках.

³ Об истории повелительного наклонения см. ниже, § 247.

⁴ См. ниже, § 227.

например, А. И. Соболевский) считают, что и в этой форме, как и в 1—2-м л. мн. ч., наблюдается проникновение бывшей формы повелительного наклонения *дажь*, *ѣжь*, изменившейся после утраты [ѣ] и оглушения [ж] в *дашь*, *ѣшь*. Возможно, что эту точку зрения подтверждают те некоторые современные говоры, которые сохраняют полувзвонность согласных на конце слов и в которых произносится [даж'], [ѣж'].

Форма 3-го л. ед. ч. *дасть*, *ѣсть*, сохранявшая [т'] чуть ли не до XVII в., изменилась в *даст*, *ѣст*, как видно, под влиянием подобного же изменения в 3-м л. ед. ч. тематических глаголов¹. Такое же изменение конечного [т'] в [т] наблюдается и в форме 3-го л. мн. ч. глаголов *дати*, *ѣсти*, но, кроме того, здесь были и иные изменения. 3-е л. мн. ч. этих глаголов в древнерусском языке имело вид *дадѣть*, *ѣдѣть*. Однако если форма *ѣдѣть*, изменившаяся в современную *едят*, не требует особых комментариев, то развитие др.-русск. *дадѣть* в современное *дадут* должно быть объяснено (форма *дадоуть* отмечается в памятниках с XIII в., ср. в Смол. грам. 1229 г. *дадутъ*, *въздадутъ*). В самом деле, чем объяснить изменение [а] > [у] в этой форме? Здесь возможен ряд предположений: может быть, во-первых, такое изменение формы произошло под влиянием причастий настоящего времени типа *дадоуча*; *дадоучи* или, во-вторых, под влиянием *боудоуть*; но, может быть, и вообще исконно были параллельные образования *дадоуть* и *дадѣть*, одно из которых и укрепилось в языке.

Таким образом возникли современные формы спряжения глаголов *дать* и *есть*, характерные для русского литературного языка.

§ 227. Тематические глаголы претерпели в своем развитии меньше изменений, причем ряд из этих изменений носил чисто фонетический характер. Речь идет об изменении [е] > [о] во 2 — 3-м л. ед. ч. и 1-м л. мн. ч. ([нес'ош], [толкн'ош], [нес'от], [толкн'от], [нес'ом], [толкн'ом] и т. п. из [несэши], [тылknэши], [несэты], [тылknэты], [несэмь], [тылknэмь] и т. п.) и о появлении этого [о] по аналогии во 2-м л. мн. ч. ([нес'оте], [толкн'оте] из [несэте], [тылknэте]).

Однако, кроме этих, в целом достаточно прозрачных по своему характеру изменений, тематические глаголы пережили и иные, более сложные, требующие специального рассмотрения.

Так, внимания заслуживает форма 2-го лица единственного числа, где в старославянском языке выступало только окончание [ши], а в древнерусском дело обстояло несколько по-иному: церковные древнерусские памятники XII—XIII вв. имеют формы с *ши*, а светские, начиная с XIII в., — с *шь*. Если учесть, что праславянским окончанием, вероятно, было [ши], то едва ли можно предполагать, что древнерусские [ши] и [шь] были просто парал-

¹ Вопрос о 3-м л. ед. и мн. ч. тематических глаголов и в связи с этим об изменении [т'] > [т] рассматривается ниже, § 227.

лельными образованиями: скорее всего, [шъ] — это продукт изменения первоначального [ши], изменения, возникшего в результате тенденции сокращать слоги-окончания, которые и после этого создают законченный облик морфологической формы. В самом деле, как форма *несеши*, так и форма *несеши* (т. е. после падения редуцированных сокращенная на один слог) равно определяют форму 2-го л. ед. ч., ибо ни та, ни другая омонимично не совпадают с какой-либо иной формой. В силу этого сокращение на один слог не приводило к нарушению облика данной формы, а потому и могло осуществиться.

Более сложной представляется история форм 3-го лица единственного и множественного числа.

Древнерусские памятники до XIII в. в 3-м л. ед. и мн. ч. имеют окончание *-тъ* (т. е. после падения редуцированных [т']), и этой особенностью они отличаются от старославянских памятников, имеющих здесь *тѣ* (т. е. после падения редуцированных [т] твердое). Однако с XIII в., а особенно в XIV в. в древнерусских памятниках, в севернорусских по происхождению, появляется написание *тѣ* в 3-м л. ед. и мн. ч., что отражает твердое произношение конечного [т] в этих формах¹. Вместе с тем, начиная с самых первых памятников письменности, в 3-м л. ед. и мн. ч. наст. времени фиксируются формы без окончания *тъ* или *тѣ*, т. е. формы,

оканчивающиеся на гласный, например: чѣто *е* воля бжия, *е* ли ти

жена (Изб. 1076), *е* ли тебе црь (Син. лат. XI в.), *е* ли у него роба (Бер. гр. № 109); а кѣто горазнѣ сего напише (Остр. ев.), *объѣштвае, призывает не хоче* (Панд. Ант. XI в.), *кто може побѣдити* (Син. лат. XI в.). К XIV в. количество этих форм увеличивается: *не* (не есть) ли кого (Лавр. лет. 1377), *аще буде* кто убогъ (Лавр. лет. 1377), *су, иму, хоче* добра (Лавр. лет. 1377), а кто переиде черес срокъ (Новг. гр. 1314), или ся *пригоди* в говяже (Рус. правда) и др.

Известно, что в современном русском языке окончание 3-го л. ед. и мн. ч. различно в разных говорах: в северновеликорусском наречии, во многих средневеликорусских говорах, а также в литературном языке в этих формах произносится [т], тогда как южновеликорусскому наречию и части средневеликорусских говоров свойственно [т']. Некоторые северо-западные и юго-восточные русские говоры знают наряду с формами на [т] или [т'] и формы 3-го л. без конечного согласного, причем распространенность таких форм по диалектам различна.

¹ Опираясь на сказанное, можно понять, что если памятник XII—XIII вв. русского происхождения имеет, наряду с окончанием *-тъ*, в 3-м л. ед. и мн. ч. *-тъ*, то последнее явление может быть расценено как результат определенного влияния старославянского языка. Если то же самое явление отмечается в памятниках XIV—XV вв., это уже не может расцениваться так же просто, ибо появление *-тѣ* может объясняться и вне старославянского влияния.

Проблема происхождения [т] в 3-м л. глаголов до настоящего времени остается не решенной, хотя в истории русского языкознания выдвигались различные гипотезы относительно причин его возникновения. Здесь прежде всего заслуживает внимания теория фонетического развития данного явления, выдвинутая в свое время А. А. Шахматовым¹, согласно которой изменение [т'] в [т] объясняется отвердением после утраты редуцированных конечного мягкого согласного, подобно тому как отвердевали конечные мягкие губные согласные. Эта теория, имеющая под собою, как видно, некоторые основания, оказывается все же недостаточной, ибо не объясняет до конца, во-первых, почему такой фонетический процесс охватил лишь северные территории русского языка, во-вторых, почему при отвердении [т'] в 3-м л. глаголов сохраняется мягкость [т'] в таких изолированных образованиях, как *опять*, *вспять*, *чуть* и под. Ведь если речь идет о фонетическом процессе, то это означает, что изменение какого-либо звука осуществляется в каком-то определенном фонетическом положении независимо от части речи или формы слова. Для фонетического изменения звука важна позиция последнего по отношению к ударению, к качеству соседних звуков или фонетико-фонологической структуре словоформы. Поэтому, если бы изменение [т'] в [т] носило фонетический характер, следовало бы ожидать, что после падения редуцированных каждое [т'] в конце слова должно было отвердеть, чего в действительности в говорах, развивших [т] в 3-м л. глаголов, не произошло. Именно поэтому, в противоположность фонетическому объяснению Шахматова, С. П. Обнорским была выдвинута морфологическая теория происхождения [т] в этих формах². По мнению С. П. Обнорского, твердое [т] генетически является членом указательно-местоименного происхождения *тѣ*, который присоединялся к глагольной форме, придавая ей значение определенности, тогда как формы без окончания выступали как неопределенные. Однако эта гипотеза оказывается недостаточно аргументированной, так как анализ фактов памятников письменности показал, что формы без [т] выступают и при вполне определенном подлежащем, выраженном существительным.

В специально посвященной этому вопросу работе³ П. С. Кузнецов высказал ряд соображений в пользу как фонетического, так и морфологического происхождения [т] в формах 3-го л. наст. вр. По его мнению, отвердение конечных согласных после утраты следующего [ь] вполне объяснимо с артикуляционной точки зрения. Русский язык в артикуляционном отношении характеризуется по-

¹ См.: Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. — „Энциклопедия славянской филологии“, вып. 11. Пг., 1915, с. 320.

² См.: Обнорский С. П. Образование глагольных форм 3 л. наст. времени в русском языке. — „Изв. АН СССР, ОЛЯ“, 1941, кн. 3.

³ См.: Кузнецов П. С. К истории форм 3-го лица наст. времени глагола в русском языке. — *Slavia*, XXV/2, 1956.

степенным переходом органов речи от состояния напряжения, при котором осуществляются речевые работы, к состоянию покоя. Такое свойство было характерно для русского языка с давнего времени, и с этим связана тенденция конечных согласных к ослаблению артикуляции, служащей для их образования; в этом плане твердые согласные произносятся с меньшим напряжением, чем мягкие, и поэтому все русские диалекты, хотя и в разной степени, отразили отверждение конечных мягких согласных. В северно-великорусских говорах артикуляция согласных характеризуется вообще меньшей напряженностью по сравнению с южновеликорусскими, о чем свидетельствуют такие фонетические явления этих говоров, как утрата интервокального [j], интервокальных [д] и [г], конечного [т] в сочетании [ст] и под. Отсюда возможно, что именно в этих диалектах могло пройти и фонетическое изменение конечного [т'] в [т].

С другой стороны, по мнению П. С. Кузнецова, есть основания и для принятия морфологического объяснения появления [т] в 3-м л. глаголов, а именно то, что указательное местоимение *тѣ* в др.-русс. языке часто использовалось как подлежащее. В этом плане важным представляется и то обстоятельство, что если [т] в 3-м л. появлялось под влиянием местоимения-подлежащего *тѣ*, то оно должно было сначала укрепиться именно в ед. ч. Некоторые олонечские говоры как будто подтверждают такой путь развития: в этих говорах в ед. ч. глаголов I спр. выступает [т], а во мн. ч. — [т'] (у глаголов II спр. во мн. ч. здесь наличествует [т]). При подобном морфологическом объяснении становится понятным и отсутствие отверждения в изолированных образованиях типа *чуть*, *опять*, *вспять*, которые находятся вне глагольной системы, и его отсутствие в форме *есть* глагола *быть*: ведь утрата спрягаемых форм этого глагола, по существу, вывела сохранившуюся форму 3-го л. *есть* из глагольного словоизменения, т. е. из-под влияния процессов, проходящих в рамках этой системы.

Что касается форм без [т'] или [т], то, опираясь на данные памятников начиная с XI в., можно считать, что формы без [т'], как и формы с *-ть*, являются с древних времен принадлежностью языка восточных славян, однако последние были распространены во всех диалектах др.-русс. языка и охватывали все глаголы, а формы без окончания представляли диалектное образование, неравномерно распространенное в разных диалектах, охватывавшее в отдельных диалектах не одни и те же области глагольной системы. Возможно, что до определенного времени формы 3-го л. без конечного согласного были явлением развивающимся, расширяющим границы своего распространения, что и отразилось в увеличении количества этих образований на протяжении XI—XIV вв., однако такие формы никогда не характеризовали словоизменение всех глаголов и никогда не были распространены во всем др.-русс. языке.

§ 228. В древнерусском языке, как уже говорилось, было четыре формы прошедшего времени: две простые — аорист и имперфект и две сложные — перфект и плюсквамперфект (давнопрошедшее), причем каждое из этих времен отличалось от другого не только по форме, но и по значению.

Все эти формы прошедшего времени были унаследованы из праславянской эпохи, однако в древнерусском языке они выступают иногда в несколько ином, по существу уже преобразованном виде по сравнению со старославянским, в котором эти формы были ближе к праславянским.

§ 229. Аорист. Как известно, в старославянском языке аорист мог быть трех типов: простой, древний сигматический и новый сигматический. Отличие между простым и сигматическим аористом заключалось в том, что второй образовывался при помощи особого суффикса *s* (греч. „сигма“, откуда и название аориста), присоединяемого к основе инфинитива, тогда как простой аорист не имел этого суффикса (он и образовывался в общем от редких глаголов с основной инфинитива на согласный). Отличие между старым и новым сигматическим аористом было в том, что суффикс *s* в старом аористе присоединялся непосредственно к основе инфинитива, а в новом — посредством соединительной гласной. Надо иметь в виду, что суффикс *s* не сохранился в сигматическом аористе во всех формах: он выступал в виде *s* лишь тогда, когда попадал в сочетание с последующим *t*; в остальных же формах этот суффикс выступал в виде *ch*. При этом первоначально изменение *s* > *ch* осуществлялось лишь после индоевропейских звуков *i*, *u*, *r*, *k* (или после тех, какие развились из этих звуков на славянской почве). Например, от глагола *хвалити* аорист первоначально образовывался так: 1-е л. ед. ч. *chvali-* (основа инфинитива) + *s* (суффикс аориста) + *o* (тематический гласный) + *m* (окончание): **chvalisom*. В положении после [i] звук [s] изменился в [ch], а [om] > [ъ]: *chvalichъ*, ст.-слав. *хвалихъ*. Впоследствии [x] было перенесено во все глаголы в качестве суффикса аориста, независимо от того, после какого звука этот суффикс находился (ср., например, *знахъ*, *рекохъ* и т. п.). Таким образом, древний суффикс *s* аориста выступал в виде [c] в форме 2-го л. мн. ч. (*хвалихте*) и в формах 2—3-го л. дв. ч. (*хвалихте*, *хвалихте*), а в виде [x] — в 1-м л. ед., мн. и дв. ч. (*хвалихъ*, *хвалихомъ*, *хвалихотъ*). В 3-м л. мн. ч. звук [ch] оказывался перед гласным переднего ряда [i] в [*int] (из [nti]) и изменялся в [š]: *chvališ'ę* ([*int] > [ę]) — ст.-слав. *хвалиша* (< **chvalichint* < **chvalisnt*). Что же касается 2—3-го л. ед. ч., то здесь в сигматическом аористе выступали формы, равные основе инфинитива¹.

¹ Подробнее о формах аориста в старославянском языке см.: А. М. Селещев. Старославянский язык, ч. II. М., 1952, с. 166 и след.

Так было в старославянском языке. В отличие от старославянского древнерусский аорист был лишь сигматический. При этом при образовании нового сигматического аориста от основ на согласный в формах 2—3-го л. ед. ч. как в старославянском, так и в древнерусском языке выступали формы простого аориста с окончанием [e]. Формы древнерусского аориста, по существу, ничем не отличались от соответствующих старославянских форм; отличия касались лишь изменения носового [ɛ] в [ä] > [ʼa] в 3-м л. мн. ч. (др.-русс. *хвалиша* при ст.-слав. *хвалиша*) и отсутствия различия форм 2—3-го л. дв. ч. (др.-русс. 2—3-е л. *хвалиста* и ст.-слав. 2-е л. *хвалиста* и 3-е л. *хвалисте*).

По своему значению аорист являлся простым прошедшим временем, обозначавшим единичное действие, полностью обратившееся в прошлое. Он употреблялся тогда, когда речь шла о прошлом факте и когда прошедшее действие мыслилось как единичный, целиком законченный в прошлом акт.

Спряжение древнерусских глаголов в аористе может быть представлено в следующем виде:

Ед. ч.	1-е л.	несохъ	стахъ	знахъ	хвалихъ	быхъ ¹
	2-е л.					
	3-е л.	несе	ста	зна	хвали	бы ²
Мн. ч.	1-е л.	несохоъмь	стахоъмь	знахоъмь	хвалихоъмь	быхоъмь
	2-е л.	несосте	стасте	знасте	хвалисте	бысте
	3-е л.	несоша	сташа	знаша	хвалиша	быша
Дв. ч.	1-е л.	несоховѣ	стаховѣ	знаховѣ	хвалиховѣ	быховѣ
	2-е л.					
	3-е л.	несоста	стаста	знаста	хвалиста	быста

§ 230. Имперфект. Если рассматривать образование другой формы прошедшего времени — имперфекта, то, характеризуя его в старославянском языке, прежде всего надо отметить, что имперфект образовывался исконно с помощью особого суффикса *-each* (от основ инфинитива на согласный), или *-aach* (от основ инфинитива на [i]), или *-ach* (от основ инфинитива на [e] и [a]). Так, например, от глагола *нести* 1-е л. ед. ч. имперфекта образовывалось следующим образом: *nes-* (основа инфинитива) + *each* (суффикс имперфекта) + *o* (тематический гласный) + *m* (окончание)³: **nesēachom*; гласный [ē] на славянской почве изменился в [e], [om] > [ъ]; так возникла форма 1-го л. *нєѣѣхъ*, отмечаемая в старославянских памятниках (ср. ту же форму от *ходити*: **chodi-*

¹ От глагола *быти* мог образовываться и другой аорист — с основой *бѣ*: 1-е л. *бѣхъ*, 2 — 3-е л. *бѣ*, 1-е л. мн. ч. *бѣхоъмь* и т. д. Этот аорист употреблялся в значении имперфекта; ср.: *бѣ бо ихъ мало* (Лавр. летоп.).

² В нетематических глаголах во 2 — 3-м л. ед. ч. иногда появляется вторичное [сть]: *бысть*, *дасть*, привнесенное, как видно, из настоящего времени.

³ Окончания имперфекта были те же, что и аориста, — различия этих двух форм были заключены исконно не в окончаниях, а в суффиксах.

aachom; [i] перед [a] изменяется в [i] и далее в [j], [dj] > ст.-слав. жѣ; [om] > [ъ]. Отсюда 1-е л. ед. ч. ^ххождаахъ). Во 2—3-м л. ед. ч., во 2-м л. мн. ч. и 2—3-м л. дв. ч. звук [ch] суффикса, попадая в положение перед [e], изменялся в [š'] : ср. ст.-слав. неѣкаше, неѣкашете, неѣкашета. Во всех остальных формах звук [ch] в суффиксе выступал без изменений.

Так было в старославянском языке. В отличие от этого в древнерусском языке в формах имперфекта происходило уподобление, а затем стяжение гласных в суффиксе: неѣкахъ > несахъ > несахъ, видѣкахъ > видяхъ > видяхъ (в суффиксе же -аахъ было простое стяжение: хожаахъ > хожахъ). Поэтому в древнерусском языке имперфект имел всегда стяженные формы. Это первое отличие.

Во-вторых, во 2-м л. мн. ч. и 2—3-м л. дв. ч. вместо старославянского -шет- или -шт- (видѣшете, видѣшете, неѣкашете, неѣкашете) в древнерусском выступало -сте (видѣсте, несахсте).

В-третьих, в 3-м л. мн. ч. присутствовало вторичное -ть из форм настоящего времени (видѣхоуть, несахоуть, коупляхоуть — в Новг. летоп.). Ко всем указанным отличиям прибавлялось, конечно, и ранее упоминавшееся изменение носового гласного в чистый у восточных славян.

По своему значению имперфект являлся также простым прошедшим временем, обозначавшим прошедшее действие, полностью обращенное в прошлое; но он обозначал не мгновенное, а длительное прошедшее действие, мыслимое как проходящее в несколько актов.

Спряжение древнерусских глаголов в имперфекте может быть представлено в следующем виде:

<i>Ед. ч.</i>	1-е л.	несахъ	хваляхъ	бяхъ
	2-е л.	несаше	хвалаше	баше
	3-е л.			
<i>Мн. ч.</i>	1-е л.	несахомъ	хваляхомъ	бяхомъ
	2-е л.	несаште	хвалаште	баште
	3-е л.	несахоу(тъ)	хваляхоу(тъ)	бяхоу(тъ)
<i>Дв. ч.</i>	1-е л.	несаховѣ	хваляховѣ	бяховѣ
	2-е л.	несаша	хвалаша	баша
	3-е л.			

§ 231. П е р ф е к т. Что касается перфекта, сложной формы прошедшего времени, то он, образуясь при помощи вспомогательного глагола *быти* в настоящем времени и причастия прошедшего времени на -л, изменявшегося по родам и числам, по своему образованию в древнерусском языке ничем не отличался от старославянского перфекта, если не считать наличия [тъ] вместо [тъ] в 3-м л. ед. и мн. ч. и [у] вместо [e] в том же 3-м л. мн. ч. в формах глагола *быти* (т. е. *ѣсть*, *соуть* вместо *ѣстѣ*, *сѣштѣ*).

По своему значению перфект не являлся собственно прошедшим временем: он обозначал состояние в настоящее время.

мя, являвшееся результатом прошедшего действия. Иначе говоря, форма, скажем, *есмь принеслѣ* обозначала не просто прошлый факт, но и настоящее состояние: „я принес, и то, что я принес, в настоящее время находится здесь“

Спряжение древнерусских глаголов в перфекте может быть представлено следующими примерами:

Ед. ч.	1-е л.	ѣсмь	неслѣ, -а, -о	сталѣ, -а, -о	хвалилѣ, -а, -о
	2-е л.	ѣси	„	„	„
	3-е л.	ѣсть			
Мн. ч.	1-е л.	ѣсмь	несли, -ы, -а	стали, -ы, -а	хвалили, -ы, -а
	2-е л.	ѣсте	„	„	„
	3-е л.	соуть			
Дв. ч.	1-е л.	ѣсвѣ	несла, -ѣ, -ѣ	стала, -ѣ, -ѣ	хвалила, -ѣ, -ѣ
	2-е л.				„
	3-е л.	ѣста			

§ 232. Давно прошедшее время. Наконец, давно-прошедшее время в древнерусском языке могло образовываться двумя способами: во-первых, с помощью форм имперфекта от вспомогательного глагола *быти* (ст.-слав. *бѣахъ, бѣаше, бѣаше* и т. д. — др.-русск. *бѣхъ, бѣше, бѣше* и т. д.) + причастие на -л, также изменявшееся по родам и числам; во-вторых, с помощью форм перфекта от *быти* (*ѣсмь былѣ, ѣси былѣ* и т. д.) + причастие на -л. Первый способ образования давнопрошедшего времени древнерусский язык утратил рано, хотя в памятниках письменности и встречаются образования давнопрошедшего времени с имперфектом от *быти*: *оружье бѣхомъ оуслали, сѣ бѣше приложилѣ* (Влад. Мономах) и др. Второй же способ был в нем продуктивным.

По своему значению это было прошедшее время, обозначающее такое прошлое действие, которое совершилось ранее другого прошедшего действия.

Спряжение глаголов в давнопрошедшем времени в древнерусском языке могло выглядеть так:

		I		II	
Ед. ч.	1-е л.	бѣхъ	неслѣ, -а, -о	ѣсмь былѣ, -а, -о	неслѣ, -а, -о
	2-е л.			ѣси	
	3-е л.	бѣше		ѣсть	
Мн. ч.	1-е л.	бѣхомъ	несли, -ы, -а	ѣсмь были, -ы, -а	несли, -ы, -а
	2-е л.	бѣсте		ѣсте	
	3-е л.	бѣхоу(ть)	„	соуть	„
Дв. ч.	1-е л.	бѣховѣ	несла, -ѣ, -ѣ	ѣсвѣ была, -ѣ, -ѣ	несла, -ѣ, -ѣ
	2-е л.				
	3-е л.	бѣста		ѣста	

Такова была система прошедших времен древнерусского языка периода появления первых памятников письменности.

В дальнейшей истории эта система подверглась разрушению, что было связано с развитием категории вида. Поэтому рассмотрению процессов изменения системы прошедших времен в истории древнерусского языка должна предшествовать характеристика видовых различий древнерусского глагола¹.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КАТЕГОРИИ ВИДА В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 233. Как известно, наличие категории вида глагола отличает русский язык от многих иных языков (таких, например, как латинский, французский и др.). Вообще говоря, те языки, которые не знают категории вида, имеют развитую систему времен, что компенсирует отсутствие вида. Однако древнерусский язык эпохи самых ранних его памятников характеризовался, как это было уже показано, сложной системой времен, но и в то же время имел формально выраженную категорию вида, связанную с этой временной системой.

Встает вопрос: как сложились те отношения вида и времени, которые мы застаем в начале исторической эпохи, и как преобразовываются они в отношении, характерные для современного языка?

Сложность отношений категории вида и времени древнерусского языка определяется тем, что в категории вида, свойственной славянским языкам, совмещается система отношений разного порядка, представляющих по происхождению два последовательных исторических напластования: различие законченности и незаконченности (т. е. совершенности и несовершенности) действия и различия по длительности. Основное различие, которое выступает в современном языке, — это отношение между совершенным и несовершенным видом, основанное на различии законченности и незаконченности действия. Различие по длительности и недлительности, длительности и мгновенности иногда может совпадать с различием совершенности и несовершенности: например, *толкать* — несовершенный вид и длительное действие, а *толкнуть* — совершенный вид и мгновенное действие. Однако чаще такого совпадения нет: *делать* и *сделать* — виды разные, а оба действия длительные (ср. то же самое в *нести* — *понести*, *везти* — *повезти*, *писать* — *переписать* и т. д.). Это объясняется тем, что здесь действуют различные принципы проти-

¹ Вопросы истории категории вида излагаются здесь в соответствии с теми положениями, которые высказаны П. С. Кузнецовым в работе «К вопросу о генезисе видо-временных отношений древнерусского языка» («Труды Института языкознания» АН СССР, т. II, с. 220 и далее) и в книге «Историческая грамматика русского языка. Морфология». М., 1953, с. 209 и далее). См. также: В. И. Боровский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка, изд. 2-е. М., 1965, с. 279 и след.

вопоставления и действие может быть законченным и одновременно длительным. Различия по степени длительности теперь сохраняются лишь в немногих группах глаголов и подчиняются основному делению по совершенности и несовершенности. Такие глаголы сосредоточены в группе несовершенного вида, но выделяются среди обычных несовершенных глаголов своим отношением к видообразованию и к категории времени (например, среди глаголов движения выделяются глаголы разнонаправленного действия, которые при соединении с приставкой не всегда переводятся в совершенный вид, например *летать* — *улетать*, *прилетать* и т. п.).

Древнейшие памятники древнерусского языка показывают, что в начале исторического периода противопоставление совершенного и несовершенного видов наметилось уже достаточно отчетливо, причем это противопоставление имело и формальное выражение. В то же время внутри противопоставления совершенного и несовершенного видов выступали также формально выраженные более древние различия по длительности, которые конкретно характеризовали отношение действия к протеканию его во времени (длительность и мгновенность, начало действия, переход из одного состояния в другое, направленность и ненаправленность действия, результативность действия и т. д.). Эти древние видовые различия являлись в древнерусском языке наследием прошлых эпох, разившись, вероятно, еще в общиндоевропейский период.

§ 234. Для выражения древних видовых различий использовались определенные структурные средства, которые в той или иной степени возможно восстановить. Таким структурным средством выступало чередование гласных в корнях слов. Именно в славянских языках, утративших в целом древние видовые различия, были широко распространены чередования типа [o] // [a] (< [ǫ] // [ō]), [e] // [ě] (< [ē] // [ē]), [ь] // [i] (< [ī] // [ī]), [ъ] // [y] (< [ū] // [ū]), [e] // [o]. При этом долгие гласные выступали в глагольных основах, выражающих большую длительность или повторяемость действия, а краткие — в основах, выражающих краткость действия или его одиночность (ср.: *положити* — *полагати*, *точити* — *тачати* и т. п.); для глаголов движения это касалось обозначения разнонаправленности и однонаправленности действия. Таковы отношения, например, между *лѣтѣти* — *лѣтати*, *нести* — *носити*, *везти* — *возити*, *лѣзти* — *лазити* и т. п.

Кроме того, структурным средством для выражения видовых различий служили еще показатели глагольных классов; правда, это вскрыть довольно трудно, так как в истории языка здесь произошли многие изменения. Показатели глагольных классов некогда были живыми суффиксами, объединявшими глаголы, выражающие подобные друг другу действия. Так, например, показатель [j] III класса, как видно, выражал длительное, ничем не ограниченное действие, что сохранилось в русских

бесприставочных глаголах типа *знаю, хочу, пишу*. Что же касается глаголов II класса, то здесь по неясным причинам, как видно, совпали первоначально два разных класса с четко очерченными видовыми различиями: класс слов, выражающих постепенный переход из одного состояния в другое (типа *вянуть, сохнуть, чахнуть*), и класс слов, выражающих мгновенное действие (типа *толкнуть, стукнуть, пихнуть, плюнуть*).

Подобную же роль в прошлом играли и и н ф и к с ы, выступающие у славян в немногих глаголах I класса, выражающих начинательное значение. Таков инфикс [n] в *лягу, сяду, буду* (из **lengōm, *sendōm, *bondōm*). Эти формы обозначали начало некоего состояния.

§ 235. Таким образом, исконно и в течение долгого времени в славянских языках существовали структурно оформленные видовые категории, определяющие протекание действия во времени. И лишь позже, постепенно, на базе некоторых из этих древних категорий начинает формироваться категория грамматического времени. Как видно, основные процессы в развитии категории времени осуществляются уже на почве отдельных языковых групп, после распада индоевропейского единства. Различие времен структурно оформляется прежде всего в различии личных окончаний: именно оформление этих окончаний кладет основу разграничения настоящего и прошедшего времени; так возникают временные формы настоящего времени, аориста, имперфекта, перфекта, давнопрошедшего времени, структурно определенным образом оформленные. С установлением различия времен как выражением отношения действия к моменту речи в каждой видо-временной категории начинают совмещаться значения различного порядка: настоящее время начинает выражать и длительность процесса, и его одновременность с моментом речи, аорист — и мгновенность, и его предшествование моменту речи и т. д.

§ 236. Итак, с установлением в индоевропейских языках категории времени старые видовые различия стираются. Однако в славянских языках развиваются новые видовые отношения, выражающиеся в противопоставленности совершенного и несовершенного вида.

Формальным средством выражения этих новых отношений выступают приставки и суффиксы, роль которых в образовании противопоставленности глаголов совершенного и несовершенного видов оказывается различной.

Если говорить о роли глагольных приставок в становлении нового видового противопоставления, то надо иметь в виду, что формирование таких различий, выражаемых с помощью приставок, установилось не сразу. Если в современном русском языке любой глагол несовершенного вида (кроме кратных глаголов движения типа *носить, возить* и редких многократных глаголов

типа *поталкивать*) в сочетании с приставкой любого значения дает глагол совершенного вида, то так дело обстояло не всегда. Первоначально приставки, сочетаясь с глаголом, не вносили нового видового значения, а служили лишь средством образования от данных глаголов новых слов с иным лексическим значением. Чем это можно объяснить и как это можно установить?

Дело в том, что приставки этимологически связаны с предлогами. Большей частью приставки и предлоги даже и теперь тождественны, т. е. у определенных приставок есть соответствующие предлоги (ср. приставки и предлоги *у, на, за, в, при*; если теперь есть приставка *воз-*, но нет соответствующего предлога, то в древности был предлог *въз* — „вверх, взамен“, а в сербском языке есть и теперь предлог *уз*, соответствующий др.-русс. *въз*). Будучи связаны материально с предлогами и этимологически развиваясь из предлогов, приставки первоначально вносили в глагол те значения, которые были свойственны соответствующим предлогам. Предлоги же, как известно, в большинстве случаев выражали и выражают пространственные отношения, из которых затем развивается ряд значений, и в первую очередь значения отношения ко времени. Позже на основе различных временных значений приставок вырабатывается наиболее отвлеченное их значение — значение общей границы во времени.

Итак, первоначально приставки, присоединяясь к глаголу, изменяли его лексическое значение, образовывали новое слово с новым значением, причем вносили они в глагол в основном пространственное значение. Это можно видеть и в современном языке: ср., например, *писать* и *надписать* (сверху), *подписать* (снизу), *соскочить* (вниз), *наскочить* (на что-то). Однако во многих случаях приставки теперь уже не имеют никакого лексического значения (ср., например, *делать* — *сделать*, *бить* — *убить* и т. п.), а играют только грамматическую роль. Первоначально же приставки вообще не играли такой роли, что вполне отчетливо отражается в памятниках письменности в тех случаях, когда сложение бесприставочного глагола с приставкой, сохраняющей свое лексическое пространственное значение, не приводит к образованию глагола совершенного вида. Еще русский языковед Ульянов обратил на это внимание, основываясь на примере из Лаврентьевской летописи: *рѣчки ради ѡже втечет в двину именемъ полота*. С современной точки зрения глагол *втечет* должен рассматриваться как глагол совершенного вида со значением будущего времени. Однако, судя по контексту, эту форму можно понять лишь как настоящее время. Приставка *въ-*, выражающая значение направления внутрь, сохраняет здесь, таким образом, свое первоначальное пространственное значение и не переводит глагол в совершенный вид: здесь в современном языке должен быть глагол *текает*.

Однако на протяжении истории русского языка приставки не сохраняют такого своего чисто лексического значения, а постепенно начинают играть грамматическую роль оформителя видовых

различий совершенного и несовершенного вида. Установление видовой роли приставок постепенно приводит к развитию противопоставленности глаголов совершенного вида, выражающих действие, ограниченное во времени, и глаголов несовершенного вида, выражающих действие без отношения к границе во времени. Приставочные глаголы большей частью отходят к совершенному виду, а бесприставочные — частью к несовершенному, а частью к совершенному виду. То, что так обстоит дело с бесприставочными глаголами, объясняется тем, что в распределении их по видам играют роль и древние видовые различия, значение которых не стерлось окончательно.

Так мы подходим к вопросу о роли с у ф ф и к с о в в образовании противопоставленности глаголов совершенного и несовершенного видов. Здесь важно иметь в виду, что при образовании этой противопоставленности были использованы некоторые суффиксы, которые прежде служили для выражения степеней длительности. Древнее значение длительности смыкается с новым значением несовершенного вида, а мгновенности — со значением совершенного вида. Именно поэтому однокорневые бесприставочные глаголы III класса с суффиксом *-а* и последующим *j* в настоящем времени отходят к несовершенному виду, а глаголы II класса с суффиксом *-ну-* со значением мгновенного действия — к совершенному виду: *тълкати*, *тълкаю* — *тълкнути*; *пихати*, *пихаю* — *пихнути*; *плевати*, *плюю* — *плюнути*; *кидати*, *кидаю* — *кинути* и т. д.

Многие бесприставочные глаголы III класса противостоят таким же бесприставочным глаголам других классов, как глаголы несовершенного вида глаголам вида совершенного, причем показателями отношения к различным видам служат суффиксы глагольной основы. Ср.: *бросати* — *бросити*, *пускати* — *пустити*, *казати* — *казити*; *падати* — *пасти*, *фдати* — *фсти*, *сфдати* — *сфсти* и т. д. Особенно важно отметить процесс образования глаголов III класса как глаголов несовершенного вида с суффиксом *-а* от однокорневых глаголов IV класса с суффиксом *-и*, выступающих в качестве глаголов совершенного вида: *мьстити* — *мьщати*, *пустити* — *пуцати*, *воротити* — *ворочати*, *простити* — *прощати* и т. п. (Во всех этих случаях суффикс *-а* присоединялся к основе инфинитива глагола IV класса *-и*, в результате чего происходило изменение [и] > [и̯] > [j] и преобразование группы соглас-

ных с [j]: например, **mbsti-a-ti* > **mbstjati* > **mbš'c'ati*.)

Особенно широкое распространение получили приставочные глаголы III класса описанного образования. Они отчетливо отражаются в самых ранних памятниках письменности: *вѣпросити* — *вѣпрашати*, *сѣбрати* — *сѣбирати*, *умерети* — *умирати* и т. д. Распространение таких глаголов связано было с развитием противопоставленности совершенного и несовершенного видов: именно выражение противопоставления видов требовало использования

суффиксальных образований, ибо присоединение приставки вносило в глагол не только видовое, но и определенное лексическое значение, т. е. образовывало новое слово.

§ 237. Противопоставленность совершенного и несовершенного вида в древнерусском языке приводит к установлению определенных отношений между этими новыми категориями и категорией времени. Основы совершенного и несовершенного вида в той мере, в какой возможно установить их значение, обнаруживают тяготение к определенным временам. Так, наблюдается связь аориста, перфекта и давнопрошедшего времени с совершенным видом, а имперфекта — с несовершенным. Иначе говоря, можно установить, что имперфект обычно образуется от основ несовершенного вида, а аорист, перфект и давнопрошедшее — от основ совершенного вида. Ср. примеры из памятников: имперфект от основ несовершенного вида: *блхоу моужи смыслени, нарицахоу сѧ полѧне* (Лавр. летоп.); *стоѧше всѧ осенина дѣждева, ꙗ дѧхоу люди короу, не можахоу пси изѣдати члѣкѣ* (Новг. летоп.); перфект и аорист от основ совершенного вида: *отроци... изодѣли сѧ соуть оружьемѣ, оубили кнѧзѧ* (Лавр. летоп.); *позваша и ростовьци, приде ростовоу, поби мразѣ* (Новг. летоп.) и т. п.¹ Можно полагать, что новые видовые различия начинают складываться незадолго до начала исторического периода; древнейшие же памятники показывают, что этот процесс в ту эпоху не достиг еще своего завершения — это происходит на протяжении исторической эпохи и связано с разрушением временной системы.

Система новых видовых отношений, устанавливающаяся наряду с системой времен, не разрушает полностью эту последнюю, как случилось со старой видовой системой, но все же в определенном направлении воздействует на нее. Такое воздействие в истории русского языка сказалось в том, что вместо старых многочисленных времен в языке остаются лишь три формы времени — настоящее, прошедшее и будущее. Это связано как раз с четким противопоставлением видов и отсюда с ненужностью многочисленных времен. Многие значения, которые раньше выражались временами, получили возможность более простого выражения при помощи видов. Таким образом, развитие новой видовой системы подготовило разрушение старой временной, а это последнее, в свою очередь, привело к более четкому противопоставлению видов².

¹ Вместе с тем встречались и случаи образования аориста от основ несовершенного вида (например, *живе* (Лавр. летоп.), *ходи Игорь* (там же), *чѧшаа въ тѣрь* (Новг. летоп.) и др.), и случаи образования имперфекта от основ совершенного вида (реже) (например, *оумръше, поставѧхоу, сожъжахоу* (Лавр. летоп.) и др.).

² Несколько иная точка зрения на развитие категории вида высказана Ю. С. Масловым. См.: Ю. С. М а с л о в. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе становления славянского глагольного вида (Доклад на IV Международном съезде славистов. М., 1958). См. также: Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982 (раздел „История категории глагольного вида“, написанный В. Б. Силиной).

§ 238. В связи с историей категории вида в русском языке стоит вопрос о развитии в эпоху письменных памятников одного нового образования, которое входит в область видовых отношений, но занимает подчиненное положение по отношению к противопоставленности совершенного и несовершенного вида. Речь идет о развитии многократных глаголов с суффиксом *-ыва-*, *-ива-*, которые выражают повторяемость действия и являются разновидностью несовершенного вида. Такие образования отмечаются уже в самых древних памятниках, но особенно широкое распространение они получают в XVI—XVII вв. При этом подобные формы образуются как от приставочных глаголов (например, *оумыкивахоу* (Лавр. летоп.), *приставливати* (Новг. грамота XIV—XV вв.) и т. д.), так и, главное, от бесприставочных (например, *коупливалъ*, *пахивалъ*, *кашивалъ* и т. д.). Именно образования с суффиксом *-ыва-*, *-ива-* от бесприставочных глаголов и являются формами многократного несовершенного вида глаголов. Эти образования достаточно широко были известны еще в XVIII — начале XIX в. в литературном языке, хотя и стали постепенно убывать. При этом именно в литературном языке подобные формы от бесприставочных глаголов постепенно получили новый оттенок значения, сближающий его с давнопрошедшим временем: глаголы на *-ыва-*, *-ива-* стали обозначать не просто прошедшее действие, но и давно бывшее. Именно так воспринимаются подобные формы, например, у Пушкина: *Здесь барин с и ж и в а л один, здесь с ним о б е д ы в а л зимою покойный Ленский*. Наоборот, у приставочных глаголов с суффиксом *-ыва-*, *-ива-* устойчивее сохраняется значение многократности; ср., например, *посматривал*, *похаживал*, *пописывал* и т. п.

РАЗРУШЕНИЕ СТАРОЙ СИСТЕМЫ ПРОШЕДШИХ ВРЕМЕН

§ 239. Разрушение старой системы прошедших времен выразилось в том, что вместо четырех форм — аориста, имперфекта, перфекта и давнопрошедшего времени — на протяжении истории русского языка устанавливается одна, по происхождению восходящая к перфекту.

Следует иметь в виду, что показания памятников, на которые мы опираемся при изучении истории прошедших времен, бывают неодинаковы в связи с неодинаковостью их в жанровом и стилевом отношениях. В памятниках церковно-религиозной литературы и в летописях система старых прошедших времен держится очень устойчиво и представлена полностью. Памятники же, находящиеся ближе к живой речи (в частности, деловая письменность), отражают достаточно ярко разрушение старой системы времен.

Исходя из показаний памятников и сравнительного анализа славянских языков, можно думать, что раньше всего был утрачен

имперфект; об этом можно судить уже по тому, что в тех памятниках, где еще употребляется аорист, уже отсутствует имперфект (такова, например, „Русская Правда“ 1282 г.). Некоторые лингвисты считают, что имперфект в живом языке был утрачен в XII в. Интересен и тот факт, что в современном языке не осталось никаких ясных следов имперфекта, тогда как аорист эти следы оставил. Следует иметь в виду, что и в других славянских языках имперфект утрачивался раньше.

В отличие от имперфекта, аорист в древнерусском языке держался дольше, причем он обнаруживается даже в довольно поздних по происхождению грамотах, например в севернорусских XIV—XV вв.: *докончахо(м)* (Новг. грам. 1262 г.), *приѣхаша послы* (Новг. грам. 1269 г.), *приѣхаша* (Новг. грам. 1471 г.), *повелѣхо(м)* (там же) и др. Как видно, аорист вообще утрачивался поговорам не одновременно, но вместе с тем возможно, что сохранение форм аориста в некоторых поздних памятниках не является фактом живого языка. Есть определенные показания памятников, и прежде всего к ним относятся факты неправильного употребления аористных форм, которые указывают на утрату аориста в живых диалектах. Это неправильное употребление выражается в смешении форм аориста и имперфекта, особенно близких по внешнему виду форм 3-го л. мн. ч. аориста и 3-го л. ед. ч. имперфекта, в образовании имперфекта по образцу аориста, в путанице форм ед. и мн. ч. аориста и т. п. Ср. факты памятников письменности: *се по ж а л о в а ш е посадникъ и вси старыи посадники* (вместо *пожаловаша*) (Новг. грам. 1448—1454 гг.), *приведохоу* (вместо *приведоша*) (Моск. еванг. 1339 г.), *тоу грамотоу посадникъ подраше* (вместо *подра*) (Двин. грам. XIV—XV вв.), *садъ весь и з г о р ѣ ш а* (вместо *изгорѣ*), *иные в водѣ по то п а ш е* (вместо *потопаша*) (Новг. летоп.) и т. д.

Утратившись в языке позже имперфекта, аорист сохранил определенные следы в современном русском языке. Такова, например, частица *чу* — по происхождению форма аориста 3-го л. ед. ч. от глагола *чути* — „слышать“. По мнению А. А. Шахматова, остатком аориста являются и так называемые глагольные междометия типа *хлоп*, *бряк*, *бац*, *прыг* и т. п., которые связаны с глаголом и выступают в роли сказуемых и которые по форме тяготеют к простому аористу. Но это мнение, вообще говоря, сомнительно, ибо, как известно, формы простого аориста в древнерусских памятниках не были употребительны¹. Более вероятно другое предположение А. А. Шахматова — о сохранении следов аориста в конструкциях с особым употреблением повелительного наклонения для выражения внезапного действия, имевшего место в про-

¹ Если не говорить, конечно, о формах 2—3-го л. ед. ч., где в глаголах с основой на согласный постоянно выступали формы простого аориста. Но образования типа *хлоп*, *бряк*, если считать их аористными по происхождению, должны быть возведены к 1-му л. ед. ч. простого аориста, что и является сомнительным для русского языка.

шлом, и недлительного, типа *возьми и побеги, возьми и упади*. И по значению, и по форме они связаны с аористными образованиями, а именно с формами 2—3-го л. ед. ч.

Наконец, частица *бы*, служащая теперь для образования условного наклонения, по происхождению является формой 2—3-го л. ед. ч. аориста от *быти* (см. § 229). Ср. еще устойчивые выражения *погибоша аки обри, своя своих не познаша*.

Что касается давнопрошедшего времени, то оно в старой форме было утрачено, как видно, к XIV в., а в новой, реже—с исконным перфектом от *быти*+причастие на -л, чаще—в виде двух причастий на -л (т. е. с утратой связки *есмь, еси*), широко отмечается в памятниках; например: *прелстилъ мя еси былъ дияволе, шелъ еси былъ на стры* (Лавр. лет.), *то дали есмь былъ андрѣю* (Новг. гр. 1304—1305 гг.); *и: были на суде искали колокола* (Смол. гр. 1284 г.), *а что былъ о(т)ялъ бра(т) твои* (Новг. гр. 1270 г.), *неленива мя былъ створилъ* (Лавр. лет.) и др. Такие формы сохраняются и теперь в современных говорах, даже со старым значением: например, *казаки были пошли да опять вернулись; земля была высохла да опять промокла*. В литературном языке к старому давнопрошедшему времени восходит конструкция прошедшего времени с неизменяемым словом *было*: *пошел было, хотел было* и т. п. — это так называемое превранное прошедшее. По памятникам она отмечается с XVI в.¹

Таким образом, из прежних форм прошедшего времени остается один перфект, который на протяжении истории русского языка постепенно становится единственной формой прошедшего времени, впитавшей в себя все значения остальных времен. Однако на истории этой формы следует остановиться особо.

§ 240. История перфекта. Как известно, в состав формы перфекта входили связка от *быти* в настоящем времени и причастие прошедшего времени на -л. Это причастие в русском языке могло выступать как в краткой, так и в полной форме, причём полные причастия на -л, утратив связь с глаголами, существуют и теперь в русском языке как прилагательные (ср.: *спел* и *спелый, как ты смел* и *смелый, я устал* и *усталый* и т. д.). И те и другие причастия могли выступать в роли определения, но лишь краткие — в составе именного сказуемого (так же, как краткие прилагательные). В связи с тем что сказуемое должно иметь категорию лица, в именном сказуемом эта категория выражалась связкой *есмь, еси*. В 3-м л. такая связка большей частью не употреблялась, так как здесь показателем лица было именно ее отсутствие².

¹ Существует (со времен Ф. И. Буслаева) предположение, что к остаткам древнерусской формы давнопрошедшего времени относится сказочный зачин *жил-был, жили-были* (см., например: П. Я. Черных. Историческая грамматика русского языка, 1962, с. 262), однако это предположение принимается не всеми. См.: А. П. Евгеньева. Сочетание *жили-были* в сказочном зачине. Сб. «Памяти акад. Л. В. Щербы». Л., 1951, с. 165 и след.

² Ср. уже в надписи 1068 г. на Тьмутараканском камне: *Глѣбъ князь мѣрилъ море по леду*.

Первоначально причастие на *-л* не осознавалось как особое „время“ глаголов, а было лишь причастием, употребленным в функции сказуемого. Однако постепенно эти причастия все больше и больше стали отрываться от категории причастий как таковых, теряя формы согласования по падежам. Поэтому такие формы, как *ходилъ*, *ходило*, *ходили*, стали пониматься как спрягаемые формы глагола *ходить*, как одна из форм прошедшего времени глагола.

В связи с тем что связка выражала лицо, с развитием личных местоимений и особенно с укреплением их в роли подлежащего эта связка стала утрачиваться и постепенно была вытеснена личными местоимениями: вместо *ходилъ есмь*, *ходилъ еси* и т. д. начали говорить *я ходил*, *ты ходил* и т. д.¹ Таким образом, если в настоящем времени лицо выражается не только местоимением (которое употребляется довольно редко), но и личными окончаниями, то в прошедшем времени именно местоимение выполняет роль показателя лица, именная же по происхождению форма на *-л* по лицам не изменяется. Согласование причастия на *-л* с подлежащим по роду сохранилось лишь в единственном числе, тогда как во множественном установилась одна форма для всех трех родов — форма бывшего мужского рода на *-ли*.

Важно помнить, что перфект первоначально обозначал прошедшее результативное, т. е. обозначал состояние в настоящее время как результат прошедшего действия. Таким образом, в перфекте сосуществовала соотносительность как с прошлым, так и с настоящим временем. Если причастие на *-л* тянуло перфект к прошедшему времени, то связка *есмь*, выражая лицо, связывала это прошлое действие с настоящим временем. Иначе говоря, в перфекте наряду с оттенком перфективности, завершенности действия есть и оттенок продолжения действия, т. е. незавершенности. Именно потому, что у перфекта были связи и с совершенным и с несовершенным видом, вместе с утратой аориста и имперфекта он, при развитии приставочного глагольного словообразования, смог стать выразителем и совершенного, и несовершенного вида. Таким образом, он стал высшим выражением прошедшего времени вообще, без деления на части по оттенкам прошедшего действия. В этой своей функции прошедшего вообще он вытеснил и формы давнопрошедшего времени.

ИСТОРИЯ ФОРМ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ

§ 241. В самых ранних памятниках древнерусской письменности выступает аналитическая, или сложная, форма будущего времени. Однако, как видно, первоначально она имела иной характер, чем теперь. Это определялось прежде всего тем, что в древнерус-

¹ Утрата связки в 1-м и 2-м л. ед. ч. также наблюдается довольно рано. Ср. в Грамоте Мстислава 1130 г.: *а пазь далъ роукую своєю*.

ском языке сложное будущее образовывалось с помощью нескольких вспомогательных глаголов, таких, как *хотѣти*, *почати*, *начати*, *имѣти*, в сочетании с инфинитивом (типа *хочоу писати*, *начиоу читати* и т. д.). Ср. примеры из памятников письменности: *которыи князь почынетъ хотѣти* (Мстислав. грам. 1130 г.), *хочоу вы почтити на оутришѣ* (Лавр. летоп.), *оуже хочемъ померети о(т) глада* (там же), *имоуть чего искати* (Новг. грам. XIII—XIV вв.), *а онъ съначаетъ запирати* („Русская Правда“) и т. д. Нетрудно заметить, что, во-первых, в числе вспомогательных глаголов, служащих для образования сложной формы будущего времени, нет глагола *буду*; во-вторых, в приведенных примерах не всегда легко установить, имеет ли то или иное сочетание вспомогательного глагола с инфинитивом действительно лишь значение будущего времени, или вспомогательный глагол вносит в это сочетание какое-то дополнительное значение, так как все они имели свое определенное лексическое смысл (желательность, начинательность и т. д.). Поэтому возможно считать, что подобные конструкции являлись не столько формами сложного будущего времени, сколько составными глагольными сказуемыми¹.

Таким образом, можно говорить, что в начале исторического периода развития русского языка форма сложного будущего времени только еще начинается складываться.

История формы сложного будущего времени в русском языке связана с тем, что в ее образовании начинает принимать участие глагол *буду*, который постепенно вытесняет все иные вспомогательные глаголы. Правда, укрепление *буду* в этой роли возникает относительно поздно: в памятниках письменности он начинает появляться в качестве вспомогательного глагола только с XIV в., да и то в единичных случаях, и в западнорусских памятниках (например, *будемъ держа(т)* в грам. 1388 г.). Широкое же распространение глагола *буду* в качестве связки в составном глагольном сказуемом отмечается только в XVII в. (*буду битъ челомъ* (1637 г.), *будемъ говорить шаху* (1640 — 1641 г.) и т. п.), но и тогда еще были широко употребительны старые конструкции с вспомогательными глаголами *хочу*, *почиу* и т. п. И все же в конце концов глагол *буду* одержал победу, да это и не могло быть иначе, так как *буду* оказался единственным глаголом в русском языке, не имеющим никакого особого лексического значения, кроме выражения будущего времени. В этом смысле *буду* является наиболее абстрактным глаголом. Поэтому закрепление данного глагола в качестве вспомогательного в форме сложного будущего времени как раз и создало эту форму как аналитическую, в которой лексическое значение заключено в инфинитиве, а грамматическое (и только грамматическое) — в форме вспомогательного глагола.

¹ Точно так же, как это выступает и в современном языке, где *хочу читать* или *начну писать* — формы составного глагольного сказуемого.

§ 242. В древнерусском языке была и другая форма сложного будущего времени, которая образовывалась путем сочетания спрягаемых форм глагола *буду* с причастием на *-л*, изменявшимся по родам и числам (*будоу писалъ, будеши писалъ, или будоу писала, будеши писала*, или *будемъ писали, будете писали* т. д.). В отличие от первой эта форма была уже установившейся и имевшей свое определенное значение. Такая форма сложного будущего времени выступала в придаточных предложениях, т. е. обозначала относительное время — время, зависимое от времени главного предложения. В связи с тем, что большей частью эта форма употреблялась в условных предложениях, некоторые лингвисты называли ее „условным будущим“, т. е. полагали ее особой формой времени в условном наклонении. Однако на самом деле это была чисто временная форма, не имевшая отношения к наклонению; сама по себе эта форма условного значения не имела — ее условность зависела от союза, а не от формы. Конечно, в предложении *оже будетъ оубилъ, платити тако* („Русская Правда“) — „если кто-нибудь убьет (кого-то), платить ему так“ — конструкция *оже будетъ оубилъ* имеет условный характер, но эту условность создает союз *оже*, а не форма *будетъ оубилъ*. Если, например, рассмотреть предложение *да возьметъ свое иже кто будетъ потерял* (там же) — „пусть возьмет свое (тот), кто потеряет“, — то здесь в *иже кто будетъ потерял* никакой условности нет: форма *будетъ потерялъ* выражает лишь будущее действие особого значения, так называемое преждебудущее, т. е. она обозначает такое будущее, которое совершится раньше другого будущего.

Форма преждебудущего времени держалась в древнерусском языке вплоть до XVI в., постепенно утрачиваясь, уступая место развивающейся аналитической форме сложного будущего времени, имеющей в своем составе инфинитив.

§ 243. Что же касается простого будущего, то его отграничение от настоящего связано с укреплением противопоставленности совершенного и несовершенного вида. В связи с тем что в начале исторического периода эта противопоставленность окончательно еще не установилась, разграниченность настоящего и простого будущего оказалась нечеткой. Так, с одной стороны, можно обнаружить значение будущего времени у форм настоящего времени от основ совершенного вида; ср.: *идѣте съ данью домови а ꙗ възвращо сѧ похожю и ꙗще, поимемъ женоу ꙗко Вольгоу за князь наши* (Лавр. летоп.). Здесь значение будущего времени в формах *възвращо сѧ, похожю, поимемъ* выступает вполне определено. Однако вместе с тем можно обнаружить и употребление в значении будущего времени форм от основ несовершенного вида. Ср. пример из Лаврентьевской летописи, приводимый П. С. Кузнецовым: *вдаимы сѧ печенѣгомъ, да кого живѣть, кого ли оумертвѣть*. Здесь глагол *вдаимы* — „сдадимся“ указывает на то, что *живѣть* и *оумертвѣть* надо понимать как будущее время, однако так можно понять лишь

форму *оумертвѣть*, тогда как *живѣть* является образованием от основы несовершенного вида и может быть понята лишь как настоящее время.

Чем дальше развивалась противопоставленность совершенного и несовершенного вида, тем отчетливее отграничивались формы простого будущего времени от форм настоящего времени.

ИСТОРИЯ УСЛОВНОГО НАКЛОНЕНИЯ

§ 244. В древнейших старославянских памятниках условное наклонение выражалось сочетанием особых форм от глагола *быти* (а именно ед. ч. *бѣмь*, *би*, ДВ. Ч. *бѣвъ*, *бѣгѣ*, *бѣгѣ*, МН. Ч. *бѣахъ*, *бѣгѣ*, *бѣша*) с причастием на *-л*, изменявшимся по родам, числам (*бѣмь пришеахъ*, *би пришеахъ*, ИЛИ *бѣмь пришла*, *би пришла*, ИЛИ *бѣахъ пришахъ*, *бѣгѣ пришахъ*, ИЛИ *бѣахъ пришли*, *бѣгѣ пришли* и т. д.). Однако древнерусский язык таких форм не знал, ибо они были вытеснены иными, представлявшими собой сочетание спрягаемых форм аориста от *быти* (см. § 229) с причастием на *-л* (*быхъ пришеахъ*, *бы пришеахъ*, или *быхъ пришла*, *бы пришла*, или *быхомъ пришли*, *бысте пришли*, или *быхомъ пришы*, *бысте пришы* и т. д.). В памятниках древнерусского языка эти формы держатся до XIV в. Ср. в Смол. грам. 1229 г.: *аж бы миро былъ и дѣ въка, аже бы миръ твърдъ былъ, аж быхъмъ что тако оучинили*; в „Слове о полку Игореве“: *а быхъ не слаа къ нему*; в сочинениях Вл. Мономаха: *сѧ быхомъ оуладили* и т. д. Однако уже в древнерусскую эпоху эти формы начинают подвергаться изменениям, которые в дальнейшем становятся принадлежностью русского языка. Сущность этих изменений заключается в том, что глагольная часть (т. е. формы аориста от *быти*) начинает терять согласование с подлежащим; в силу этого центром формы наклонения становится причастие на *-л*. Потеря аористными формами своего первоначального значения отражается в памятниках в фактах колебания в употреблении этих форм в условном наклонении (ср.: *аще бы слѧпи были* (вместо *бысте были*, так как речь идет о 2-м л. мн. ч.) (Моск. еванг. 1340 г.); или: *аще бы быша силы были* (Милятино еванг.) — здесь старая форма *быша были* соединяется с обобщенной уже частицей *бы*. Все это постепенно приводит к тому, что из всех аористных форм в условном наклонении остается лишь одна *бы*, по происхождению являющаяся формой 2—3-го л. ед. ч. Эта форма начинает соединяться не только с формой единственного числа причастия на *-л* всех трех родов, но и с формами множественного числа, причем в связи с утратой причастием на *-л* родовых различий во множественном числе становится уже безразлично, о каком роде идет речь. Таким образом, бывшая аористная форма *бы* превращается в служебную частицу, служащую лишь для образования формы условного наклонения.

ИСТОРИЯ ПОВЕЛИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ

§ 245. Развитие форм повелительного наклонения было связано как с утратой многих из них, ранее свойственных языку, так и с изменением других, вызванным различными причинами.

В древнерусском языке повелительное наклонение имело больше форм, чем оно имеет теперь, в современном языке: древнерусское повелительное наклонение выступало в формах 2-го и 3-го л. ед. ч., 1-го и 2-го л. мн. ч. и 1-го и 2-го л. дв. ч. Вместе с тем по образованию этих форм были различия не только между тематическими и нетематическими глаголами, но и между разными тематическими. Поэтому, рассматривая их, следует учитывать как историю повелительного наклонения тематических и нетематических глаголов, так и историю его внутри тематического спряжения.

Формы древнерусского повелительного наклонения выступают в первых памятниках письменности в следующем виде:

		I класс	II класс	III класс	IV класс
<i>Ед. ч.</i>	2—3-е л.	неси	стани	знаи	хвали
<i>Мн. ч.</i>	1-е л.	несѣмъ	станѣмъ	знаимъ	хвалимъ
	2-е л.	несѣте	станѣте	знаите	хвалите
<i>Дв. ч.</i>	1-е л.	несѣвъѣ	станѣвъѣ	знаивѣ	хваливъѣ
	2-е л.	несѣта	станѣта	знаита	хвалита

Нетематические глаголы¹

<i>Ед. ч.</i>	2—3-е л.	ѣжъ	дажъ
<i>Мн. ч.</i>	1-е л.	ѣдимъ	дадимъ
	2-е л.	ѣдите	дадите
<i>Дв. ч.</i>	1-е л.	ѣдивѣ	дадивѣ
	2-е л.	ѣдита	дадита

Приведенные образцы спряжения повелительного наклонения показывают, что у тематических глаголов во 2-м и 3-м л. ед. ч. выступала одна форма с окончанием [и] во всех четырех тематических классах. При этом в связи с тем, что окончание [и] по происхождению восходит к дифтонгу [oi]², в глаголах с основой на [к], [г], [х] в форме 2—3-го л. ед. ч. происходило изменение этих согласных в мягкие свистящие (см. § 82); причем одновременно с этим в корне выступало чередование [е] с [ь] (см. § 155). Таким

¹ Из нетематических глаголов внимания заслуживают лишь *ѣсти* и *дати*, так как остальные образовывали формы повелительного наклонения по образцу тематических глаголов: от *быти* — *боуди*, *боудѣмъ* и т. д.; от *имѣти* — *имѣи*, *имѣимъ* и т. д.; от *вѣдѣти* — *вѣдаи*, *вѣдаимъ* и т. д.

² Дифтонг [oi] возникал исконно в этой форме потому, что она образовывалась от основы настоящего времени с тематическим гласным на второй ступени чередования с помощью окончания [i]: например, **neso-i* > *неси*, **stano-i* > *стани* (ср. греч. опатив *feroi* — „бери“).

образом, например, от глаголов *печи, течи, жечи* повелительное наклонение в указанных формах выступало в виде *пѣци, тѣци, жѣци*.

Что касается всех остальных форм, то они характеризовались наличием разных тематических гласных в глаголах I—II и III—IV классов, хотя окончания форм у всех глаголов были одинаковыми. В глаголах I—II классов тематическим гласным в формах множественного и двойственного числа повелительного наклонения выступал [ѣ], а в глаголах III—IV классов — [и]¹.

§ 246. Такова была система форм повелительного наклонения тематических глаголов в древнерусском языке. Историческое развитие этой системы пошло прежде всего по пути утраты ряда форм: в истории русского языка были утрачены формы 3-го л. ед. ч., 1—2-го л. дв. ч. и 1-го л. мн. ч. Конечно, общая утрата категории двойственности в языке привела к тому, что не стало необходимости как-то восстановить или заменить утраченные формы двойственного числа и в повелительном наклонении. Однако осталась необходимость выражения повелительности в 3-м л. ед. ч. и 1-м л. мн. ч. Поэтому русский язык развил новые способы выражения этой повелительности: для 3-го л. ед. ч. здесь стала употребляться описательная конструкция типа *пусть (пускай) идет*; для 1-го же л. мн. ч. возникла своеобразная форма так называемого инклюзивного (т. е. включающего говорящего) множественного (типа *пойдемте, скажемте!* — окончание *-те* взято из 2 л. мн. ч.), которое имеет соответствие в форме инклюзивного двойственного (включающего говорящего и того, к кому обращена речь, — типа *пойдем, скажем!*), совпадающего по звуковому облику с 1-м л. мн. ч. настоящего времени. Таким образом, в результате всех этих процессов в русском языке в повелительном наклонении сохранились только формы 2-го л. ед. и мн. ч.

Однако вместе с утратой определенных форм развитие повелительного наклонения характеризовалось также еще и унификацией форм разных глаголов. Эта унификация сказалась прежде всего в утрате различия тематических гласных глаголов I—II и III—IV классов, причем различие это было ликвидировано в результате проникновения гласного [и] из глаголов III—IV классов также и в глаголы I—II классов. Отмеченный процесс наблюдается в памятниках письменности с XIII в., когда появляются формы типа *несите, ведите, толкните* с [ите] вместо древнерусского [ете] (например, в Духовной Климента новгородца 1270 г.: *возмите* вместо *възмѣте*).

¹ Различие в тематических глаголах, как видно, объясняется различной судьбой дифтонга [oi] в глаголах I—II классов и дифтонга [ei] в глаголах III—IV классов. Ср. с приведенными выше фактами образования формы 2—3-го л. ед. ч. глаголов *нести, стати* образование этой же формы повелительного наклонения от *знати*: **znajo-i* > *znajo-i* ([o] после мягкого > [e]). См. § 77) > > *znai*([ei] > [i]) — др.-русс. *знаи*.

Процесс унификации форм выразился и в том, что в глаголах на заднеязычные были устранены чередования [к], [г], [х] с [ц], [з], [с] и [е] с [ь] во 2-м л. ед. ч., в результате чего здесь возникли формы типа *пеки, теки, стереги, береги* и т. д., принципиально уже ничем не отличающиеся от соответствующих форм глаголов с основой на другие согласные.

В истории повелительного наклонения тематических глаголов следует указать еще на изменения его форм, носящие фонетико-морфологический характер. К таким изменениям относятся отпадение [и] во 2-м л. ед. ч. и выпадение тематического гласного во 2-м л. мн. ч. в глаголах I, II и III классов в тех случаях, когда они исконно не были под ударением: ср. др.-русск. *буди, стани, рѣжи* и соврем. *будь, стань, режь*; др.-русск. *будѣте, станѣте, рѣжите* и соврем. *будьте, станьте, режьте* и т. п. К таким же явлениям относится и изменение [и] в неслоговой звук в глаголах на -аю, -ею, -ую и вообще в таких, где в повелительном наклонении [и] попадало в положение после гласного основы: ср. др.-русск. *давай, умѣи, беи, мои* и соврем. *давай, умей, бей, мой*; др.-русск. *давайте, умѣйте, беите, моите* и соврем. *давайте, умейте, бейте, мойте* и т. п.¹.

§ 247. Что касается нетематических глаголов *дати* и *ѣсти*, то судьба их форм повелительного наклонения в ряде случаев определяется теми же процессами, что и судьба форм тематических глаголов: они также утратили формы двойственного числа, 3-го л. ед. и 1-го л. мн. ч. Однако история повелительного наклонения имела здесь и свои специфические особенности.

Во-первых, уже говорилось о том, что форма 1-го л. мн. ч. повелительного наклонения от глаголов *дати*, *ѣсти* — *дадимъ*, *ѣдимъ* была использована в качестве формы 1-го л. мн. ч. настоящего времени и что это вызвало перенос в настоящее время и формы 2-го л. мн. ч. повелительного наклонения — *дадите*, *ѣдите*. Следовательно, в данных глаголах должна была быть выработана новая форма 2-го л. мн. ч. повелительного наклонения. Для того чтобы разобраться в процессах выработки этой новой формы, надо учесть историю формы 2-го л. ед. ч.

Во 2-м л. ед. ч. повелительного наклонения выступали формы *дажь*, *ѣжь*², изменившиеся после утраты конечного [ь] и оглушения [ж] в *дашь*, *ѣшь*. Форма *ѣшь* была перенесена в настоящее время, но сохранилась и в повелительном наклонении (ср. *ты ешь хлеб* — произнесенное с разной интонацией, слово *ешь* может являться и формой 2-го л. ед. ч. наст. врем., и формой 2-го л. повелит. накл.). Под влиянием этой формы и во 2-м л. мн. ч. возникло новое *еьте*, ставшее формой повелительного наклонения.

Что же касается *дашь*, то, будучи перенесено в настоящее время, оно не сохранилось в повелительном наклонении, где развилась

¹ В говорах формы типа *встани, постави* сохраняются более устойчиво.

² Как предполагают, из **dadъjъ*, **edъjъ*; [dj] > [ж] (ср. ст.-слав. *даждь*, *ѣждь*).

новая форма, образованная от иной основы, — *дай*. Она возникла, как видно, под влиянием глаголов с основой на [j], типа *знай*, *читай*. Под влиянием *дай* во 2-м л. мн. ч. появилась форма *дайте*, закрепившаяся в русском языке. Форма *даи* отражается в памятниках очень рано; так, в послесловии к Остромирову евангелию:

даи ꙗкоу господь бгъ. Ср. еще в Лаврентьевской летописи колебание между старой и новой формой: *и пакы продаите имъныа... и дадите нищимъ*.

Наконец, специально следует сказать, что по нетематическому спряжению образовывалась форма 2-го л. ед. ч. повелительного наклонения от глагола *видѣти* — *вижь* (ст.-слав. *виждь*; ср. у Пушкина: „Восстань, пророкъ, и виждь и вземли“ — „Пророкъ“). Остатком этой формы является вводная частица *ишь* или *вишь*.

ИСТОРИЯ ИНФИНИТИВА И СУПИНА

§ 248. В древнерусском языке инфинитив образовывался с помощью двух суффиксов [ти] и [чи], причем [чи] выступал лишь в глаголах с основой на [к], [г]: *течи*, *стеречи*, *беречи* и т. п. Если учесть, что [ч] в этих формах восходит к сочетанию [kt], [gt]¹, то формы инфинитива глаголов на [к], [г] можно восстановить в виде **tekti*, **stergti*, **bergti*. Таким образом, можно установить, что исконно в инфинитиве был один суффикс [ti].

По своему происхождению инфинитив является не глагольной, а именной формой: он представляет собой застывшую форму дат.-местн. пад. ед. ч. отглагольного существительного, склонявшегося по древним основам на *ĭ*. Это имя было втянуто в систему глагола и получило глагольные категории вида и залога.

То, что инфинитив по происхождению является именной, а не глагольной формой, доказывается, между прочим, тем, что и в современном языке еще сохраняются связи его с именем существительным. Ср. инфинитив *мочь* и существительное *мочь* в *бежать во всю мочь*, инфинитив *печь* и существительное *печь*, инфинитив *пасть* и существительное *пасть* и т. д.

В истории русского языка суффикс [ти] пережил изменение в [т'] в результате редукции и отпадения [и] в безударном положении; именно поэтому в русском литературном языке суффикс [ти] выступает лишь в тех случаях, когда он находится под ударением (типа *нестѣи*, *растѣи*, *везѣи* и т. д.; ср.: *читáть*, *писáть*, *летѣть* и т. д.). Однако в различных русских диалектах этот процесс шел несколько по-разному. Северновеликорусские говоры, характеризующиеся в целом более устойчивым сохранением безударных гласных, до сих пор сохраняют зачастую суффикс [ти] и в безудар-

¹ Ср. ст.-слав. *теѣши*, *стерѣши*, *берѣши* в связи с изменением [kt] и [gt] в [шт]. См. § 83.

ном положении, например *говори́ти*, *чита́ти*, *носи́ти*, *плати́ти* и т. д. Наоборот, южновеликорусские диалекты распространили суффикс [t'] в инфинитиве и на те случаи, в которых литературный язык сохраняет [ти], например [нест'], [паст'], [рост'], [везт'] и т. д., т. е. здесь, в южновеликорусских говорах, ударение было перенесено с суффикса на основу, в результате чего и возникло изменение суффикса. В памятниках письменности формы инфинитива на *-ть* ([t']) отмечаются с XIII в., однако преобладает инфинитив на *-ти*. И эта форма выступает в них вплоть до XVII—XVIII вв., хотя, впрочем, трудно сказать, была ли она в это время еще живой, а не сохранявшейся по традиции.

Точно так же обстояло дело и с инфинитивом на *-чи*, который устойчиво держится в памятниках еще в XVII в. и который пережил ту же судьбу, что и инфинитив на *-ти* в безударном положении¹.

§ 249. В систему глагола было втянуто и другое отглагольное существительное, так называемый с у п и н, являвшийся по происхождению формой вин. пад. ед. ч. склонения с древней основой на *и*. Эта форма образовывалась с помощью суффикса [тъ] и употреблялась при глаголах движения в той же роли, в какой употреблялся инфинитив. Поэтому супин называют еще инфинитивом цели; например: *иду ловитъ рыбы*. Ср. факты памятников: *идоу на вы воєватъ* (Лавр. летоп.), *приѣхаша послы... сажатъ Ярослава* (Новг. грам. 1270 г.), *ходи ... миритъ кыянъ* (Новг. летоп.), *ѣздити звѣрии гонитъ* (Новг. грам. 1225—1326 гг.) и т. д. В связи с тем что супин по своему значению и роли был близок к инфинитиву, но употреблялся намного реже, чем инфинитив (только при глаголах движения несовершенного вида), он начиная уже с XI в. стал вытесняться из языка и заменяться соответствующими формами инфинитива (ср. в Остром. еванг. *посѣла призвати*; или в Смол. грам. 1229 г. *ѣхали на гочкыи берьго твердити миръ*). В современном языке следов супина не сохранилось.

ИСТОРИЯ ПРИЧАСТИЙ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДЕЕПРИЧАСТИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 250. В древнерусском языке, как и в современном, существовали причастия действительного и страдательного залога, настоящего и прошедшего времени, но в отличие от нынешнего состояния языка причастия раньше могли быть не только полными, но и

¹ Между прочим, следует оговорить ряд особых случаев в образовании инфинитива. К ним относятся, например, образования инфинитива на *-сти*, типа *грести* и *клясть*. Если исконное **greb-ti* изменилось в *greŭi* — др.-русск. *грети*, а **klyn-ti* в *kletŭi* — др.-русск. *кляти* и эти формы известны по памятникам письменности, то впоследствии под влиянием таких глаголов, как *нести*, *мести*, *вести*, возникли новообразования *грести*, *клясть*, укрепившиеся в русском языке.

краткими, причем последние и заслуживают внимания прежде всего.

§ 251. Причастия действительного залога. Рассмотрим образование кратких причастий действительного залога. Причастия настоящего времени исконно образовывались от основы настоящего времени, где тематический гласный выступал на второй ступени чередования, с помощью суффикса **-nt*; кроме того, основа причастия во всех формах, кроме формы им. пад. ед. ч. муж. и ср. р., была осложнена суффиксом именной основы *-j*. Таким образом, например, форма род. пад. ед. ч. муж. р. краткого причастия действительного залога настоящего времени от глагола *нести* образовывалась следующим образом: **neso-* (основа наст. врем. с тематическим гласным на второй ступени чередования) + *nt* (суффикс причастия) + *j* (суффикс основы) + *a* (окончание род. пад.): **nesōntja*. В этой форме [oŋ] изменилось в [q] и далее в древнерусском языке в [y], а [tj] — в [ч]; таким образом возникла форма *несуча* (ср. ст.-слав. *несѣща*). Ср. ту же форму от глаголов *знати*, *хвалити*:

**znajontja* > *знаюча* (ст.-слав. *Знаѣща*),

**chvalintja* > *хвалача* (ст.-слав. *хвалѣща*): [in] > [ɛ] > [ä] > [ʼa].

Древнерусские формы причастий с суффиксами *-уч-*, *-юч-*, *-ач-*, *-яч-* выступали во всех падежах, родах и числах, кроме формы имен. пад. ед. ч. муж. и ср. р., где наличествовали иные образования, а именно: у глаголов IV класса была форма на [ʼa] (-а) из [ɛ]¹: *хвалаа*, *просаа* (ст.-слав. *хвалѣаа*, *прогѣаа*), у глаголов III класса — на [ja] из [jɛ]: *знаа*, *пиша* < **pisje* (ст.-слав. *Знаѣа*, *пишаа*), а у остальных на [a]: *ида*, *неса* (ст.-слав. *идѣа*, *несѣа*). Соотношение русских и старославянских форм в последнем примере не совсем ясно, но возможно, что русское [a] появилось под влиянием [a] в других глаголах. В истории русского языка [a] в последних формах довольно рано (это отражается в памятниках XIII в.) было вытеснено [ʼa] (-а), в результате чего возникло *идаа*, *несаа* и т. д.; ср. старые формы *не дада* (Жит. Феод.), *река*, *зова* (Ипат. летоп.) и новые *идаа*, *поидаа* (I Новг. лет.), *идаа*, *ведаа* (Гр. ок. 1300 г.). Пережиточными формами старых образований являются современные существительные вроде *рёва*, *пройда* и т. п. (ср. еще диал. половицу *Кто кого мога, тот того в рога*).

Причастия действительного залога настоящего времени склонялись в древнерусском языке как существительные мужского, среднего и женского рода с древними основами на *ǫ* и *ā* по мягким разновидностям².

¹ Конечное [ɛ] восходит к **ints* на конце слова. См. П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология, с. 160—161.

² Хотя, надо сказать, склонение этих причастий утрачивается рано, и поэтому многие падежные формы в древнерусских памятниках вообще не отмечены.

В качестве образца склонения кратких причастий действительного залога настоящего времени можно привести склонение этой формы от глагола *нести*.

	Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
<i>Ед. ч.</i>	И. неса	неса	несоучи
	Р. несоуча		несоучѣ
	Д. несоучоу		несоучи
	В. несоучь	несоуче	несоучоу
	Т. несоучьмь		несоучею
	М. несоучи		несоучи
<i>Мн. ч.</i>	И. несоуче	несоуча	несоучѣ
	Р. несоучь		несоучь
	Д. несоучемь		несоучамь
	В. несоучѣ	несоуча	несоучѣ
	Т. несоучи		несоучами
	М. несоучихь		несоучахь
<i>Дв. ч.</i>	И.-В. несоуча	несоучи	несоучи
	Р.-М. несоучоу		несоучоу
	Д.-Т. несоучема		несоучама

§ 252. Краткие причастия действительного залога прошедшего времени исконно образовывались от основы инфинитива с помощью суффикса **-ŭs* (если основа инфинитива оканчивалась на согласный) или **-vŭs* (если основа инфинитива оканчивалась на гласный). Кроме того, так же как и в настоящем времени, основа причастия и здесь во всех формах, кроме им. пад. ед. ч. муж. и ср. р., была осложнена суффиксом именной основы *-j*. Таким образом, например, род. пад. ед. ч. муж. р. краткого причастия действительного залога прошедшего времени от глагола *нести* образовывался следующим образом: **nes-* (основа инфинитива) + *ŭs* (суффикс причастия) + *j* (суффикс основы) + *a* (окончание род. пад.): **nesŭsja*. В этой форме [ŭ] на славянской почве изменилось в [ъ], а [sj] — в [ш]; таким образом возникла форма *несѣша*. Ср. ту же форму от глагола *ходити*: **chodivŭsja* > *ходивѣша*.

Формы причастий с суффиксом *-ѣш-* или *-вѣш-* выступали в древнерусском языке во всех падежах, родах и числах, кроме формы имен. пад. ед. ч. муж. и ср. р., где были образования на *-ѣ* (из **-ŭs*, например *несѣ* из **nesŭs*; [s] отпало в результате действия закона открытого слога, [ŭ] > [ъ]) или *-ѣѣ* (из **-vŭs*, например *ходивѣ* из **chodivŭs*).

Эти причастия также склонялись как существительные мужского, среднего и женского рода с древними основами на *ѣ* и *а* по мягким разновидностям.

Точно так же, как и для настоящего времени, в качестве образ-

ца можно привести склонение причастия прошедшего времени от глагола *нести*.

		Муж. р.	Ср. р.	Жен. р.
Ед. ч.	И.	несъ	несъ	несъши
	Р.			несъшѣ
	Д.			несъши
	В.	несъшь	несъше	несъшоу
	Т.			несъшею
Мн. ч.	М.			несъши
	И.	несъше	несъша	несъшѣ
	Р.			несъшь
	Д.			несъшамъ
	В.	несъшѣ	несъша	несъшѣ
Дв. ч.	Т.			несъшами
	М.			несъшахъ
	И.-В.	несъша	несъши	несъши
	Р.-М.			несъшоу
	Д.-Т.			несъшами

§ 253. Именно из данных двух категорий причастий — кратких действительного залога настоящего и прошедшего времени — развились и оформились русские деепричастия.

Дело здесь заключается в том, что краткие причастия в древнерусском языке могли употребляться первоначально как в качестве именной части составного сказуемого, так и в качестве определений. Употребляясь как определения, краткие причастия, конечно, согласовывались с определяемым существительным в роде, числе и падеже. В этом отношении их положение в языке было таким же, как положение кратких прилагательных. Однако нетрудно понять, что причастия, в отличие от прилагательных, были теснее связаны с глаголом, и поэтому их употребление в роли определений было утрачено раньше и быстрее, чем такое же употребление кратких прилагательных. Утрата краткими причастиями роли определения не могла не создать условий для отмирания форм косвенных падежей этих причастий, так как они, причастия, стали закрепляться лишь в роли именной части составного сказуемого, где господствующей является форма именительного падежа, согласованная с подлежащим. Таким образом, в русском языке осталась только одна форма бывших кратких причастий — старый имен. пад. ед. ч. муж. и ср. р. в настоящем времени на [’а] (-я), в прошедшем — на [ъ], [въ] (или после падения редуцированных — форма, равная чистой основе, или форма на [в], типа *прочитав*)¹.

Эта причастная форма потеряла все те признаки, которые сближали ее с прилагательными, и прежде всего потеряла способность

¹ В современном языке формы, равной чистой основе, уже нет, однако ср. еще у Пушкина: „Домой *пришед*, Евгений стряхнул шинель...“ („Медный всадник“).

согласования с подлежащим в роде и числе. Как раз именно то, что в памятниках древнерусского языка начинают появляться факты нарушения согласования причастий с подлежащим (ср., например, в послесловии к Суздальской летописи 1377 г. *исправлявая почитайте* вместо *исправляюще*, т. е. ед. ч. вместо древнего мн.), именно это и указывает на превращение бывшего причастия в деепричастие — неизменяемую глагольную форму, выступающую в роли второстепенного сказуемого¹.

§ 254. Что касается полных причастий действительного залога настоящего и прошедшего времени, то они образовывались от кратких причастий с помощью указательного местоимения *и*, *я*, *я*, *т.* е. здесь шли процессы, параллельные процессам в истории полных прилагательных. Различные выравнивания в этих формах привели к образованию тех, которые известны и в современном языке, т. е. в настоящем времени форм типа *несущий*, *колющий*, *горячий*, а в прошедшем — типа *принесший*, *коловший*, *горевший*. Судьба этих причастий в русском языке оказалась неодинаковой. Если формы прошедшего времени полностью сохранились и имеют и теперь значение причастий, то формы настоящего времени перестали выступать как причастия, превратившись в прилагательные.

Однако русский язык не утратил категории причастий действительного залога настоящего времени — он только использовал в этой роли заимствованные, хотя и русифицированные старославянские причастные формы на *-уиц-*, *-юиц-*, *-аиц-*, *-яиц-* (ср.: *горячий* и *горящий*, *жгучий* и *жгущий*, *живучий* и *живущий*, *ходячий* и *ходящий*, *могучий* и *могущий* и т. д.). Но заимствованные причастные формы остались в русском языке все-таки книжным элементом и не получили широкого распространения в живой речи.

§ 255. Причастия страдательного залога. История этих причастий была в целом такой же, что и история форм действительного залога.

Краткие страдательные причастия настоящего времени образовывались от основы настоящего времени с тематическим гласным на второй ступени чередования с помощью суффикса *-м-* и изменялись по родам, числам и падежам, склоняясь по основам на *о* и *а* твердой разновидности (ср. ед. ч. *несомѣ*, *-а*, *-о*; мн. ч. *несоми*, *-ы*, *-а*; ед. ч. *посылаемѣ*, *-а*, *-о*; мн. ч. *посылаеми*, *-ы*, *-а* и т. п.).

¹ Кроме формы бывшего имен. пад. ед. ч. муж. и ср. р., в русском языке сохраняются еще формы имен. пад. ед. ч. жен. р. типа *идущи*, *несучи*. Такие формы широко были распространены еще в XVIII в. и существуют теперь в диалектах и иногда в просторечии (ср.: *глядючи*). В литературном языке к этой форме восходят *будучи*, *умеючи*, *крадучись*. Следует также иметь в виду, что к бывшему имен. пад. ед. ч. жен. р. восходят современные деепричастные формы от возвратных глаголов (типа *умывшись*, *растегнувшись*, *разлетевшись* и т. п.), а также образования, свойственные устной литературной речи с суффиксом *-вши* вместо *-в*: *прочитавши*, *распахнувши*, *откативши* и т. п.

Краткие страдательные причастия прошедшего времени образовывались от основы инфинитива с помощью суффиксов *-н-* и *-т-* и также изменялись по родам, числам и падежам, склоняясь по основам на *б* и *а* твердой разновидности (ср. ед. ч. *писанъ*, *-а*, *-о*; мн. ч. *писани*, *-ы*, *-а*; ед. ч. *взѣтъ*, *-а*, *-о*; мн. ч. *взѣти*, *-ы*, *-а* и т. п.).

В истории русского языка эти причастия утратились в роли определений и сохранились в качестве именной части составного сказуемого.

Что касается полных причастий страдательного залога, то они, образуясь от кратких с помощью указательного местоимения *и*, *ѣ*, *ю*, полностью сохранились как причастия в современном языке. Внимания здесь заслуживает, пожалуй, один факт — появление в суффиксе страдательного причастия прошедшего времени удвоенного [н] (например, *посланный*, *сработанный* и т. д.). По своему происхождению это удвоенное [н] является результатом влияния отглагольных прилагательных с суффиксом *-н-*. Дело здесь заключается в том, что приблизительно с XVII в. причастия с суффиксом *-н-*, выступая в роли определений, становились прилагательными и совпадали с соответствующими отглагольными прилагательными, образованными некогда с помощью суффикса *-ѣн-* > *-н-*, т. е. такие причастия, как *кошеное* (сено), *розореные* (города), совпали с такими прилагательными, как *указный* (срок), *отсрочная* (челобитная) и т. п. В силу этого в языке должно было выработаться и выработалось новое средство отличия причастий от прилагательных — этим средством явился вторичный суффикс *-ѣн-* > *-н-* в причастных формах: *повелѣнная*, *неписанный* > *повеленная*, *неписанный* и т. д.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка, т. II. Киев, 1953, с. 190—227.

Дурново Н. Н. Очерк истории русского языка. М.—Л., 1924, с. 309—340.

Кузнецов П. С. К вопросу о генезисе видо-временных отношений древнерусского языка. „Труды Института языкознания АН СССР“, т. II. М., 1953; Очерки по морфологии праславянского языка. М., 1961, с. 94—96.

Никифоров С. Д. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI в. М., 1952.

Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, т. IV. М., 1941, с. 117 и след.

Селищев А. М. Старославянский язык, ч. II. М., 1952, с. 166 и след.

Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М., 1907, с. 159—168, 234—266.

Чернышев В. И. Описательные формы времен и наклонений в русском языке. В кн.: Чернышев В. И. Избранные труды, т. I. М., 1970, с. 230—258.

Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953, с. 223—254.

НАРЕЧИЯ И ИСТОРИЯ ИХ ОБРАЗОВАНИЯ

§ 256. Наречие — это такая часть речи, формирование которой, начавшись еще в далекую дописьменную эпоху, продолжает осуществляться на всем протяжении истории русского языка. Да и в современном языке класс наречий беспрерывно пополняется, ибо идет постоянный процесс их образования на базе других частей речи.

В древнерусском языке можно видеть две группы наречий: одни, так сказать, первичные, т. е. такие, установить происхождение которых из какой-то иной части речи не представляется возможным; иначе говоря, эти наречия непосредственно не связаны с иными частями речи. Другие же — это наречия, которые явно обнаруживают связь с иными словами, или, во всяком случае, эту связь легко восстановить.

В древнерусском языке были известны наречия местоименного происхождения, т. е. образованные от местоименных корней. К ним относились, например, такие, как *коуда*, *тоуда*, *сюда* или *коуды*, *тоуды*, *сюды*, образованные от тех же местоименных корней, что и *къ-то*, *то*, *се*; наречия *когда*, *тогда*, *иногда*, *всегда*, образованные с помощью суффикса *-гда* от тех же *ко-*, *то* и от *инъ* (ср.: *иной*), *весь*. От того же местоимения *весь* с помощью частицы *де* образовано и наречие *везде* (*весь де* > *вес де* > *везде*). К такого же рода образованию относится и *где* из *къ-де*.

В связи с тем что во всех подобных наречиях, образованных еще в дописьменную эпоху, только путем специального анализа можно выяснить их происхождение, для древнерусской эпохи их следует считать п е р в и ч н ы м и.

Вместе с тем уже на протяжении истории древнерусского языка происходит формирование н о в ы х наречий на базе иных частей речи, и в этом случае пути их образования выясняются достаточно отчетливо, ибо связь наречий с источником происхождения сохраняется. Так, например, часто класс наречий пополнялся за счет перехода в него падежных форм имен существительных, в частности форм твор. пад. ед. ч. К наречиям, возникшим таким способом, относятся *мимоходом*, *нагишом*, *пешком*, *ничком*, *торчком* и т. п. Надо сказать, что сами существительные, от которых образовались эти наречия, в ряде случаев не сохранились не только в современном, но и в древнерусском языке, однако их существование вообще едва ли может быть поставлено под сомнение. О том, что подобные существительные могли быть, говорит не только зафиксированное в памятниках *мимоходъ* — „прохожий“, но и диалектные

мельк — „мгновение, миг“, *ник* — „низ, тыл, низина“, *торчек* — „сучек, колышек, пенек“, отмеченные в Словаре В. И. Даля.

Выше, при рассмотрении истории существительных, указывались такие наречия, как *воочию* и *замуж*, возникшие из сочетания предлога с определенным падежом имени. К подобного рода образований относятся и такие наречия, как *въмѣсто* (из *въ мѣсто*), *дотла* (из *до тѣла*: *тѣло* — „почва, пол, основание“), *сегодня* (из *сего дѣня*). Надо сказать, что переход бывших падежных форм имен существительных в сочетании с предлогами в класс наречий был широко известен в древнерусском языке. Так, например, наречие *въноутрь* возникло из сочетания предлога *вън* — „в“ и существительного *оутрь* (< **qtrь*) — „внутренность“, засвидетельствованного в памятниках (в русском языке однокорневым является слово *утроба*). Наречие *въпрѣки* было образовано из сочетания предлога *въ* с вин. пад. мн. ч. существительного **прѣкъ* — „спор, препятствие, запрет“, в памятниках не засвидетельствованного. Наречие *въкоупѣ* явилось образованием на базе сочетания предлога *въ* с местн. пад. ед. ч. от *коупа* — „куча, толпа“, известного в памятниках XV в. Такое наречие, как *въспѣть* (точно так же как и *опѣть*), представляет собой исконно сочетание приставки *въс-* с существительным **пѣть*, наличие которого можно предполагать по существованию *пятка*, хотя в памятниках письменности *пѣть* не засвидетельствовано. Точно так же обстоит дело и с наречием *искони*, являющимся образованием с предлогом *ис* от существительного **конь* — „начало“ (ср.: *конец*).

Наречия возникали из сочетания падежных форм кратких прилагательных с предлогом: *издавна*, *смолоду* и т. д.

Подобных примеров можно было бы привести очень много¹, однако надо сказать, что история формирования наречий как части речи в настоящее время представляется очень спорной: в современных исследованиях высказываются самые разные мнения о путях образования наречий в русском языке². Поэтому окончательно решить вопрос об истории складывания и развития этой части речи в русском языке пока не представляется возможным.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Буслаяев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959, с. 151—159.

Галкина-Федорук Е. М. Наречия в современном русском языке. М., 1939.

¹ См. анализ происхождения ряда наречий в книгах: П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология, с. 285—287; П. Я. Черныш. Историческая грамматика русского языка, с. 232—235; В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка, изд. 2. М., 1965, с. 321—324.

² См.: Е. И. Янович. Наречие в истории русского языка. Минск, 1978 (здесь дана и обширная библиография современной литературы по истории русских наречий).

* * *

§ 257. В итоге рассмотрения основных явлений в истории морфологической системы русского языка можно кратко охарактеризовать те тенденции в развитии морфологических категорий, какие отчетливо обнаруживаются в истории русского языка и какие достаточно подробно были охарактеризованы выше, при конкретном анализе развития отдельных частей речи. Основная из этих тенденций — стремление к ликвидации многоформности в системе словоизменения; это стремление ярко проявилось в истории имени существительного, утратившего на протяжении относительно небольшого исторического периода древние типы склонения, в истории глагола, потерявшего многочисленные формы прошедших времен, и в истории других частей речи. Не надо думать, что подобные процессы вели к обеднению морфологической системы языка. Унификация форм, ликвидация определенных из них — это отражение движения языка к обобщению фактов, к абстракции, а в этом движении отражается развитие человеческого мышления, всегда идущего по пути прогресса, накопления знаний и осмысления фактов действительности.

Морфологическая система современного русского языка, конечно, отличается от древнерусской системы, но эти отличия не такого характера, когда можно сказать, что существуют две различные системы, — это всего лишь развитие одной и той же системы, упорядочение одной из них, укрепление основных особенностей этой системы, происходившее в истории развития русского языка.

Если внимательно проследить историю отдельных частей речи, отдельных грамматических категорий и форм, то можно установить, что уже в XIII в. древнерусский язык утратил многое из того, что было свойственно ему раньше, и тем самым приблизился в морфологической своей системе к современному состоянию языка. После XIII в., на протяжении XV—XVI вв., идет складывание и развитие тех морфологических черт, которые определяют ныне характер системы русского языка. Как представляется, именно к концу XVI — началу XVII в. и сложился окончательно тот морфологический строй, который определяет ныне современный русский язык,

СИНТАКСИС

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

§ 258. Общая характеристика синтаксического строя древнерусского языка. К моменту появления первых памятников письменности древнерусский язык характеризовался номинативным строем предложения, и в этом отношении он был сходен с иными древними индоевропейскими языками. Сущность номинативного строя заключается в том, что в предложении подлежащее при глагольном сказуемом всегда стоит в именительном падеже и этим отличается от дополнения, выступающего в косвенных падежах. С этой точки зрения древнерусский язык ничем не отличался и от современного языка, который также характеризуется номинативным строем.

Номинативный строй предложения древнерусского языка является наследием праславянской эпохи, а последнее в свою очередь восходит к общиндоевропейскому периоду. Таким образом, основы синтаксического строя древнерусского языка заложены в глубокой древности.

Однако древнерусский синтаксис отличался от современного в целом ряде существенных элементов своей системы. И поэтому на протяжении истории древнерусского языка происходило развитие синтаксического строя, утрата одних из его элементов и возникновение других, — происходило совершенствование синтаксической системы. Процессы изменения и развития синтаксиса древнерусского языка затронули как простое, так и сложное предложение, способы выражения как главных членов предложения, так и второстепенных, способы связи слов в предложении и т. д. Поэтому необходимо установить как особенности синтаксической системы, которые характеризовали древнерусский язык, так и пути, по которым шли изменения этой системы.

При этом надо не забывать, что изменения в синтаксическом строе языка зачастую определяются изменениями в его морфологической системе, ибо морфология и синтаксис тесно между собой

связаны. Уже при рассмотрении истории морфологических категорий обращалось внимание на ряд явлений в этой истории, которые затронули синтаксический строй древнерусского языка (ср., например, отмирание кратких прилагательных в роли определений и закрепление их в качестве именной части составного сказуемого; изменение причастий в деепричастия, которые начинают выполнять в предложении роль второстепенного сказуемого; развитие категории одушевленности, вызвавшее появление дополнения в винительном падеже, равном родительному, и др.). С подобного рода фактами связи морфологических явлений с синтаксическими можно столкнуться и в целом ряде иных случаев.

Вместе с тем следует сказать, что как в исторической морфологии, так и в историческом синтаксисе еще трудно построить историю системы: здесь еще и недостаточно накоплен материал, и не разработаны методы синхронных срезов; наконец, здесь еще недостаточно выяснены соотношения между конструкциями, свойственными живому русскому языку прошлых эпох его развития, и традиционными, свойственными лишь письменной форме этого языка. В силу всех этих причин в историческом синтаксисе рассматриваются лишь отдельные, самые основные явления в развитии синтаксической системы древнерусского языка, причем это рассмотрение ведется от эпохи первых памятников письменности как начального этапа истории до современного состояния русского языка как конечного этапа этой истории¹.

¹ При рассмотрении проблем исторического синтаксиса русского языка в учебнике использованы материалы книг Т. П. Ломтева „Очерки по историческому синтаксису русского языка“ (М., 1956), В. Л. Георгиевой „История синтаксических явлений русского языка“ (М., 1968). Используются также относительно недавно появившиеся исследования: „Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение“ (М., 1978) и „Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение“ (М., 1979). Из всех этих трудов заимствованы также некоторые примеры, извлеченные из памятников письменности.

СИНТАКСИС ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

ТИПЫ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 259. Древнерусский язык, как и современный, характеризовался наличием простых двусоставных и односоставных предложений. Наиболее типичными для этого языка были двусоставные личные предложения, т. е. предложения, в которых наличествовало подлежащее и сказуемое. Например, *изидоша дєревльнє противоу томоу* (Лавр. летоп.); *поби мразь обильє по*

волости (Новг. летоп.); *такѡ же и снѡе ꙗко оуставиша* („Русская Правда“); *посла великыи кнѧзь* (Сузд. летоп.); *здѣ починаеть сѧ правда* (Смолен. грам. 1229 г.) и т. д.

Что же касается односоставных предложений, то они также были известны в древнерусских памятниках, однако распространенность отдельных их типов не во всем была такой же, что и в современном русском языке. Широко были распространены так называемые определенно-личные предложения, т. е. такие, в которых отсутствовало подлежащее, но в глаголе было выражено определенное лицо. Широта распространенности подобных предложений в древнерусском языке обуславливалась отсутствием местоимений 1-го и 2-го л. в роли подлежащих (см. § 267). Поэтому лицо в подобных предложениях выражалось в форме глагола. Например: *почто идеши опѣть, поималъ еси всю дань; се кнѧзь оуби-хомъ роускаго, поимемъ жєноу его Вольгу; не едемъ на конѣхъ ни ꙗзиши идемъ, хочю вы почтити* (Лавр. летоп.)

§ 260. Точно так же широко распространенными в древнерусском языке были и безличные предложения, причем основные типы этих предложений были те же, что и в современном русском языке. Это значит, что сказуемое подобных древнерусских предложений могло выражаться безличными глаголами, личными глаголами в безличном употреблении, предикативными наречиями в сочетании с инфинитивом или без него и, наконец, независимым инфинитивом. Однако в то же время древнерусский язык имел целый ряд отличий в образовании безличных предложений, и поэтому в истории русского языка произошли важные изменения в этом звене синтаксической системы.

В отношении предложений с безличным глаголом в качестве сказуемого важно отметить прежде всего факт изменения самого состава глаголов, которые могли выступать в качестве сказуемого безличных предложений. Внимания здесь заслуживает не только

то, что широко распространенный в древнерусском языке и сохранявшийся вплоть до XV в. глагол *достойть* был впоследствии заменен глаголом *следует* (ср. др.-русс. *не достойть ея пояти* (Новг. летоп.); *тобѣ княже достойть блюсти* (Новг. летоп.) и т. д.), но, главное то, что с течением времени расширяется круг безличных глаголов, обозначающих стихийные явления. Это расширение особенно отражается начиная с XV—XVI вв., тогда как в более ранних памятниках глаголы такого типа отмечаются только в редких случаях (ср. в Сузд. летоп.: *по селомъ дубѣ по д р а л о*; в Новг. летоп.: *загоресѧ на Ильинѣ улицѣ, сѧно и дрѣва разнесе, озеро морози внощѣ*). Для памятников XV—XVI вв. можно указать следующие примеры: *стѣну у переднихъ дверей поразило дохны побило праздничные* (Моск. летоп. свод); *бысть осень дождлива, не дало солнцу просияти* (Псков. летоп.); *тоя же осени... много шкody учинило* (там же) и т. д.

Точно так же произошло и с употреблением безличных глаголов с частицей *-ся*. Если в ранних памятниках выступали лишь глаголы *лучиться* (*случиться*), *ключиться* (со значением стихийного возникновения) и *мытись* (со значением психического состояния), то в XVI—XVII вв. в эту группу включаются глаголы *видиться*, *заплачется*, *погрешится* и др. Ср. в новгородской берестяной грамоте № 124 (XIV—XV вв.): *Мнѣ сѧ не можетсѧ*.

Что касается безлично-инфинитивных конструкций с предикативным наречием на *-о*, обозначающих состояние, которым сопровождается то или иное действие, то такие конструкции отмечаются в памятниках уже XII в.: *ушима ты жько слышати, а очима видѣти, чюдно слышати ихъ* (Пов. врем. лет); *темно бо бѣ в 3 день* (Сл. о полку Иг.); *невозможно бо безъ вoжa ходити* (Путеш. иг. Дан.) и т. д. Эти конструкции в последующей истории языка все больше развивались, расширяя круг слов, участвующих в их образовании.

Вместе с тем в древнерусском языке выступали и такие безличные конструкции, которые в дальнейшем развитии русского языка оказывались распространенными в меньшей степени. К таким конструкциям относятся прежде всего те, в которых в качестве сказуемого выступало страдательное причастие среднего рода. Первоначально эти конструкции были ограничены лексически: чаще всего такие причастия образовывались от глагола *писати* и от глаголов приказания. Например: *писано бо есть* (Сл. Дан. Зат.); *приказано будѣте добрымъ людѣмъ* (Смол. грам. 1229 г.); *повелѣно бысть блаженному* (Печер. патер.) и т. д. В дальнейшем круг страдательных причастий в роли сказуемых в безличных предложениях расширяется.

Наконец, в роли сказуемого безличных предложений в древнерусском языке выступал и независимый инфинитив. Эти конструкции выражали часто предписание, которое необходимо выполнить (например, *держати ти Новгородъ по пошлѣнѣ* — Новг. грам.), неизбежность (например, *Княже! конь, его же любииши и ѣздиши*

на немъ, от того ти умрѣти — Пов. врем. лет), возможность действия (например, *И есть же ту вода добра и сладка, в земли глубоко, слѣзти же к ней по степенемъ* — Путеш. иг. Дан.) и т. д. Надо иметь в виду, что последние конструкции (выражающие возможность действия) были широко распространены вплоть до XVII в., после чего они начинают утрачиваться, и в современном языке сохраняются только те конструкции, которые выражают невозможность действия, т. е. конструкции с отрицанием (типа *не видать тебе этого!*).

§ 261. Среди односоставных предложений древнерусского языка были широко распространены и неопределенно-личные предложения со сказуемым в форме 3-го л. мн. ч. Например: *аже кто убьет княжа мужа в разбои, а головника не ищутъ, то вирьвную платити...* („Русская Правда“); *того же лѣта п р и д ѣ л а ш а притворъ камѣнь* (Псков. летоп.); *и м у т ь бити челомъ тобѣ* (Грам. XIV в.); *б и ш а я и до рѣки* (Новг. летоп.) и т. д.

§ 262. Что же касается номинативных предложений, то они мало были распространены в древнерусском языке. Здесь часто встречались лишь предложения назывные, т. е. называющие что-либо. Они встречались иногда в качестве заглавий (например: *суд Ярославъ Володимирица* („Русская Правда“), *Слово Даниила Заточника*, *Правда русьская* и т. п.) или „зачина“ в грамотах (например, *от гостѣты к василью* — Новг. берест. грам. № 9). Ср. еще в Новгородской летописи: *стоѣше всѣ осенина дѣждева... тепло, дѣжгъ*, где последние два слова напоминают назывные предложения. Широкое распространение номинативные предложения получают лишь в памятниках XVII в.

ПОДЛЕЖАЩЕЕ И СКАЗУЕМОЕ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 263. В ы р а ж е н и е п о д л е ж а щ е г о в д р е в н е р у с с к о м я з ы к е. Нет никакого сомнения в том, что основной частью речи, при помощи которой в др.-русс. языке выражалось подлежащее, было имя существительное. Приведенные выше примеры двусоставных личных предложений вполне иллюстрируют это положение. В рассматриваемом отношении древнерусский язык не отличался от современного языка, и поэтому данное явление не требует особых доказательств и комментариев.

Вместе с тем подлежащее в древнерусском языке могло быть выражено и иными частями речи, например прилагательным (ср.: *злии радовахоуѣ* — Новг. летоп.), причастием (ср.: *не даша емоу тоу близъ живущии* — Лавр. летоп.), числительным в сочетании с существительным (ср.: *два солнца померкоста* — Сл. о полку Иг.) и т. д. Подлежащее могло быть выражено различными словосо-

четаниями, например сочетанием существительного или местоимения с твор. пад. существительного с предлогом *с* (ср.: И сложишася на Новѣгородъ *Андрѣи съ смоляны и съ полоцкыны* — I Новг. лет.), неопределенно-количественных слов *много*, *мало*, *колико* и под. с существительными в род. пад. множ. ч. с предлогом или без него (ср.: и обращаея *мало людей* — Пов. о разгр. Рязани; *начаша много множество людей* приходити — I Пск. лет.) и нек. др. Все эти способы выражения подлежащего известны и теперь, в современном русском языке.

Следует также сказать, что в роли подлежащего выступали и числительные, имеющие именное происхождение. Так, например, слово *сорокъ*, которое в своем возникновении было существительным (см. § 219), еще в XVI в. выступало как обычное подлежащее, которое могло иметь при себе определение; например, *сорокъ соболей, а посланъ тотъ сорокъ въ Литву* (Расх. кн. 1584—1585 гг.). В роли подлежащего в древнерусском языке мог выступать и инфинитив, который хотя уже и перестал быть именной формой (см. § 248), все же, означая действие в отвлечении от деятеля, мог иметь в предложении грамматическую самостоятельность. Например, в предложении *И оттоле утвердися таковое написание полагати умершимъ* — „И оттуда утвердилось такую надпись делать умершим“ — *полагати* выступает в качестве подлежащего.

§ 264. Однако в области выражения подлежащего в древнерусском языке были и такие особенности, которые отсутствуют теперь. Прежде всего речь здесь должна идти об употреблении в роли подлежащего личных местоимений.

Древнерусский язык, в отличие от современного, не знал широкого употребления личных местоимений в роли подлежащего.

Такое отсутствие местоименных форм наблюдалось как при глагольном, так и при именном сказуемом, причем, кроме 1-го и 2-го л., могло отсутствовать и 3-е л. личного местоимения. В глагольном сказуемом в формах настоящего времени лицо подлежащего было выражено формой глагола; однако если глагольное сказуемое выражалось формами аориста, то совпадение 2—3-го л. не создавало возможности при отсутствии местоимения в роли подлежащего выразить лицо формальными средствами. Точно так же, если в перфекте при наличии связки от *быти* лицо подлежащего выражалось связкой, то при отсутствии этой связки причастная форма на *-л* сама по себе не указывала на это лицо. Во всех подобных случаях лицо подлежащего могло быть установлено только по контексту.

Таким образом, при употреблении глагольных форм настоящего времени или форм перфекта со связкой личное местоимение в роли подлежащего не было обязательным, так как лицо выражалось или формой глагола или формой связки. Однако это вовсе не означает, что личные местоимения вообще не выступали в древнерусском языке в роли подлежащего: наоборот, в памятниках

письменности возможно отметить достаточное число случаев такого употребления. Однако оно характеризует вполне определенные конструкции. Если говорить точнее, местоимения 1-го и 2-го л. выступали в роли подлежащего тогда, когда на это местоимение падало логическое ударение, т. е. тогда, когда оно начинало играть стилистическую роль. Например, *иже ли не поидеши съ нами, то мы собѣ будемъ, а ты собѣ* (Поуч. Влад. Моном.) — здесь употребление личных местоимений *мы* и *ты* необходимо для выражения противопоставления. Ср. еще: *онъ иде новогородоу а ѿ съ половици на одрьскъ воюѧ* (там же). Кроме того, личное местоимение 1-го л. ед. ч. часто встречается в роли подлежащего в традиционном зачатке грамот. Например: *се азъ мѣстиславъ, а се ѿ всеволодъ* (Мстислав. грам. 1130 г.); *азъ грѣшныи рабъ бѣжйи* (Минеи 1095—

1097 гг.); *азъ григорий диаконъ написа(х) еѹглие* (Остром. еванг.) и т. д.

В последующей истории русского языка роль личных местоимений в качестве подлежащих непрерывно возрастает, и это связано, с одной стороны, с необходимостью различения 2-го и 3-го л. ед. ч. при сказуемом, выраженном аористными формами, а с другой — с падением связки настоящего времени от *быти* в перфекте, что приводило к необходимости выразить лицо подлежащего иным способом, чем оно выражалось при наличии связки.

В то же время следует сказать, что такое медленное, постепенное распространение личных местоимений в роли подлежащего было связано со вторичностью их происхождения из указательных местоимений (для местоимений 3-го л. этот процесс вполне очевиден (см. § 197), но это относится и к истории местоимений 1-го и 2-го л.), а это значит, что только становление категории личных местоимений могло вести к изменению определенной синтаксической конструкции.

§ 265. Выражение сказуемого в древнерусском языке. В древнерусском языке сказуемое могло выражаться различными способами, в зависимости от чего можно выделить простое глагольное сказуемое, глагольно-инфинитивное сказуемое, именное сказуемое, а также находящееся в несколько ином положении причастное сказуемое.

Если говорить о выражении простого глагольного сказуемого, то древнерусский язык имел, в общем, незначительные отличия в этом отношении от современного русского языка. Выше уже было приведено достаточно примеров, в которых наблюдается употребление простого глагольного сказуемого и которые показывают, что такое сказуемое выражалось формами различных времен и наклонений. В истории этой формы выражения сказуемого заслуживает внимание утрата связки в перфекте. При рассмотрении истории перфекта (см. § 240) уже отмечалось, что развитие этой

формы в русском языке было связано с утратой форм настоящего времени от глагола *быти*, выступающих в перфекте в качестве вспомогательного глагола-связки. Если, как уже говорилось, в истории древнерусского языка чем дальше, тем больше возрастала роль личных местоимений в качестве подлежащих, то это обстоятельство приводило к тому, что роль связки в перфекте, которая выражала первоначально лицо, постепенно сводилась на нет: роль грамматического выражения лица стало играть личное местоимение. Это и обусловило утрату связки *есмь*, *еси* и т. д. в форме перфекта и превращение причастия на -л в глагольную форму прошедшего времени.

К тому же надо иметь в виду и тот факт, что сами причастные формы на -л в процессе развития языка теряли специфику и „оглаголивались“: эти формы начинали обозначать уже не состояние, возникшее в результате действия, а само по себе действие. В силу этого вспомогательный глагол оказывался ненужным.

§ 266. Что касается глагольно-инфинитивного сказуемого, т. е. сказуемого, выраженного сочетанием спрягаемой формы глагола с инфинитивом другого глагола, то в древнерусском языке такой способ выражения сказуемого был распространен достаточно широко: очень многие глаголы (особенно выражающие возможность, желание, намерение совершения действия и т. п.) могли в сочетании с инфинитивом образовать глагольно-инфинитивное сказуемое. Однако некоторые глаголы начали выступать в этой роли довольно поздно, не ранее XVI в. Таковы, например, глаголы *думать* и *мечтать*, *предполагать*, *соглашаться* и *решишь*.

§ 267. Относительно именного сказуемого внимания заслуживает прежде всего вопрос об употреблении связки *быти* в составе этого сказуемого. Следует иметь в виду, что в древнерусском языке такая связка употреблялась не только в форме прошедшего и будущего времени, но и настоящего. Вместе с тем в настоящем времени употреблялись и бессвязочные конструкции. Памятники древнерусского языка вполне отчетливо свидетельствуют как о наличии, так и об отсутствии связки. Ср. примеры из I Новгородской летописи: с отсутствием связки — *сватба пристроена, меды изварены, невѣста приведена, кнѣзи позвани; новгородьци прави, а прославѣ виноватѣ; а кнѣзь ваш, снѣ мои стославѣ, малѣ; с наличием связки — намѣ есте не братьѣ; отоидемѣ к немѣчьскому црю, откеле же ѡсме послани, ты еси бѣ нашѣ* и т. д.

Исследование этого явления показало, что в целом конструкции со связкой от основы *ес-* были больше свойственны книжным стилям, тогда как в живом языке, начиная уже с XII в., значительно чаще употреблялись бессвязочные конструкции. Чем ближе

к нашей эпохе, тем наличие связи в настоящем времени все больше становилось книжным элементом, совершенно несвойственным живому языку.

Что касается прошедшего и будущего времени, то связка от *быти* сохранялась в древнерусском языке (ср.: *бѣ бо вода текуще, полми прозвани быша, и тако побѣжени быша иноплемьнищи, въ се же лѣто оубыѣнѣ бысть глѣбѣ* (Лавр. летоп.); *ты имѣ боудеши начальникѣ* (Новг. грам.) и т. д.) и сохраняется в современном состоянии русского языка.

§ 268. Основное направление в развитии именного сказуемого в древнерусском языке заключалось в том, что падежная форма имени в этом сказуемом изменялась: в истории русского языка шло движение от именительного предикативного к творительному предикативному. Прежде всего такое изменение возникало тогда, когда именная часть сказуемого была выражена именем существительным. Для ранних древнерусских памятников в именном сказуемом был характерен и м е н и т е л ь н ы й п р е д и к а т и в н ы й. Ср. примеры из грамот: *а приказываю тобѣ сѣноу своему семеню братью твою молодшоую и кнѣзю свою съ меншими детьми, по божѣ ты имѣ боудеши начальникѣ; а кто боудетъ братоу нашему... другѣ, то и намѣ; а пѣзѣ, господине, отъ кнѣзѣ отъ Семена заказчикѣ былѣ десѣти лѣтъ* и т. д. Намного реже употребляется т в о р и т е л ь н ы й п р е д и к а т и в н ы й; например: *а благословлю игоумена хто боуде игоуменомѣ; а хто боуде игоуменомѣ или попомѣ, и вы творите памѣть ...; та два была послѣмѣ оу ризѣ.*

Развитие творительного предикативного раньше всего обнаруживается в именах существительных при знаменательном глаголевсвязке, а затем при связке *быти*. В истории языка творительный предикативный имени существительного постепенно укрепился. Однако он не вытеснил полностью именительный предикативный — здесь произошла семантическая дифференциация: творительный предикативный распространился при глаголах превращения и стал обозначать признак подлежащего, который является временным, случайным, переменным, тогда как именительный предикативный обозначает признак постоянный (ср.: *он был учителем и он учитель*).

Краткие прилагательные в именном сказуемом тоже выступали в форме именительного предикативного. Ср. в „Русской Правде“: *кто будеть виноватѣ; зане соуѣ не свободни* и т. д.; в Лаврентьевской летописи: *азѣ поганъ есмь, бѣ гроза велика и сѣча силна и страшна* и т. д. Творительный предикативный кратких имен прилагательных в памятниках древнерусской письменности не отмечается. Судьба именительного предикативного этих прилага-

тельных была связана с развитием полных прилагательных в роли именного сказуемого.

Надо сказать, что полные прилагательные не выступали в этой роли в древнейших памятниках русского языка, являясь формой выражения определения. Впервые такое употребление начинает отмечаться в XV в., а в XVI в. оно становится обычным. Ср.: *ихъ же ризы свѣтлыя, техъ речь честнаѧ* (Слово Дан. Заточника); *и та вода свѣтаѧ* (Хожд. гостя Василия) и т. п. К XVII в. предикативная функция становится обычной для полных прилагательных, но только с конца этого века здесь возникает творительный предикативный на месте именительного. Ср.: *кто еси ты и дле чего пришелъ зде б у д у ч и н а г и м ъ* („Римские Деяния“).

Следует отметить, что первоначально, в XV—XVI вв., полные прилагательные в роли сказуемого, находясь после подлежащего, не имели при себе дополнения или обстоятельства. Развитие этих конструкций и пошло по линии распространения их пояснительными словами, особенно местоимениями (например, *дорога вся ровная, силы ваши великия*), или введения в конструкцию глагола (например, *к нему вода идет приводная*).

Постепенно в именном сказуемом полные и краткие прилагательные дифференцировались по значению: краткие стали выражать временный признак, а полные — постоянный (ср.: *он был зол и он был злой*).

Что же касается творительного предикативного прилагательных, устанавливающегося здесь в XVII—XVIII вв., то он укрепляется при глаголе *быть* в прошедшем времени (*он был добрым*), при страдательных причастиях (*почтен должным*), при глаголах (*ходил сердитым, выглядел веселым*), при инфинитиве *казаться, являться* в сочетании с личной формой глаголов *мочь, хотеть, иметь* (*может показаться бесполезным, хочет появиться другим*).

Наконец, древнерусскому языку было свойственно употребление в качестве именной части составного сказуемого кратких причастий действительного залога. Краткие причастия употреблялись в этой роли в сочетании с разными временными формами глагола *быти* и с иными глаголами и стояли при этом в форме имен. пад. Так, например, в Лаврентьевской летописи: *аще будете въ любви*

между собою и боудете мирно живущие; и есть цркви та ст о ѡ щ а в Корсоунѣ градѣ; соуть же кости его... там ле жа ч е; ср. в сочетании с иными глаголами: се азъ мьстислав... дь р жа роусьскоу землю... по вел ѣ л ѣ е с м ъ (Мстисл. грам. 1130 г.)

Употребление кратких причастий при разных знаменательных глаголах привело в истории русского языка к образованию новой синтаксической конструкции — деепричастного оборота. Такое развитие было обусловлено, во-первых, утратой согласования причастной формы с подлежащим, что было связано со смирением склонения краткими причастиями (см. § 253). Впрочем, в ряде

случаев, несмотря на сохранение согласования краткого причастия с подлежащим, конструкция с таким причастием уже воспринимается как деепричастный оборот; например, *с л ы ш а в ъ ш е ж е то к н ѧ з и роустии, п о и д о ш а за днѣпрѣ; у ч ю в ъ м ѣ с т и с л а в ъ мьстиславовиць зло то, в ѣ ѣ х а в ѣ новьгородѣ* (Новг. летоп.). Во-вторых, такое развитие было обусловлено усилением глагольности этих причастных форм и потерей ими именной специфики. Такому оглаголиванию причастных форм способствовал тот факт, что эти формы уже в ранний период письменности редко выступали в роли определений.

Усиление глагольной самостоятельности причастия, ставшего деепричастием, привело к тому, что сочетания с таким деепричастием начинали восприниматься как самостоятельные предложения, хотя и без особого подлежащего, и стали соединяться сочинительными союзами с основным глагольным сказуемым. Ср. такие примеры в летописях: *Андрѣи же то с л ы ш а в ъ и б ы с т ь образъ лица его попустѣлѣ; Олегъ же... о у с т р е м и с ѧ на Суждаль и ш е д ѣ Суждалю; а вы плотници с у щ е, а п р и с т а в и м ѣ вы хоромѣ рубити.*

§ 269. Согласование подлежащего и сказуемого. И в этой области синтаксических связей древнерусский язык в целом обнаруживает ту же картину, что и современный: в двусоставном личном предложении подлежащее и сказуемое выступают в связи согласования, т. е. согласуются прежде всего в числе и лице, а при наличии именного сказуемого — и в роде.

Однако вместе с тем древнерусский язык знал и здесь одну такую особенность, которая была впоследствии утрачена, — **с о г л а с о в а н и е** подлежащего и сказуемого по смыслу. Речь идет о том, что при подлежащих, выраженных собирательными существительными, сказуемое могло ставиться во множественном числе. Ср., например, такие факты в летописях: *х о д и ш а корела на емь; и ч ѣ р н ѣ не х о т ѣ ш а дати числа; х о д и ш а вс ѧ роуска земля, а о с т а н ѣ к ѣ почаша мерети; п о б ѣ д и ш а ярослава мордѣва, п р и х о д и ш а емь и воеваша; р е к о ш а дружина* и т. д. Во всех этих примерах при подлежащем в единственном числе сказуемое употреблено во множественном. Это было возможно в древнерусском языке как раз потому, что в такого типа предложениях подлежащие, выраженные собирательным существительным, обозначали определенную совокупность людей, множество их.

Согласование сказуемого и подлежащего по смыслу, устойчиво державшееся в русском языке вплоть до XVIII в., не исчезло полностью, однако оказалось сильно ограниченным в литературном русском языке (ср. литер. *б о л ь ш и н с т в о л ю д е й ч и т а л и эту статью*). Правда, в диалектах такое согласование можно встретить чаще.

КОНСТРУКЦИИ С ДВОЙНЫМИ КОСВЕННЫМИ ПАДЕЖАМИ

§ 270. Характерной особенностью древнерусской синтаксической системы были конструкции с двойными косвенными падежами, причем существовали конструкции с двойным винительным и дательным падежами.

Двойной винительный падеж — это конструкция, в которой употреблены две формы винительного падежа имени, где одна обозначает прямой объект, а вторая находится в предикативных отношениях с первым винительным. В современном русском языке на месте второго винительного выступает творительный предикативный. Надо сказать, что в древности при широком употреблении двойного винительного был возможен также и творительный предикативный. Так, с одной стороны, в памятниках отмечаются конструкции с двойным винительным: *постави Мефодия епископа* (Лавр. летоп.); *нарекъ ю дщерь себѣ* (Ипат. летоп.); *прополка кнѣзѣ посадиша* (Сузд. летоп.); *сына своего приимите собѣ кнѣзѣ* (Новг. летоп.) и т. д. С другой стороны — творительный предикативный: *поставиша Феоктиста епископомъ* (Ипат. летоп.); *поставиша Дионисию и гоуменомъ* (Сузд. летоп.); *нарекъ ю дщерью собѣ* (Лавр. летоп.); *ты мѣ имѣи отце мѣ* (там же) и т. д.

Конструкции со вторым винительным, как и с творительным предикативным, отмечаются в предложениях с переходными глаголами называния, назначения, восприятия, чувства и т. п. В функции второго винительного выступали существительные, прилагательные и причастия. К XVI в. творительный предикативный имен существительных стал преобладать в памятниках письменности над вторым винительным, а в XVII в. второй винительный был уже полностью вытеснен из живого русского языка.

Точно так же обстояло и со вторым винительным, выраженным именем прилагательным, который в истории русского языка тоже был вытеснен творительным предикативным. В качестве примеров употребления второго винительного прилагательных можно привести, например, такие факты из летописей: *вы есте нарекли мѣ старѣишаго*; *женоу тоу акы мѣ ртвѣи створиша*; *въвѣргоша и въ греблю мѣ ртвѣ* и т. д. Что касается творительного предикативного в подобных конструкциях, то он в ранних памятниках письменности по существу отсутствует и даже в XVII в. еще не приобретает господствующего положения. Становление творительного предикативного было связано с укреплением полных прилагательных в роли именного сказуемого (см. § 271).

Двойной дательный падеж также был широко распространен в древнерусском языке, при этом конструкции со вторым дательным были двух типов. Во-первых, второй дательный мог непосредственно присоединяться к первому дательному, и в этом случае он являлся простым приложением. Во-вторых, — и это

более важно — второй дательный присоединялся к первому посредством инфинитива, и в этом случае он являлся предикативным приложением, т. е. имел предикативное значение. Так, например, второй дательный приинфинитивный отмечается в следующих примерах: *дать имъ область чадомъ божиемъ быти* (Остром. еванг.); *яко быти намъ рабомъ* (Никон. летоп.). Однако вместе со вторым дательным в памятниках XVI в. отмечается и творительный предикативный: *подобаетъ ти всегда воеводою быти* („Сказ. о Мамаев. побоище“); *яко быть тебѣ княземъ во правдоу* (Воскрес. летоп.). К XVIII в. второй дательный имен существительных в литературном языке уже почти не встречался.

Точно такую же историю пережил и второй дательный прилагательных, который, присоединяясь к первому дательному посредством инфинитива, имел предикативное значение, являясь предикативным определением. В отличие от судьбы второго дательного существительных, второй дательный прилагательных держался устойчиво в памятниках еще XVII в., тогда как творительный предикативный тогда только еще начинал укрепляться. В качестве примеров употребления второго дательного прилагательных можно привести такие факты: *повелѣ имъ готовымъ быти* (Воскрес. летоп.); *быти намъ... неостепеннымъ ни хъ комуу* (Ист. вел. Новгород.). Творительный предикативный на месте второго дательного прилагательных становится господствующим лишь в XVIII в.

Таким образом, в истории русского языка конструкции с двойными косвенными падежами были утрачены, и на месте второго винительного и второго дательного стал употребляться творительный предикативный существительных и прилагательных.

„ДАТЕЛЬНЫЙ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ“ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 271. Еще одной особенностью древнерусского синтаксиса, хотя, быть может, и не свойственной живому языку, а заимствованной из старославянского, является оборот „дательный самостоятельный“. Этот оборот представлял собой сочетание дательного падежа имени существительного или местоимения с согласованным с ним (т. е. стоящим также в дат. пад.) причастием. Подобное сочетание имело значение причины или времени, и поэтому „дательный самостоятельный“ переводится на современный русский язык придаточным предложением времени или причины. Например: *и сразившема сѧ полкома и побѣди Ярополкъ* (Ипат. летоп.) — и когда сразились оба войска, победил Ярополк; *надолзѣ борющема сѧ има нача изнемогати Мьстиславъ* (Лавр. летоп.) — „так как они бились долго, Мстислав начал изнемогать“.

В старославянском языке этот оборот был распространен очень широко. Например, в Зограф. еванг.: *ютру же выехши съѣхъ сътвориша; ѿдѣшѣхъ же нѣхъ приѣхъ нѣхъ хлѣбъ; възлѣзшема нѣма въ корабль прѣста вѣтръ* и т. д. И в памятниках древнерусского языка, особенно церковнокнижного характера, этот оборот встречается достаточно часто. Например: *Веснѣ же приспѣвъ ѿи... поиде стославъ въ пороги; и пришедъ ѿ ю емоу кывою и пребывъшю ѿ лѣт(а) на ѿлѣт(о) помѣноу конь; и доущема же и ма стаща ночепоу; и начаста гнѣвъ имѣти на Олга, яко не шедъ ѿ ю емоу съ нима на поганымъ* (Лавр. летоп.). Однако уже в раннюю эпоху наступает разрушение этого оборота, что было вызвано, как видно, не только чуждостью его живому русскому языку, но и тем, что происходит утрата склонения краткими причастиями. Это приводит к тому, что в памятниках причастия начинают выступать не в дательном, а в именительном падеже. Например, в Лаврентьевской летописи: *и доущема же емоу възспѣтъ размысливъ рече дружинѣ своей* (вместо *идоущоу же емоу*). С течением времени таких отступлений становилось все больше и больше, т. е. „дательный самостоятельный“ уходил даже из письменного литературного языка. Однако все же в XVII—XVIII вв. в повествовательной прозе изредка этот оборот встречается. Известно, что в „Путешествии из Петербурга в Москву“ А. Н. Радищева наблюдается употребление этой, в общем для его эпохи уже архаичной формы: *Едоущу мнѣ из Едрова, Анята из мысли моей не выходила*.

Справедливости ради надо сказать, что вопрос о том, был ли дательный самостоятельный особенностью, свойственной синтаксическому строю живого русского языка, или его употребление в памятниках письменности является лишь данью старославянской традиции, остается неясным.

КАТЕГОРИЯ ПРИТЯЖАТЕЛЬНОСТИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 272. Древнерусский язык, как и иные славянские языки, издавна знал два способа выражения притяжательности: при помощи конструкций с притяжательными прилагательными и при помощи конструкций с родительным приемным (*отцова шапка — шапка отца, сестрин шарф — шарф сестры* и т. д.).

Конструкции с притяжательными прилагательными оказались в общем нежизнеспособными (хотя см. в памятниках: *начало княженья Святослава; князь корабль разби вѣтръ; Давидъ начатъ Святополка пущати на ослѣпленіе Васильково* и т. д.) и были вытеснены конструкциями с родительным приемным. При этом процесс укрепления родитель-

ного приименного шел через контаминацию двух способов образования категории притяжательности в одной конструкции. Так, например, в памятниках делового письма наблюдается употребление притяжательного прилагательного от имени и родительного — от фамилии: *Юшка да Василей князь Ивановы* (притяж. прилагат.) *дѣти Щетинина* (род. пад.); *писахъ же книги сия азъ, Георги, сынъ поповъ глаголемаго Лотыша о Городища; чтобы они о томъ государскомъ и святѣишаго патриарха указу исполняли*; то же наблюдается и в летописях, например: *кыяне же разграбиша дворъ путятинъ ты сячскаго; мысль владычню и князеи смоленскихъ и пановъ свѣдалъ князь* и т. д.

В истории русского языка конструкции с притяжательными прилагательными сохранились лишь в тех случаях, когда в них выступают прилагательные на *-ов* и *-ин*. Во всех же остальных стала употребляться конструкция с родительным приименным. Судя по фактам литературного языка, конструкция с притяжательными прилагательными уже к середине XIX в. воспринималась как архаическая или даже служила средством преднамеренной архаизации.

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 273. Определенные особенности в синтаксической системе характеризовали грамматическую связь управления в древнерусском языке, что было обусловлено некоторыми значениями, свойственными косвенным падежам. Подобные значения не сохранились, в силу чего современный русский язык и не знает всех тех явлений в области управления, какие знал древнерусский.

Для того чтобы выяснить особенности древнерусского управления, следует установить значения косвенных падежей, свойственные русскому языку в прошлые эпохи его развития.

Прежде всего внимания заслуживает здесь родительный падеж, имевший в древнерусском языке ряд таких значений, каких он не имеет теперь и какие определяли в некоторых случаях характер связи управления в этом языке. Так, род. пад. мог иметь временное значение; например, в Новгородской летописи; *тои же осени много зла сътвори*; *тои же весне оженися князь Мыстиславъ (весне из веснѣ, где ѣ вместо ы под влиянием земли; см. § 132); ср. еще: и ты б его отпустилъ часа того* (Грам. Ивана IV 1558 г.); *того же лѣта възше болгари муромъ; а того оутра была мгла велика* (Лавр. летоп.) и т. д.

Это значение род. пад. было в целом утрачено русским языком (его можно отметить в современном *сегодня* (из *сего дня*), *третьего дня*, а также *первого мая*, *второго ноября* и т. п.), на месте родительного времени теперь употребляются конструкции с твор. пад.

без предлога (например: *той осенью, той весной*) или вин. пад. с предлогом *в* (*в ту осень, в ту весну*).

В древнерусском языке, далее, употреблялся еще родительный целый при местоимениях *кто, что, который*; это наблюдалось там, где теперь выступает конструкция род. пад. с предлогом *из*. Например: *а х то мо их ѣ боя р ѣ иметъ служити у моее княгини* (Дух. кн. Сем. Ив.); *и к то н а с ѣ будетъ живѣ, а прибѣнетъ к тобѣ; оже ли к то в а с ѣ не хочетъ добра ни мира хрестьяномъ; а к о т о р ы й н а с ѣ въ лицевѣ, на том денги* (примеры взяты из Актов юрид.).

Наконец, следует назвать конструкцию с род. пад. при глаголах так называемого длящегося восприятия, т. е. *слушать, слышать, глядеть, смотреть* и т. п. Например: *всегда в торгу с м о т р и т и в с ѣ к о г о з а п а с у* (Домострой); *сѣ своими... бояры... того собраниа слушалъ* (Улож. 1649 г.); *позримъ синего Доноу* („Слово о полку Игореве“) и т. д. В этих конструкциях род. пад. обозначал неполно охватываемый действием объект.

С таким же значением род. пад. выступал и при иных глаголах, например: *а будетъ к т о у к о г о н а и м е т с я с т е р е ч ь д в о р а* (Улож. 1649 г.); *и в с я к о й с е м е й н о й е с т в ы... с а м ѣ к у ш а е т ѣ* (Домострой); *престани-де государь п р о л и в а т и к р о в и н е п о в и н н ы х ѣ* (Житие Аввакум.) и т. д.

Во всех подобных случаях род. пад. в истории русского языка был вытеснен конструкцией с беспредложным или предложным вин. пад. (*смотреть запас, посмотреть на Дон* и т. д.).

§ 274. В древнерусском языке существовал твор. пад. со значением времени. Например: *приде ...м а р т ѣ ѿ м ѣ с я ц е м ѣ* (Новг. летоп.); *два лѣта в водахъ бродили, а з и м а м и ч р е з ѣ в о л о к и в о л о ч и л и с я* (Житие Аввакум.); *и тако идыи т р ѣ м и н е д ѣ л я м и* (Житие Феод.) и т. п. При этом твор. пад. времени употреблялся от слов, обозначающих любой по существу отрезок времени: части суток, времена года, названия месяцев, дни недели и т. д. В истории русского языка круг этой лексики сильно сузился: теперь твор. пад. времени выступает лишь при обозначении частей суток и времен года, причем в подобной конструкции эти названия употребляются с определяющим словом¹ (*темной ночью, поздней осенью, ранним утром* и т. п.). Названия же месяцев и дней недели выступают во временных конструкциях лишь с предлогом *в* (*в марте, в среду* и т. д.).

Следует отметить еще одно значение твор. пад. — творительный причины. В этом значении твор. пад. употреблялся в древне-

русском языке достаточно широко. Например: *мнози члвци оумирахоу р а з л и ч н ы м и н е д о у г ы* (Ипат. летоп.); *а начаша*

¹ При употреблении подобных форм без определения в русском языке выступают наречия (*ночью, днем, утром* и т. п.).

мрети гладомъ (Новг. летоп.); *еппъ и княгини... огнемъ скончаша ся* (Сузд. летоп.) и т. д. Во всех этих и подобных случаях твор. пад. причины не сохранился, а был заменен конструкцией род. пад. с предлогом *из-за* или дат. пад. с предлогом *благодаря*.

Наконец, в истории русского языка был утрачен и твор. пад. с пространственным значением, также широко распространенный в древнерусскую эпоху. Например: *подавше емоу оконцемъ* (Лавр. летоп.); *входятъ въ городъ одиными вороты* (Ипат. летоп.); *Днѣпръ течеть... тремѣи устьи* (Никон. летоп.). В современном русском языке такое употребление твор. пад. возможно лишь в специальном употреблении (*кровь пошла носом*); в целом же на месте твор. пад. с пространственным значением употребляется конструкция род. пад. с предлогом *через*.

Наконец, следует сказать, что в древнерусском языке многие глаголы требовали после себя иного падежа, чем в современном языке. Так, например, если теперь глагол *воевать* требует твор. пад. с предлогом *с* (*воевать с кем-нибудь*), то в древнерусском он требовал после себя винительного падежа с предлогом *на*: *воевать на кого-, что-нибудь*. Ср.: *Игорь воѣва на печѣнѣгы* (Лавр. летоп.). Если теперь глагол *мстить* требует после себя вин. пад. с предлогом *за*: *мстить кому-нибудь за что-нибудь*, то в древнерусском здесь выступал винительный без предлога: *мстить кому-нибудь кого-, что-нибудь*. Ср.: *ажь оубьеть мужь моужа, то мьсти ти братоу брата*. Глаголы *приветствовать*, *стужати* („стыдить“), *одольти* требовали после себя дательного падежа, тогда как в современном языке *приветствовать* и *одолеать* управляют винительным падежом без предлога. Подобных примеров расхождения древнерусского глагольного управления с современным можно привести очень много.

ИСТОРИЯ СООТНОШЕНИЯ БЕСПРЕДЛОЖНЫХ И ПРЕДЛОЖНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

§ 275. В связи с проблемой управления и особенностями древнерусского языка в этом отношении стоит и вопрос об истории беспредложных и предложных конструкций, который уже частично был затронут раньше.

Как это ясно из приведенных выше фактов, древнерусский язык характеризовался развитой системой беспредложного управления. Конструкции с таким управлением наблюдаются во многих памятниках письменности. При этом важно отметить, что беспредложное управление обнаруживается в конструкциях с род., дат. и местн. пад., имеющими пространственное значение в широком смысле этого слова. Так, например, беспредложные конструкции с род. пад.: *отхожю света сего; отступи волю кыева; и дошедъ плъскова разболе см; и ста князь не дошедъ града; и дошедъ ше волги новгородци воротилиа см*

и т. д. (примеры взяты из грамот и летописей). Или беспредложные конструкции с дат. пад.: *п р и д е ^{стополкѣ} кыеву; онѣ же оуслышавѣ... и де торопцю; и иде давидѣ володимерю* и т. д. (примеры из летописей)¹. Или беспредложные конструкции с местн. пад.: *загорѣ сѧ савѣкинѣ дворѣ; заложена бысть ^{стѣна} софиа новѣгородѣ; седѣ кыевѣ; престави сѧ новѣгородѣ* и т. д. (примеры из летописей).

Все эти и подобные конструкции не сохранились в русском языке: они были вытеснены предложными конструкциями. При этом если в род. пад. на месте беспредложной конструкции возникла конструкция с предлогами *от* и *до* (*от Киева, до города*), а в местн. пад. — с предлогом *в* (*в Новгороде, в Киеве*), то в дат. пад. дело обстояло сложнее. Эта сложность была связана с тем, что дательный беспредложный существовал рядом с дательным предложным, причем обе эти конструкции обозначали направление движения к какому-либо пункту. Отличия же между ними заключались в том, что беспредложная конструкция обозначала движение с заходом в пункт, а предложная без захода в него. Ср., например, с одной стороны, *и де мѣстиславѣ кыеву* (т. е. в Киев) *на столѣ из нова города; и п р и д е опѣть нову городу* (т. е. в Новгород) *и бысть встанѣ велика в людѣхѣ; и потомѣ позваши и ростовѣ к собѣ и иде ростову* (т. е. в Ростов; Новг. летоп.); а с другой — *и сѣ сими... поиде Олегѣ на конехѣ и на кораблехѣ... и прииде кѣ царю граду, и грѣци замкоша судѣ, а градѣ затвориша* (т. е. в Царьград Олег не попал); *в то же лѣто ходиша новгородѣци... кѣ Полотѣску и пожгыше волость воротѣша сѧ* (т. е. в Полотске они не были; Новг. летоп.). В связи с такими различиями в значении конструкций стоит и судьба беспредложного дательного, который в истории русского языка был заменен винительным с предлогом *в*. Что же касается предложной конструкции дат. пад. с *кѣ*, то она в общем сохранилась в русском языке без изменений.

Кроме род., дат. и местн. пад. в пространственном значении, беспредложные конструкции с таким значением выступали и в вин. пад., хотя это наблюдалось намного реже. Например: *глаголю же видѣ черниговѣ* (Лавр. летоп.); *и оттуда ꙗха... печерской монастырь; пришедѣша имѣ лѣсѣ болдыжѣ* (Ипат. летоп.)² и нек. др. Эти конструкции в истории русского языка были заменены конструкциями с предлогом *в*.

Вместе с тем подобные беспредложные конструкции могли выступать не только в пространственном значении, но и в ином.

¹ Вместе с тем употреблялся и дат. пад. с предлогом *кѣ*. О соотношении этих конструкций см. ниже.

² Примеры Л. П. Якубинского. См. его „Историю древнерусского языка“ (М., 1953, с. 173).

Так, например, существовала беспредложная конструкция дат. пад. принадлежности: *се имена в о е в о д а м ъ ихъ; копые летѣ сквозь оуши коневѣ* и т. д. Подобная конструкция также в целом не сохранилась в истории русского языка и была заменена конструкцией с род. пад., однако тоже беспредложной.

Точно так же вин. пад. без предлога мог употребляться в древнерусском языке для обозначения неполностью занятого действием времени: *азъ о у т р о послю по вы* (Лавр. летоп.).

Итак, в древнерусском языке были широко распространены беспредложные конструкции. К тем фактам, которые были приведены выше, можно было бы добавить много иных подобного же типа¹. В истории русского языка беспредложные конструкции были в большинстве случаев вытеснены предложными, которые „стали более точно и дифференцированно обозначать функции, прежде выполнявшиеся преимущественно падежными формами“².

§ 276. Конструкция „инфинитив + форма имен. пад. ед. ч. существительных жен. р. на -а“. Когда говорят о такой конструкции, то имеют в виду существование в древнерусском языке прямого дополнения в форме имен. пад. ед. ч. существительных жен. р. на -а при инфинитиве. Примерами подобной конструкции могут служить следующие: *такова правда оузати; слѣдует одна гривна платити и ти; како кормити семью; велѣти емоу сѣяти м о у к а* и т. д. (примеры взяты из памятников деловой письменности). Конструкция „инфинитив + имен. пад. ед. ч. жен. р. на -а“ распространена главным образом в памятниках северо-западного происхождения; она была известна и московским памятникам вплоть до начала XVIII в.

Если решать вопрос о происхождении рассматриваемого оборота, то можно предположить, что первоначально он появлялся в безличных предложениях со сказуемым *надобѣ, надо, нужно*, и т. д. Об этом свидетельствуют факты современных северновеликорусских говоров, где можно обнаружить такие сочетания, как *надо песня петь*.

Если учесть, что конструкция „инфинитив + имен. пад. на -а“ употребляется большей частью для выражения долженствования или повеления и т. п., то можно думать, что этот оборот по происхождению стоит в связи с конструкцией имен. пад. на -а, -я при сказуемом *надо, нужно* с отсутствием инфинитива: „(мне) *надо земля*“. Именно в северновеликорусских говорах отмечаются такие обороты, как *мне надо соха, мне нужно изба* и т. п., в которых существительное может быть воспринято и как подлежащее, и как дополнение. Как видно, первоначально в подобного рода со-

¹ Подробно об истории беспредложных и предложных конструкций в истории русского языка см.: Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка, с. 232—292.

² Т. П. Ломтев. Из истории синтаксиса русского языка. М., 1954, с. 47.

четаниях существительное было подлежащим, а *надо, нужно* — сказуемым. В связи же с тем, что *надо, нужно* могли выступать еще и как сказуемые безличного предложения в сочетании с инфинитивом (типа *нужно строить*), — в связи с этим произошло объединение двух конструкций, в результате чего возникло *нужно изба строить*. А из этого уже выделился оборот „инфинитив + имен. пад. на -а“.

ВЫРАЖЕНИЕ ОТРИЦАНИЯ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 277. Древнерусский язык имел две особенности в выражении отрицания. Одна из них заключалась в том, что при наличии *ни* при имени или местоимении *не* при глаголе не употреблялось. Например, *никто же зазритъ, никто же похулитъ; людей никого пуцаху; николи же позабываите* и т. д. Второй особенностью являлось употребление при двух отрицаемых сказуемых одного с *не*, а другого с *ни*. Например: *а бес посадника ты княже волости не роздавати ни грамотъ давати; и не покориша сѧ пльсковци имъ ни обидѣти ихъ въ то время* и т. д.

В истории русского языка первая особенность отмерла, ибо это была черта книжного стиля, чуждая народно-разговорной речи. Она была, как видно, занесена в древнерусский язык через посредство церковнославянского из греческого и латинского языков. Что касается второй черты, то и она перестала быть характерной для русского языка: теперь в подобных случаях употребляется повторяющийся союз *ни...ни*, усиливающий отрицание.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Борковский В. И. Исторические справки по синтаксису русского языка. „Русский язык в школе“, 1952, № 1; Синтаксис русских грамот (Простое предложение). Львов, 1949.

Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1965, с. 338—494.

Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка, т. II. Киев, 1953, с. 262—310, 364—389.

Георгиева В. Л. История синтаксических явлений русского языка. М., 1968.

Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение. М., 1978.

Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение. М., 1979.

Шведова Н. Ю. Возникновение и распространение предикативного употребления членных прилагательных в русском литературном языке XV—XVIII вв. „Доклады и сообщения Института русского языка“, т. I. М., 1948.

Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953, с. 173—182.

СИНТАКСИС СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 278. Древнерусский язык имел как сложносочиненные, так и сложноподчиненные предложения, однако характер их и структура отличались от характера и структуры подобных предложений современного русского языка. Вместе с тем в древнерусском языке сохранялась еще и нерасчлененная структура сложного предложения, сущность которой заключалась в „нанизывании“ предложений одного за другим. При такой структуре неоднородные предложения могли оказываться в грамматической связи однородного следования. Примерами такой „нанизывающей“ структуры сложного предложения могут служить следующие: *по ловати внити в ылмерь озеро великое, из него же озера потечетъ волховъ и втечетъ в озеро великое, того озера внидетъ устье в море варяжское, и по томую морю ити до рима, а отъ рима прити по томую же морю к царюгороду, а отъ царягорода прити в понтъ море, въ неже втечетъ днѣпръ рѣка. Или: а отъ ефеса до сама острова сорокъ верстъ, и въ томъ острови рыбы многы бывають в сторонѣ далеке въ морѣ. Или: наводитъ богъ по гнѣвою своему иноплемьники на землю и тако съкроушенамъ имъ вспомянутся къ богу оусобная же рать бываетъ отъ сваженія дьяволя богъ бо не хоцетъ зла въ чловѣкъхъ но блага а дьяволъ радуется злому оубиствоу и кровопролитію и т. д.*

§ 279. Проблема происхождения сложноподчиненных предложений. В решении проблемы происхождения сложноподчиненных предложений в древнерусском языке есть две четко выраженные точки зрения. Согласно одной из них, сторонником которой был Л. П. Якубинский, сложноподчиненные предложения развиваются из сложносочиненных. Обоснованием этой теории служит факт развития подчинительных союзов из местоимений и наречий, а также отсутствие в древнерусском языке четко выраженной дифференциации значений этих союзов. С этой точки зрения сложноподчиненное предложение возникало из сложносочиненного в том случае, когда в одно из объединяемых в сложное простых предложений вводился подчинительный союз. Ср.: *и скопиша вое и выслаша из города къ воеводѣ и* и *на ко скопиша вое, и выслаша из города къ воеводѣ*¹.

¹ См.: Л. П. Я к у б и н с к и й. История древнерусского языка. М., 1953, с. 266—268.

Другая теория, выдвинутая Т. П. Ломтевым, утверждает, что сложноподчиненные, как и сложносочиненные, предложения возникли из нерасчлененной структуры сложного предложения, которая выше была определена как „нанизывание“ неоднородных предложений. С этой точки зрения подчинение развивается в результате вычленения подчинительной конструкции из грамматической связи однородного следования путем парного объединения предложений. В этом случае придаточным становится то предложение из двух, которое имеет косвенную модальность, т. е. выражает вопрос, повеление, желание и т. п. Именно то, что предложения с косвенной модальностью содержат определенную семантику, позволяет им стать придаточными предложениями того или иного значения.

Точно так же в результате парного объединения предложений путем выключения их из однородного следования возникали и сложносочиненные предложения; только в этом случае оба предложения оказывались в равноправных связях между собой.

Таким образом, с этой точки зрения сочинение и подчинение являются равно развивающимися направлениями совершенствования сложного предложения¹.

СЛОЖНОСОЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

§ 280. В древнерусском языке объединение предложений в сложносочиненной структуре осуществлялось посредством сочинительных союзов. В состав этих союзов входили соединительные *и, да, а*, противительные *а, но, да, анѣ, ано, инѣ, ино* и *и*, а также разделительные *ли, или, любо, либо, то... то*. В истории русского языка часть этих союзов была вообще утрачена; к таким союзам относятся *ан, ано, ин, ино, любо, ли*. Другие же союзы, сохранившись в одном значении, перестали употребляться в другом; так, союз *а* отмер в соединительном значении, а *и* — в противительном. Остальные же союзы сохранили свое значение и употребление на всем протяжении истории русского языка.

Для иллюстрации употребления перечисленных союзов в древнерусском языке можно привести примеры из памятников письменности.

Союз *и* в соединительном значении: *приде князь Ярославъ в Новгородъ, и ради быша новгородьци; прѣставися Ярославъ, и сѣде Изяславъ Киевѣ на столѣ.*

Союз *да* в соединительном значении: *суть гради ихъ и до сего дне, да то ся зваху от грѣхъ великая скуфь.*

Союз *а* в том же значении: *а истцю свое лице взяти, а что с нимъ погыбло а того ему желѣти своихъ кунѣ; пояти же челядинѣ в челядина мѣсто а оному дати лице.*

¹ См.: Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956, с. 488—497.

Противительные союзы:

а: старыя чти яко отца, а молодыя яко братью; и двое денги дати, а нелюбое купишь; и паде татарское тѣло на христианскомѣ, а христианское тѣло на татарскомѣ;

но: томуо людье не помогаютъ, нѣ самѣ платитъ; то Яро-славѣ былѣ уставилѣ..., нѣ сынове его уставиша;

да: святѣи бовѣрѣ умроша, д а живи суть о Христѣ;

анѣ: князь Дмитрей ... восхотѣ причаститися... а нѣ его тогда кровь пустися изѣ обою ноздрю;

ано: и приде вѣсть въ Новгородѣ, бѣше же новгородѣцевѣ мало, а н о тако изымано вѣчѣише муж;

инѣ: моленой боран отлучился, и нѣ гулящій прилучился;

ино: нагѣ тлѣнныхѣхъ ризѣхъ сего мира, и н о паки одѣянѣ бысть одежою нетлѣнною;

и: земля наша крещена, и нѣсть у насѣ учителя; и пусти предѣ собою в лодѣхъ, и самѣ по нихѣ иде.

Разделительные союзы:

ли: кую похвалу створимѣ достоину твоего блаженства, л и кому уподоблю сего праведника;

или: оже придетъ крѣвавѣ муже на дворѣ и л и синѣ то видока ему не искати;

либо, любо: аще будетъ русинѣ л и б о гридѣ л ю б о купецъ; л и б о единого возненавидитъ, а другаго возлюбитъ; хощу главу свою приложити, а л ю б о испити шелоомѣ Дону;

то...то: бѣется с Кафары, 20 лѣтъ есть, т о его побѣють, т о онѣ побиваетъ ихѣ многажды¹.

РАЗВИТИЕ СРЕДСТВ ПОДЧИНЕНИЯ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 281. Средства подчинения в древнерусском языке развивались постепенно. Если первоначально, как видно, система подчинения не была четко противопоставлена сочинению, так как не развились еще все те многообразные способы подчинения, которые характерны теперь для русского языка, то на протяжении истории происходила выработка таких дифференцирующих средств.

Следует сказать, что памятники древнерусского языка обнаруживают целый ряд фактов б е с с о ю з н о г о подчинения предложений. Судя по употреблению таких конструкций в памятниках, можно думать, что они возникли при передаче разговорной речи. Ср., например: *не бѣше лѣзе коня напоити н а Лыбѣ д и п е ч е н ѣ з и* — конструкция, сближающаяся с придаточным причины (= нельзя, так как на Лыбеди печенег); *не ходи княже у б ѣ ю т ѣ т я* (= так как убьют тебя); *да приишли сороцицю с о р о ц и ц е*

¹ Примеры даются по „Материалам для Словаря древнерусского языка“ И. И. Срезневского.

з а б ы л и (= так как забыли) и т. д. Такие конструкции и теперь характерны для разговорной и особенно диалектной речи.

Вместе с тем древнерусский язык развивал и подчинительные предложения, в которых придаточное связывалось с главным п р и п о м о щ и с о ю з о в. При этом следует иметь в виду два обстоятельства: во-первых, древнерусские подчинительные союзы были многозначны, т. е. один и тот же союз мог присоединять разные придаточные предложения; во-вторых, в истории русского языка происходило не только развитие и увеличение числа подчинительных союзов, но и утрата некоторых из них.

§ 282. М н о г о з н а ч н о с т ь п о д ч и н и т е л ь н ы х
с о ю з о в. Исследователи древнерусского синтаксиса уже давно обратили внимание на многозначность подчинительных союзов в древнерусском языке, на то, что некоторые из этих союзов могли присоединять к главному самые различные придаточные предложения. Так, Е. С. Истрина, исследуя I Новгородскую летопись, установила, что союз *яко* мог присоединять: а) придаточные дополнительные (*и услышаша Новѣгородѣ, я к о Святѣмъ ѿидеть къ нимъ*), б) придаточные следствия (*потомъ наиде дѣжъ, я к о не видѣхомъ ясна дни ни до зимы*), в) придаточные причины (*Новгородъ же ... створиша вѣче на посадника я к о ти повѣѣша на новгородѣхъ сребро имати*), г) придаточные сравнительные (*и отыниша тыномъ все около, я к о же инии гради имаху*), д) придаточные времени (*и я к о быша на озѣрѣ Селегери, престаився... Мартурій*) и т. д.¹

Такой же многозначностью обладали и иные подчинительные союзы и союзные слова, например *что*. Это слово могло присоединять придаточные определительные (*а ш т о поимани люди моя, пустити вы без откупа*), дополнительные (*а ч т о былъ отъялъ братъ твои, а т о ти княже не надобѣ*), причины (*ч ѣ т о убо крыщаеши, аще ты не нѣси Христосъ*), цели (*ч ѣ т о творите, его же не достоинъ творити в суботы*) и т. д.

В истории русского языка развитие шло по линии уточнения значения подчинительных союзов и союзных слов, по линии закрепления за ними одного конкретного значения. Правда, следы былой их многозначности сохраняются и в современном языке, однако в целом подчинительные союзы и союзные слова стали присоединять лишь определенные придаточные, ибо значение их сузилось.

Что же касается истории возникновения новых подчинительных союзов и утраты некоторых старых в истории русского языка, то это можно хорошо проследить на истории отдельных типов сложноподчиненных предложений.

¹ См.: Е. С. Истрина. Синтаксические явления I Новгородской летописи Синодального списка. Л., 1923, с. 186—188.

СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

§ 283. Виды сложноподчиненных предложений. В древнерусской синтаксической системе существовал целый ряд сложноподчиненных предложений, различных по значению. В целом среди этих сложноподчиненных предложений можно обнаружить все те типы, какие есть и теперь, т. е. сложноподчиненные предложения с придаточными времени, условия, причины, места, цели и т. д.

Следовательно, различие в этом отношении между древнерусским и современным языком заключалось не в том, что были иные типы сложноподчиненных предложений, а в том, что в древнерусском языке в ряде случаев эти предложения имели иную структуру и то или иное придаточное присоединялось к главному иными союзами, нежели теперь.

§ 284. Придаточные предложения времени присоединялись к главному при помощи целого ряда союзов, которые впоследствии были утрачены русским языком. К таким союзам относились: *елма*, который редко выступал и в древнерусских памятниках (ср., например, *елма же царь распусти силу тотарскую по земли русской воевати княжение великое ови изшедшие къ Володимерю* — Новг. летоп.), *донележе* (*и ты, игуменъ Исае и вы братиѣ, до нележе сѧ миръ состоитъ молитвѣ бога за мѧ* — Мстисл. грам. 1130 г.), *дондеже* (*и стояше знамение то, до ндеже и похорониша его* — Новг. летоп.), *яко* (пример приведен выше, см. § 285), *егда* (*егда же прокопахъ, обдержашеть мя ужасъ* — Лавр. летоп.) и нек. др. Надо сказать, что в большинстве случаев перечисленные союзы воспринимались как книжные, несвойственные живой народной речи. Однако, кроме этих союзов, придаточные времени в древнерусском языке присоединялись и при помощи иных союзов, известных и теперь или в литературном языке, или в диалектах. Речь идет о таких союзах, как *когда* (например, *азъ мстила уже обиду мужа своего, когда приходиша Киеву* — Лавр. летоп.), *коли* или *коль* (*отець ваю добръ былъ, коли княжилъ у насъ* — Лавр. летоп.), *докуда* или *докудова*, *покамест* и др.

§ 285. Придаточные предложения причины присоединялись в древнерусском языке к главному не только союзами *яко* и *что*, о которых уже говорилось выше (см. § 285), но и таким, как *ибо*, сохранившимся и в современном языке. Начиная с XIV—XVIII вв. в придаточных причинах развились сложные союзы *потому что*, *для того что*, *затем что*, возникшие в результате превращения в союзы сочетаний предложно-падежных форм указательного местоимения с союзом *что*.

Наконец, древнерусский язык знал еще некоторые причинные союзы, впоследствии утраченные. К ним относятся *зане*, *понеже*, *оже* и *яже*. Ср. примеры из памятников: *заложил городъ на бродъ*

томъ и нарече Переяславль, з а н е перея славу отрокъ тъ (Лавр. летоп.); *и бѣ новгородыцевъ безчисленное множество, а москвичъ мало, п о н е ж е не единою дорогою идяху* (Устюж. летоп.); *мѣртву ...отъ пѣсъ изѣдаемы, о ж е не можяху погрѣсти* (Новг. летоп.); *велика милость твоя, я ж е та угодыя створилъ еси* (Лавр. летоп.).

§ 286. Придаточные предложения условные могли присоединяться к главному посредством союзов *есть ли* (изменившегося впоследствии в *если*), *буде* (по происхождению из *будет*), *ежели*, *коли*, *аже*, *оже*, *аще*, *аче*. Все эти союзы имели неравномерное распространение и неодинаковую судьбу. Так, союзы *аже*, *аче* или *аще* широко известны в севернорусских памятниках XIII—XIV вв. Ср., например, в „Русской Правде“: *а ж ь убьеть мужъ мужа, то мѣстити брату брата; а ч е ли будетъ русинъ, любо грьдѣ, либо купецъ то ...; а щ е ли утнеть руку то полъ виры*. Наоборот, в московских памятниках XVII в. употребителен союз *будетъ*, из которого несколько позже — *буде*. Только в XVII в. появляется союз *ежели*, в то время как к этому же периоду утрачиваются *аже*, *оже*, *аче* и др.

§ 297. Придаточные предложения места присоединялись к главному посредством союзов и союзных слов, в число которых входило *кѣде* > *где* (например, *приде на холмъ, г д е стоящие Перунъ* — Лавр. летоп.), *иде* (*посласта ...брата по голынь, и д е бяху пожгли* — Поуч. Влад. Моном.), *идеже* (*бѣ бо самъ падѣ и лежаши въ домоу, и д е ж е бѣ пиръ* — Сказ. о Бор. и Гл.). Союзы *иде* и *идеже* не сохранились в истории русского языка, точно так же как не сохранился и союз *покамест* (из *по какое место*) в этом значении. Ср. в памятниках: *далъ есми...свою вотчинную пустошь ... со вѣѣмъ, п о к а м ѣ с т ѣ плугъ ходилъ и коса* (Грам. 1400 г.).

§ 298. Придаточные определительные с *который*. Особого рассмотрения заслуживают придаточные с *который* в древнерусском языке. Это обусловливается тем, что такие придаточные установились в том виде, какой они имеют в современном языке, очень поздно, во всяком случае после XVII в. До этого времени придаточные определительные могли выступать в крайне неустойчивом виде. Неустойчивость эта выражалась, во-первых, в том, что само союзное слово *который* долгое время могло выступать в значении „какой-нибудь“ или „какой“. Ср. в Мстиславовой грамоте 1130 г.: *даже к о т о р ы й князь почынетъ хотѣти (который — „какой-нибудь“)*. То же в „Русской Правде“: *аж е к о т о р ы й купецъ, шедъ кѣѣ любо с чужими кунами и истопиться*. Ср. употребление *который* в значении „какой“ в Лаврентьевской летописи: *и бысть сѣѣча зла и межю ими смятенье, не еѣдяхоуть, к о т о р и и суть побѣдили*. Во-вторых, в древнерусском языке возможна была постановка союза и между главным и придаточным

предложениями с *который*, что нарушало подчинительные отношения. Ср., например: *к о т о р о г о князя хотите, и язъ вамъ того дамъ* (Псковск. летоп.)¹.

Все эти обстоятельства нарушали конструкцию определительного придаточного с *который*. Только постепенно, на протяжении долгого периода времени, утвердилось то положение, что придаточные определительные с *который* стали находиться только после главного предложения, а сочинительный союз между главным и придаточным оказался невозможным.

§ 299. Конечно, можно было бы продолжить рассмотрение различных типов придаточных в древнерусском языке, однако оно едва ли дало бы что-то принципиально новое для понимания истории этих предложений². Поэтому можно еще раз повторить, что развитие сложноподчиненных предложений в древнерусском языке шло по линии упорядочения значений подчинительных союзов, по линии закрепления их в определенном значении и утраты ими многозначности. С другой стороны, в русском языке шел и процесс отбора подчинительных союзов, процесс утраты некоторых из них и одновременно — возникновения новых.

Наконец, следует сказать и о том, что процесс укрепления подчинительных конструкций в русском языке был связан и с устранением из них элементов сочинения. А такие элементы в подчинительных конструкциях древнерусского языка были. На них указывалось при рассмотрении придаточных определительных с *который*, к чему можно прибавить еще и иные факты. Ср., например: *и будетъ у которыхъ государей отвѣдала дочери есть, где бы мнѣ сына своего женити, и ты о томъ ко мнѣ отказала; а будетъ судное дѣло будетъ о бесчестии, а не о долгахъ, и по такому судному дѣлу на отвѣтчикѣ ... правят денги...; и только б те крестьяне были ихъ монастырские, и они б их в записи семеновыми крестьянами не писали и т. д.* Введение в подчинительные конструкции элементов сочинения, конечно, нарушало стройность синтаксических построений, а потому в процессе развития и совершенствования системы языка не могло сохраниться.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Борковский В. И. Синтаксис русских грамот (Сложное предложение). М., 1958.

Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1965, с. 495—547.

¹ Примеры взяты из „Материалов“... И. И. Срезневского.

² Подробно рассматриваются типы придаточных предложений в древнерусском языке в книге Т. П. Ломтева „Очерки по историческому синтаксису русского языка“, с. 583 и далее, и в книге „Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение“. М., 1979, с. 56—421.

Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка, т. II. Киев, 1953, с. 320—376.

Георгиева В. Л. История синтаксических явлений русского языка. М., 1968.

Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение. М., 1979.

Истрина Е. С. Синтаксические явления I Новгородской летописи Синодального списка. Л., 1923.

Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956, с. 488—497.

Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953, с. 254—268.

* * *

§ 300. Таковы самые основные вопросы истории синтаксической системы русского языка. Конечно, по описанию синтаксических особенностей древнерусского языка, данному выше, нельзя получить полного представления ни о системе его синтаксиса, ни об ее истории: оно во многом фрагментарно и охватывает лишь определенный круг проблем, за которым остается очень много явлений, составляющих специфику синтаксического строя русского языка и его развития. И все же, даже опираясь только на изложенные факты, можно установить как особенности, характерные для древнерусского языка и сохранившиеся на протяжении всей его истории, так и черты, утраченные русским языком в процессе его развития. Сопоставляя историю различных элементов древнерусской синтаксической системы, можно установить, что к XVIII в. русский синтаксис уже во многом изменил свою структуру, унаследованную из древнерусской эпохи, и приблизился в этом отношении к современному состоянию.

Изменения в синтаксической структуре русского языка коснулись и простого, и сложного предложения, и особенностей в употреблении тех или иных конструкций, и областей употребления отдельных частей речи в какой-либо синтаксической роли и т. д. Достаточно указать, например, на историю развития конструкций с двойными косвенными падежами, на историю беспредложного и предложного управления, на развитие личных местоимений в роли подлежащего. Особенно ярко изменения синтаксического характера отразились в истории сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, где развитие русского языка шло по пути упорядочения их структуры, где усиливалась однозначность союзов, соединяющих отдельные части сложного предложения, что обуславливало возможность более точного выражения мысли, высказываемой говорящим или пишущим.

Все те изменения, которые происходили в истории русского языка как в его фонетике и морфологии, так и в его синтаксисе, вели к развитию и совершенствованию всей структуры этого языка.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Из предисловия к первому изданию	3
Предисловие ко второму изданию . . .	5
Условные сокращения в названиях языков	7
Условные значки	—

ВВЕДЕНИЕ

Историческая грамматика как раздел науки о русском языке	9
Историческая грамматика русского языка, ее предмет и задачи . . .	—
Связь исторической грамматики русского языка с другими науками.	
О понятии „русский язык“	11
Основные источники изучения истории русского языка	13
<i>Дополнительная литература</i>	35
Краткий очерк изучения истории русского языка в русском и зарубежном языкознании	36
<i>Дополнительная литература</i>	47
Образование русского языка	48
Выделение славян из общиндоевропейского единства	—
Восточнославянские племена и их группировка	51
Образование древнерусской народности и древнерусского языка .	56
Распад древнерусского языка и возникновение языка великорусской народности	59
Образование русской нации и русского национального языка	64
Русский язык в кругу родственных славянских языков	66
<i>Дополнительная литература</i>	74

ФОНЕТИКА

Вводные замечания	75
Фонетическая система древнерусского (общеюжнославянского) языка к моменту появления письменности (X—XI вв.)	77
Слоговая структура древнерусского языка конца X — начала XI в.	—
Система гласных фонем древнерусского языка конца X — начала XI в.	79
Система согласных фонем древнерусского языка конца X — начала XI в.	90
Сочетания редуцированных с плавными [р], [л] и плавных с редуцированными	101
Древнейшие диалектные особенности в русском языке	103
<i>Дополнительная литература</i>	110
Отражение общеславянских фонетических явлений в звуковой системе древнерусского языка начального периода его развития	111
Особенности фонетической системы древнерусского языка, унаследованные из праславянской эпохи	—
Система гласных фонем древнерусского языка в ее отношении к системам гласных праславянского и старославянского языков .	114
Система согласных фонем древнерусского языка в ее отношении к системам согласных праславянского и старославянского языков	123
	397

Отражение изменений праславянских сочетаний гласных с плавными между согласными в древнерусском языке	141
Отражение изменений праславянских сочетаний гласных с плавными в начале слова в древнерусском языке	143
Отражение судьбы праславянских сочетаний редуцированных с плавными между согласными в древнерусском языке	145
Отражение праславянских явлений начала слова в древнерусском языке	147
Отличия древнерусского языка от других древних славянских языков, и в частности от старославянского, сложившиеся к концу X — началу XI в.	149
<i>Дополнительная литература</i>	151
Изменения в фонетической системе древнерусского языка, вызванные развитием согласных вторичного смягчения	152
Смягчение полумягких согласных	—
Состав и система гласных-фонем древнерусского языка в эпоху после смягчения полумягких согласных	159
Состав и система согласных фонем древнерусского языка в эпоху после смягчения полумягких согласных	161
<i>Дополнительная литература</i>	169
Развитие фонетической системы русского языка после падения редуцированных (XII—XVI вв.)	170
Падение редуцированных в древнерусском языке	—
Изменения в фонетической системе и в фонетико-морфологическом строении слова в русском языке в связи с падением редуцированных. Фонетические процессы в области гласных, развившиеся в русском языке в эпоху после падения редуцированных	179
История категории твердости-мягкости согласных в русском языке. Фонетическая система русского языка конца XVI — начала XVII в. в ее отношении к предшествующим периодам развития	195
<i>Дополнительная литература</i>	230
	237
	241

МОРФОЛОГИЯ

Общие вопросы истории морфологической системы	242
Задачи изучения истории морфологической системы русского языка. Общая характеристика морфологического строя русского языка к моменту появления первых памятников письменности. Чередования гласных и согласных как морфологическое средство	—
Отношение морфологического членения слова к звуковому строю древнерусского языка	245
Части речи в древнерусском языке	253
<i>Дополнительная литература</i>	—
История имен существительных	254
Типы склонения имен существительных	255
Образцы склонения имен существительных	—
История склонения имен существительных в русском языке	257
История форм множественного числа имен существительных	265
Сближение твердой и мягкой разновидности склонения с основами на <i>о</i> и на <i>а</i>	275
Развитие категории одушевленности в древнерусском языке	281
Утрата звательной формы и двойственного числа	283
Устранение чередований заднеязычных со свистящими в основе некоторых имен существительных	286
<i>Дополнительная литература</i>	291
История местоимений	292
Личные местоимения в древнерусском языке	294
Возвратное местоимение в древнерусском языке	—
История личного местоимения 3-го лица	297
	298

Указательные местоимения в древнерусском языке	300
История других неличных местоимений	303
Вопросительные местоимения в древнерусском языке	304
<i>Дополнительная литература</i>	306
История имен прилагательных	307
История кратких и полных имен прилагательных в связи с историей категории неопределенности и определенности . . .	—
Краткие имена прилагательные в древнерусском языке	310
Полные имена прилагательные в древнерусском языке	313
История форм сравнительной степени	316
<i>Дополнительная литература</i>	319
История слов, обозначающих число	320
Проблема возникновения числительных как особой части речи	—
Изменение форм склонения отдельных названий чисел	322
Составные, дробные и собирательные числительные	328
Порядковые числительные	329
<i>Дополнительная литература</i>	—
История глагола	330
Система времен древнерусского языка. Классы глаголов	—
Древнерусские формы настоящего времени	332
Древнерусские формы прошедшего времени	339
Становление и развитие категории вида в древнерусском языке	343
Разрушение старой системы прошедших времен	349
История форм будущего времени	351
История условного наклонения	355
История повелительного наклонения	356
История инфинитива и супина	359
История причастий и возникновение деепричастий в древнерусском языке	360
<i>Дополнительная литература</i>	365
Наречия и история их образования	366
<i>Дополнительная литература</i>	367

СИНТАКСИС

Вводные замечания	369
Синтаксис простого предложения	371
Типы простого предложения	—
Подлежащее и сказуемое в древнерусском языке	373
Конструкции с двойными косвенными падежами	380
„Дательный самостоятельный“ в древнерусском языке	381
Категория притяжательности в древнерусском языке	382
Особенности управления в древнерусском языке	383
История соотношения беспредложных и предложных конструкций.	385
Выражение отрицания в древнерусском языке	388
<i>Дополнительная литература</i>	—
Синтаксис сложного предложения	389
Сложносочиненное предложение	390
Развитие средств подчинения в древнерусском языке	391
Сложноподчиненное предложение	393
<i>Дополнительная литература</i>	395

Валерий Васильевич Иванов

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА

Редактор *Г. В. Карлюк*

Художественный редактор *Т. Г. Коновалова*

Технический редактор *В. В. Новоселова*

Корректор *Н. В. Бурдина*

ИБ № 8725

Сдано в набор 04.01.81. Подписано к печати 28.06.83. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. тип. № 2. Печать высокая. Гарн. литер. Усл. п. л. 25,0. Усл. кр. отт. 25,0. Уч.-изд. л. 27,20. Тираж 80000 экз. Зак. 435. Цена 1 руб. 20 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Саратовский ордена Трудового Красного Знамени полиграфический комбинат Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Саратов, ул. Чернышевского, 59.

1 р. 20 к.

